

А. В. Симоненко

САРМАТСКИЕ ВСАДНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. С. Скрипкин*,
доктор исторических наук *А. П. Медведев*

Симоненко, А. В.

С37 Сарматские всадники Северного Причерноморья. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. — 328 с., ил. — (Серия «Historia Militaris»).

ISBN 978-5-8465-0911-5 (Факультет филологии и искусств СПбГУ)

ISBN 978-5-98187-454-3 (Нестор-История)

Монография посвящена вооружению и снаряжению боевого коня из сарматских памятников II в. до н. э. — IV в. н. э. на территории современных Украины и Молдовы. В книге собраны все находки сарматского оружия (мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, детали лука, шлемы, панцири, детали щитов) и снаряжения всадника (удила, псалии, фалары и другие украшения сбруи, шпоры и т. п.), многие из которых публикуются впервые. Проведены типология и классификация материала и его современная хронология, определяется место сарматского вооружения в системе евразийских кочевнических древностей. Изучаются вопросы военного дела сарматов Северного Причерноморья, в частности предлагается новый взгляд на «проблему сарматских катафрактариев».

Книга предназначена для археологов, военных историков, номадоведов, студентов исторических факультетов, всех интересующихся военной историей.

ББК 63.48

Simonenko A. V.

Sarmatian Riders of North Pontic Region. — St. Petersburg : Faculty of Philology and Arts of the St. Petersburg State University; Nestor-Historia, 2010. — 328 p., ill. — (Historia Militaris).

ISBN 978-5-8465-0911-5

ISBN 978-5-98187-454-3

The military art, weapons and horse trappings from Sarmatian graves of the 2nd cent. BC – 4th cent. AD from North Pontic region (modern Ukraine and Moldova) are investigated in the book. The author collected all weapons (the swords and daggers, spear- and arrow-heads, parts of bows, helmets, armours, shields) and cavalry equipment (the bits, cheek-pieces, phalerae and other harness decoration, saddle depictions etc.) many of which are published for the first time. In the book the typology and chronology of material are proposed, the place of Sarmatian militaria in the system of Eurasian nomadic antiquities is determined. Basing on the review of the current scientific theories and analyzing the new material the author proposes new solutions of such key questions of Sarmatian studies as the similarity and difference of Sarmatian and Scythian military art, “problem of cataphractarii”, the structure and organization of Sarmatian army, the chronology of the development of Sarmatian military art, its regional and chronological peculiarities etc.

ПРЕДИСЛОВИЕ

При виде исправной амуниции
Как презренны все конституции.

Козьма Прутков

Северное Причерноморье (современные Украина и Молдова) было одной из территорий обитания сарматов, сыгравших большую роль в древней истории этого региона. Сарматы, появившись здесь во II в. до н. э., быстро стали ведущей этнической и политической силой. Отныне «сарматский фактор» оказывал заметное влияние на дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие смежных земель и народов.

Этнополитический фон сарматской эпохи в Северном Причерноморье был достаточно сложен. Потомки степных скифов ко II в. до н. э. сосредоточились в трех (вряд ли связанных политически) анклавах: по обоим берегам нижнего течения Днепра, в предгорном Крыму, в низовьях Днестра и Дуная. Их культура, называемая позднескифской, просуществовала в соседстве с сарматской до середины II в. н. э. на Днепре и в Подунавье и до середины III в. н. э. в Крыму. На правобережье Среднего Поднепровья со II в. до н. э. до конца I в. н. э. соседями сарматов были племена зарубинецкой культуры. По мере продвижения сарматов на запад им пришлось в разное время столкнуться с бастарнами культуры

Поянешть—Лукашевка (рубеж н. э.), дакобастарнами липицкой культуры (вторая половина I — начало II в. н. э.), германцами пшеворской и вельбаркской культур (I—II вв. н. э.). С середины III в. н. э. соседом сарматов стало готское этнополитическое объединение — черняховская культура. В это же время в предгорном Крыму формируется своеобразный горизонт готоаланских памятников типа Озерное—Инкерман. Наряду с варварами постоянными соседями и контрагентами сарматов были античные центры Северного Причерноморья — Тира, Ольвийское и Херсонесское государства, Боспорское царство. Продвижение сарматов на запад привело к столкновению с Римской империей, и сарматы надолго стали одним из основных внешних врагов Рима.

Позднескифское население Крыма и Нижнего Днепра с I в. до н. э. жило в постоянном сарматском окружении. Материальная культура сарматов и поздних скифов, в том числе и вооружение, демонстрирует очень близкое сходство. Исследования последних лет позволяют предполагать, что во второй половине I в. н. э. поздние скифы Крыма попали под

власть сарматов. Неаполь Скифский стал ставкой кочевой сарматской знати, которая до середины II в. н. э. составляла политическую и этническую элиту крымских скифов. Не исключено, что позднесарматская миграционная волна середины II в. н. э. стала причиной прекращения жизни на нижнеднепровских позднескифских городищах, и лишь Красный Маяк и Николаевка (Казацкое) возродились с приходом готов в первой половине III в. н. э.

Находки в позднескифских могилах сарматского оружия (мечей с кольцевым навершием, наконечников стрел и копий), а в сарматских памятниках — позднескифских налобников с крючком отражают контакты сарматских и позднескифских воинов.

Население зарубинецкой культуры Среднего Днепра почувствовало нрав южных соседей уже на рубеже II–I вв. до н. э., когда сарматы начали совершать набеги на зарубинецкие городища. Следы этих акций прослежены на некоторых городищах в виде пожарищ и находок сарматских наконечников стрел в валах с напольной стороны (Максимов, 1982, с. 78, 103). В нескольких женских сарматских погребениях конца II — I в. до н. э. на юге Украины (Кубишев, Симоненко, Покляцкий, 1987, с. 56–63) найдены зарубинецкие сосуды и фибулы. Возможно, это могилы захваченных на берегах Роси и Тясмина пленниц. В середине же I в. н. э. на правобережье Среднего Поднепровья перекочевала большая и сильная сарматская орда, окружившая с юго-запада земли зарубинецких племен. Судя по немедленному усилению оборонительных систем городищ, соседство сарматов протекало отнюдь не в рамках мирного сосуществования. Оно, вероятно, сделало окончательно невыносимой жизнь позднесарубинецкого населения. Прекращаются похороны на многих могильниках (Шукин, 1989, с. 74). «Зарубин-

цы» расселяются подальше от опасных соседей — на юго-запад, где возникает горизонт памятников Рахны–Почеп, в пойму Днепра и на северо-восток, в Подесенье, где позже формируется киевская культура (Шукин, 1987, с. 110). Интересно, что после такой дестабилизации этнополитической обстановки сарматы покинули опустевшее Среднее Поднепровье — их памятники после середины II в. н. э. там неизвестны.

Кроме наконечников стрел нападавших сарматов, в зарубинецкой материальной культуре, вообще не милитаризованной, нет никаких следов военных контактов с ними. Едва уловимы они и в памятниках северо-западных соседей сарматов — германцев пшеворской культуры и дако-бастарнов липицкой (находка сарматского меча с кольцевым навершием, согнутого по германскому обычаю, в могильнике Гоева Гора).

В первой половине III в. н. э. сарматы оказались на пути миграции готов. Сложные этнические и политические процессы на протяжении этого столетия в конце концов сделали часть сарматов Северо-Западного Причерноморья (на востоке региона события развивались несколько по-иному) одним из компонентов полиэтничного населения черняховской культуры. Весьма показательно, как находки оружия отражают этапы интеграции сарматов в готскую среду. До «скифских войн» сарматские воины Северного Причерноморья имели на вооружении традиционный степной комплекс, ничем не отличающийся от паноплии сарматов Дона или Волги. Но уже с середины III в. н. э. в позднейших сарматских памятниках (особенно крымских) часто встречаются готское оружие и снаряжение — умбоны щитов, широкие тяжелые мечи, шпоры.

Активные контакты сарматов с античными государствами — Ольвией, Херсонесом, Боспорским царством — отразились на культуре последних, хотя степень

«сарматизации» различных античных центров оценивается учеными по-разному. Не стало исключением и военное дело — новшества в этой области всегда перенимались быстро и охотно, особенно если они давали положительный результат.

В военных материалах Ольвии, кроме находок двух кинжалов с кольцевым навершием, никаких следов сарматского влияния нет. Однако побывавший в городе около 95 г. Дион Хризостом отметил, что ольвиополит Каллистрат был вооружен длинным мечом — оружием явно сарматским. Вряд ли это была спата, поскольку тогда она еще не появилась в Северном Причерноморье. Практически нет сарматского оружия в Херсонесе: исключение составляют халцедоновые перекрестье и скоба из склепа 1148. Это детали типичного сарматского меча конца II — первой половины III в. н. э. Гораздо более сильное влияние оказали сарматы на развитие военного дела Боспора. Здесь еще при Фарнаке они были постоянным либо наемным, либо союзническим контингентом, составлявшим боспорскую конницу. Считается, что под влиянием сарматских катафрактов такая кавалерия появилась и в боспорских войсках.

Военно-политическую мощь сарматов обеспечивал высокий уровень милитаризации их общества. В нем, как и в любом кочевом, значительную (если не главную) роль играли военные действия, а каждый взрослый мужчина был воином. Здесь следует подчеркнуть, что истоки воинственности кочевников лежат вовсе не в «извечной кровожадности» степных варваров, как утверждали древние авторы или некоторые историки, создавшие и обслуживавшие миф о преимуществе «добрых прогрессивных земледельцев» перед «жестокими отсталыми скотоводами». Все гораздо материальнее и прозаичнее. Кочевое скотоводство само по себе всегда было весьма ненадежным занятием. Оно не обеспечи-

вало постоянного прироста избыточного продукта, т. е. не могло создать стабильного богатства. Скот является легкоотчуждаемым продуктом: климатические неурядицы, приводившие к бескормице и падежу¹, эпизоотии, хищники, наконец, набег врага могли в одночасье превратить степного богача в нищего. Накопление избыточного продукта экономическим путем ощутимо сдерживалось спецификой животноводства: естественное воспроизводство стада — достаточно медленный процесс; не быстро получали скотоводы и основные средства производства (например, выращивание и выездка хорошего верхового коня требовали 5–6 лет). Внутриобщинная эксплуатация также не гарантировала стабильного обогащения социальной верхушки кочевого общества. Культивируемая веками личная независимость кочевников, подкрепленная мобильностью и традиционными общественными институтами, сдерживала развитие внутриобщинной эксплуатации как основного вида общественно-экономических отношений. Поэтому главным путем получения избыточного продукта (и соответственно активного обогащения верхушки общества) у кочевников стала внешнеэксплуаторская деятельность (экзоэксплуатация).

Основными видами экзоэксплуатации были прямые военные действия (набеги, военные походы), установление даннических отношений, взимание контрибуций, контроль и посредничество в торговле (часто навязываемые номадами контрагентам против их воли), вымогательство всевозможных «даров» и «угощений». Для успешной внешнеэксплуаторской деятельности требовались лишь военная сила и воинское искусство — то, чего у кочевников

¹ Например, в казахстанских степях бич кочевого скотоводства — джут — повторялся каждые 3–4 года и приводил к гибели иногда 70–80% поголовья (Масанов, 2000, с. 123).

всегда хватало. Главным слагаемым военного успеха кочевников было наличие верховых животных — лошади в евразийских степях и верблюда-дромадера в Аравии и Северной Африке². Физический и психологический факторы атаки всадников делали ее в древности, как правило, неотразимой и победоносной. Немаловажную роль в консолидации кочевого войска играли идеология и морально-волевые качества воинов. В сознании номадов как высшие духовные ценности культивировались личная храбрость, воинская доблесть, беспощадность к врагам, презрение к смерти, а в отношении товарищей по оружию — дружба и самопожертвование. В воинской морали номада особое место занимала «философия героя-победителя», согласно которой к побежденным врагам можно было не применять общечеловеческих ценностей — пощады, жалости, честности, благородства; они вообще не рассматривались как люди. Эти внутренние доминанты закреплялись традициями, общественной и, что немаловажно, гендерной моралью (трус, неумелый или неудачливый воин был презираем женщинами и рисковал остаться без продолжения рода), религиозными верованиями и героическим эпосом. Материальный аспект — участие всех воинов в доле добычи согласно принципам «военной демократии» — также поднимал боевой дух воинов-номадов. Все эти факторы всегда обеспечивали кочевых вождей многочисленным, умелым и победоносным войском.

Обогащение родоплеменной верхушки в результате побед и завоеваний ускорило распад родовых отношений, имущественную и социальную дифференциацию и привело к формированию у сарматов раннеклассового общества. В военном искус-

стве они достигли больших успехов. В течение своего 600-летнего обитания в Северном Причерноморье сарматы постоянно воевали с соседями, чьи территории рано или поздно становились объектом их вторжений. Почти все античные авторы, писавшие о сарматах, обращали внимание на их воинственность. Подтверждение этим сообщениям явствует из археологического материала: на всем территориальном и хронологическом протяжении существования сарматской культуры оружие является одной из основных категорий находок, а в погребальном обряде четко отражена милитаризация сарматского общества.

Основными источниками изучения военного дела сарматов являются письменные свидетельства древних авторов и археологические материалы. Естественно, что оптимальные результаты могут быть получены только при сравнительном анализе этих источников, во многом дополняющих друг друга.

Ценность свидетельств античных авторов состоит в том, что они оставлены современниками сарматов. Тем не менее к их данным необходим критический подход. Многие в них основано на отрывочных рассказах, непроверенных сведениях, часто носящих противоречивый, а порой и фантастический характер.

Вторая и наиболее объективная категория источников — археологические материалы. Прежде всего это оружие: мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, детали луков, а также шлемы, панцири и другие виды боевой защиты — и снаряжение верхового коня. В эту категорию входят и изображения сарматского вооружения на фресках или надгробных стелах.

Основными археологическими памятниками сарматов на территории Северного Причерноморья являются курганные и грунтовые могильники, поэтому большинство привлеченных к исследованию материалов происходит оттуда. Часть предме-

² Поскольку последние регионы остаются за рамками этой работы, все дальнейшие рассуждения и заключения подразумевают коневодов Евразии.

тов вооружения найдена вне археологического контекста — не исключено, что перед нами трагические следы давно минувших «схваток боевых».

Первое типолого-хронологическое исследование сарматского клинкового оружия было проведено В. Гинтерсом (Ginters, 1928). В его работу вошли некоторые мечи и кинжалы с исследуемой территории. Вопросы развития военного дела сарматских племен Северного Причерноморья впервые были поставлены В. Д. Блаватским (Блаватский, 1954, с. 112 сл.). Главная задача его работы состояла в другом, что и обусловило краткость анализа военного дела сарматов. В. Д. Блаватский сформулировал признаки, отличающие, на его взгляд, военное искусство сарматов. В первую очередь это появление катафрактариев и военно-историческое содержание этого понятия. Однако исследование В. Д. Блаватского было проведено в основном на базе письменных и иконографических источников, что сделало некоторые его положения достаточно спорными.

Современная типология сарматского вооружения разработана А. М. Хазановым (Хазанов, 1971). Типы клинкового оружия были выделены автором по форме наконечника, наконечников стрел — по углу перехода лопасти в черенок, наконечников копий — по форме пера. В целом предложенная схема верна, и я следую ей; к ней можно лишь добавить еще один тип мечей и кинжалов — с антенновидным наконечником, выделенный в последние годы. По ряду причин (к ним в первую очередь относится незначительное тогда число находок) оружию Северного Причерноморья в работе А. М. Хазанова уделено мало внимания. Оно рассматривалось суммарно, на фоне численно преобладающих памятников Азиатской Сарматии. Со времени выхода его работы количество находок оружия из сарматских могил исследуемого региона увеличилось более чем вдвое,

и этот материал заслуживает отдельного исследования.

А. М. Хазанов рассматривал военное искусство сарматов на всех территориях их обитания: в книге предложена периодизация его развития, отмечены характерные для каждого периода черты, на широком историческом фоне сделана попытка реконструкции состава войска, принципов его комплектации, тактики и стратегии. Однако дальнейшее поступление археологического материала и современные разработки вопросов истории военного дела неизбежно сделали многие положения работы А. М. Хазанова спорными и нуждающимися в критическом пересмотре. Это никак не умаляет достоинств его книги — таков естественный ход развития археологического знания.

Кроме «Очерков военного дела сарматов» А. М. Хазанова, обобщающие работы на эту тему единичны. Недавно вышедшая книга Ричарда Бжезинского и Мариуша Мельчарека (Brzezinski, Mielczarek, 2002), как и еще две монографии одного из ее авторов (Mielczarek, 1993; 1999), является в основном компиляцией работ по вооружению и военному делу населения юга Восточной Европы на русском языке (в том числе и «Очерков»). М. Мельчарек использует свое знание русского (что, несомненно, характеризует его только положительно), чтобы донести выводы наших исследователей до англоязычного читателя. Как и все книги серии «Man-at-Arms», «The Sarmatians» богато иллюстрирована реконструкциями внешнего вида и вооружения сарматских воинов. Среди оригинальных рисунков художника Джерри Эмблтона (Embleton) есть и видоизмененные реконструкции из Ковпаненко (1986) и Симоненко, Лобай (1991), однако без единой ссылки на источник. Вызывает замечания и текст книги (использование устаревшей и давно дезавуированной хронологии, ссылки на ошибочные датировки и т. п.).

Трудно назвать работы Мельчарска полноценным вкладом в изучение военного дела сарматов: скорее это популяризация на английском языке хорошо известных русскоязычным исследователям и, увы, не всегда верных положений.

Военному делу сарматов посвящена научно-популярная книга А. К. Нефёдкина (Нефёдкин, 2004). Анализировать ее с научной точки зрения не имеет смысла, поскольку сам жанр таких работ очень уязвим для академической критики. Следует отметить другую сторону исследований А. К. Нефёдкина: владея классическими языками, он вводит в научный оборот сделанные на современном уровне и откомментированные переводы трудов античных авторов, посвященных военному делу (Нефёдкин, 1999).

Специальных исследований, посвященных вооружению и военному делу сарматов Северного Причерноморья, очень немного. Часть оружия из сарматских погребений с территории Украины и Молдовы не опубликована, что-то представлено в публикациях различных исследователей (см. список литературы). Краткий очерк военного дела сарматов Северного Причерноморья в свое время был написан М. И. Вязьмитиной (Вязьмитина, 1986, с. 217 сл.). По сути, он является дайджестом положений А. М. Хазанова с отсылками к находкам сарматского оружия на территории Украины, что было продиктовано характером издания.

Мои многолетние изыскания по этой теме реализовались публикацией ряда статей (см. список литературы) и написанием кандидатской диссертации (Симоненко, 1986), ставшей первым монографическим исследованием вооружения и военного дела причерноморских сарматов. Ее слегка переработанный текст несколько лет назад был опубликован на немецком языке (Simonenko, 2001). Время заставило внести в него неизбежные коррективы — были

пересмотрены отдельные устаревшие цифры, датировки и гипотезы, практически заново написан раздел «Защитное вооружение», изготовлены новые иллюстрации. Потом, как всегда, «неотложные» дела (а какие дела у археолога могут быть отложены?) увели меня на какое-то время в сторону от военной темы. Однако давнее желание и вполне насущная потребность опубликовать эту работу на русском языке заставили вновь вернуться к ней.

По сравнению с немецким вариантом этот текст кардинально переделан. Прежде всего из исследования исключены вооружение и военное дело поздних скифов. Постоянный приток материала и развитие позднескифской археологии «состарили» мои выводы. Безусловно, пора написать отдельную работу по вооружению и военному делу поздних скифов, в чем я и желаю успеха моим коллегам — скифологам. Вторым важным изменением являются впервые созданный свод и исследование находок снаряжения верхового коня из сарматских памятников Украины и Молдовы. Значительно изменен раздел о комплексе вооружения и военном деле сарматов: новый материал подсказал новые выводы.

Хотя работа посвящена памятникам Северного Причерноморья, где нет находок доспеха, в нее включен анализ сарматского защитного вооружения. Базовой работой по сарматскому доспеху до последнего времени остается глава из «Очерков военного дела сарматов». Имеются разработки С. П. Кожухова по меото-сарматским доспехам Закубанья (Кожухов, 1994; 1999). Пожалуй, названными работами и исчерпывается библиография защитного вооружения юга Восточной Европы сарматского времени³. Между тем давно за-

³ В последнее время появились интересные работы Ю. С. Худякова, А. И. Соловьева, В. В. Горбунова и других сибирских исследователей по центральноазиатскому доспеху хунну, сяньби и других синхронных сарматам народов. Многие

бытые старые материалы и новые поступления при внимательном изучении предложили весьма интересные выводы. Так или иначе, я посчитал возможным включить этот сюжет в книгу.

Требуется отдельного объяснения выраженная в этой монографии позиция по отношению к т. н. «странным комплексам» или «кладам» снаряжения всадника II—I вв. до н. э. Эти комплексы найдены в насыпях курганов или в естественных возвышенностях без следов погребения⁴. В их состав входят котлы или ситуты (часто в них и сложены остальные вещи), уздечные наборы со своеобразными налобниками с крючком, импортные шлемы западных типов (псевдоаттические, Пилос и Монтефортино), оружие (чаще всего наконечники копий и стрел), серебряные и бронзовые фалары, дорогие и социально престижные вещи (серебряная и стеклянная посуда, украшения). Не исключено, что найденные в насыпях курганов и естественных возвышенностях единичные псевдоаттические шлемы и шлемы Монтефортино (Беленькое, Новопрехоровка, Токмак-Могила, Приволье, Каменка-Днепровская) или налобники с крючком (Тараклия) также относятся к памятникам этого круга.

Эти памятники концентрируются в географически противоположных регионах: бассейнах Южного Буга, Днестра и Прута и на востоке Европейской Сарматии — в Приазовье, Донбассе, на Дону и в Прикубанье. Стабильный набор предметов,

связанный с воинским обиходом, отсутствие останков человека и нахождение в кургане либо естественной возвышенности заставляют предположить их культовое (поминальное либо жертвенное) назначение.

В свое время их рассматривали как принадлежащие поздним скифам (Симоненко, 1982; Дзис-Райко, Суничук, 1984), и из этих соображений оружие, найденное в «странных комплексах», анализировалось мной как позднескифское (Симоненко, 1986, с. 76, 88, 89). Затем у многих исследователей, в том числе и у меня, появились веские основания считать эти памятники сарматскими (Раев, Симоненко, Трейстер, 1990, с. 124; Симоненко, 1993а, с. 90; Нефёдова, 1993, с. 18; Щукин, 1994, с. 97; Марченко, 1996, с. 57; Редина, Симоненко, 2002, с. 85–87; Bârcă, 2004, p. 41). К сожалению, по техническим причинам в рукопись для «Eurasia Antiqua» внести изменения уже не удалось, и я смог лишь вставить сноску, где оговорил возможность сарматской принадлежности «странных комплексов», хотя оружие из них анализировалось в позднескифском разделе (Simonenko, 2001, S. 214, Fußnote 87). Впрочем, некоторые исследователи и сейчас ставят под сомнение их принадлежность сарматам (Зайцев, 2005, с. 94), однако я не вижу оснований отказываться от сарматской версии. Поэтому в книге оружие из «странных комплексов» рассматривается как раннесарматское.

Археологический материал датирован по новой хронологии сарматской историко-культурной общности, разработанной С. В. Полиным (Полин, 1992), И. И. Марченко (Марченко, 1996), А. С. Скрипкиным (Скрипкин, 1990; 1992), И. В. Сергацковым (Сергацков, 2000; 2004) и мной (Симоненко, 1989; 2001; 2004): раннесарматская культура (III—I вв. до н. э.), среднесарматская культура (I — середина II в. н. э.), позднесарматская культура (вторая половина II — IV в. н. э.). Исследования показали, что в каждом регионе носители более

его детали встречены в сарматских могилах (см. гл. 4).

⁴Тудор Арнэут и Родика Урсу Наниу сочли, что в Бубуечь было человеческое захоронение (Atmăuț, Ursu Naniu, 2000, p. 351). Основанием для этого им послужили архивные данные Е. Трапани, где говорится о находке в этом же кургане скорченного на спине скелета. Однако прямая связь вещевого комплекса и захоронения не устанавливается. Не исключено, что скелет являлся ямным (судя по позе) погребением, а «клад», как и в прочих случаях, был впушен в насыпь.

ранней и более поздней культур определенное время жили бок о бок, пока первые не ассимилировались вторыми. На милитарном материале это отразилось в одновременном бытовании оружия различных типов, которое сейчас вряд ли стоит однозначно связывать только с той или иной сарматской культурой.

Огромные современные технические возможности позволили улучшить (хотелось бы думать) иллюстрации, сделать их более информативными и привлекательными. Остается только пожалеть, что компьютеры и другая чудо-оргтехника стали доступны нам так поздно. С сожалением вынужден признать, что в предыдущих моих работах на эту тему есть фактологические ошибки и неточности в рисунках, исправленные здесь.

В книге не затронута тема производства сарматского оружия: вопросы технологии, металлографии и проч. Не являясь специалистом в области древних технологий, я просто не хочу переписывать чужие выводы — читатель найдет их в работах: Шрамко и др. (1974), Вознесенська та ін. (2002). Интереснейшая проблема — кто, где и как ковал для сарматов оружие, или они делали это сами — рассматривается в работе: Воронятов, Еременко (2006).

Работа над рукописью в полной мере продемонстрировала важность и необходимость международных научных связей. Я многое узнал за семь полевых сезонов на раскопках сарматских памятников Венгрии, куда меня любезно приглашала доктор Валерия Кульчар. Успешному проведению исследования способствовали сотрудничество с Германским археологическим институтом в 1996–2002 гг. и участие в Fulbright Scholar Programm в 2004–

2005 гг. В библиотеках Будапешта, Берлина, Франкфурта-на-Майне, Филадельфии, Нью-Йорка, Вашингтона отыскалась необходимая, но, увы, отсутствующая в наших краях литература.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность моим друзьям и коллегам: Президенту Германского археологического института профессору Герману Парцингеру и доктору Анатолию Наглеру, профессору Университета Пенсильвании доктору Ренате Голод, сотруднику библиотеки Метрополитен-музея доктору Елене Избицер за большую помощь и гостеприимство. Я многим обязан недавно ушедшему от нас д-ру ист. наук профессору Е. В. Черненко — научному руководителю моей кандидатской диссертации, положенной в основу этой книги. Хочу также поблагодарить канд. ист. наук Б. А. Раева, канд. ист. наук В. А. Ромашко, канд. ист. наук М. М. Фокеева, д-ра ист. наук И. Н. Храпунова, И. В. Четверикова, Н. Ф. Шевченко, предоставивших в мое распоряжение необходимые материалы. Большую помощь в работе оказали хранители музейных коллекций д-р ист. наук И. П. Засецкая (ГЭ), К. Б. Фирсов (ГИМ России), Л. А. Хачатурова (КИАМЗ), И. А. Ксенофонтова (Музей Востока), С. А. Корецкая и М. В. Хомчик (НМИУ), Е. Ф. Редина (ОАМ), директор МИДУ Л. В. Строкова и хранитель этого музея Е. Н. Подвысоцкая. Я благодарен питерским коллегам канд. ист. наук В. П. Никонорову и Б. В. Ерохину за оказанную честь опубликовать эту книгу в издательстве факультета филологии и искусств СПбГУ. И, наконец, огромная благодарность — моей жене, канд. ист. наук Елизавете Ивановне Архиповой за терпение и поддержку.

*Киев — Будапешт —
Берлин — Филадельфия
1995–2005 гг.*

1.1. Оружие с серповидным навершием

Учено 11 экземпляров (приложение 1).

Клинок. Клинки скифских, савроматских и сарматских мечей, как известно, двух разновидностей: с параллельными лезвиями, сужающимися лишь к острию, и с лезвиями, сужающимися сразу от пяты и придающими клинку форму треугольника. Клинки первой разновидности численно преобладают; в то же время они, как правило, наиболее ранние¹. Экземпляры из Северного Причерноморья подтверждают эту закономерность: клинок первой разновидности — у самого раннего меча из кургана близ пос. Острый (рис. 1, 1, 2). Большинство причерноморских клинков — второй разновидности, длиной от 33,5 до 44 см, шириной² от 4 до 5 см.

Все клинки в сечении линзовидные, лишь на экземпляре из Большой Белозерки есть невысокое продольное ребро. А. М. Хазанов обоснованно предположил, что клинков с ребром было больше, чем мы фиксируем, однако увидеть его мешает коррозия, которой испорчено оружие из погребений: недаром ребро заметно, как правило, на случайно найденных эк-

земплярах (Хазанов, 1971, с. 6). Я совершенно согласен с этим, хотя не вижу оснований считать, как А. М. Хазанов, ребро на клинке архаическим признаком: оно есть и на ранне-, и на среднесарматских клинках. Возможно, его наличие или отсутствие зависело от технологии или производственной традиции.

Клинок из Виноградного сильно разрушен, однако на фрагментах заметны две (?) неглубокие каннелюры, сходящиеся углом к концу клинка (рис. 4, 2). Эта технологическая деталь отсутствует на основной массе раннесарматских клинков, но, возможно, ее трудно увидеть из-за коррозии.

Перекрестья почти все прямые, шириной до 1 см. Учитывая коррозию, реальная ширина перекрестья такого типа не должна превышать 0,6–0,8 см. У экземпляра из пос. Острый перекрестье несколько шире — 1,7 см. Перекрестье меча из Гришина дуговидное (рис. 4, 1). Концы перекрестья выходят за пята клинка на 1–1,5 см.

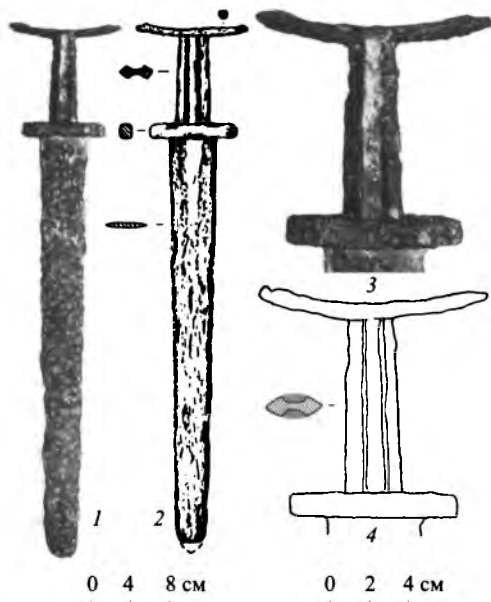


Рис. 1. Меч из кургана у пос. Острый

¹ Это не всегда обязательно, но такая тенденция наблюдается, например, на скифских мечах.

² Здесь и далее приводится ширина клинка у пяты.

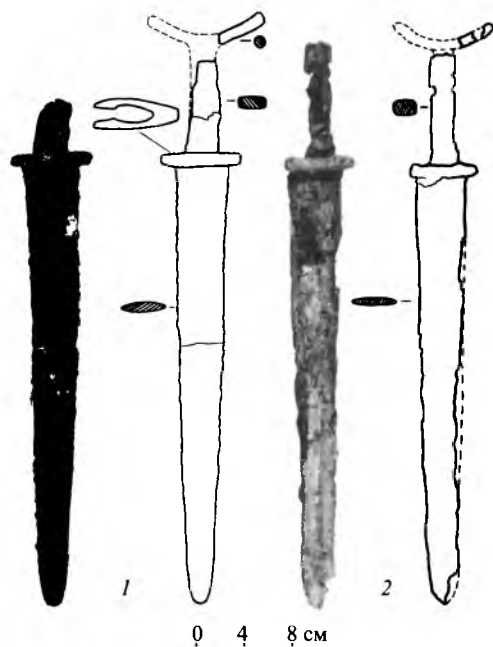


Рис. 2. Мечи из Сергеевки (1) и Привольного (2)

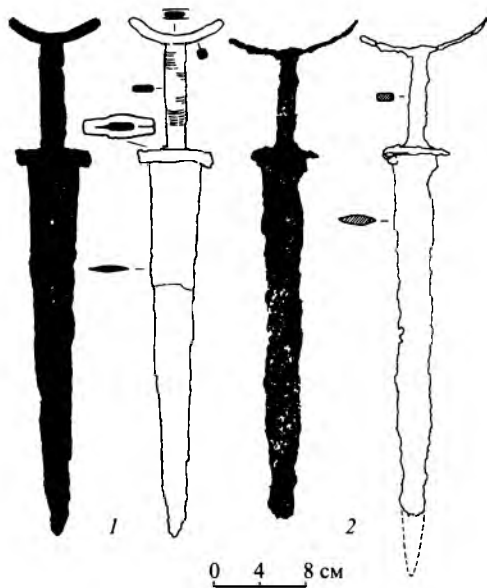


Рис. 3. Мечи из Тернов (1) и Жемчужного (2)

На экземплярах из Тернов и Сергеевки видна технология крепления: полоска железа обертывалась вокруг пяты клинка и сваривалась у одного из концов кузнечной сваркой (рис. 2, 1; 3, 1). Этот прием прослежен на клинке с кольцевым навершием из Сумской области (Шрамко и др., 1974, с. 187–188) и, как наиболее рациональный, был, вероятно, одним из основных. А. М. Хазанов назвал еще одну технологию — сварка концов двух полос, наложенных на пяту клинка (Хазанов, 1971, с. 6).

Ручка³. Ручки большинства мечей и кинжалов узкие, подпрямоугольные в сечении. Такие ручки характерны для поздних (II–I вв. до н. э.) клинков прохоровской культуры (Мошкова, 1963, табл. 19; Зуев,

1998, с. 147, рис. 2). Ручка меча из Большой Белозерки редкой разновидности — широкая, плоская, рассчитанная на округлые деревянные накладки. На большинстве ручек прослежены их остатки, а на ручке из Тернов видны следы кожаной (?) обмотки. Эта технология также известна на востоке (Мошкова, 1963, табл. 18, 21, 23). Длина ручек почти одинакова — от 8 (Преображенка) до 8,6 (Гришино) см, ширина варьирует от 1,6 до 4 см.

Следует остановиться на ручке меча из Острого (длина 8,2 см). Ее описывали как профилированную продольным желобком посередине и острыми возвышающимися гранями по бокам (Зарайская, Привалов, Шепко, 2004, с. 138; Симоненко, 2007, с. 105). После реставрации выяснилось, что «продольный желобок» — дуговидная в сечении выемка 0,8–1,2 см шириной и 0,5 см глубиной (рис. 1, 3, 4).

³ Здесь и далее ручкой именуется часть рукояти между навершием и перекрестьем.

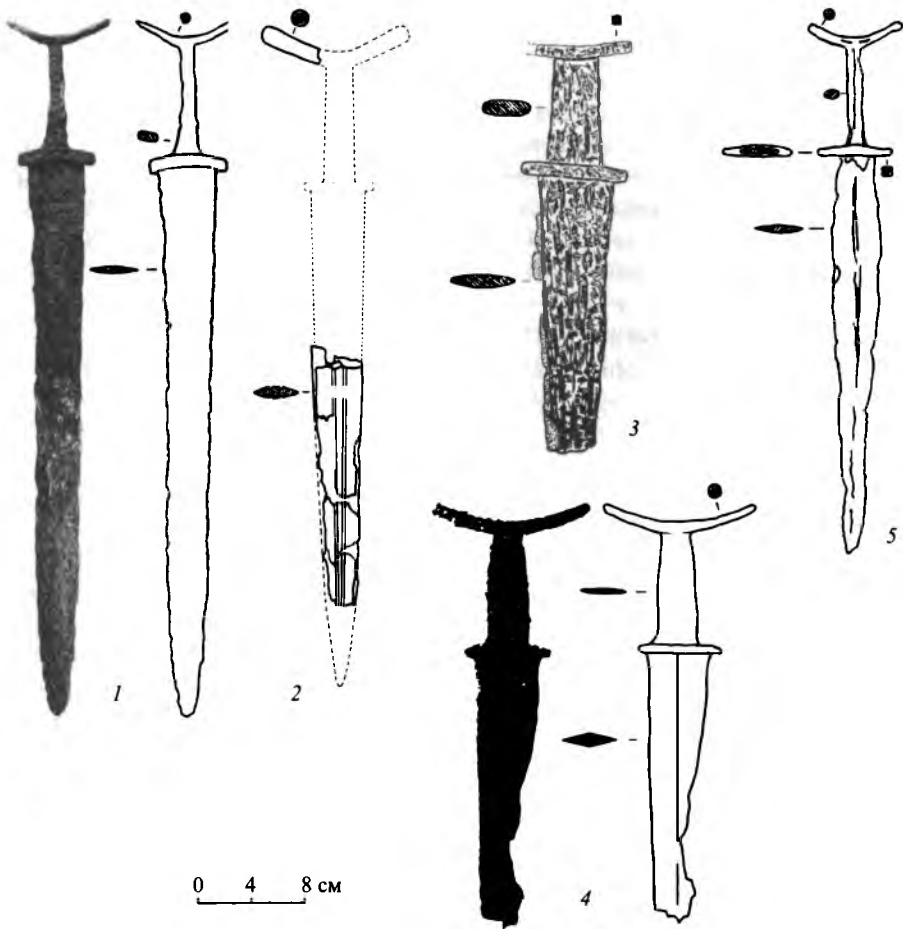


Рис. 4. Оружие с серповидным навершием:

1 — Гришино; 2 — Виноградное; 3 — Преображенка; 4 — Б. Белозерка; 5 — Хорол

Ее края и были названы «острыми возвышающимися гранями».

Неточность в описании и рисунке породила ошибочное сопоставление профиля ручки из Острого со скифскими мечами и кинжалами VI–V вв. до н. э. и синхронными им савроматскими. Я даже не исключал, что ручку древнего «савроматского» меча приделали к более позднему клинку (Симоненко, 2007, с. 106). Теперь понятно, что желобок, судя по форме, служил для вставки, придававшей ручке линзовидное сечение (рис. 1, 4), и она не имеет никако-

го отношения к профилированным архаическим ручкам. Трудно сказать, из чего эта вставка была сделана. Серебро или бронза оставили бы следы в виде окислов. Деревянная вставка не имеет смысла, да и тлен ее прослеживался бы. Остается предполагать, что вставка в желобке была либо золотой, либо костяной — оба эти материала не оставляют следов.

Это уникальная конструкция, но при огромном количестве найденных в Сарматии клинков прохоровского типа заявлять, что аналогов ей нет, было бы неосторож-

но — я не видел и трети имеющихся находок. Судя по рисунку (Мошкова, 1963, табл. 18, 19), близок мечу из Острого кинжал из 2-го Прохоровского кургана. Помимо ручки подобного сечения у него прямое навершие и широкое прямое перекрестье, очень напоминающие соответствующие детали меча из Острого. Я не уверен, что этот курган следует датировать рубежом II–I вв. до н. э., как считает В. Ю. Зуев (Зуев, 1998а, с. 16), — такой поздней дате противоречит зеркало из комплекса. Точнее, чем в пределах IV–II вв. до н. э., его датировать некорректно.

Навершие. Восемь из девяти исследованных наверший классические прохоровские: довольно широкие (размах ветвей от 12 до 8,5 см), изогнутые, некоторые с утолщенными концами, в сечении круглые или прямоугольные. Навершие меча из Острого на всех его рисунках слишком «распрямлено» (рис. 1, 2) — на самом деле оно отчетливо, хотя и слабо, изогнуто (рис. 1, 1). Такие навершия известны в прохоровской культуре (Мошкова, 1963, с. 34).

Хронология. Исследуемое оружие датируется сопровождающим материалом

либо, при его отсутствии, морфологическими признаками.

Интереснейший комплекс был обнаружен в кургане у пос. Острый. Его насыпь высотой 0,3 м и диаметром около 28 м была едва видна на местности. В ней по всей площади с глубины 0,25 м встречались фрагменты костей животных. В северо-восточной поле на глубине 0,53–0,55 м (вероятно, уровень погребенной почвы) обнаружено скопление амфорного боя и обломков костей животных площадью 2×2 м. В южной поле, в небольшой округлой ямке размерами $0,62 \times 0,56$ м, найдены бронзовые пластины нагрудника и бронзовое зеркало, подвешенное к нему. В западной поле обнаружены меч, обломки каменного оселка и кремневый нож, а в северной — маленький фрагмент золотой пластины. Погребения в кургане отсутствовали (Зарайская, Привалов, Шепко, 2004, с. 130–136).

Этот курган является жертвенно-поминальным памятником, однако исследование его назначения и семантики не входит в задачу работы. Нас интересует датировка комплекса, в который входил меч.

Из амфорного боя восстанавливаются части нескольких сосудов. Один из них — розовоглиняная амфора с двустольными ручками, покрытая светлым ангобом. На корпусе — граффити в виде трех исходящих из одной точки прямых линий. Диаметр венчика 11,7 см (рис. 5, 1). Вторая амфора — из оранжевой глины, с высоким прямым горлом и овальными в сечении ручками. Диаметр венчика 12,8 см, сохранившаяся высота горла 19,3 см, сечение ручки $4,2 \times 2,9$ см (рис. 5, 2).

Безусловно, восстановленных фрагментов мало для точного типологического определения сосудов из комплекса, но фрагмент горла с двустольными, плавно изогнутыми ручками принадлежит скорее всего родосской амфоре ранней серии варианта вилланова, датирующейся кон-

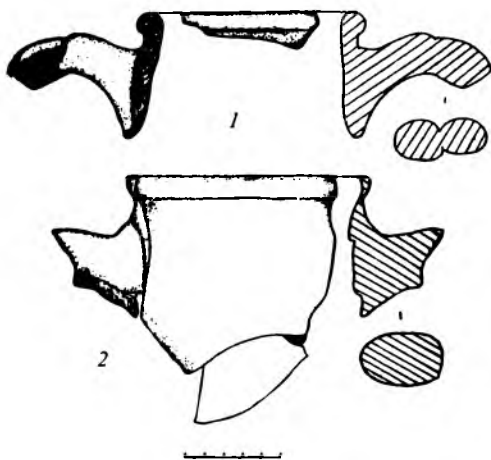


Рис. 5. Амфоры из кургана у Острого (Зарайская, Привалов, Шепко, 2004)

цом третьей — последней четвертью III в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 118). Авторы публикации кургана у Острого полагают, что это фрагменты косских амфор IV–II вв. до н. э. (Зарайская, Привалов, Шепко, 2004, с. 142).

Конский убор из Острого подробно будет анализироваться ниже. Здесь я лишь приведу датировку аналогий (Васюрина Гора, Тенгинский некрополь, склеп на Татарском городище, курган на могильнике IV Новолабинского городища). Конское погребение Васюриной Горы Е. А. Беглова относит к III–II вв. до н. э. (Беглова, 2002, с. 160), а жертвенный комплекс Тенгинского некрополя датирует первой четвертью II в. до н. э. (там же, с. 159). Склеп на Татарском городище использовался с IV по II в. до н. э. (там же, с. 161). Культурный комплекс некрополя Новолабинского городища не датирован авторами публикации, но в личной беседе Б. А. Раев склонялся к датировке его II в. до н. э.

Похоже, что такой своеобразный конский убор появился не ранее второй половины III и бытовал во II, а может быть, и в I в. до н. э. Топография находок предполагает, что он был популярен у варваров Северо-Западного Кавказа.

Итак, учитывая датировку амфор и нагрудника, не будет ошибкой отнести комплекс из Острого к концу III — II в. до н. э. Соответственно, этого же времени и меч.

Меч из Большой Белозерки автор публикации отнес к III в. до н. э. (Савовский, 1977, с. 283). К. Ф. Смирнов был осторожнее, заметив, что такое оружие бытует в IV–II вв. до н. э. (Смирнов, 1984, с. 71). Дату этого меча сузить трудно — ведь в погребении, кроме него, ничего не было. Но, с одной стороны, в IV–III вв. до н. э. у такого оружия еще нет плавно изогнутого навершия и тонкого, почти плоского перекрестья, как на мече из Большой Белозерки, — они типичны для II–I вв. до н. э.

Эта дата и представляется наиболее приемлемой для белозерского меча (Полин, Симоненко, 1990, с. 84).

Дуговидное перекрестье найденного случайно меча из Гришина, по традиционным меркам, должно считаться ранним признаком и предполагать дату не позднее рубежа IV–III вв. до н. э. Так когда-то решил и я, пытаясь «алгеброй гармонию поверить» и получить среднее арифметическое дат ранних и поздних признаков (Симоненко, 1984, с. 132). Сейчас такие детали этого меча, как узкая ручка и плавно изогнутое серповидное навершие с широко разведенными ветвями, склоняют меня к достаточно поздней (II–I вв. до н. э.) датировке. Большинство мечей и кинжалов с такими рукоятями относится к этому времени.

Остальные клинки датируются сопровождающим материалом. Сочетание нескольких железных втульчатых и одного черешкового наконечников стрел с красноглиняным кувшином (рис. 6, 1), аналоги которому есть в погребениях I в. до н. э. некрополя Золотое (Корпусова, 1983, с. 104), предполагают такую же дату для погребения из Виноградного (Симоненко, 1991, с. 24). Еще один античный кувшин из Преображенки (рис. 6, 2) принадлежит типу, хорошо известному в сарматских памятниках Прикубанья II–I вв. до н. э. (Марченко, 1984, с. 42, 55). Чернolощенный горшок из Сергеевки напоминает некоторые формы I в. до н. э. зарубинецкого Пироговского могильника (Максимов, 1982, с. 65, табл. 14, 20).

Кинжал из Жемчужного был найден вместе с лепной курильницей, на стенках которой зигзагом нанесены сквозные отверстия (рис. 6, 5). Такие курильницы, по мнению М. Г. Мошковой, появляются на позднем этапе прохоровской культуры, который она датирует III–II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, с. 30), т. е. во II–I вв. до н. э. по современной хронологии.

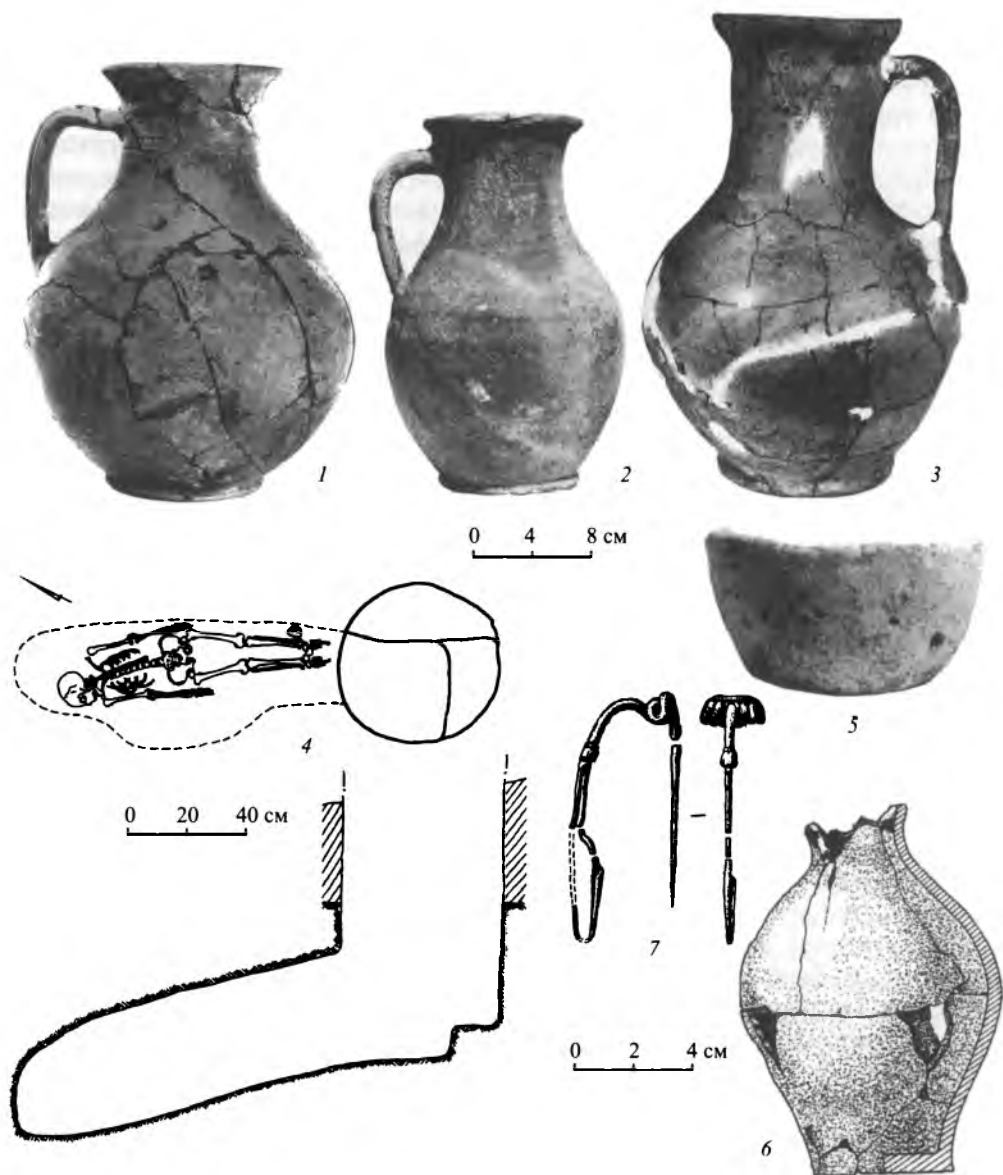


Рис. 6. Находки из погребений с прохоровскими мечами:

1 — Виноградное; 2 — Преображенка; 3, 7 — Привольное; 4, 5 — Жемчужное; 6 — Хорол (Степанович, Супруненко, 1994)

Необычна катакомба из Жемчужного (рис. 6, 4). Ее камера своими вытянутыми контурами и покатым дном напоминает погребальные сооружения сираков II—I вв.

до н. э. (Марченко, 1996, с. 95, рис. 118), однако у них нет круглых входных ям. Правда, во многих случаях контуры входных ям прикубанских катакомб не просле-

живались — не исключено, что среди них были и круглые. Во всяком случае, катакомба из Жемчужного стоит особняком среди раннесарматских погребальных сооружений Северного Причерноморья.

Трудно более или менее узко датировать кинжал из Хорола. Авторы публикации, ссылаясь на информацию заведующего музеем А. П. Штомпеля, считают, что он был найден вместе с лепным сосудиком, аналоги которому они нашли в сарматских памятниках от Дона до Южного Урала (Степанович, Супруненко, 1994, с. 44, мал. 25). Этот маленький (высота 13,2 см) горшочек скифоидного стандарта (рис. 6, б) был скорее всего изготовлен специально для погребения. Датировать его сколько-нибудь точно я не рискую. Форма его напоминает пропорции лепных позднескифских курильниц с каннелюрами второй половины III — II в. до н. э. из Крыма и Тираспольских курганов. По морфологическим признакам хорольский кинжал поздний, II—I вв. до н. э.

Комплекс из Привольного включает светлоглиняный кувшин (рис. 6, 3), оселок и бронзовую среднелатенскую фибулу, близкую типу В-Костшевский (рис. 6, 7). Казимеж Годловский считал, что в пшеворской и оксывской культурах такие застежки характерны для ранней фазы позднего предримского времени (конец ЛтС1 и ЛтС2), что в абсолютных датах соответствует II в. до н. э. (Godłowski, 1977, s. 52). По мнению Тересы Домбровской, большие фибулы этого типа (т. е. идентичные нашей) диагностируют фазу A₁ пшеворской культуры, охватывающую первую половину II в. до н. э. (Dąbrowska, 1988, s. 302). Она отметила, что для фазы A₂ (вторая половина II — первая половина I в. до н. э.) более характерны мелкие (короче 8 см) фибулы (ibid., s. 305). В культуре Поянешть-Лукашевка такие фибулы датируются II — первой половиной I в. до н. э. (Пачкова, 1986, с. 42). Аналогичные за-

стежки из зарубинецких памятников относят сейчас к середине — последней трети II в. до н. э. (Каспарова, 1978, с. 84) либо второй половине II в. до н. э. — первой половине I в. н. э. (Обломский, 1983, с. 118). В хорошо датированных склепах Беляуского могильника такие фибулы относятся к концу II — первой половине I в. до н. э., хотя изредка встречаются в комплексах второй его половины (Михлин, 1980, с. 199).

Таким образом, большинство мечей и кинжалов прохоровского типа из Северного Причерноморья датируются II—I вв. до н. э. — временем освоения сарматами этой территории. Исследованное оружие имеет многочисленные аналоги в синхронных памятниках Азиатской Сарматии и ничем не отличается от них.

Несколько более ранний меч из Остро-го. Памятник, в котором он найден, не вписывается в круг раннесарматских древностей Северного Причерноморья, а, скорее, близок ритуальным комплексам Северо-Западного Кавказа.

К происхождению оружия прохоровского типа. В развернувшейся в последние годы дискуссии о времени сложения прохоровской культуры и ее происхождении важным аргументом стало оружие с серповидным навершием и прямым перекрестьем. Сторонники генетического единства савроматской, «раннепрохоровской» и «позднепрохоровской» культур (под последними подразумеваются памятники IV—III и II—I вв. до н. э., принадлежащие, на мой взгляд, разным культурам) настойчиво ищут прохоровские мечи и кинжалы в ранних памятниках. Таким образом, установление времени и места появления оружия с прямым перекрестьем косвенно (а иногда и прямо) связывается с формированием раннесарматской культуры. В связи с этим нелишне вернуться к вопросу о том, какие конструктивные детали исследуемого оружия считать типобразующими и датирующими.

Общую схему генезиса раннесарматских клинков предложил М. И. Ростовцев: от клинков скифского времени с сердцевидным перекрестьем и антенновидным навершием через «переходную» форму — с брусковидным, дугообразно изогнутым или «сломанным» под тупым углом перекрестьем и прямым либо коротким угловидным навершием — к клинкам с тонким прямым перекрестьем и плавно изогнутым серповидным навершием (Ростовцев, 1918, с. 59–60). Эта эволюция, поддержанная и развитая в работах Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой, и сейчас представляется единственно верной сторонникам «вызревания» прохоровской культуры в савроматской, хотя, как справедливо заметил В. Ю. Зуев, «ни один из перечисленных исследователей не привел каких-либо убедительных доказательств в ее пользу» (Зуев, 1998, с. 144).

Соглашаясь с ним, рискну подлить масла в огонь дискуссии. Прежде всего форма навершия и перекрестья, на мой взгляд, не обязательно является продуктом эволюции этих деталей во времени. Для такой эволюции нет причин: и навершие, и перекрестье любой формы равно функциональны и не нуждаются в улучшении. Обратитесь к рукоятям холодного оружия Средневековья и Нового времени — и вы увидите многообразие синхронных форм при сохранении общего принципа. Нельзя исключать, что разница в оформлении раннесарматских рукоятей отражает различные производственные, этнические или культурные традиции, а то и сочетание всех трех⁴. Подтвердить или опровергнуть это может хронология памятников с таким оружием. Однако именно здесь и разгораются основные споры, т. к. датирующие

возможности материала из приуральских и заволжских памятников (а именно там, по мысли сторонников эволюционной теории, и проходил генезис прохоровской культуры) весьма ограничены.

Прямое перекрестье считается некоей границей, отделяющей «сарматскую» оружейную традицию от «скифской» IV–III вв. до н. э. не только в хронологическом, но и этнокультурном плане. По распространенному мнению (Смирнов, 1961, с. 27; Мошкова, 1963, с. 34; Васильев, 2001, с. 172), прохоровские клинки с серповидным навершием и прямым перекрестьем возникли из оружия «переходного типа» в IV в. до н. э. В. М. Клепиков справедливо заметил, что это мнение базируется на датировке *всего двух* экземпляров (Алебастрова гора, к. 3; Рычковка, к. 2), и подчеркнул, что в это время такое оружие единично даже в области его формирования — Южном Приуралье (Клепиков, 2002, с. 29).

Посмотрим, однако, что же это за комплексы с наиболее ранними прохоровскими мечами⁵. В кургане 3 группы Алебастрова гора, по словам Б. Н. Гракова, было найдено два меча — «с антеннами» и почковидным перекрестьем (Смирнов, Петренко, 1963, табл. 11, 33; Мошкова, 1963, табл. 18, 1)⁶ и «серповидным навершием и прямым перекрестьем». Последний был найден в обломках (Мошкова, 1963, с. 33), не зафиксирован и нигде не воспроизведен. Таким образом, прямых доказательств находки этих двух мечей *в одном комплексе* нет, и позиция сторонников ранней даты появления прохоровских клинков с прямым перекрестьем и серповидным навершием (Мошкова, 1963, с. 34; Клепиков, 2002, с. 29) базируется только на фразе

⁵ Их детально исследовал В. Ю. Зуев (Зуев, 2004, с. 211–214).

⁶ Не стоило бы, за давностью лет, обращать внимание на то, что в первой работе этот памятник считается савроматским, а во второй — раннесарматским, однако это весьма показательно.

⁴ Например, у серии кинжалов из Тулхарского могильника последней трети II в. до н. э. — начала I в. н. э. (Мандельштам, 1966, с. 158, табл. XXXIX; XL) — короткие угловидные навершия, характерные для приуральского оружия IV–III вв. до н. э.

Б. Н. Гракова. Не нужно обвинять нас с В. Ю. Зуевым в кощунственном недоверии великому ученому — *homini est errare*, и, изучая в пыли раскопа рассыпающиеся фрагменты, он мог просто ошибиться. Не исключено также, что на более древнюю могилу «село» позднепрохоровское впускное погребение (памятник исследовался раскопом, а не по контурам могильных ям). В. Ю. Зуев справедливо обратил внимание на то, что только гипотетический прохоровский кинжал диссонирует с остальным инвентарем кургана 3, который можно датировать концом VI в. до н. э. (Зуев, 1998, с. 145), и это настораживает. Так или иначе, использовать этот недостоверный комплекс для решения вопросов генезиса исследуемого оружия нельзя.

Что касается комплекса из Рычковки (Васильев, 2001, с. 172), то и здесь есть о чем поговорить. В. Ю. Зуев уже анализировал исследование этого комплекса В. Н. Васильевым и В. К. Федоровым (Зуев, 2004, с. 213–214), но я поучаствую в дискуссии с несколько иных позиций.

Статья В. Н. Васильева, где обосновывается дата оружия из Рычковки, помимо плохой организации (все эти неудобочитаемые ППСН, ПППН, КГН, ссылки на неопубликованные, но якобы весьма показательные находки, личные выпады в адрес оппонентов) страдает и некорректностью системы доказательств. Автор датировал погребение второй половиной (?) IV в. до н. э. по лепному горшку (Васильев, 2001, с. 172). Пусть меня простят, но эта категория вещей не может служить надежным хроноиндикатором — пока нет твердых доказательств того, что лепные керамические формы, типичные для IV в. до н. э., прекратили свое существование в III (я уж не говорю о нереальности сузить дату таких вещей до половины столетия).

Более того, В. Н. Васильев обосновал дату рычковского сосуда (а значит, и меча) аналогиями из так же шатко датиро-

ванных могил с мечами переходного типа. А вот дату последних он вывел из находки такого меча в Ново-Мусино вместе с гераклейской амфорой последней четверти IV в. до н. э. по И. Б. Брашинскому. На основании единственной (!) находки амфоры в регионе, куда они попадали эпизодически, из третьих рук и неизвестно, сколь долго бытовали (что значительно снижает их датирующие возможности), последовал вывод: «Таким образом, определяется твердая (! — А. С.) дата не только мечей ПТ, но и всего (! — А. С.) встречающегося с ними инвентаря (41 погребение и 44 экземпляра мечей ПТ), маркирующего весь (!!! — А. С.) раннепрохоровский комплекс» (Васильев, 2001, с. 169).

Датировке амфоры из Ново-Мусино и самого погребения посвящена недавно вышедшая статья С. Ю. Монахова, одного из наиболее авторитетных экспертов по греческим амфорам. Он датировал погребение *первыми десятилетиями III в. до н. э.*, не исключая, как и я, некоторое «запаздывание» этой амфоры у кочевников (Монахов, 2006, с. 92). У меня нет оснований не доверять опыту и знаниям С. Ю. Монахова, и тогда «твердая», по мнению В. Н. Васильева, дата мечей переходного типа и «всего раннепрохоровского комплекса» определяется не последней четвертью IV, а первыми десятилетиями III в. до н. э. И хотя твердость даже этой даты для меня относительна, к ней нужно отнестись с уважением, ибо она базируется на подробно разработанной хронологии античных амфор, а не сомнительных датировках лепных кочевнических горшков.

Таким образом, верхняя дата мечей переходного типа сдвигается до первой четверти III в. до н. э. Соответственно, если они предшествовали оружию с серповидным навершием и прямым перекрестьем (что и следует называть мечами прохоровского типа), то появление последних следует датировать временем не ранее второй чет-

верти III в. до н. э. Существенно, что их совместные находки неизвестны (Зуев, 1998, с. 144). Только что мы убедились в том, что точка зрения о появлении прохоровских мечей в IV в. до н. э. не более чем научный фольклор. *Quod erat demonstrandum*.

Еще несколько комплексов IV в. до н. э. с оружием, якобы имеющим прямое перекрестье и серповидное навершие, опубликовал В. К. Федоров (Федоров, 2001, с. 180–197). Открывает список все то же погребение из Рычовки. Следующий за ним комплекс из Линевского кургана включает сильно разрушенный клинок (Федоров, 2001, с. 190, рис. 2, б), перекрестье которого, глядя на рисунок, я не рискнул бы однозначно признать прямым. Меч из погребения у Яковлевки (Федоров, 2001, с. 191, рис. 3, 8) был, по словам В. К. Федорова на конференции в Анапе в 2004 г., зарисован В. Н. Васильевым в поле не совсем верно, а дальнейшее исследование показало, что его перекрестье прямое. В. К. Федоров пояснил, что в определении типа меча следует ориентироваться на т. н. кабинетную зарисовку (там же, рис. 3, 7). Однако она мало что добавляет к аргументам автора, ибо так же слабо информативна.

Далее в списке В. К. Федорова следует «устанавливающее абсолютную дату» (! — А. С.) таких (хотя там был найден меч переходного типа) мечей погребение у Ново-Мусино, ошибочность датировки которого IV в. до н. э. показана выше. Если в рассуждения В. К. Федорова подставить дату С. Ю. Монахова, то «ново-мусинский, ново-кумакский, рычовский и яковлевский комплексы», которые «если не одновременны, то чрезвычайно близки в хронологическом отношении» (там же, с. 183), «уйдут» в первую четверть III в. до н. э. Не является «мечом прохоровского типа» экземпляр из Покровки (там же, рис. 4). У него короткое угловатое навершие и широкое перекрестье с сужающимися концами — признаки оружия переходного типа. Такие же (не-

прохоровские) навершия у кинжалов из Привольного (Федоров, 2001, с. 183, рис. 5). Все это оружие становится «прохоровским» лишь по воле автора статьи, но по своим признакам таковым не является.

В подборке В. К. Федорова, пожалуй, лишь мечи из Бердянки, Тамбовки и Кеныша (там же, рис. 6–8) имеют признаки прохоровских — узкую рукоять, прямое узкое перекрестье и широкое, плавно изогнутое навершие. Что касается их даты, то мне представляется, что они не обязательно старше III или даже II в. до н. э. Находка железных стрел в колчанах, погребенных в этих могилах, а бронзовых — в их телах (там же, с. 184–185), еще раз убеждает меня в том, что бронзовые наконечники стрел бытовали в Приуралье неопределенно долго и их не стоит рассматривать только как индикатор III в. до н. э. Поэтому я не понимаю до сих пор, почему гипотетическое сосуществование мечей переходного и прохоровского типов (кстати, исключаящее появление вторых как развитие первых) и бронзовых и железных наконечников стрел должно приходиться именно на «немногие годы» этого столетия (там же, с. 185). Кто и как может это доказать?

Более того, присутствие в колчане из Тамбовки железного черешкового наконечника указывает на время не ранее II в. до н. э., а наличие в этом же наборе бронзовых наконечников наглядно демонстрирует очень долгое бытование их вместе с железными. Поэтому я не могу разделить уверенность В. К. Федорова в неизбежном выборе, якобы предстоящем В. Ю. Зуеву, которому «придется либо признать дату IV в. до н. э. для классического прохоровского меча из Тамбовки, либо дату II–I вв. до н. э. для железных⁷ втульчатых нако-

⁷ Эта дата для железных наконечников настолько обычна, что я сомневаюсь, не опечатка ли в статье В. К. Федорова, не имелись ли в виду бронзовые?

нечников стрел» (Федоров, 2001, с. 184). В. Ю. Зуеву не нужно наступать на горло собственной песне: дата II–I вв. до н. э. для комплекса из Тамбовки очевидна.

Наблюдения над формой рукояти «переходных» и прохоровских мечей отмечают серьезные различия тех и других. У первых ручка всегда широкая, брусковидная, у вторых — либо узкая, овальная или квадратная в сечении, либо (реже) плоская. Навершие поздних (II–I вв. до н. э.) клинков довольно длинное, плавно изогнутое, иногда с утолщенными концами, в отличие от коротких угловидных ранних наверший, как правило, одной толщины. Сложнее с перекрестьем: определить его истинную форму мешает коррозия, и часто на нечищенных клинках мы необоснованно не различаем широкие брусковидные и узкие прямые перекрестья. Между тем, по предварительным наблюдениям, именно последние характерны для позднепрохоровских мечей и не встречаются ранее.

Возвращаясь к признакам прохоровского и непрохоровского клинкового оружия, стоит задуматься: происходило ли в действительности «постепенное “превращение” перекрестья из дуговидного и тупоугольного в совершенно прямое и столь же очевидное... “превращение” прямого навершия в серповидное» (там же, с. 186)? Вероятно, это — не столь для меня очевидное — «превращение» самому В. К. Федорову также показалось несколько метафизическим, оттого и кавычки. В самом деле, как и зачем «превращались» друг в друга эти неодушевленные и самодостаточные вещи? Надо думать, что превращали их все же люди, а тогда возникают вопросы — кто и почему? Откуда в этом стройном инбридинге появилась «белая ворона» из Гришина? Генетическая память устроила каверзу позднепрохоровскому кузнецу? Нет, просто дуговидное перекрестье — не обязательно ранний

признак, и подтверждением тому может служить, например, меч первой половины I в. н. э. с кольцевым навершием из языцкого могильника Островец на Днестре (см. ниже).

Что же касается возможной эволюции савроматских мечей с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем через переходный тип в прохоровское оружие с серповидным навершием и прямым перекрестьем, то я не вижу этому ни археологического, ни рационального объяснения. Прямое перекрестье появилось еще на карасукских клинках, бытовало в Китае на протяжении всего раннего железного века и так и не превратилось там ни во что другое.

Мне понятно желание сторонников эволюции мечей увидеть ее: для них это подтверждение эволюции савроматской («древнепрохоровской», по А. Д. Таирову) и «раннепрохоровской» культур в «позднепрохоровскую». Однако на примере мечей она не столь очевидна. Да и вообще инновации в оформлении оружия появляются прежде всего путем заимствования, это не горшки и не рубила. Мечи «скифских» типов IV–III вв. до н. э. были вполне утилитарным, оригинальным и эффективным оружием, которому некуда и незачем было эволюционировать: недаром они были распространены по всей Евразии не только в культурах «скифского типа». И так же не случайно появление новой схемы — прямое перекрестье и узкая ручка — совпадает с появлением «позднепрохоровской» культуры.

Этого не исключал и М. И. Ростовцев: «Вполне возможно было бы думать, что в эпоху эллинизма (ученый имел в виду последние века до н. э. — А. С.) с Востока пришла новая форма железного меча с длинным лезвием, серповидным набалдашником и прямой крестовиной». Мне ближе позиция В. Ю. Зуева, полагающего, что оружие прохоровского типа могло сформироваться не-

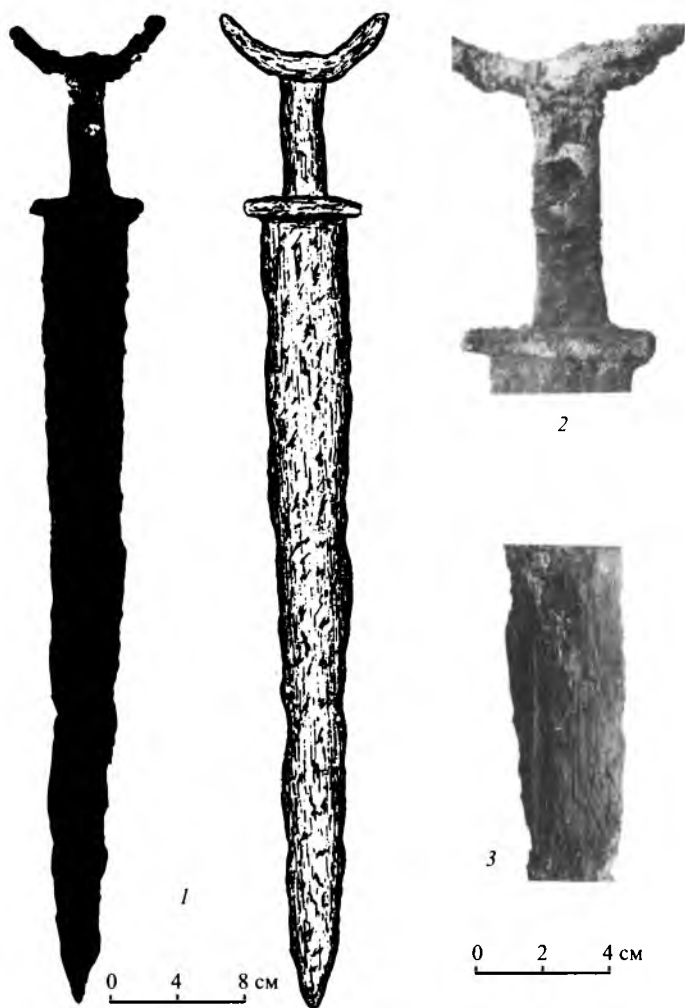


Рис. 7. Меч из Червонопартизанска (Красильников и др., 2006)

зависимо от «савроматского» у кочевников восточного Прикаспия (Зуев, 1998, с. 149–150). В более поздней статье он «рискунул высказать предположение» о генетической связи клинков прохоровского типа и юго-восточного (по отношению к Приуралью) оружия II в. до н. э. (Зуев, 2004, с. 216). Что ж, это оправданный риск, ибо внимательный анализ многих составляющих прохоровской культуры II–I вв. до н. э. все более убеждает меня в том, что ее формирование проходило при активном участии

южносибирских и центральноазиатских кочевников (саргатской культуры? хунну? — в этом еще предстоит разбираться). Во всяком случае, я рискую так думать уже несколько лет и надеюсь в обозримом будущем поделиться этими мыслями печатно.

Находки всех мечей с серповидным навершием в Северном Причерноморье сосредоточены между Доном и Днестром (рис. 8, 1), в полном соответствии с топографией раннесарматских памятников этого региона (Симоненко, 1994, с. 34).

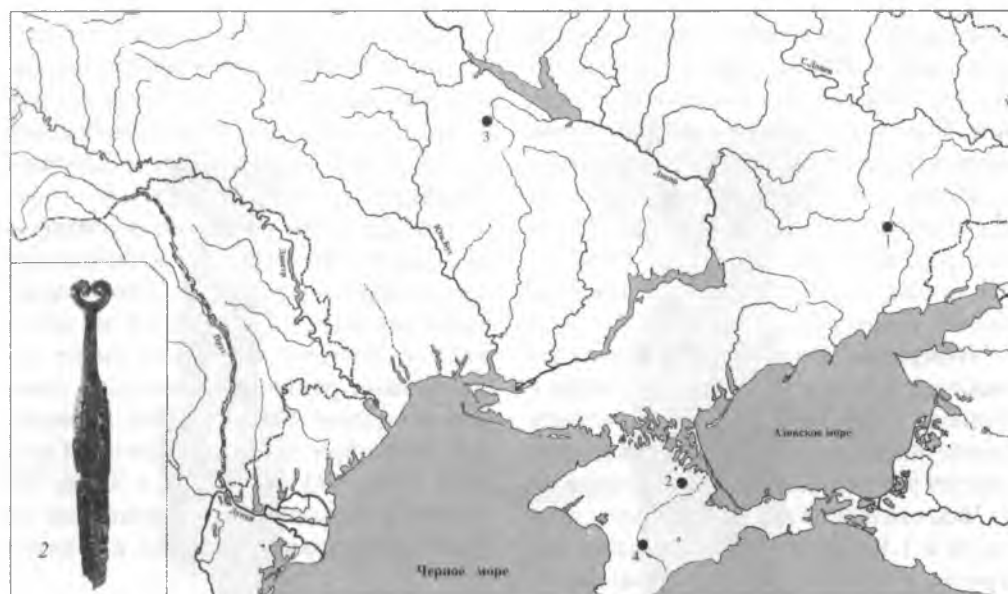
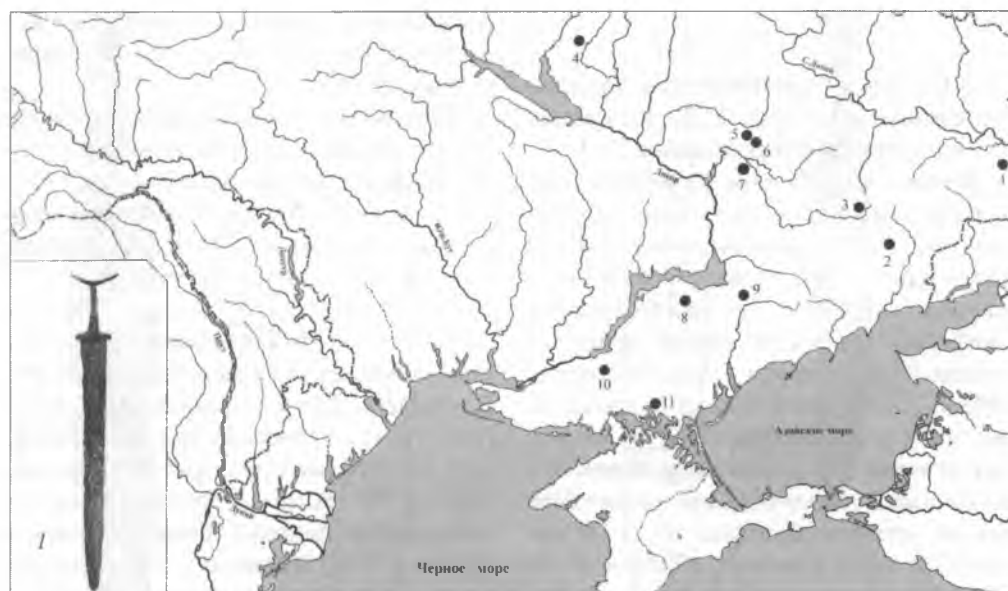


Рис. 8. Мечи и кинжалы с серповидным (1) и антенновидным (2) навершиями в Северном Причерноморье (номера на картах соответствуют номерам в приложениях 1, 2)

1.2. Оружие с антенновидным навершием

В Северном Причерноморье найдены три кинжала и меч (рис. 8, 2) этого редко у сарматов типа (приложение 2).

Клинки линзовидные в сечении, с параллельными лезвиями. Оружие из Чкалова (рис. 9) и Новолуганского (рис. 11, 1) почти одинаковой длины (30 и 35 см) и ширины (3,5 и 4 см). Кинжал из Неаполя Скифского⁸ совсем маленький, длина его клинка 15 см, ширина 2,7 см (Колтухов, 1983, с. 232). У меня сложилось впечатление, что это оружие (рис. 11, 2) — игрушка или вотив. От клинка единственного в регионе меча такого типа, найденного близ Смелы, осталось 10 см (рис. 10, 2). Он широкий (6 см) и мощный, и скорее всего общая длина его составляла не менее 55–60 см.

Перекрестье у клинков этого типа прямое, узкое, концы выходят за пята на 0,5–0,7 см. Эта деталь сохранилась не на всех экземплярах (у кинжалов из Новолуганского и Чкалова она распалась в могиле).

Ручка. У всех кинжалов уплощенные, прямоугольные в сечении ручки. Ручка меча из Смелы плоская, несколько овальная в плане за счет выпуклых длинных сторон. Длина ручек в пределах 8–9 см.

Навершие. Этот элемент наиболее вариабелен. Сходны навершия из Смелы и Неаполя Скифского: их волюты загнуты в один оборот и соприкасаются (впрочем, следует учитывать коррозию). У кинжала из Чкалова концы волют заострены и загнуты в 1,5 оборота; само навершие, как и ручка, в сечении прямоугольное. Навер-

шие кинжала из Новолуганского фрагментировано, реконструкция его несколько сомнительна: ни на скифском, ни на савроматском оружии с антенновидным навершием волюты не сходятся под столь острым углом.

Хронология и происхождение. Комплекс с кинжалом из Чкалова включал сероглиняный кувшин, аналог которому есть среди керамики Молочанского могильника (Аккермень I, 4/8). М. И. Вязьмитина датировала этот сосуд концом I в. до н. э. — I в. н. э. (Вязьмитина, 1960, с. 20).

Кинжал из Новолуганского датирован этим же временем (Шаповалов, 1973, с. 86). В комплексе был найден бронзовый котел (рис. 12, 1) с греческой надписью «Пей, жри, Сморгдз, сын Париадра» (Виноградов, 1984, с. 39)⁹. Аналоги его происходят из сарматских погребений Нижнего Поволжья (Жутово, 27/4, Киляковка, 1/4, Октябрьский-V, 1/1), Нижнего (могильник Валовый) и Среднего (Аверинский курган) Подонья.

Интересны вопросы хронологии этих котлов. А. П. Медведев датировал аверинские находки IV–III вв. до н. э., ссылаясь на параллели из Курджипса, Семибратних курганов, Куковой Могилы и Вергины (Медведев, 1996, с. 25). Боюсь, что перечисленные котлы не являются прямыми аналогами аверинских. При общности схемы (которая, по словам А. П. Медведева, появилась в Греции и Малой Азии еще в раннесарматское время) они имеют существенные различия — довольно узкое устье и горизонтальные плечики, образующие ребро при переходе в тулово (Галанина, 1980, с. 35, рис. 12; 13; с. 83, № 15). Атташи ручек этих котлов крепились на горизонтальную часть плечика, а не на его

⁸ Хотя он найден на позднескифском памятнике, автор публикации С. Г. Колтухов справедливо считает его сарматским.

⁹ Судя по ней, одним из владельцев котла был фракиец, но мы не будем сейчас гадать, как попал этот котел к погребенному у Новолуганского сармату.

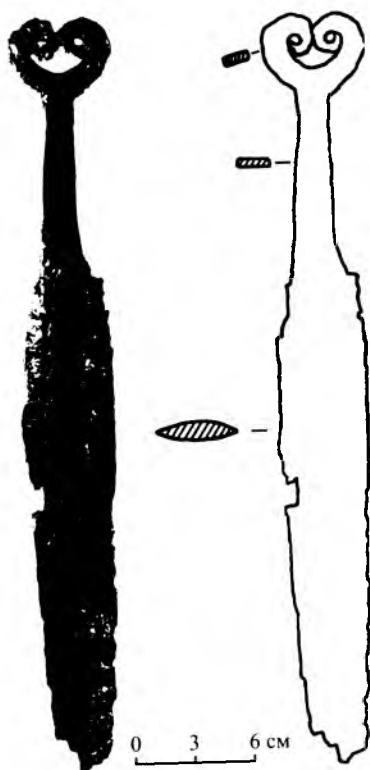


Рис. 9. Кинжал из Чкалова

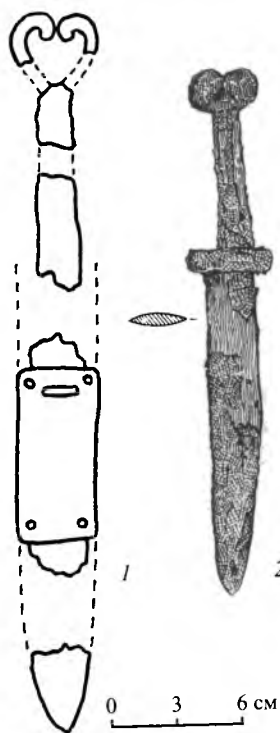


Рис. 11. Кинжалы из Новолуганского (1) и Неаполя Скифского (2) (Колтухов, 1983)

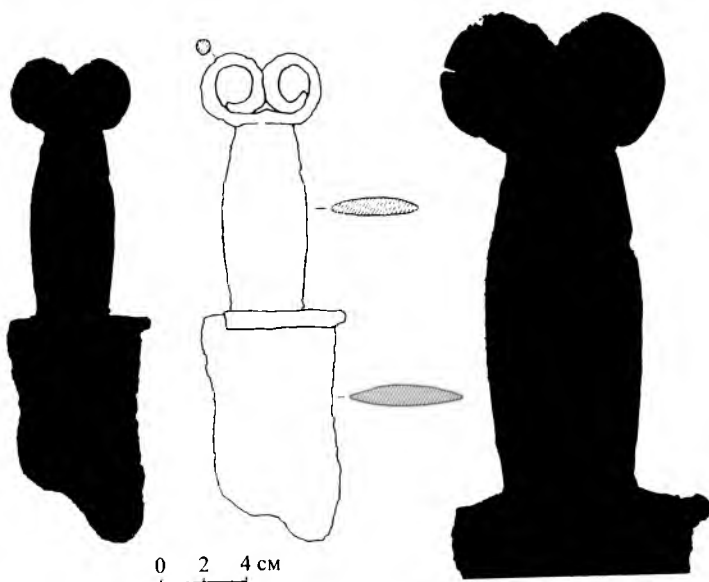


Рис. 10. Меч из Смелы



Рис. 12. Сосуды из Новолуганского:
1 — бронзовый котел; 2 — красноглиняный кувшин

скат, как на более поздних экземплярах (в т. ч. из Новолуганского и Аверинского). Мне кажется, аверинские котлы (особенно меньший) должны датироваться сарматским временем. Так, погребение в кургане 27 у Жутова относится ко II—I вв. до н. э., а погребения у Кияковки и Октябрьского совершены не ранее середины I в. н. э. (Сергацков, 2006, с. 247). Котел из Валового найден вместе с зеркалом-подвеской Хазанов-IX с валиком и умбоном и, стало быть, попал в могилу не раньше I в. н. э.

От кияковского и октябрьского котлов сохранились лишь венчики, ручки и куски корпуса. Сосуды из Валового¹⁰ и Новолуганского неоднократно ремонтировались многочисленными заплатами, имеет следы ремонта и жутовский котел (Шилов, 1975, с. 138). Красноглиняный кувшин из Новолуганского (рис. 12, 2) также имеет следы ремонта, а его аналоги известны в погребениях I в. н. э. Такое сочетание не исклю-

чает это столетие как дату погребения в Новолуганском.

Вместе с мечом из Смелы найден красноглиняный кувшин, характерный для первых веков н. э. Первым веком до н. э. датировал кинжал из Неаполя Скифского С. Г. Колтухов (Колтухов, 1983, с. 223), хотя оснований именно для этой даты я не вижу.

Помимо причерноморских находок известно 12 таких мечей и кинжалов из различных районов Сарматии (рис. 13). На Нижнем Дону кинжалы этого типа обнаружены в среднесарматских погребениях могильников Кривой Лиман (Савченко, Казакова, 1981, с. 118) и Ново-Александровка (Беспалый, 1984, с. 45). На Северном Кавказе оружие с антенновидным навершием происходит из могильника II—I вв. до н. э. Чегем-2 (Керефов, 1985, с. 195, рис. 4, 25), погребений I–II вв. н. э. у с. Летницкого на Ставрополье (ОАК за 1899 г., с. 57) и Петропавловского могильника на Кубани (Гей, Ульянова, 1983, с. 114). Далее на востоке, в Калмыкии и Поволжье, оно

¹⁰ Любезное сообщение Б. А. Раева.

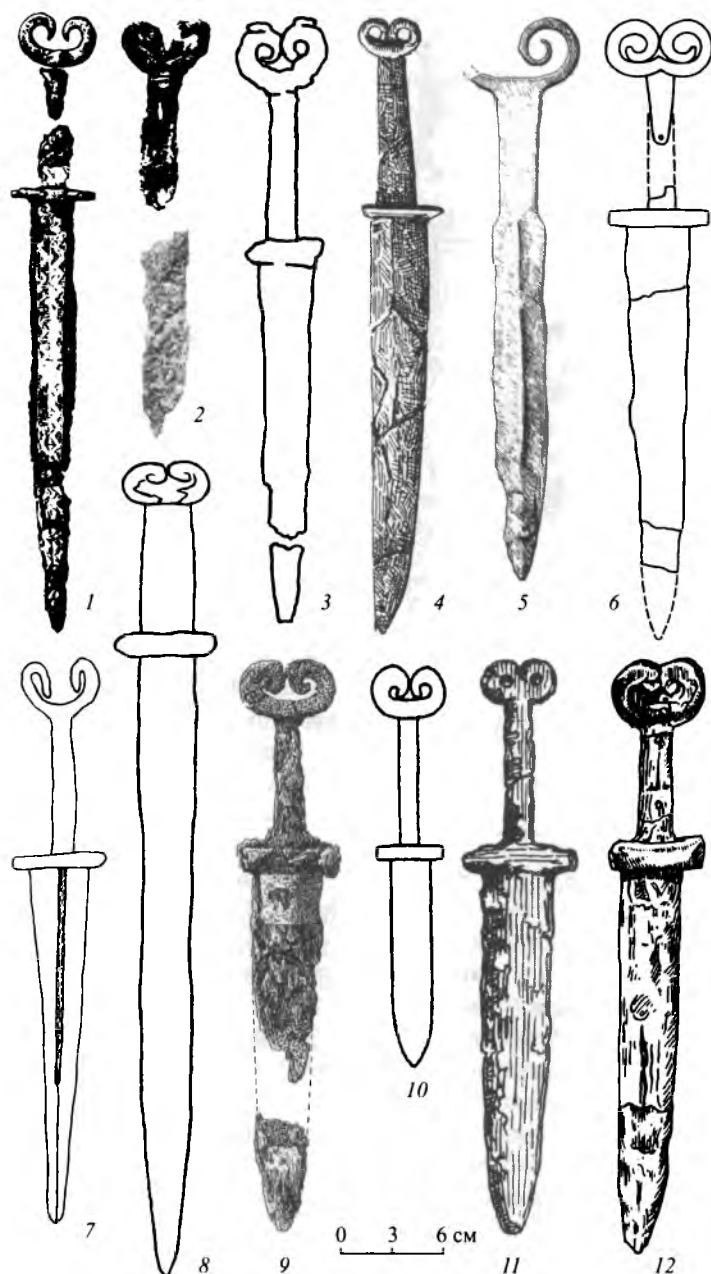


Рис. 13. Оружие сарматского времени с антенновидным навершием:

1 — Барановка (Федоров-Давыдов, 1980); 2 — Бусерова Могила (фото ГЭ); 3 — Кривой Лиман (Савченко, Казакова, 1981); 4 — Летническое (ОАК за 1899 г.); 5 — Петропавловский (Гей, Ульянова, 1983); 6 — Сидоры (Скрипкин, Мамонтов, 1977); 7 — Талачевка (Железчиков, 1980); 8 — оз. Ханата (Шнайдштейн, 1985); 9 — Сидоровка (Погодин, 1998); 10 — Сары-Бел (Тишкин, Горбунов, 2006); 11 — Кызыл-тепе (Обельченко, 1978); 12 — Тулхар (Мандельштам, 1966)



Рис. 14. Кинжалы с антенновидным навершием:

1 — Зубов хутор (фото ГЭ); 2, 3 — Летницкое (ОАК за 1899 г.); 3 — кувшин

обнаружено в ранне- (могильник Барбастау), средне- (Красноселец, озеро Ханата, Жутово) и позднесарматских (Сидоры, Барановка) погребениях (Скрипкин, 1990, с. 125–126). Два клинка с антенновидным навершием найдены случайно в Заволжье (Каиндинские пески) и Башкирии (Талачевка) (Железчиков, 1980, с. 37). Судя по прямым тонким перекрестьям (не следует смешивать их с широкими брусковидными IV–III в. до н. э.), их нижняя дата не выходит за пределы II в. до н. э.

Оружие сарматского времени с антенновидным навершием найдено в храме Окса (Литвинский, 2001, с. 211–212, табл. 58, 1–3), Кызылтепинском (Обельченко, 1978, с. 122, рис. 4) и Тулхарском

(Мандельштам, 1966, с. 159, табл. XL:13, 14) могильниках II в. до н. э. — I в. н. э. в Средней Азии, в погребениях саргатской знати I в. н. э. у Сидоровки и Исаковки на Иртыше¹¹, в горно-алтайских памятниках булан-кобинской культуры II в. до н. э. — I в. н. э. Сары-Бел и Яломан-II (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 32, рис. 1, 14, 15).

Причины и механизм появления у сарматов наворачия этого редкого типа до конца не выяснены. Антенновидные наворачия были популярны у скифов и савроматов в конце VI — V в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 54). Затем они надолго исчезли со всей Евразии, чтобы вновь появиться во II в. до н. э. М. П. Абрамова считала «возрождение» антенновидного наворачия местным северокавказским явлением (Абрамова, 1993, с. 70). Но, как и в случае с кинжалами 5-го типа (см. ниже), ее обобщения были основаны не столько на материале, сколько на присущем ей своеобразном «северокавказском научном патриотизме». Рассмотрим аргументацию М. П. Абрамовой подробнее.

В качестве примеров таких наворачий «в погребениях последних веков до н. э.» она привела клинки из Зубовского кургана (рис. 14, 1) и погребения у с. Летницкого (рис. 14, 2). Навершие первого и я в свое время назвал антенновидным (Симоненко, 1984, с. 133), но, изучив кинжал визуально, убедился в том, что лишь повторил ошибку М. П. Абрамовой. Навершие кинжала из Зубовского кургана принадлежит редкому типу Дачи–Тилля-тепе: оно сплош-

¹¹ В публикации Сидоровки антенновидное наворачие не описано, нет его и на рисунке (Матюшенко, Татаурова, 1997, с. 43, 61, рис. 26, 5). На иллюстрации в книге Л. В. Погодина у этого кинжала наворачие в виде волют (Погодин, 1998, с. 16, рис. 2). Тут же изображен кинжал из Исаковки с якобы антенновидным навершием, которое на рисунке отсутствует. Я затрудняюсь сказать наверняка, какие же кинжалы были найдены у Сидоровки и Исаковки: публикации этого материала не выдерживают никакой критики.

ное, сердцевидное, орнаментированное инкрустацией золотом. К тому же дата этого погребения (рубеж н. э., если не позже) отнюдь не демонстрирует появление антенновидного навершия в последние века до н. э. В могиле у Летницкого кроме кинжала был найден сероглиняный кувшин (рис. 14, 3). Его пропорции и венчик типа ойнохой говорят скорее о позднесарматском времени как дате погребения, а датировка «в пределах II–I вв. до н. э.» (Абрамова, 1993, с. 70) никак не аргументирована. Возможно, эту дату «подсказал» М. П. Абрамовой орнамент, напоминающий пресловутые прохоровские «полотенца». Но, во-первых, он только напоминает их, во-вторых, как показали наблюдения последних лет, «полотенца», появляясь в последние века до н. э., как орнаментальный элемент используются вплоть до позднесарматского времени.

II–I вв. до н. э. твердо датируется только один клинок с антенновидным навершием из подборки М. П. Абрамовой — меч из кургана-кладбища Чегем-2. Его изображение в отчете и публикации оставляет желать лучшего, а изучить меч *de visu* Б. М. Керевов мне не позволил. Поэтому я не могу прокомментировать идею К. Ф. Смирнова о том, что этот меч является дериватом клинков синдо-меотского типа.

Вот, собственно, и все материалы, на которых базировалась точка зрения М. П. Абрамовой о северокавказском происхождении антенновидного навершия последних веков до н. э., если не считать сомнительного клинка из Коба-Башинского склепа с «антенным навершием в виде почти полного кольца» (Абрамова, 1993, с. 70). К ним можно добавить навершие меча из Буеровой Могилы в виде двух лебединых головок (рис. 13, 2). Золотая обкладка его ножен аналогична обкладке ножен II–I вв. до н. э. из I Прохоровского кургана. Однако ни эта, ни все остальные перечисленные

находки никак, на мой взгляд, не подтверждают гипотезу М. П. Абрамовой: они единичны и происходят из памятников разных культур. При такой статистике и топографии речи о генезисе быть не может.

Вместе с тем привлекает внимание оружие этого типа из могильников Согда и Бактрии, в которых много сарматских черт. А. С. Скрипкин полагает, что антенновидные навершия среднеазиатских кочевников — проявление влияния сарматской оружейной традиции (Скрипкин, 1990, с. 126). Это не исключено, ведь в тех же памятниках найдено много мечей и кинжалов с серповидным навершием. Однако кинжалы с антенновидным навершием из Кызылтепинского и Тулхарского могильников датируются рубежом I в. н. э. (Обельченко, 1978, с. 122), т. е. в целом синхронны такому оружию у сарматов. Таким образом, не исключено и обратное влияние, а антенновидное навершие может отражать приток в сарматскую среду каких-то групп среднеазиатских кочевников. Хронология кочевнических могильников Согда и Бактрии разработана слабо и до сих пор дискуссионна (Заднепровский, 1994, с. 55–59; Горбунова, 1994, с. 60). Если дата Кызылтепинского и Тулхарского могильников определена верно, то, возможно, к возрождению у сарматов традиции антенновидного навершия имеют отношение родственные им кочевники Средней Азии.

В этой связи интересны находки оружия с таким навершием далеко на востоке, в погребениях саргатской и булан-кобинской культур. Весьма оригинальна гипотеза А. П. Зыкова о сложении этой формы в среде таежных кулайских племен и дальнейшем ее распространении на запад по цепочке «саргатская культура — сарматы» (Зыков, 1993, с. 151). Боюсь, что она плохо согласуется со следующими обстоятельствами. Во-первых, антенновидное навершие появилось и было популярно еще

в скифское время именно среди степных иранцев. Во-вторых, обычно таежные и лесостепные племена заимствовали клинковое оружие степняков, а не наоборот. Кроме того, кулайские экземпляры не являются, строго говоря, антенновидными навершиями. Их особенности (отливка прямо на железном клинке и стилизованные волюты) говорят о том, что это местные реплики каких-то прототипов — скорее всего сарматских. В данном случае правы А. А. Тишкин и В. В. Горбунов, объясняющие появление кинжалов с антенновидным навершием у воинов Южной Сибири и Алтая «влиянием материальных традиций культур сарматского и среднеазиатского (раннекушанского) круга» (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 37).

Наконец, самое простое решение: антенновидное навершие могло спонтанно возродиться под руками какого-то кузнеца, «для красоты» закрутившего ветви серповидного в волюты. Возможность такой инверсии хорошо видна на экземпляре из Талачевки: его «волюты» образованы простым загибом концов ветвей серповидной заготовки (рис. 13, 7). В таком случае поиски корней этой формы в каком-то определенном месте бесперспективны: антенновидное навершие могло появиться везде, где были клинки с серповидным.

1.3. Оружие с кольцевым навершием

Мечи и кинжалы этого типа в Северном Причерноморье многочисленны. В степи и лесостепи региона обнаружено 74 экземпляра (приложение 3). Навершия 20 клинков утрачены, но прямые перекрестья, конструкция рукоятей и состав комплексов говорят о том, что эти клинки имели скорее всего кольцевое навершие. С этой оговор-

кой они включены в исследование и статистику.

Клинок. Клинки мечей и кинжалов этого типа двух разновидностей: с параллельными лезвиями, сужающимися лишь в последней трети, ближе к острию, и с лезвиями, сужающимися сразу от пяты и придающими клинку форму треугольника (рис. 15). Преобладают клинки первой разновидности — из 59 мечей и кинжалов, подвергнутых исследованию (от остальных сохранились лишь рукояти), 51 имеют такой клинок. В Азиатской Сарматии также преобладают клинки первой разновидности. Таким образом, форма клинка мечей и кинжалов с кольцевым навершием не является хронологическим признаком (ср. выше, о мечах с серповидным навершием). На мой взгляд, обе разновидности отражают разные синхронные технологии, связанные, возможно, с какими-то племенными различиями или оружейными традициями.

Клинки кинжалов длиной от 20 до 30, шириной от 3 до 4 см (рис. 16). Мечи обычно имеют клинок длиной от 35 до 50 см. Эти размеры типичны для такого оружия со всей территории обитания сарматов (около 66% находок), и следует признать, что в целом сарматские мечи с кольцевым навершием соответствовали по длине скифским.

Длинных мечей (с клинком более 50–60 см) на исследуемой территории известно только четыре. Это экземпляр из неопубликованных раскопок М. Я. Рудинского у с. Новофилипповка в 1951 г. с клинком длиной 59 см (рис. 17, 2), меч длиной 85 см из погребения 1 кургана 5 западной группы могильника Аккермень II (рис. 17, 1), меч длиной 61,5 см, случайно найденный близ с. Текуча Черкасской обл. и хранящийся в Уманском краеведческом музее (рис. 17, 3), а также меч из кургана 14 у с. Николаевка близ г. Смелы (Бобринский, 1887, с. 40–41). Последний не сохранился

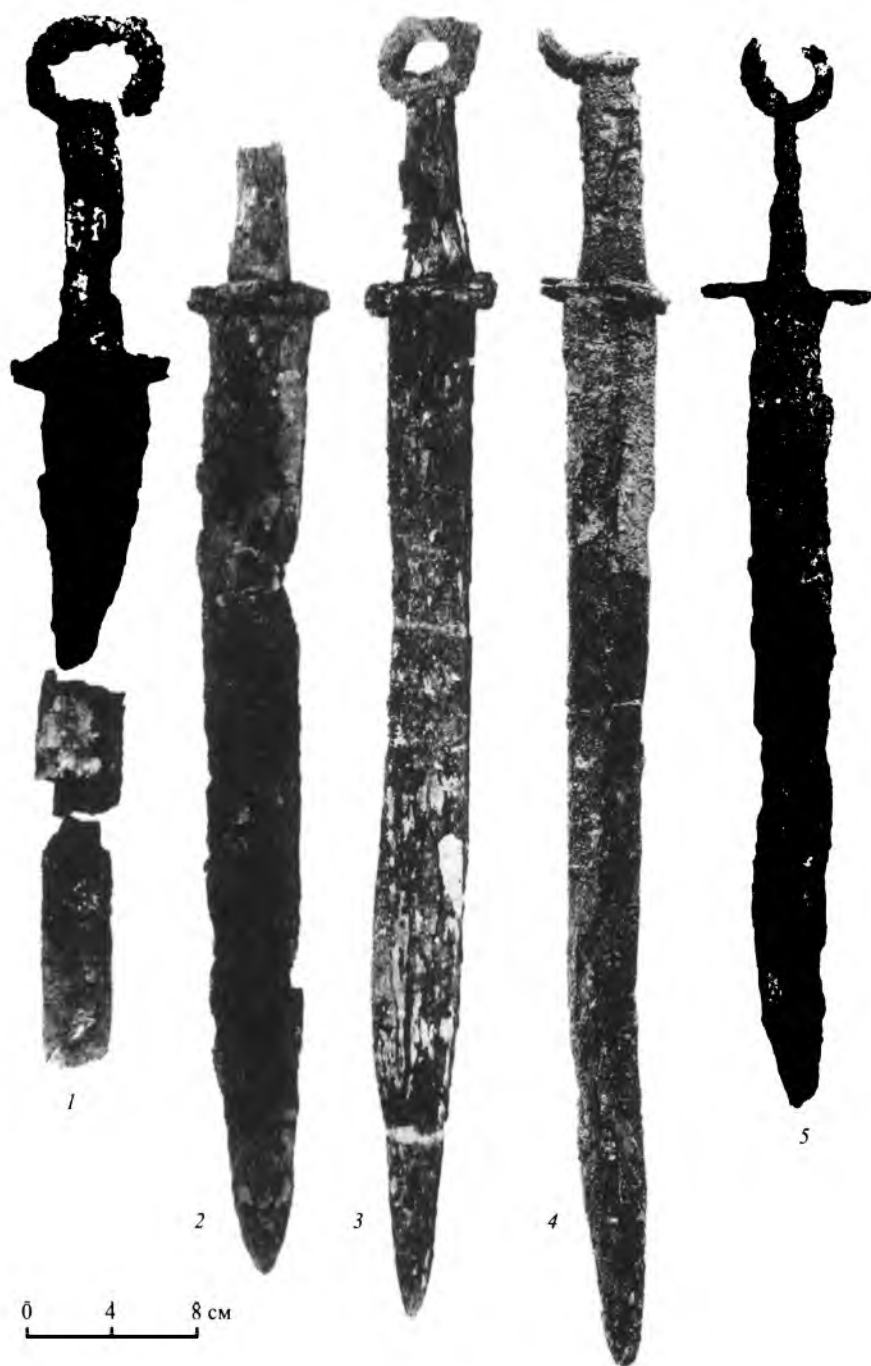


Рис. 15. Мечи с кольцевым навершием:

1 — Актово, 7/10; 2 — Усть-Каменка, 66/1; 3 — Усть-Каменка, 63/1; 4 — Первоконстантиновка, 1/2;
5 — Петрешь, п. 12

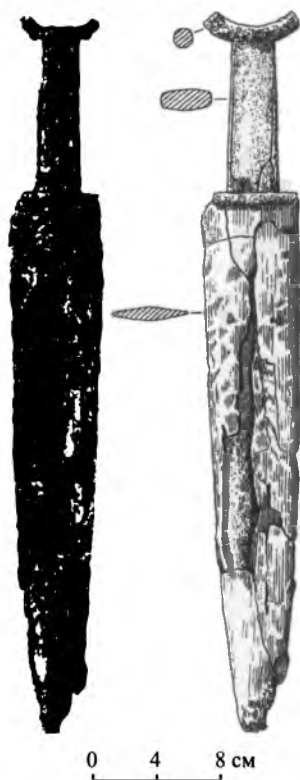


Рис. 16. Кинжал из Б. Черноморки

и не воспроизведен. По описанию А. А. Бобринского, «...длина его должна быть около 1,25 аршин (около 89 см. — А. С.); рукоятка приходилась справа, у локтя, меч же вытянут был через правое бедро и кончался у левого колена». Если А. А. Бобринский дал точные размеры (меч был фрагментирован, и обломки могли быть растянуты), то это один из самых длинных мечей с кольцевым навершием во всей Сарматии и, безусловно, самый длинный в Северном Причерноморье.

Ширина клинка чаще всего равна 4 см, как и на остальной территории Сарматии. Заметим, что клинки с отклонениями от стандартных размеров (очень длинные или слишком узкие либо широкие) вообще редки у скифов и сарматов. Не исключено, что увеличение или уменьшение длины или

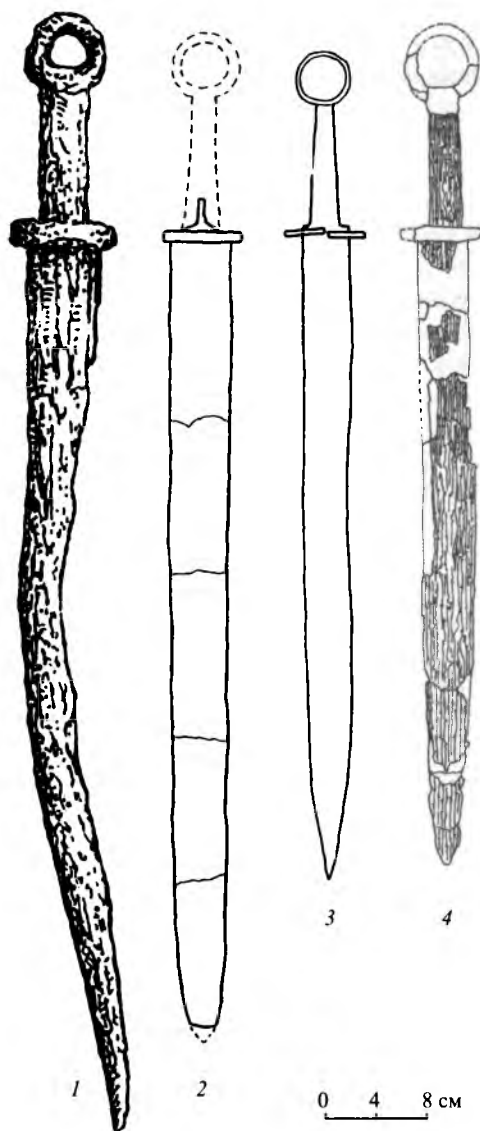


Рис. 17. Длинные мечи с кольцевым навершием: 1 — Аккермень II, зап. гр., 5/1 (Вязьмітіна та ін., 1960); 2 — Новофилипповка, сев. околиця, 3/1; 3 — Текуча, случ. нах.; 4 — Днепрозаводстрой, 26/1

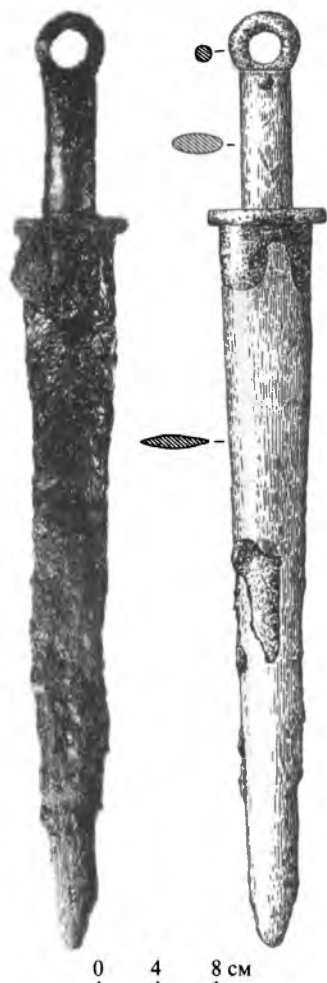


Рис. 18. Меч из Новофилипповки, зап. околица, 2/2 (1947 г.)

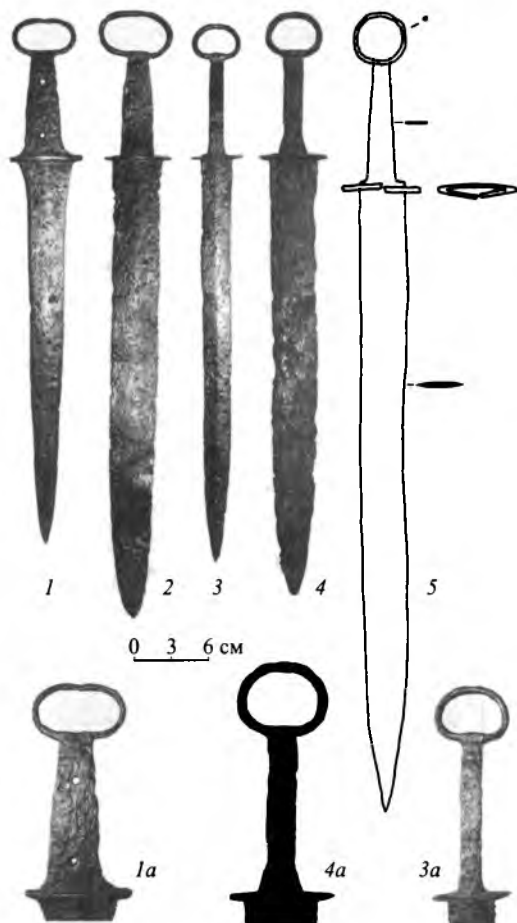


Рис. 19. Мечи и кинжалы из коллекции НМИУ: 1, 1а — Куриловка; 2 — Березинцы; 3, 3а — Среднее Поднепровье, коллекция А. А. Бобринского; 4, 4а — Васильков; 5 — Текуча

ширины клинка, приводящее к изменению его общего веса, балансировки, ударных характеристик, могло быть обусловлено индивидуальными данными и соответственно желанием владельца-заказчика. Довольно узкий (3,5 см) клинок у длинного меча из могильника Аккермень II, 5/1¹². Широкие (6–6,5 см) клинки также редки. На исследуемой территории их известно

два: из Павловки, 1/1, и Новофилипповки, раскопки 1947 г., 2/1 (рис. 18).

Большинство клинков в сечении линзовидные, толщиной 0,7–1 см. Однако эти цифры получены при измерении сильно корродированных клинков, происходящих из погребений. Толщина клинков нескольких мечей и кинжалов из НМИУ и Уманского краеведческого музея (рис. 19, 1–5), найденных случайно и потому не подвергшихся действию разлагающейся органики, составляла 0,4–0,5 см. У двух экземпляров

¹² Здесь и далее цифра в числителе означает номер кургана, в знаменателе — погребения.

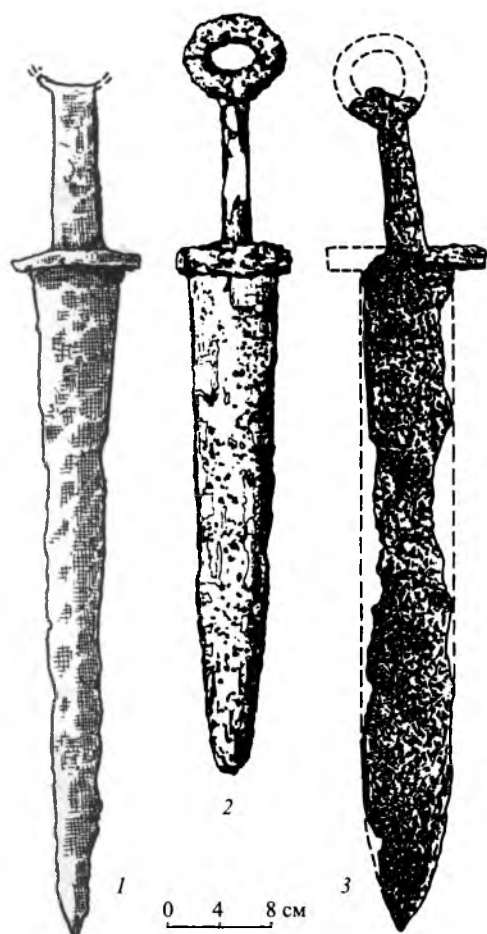


Рис. 20. Мечи из Северо-Западного Причерноморья: 1 — Островец-Вертеба (Смішко, 1962); 2 — Казакля, 10/1 (Агульников, Бубулич, 1999); 3 — Олзешит, 4/4 (Курчатов, Бубулич, 2003)



Рис. 21. Парадный меч из Порогов

(НМИУ, № Б1287 и 1288) — ромбовидное сечение за счет невысокого продольного ребра. К сожалению, оба кинжала найдены случайно и не имеют точной даты.

Перекрестье. Почти у всех мечей и кинжалов этого типа перекрестье прямое, сделанное из полосы железа шириной 1 см¹³. У хорошо сохранившихся клинков из НМИУ

перекрестья другого типа: плоские, овальные или ромбические в плане, толщиной 0,2–0,3 см (рис. 19, 1а, 3а, 4а). Визуальный осмотр позволяет предположить, что они отковывались отдельно и надевались на ручку. Концы перекрестья выходят за пятю клинка в большинстве случаев на 1–1,5 см с обеих сторон. Длина перекрестья варьирует от 5 до 7 см в зависимости от ширины клинка.

Концы перекрестья меча из могильника Островец-Вертеба несколько опущены,

¹³ Бронзовое перекрестье у меча из с. Извоаре в Молдове (Гросу, 1983, с. 44).

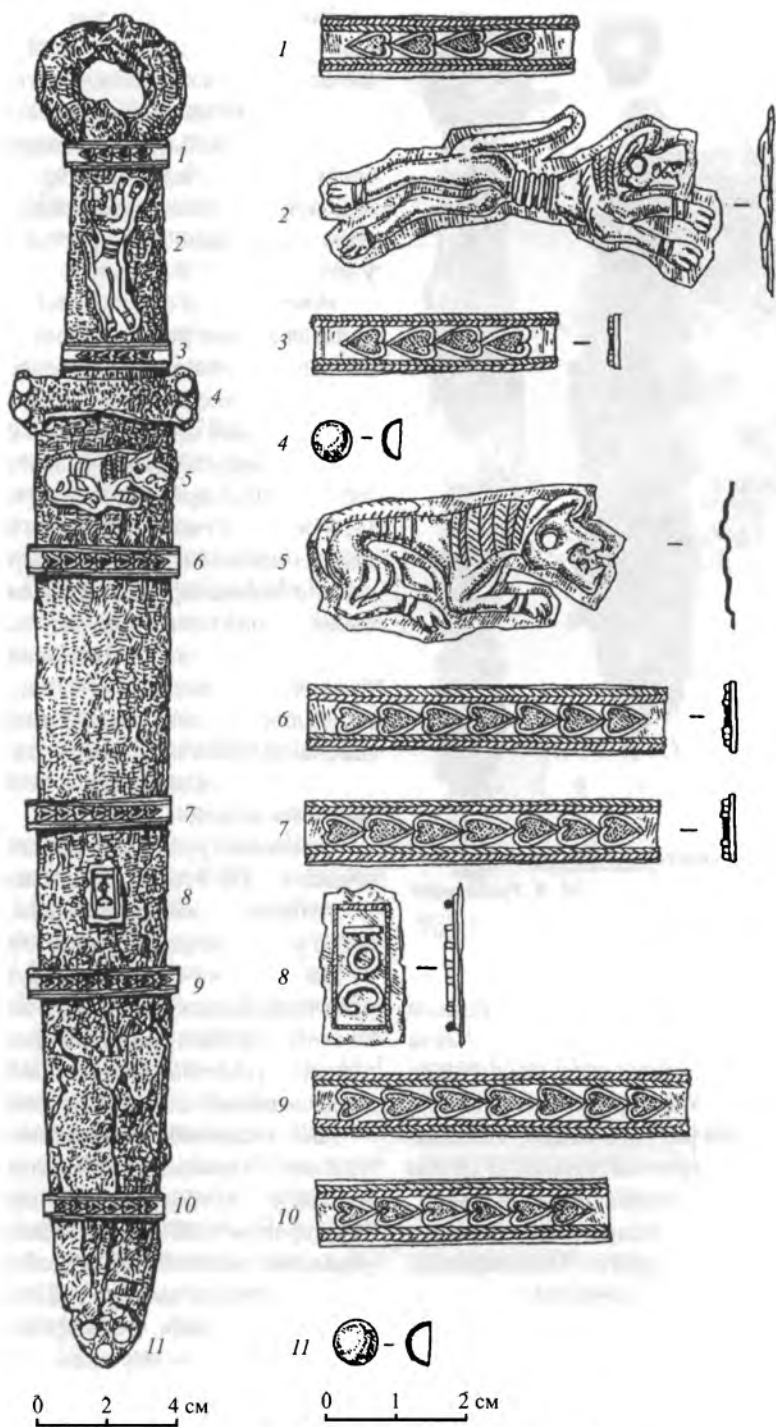


Рис. 22. Золотой декор меча из Порогов

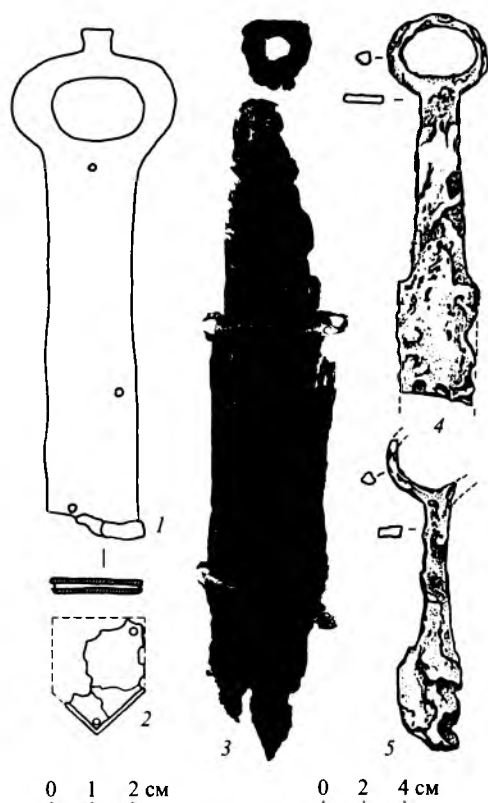


Рис. 23. Рукояти и детали ножен:

1 — Новофилипповка, раскопки М. Я. Рудинского;
2 — Новофилипповка, сев. околица, 1/1; 3 — Усть-Каменка, 4/1; 4, 5 — Залевки

что придает ему очертания дуговидного (рис. 20, 1). Место хранения этого меча мне неизвестно (неизвестно, сохранился ли он вообще), и осмотреть его сейчас невозможно, но на рисунке видно, что нижняя кромка перекрестья прямая. В целом его рискованно называть дуговидным.

Несколько нестандартно перекрестье парадного меча из Порогов. Оно широкое, спереди по углам расположены четыре золотые полусферические бляшки (рис. 21). Аналоги его отсутствуют, хотя украшение перекрестья золотом известно на сарматском оружии этого времени (Рошава Драгана, Зубовский курган).

Почти все перекрестья в плане овальные (у кинжала Б1288 из НМИУ оно ромбическое), охватывающие пятю клинка у основания рукояти. Перекрестье мечей и кинжалов с кольцевым навершием изготавливалось из железного прута, которым огибали пятю клинка и сваривали у одного из концов. Такое перекрестье, например, у меча с хутора 8 Марта.

Ручка. Ручки оружия этого типа четко делятся на две разновидности: широкие, несколько сужающиеся к навершию, шириной в средней части 3 см, и узкие, почти одинаковой ширины (2–2,5 см) по всей длине. Широкие ручки в сечении овальные, овально-прямоугольные или прямоугольные. Это наблюдение не может считаться окончательным, т. к. коррозия очень сильно деформировала их. Пожалуй, они были уплощенные, прямоугольного сечения, как на хорошо сохранившихся экземплярах из Уманского музея и НМИУ, — на овальной основе некрепишь деревянных накладок. А вот узкие ручки, вероятнее всего, были овальными в сечении и обматывались кожей.

Отдельные ручки могли иметь костяные накладки. Об этом говорит экземпляр из неопубликованных раскопок М. Я. Рудинского у с. Новофилипповка. Это костяная ручка кинжала (?) в виде двух пластин, оканчивающихся кольцом, на верхней части которого выступ в виде трапеции. Накладки скреплены одной бронзовой и двумя железными заклепками (рис. 23, 1).

На исследуемой территории единственный меч с украшенной золотом рукоятью найден у с. Пороги. Его ручка, обложенная деревом и обтянутая красной кожей, украшена золотой накладной пластиной в виде бегущего льва (рис. 22, 2). Пластина штампованная, рельефным веревочным орнаментом передана грива, живот подчеркнут пятью рельефными линиями. Хвост поднят и загнут на спину. Окончания ручки у навершия и перекрестья схвачены

золотыми прямоугольными обоймами с сердцевидными вставками голубой эмали (рис. 22, 1, 3). Такой декор ручки оригинален, аналоги его мне неизвестны.

Навершие. Диаметр кольца навершия чаще всего составляет 5 см, сечение от 0,5 до 1 см. Навершие в плане обычно круглое, лишь четыре экземпляра овальные.

Хронология и происхождение. Наиболее ранний (из датированных экземпляров) меч с кольцевым навершием (рис. 24, 1) найден в могильнике Аккермень I, 3/18 вместе с канфаром (рис. 24, 2) конца II — I в. до н. э. (Вязьмитина, 1960, с. 20). Во всяком случае, такой может быть его нижняя дата, поскольку не исключено, что редкий и дорогой для сарматов канфар мог использоваться долго. Меч из могильника Островец-Вертеба по фибуле «бойев» с ажурным приемником можно отнести к первой половине I в. н. э.

Большинство остальных экземпляров трудно датировать точнее, чем I — первой половиной II в. н. э. Последней четвертью I в. н. э. датируется «царское» погребение в Порогах, где меч с кольцевым навершием найден вместе с амфорами типа Шеллов А и дакийскими сильнопрофилированными фибулами. Такая же фибула датирует меч из Плавней второй половиной I — началом II в. н. э. К I в. н. э. относятся мечи из Глубокого и Усть-Каменки, 32/1 (лучковые подвижные фибулы 1-го варианта I серии, по А. К. Амброзу) и Усть-Каменки, 43/1 (фибула «лебяжьинской» серии).

Несколько мечей надежно датируются I в. н. э. по находкам с ними пиксид, амфор, фибул, браслетов, краснолаковой керамики (Днепрозаводстрой, 29/1; Новофилипповка, северо-западная окраина, 2/1; северная окраина, 1/1; там же, раскопки М. Я. Рудинского, 1/1; Аккермень II, 10/1; 5/1). Меч из Казаклии, 1/10 (рис. 20, 2), позволяют отнести к концу I — началу II в. н. э. амфора типа Шелов В и бронзовая миска Эггерс 70.



Рис. 24. Комплекс из могильника Аккермень I, 3/18:
1 — меч; 2 — канфар

Возможно, несколько более поздний кинжал из Огородного. Обнаруженный вместе с ним сероглиняный кувшин аналогичен сосуду из могильника Аккермень II (восточная группа, 2/1), который датируется первой половиной II в. н. э. (Вязьмитина, 1954, с. 232). Этим же временем, по сочетанию шарнирной эмалевой фибулы, сосуда в виде барана и сервиза бронзовой римской посуды (Симоненко, 1998, с. 71–72; Курчатов, Бубулич, 2003, с. 301), должен датироваться комплекс из Олэнешть, в составе которого меч с кольцевым навершием (рис. 20, 3).

Короткие мечи с кольцевым навершием продолжали бытовать и в позднесарматское время, хотя основным оружием стал длинный меч с рукоятью-штырем. Этот факт отнюдь не разрушает никаких типологических схем, а лишь напоминает нам, что, строя их, мы не должны забывать о людях, материальные следы прошедшей жизни которых изучаем. Примеры кавказских горцев, казаков, среднеазиатских народов демонстрируют долгое бытование дедовского и отцовского холодного оружия в военизированных обществах. Безусловно, не были исключением и сарматы.

Мечи с кольцевым навершием известны в памятниках начальной фазы позднесарматского периода (вторая половина II — начало III в. н. э.) в Подонье и Поволжье (Безутлов, 1988, с. 109–110). На исследуемой территории они найдены в могильниках этого же времени у сс. Шевченко в Приазовье (рис. 25, 3) и Бедражий Ной в Молдове (рис. 25, 1, 2), причем в обоих памятниках — совместно с длинными мечами с рукоятью-штырем (Шепко, 1987, с. 172; Курчатов та ін., 1995, с. 114–117). К этому же времени, судя по зеркалу-подвеске с тамгообразным узором на обороте, относится меч из Мэркэуць (Рикман, 1975, с. 24). Синхронны ему мечи из сарматских памятников Румынии (Bârcă, 1999, p. 110).

Таким образом, у сарматов Молдовы и Румынии клинки с кольцевым навершием использовались дольше, чем на востоке. С еще большей уверенностью можно говорить об этом применительно к венгерским языгам. Самый ранний в Венгрии меч из погребения близ Уйсилваш (Újszilvás) (рис. 25, 5) датируется фибулой времени Траяновых войн (Istvánovits, Kulczár, 2001, p. 151). А. М. Хазанов совершенно справедливо счел ошибочной датировку IV в. н. э. меча из Гава-Катонахалом (Gáva-Katónahalom) (рис. 25, 4): венгерские ученые датируют этот памятник II–III вв. (Istvánovits, Kulczár, 2001, p. 151).

А. С. Скрипкин полагает, что совместные находки оружия с кольцевым и серповидным навершиями в Поволжье позволяют отнести появление первого на вооружении сарматских воинов ко II в. до н. э. (Скрипкин, 2005, с. 171–185). Таких находок ему известно 12, причем с кинжалами с серповидным навершием чаще встречаются длинные мечи с кольцевым навершием (могильники Петрунино II, 1/13, 14; Рыбный, 3/12; Котлубань V, 1/6; Калининский, 19/17; Политотдельское, 19/26). В большинстве комплексов находились колчаные наборы железных трехлопастных черешковых наконечников стрел. По мнению А. С. Скрипкина, это ограничивает их нижнюю дату II в. до н. э., поскольку для комплексов III в. до н. э. характерно сочетание в колчанах железных и бронзовых наконечников стрел (Скрипкин, 2005, с. 182).

Боюсь, что мой уважаемый коллега несколько занижил дату этих комплексов. Он прав в том, что они не древнее II в. до н. э., но колчаные наборы с черешковыми наконечниками характерны для I в. до н. э. — I в. н. э. А. С. Скрипкина, как и многих, «смутили» прохоровские кинжалы в этих комплексах, как бы предусматривающие их удревнение. Но, во-первых, клинковое оружие жило в кочевой среде долго — тому есть масса этнографических примеров. Во-вторых, остальные вещи вполне вписываются в более позднюю (I в. до н. э.) датировку. Между прочим, она никак не расходится с датой финала прохоровской культуры, предложенной самим же А. С. Скрипкиным. Иными словами, возраст прохоровских кинжалов из этих погребений не обязательно должен насчитывать сотню лет, если кого-нибудьстораживает это обстоятельство, — они вполне могли быть изготовлены и в I в. до н. э.

Кольцевое навершие клинкового оружия появляется еще в культурах поздней бронзы и скифского времени. Оно известно

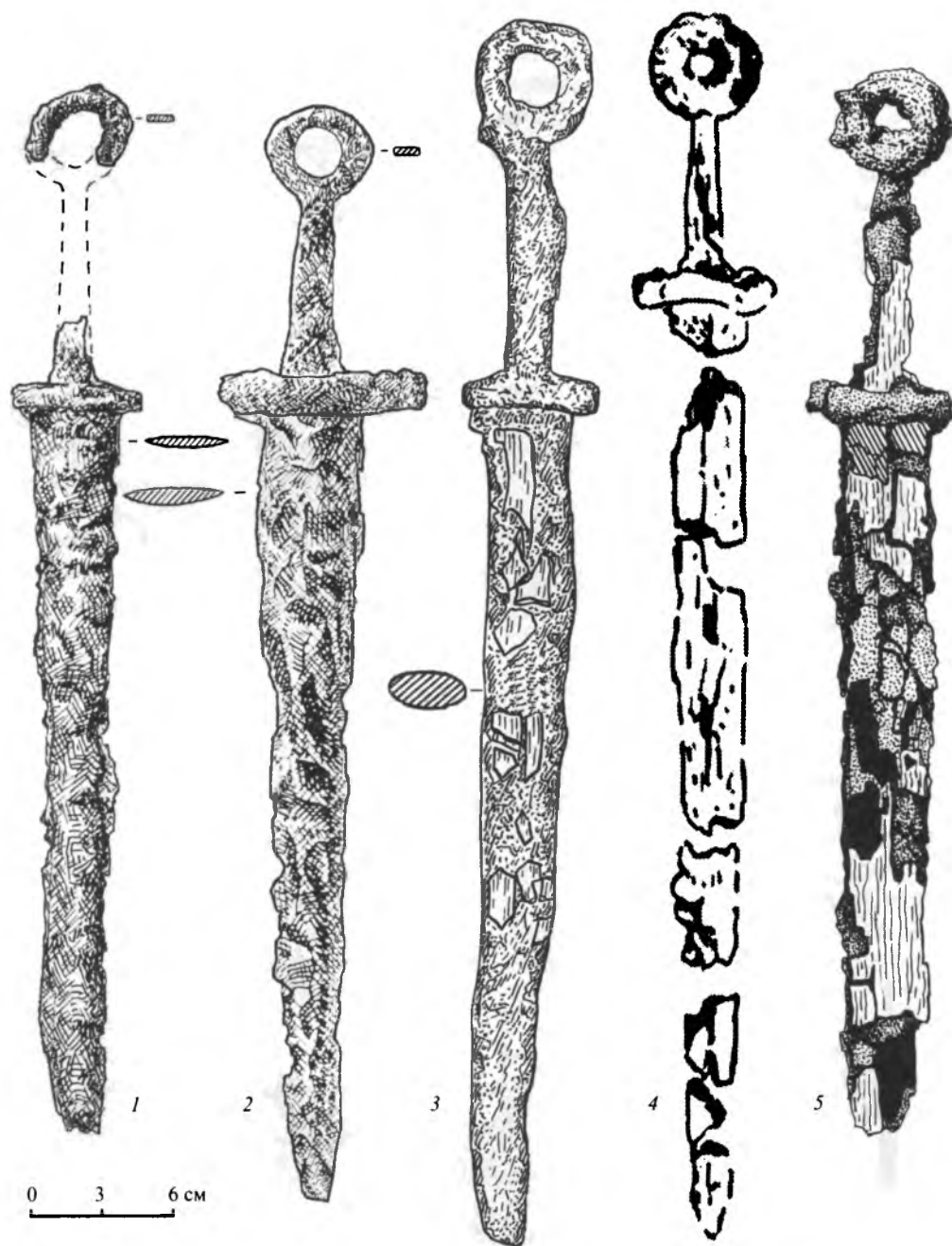


Рис. 25. Мечи и кинжалы позднесарматского времени:

1, 2 — Бедражий Ной; 3 — Шевченко (Шепко, 1987); 4 — Гава-Катонахалом (Istvánovits, Kulcsár, 2001);
5 — Уйсилваш (Tari, 1994)

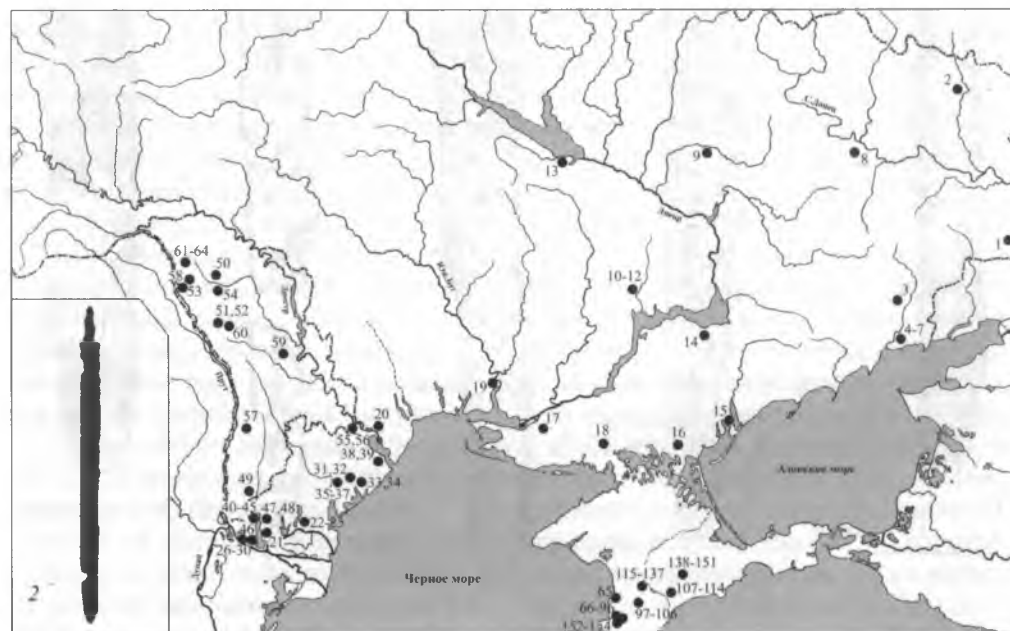
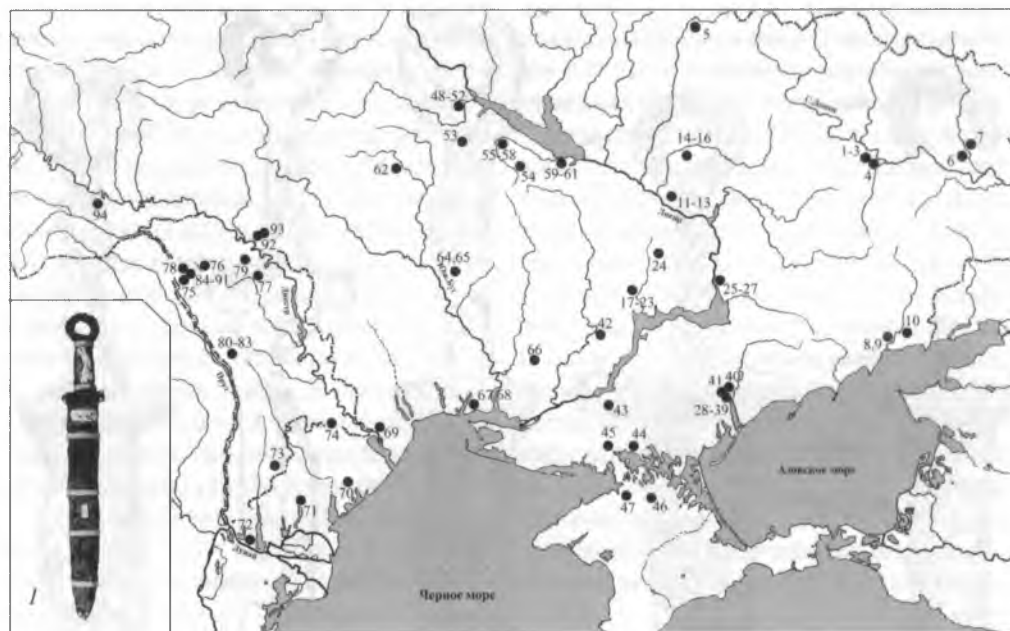


Рис. 26. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием (1) и рукоятью-птырем (2) в Северном Причерноморье (номера на картах соответствуют номерам в приложениях 3, 4)

на территории ряда северных провинций Китая, Внутренней Монголии, Минусинской котловины, Алтая, на оленных камнях первой половины I тыс. до н. э. (Скрипкин, 2005, с. 181). На эту связь обратил внимание А. М. Хазанов (Хазанов, 1971, с. 8–9), однако мысль о далеком центральноазиатском происхождении сарматов в период господства автохтонистской теории была абсолютно крамольной.

А. С. Скрипкин полагает, что появление мечей с кольцевым навершием у сарматов связано с влиянием восточных культурных традиций. По его мнению, это подтверждается еще и тем, что мечи этого типа у них распространяются на фоне целого пласта вещевого материала, отражающего культурные традиции территорий, располагавшихся далеко к востоку от собственно сарматских земель (Скрипкин, 2005, с. 182).

Ареал мечей и кинжалов с кольцевым навершием охватывает всю степную зону Северного Причерноморья, заходя частью и в лесостепь (рис. 26, 1). Относительная равномерность их распространения свидетельствует о том, что это оружие состояло на вооружении всего сарматского населения исследуемой территории. Кроме того, мечи и кинжалы этого типа известны в позднескифских памятниках и античных городах, отражая влияние и частичное проникновение сарматского культурно-этнического элемента на указанные территории.

1.4. Оружие с рукоятью-штырем

Основными характеристиками мечей этого типа являются: длинный (до 100 см) клинок и рукоять в виде штыря или черенка, откованного вместе с клинком. Металлического навершия такие клинки не име-

ли, а рукоять иногда увенчивалась дисковидным навершием из кости или алебастра либо объемным полихромным навершием из халцедона или других полудрагоценных минералов, отделанных золотом. Эти же признаки и у кинжалов, клинок которых, разумеется, короче. Мне известно 154 экземпляра (рис. 26, 2; приложение 4).

Традиционно считается, что мечи и кинжалы без металлического навершия характерны для позднесарматского периода (Хазанов, 1971, с. 15). Парадокс в том, что, с одной стороны, это утверждение верно, а с другой — не совсем. И вообще у сарматов и на исследуемой территории оно появляется гораздо раньше.

А. М. Хазанов разделил оружие с рукоятью-штырем на пять типов: 1-й тип — с перекрестьем; 2-й тип — без перекрестья, клинок переходит в черенок под тупым углом; 3-й тип — без перекрестья, клинок переходит в черенок под прямым углом; 4-й тип — с приваренной рукоятью; 5-й — с вырезами у пяты клинка (Хазанов, 1971, с. 17). Единственный меч 4-го типа (к тому же не сарматский, а гуннский) вряд ли стоило выделять, но представительность остальных показывает работоспособность схемы. В нее укладывается и причерноморское оружие.

Мечи и кинжалы 1-го типа в Северном Причерноморье немногочисленны (приложение 4). Среди них наиболее интересен меч из погребения знатного сармата у с. Весняне (Simonenko, 1997, S. 393).

Клинок его длинный, линзовидный в сечении, перекрестье широкое. Рукоять подпрямоугольная в сечении, со следами дерева на черенке. На клинке остатки деревянных ножен. Длина клинка 81,3 см, ширина 4,2 см, длина черенка 18 см, ширина 3 см у пяты, 1,8 см у конца (рис. 27, 1).

Меч из Весняного был опубликован как оружие с прямым перекрестьем. Однако при реставрации выявлена любопытная деталь. Перекрестье меча оказалось не пря-

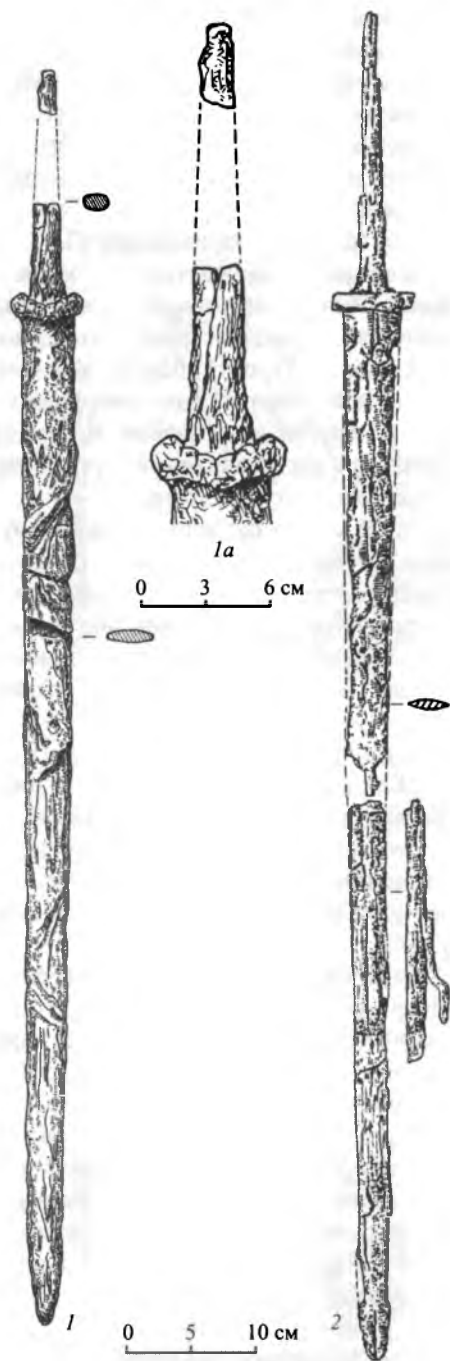


Рис. 27. Мечи с рукоятью-штырем 1-го типа:
1, 1а — Весняне; 2 — Терновка

мым, а «сломанным» под тупым углом вершиной вниз, к острию клинка (рис. 27, 1а). В плане оно линзовидное, концы несколько шире средней части, и это расширение — не результат коррозии, а конструктивный элемент. Перекрестье такого типа — у длинного меча из погребения в кургане Рошава Драгана в Болгарии (рис. 44, 3). Оно серебряное, с золотыми инкрустированными изображениями ветки плюща и противостоящих пантер (Буюклиев, 1986, табл. 100, а). Меч из Рошава Драгана, судя по длине, наличию китайской нефритовой скобы на ножнах и золотой отделке с сарматскими тамгами, восточного происхождения (см. ниже).

Черенок меча из Весняного необычно длинный. Это свидетельство того, что его рукоять была «катушкообразной», среднеазиатского типа¹⁴. Детальное изучение полевой документации находок таких мечей позволило С. И. Безуглову убедительно реконструировать их рукояти (Безуглов, 2000, с. 177). Он обоснованно полагает, что деревянная ручка была длиннее железного штыря и наверху крепилось вертикальной шпилькой в расширяющийся торец ручки. Известны и находки наверший с сохранившейся шпилькой (Камышевский I, Ростов-на-Дону, Центральный VI, Альт-Веймар, Тифлисская, 11/1, Маяки, 2/3). Длину рукоятей С. И. Безуглов реконструирует в пределах 21–28 см (Безуглов, 2000, с. 171).

Такая же длинная (21 см) рукоять у меча из Терновки (неопубликован, раскопки А. И. Кубышева 1981 г.). Длинный

¹⁴ Иногда их называют «двуручными» (грешил этим и я) по аналогии с турнирными мечами позднего Средневековья. Я встречал в литературе и такого терминологического монстра, как «полуторачный» (?) меч. Однако никто никогда не называл двуручными катаны, также имеющие очень длинные рукояти. Эта восточная традиция вряд ли требовала удержания меча только двумя руками, и термина «двуручный», наверное, следует избегать.

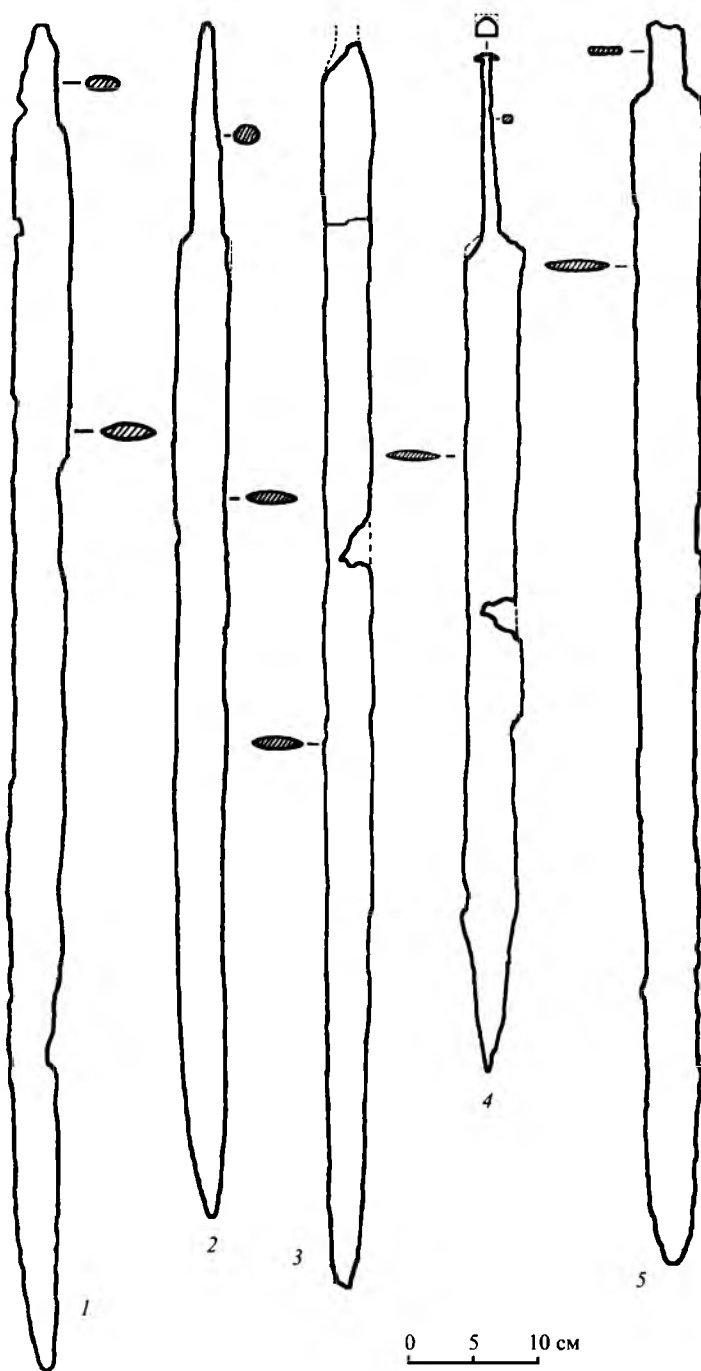


Рис. 28. Мечи с рукоятью-штырем 2-го типа:

1 — Маяки; 2 — Усть-Каменка, 37/1; 3 — Усть-Каменка, 40/1; 4 — Водославка;
5 — Светловодск

(78,6 см) линзовидный в сечении клинок с прямым перекрестьем усиливает сходство с сарматскими мечами. В нижней части клинка находится фрагмент железной скобы: меч был найден сломанным и сложенным пополам, и скоба, находившаяся, несомненно, в верхней части ножен, прикипела внизу (рис. 27, 2).

Погребение было разрушено, но по остаткам скелета видно, что он лежал вытянуто на спине, головой на север. Рядом с рукоятью найдена прямоугольная костяная пластина с отверстием, а в ногах могилы — кувшин, по которому погребение было определено как салтовское (Кубышев и др., 1981, с. 160–161). Я не исключаю, что это определение ошибочно, а погребение у Терновки оставлено поздними сарматами: похожая на салтовскую керамика у них есть.

Возможно, кинжал с бронзовым перекрестьем был найден Д. Я. Самоквасовым в кургане II у с. Шаболат: «...кинжал с бронзовым основанием ручки» (Самоквасов, 1908, с. 131). Три клинка 1-го типа найдены в позднесарматских погребениях конца II — первой половины III в. н. э. в Молдове (Бокань, Бешалма, Бедражий Ной), причем перекрестье последнего слегка дуговидно изогнуто. Несколько кинжалов происходят из погребений у с. Приморское и могильника Алкалия в Буджаке.

Мечи 2-го типа — с клинком, переходящим в черенок под тупым углом, — наиболее многочисленны на всех сарматских территориях, в том числе и в Северном Причерноморье. Клинки этого оружия имеют параллельные лезвия, сходящиеся в последней трети длины. Все они длинные, в сечении линзовидные. От центральной точки пяты отходит черенок рукояти-штыря.

Длинный, около 100 см, клинок у меча из погребения 2 могильника Криничное (Федоров, 1969, с. 249). Меч из с. Маяки,

2/3 (рис. 28, 1), длиной около 110 см (Дзиговский, 1982, с. 87). Клинков меча из Светловодска длиной 90 см (рис. 28, 5), длина других клинков этого типа от 87 до 71 см (рис. 28, 2–4).

Ширина стабильна — в пределах 4–5 см. Довольно узкие (2 и 2,6 см) клинки из Олэнешть, 4/4 (рис. 30, 4)¹⁵, и Шевченко, 8/2 (рис. 29, 1). В публикации (Махно, 1960, с. 18) указано, что ширина меча из Усть-Каменки, 1/22 (рис. 29, 3), 8, в нижней части — 6 см. Размеры необычно велики, и не исключено, что при измерении корродированного клинка произошла ошибка. Проверить данные Е. В. Махно я не могу — место хранения меча неизвестно, но на фотографии при масштабе 1: 8,5 см ширина клинка составляет около 6 см, что ближе к реальности. Учитывая средние размеры такого оружия, следует признать, что этот меч довольно массивен — ширина клинков остальных мечей 2-го типа из Усть-Каменки (при почти такой же длине) 4 см.

Длина клинков кинжалов этого типа колеблется в пределах 28–21 см, ширина — 3–3,5 см (рис. 30).

Ручки в виде черенка или штыря откованы вместе с клинком. Большинство их в сечении овальные, ручка меча из Водославки — квадратная в сечении, заканчивающаяся квадратной же шайбой-навершием (рис. 28, 4). Следы деревянных обкладок прослежены на кинжале из Перещепина, на мечах из Усть-Каменки, 1/1, и Нещеретова. На последнем отмечены бронзовые заклепки, скреплявшие накладки (Луцкевич, 1952, с. 137–138). Длина

¹⁵ Не будем обсуждать несколько наивное предположение С. Курчатова и В. Бубулича о том, что кривизна длинного меча из Олэнешть «должна была увеличивать его данные как кавалерийского рубящего оружия» (Курчатова, Бубулич, 2003, с. 294): деформация этого клинка, несомненно, есть результат коррозии в погребении и к появившимся много позже саблям отношения не имеет.

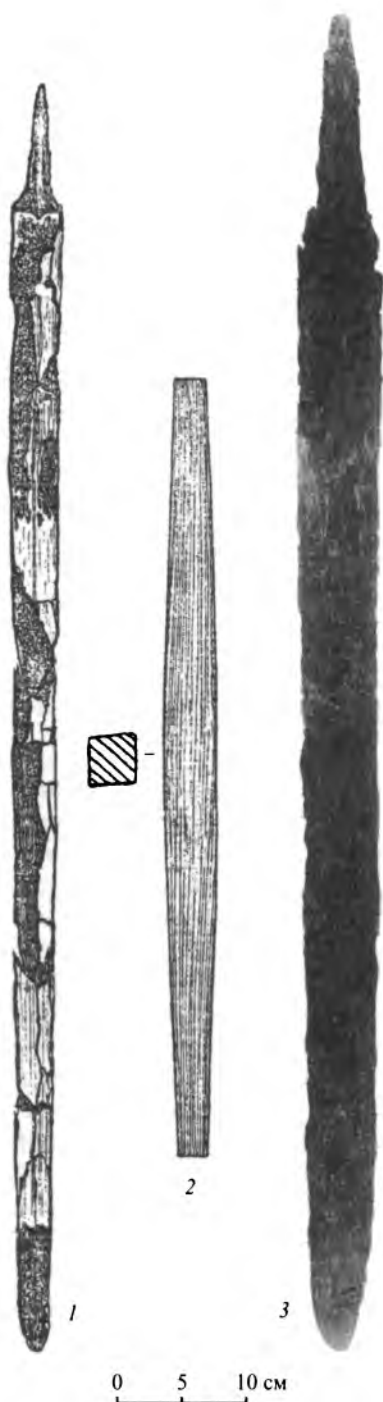


Рис. 29 (слева). Мечи с рукоятью-штырем 2-го типа:
1, 2 — Шевченко; 3 — Усть-Каменка, 1/22

Рис. 30. Мечи и кинжалы с рукоятью-штырем 2-го типа:
1 — Каланчак; 2 — Перещепино; 3 — Дрокия; 4 —
Олэнешть, 4/4 (Курчатов, Бубулич, 2003)

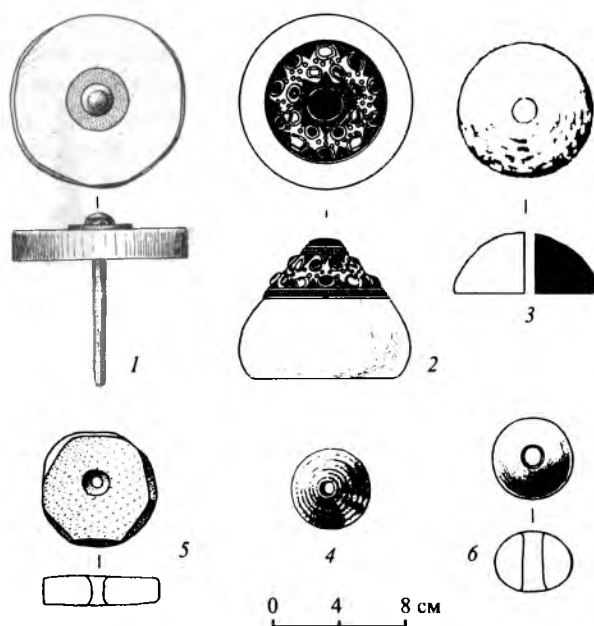


Рис. 31. Навершия и другие детали мечей с рукоятью-штырем:

1, 5, 6 — Маяки; 2 — Градешка; 3 — Белолесье (Субботин, Дзиговский, 1990); 4 — Нещеретово (Луцкевич, 1952)

черенков в тех случаях, когда они сохранились полностью, колеблется от 8 (Криничное, Усть-Каменка, 1/1) до 14–15 см (Усть-Каменка, 37/1).

Форма и длина ручек мечей 2-го типа не всегда понятна. Маленькое квадратное бронзовое окончание ручки меча 2-го типа из Водославки фиксирует ее длину в 14 см. Бронзовое навершие в виде шарика из Криничного лежало в 8 см от пяты клинка и, возможно, соответствует длине ручки. Находки круглых наверший (Белолесье, Маяки) позволяют предполагать, что некоторые ручки были длинными «катушкообразными», восточного типа.

Диагностирующим признаком мечей 1-го и 2-го типов считается навершие, сделанное из различных минералов, цветных и драгоценных металлов. В Северном Причерноморье они найдены в Белолесье, 3/9, Маяках, 2/3, Нещеретове, Градешке, 9/1.

Первое необычно — оно костяное, грибовидное, диаметром 4 см (Субботин, Дзиговский, 1990, с. 15, рис. 12, 4). Похоже, что мастер приспособил под завершение ручки то, что попало ему под руку (рис. 31, 3). Навершие из Маяк алебастровое (или гипсовое?)¹⁶, в форме плоского цилиндра с отверстием в центре. Бронзовая шпилька с полусферической головкой, пропущенная через отверстие (рис. 31, 1), вероятно, вбивалась в торец длинной деревянной ручки, как предположил С. И. Безуглов. Аналогичное навершие происходит из погребения II в. н. э. у с. Тузлы на Тамани (Сокольский, 1954, с. 156).

По мнению И. Н. Луцкевича (Луцкевич, 1952, с. 138), рукоять меча из Нещеретова украшал найденный рядом с курганом

¹⁶ Из перенасыщенной минералогическими определениями филиппики В. Ф. Петруня в защиту чистоты терминологии я понял только одно — навершие из Маяк не алебастровое (Петрунь, 1999, с. 210).

(sic!) стеклянный конус диаметром 2,4 и высотой 0,8 см, свитый из зеленоватой нити (рис. 31, 4). Не отвергая это в принципе, хочу лишь заметить, что местонахождение и размеры предмета не убеждают в том, что это было именно навершие.

Роскошное полихромное навершие найдено в кургане 9 могильника Градешка (Гудкова, Редина, 1999, с. 177–179, рис. 2, 15). Его приземистый грушевидный корпус с плоскими основаниями выточен из горного хрусталя. В корпусе — сквозной вертикальный канал, а в плоском нижнем основании — четыре расположенных квадратом узких косых отверстия для штифтов крепления к ручке. Верхнее основание увенчано бронзовым, плакированным золотом, конусом, который, без сомнения, крепился к деревянной ручке через канал в хрустальном корпусе несохранившимся бронзовым штифтом. Таким образом, корпус навершия фиксировался сверху конусом, а снизу — четырьмя штифтами. Конус увенчан вставкой красного турмалина в вершине. Вставка оконтурена двумя поясками зерни с рифленой проволокой между ними. От внешнего края этого фриза на конус спускаются треугольники зерни, а между ними — маленькие круглые вставки азурита (разновидность халцедона цвета морской волны). Край конуса подчеркнут полоской плетеной скани, заключенной между двумя гладкими проволоками и треугольниками зерни на корпусе с азуритовыми вставками между ними (рис. 31, 2).

Немногочисленные стилистические аналогии навершию происходят из несколько более ранних памятников Азиатской Сарматии (Гудкова, Редина, 1999, с. 186). Интересно, что оно венчало рукоять меча 3-го типа¹⁷, для которого такие

навершия — культурно чуждый элемент. Возможно, рукоять этого «западного» меча была украшена в традиционном «восточном» стиле старым полихромным навершием, каким-то образом сохранившимся у его последнего хозяина — воина-степняка.

В свое время в науке была принята точка зрения М. И. Ростовцева о «кубано-пантикапейском» происхождении таких наверший, поддержанная Н. И. Сокольским (Хазанов, 1971, с. 21). С. И. Безуглов справедливо поставил под сомнение корректность термина «кубано-пантикапейский меч» (Безуглов, 2000, с. 169). И это верно по той простой причине, что М. И. Ростовцеву и его последователям в этом вопросе были известны навершия, найденные в основном на Боспоре и Кубани. Позже они появились и в других регионах. Их находки от Казахстана до Венгрии и изображения на орлатских пластинах показывают, что эта традиция имеет восточные (китайско-среднеазиатские) истоки. Впрочем, стиль и техника драгоценных наверший из горного хрусталя, халцедона или янтаря с полихромными золотыми окончаниями (Градешка, к. 9, Тифлисская, к. 11, Усть-Лабинская, к. 45) не исключают их изготовления причерноморскими (возможно, боспорскими) ювелирами.

Интересная находка сопровождала меч из могильника Шевченко — длинный (53,9 см) сланцевый оселок (рис. 29, 2). Такие оселки изредка находят (и всегда вместе с мечами 2-го типа) в погребениях «длинноголовых всадников» конца II — первой половины III в. н. э. (Безуглов, 1988, с. 103). Этот культурный горизонт позднесарматских древностей локализуется в Азиатской Сарматии от Урала до Нижнего Дона, а могильник Шевченко фиксирует его крайние западные пределы.

Мечи 3-го типа — с прямым углом между пятой и рукоятью-штырем — отличаются длинными (до 90 см) и широкими

¹⁷ В публикации (Гудкова, Редина, 1999, с. 179, рис. 2, 9) он неверно изображен как меч 2-го типа. Однако изучение de visu (рис. 32, 2) показало, что это оружие 3-го типа.

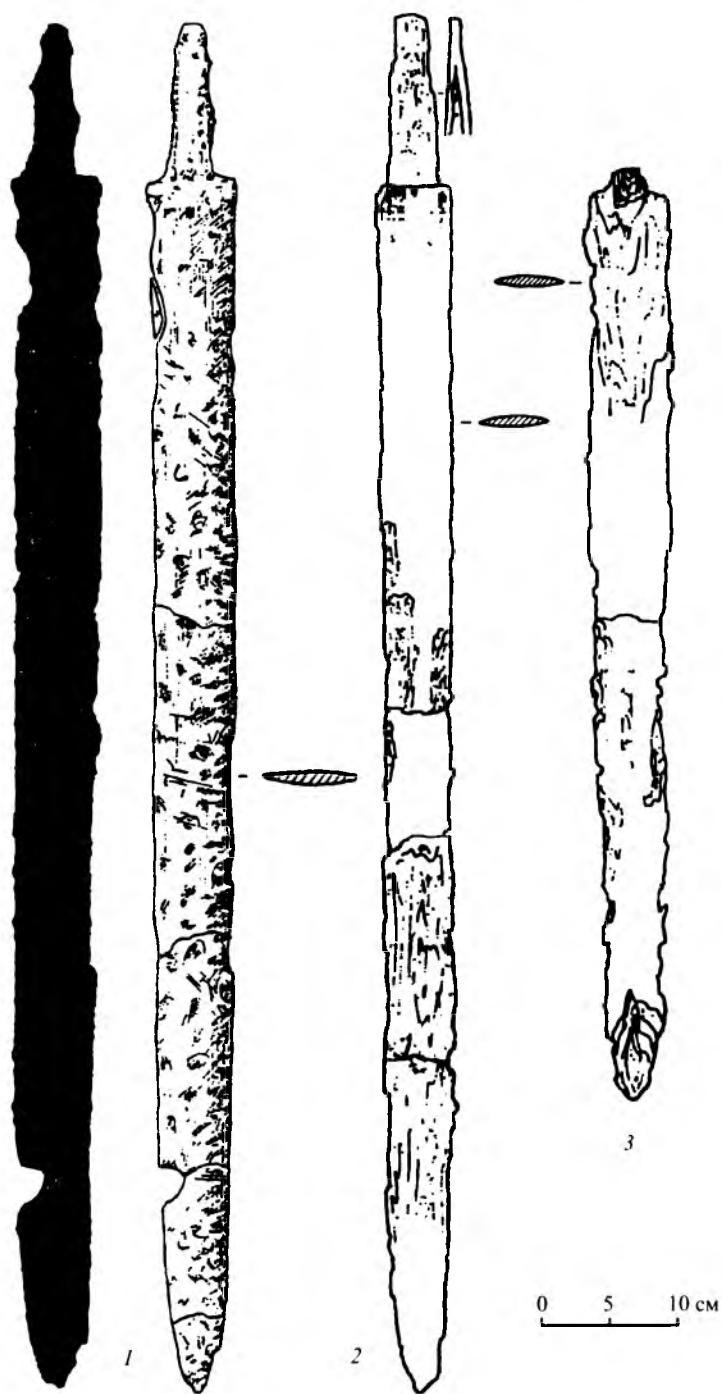


Рис. 32. Мечи с рукоятью-штырем 3-го типа:
1 — шахта Моспинская; 2 — Градешка, 9/1; 3 — Курчи, 16/1

(до 6 см) клинками (рис. 32). Кинжалы, конечно, короче, но такие же широкие. В остальном они неотличимы от оружия 2-го типа, и трудно сказать, например, какому типу принадлежат фрагментированные клинки из могильника Владычень, если не сохранилась пята с переходом в черенок. Большинство мечей и кинжалов 3-го типа найдено в могильниках предгорного Крыма, несколько — в степных памятниках (шахта Моспинская, Курчи, Градешка, Бурсучень).

В свое время меч из катакомбы у шахты Моспинская был опубликован как оружие с прямым перекрестьем (Podobed, Simonenko, 1998, p. 99). После реставрации выяснилось, что за перекрестье были приняты окислы у пята клинка. Это прекрасный образец меча 3-го типа: клинок длиной 88 см, шириной 7 см, с параллельными лезвиями, линзовидный в сечении. Рукоять плоская, расширяющаяся к пята, откована вместе с клинком, длиной 11,5 см, шириной 3 см, у конца 2 см. На рукояти и клинке остатки деревянных обкладок и ножен (рис. 32, 1).

Странны и в определенной степени загадочны короткие мечи или кинжалы 5-го типа с двумя, реже — тремя-четырьмя вырезами у пята клинка (рис. 33). Иногда (могильники Курчи, Озерное, Дюрсо, Керчь, скл. 181) их находили вместе с длинными мечами 3-го типа. А. М. Хазановым было учтено 20 таких кинжалов, в основном с территории Северного Кавказа (Хазанов, 1971, с. 116–117). Ванесса Супо привела данные о 56 экземплярах с Северного Кавказа, из Крыма, Поднепровья, Молдовы, Румынии и Венгрии (Soupault, 1996, p. 60–72). Она назвала их оружием «меотского» типа, хотя к меотам эти клинки не имеют ни малейшего отношения (вероятно, у француженки древний Кавказ как-то ассоциируется с меотами).

Такие мечи многочисленны в крымских позднеаланских склепах, а в могильниках

Дружное, Суворово и Килен-балка найдены только они. Средняя длина клинка 5-го типа 40 см, ширина 5 см. Клинки длиной 50 см и более единичны.

Боковые вырезы у пята клинка — вся необычная черта этого оружия — служили, по мнению А. М. Хазанова, для крепления перекрестья, однако реконструировать это крепление он не взялся (Хазанов, 1971, с. 24). Действительно, и технологически, и функционально такая система крепления перекрестья на первый взгляд непонятна (например, почему количество вырезов разное?). Оригинальна версия М. Б. Щукина (Ščukin, 1991, p. 14). Он предположил, что эти вырезы служили для захвата меча противника при парировании удара, и кинжалы 5-го типа выполняли в фехтовании роль средневековой даги. Иными словами, у некоего племени северокавказских аланов (о масштабности этого явления говорить трудно, поскольку такие кинжалы достаточно локализованы во времени и пространстве) родилась необычная система фехтования, присущая только ему. В дальнейшем эту систему освоили и другие, либо такое оружие использовалось уже просто как кинжал. Предположение М. Б. Щукина остроумно, как и многие другие гипотезы этого ученого, но здесь мы неизбежно вступаем в область догадок, подтвердить или опровергнуть которые археология не в силах.

И. Н. Храпунов, комментируя идею М. Б. Щукина, отметил, что «около вырезов» клинков 5-го типа из могильника Дружное зафиксированы направленные вертикально древесные волокна, т. е. остатки обкладок рукоятей. На этом основании он считает версию М. Б. Щукина маловероятной (Храпунов, 2002, с. 43). Сомневается в ее правдоподобности и М. Е. Левада (Левада, 2006, с. 193).

Необычна гипотеза адыгейского исследователя Р. Схатума. На основании положения клинков 5-го типа в могилах (чаще

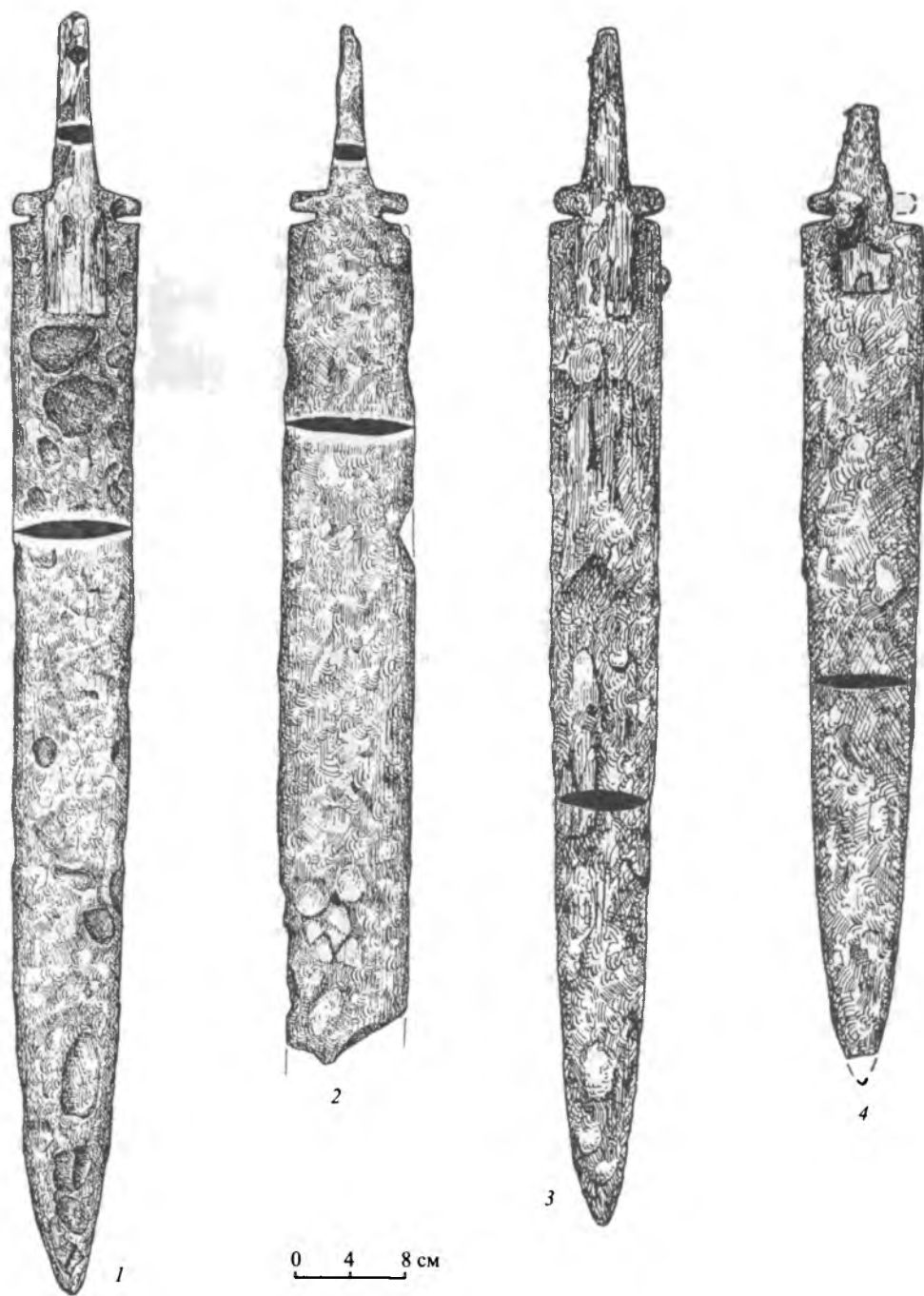


Рис. 33. Мечи с рукоятью-штырем 5-го типа из могильника Дружное (Храпунов, 2002)

всего острием к голове, на плечах или возле них) он решил, что это были наконечники копий (Схатум, 2004, с. 41–47)¹⁸. Пожалуй, с этим трудно согласиться. Во-первых, к этому времени древковое оружие давно и повсеместно имело удобные втульчатые наконечники, и я не вижу причин, по которым в IV в. н. э. на Северо-Западном Кавказе и в Крыму нужно было от них отказаться. Во-вторых, выраженные долы на раннесредневековых клинках 5-го типа совершенно не нужны на наконечнике копья: он не испытывает тех нагрузок, которым подвергается клинок меча или кинжала. В-третьих, остатки деревянных ножен почти на всех экземплярах 5-го типа склоняют к признанию их клинковым оружием.

Недавно М. Е. Левада предложил вполне рациональную реконструкцию системы крепления деревянных обкладок рукояти; при этом вырезы служили для зажима ремней обмотки (рис. 34). Версия М. Е. Левады основана на натурном изучении остатков дерева на клинках, достаточно правдоподобна и вполне приемлемо объясняет оригинальность клинков 5-го типа (Левада, 2006, с. 193). Независимо от М. Е. Левады (насколько я понимаю) в том же году аналогичные выводы опубликовали Б. Контны и Д. Ю. Савеля (Контны, Савеля, 2006, с. 146–147). Они обратили внимание на то, что на черенках клинков 5-го типа ни в одном случае не найдены заклепки для крепления накладок, и резонно предположили, что те обматывались ремнем, который и фиксировался в вырезах у пяты клинка.

Некоторые мелочи позволяют уточнить в общем верные реконструкции М. Е. Левады, Б. Контны и Д. Ю. Савели. Рукояти с деревянными обкладками из Килен-

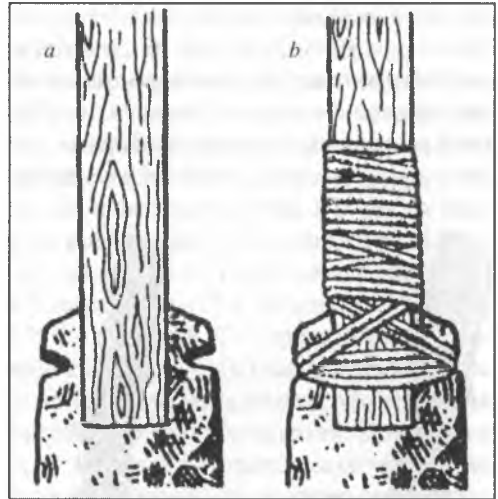


Рис. 34. Реконструкция крепления накладок рукояти на мечах 5-го типа (Левада, 2006)

балки в сечении овальные или круглые (Контны, Савеля, 2006, с. 139–141, 143). В то же время часть обкладки, заходящая на пята клинка, плоская и прямоугольная. Представляется, что деревянные накладки были сегментовидными в сечении, со стесанным на нет нижним концом. Обе обкладки обматывались скорее всего мокрым кожаным ремнем, каждый виток которого в нижней части пропусклся в вырезы клинка. Высохнув, кожа намертво стягивала обкладки, и такая рукоять была никак не слабее цельной. Какими были навершия, сказать трудно; в земле они не сохранились, а изображений таких кинжалов нет. Единственное известное мне навершие кинжала 5-го типа, найденное в могильнике Лехч-Корт, сделано из красного камня в виде плоского цилиндра (Виноградов, Петренко, 1971, рис. 2, 18) и похоже на более ранние навершия сарматских мечей 2-го типа. Скорее всего рукояти клинков 5-го типа повторяли в общем распространенные в то время катушковидные формы — хотя бы в силу их оптимальности.

Когда писались эти строки, вышла монография по могильнику Чатыр-Даг в Кры-

¹⁸ М. Е. Левада (2006, с. 192) упоминает схожую идею В. А. Сидоренко, но мне не приходилось встречать ее в печати.

му, где также найден кинжал 5-го типа (Мыц и др., 2006, с. 119, рис. 6, 2). Авторы не исключают двоякого использования таких клинков — и в качестве даги, по Шукину, и в качестве копья-«алебарды», по Схатуму. Думаю, что клинки 5-го типа не

использовались ни так, ни эдак — это были обычные кинжалы. Их положение в могиле (на плечах, острием к голове) говорит о некоей смысловой или знаковой нагрузке этого оружия в погребальном обряде.

Авторы монографии обратили внимание на то, что кинжал из Чатыр-Дага выкован из высококачественной стали. На этом основании, исходя из своей идеи о кавказском происхождении клинков 5-го типа, они предположили существование какой-то специализированной группы кавказских оружейников, изделия которой высоко ценились, а секреты передавались по наследству (Мыц и др., 2006, с. 119). Проверить эту версию должны, по мысли авторов, «специализированные исследования». Одно из таких (Порох, Пьянков, 1999), увы, не подтверждает гипотезу о кавказских «чудо-кузнецах». В этой работе проанализированы клинки 5-го типа из погребений конца V — первой половины VI в. могильника Бжид I в районе Туапсе. Большинство их сделано из низкосортного кричного железа, и лишь три экземпляра имеют стальную поверхность, полученную в процессе цементации (там же, с. 119–120). Обилие же кинжалов 5-го типа в Крыму вообще заставляет меня усомниться в их кавказском производстве: вряд ли воины крымских аланов находились в зависимости от кавказских поставщиков.

В Порогах был найден единственный на исследуемой территории *однолезвийный* кинжал (рис. 35). Клинок его — с прямой спинкой, пята переходит в рукоять под прямым углом со стороны лезвия и под тупым — со стороны спинки. Ручка квадратная в сечении, расширяется к круглому в сечении концу, прикреплена под углом к клинку. На клинке и ручке — следы красной кожи.

Подобное оружие впервые встречено в сарматском захоронении. Морфологически ему близки большие бронзовые и железные ножи из скифских и савроматских погребений.

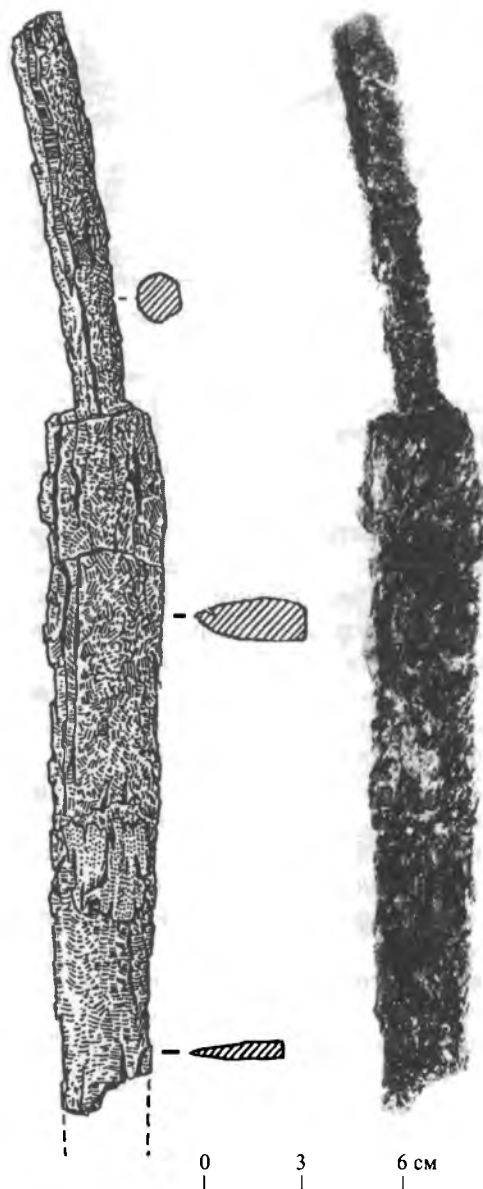


Рис. 35. Скрамасакс из Порогов

бений эпохи архаики, но исследователи совершенно справедливо сомневаются в их боевом назначении. В последние годы в ряде сарматских погребений рубежа — первых веков н. э. в Нижнем Поволжье и Подонье (Котлубань, Ростов-на-Дону, Высочино-IV, Лебедевка-VI) были обнаружены длинные — до 40 см — однолезвийные клинки с черенком для деревянной рукояти, т. е. ножи. Примечательно, что они всегда лежали парами (как более ранние скифские и савроматские), в одном случае — на деревянном блюде. Эти обстоятельства предполагают и сходное с более ранними экземплярами их назначение — жертвенные ножи.

Клиники этих ножей очень близки кинжалу из Порогов — с прямой спинкой, в конце загибающейся к острию, и почти прямым лезвием. Он отличается от них лишь рукоятью: она подквадратная в сечении и обтянута кожей, следов дерева на ней нет. Кроме того, экземпляр из Порогов висел в ножнах на поясе, т. е. был явно боевым оружием.

Таких находок в сарматских воинских погребениях нет. Можно констатировать, что у сарматов боевые ножи отсутствовали. Вместе с тем именно боевые ножи различных форм являлись одним из популярных видов вооружения у галльских и кельтских воинов вплоть до последних веков до н. э. (Монгайт, 1974, с. 280). В дальнейшем они стали характерны для франкского оружия эпохи Меровингов, в VI–VII вв. широко распространились в Западной и Северо-Западной Европе под названием скрамасаксы, позже отдельные их образцы попали на Русь (Кирпичников, 1966, с. 72). Именно они обнаруживают наибольшее сходство с кинжалом из Порогов. В целом, в раннем железном веке традиция боевых ножей присуща западно- и средневропейскому оружию. Думается, что даже при отсутствии прямых аналогий не будет ошибкой связать с ним и кинжал из Порогов.

Хронология и происхождение. Мечи I-го типа группируются в три хронологических горизонта. К раннему (II–I вв. до н. э.) относится оружие с бронзовыми перекрестьями определенной формы (ромбическими в плане, с прямоугольным вырезом на верхней кромке и клиновидным выступом на нижней) и производными от них железными. Такие мечи обстоятельно исследованы В. Е. Масловым (Маслов, 1999, с. 221) и А. С. Скрипкиным (Скрипкин, 2000, с. 17–24). Выводы обоих исследователей сводятся к тому, что эта форма китайского происхождения. По мнению А. С. Скрипкина, некоторые мечи с такими перекрестьями из памятников евразийских кочевников изготовлены в Китае или пленными китайскими мастерами в степи. Они же стали прототипами сарматских перекрестий, сломанных под тупым углом. Появление такого оружия в Средней Азии связано с отступлением туда юэчжей под давлением хунну в середине II в. до н. э. От юэчжей или усуней оно стало известным сарматам (там же, с. 27–29). А. М. Хазанов в свое время пришел к верному выводу: «1-й тип... сформировался уже в прохоровское время» (Хазанов, 1971, с. 19). Добавим: по образцам китайского оружия и под его непосредственным влиянием.

Примечательно, что ранние мечи I-го типа найдены далеко на востоке сарматских земель — в Приуралье и Поволжье. На Нижнем Дону и в Северном Причерноморье их нет. Возможно, такая топография находок подчеркивает исходную территорию миграции ранних сарматов в причерноморские степи — Нижнее Подонье.

Восточные мечи I-го типа продолжали попадать к сарматам и в среднесарматское время (I — середина II в. н. э.), составив второй хронологический горизонт. Бронзовые перекрестья этого времени несколько иной формы — без прямоугольного выреза и клиновидного выступа, несколько

расширяющиеся в центре. Из учтенных А. М. Хазановым находок к этому горизонту относятся мечи с бронзовыми перекрестьями из кургана 51 Сусловского могильника и кургана 2 могильника Курпе-Бай. А. С. Скрипкин включил сюда еще несколько мечей из погребений Поволжья и Подонья (Скрипкин, 2000, с. 18), а В. Е. Маслов привел обширную подборку находок из памятников Южной Сибири и Туркестана (Маслов, 1999, с. 221).

Именно в этом горизонте появляются перекрестья типа Весняного и Рошава Драгана. Возможно, «излом» перекрестья под тупым углом имитирует сочетание прямоугольного выреза и клиновидного выступа более ранних китайских эфесов. Во всяком случае, у остального сарматского клинкового оружия перекрестья всегда прямые.

Погребения из Весняного и Рошава Драгана достаточно твердо датируются последней четвертью I в. н. э.

Мечи 1-го типа третьего (позднего) горизонта иногда имели нефритовые перекрестья, повторяющие по форме ранние бронзовые (с прямоугольным вырезом в верхней кромке и клиновидным выступом на нижней), и нефритовые скобы на ножнах. Позднесарматские мечи с нефритовой отделкой прекрасно исследованы С. И. Безугловым (Безуглов, 2000, с. 169–193). Автор проанализировал большой материал и, опираясь на китайские и среднеазиатские аналогии, пришел к выводу о восточном происхождении традиции нефритовых перекрестий, как и каменных скоб для ножен. Находки таких перекрестий и скоб в китайских, южносибирских и среднеазиатских памятниках и их изображения на орлатских пластинах склоняют в пользу китайского производства нефритовой отделки этих мечей и, возможно, среднеазиатского пути их поступления на запад. Впрочем, С. И. Безуглов прав в том, что в степи оружие передвигалось во времени и пространстве «самыми причудливыми»

путями (Безуглов, 2000, с. 177), и точно установить сейчас, китайский ли меч попал в сарматскую могилу либо лишь его нефритовые детали были когда-то сделаны в Китае, уже невозможно.

Таким образом, мечи 1-го типа скорее всего не сарматские. Они попадали к сарматам откуда-то с востока, и в них отчетливо прослеживаются китайская и среднеазиатская традиции. В пользу этой версии говорит, на мой взгляд, следующее наблюдение: находок «комплектных» мечей (нефритовые перекрестье и скоба) гораздо меньше, чем отдельно найденных перекрестий и скоб. Видимо, это отражает превратности судьбы импортного оружия — утрату «родных» ножен или скоб и невозможность их замены именно в силу редкости такого оружия у сарматов (ср.: там же, с. 179).

В Северном Причерноморье позднесарматские мечи с нефритовой отделкой неизвестны. Это и неудивительно, ибо таким оружием пользовалась особая этнографическая группа поздних сарматов, оставившая воинские могильники «длинноголовых всадников» — погребения аланской знати конца II — первой половины III в. н. э. в Приуралье, Поволжье и Подонье. Таких памятников нет на Кубани, Украине и в Молдове, за исключением могильника Шевченко в Приазовье. Скорее всего он отмечает крайние западные пределы владений «длинноголовых» аланов. Впрочем, халцедоновое перекрестье описываемого типа найдено в херсонесском склепе 1148. Видимо, в эту могилу положили трофейное или подаренное сарматами оружие.

Позднесарматские мечи 1-го типа в Северном Причерноморье найдены в погребениях Буджака и Молдовы конца II — первой половины III в. н. э. (Приморское, Алкалия, Бокань, Бешалма, Бедражий Ной). Молдавские клинки производят впечатление местных. Возможно, перекрестья

на них возникли как подражание восточной традиции.

Длинные мечи 2-го типа появились еще в «савроматское» время. У ранних сарматов II—I вв. до н. э. они бытовали вместе с импортными китайскими мечами 1-го типа, которые в определенной степени «подпитывали» эту традицию. В среднесарматское время, несмотря на численное преобладание коротких мечей с кольцевым навершием, длинные мечи 1-го и 2-го типов остаются популярным и эффективным оружием (вспомним известный пассаж Тацита о длинных мечах сарматов, которые они держат обеими руками). В Северном Причерноморье они появились в I — начале II в. н. э. К этому времени, судя по подвижным проволочным фибулам 1-го и 2-го вариантов, относятся длинные мечи из Светловодска, Усть-Каменки, 37/1, и Водославки. Синхронны им фрагменты кинжала из Николаевки, найденные вместе с обломком шарнирной фибулы, ажурным наконечником наборного пояса и другим инвентарем I в. н. э.

В начальной фазе позднесарматского периода (вторая половина II — первая половина III в. н. э.) длинные мечи 2-го типа становятся основным оружием. Так датируются большинство мечей из Молдовы, оружие из Усть-Каменки, 1/22, Приморского и Маяк (Дзиговский, 1993, с. 86), могильников Дзинилор и Нагорное в низовьях Дуная (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 34, 37, 44), могильника Шевченко в Приазовье (Шепко, 1987, с. 172).

Клинки 2-го типа использовались и позже, на финальном этапе позднесарматского периода (вторая половина III — первая половина IV в. н. э.). Правда, в степи они уже вышли из употребления — к этому типу относятся лишь фрагментированный кинжал из кургана 3 у Шаболата и очень поздний, IV в. н. э., меч из Балковского кургана (рис. 36, 2), — сменившись клинками 3-го типа, но по нескольким экземпля-

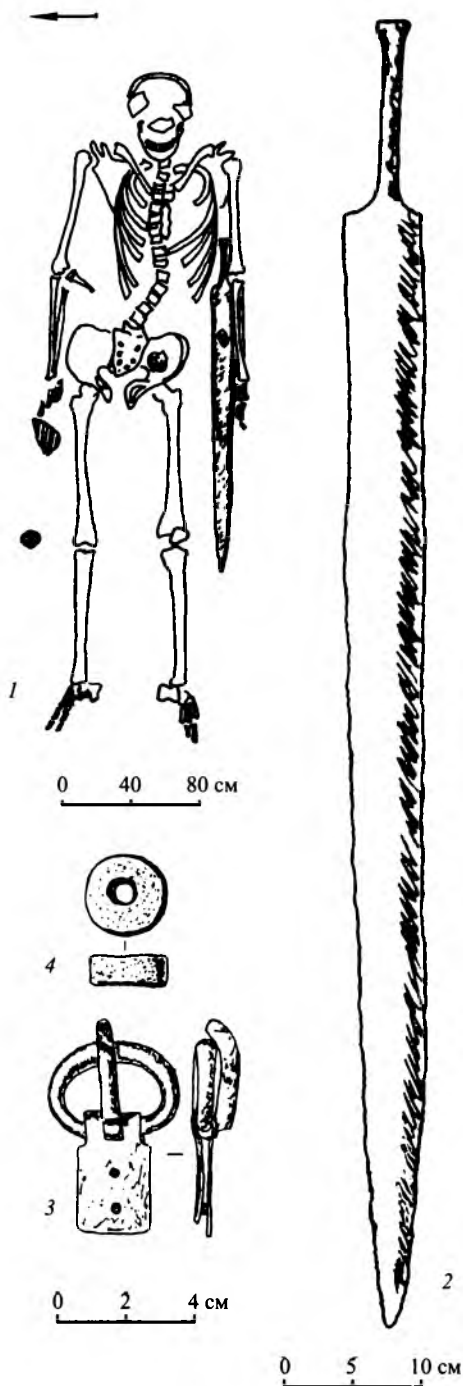


Рис. 36. Комплекс из Балковского кургана (Бидзиля и др., 1983)

ров их найдено в позднейших аланских могильниках Крыма Инкерман, Озерное, Нейзац (см. приложение 4).

Оружие 2-го типа распространено по всему Северному Причерноморью. Нет его лишь в сарматских памятниках степного Крыма, которых, впрочем, так мало (Симоненко, 1993, с. 98), что делать какие-либо обобщения преждевременно.

Оружие 3-го типа, по мнению А. М. Хазанова, появляется у сарматов в III–IV вв. н. э. (Хазанов, 1971, с. 20). Однако не исключено, что этому типу принадлежит самый ранний в Северном Причерноморье длинный меч с рукоятью-штырем (клинок длиной около 65 см, ручка около 10 см) из Брилевки, 16/1 (рис. 37, 1). В первой публикации он был воспроизведен как меч 2-го типа (Евдокимов, Куприй, 1992, рис. 2, 2), таковым его счел и я (Симоненко, 1993, с. 16, рис. 4, 2б). В силу различных «околонаучных» причин лишь недавно выяснилось, что пята клинка и часть рукояти-штыря разрушились при раскопках, и опубликованный Г. Л. Евдокимовым и Н. М. Куприй рисунок меча — реконструкция авторов и художника П. Л. Корниенко. Утраченные участки они дополнили мастикой (рисунок был сделан после этого), и в таком виде меч ныне экспонируется в ХОКМ (рис. 37, 2). Таким образом, меч из Брилевки в равной степени мог принадлежать и 1-му, и 2-му, и 3-му типу.

Он обнаружен в комплексе с фибулой, близкой типу В-Костшевский второй половины II в. до н. э. (Симоненко, 1991, с. 24). Это редкая находка, т. к. раннесарматские мечи с рукоятью-штырем без перекрестья вообще единичны. Их нет в Приуралье, Поволжье и на Кубани. Два таких меча 3-го типа происходят из погребений I в. до н. э. в Старицком могильнике и у хутора Арпачин в Нижнем Подонье (Скрипкин, 1990, с. 132; Раев, 1979, с. 262). Б. А. Раев отнес меч из Арпачина к кругу латенского оружия. Если брилевский меч

принадлежит 3-му типу, то это — один из самых ранних экземпляров. Не исключено, что, как и меч из Арпачина, он восходит к латенским образцам. Судя по поздним клинкам этого типа, переход клинка в рукоять под прямым углом был стабильной западноевропейской традицией.

Основная масса оружия 3-го типа происходит из погребений второй половины III — IV вв. н. э. Один из самых ранних — меч из ямной могилы 2 Инкерманского могильника, датирующейся прогнута подвязной фибулой второй половины III в. н. э. (Амброз, 1966, с. 62). Амфоры из погребений могильника Нейзац с мечами 3-го типа датируют их серединой — второй половиной IV в. (Кропотов, 1998, с. 129–131). Вряд ли старше и оружие 3-го типа из остальных погребений Инкерманского могильника (Веймарн, 1963, с. 19, 25, 37, 41).

Мечи и кинжалы 3-го типа из памятников предгорного Крыма отличаются прежде всего широкими (5 и более см) массивными клинками. Их типобразующий признак — переход клинка в штырь под прямым углом — характерен для оружия из готских памятников пшеворской и вельбаркской культур императорского времени, являвшегося, в свою очередь, гибридом латенской и римской оружейных традиций (Biborski, 1978, S. 53–65). Мечи 3-го типа сосредоточены в Крыму, в памятниках типа Озерное–Инкерман, оставленных позднейшими аланами. В материальной культуре этого горизонта весьма заметное место занимают готские элементы, что вполне естественно, учитывая тесное соседство в Крыму этих двух этносов. Там во второй половине III в. до н. э. встретились еще две традиции длинных мечей — сарматская и готская. Результатом этого симбиоза в общем-то морфологически близких моделей и явились мечи 3-го типа, сочетающие римско-готские и сарматские черты. Немаловажную роль в сложении мечей 3-го типа сыграли и «скифские войны», во время

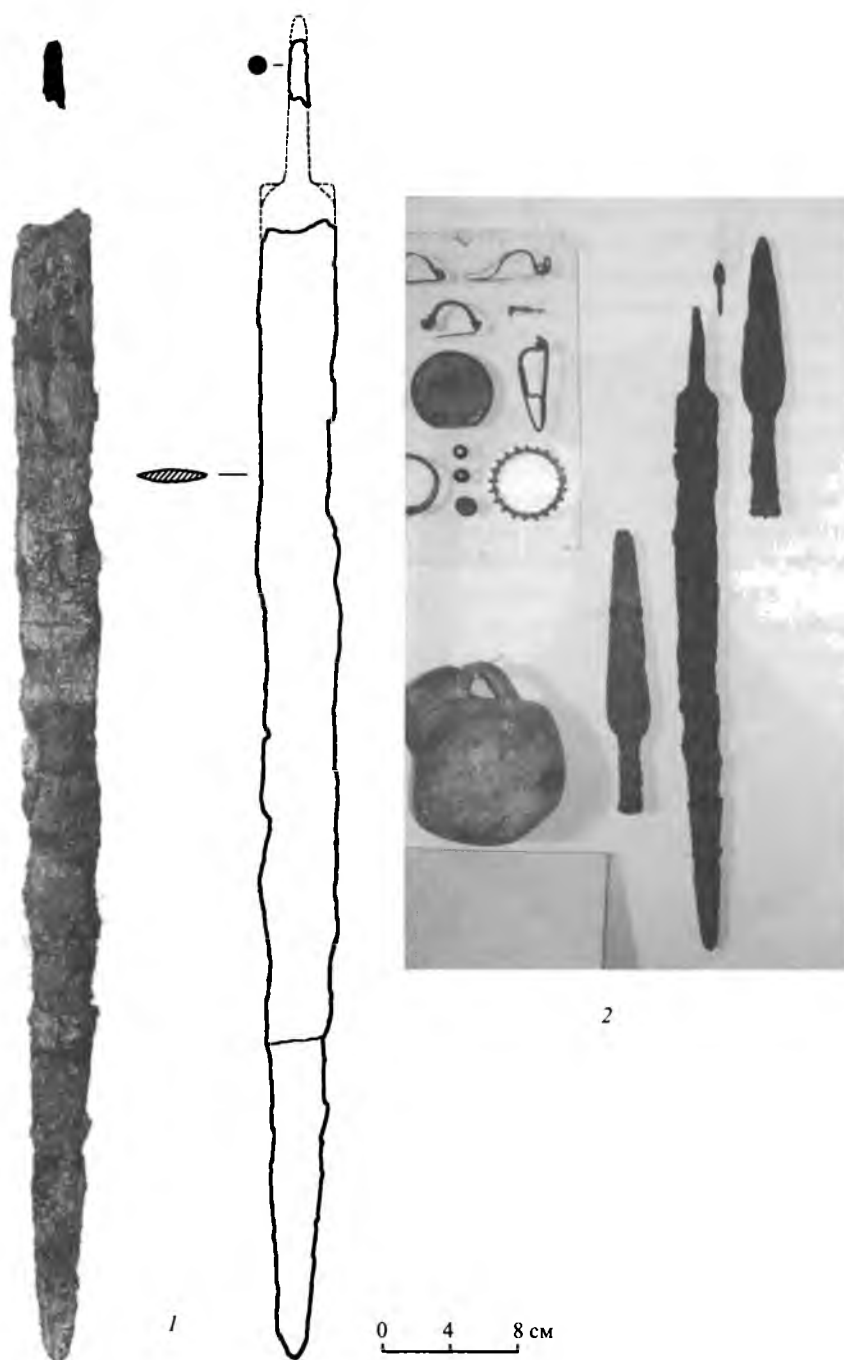


Рис. 37. Меч из Брилевки:
1 — фото и прорисовка меча до реставрации; 2 — витрина в ХОКМ



Рис. 38. Вещи из катакомбы у шахты Моспинской

которых и готы, и аланы имели прекрасную возможность познакомиться с оружием друг друга и оценить его достоинства и недостатки.

Степные мечи 3-го типа синхронны крымским. Погребение в Градешке вряд ли позднее рубежа III–IV вв. (Симоненко, 2001, с. 89). Меч из могильника Курчи найден с амфорой «инкерманского» типа (Ше-

лов F) и мечом 5-го типа. Последнее обстоятельство не позволяет «опустить» дату комплекса ниже начала IV в. Эти немногочисленные мечи, возможно, попали к сарматам от готов в походах «скифских войн» и позже, от воинов «державы Эрманириха». Возможность такого развития событий подтверждает комплекс у шахты Моспинской. В этом сарматском погребении

нии, совершенном скорее всего в интервале 350–380 гг. н. э. (Podobed, Simonenko, 1998, р. 107), найдены черняховские вещи: чернолощеный кувшин и прогнутая подвязная фибула (рис. 38).

Появление оружия 5-го типа А. М. Хазанов, ссылаясь на Н. И. Сокольского, относил ко II–III вв. н. э., хотя справедливо считал, что «основная масса... должна датироваться временем начиная с IV в.» (Хазанов, 1971, с. 24). Напомню, что II–III вв. н. э. Н. И. Сокольский датировал кинжал 5-го типа, найденный в керченском склепе 181, на основании его совместной находки с длинным мечом. Последний же был датирован исследователем без каких-либо аргументов: «длинный меч может быть отнесен к II–III вв. н. э.» (Сокольский, 1954, с. 159). Между тем в ограбленном склепе 181 были найдены фибулы в виде цикад (Шкорпил, 1904, с. 107, рис. 25), что исключает его датировку временем ранее V в. н. э. Также без всяких аргументов, на основании трех недокументированных находок из Моздока, Вольного аула и Северной Осетии, отнесла появление клинков 5-го типа ко II–III вв. н. э. М. П. Абрамова (Абрамова, 1993, с. 162). Все эти недоразумения уже отметил И. Н. Храпунов (Храпунов, 2002, с. 43).

Ванесса Супо провела детальный хронологический анализ этого оружия и установила, что оно неизвестно в комплексах ранее IV в. н. э. (Soupart, 1996, р. 72). На Северном Кавказе такое оружие бытовало до VII в. (могильники Агойский, Борисовский, Сопино, Бжид I).

1.5. Ножны и способы ношения оружия

Сарматские мечи и кинжалы носили в деревянных ножнах, следы которых часто сохраняются на клинке. Конструктивные

детали ножен оружия с серповидным и антенновидным навершием практически не прослеживаются. На ножнах кинжала из Новолуганского была прикреплена железная прямоугольная пластина с горизонтальной прорезью посередине. Возможно, туда был пропущен конец портупейного ремня.

По ножнам оружия с кольцевым навершием мы располагаем более полными данными. Деревянные ножны из Порогов были обтянуты кожей, окрашенной в ярко-красный цвет. На лицевой стороне их располагались четыре прямоугольные золотые накладки-скобы с сердцевидными вставками голубой эмали. Устье ножен украшала штампованная пластинка с изображением лежащего льва. Как и на пластине рукояти, грива передана рельефным веревочным орнаментом, область живота подчеркнута врезными линиями. На средней части ножен помещена золотая пластина с тамгой (рис. 22). По этой же схеме украшены поперечными бронзовыми накладками со стреловидными окончаниями (рис. 23, 3) ножны кинжала из Усть-Каменки, 4/1. Деревянные ножны кинжала из Подгородного-VIII, 1/11, были скреплены поперечными железными обоймами.

Ножны кинжала из Новофилипповки, 1/1, были окрашены красной краской и украшены на конце бронзовой накладкой прямоугольной формы с заостренным нижним краем, подчеркивающим общие контуры ножен (рис. 23, 2). Ту же задачу имели три расположенные треугольником полусферические золотые бляшки на окончании ножен меча из Порогов. И там, и здесь цель декора — усилить идею остроты и стройности оружия.

Рукояти мечей и кинжалов могли иметь темляки, для украшения которых, вероятно, служили бусы и ворварки, найденные в некоторых случаях вместе с оружием (Аккермень II, 8/1, 6/1; Новофилипповка, северо-западная окраина, 1/1, 2/3; северная окраина, 1/1; Днепрозаводстрой, 29/1).

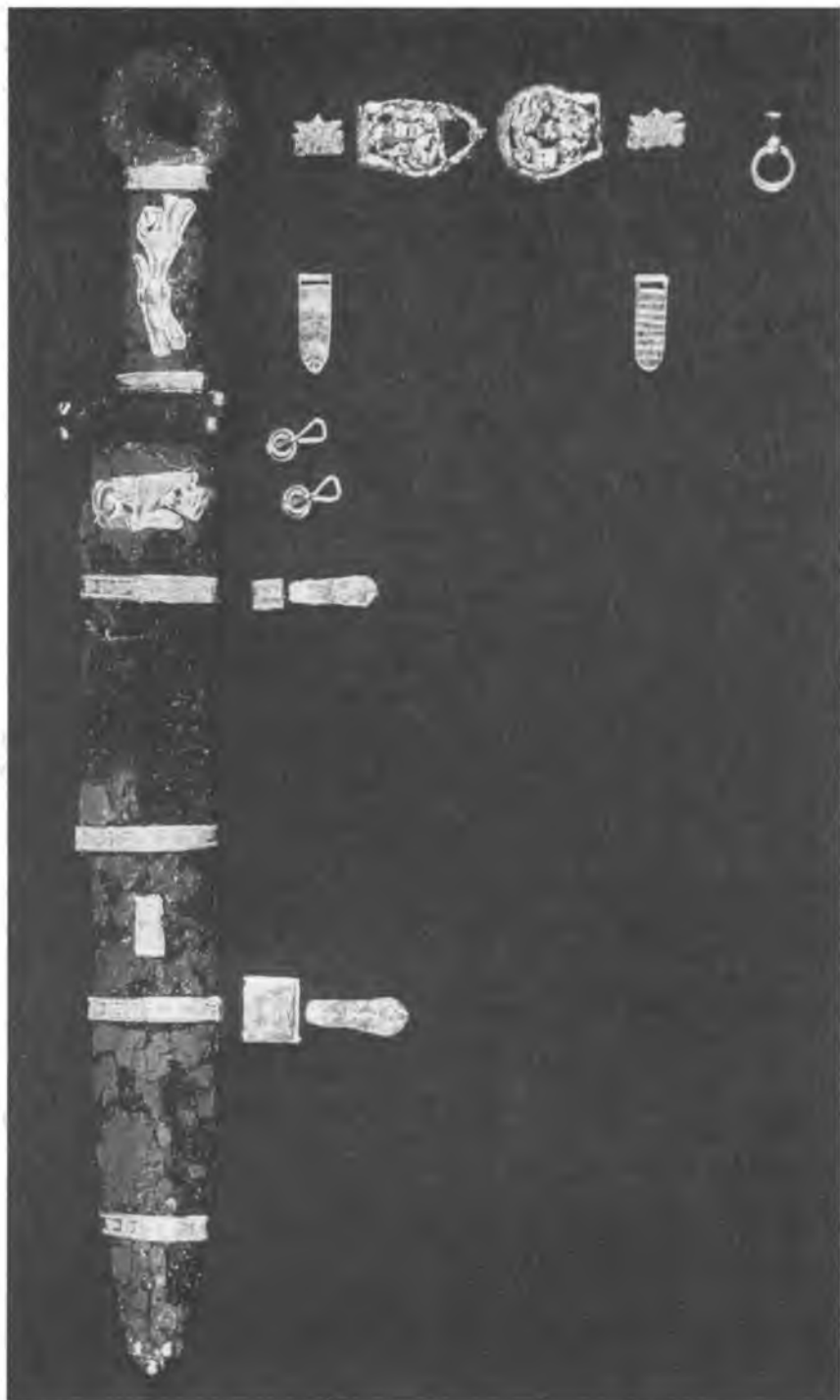


Рис. 39. Португейный набор из Порогов (фото Г. И. Лысенко)

Фиксация металлических частей набора *in situ* позволила реконструировать портупейный пояс из Порогов. Шедший вокруг бедер зеленый кожаный ремень застегивался двумя литыми ажурными пряжками, украшенными голубыми эмалевыми вставками. Позади пряжек крепились две пластинки в форме цветка лотоса, также инкрустированные эмалью. От них свешивались два ремешка с инкрустированными наконечниками, один из которых — с тамгой. Вся гарнитура выполнена из золота. Близ устья ножен, в направлении к тазу и бедру погребенного, обнаружены две золотые пряжки и два таких же 8-видных карабина. В верхней части бедра найдены две золотые инкрустированные обоймы — прямоугольная и подтреугольная; две такие же обоймы, но несколько меньших размеров обнаружены у колена (рис. 39).

Перед нами система крепления короткого меча к портупейному поясу и бедру воина, что неоднократно зафиксировано у сарматов как археологическим, так и иконографическим материалом. Судя по расположению пряжек и карабинов, ножны пристегивались ими к портупейному поясу. Два ремня с обоймами, охватывавшими бедро на уровне устья и окончания ножен, они крепились к ноге (рис. 40).

Большинство мечей и кинжалов с кольцевым навершием найдено справа у бедра, т. е. оружие было на портупейном поясе. В редких случаях находки в других местах могилы (слева у руки, у черепа); оно, судя по всему, было не в положении ношения.

Система ношения длинных мечей на портупейном ремне, продевом в скобу на ножнах, подробно разобрана А. М. Хазановым (Хазанов, 1971, с. 26–27), Уильямом Троусдейлом (Trousdale, 1975, р. 38–109) и С. И. Безугловым (Безуглов, 2000, с. 177–178), и я могу добавить лишь некоторые комментарии. Основой для ее реконструкции послужили изображения на китайских

статуэтках и миниатюрах, золотых и бронзовых поясных пластинах «ордосского» стиля, знаменитых орлатских костяных застегках, на кушанской и гандхарской скульптуре, пальмирских и сасанидских рельефах, предметах торевтики (рис. 41) и находки мечей с нефритовыми скобами в Ло-ланге (Корея). У нас они найдены в Сладковском, Камышевском, Лебедевском могильниках, кургане D 16 у Альт-Веймара (рис. 42), в Исаковке на Иртыше.

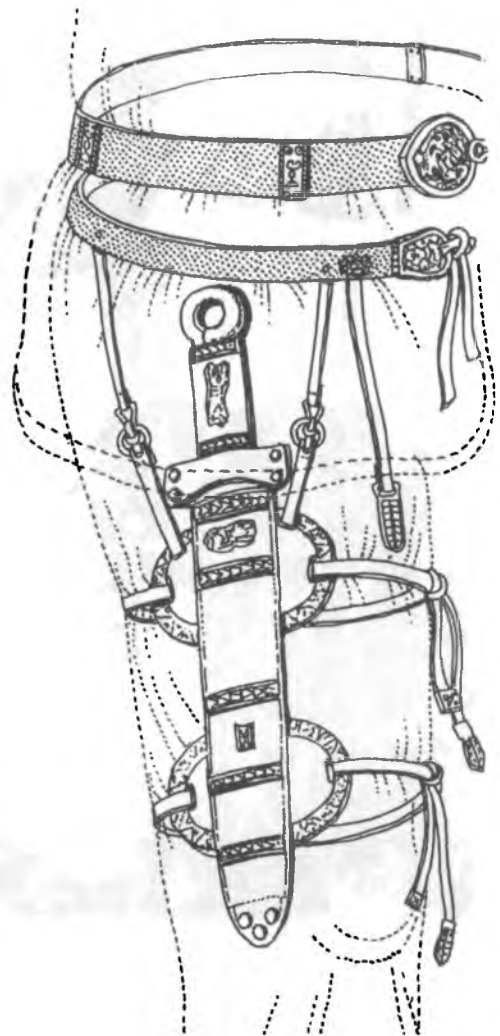


Рис. 40. Реконструкция портупейного пояса из Порогов



1



2



4



3

Рис. 41. Изображения мечей со скобами на ножнах (Trousdale, 1975):

1 --- штампованная черепица. Китай, провинция Хунань, Поздняя Чжоу; 2, 3 — гандхарские каменные рельефы из галереи Фрира (2) и Роял Онтарิโอ музея (3); 4 — гипсовая статуя из Халда, Афганистан

В работе Троусдейла даны полная (на то время) подборка и исчерпывающий анализ нефритовых скоб. Они известны в Китае с эпохи Восточной Чжоу (V в. до н. э.) и без видимых изменений бытовали несколько столетий. Безусловно, каменные скобы на ножны — китайское изобретение, попавшее к сарматам и вообще восточноазиатским кочевникам.

Из найденных в Восточной Европе скоб собственно китайскими Троусдейл считал богато орнаментированные ранние экземпляры. Одна из таких, с Кубани, была в собрании А. Л. Бертье-Делагарда, обломок второй происходит из Керчи, и целая прекрасная скоба класса «Гидра» найдена в кургане Рошава Драгана (рис. 44, 4). Гладкие неорнаментированные скобы он объединил в отдельную группу и считал, что они сделаны «на юге России» в подражание китайским образцам (Trousedale, 1975, p. 112). С. И. Безуглов обоснованно сомневается в верности утверждения Троусдейла о «южнорусском» (сарматском? боспорском?) происхождении таких скоб. Их находки в Средней Азии говорят о существовании некоего китайско-среднеазиатского пути, которым такие скобы (или ножны с ними. — А. С.) попадали на запад, в том числе и к сарматам (Безуглов, 1998, с. 88). Добавлю, что скорее всего из той же Средней Азии такая манера крепить меч распространилась в Парфию, Иран и Индию.

Наиболее ранние из найденных в могилах кочевников Евразии нефритовые скобы датируются I в. н. э. (меч в лаковых ножнах с орнаментированной скобой из Исаковки в Южной Сибири, китайская «Гидра» из Рошава Драгана). Остальные находки (неорнаментированные скобы «южнорусской» группы Троусдейла) относятся к начальному этапу позднесарматской культуры (вторая половина II — середина III в. н. э.).

По мнению Троусдейла, скоба крепилась к ножнам следующим образом. Ее петля помещалась в углубление на ножнах

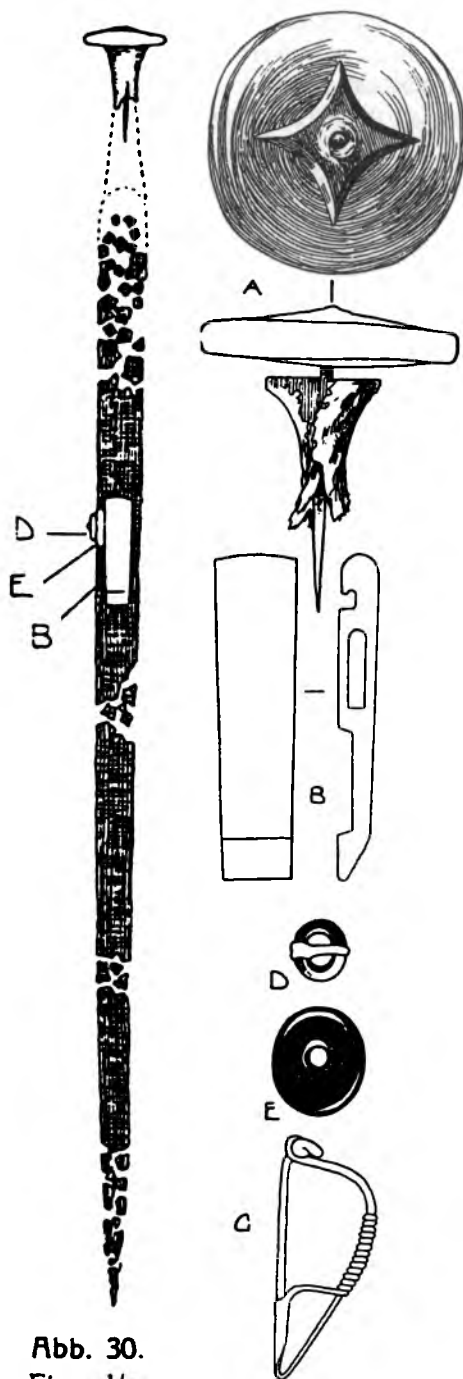
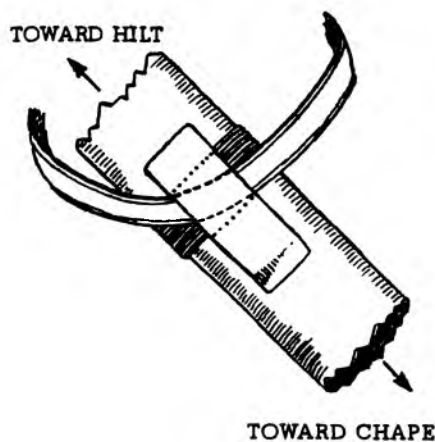


Abb. 30.
Etwa 1/4.

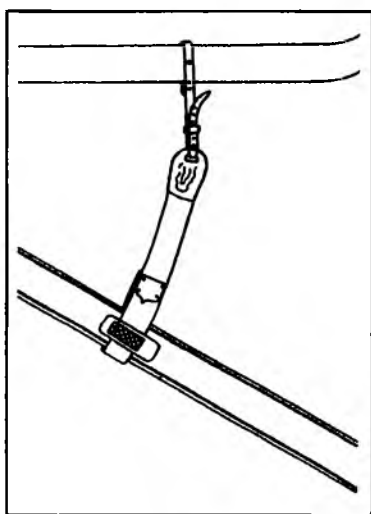
Рис. 42. Меч из кургана D 16 у Альт-Веймара (Rau, 1927)



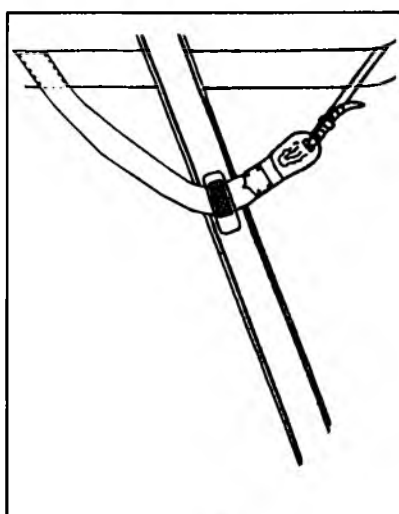
1



4



2



3

Рис. 43. Скобы на ножнах сарматского времени:

1 — крепление каменной скобы (Trousdale, 1975); 2, 3 — реконструкция портупеи мечей из Исаковки и Сидоровки (2 — по Л. И. Погодину; 3 — по А. В. Симоненко); 4 — реконструкция портупеи римской спаты (музей Мозсгорд, Дания, фото автора)

или вдавливалась в сырой лак, покрывавший их¹⁹, так, чтобы загнутые концы скобы уперлись в плоскость ножен. Затем

шелковой нитью либо какой-нибудь другой обмоткой скоба плотно прикреплялась к ножнам (рис. 43, 1). Сквозь щель в центральной петле пропускался портупейный ремень, на котором ножны свободно скользили. Концы портупейного ремня скорее

¹⁹ Именно так закреплена скоба на ножнах из Исаковки (Погодин, 1998, с. 33).

всего пришивались к поясу с пряжками типа найденного в Порогах. Такая амуниция воспроизведена на китайских, гандхарских и иранских рельефах и, видимо, составляла отличительную черту восточной воинской субкультуры.

С. И. Безуглов, изучив «любопытные мелочи», связанные с находками длинных сарматских мечей, пришел к выводу, что крупные бусины, пронизи, пряжки и раковины, найденные в районе рукоятей, служили своеобразными фиксаторами, препятствовавшими скольжению меча на портупейном ремне (Безуглов, 2000, с. 177–178). Думаю, именно для этого предназначались керамический диск и крупная халцедоновая бусина из Маяк, 2/3 (рис. 31, 5, 6). Эти вещи были найдены на тазу и между бедер покойного и, несомненно, имели отношение к длинному мечу с алебастровым навершием. Как-то связанными с мечом могут быть мергелевый диск и две пряжки, найденные в ограбленной катакомбе у шахты Моспинская (рис. 38, 2, 3), — определеннее сказать я не рискну. Возможно, к портупее меча относятся вещи из Балковского кургана: найденная на тазу пряжка и лежавший на клинке меча, ниже пяты, плоский каменный цилиндр с отверстием (рис. 36, 3, 4).

Я не могу согласиться с предложенной Л. И. Погодиным (Погодин, 1998, с. 34, рис. 3) реконструкцией, в которой исаковский меч крепился к поясу одним коротким ремешком (рис. 43, 2). Такое крепление сводит на нет главную функцию нефритовой скобы — обеспечить подвижность меча на портупейном ремне. Кроме того, подвешенный таким образом длинный меч неминуемо болтался бы у ноги, переворачиваясь рукоятью вниз. Скорее всего металлические накладки набивались на ремень для ограничения подвижности ножен, подобно бусинам и раковинам сарматских мечей. Пряжка же со шпеньком и прорезью служила для соединения одного из концов портупейного ремня с поясом (рис. 43, 3).

Помимо ношения на портупейном поясе (назовем его «восточным» способом) в сарматское время существовал и «западный» способ ношения, принятый в римской армии и у германцев, — на наплечной портупее. Концы ее охватывали верхнюю часть ножен двумя петлями, расположенными крест-накрест и схваченными скобой (рис. 43, 4). Использовали ли его сарматы, безусловно знакомые с римской экипировкой? Отсутствие находок римских металлических скоб²⁰ и единичность других деталей ножен гладиусов и спат сводят к минимуму вероятность этого. Не исключено, что приверженность сарматов традиционной экипировке поощрялась и идеологическими установками: ведь воинский пояс был одним из сакральных предметов для иранцев.

Сарматы могли подвешивать свои длинные мечи на несохранившихся деревянных скобах (Хазанов, 1971, с. 27; Безуглов, 2000, с. 175). Находки костяных скоб (могильники Первомайский VII, 14/3, Новый, 80/3) демонстрируют еще один вариант. Наконец, петли портупейного ремня могли захлестываться вокруг ножен в мокром виде, и, высохнув, кожа стягивалась на мертво. Возможен еще один вариант крепления: петли пришивались к коже, которой обтягивали ножны.

Как уже упоминалось, в кургане Рошава Драгана на территории Болгарии в погребении знатного фракийца — офицера римской службы найден длинный меч с нефритовой скобой класса «Гидра», по Троусдейлу. Помимо яркого восточного стиля этого меча, следует отметить признаки, свидетельствующие о том, что он попал во Фракию именно из Северного Причерноморья. Это навершие из раковины,

²⁰ Железные скобы на ножнах найдены в погребениях 4 и 5 могильника у хут. Городского (Сазонов, 1992, с. 250). Однако из текста и рисунков не следует, какой они конструкции. Сами вещи не сохранились.

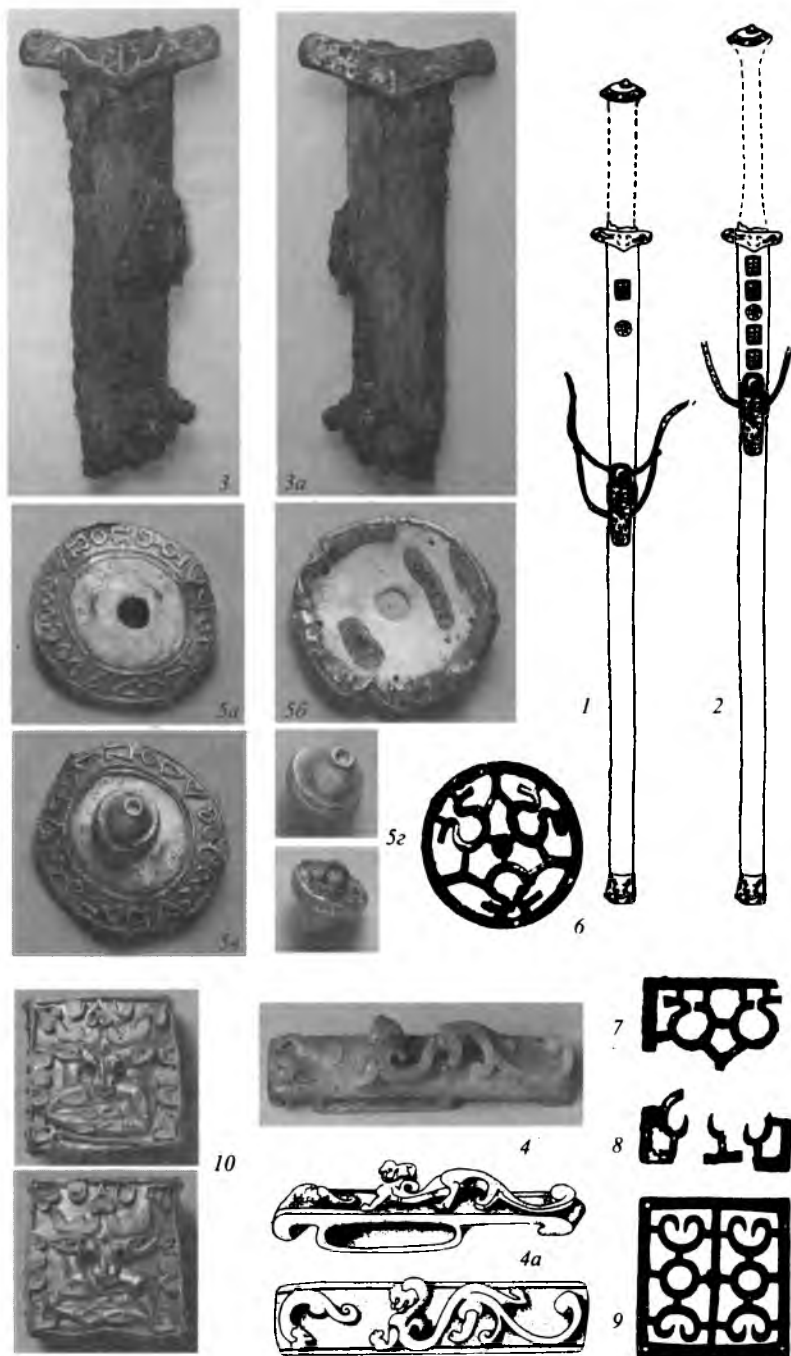


Рис. 44. Меч из Рошава Драгана (Буюклиев, 1986):

1 — реконструкция Х. Буюклиева; 2 — реконструкция автора; 3, 3a — часть клинка с перекрестьем; 4, 4a — нефритовая скоба; 5 — навершие с тамгами; 6–9 — пластины с тамгами; 10 — наконечник ножен

оправленной в золото, и серебряные ажурные пластины на ножнах (рис. 44, 5, 7–9)²¹. На них изображены тамги, большая часть которых является знаками царя Инисмея, возглавлявшего в конце 70 — начале 80-х гг. I в. н. э. военно-политическое объединение сарматов в Северо-Западном Причерноморье, известное в литературе как «царство Фарзоя — Инисмея» (Шукин, 1982, с. 35 сл; Симоненко, Лобай, 1991, с. 83–88). В этом же погребении был найден еще один длинный сарматский меч с алебастровым навершием, украшенным золотой фигурой лежащего льва, выполненной в полихромном «зверином» стиле (Буюклиев, 1986, с. 72, кат. № 101, табло 9, 101).

Христо Буюклиев датировал погребение 2 в Рошава Драгана концом I в. н. э. и предположил, что сарматское оружие, найденное там, было трофеем погребенного римского офицера (там же, с. 43, 45). Никак не оспаривая этой гипотезы, я несколько не согласен с реконструкцией меча, предложенной автором (там же, с. 112, табло 10, 100). Ручка была, несомненно, катушкообразной, по китайской схеме. Скоба скорее всего крепилась ближе к

верхней части ножен, иначе их центровка будет нарушена. Б. А. Раев, изучавший находки из Рошава Драгана в музее Старой Загоры, нашел среди материалов из погребения 2 остатки еще трех квадратных ажурных пластин с тамгами, не вошедших в публикацию Буюклиева. Таким образом, ножны украшали одна круглая и четыре квадратных пластины, закрепленные, вероятно, между устьем ножен и скобой (рис. 44, 2). Конец ножен был окован золотой обоймой с изображением оленя в билатеральной позиции (рис. 44, 10).

Перед нами восточный меч 1-го типа по А. М. Хазанову. Отсутствие рукояти не позволяет уверенно определить его как китайский, но ясно другое — перекрестье и навершие приделаны к нему уже сарматами (или по их заказу). Ножны, возможно, «родные» (китайские), а нефритовую (?) бутероль сарматы заменили золотой обоймой в «зверином» стиле и дополнили декор пластинами с тамгами. Соответствие некоторых из них тамгам Инисмея и синхронность могилы в Рошава Драгана погребению в Порогах не исключает того, что этот меч принадлежал ранее воину, погребенному там.

²¹ Сердечно благодарю моего друга д-ра Христо Буюклиева за любезно предоставленные фотографии.

2.1. Копья (пики)

Судя по письменным и изобразительным источникам, копья у сарматов были одним из основных видов оружия. В науке утвердилось мнение, что именно использование длинного копья (пики)¹ являлось специфической чертой тяжелой конницы катафрактариев.

Однако до сих пор ничего нельзя изменить в первом предложении текста IV главы «Очерков военного дела сарматов» (Хазанов, 1971, с. 44): наконечники копий по-прежнему редки в сарматских могилах. Пусть нынче их находок втрое больше, чем было учтено А. М. Хазановым, но они так немногочисленны на фоне остального вооружения, что возникает вопрос: где же знаменитые пики катафрактариев, их «основное оружие» (там же, с. 73)? Судя по количеству находок, у конников-скифов или пехотинцев-апсиллов (могилиник Цебельда) копья были гораздо популярнее.

¹ В русском языке используются термины *копье* (англ. Spear) — общее видовое название древкового оружия, тяжелого оружия с толстым древком и большим наконечником; *пика* (англ. Lance) — специфическое оружие кавалерии с относительно тонким древком и коротким узким наконечником для таранного удара с коня; *дротик* (англ. Javelin) — легкое метательное копье. Но это деление весьма условно — в общем смысле *копье* и *пика* часто являются синонимами, а, например, в военной лексике 1812 г. пики казаков и улан иногда назывались дротиками.

А. М. Хазанов предложил тест: если считать набор оружия в могилах полностью отражающим комплекс вооружения, то следует признать, что у сарматских воинов копья не были в почете (Хазанов, 1971, с. 44). И сам же показал, что такое мнение будет ошибочным.

Он предположил, что скорее всего дело в особенностях погребального обряда. В подавляющем большинстве случаев (см. ниже) положение наконечника копья в сарматских могилах говорит о том, что сарматы не клали целое копье параллельно покойному, как это было принято у скифов. А. М. Хазанов считал, что копья ломали перед тем, как положить в могилу, либо вонзали в насыпь кургана (там же, с. 45). Правда, последняя гипотеза до сих пор не подтверждается материалом. Вероятно, погребальный обряд диктовал какую-то избирательность помещения копья в могилу: ведь пусть редко, но наконечники копий в погребениях все же есть (см. приложение 5).

В археологическом материале сарматское древковое оружие представлено в виде железных наконечников и подтоков — никакие другие детали его не сохранились. В основу типологии А. М. Хазанова положены форма и пропорции пера и втулки. Придерживаясь этих оснований, я предложил свою классификацию (Simonenko, 2001, S. 206–209), где типология наконечников приобрела несколько иной вид. Отчасти это произошло оттого, что в Северном Причерноморье нет наконечников некоторых типов по А. М. Хазанову. Вместе с тем в то время, когда писались «Очерки», еще не были найдены наконечники некоторых типов, выделенных мной.

Тип 1. С коротким листовидным пером и длинной втулкой. Перо ромбовидное в сечении, с выраженным ребром, 14 и 10 см длиной, 2–4 см шириной. Длина втулки также незначительно варьирует: 23 (Великопловское) — 26 (Квашино) см и



Рис. 45. Наконечники копий типа 1:
1 — Квашино; 2 — Великопоское

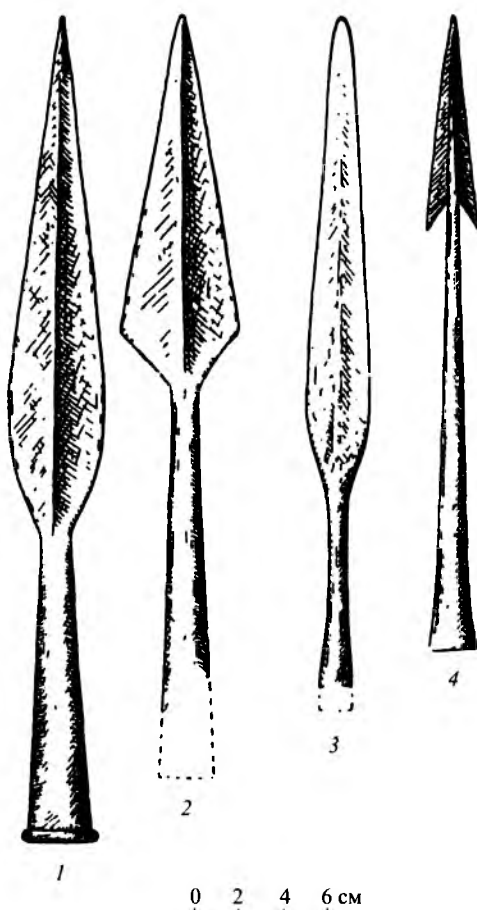


Рис. 46. Меотские наконечники копий
(Анфимов, 1951)

составляет $\frac{2}{3}$ длины наконечника (рис. 45). Верхняя (примыкающая к перу) половина втулки наконечника из Квашина ромбическая в сечении, на конце ее невысокий манжет.

По весу и пропорциям эти наконечники годятся для дротиков или легких метательных копий. Они кубанского происхождения. Такое оружие найдено в сиракских могилах II в. до н. э. у ст. Пластуновской, 2/4, и Белевцов, 1/12 (Марченко, 1996, с. 291, 323, рис. 71, 17, 18; 103, 3, 4). К. Ф. Смирнов совершенно справедливо отметил сходство наконечников 1-го типа

с прикубанскими меотскими экземплярами (Смирнов, 1984, с. 92). Таков наконечник из могилы 59 Усть-Лабинского могильника (рис. 46, 2), отнесенный автором раскопок к III—I вв. до н. э., т. е. ко времени бытования наконечников 1-го типа (Анфимов, 1951, с. 182, табл. 12, 2). У ранних сарматов Приуралья и Поволжья таких наконечников нет, за исключением явно импортных экземпляров из Старицы и Журова кургана. Причерноморские наконечники 1-го типа найдены в т. н. «странных комплексах», оставленных, судя по всему, сираками или меотами.

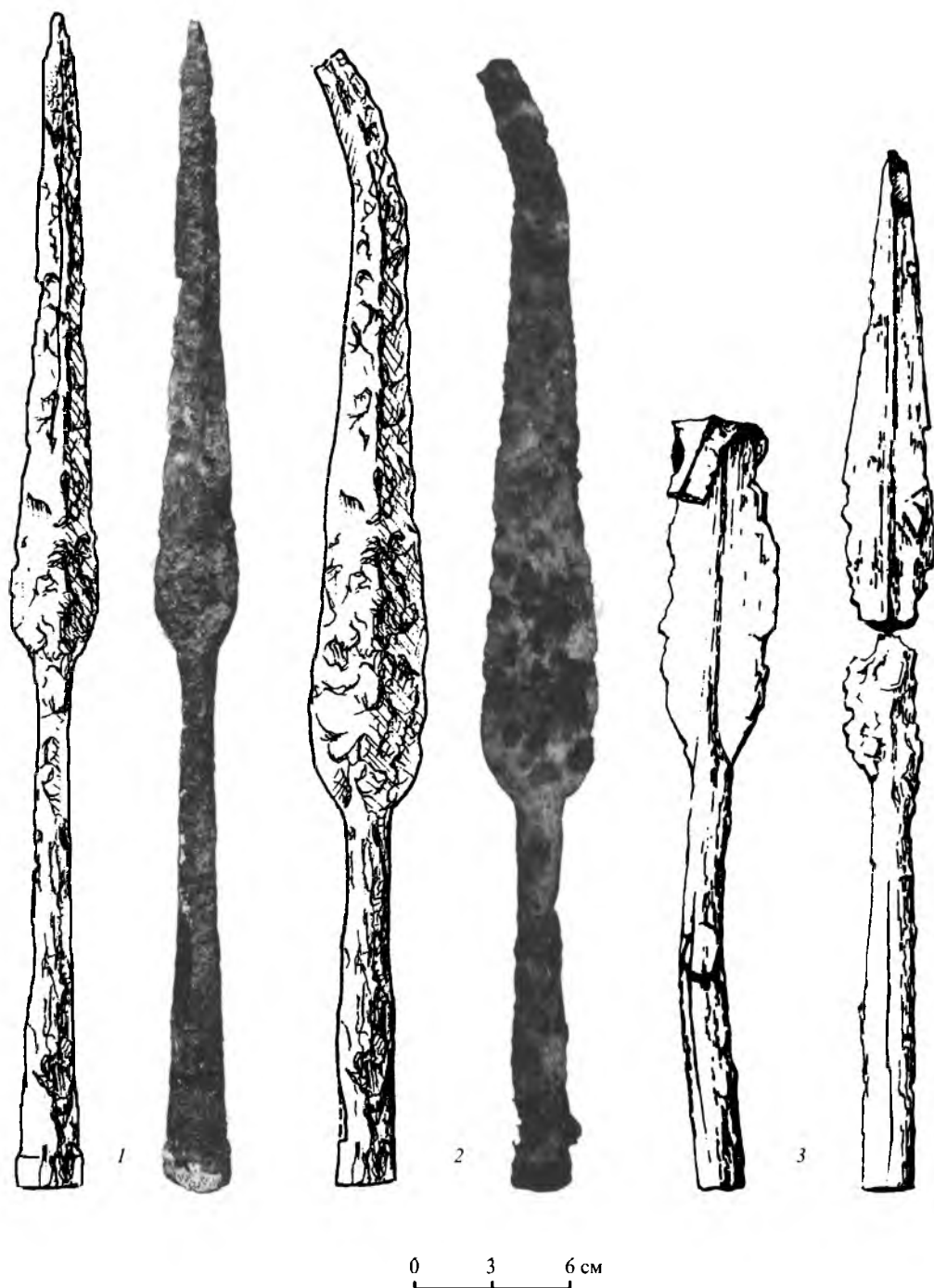


Рис. 47. Наконечники копий типа 2а:

1 — Квашино; 2 — Великопловское; 3 — Марьевка

Тип 2. С длинным листовидным пером. У этих наконечников максимальное расширение пера приходится на его нижнюю часть, непосредственно после перехода из втулки. По длине втулки выделяются два варианта:

2a — с длинной втулкой, составляющей до половины длины наконечника (рис. 47). Перо ромбовидное в сечении, по центру его проходит невысокое ребро (Квашино) или нервюра (Марьевка; рис. 48). Длина пера в пределах 20–25 см, ширина до 2,5 см, длина втулки от 16 (Марьевка) до 20,5 (Квашино) см. Верхняя (примыкающая к перу) половина втулки наконечника из Квашина ромбическая в сечении, на конце ее невысокий манжет.

Эти наконечники массивные и тяжелые, для мощных копий. Нервюра на марьевских наконечниках не характерна для сарматского оружия, и на этом основании Л. Якунина-Иванова назвала их копьями латенского типа (Jakounina-Ivanova, 1927, p. 109). Как и предыдущие, они найдены в «странных комплексах» и, вероятно, тоже кубанского происхождения. Во всяком случае, единственные в Азиатской Сарматии аналоги нашим наконечникам из кенотафа Старицкого могильника и Журова кургана в Поволжье найдены вместе с кубанскими дротиками и наконечником 1-го типа (см. далее). Интересно, что наконечники типов 1 и 2a всегда найдены в паре, составляя как бы обязательный набор «табельного» оружия.

2b — со втулкой средней длины, составляющей до $\frac{1}{3}$ длины наконечника (рис. 49, 1–3). Все исследованные экземпляры имеют линзовидное в сечении перо, без ребра. Длина пера варьирует от 20 до 25 см, ширина от 3 до 4 см, длина втулки 9–10 см. На втулках наконечников из Садова невысокие валики.

Наконечники этого варианта многочисленны у сарматов, в том числе и в Северном Причерноморье. Последние не



Рис. 48. Нервюра на наконечнике из Марьевки



Рис. 49. Наконечники копий типа 26 и 3:

тип 26: 1, 2 — Садово; 3 — Балки; тип 3: 4 — Сергеевка; 5 — Лычково; 6 — Заплавка; 7, 9, 10 — Дружное, м. 58; 8 — Нейзац, м. 203; 11 — Дружное, м. 59 (7–10 — Храпунов, 2002)

имеют никаких специфических местных черт и абсолютно аналогичны однотипным экземплярам со всей сарматской территории.

Тип 3. С лавролистным пером и втулкой средней длины. Это оружие характеризуется симметричным пером, плавно отходящим от втулки; максимально расширение пера посередине (рис. 49, 4–7). Все доступные для исследования экземпляры в сечении линзовидные, без ребра или нервюры. Средняя длина пера 20–25 см, средняя ширина 3–4 см; довольно широкие (6 и 5 см) наконечники из Усть-Каменки и Спасского. Особняком стоит маленький (длиной 17 см) наконечник из «странного комплекса» у Веселой Долины (рис. 50, 3). Судя по находке вместе с узким коническим подтоком с утолщением на конце, это был наконечник дротика типа сулицы.

Втулка, как правило, составляет около $\frac{1}{3}$ длины всего наконечника. Длина вту-

лок варьирует от 5 до 10 см. На наконечниках из Сергеевки, Усть-Каменки и Спасского край втулки утолщен в неширокий валик. Кроме того, втулка наконечника из Спасского имела широкое плоское кольцо для фиксации наконечника на древке (рис. 51).

Вариантом этого типа являются наконечники из склепа 58 могильника Дружное и могилы 203 могильника Нейзац — с коротким (7 и 6 см) массивным лавролистным пером и равной ему по длине втулкой (рис. 49, 8, 9).

Тип 4. С круглым (?) в сечении пером, переходящим в коническую втулку. Найдены в могилах 58 и 59 могильника Дружное (рис. 49, 10, 11). Коррозия не позволяет утверждать наверняка, но не исключено, что на самом деле наконечники в сечении ромбовидные, что как будто заметно на экземпляре из могилы 58.

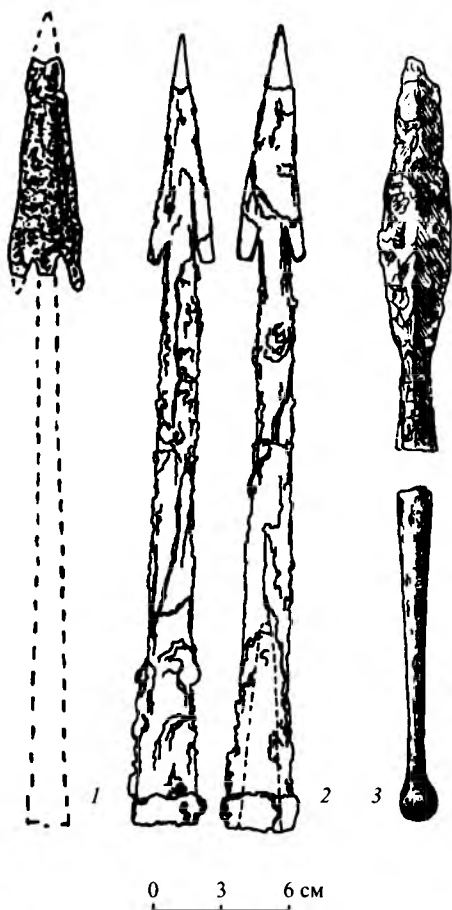


Рис. 50. Наконечники дротиков и сулицы:
1 — Великопльское; 2 — Чистенькое (Зайцев, Колтухов, 1997); 3 — Веселая Долина

Экземпляры типов 3 и 4 из Дружного и Нейзаца по своим параметрам напоминают наконечники пик Средневековья и Нового времени и наиболее пригодны для таранного удара с коня. В этой связи уместен вопрос: верно ли часто встречающееся в литературе мнение о том, что наиболее удобными для пик катафрактариев были наконечники с длинным широким пером типа 2а? При огромных динамических нагрузках, сопровождающих таранный удар с коня, они должны были ломаться и гнуться, наткнувшись на кость или доспех. Я не

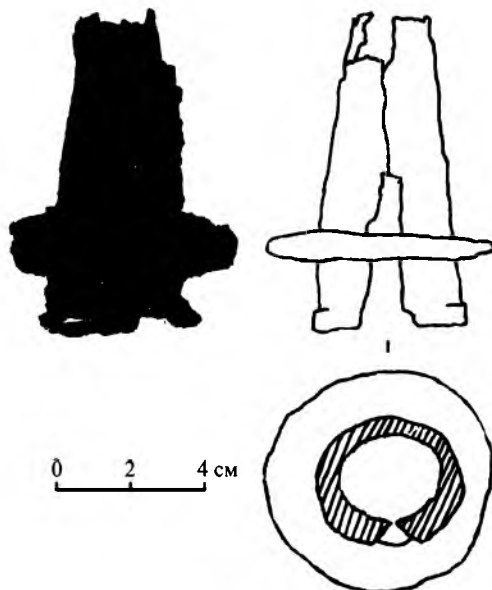


Рис. 51. Втулка наконечника из Спасского



Рис. 52. Изображение петли на древке пика (надгробие Газурия)

хочу сказать, что такие наконечники вовсе не использовались конными копейщиками, однако вряд ли они их устраивали. Поиск постепенно привел к узким и коротким наконечникам: именно они наиболее удобны в скоротечной конной атаке, особенно для пробивания доспеха (Хазанов, 1971, с. 47–48).

Античные авторы упоминают ремень, «управляющий» копьем (Valer. Flacc, VI.162). Речь, несомненно, идет о петле, закрепленной на древке. Такая петля изображена на хорошо известном мраморном надгробии Газурия I в. н. э. с некрополя Херсонеса вместе с оружием времени позднего эллинизма — кельтским щитом-тюреосом, длинным сарматским (?) мечом, псевдоаттическим шлемом, поножами и горитом (рис. 52).

2.2. Дротики

Это оружие, столь популярное у скифов и савроматов, практически не применялось сарматами. Надо полагать, дело было в изменении тактики: вместо того, чтобы сблизиться с противником и метать в него копья и дротики, как делали скифы, сарматы атаковали строй врага, нанося штурмовой копейный удар.

Фрагмент треугольного жала железного наконечника дротика длиной 10 см найден в Великопосском (рис. 50, 1). Внешне он напоминает скифские наконечники IV в. до н. э., однако совершенно необычен для сарматского оружия.

Такие дротики, исчезнув в Северном Причерноморье вместе со скифами, сохранились у меотов на Кубани. Во всяком случае, только там найдены подобные наконечники последних веков до н. э. (рис. 46, 4). Погребение 3 в могильнике городища № 3 у хут. Ленина с такими наконечниками

датируется серединой II в. до н. э. (Лимберис, 1988, с. 53).

В Поволжье наконечники таких дротиков были найдены в раннесарматском кенотафе кургана 4 Старицкого могильника (неопубликованные раскопки В. П. Шилова) и во впускном погребении 2 в Журовом кургане (Лукашов, 1979, с. 160–164, рис. 1). В этот комплекс входили наконечники копий типов 1 и 2а, три конических длинных подтока с утолщением на конце («рюмкообразные», по неудачному определению автора публикации), железные втульчатые и черешковые наконечники стрел, лепной горшок, две синие глазчатые бусины рядом с наконечниками (украшение колчана?) и бронзовое зеркало с валиком по краю и выступом в центре (рис. 53).

А. В. Лукашов датировал это погребение III в. до н. э., полагая, что ко II в. до н. э. железные втульчатые наконечники вышли из употребления (это не совсем так), и не принимая во внимание наличие в этом же наборе черешковых. Он считает такое сочетание основанием для датировки комплекса III в. до н. э. Однако именно оно не позволяет «опустить» дату комплекса ниже II в. до н. э. — раньше этого времени черешковые наконечники стрел просто не существовали. Синие глазчатые бусы IV–III вв. до н. э. встречаются в сарматских погребениях вплоть до конца I в. н. э. в качестве амулетов. Важно для датировки бронзовое зеркало, внешне напоминающее изделия типа Хазанов VIII. Однако они всегда большего диаметра, с широким и высоким валиком; выступ-умбон в центре диска высокий, конический, ручка клиновидная. Зеркала типа Журова кургана меньшего диаметра, умбон у них полусферический, низкий, валик узкий, невысокий, ручка с овальным концом. Такие зеркала появляются в погребениях Поволжья в I в. до н. э. (Минеева, Скрипкин, 2005, с. 52), и их не стоит путать с зеркалами типа Хазанов VIII («бактрийскими») I — начала

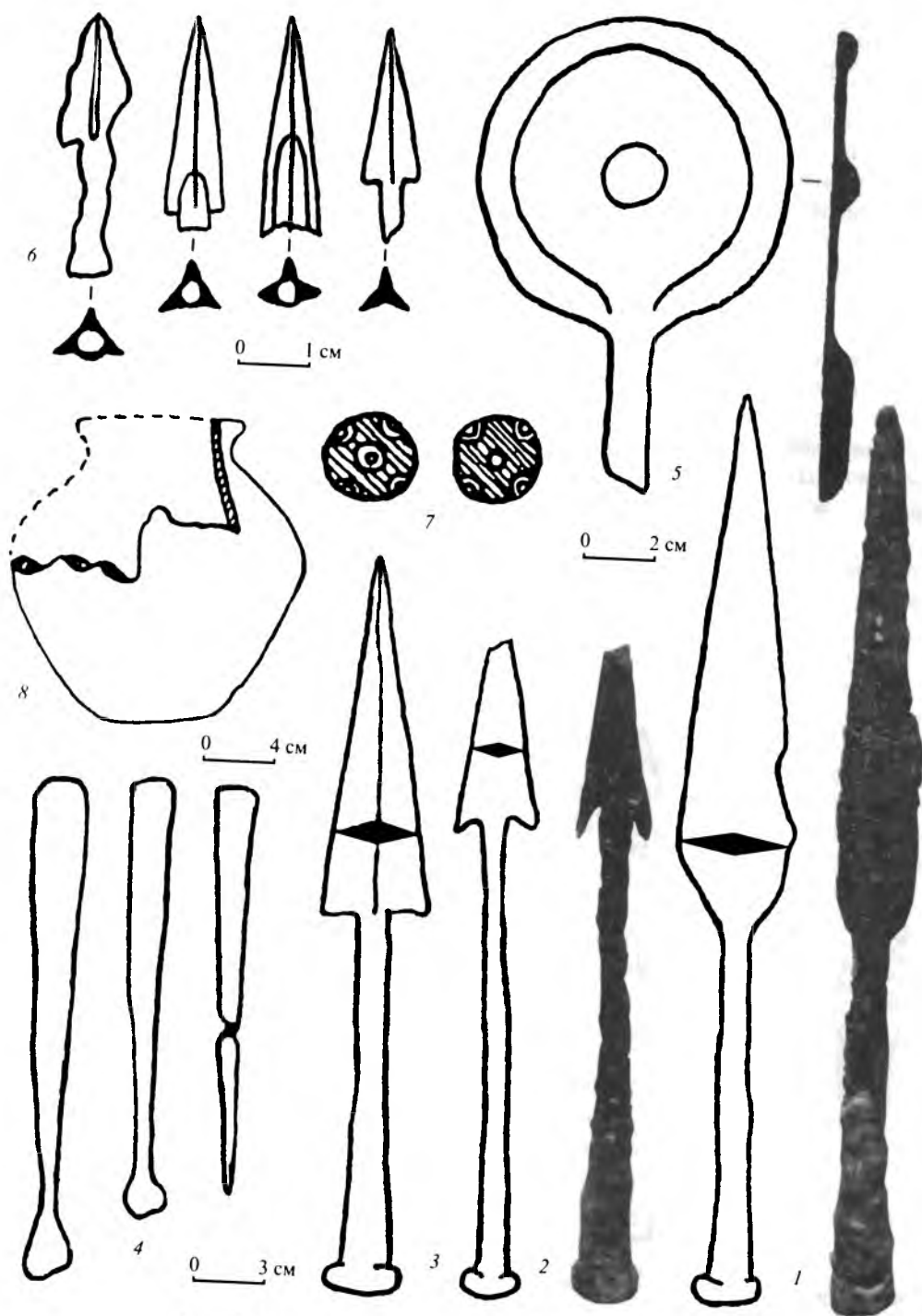


Рис. 53. Комплекс из Журова кургана (Лукашов, 1979)

II в. н. э. Однако в любом случае зеркала перечисленных типов еще не существовали в III в. до н. э., и аналогии А. В. Лукашова методически некорректны.

Изделия, практически идентичные журавским рюмкообразным подтокам с утолщением на конце, найдены в комплексах конца II — начала I в. до н. э. близ Гэвани (Румыния) и Веселой Долины в Одесской обл. (Sirbu, Harțușe, 2000, p. 150, fig. 6, 7; Редина, Симоненко, 2002, с. 89, рис. 1, 5). Скорее всего погребение 2 Журава кургана следует датировать II—I вв. до н. э. Наилучшим подтверждением этого стал замечательный комплекс конца II в. до н. э. из погребения 2 кургана 1 у с. Чистенькое в Крыму. В воинском погребении с сарматским, галатским и позднескифским оружием были найдены два дротика с треугольными жалами и коническими подтоками (рис. 50, 2).

В Порогах рядом с наконечниками стрел — трудно сказать, в колчане или вне

его, — найден маленький втульчатый железный наконечник с листовидным пером. Длина пера реконструируется до 10 см, длина втулки 3,8 см (рис. 54, 1).

Этот наконечник очень близок средневековым сулицам. А. Н. Кирпичников удачно охарактеризовал их как «нечто среднее между копьем и стрелой» (Кирпичников, 1966, с. 23). Длина наконечников сулиц 15–20 см, длина пера 8–12 см, диаметр втулки 1,5–2 см, т. е. параметры практически те же, что и у наконечника из Порогов. А. Н. Кирпичников считает, что различные виды таких дротиков были популярны в эпоху Великого переселения народов. Вероятно, их появление следует отнести еще к сарматскому времени.

Подтверждением этого являются аналогии наконечнику из Порогов. Это несколько больший по размерам, но все же очень маленький для копья наконечник из кургана 10 у станицы Тифлисской (Гущина, Засецкая, 1994, табл. 25, 244/1) и два наконечника практически такой же, как в Порогах, величины из сарматской могилы в Хейвисдёрке (Héviszdyörk) в Венгрии (рис. 54, 2). Правда, автор публикации считает их наконечниками стрел (Dinnyés, 1991, с. 156), но, без сомнения, это тот же тип оружия, что и найденный в Порогах. Кстати, наряду с подвижной лучковой фибулой, северной ориентацией и предметами конского снаряжения эти наконечники являются еще одним восточным элементом в комплексе из Хейвисдёрка.

2.3. Хронология

Наконечники из Северного Причерноморья достаточно выразительны в хронологическом отношении. Только в «странных комплексах» раннесарматского времени (II—I вв. до н. э.) найдены наконечники

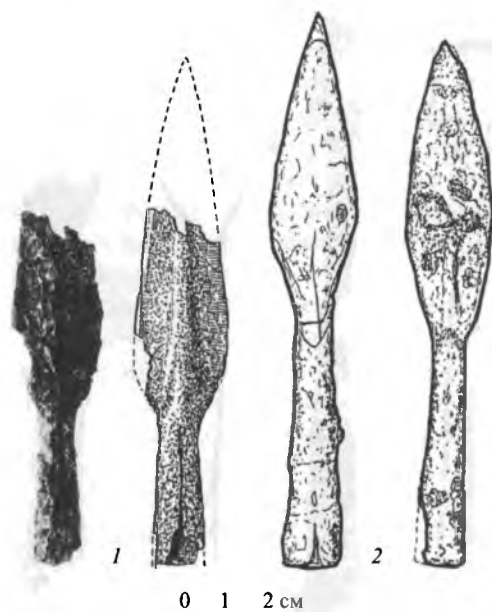


Рис. 54. Наконечники сулиц:

1 — Пороги; 2 — Хейвисдёрк (Dinnyés, 1991)

копий типов 1 и 2а и дротиков с треугольными жалами. Их кубанские аналоги наряду с другими характерными чертами еще раз убеждают, что комплексы, из которых происходят перечисленные наконечники, следует связывать с Кубанью.

Наконечники типа 2b появляются еще в раннесарматское время (Садово), но бытовали и позже. Синхронны им наконечники 3-го типа: они есть и в ранне- (Сергеевка, Веселая Долина), и в среднесарматских могилах. К I в. н. э. относятся наконечники 3-го типа из Лычкова (Костенко, 1983, с. 62) и Славянска (Бранденбург, 1908, с. 162), к I — первой половине II в. н. э. из Усть-Каменки (Костенко и др., 1987, с. 126), Приморского (неопубликованные раскопки А. С. Беляева). Наконечники из Войтова и Верхней Маевки фрагментированы и могут в равной степени принадлежать типам 2b или 3. Комплексы с ними датируются среднесарматским временем².

Наконечники типов 3 и 4 из Дружного и Нейзаца — самые поздние, из коллективных склепов IV в. н. э., последние захоронения в которых совершались в конце столетия (Храпунов, 2002, с. 70). Если экземпляры с круглым пером имеют на самом деле ромбовидное сечение, то они могут быть сопоставлены с наконечниками 4-го типа из комплексов Цебельды, датирующихся со второй половины IV по VI в. н. э. (Воронов, Шенкао, 1982, с. 126).

Наконечник сулицы из Порогов датируется, как и весь комплекс, последней четвертью I в. н. э. Аналог из кургана 10 у станции Тифлисской относится ко второй половине I — середине II в. н. э. (Гущина, Засецкая, 1994, с. 37), из Хейвисдёрка — к середине — второй половине II в. н. э. (Dinnyés, 1991, с. 186).

2.4. К дискуссии о длине сарматских копий

Мнение об особо длинных, до 4,5 м, сарматских копьях (Блаватский, 1954, с. 117; Хазанов, 1971, с. 182; остальные авторы так или иначе использовали их выводы) восходит к точке зрения М. И. Ростовцева (Ростовцев, 1914, с. 330–331). В ее основе — изображения пик на пантикапейских фресках и рельефах. Однако есть ли у нас гарантия того, что здесь мы не имеем дело с фантазией художника? Росписи пантикапейских склепов схематичны, и вряд ли соотношение длины копья и размеров всадников реальны.

Вычислить длину сарматского копья по иконографическим материалам попытался Д. А. Скобелев (Скобелев, 2004). Он проделал большую работу по измерению различных частей тела всадников и коней на изображениях и сравнению их с антропометрическими данными моделей³. Однако уже в начале эксперимента автор сделал допущение, ставящее под сомнение объективность результата. Я имею в виду метод, которым Д. А. Скобелев определил рост изображенных лошадей для дальнейших вычислений длины копья: «Так как в пантикапейских гробницах были похоронены явно не простые воины, то ездили они, надо полагать, не на мелких клячах, а, как минимум, на средних, а то и рослых... жеребцах и меринах» (там же, № 3, с. 99). Прошу прощения, но нам абсолютно неизвестно, кто был похоронен в ограбленных пантикапейских склепах — военачальники, простые воины или их жены, а уж подавно — на каких лошадях они ездили.

² В. И. Костенко без достаточных оснований датировал погребение в Верхней Маевке II–III вв. н. э. (Костенко, 1977, с. 117).

³ На мой взгляд, достаточно было бы параметров голени, бедра или плеча, которые, как известно, у взрослых мужчин неизменны (редкими случаями гигантизма можно пренебречь).

Шкала «мелкие, средние и рослые лошади» была выработана В. О. Виттом для пазырыкских лошадей на основе реальных находок их останков, но применение ее для всех лошадей Евразии скифо-сарматской эпохи — научный фольклор, не более. А вот диспропорция изображений лошади и всадника на фресках говорит явно не в пользу их реалистичности и возможности служить источником.

Я попытался высчитать длину пики одного из всадников с орлатской пластины, приняв за единицу отсчета длину его плеча в 35 см (антропометрический промер взрослого мужчины). Пика оказалась (со всеми возможными допусками и округлениями) длиной 217 см. Это число близко косой длине туловища средней лошади верхово-упряжного склада, но на пластине пика вдвое длиннее коня. Конь же этого контофора — явно высокопородный, ахалтекинского облика, с длинной шеей, тот самый «как минимум, средний, а то и рослый жеребец» Д. А. Скобелева — по этим подсчетам оказался... 70 см в холке! Совершенно очевидно, что все орлатские фигуры диспропорциональны и не могут использоваться для вычисления длины копья. Я не уверен, что они составляют исключение в корпусе иконографических источников.

После многочисленных допущений и подсчетов, в которых порой нелегко разобратся, Д. А. Скобелев пришел к выводу: длина сарматских пик не превышала 3,5 м, т. е. они были равны пикам легкой кавалерии Нового времени (Скобелев, 2004, № 4, с. 89)⁴. Думаю, что это не случайно: последние явились конечным продуктом поиска оптимальной длины древка, отсеявшего неуправляемые «сверхдлинные», по

определению Д. А. Скобелева, пики. И хотя автор (без каких-либо оснований, на мой взгляд) не хочет «исключить возможность бытования у сарматов сверхдлинных пятиметровых пик», в очень неплохом разделе статьи об их применении в Новое время (там же, с. 90–96) он сам же показывает бесперспективность этого оружия и его исчезновение со временем из арсеналов. Длинная македонская сарисса представляла собой узкоспециализированное оружие, ушедшее в небытие вместе с македонской тактикой. Напротив, динамичная восточная конница (в том числе и сарматская), действовавшая на основе естественных качеств лошади и всадника, не насилвала их природу. «Сверхдлинные» пики возродились в средневековой Европе как результат развития конницы в тупиковом «рыцарском» направлении и вторично умерли с исчезновением рыцарской конницы.

На древках сарматских копий не было подтоков, которые обычно фиксируют длину копья в скифских могилах. Мною еще в диссертации 1986 г. была предпринята попытка реконструировать ее, сообразуясь с положением наконечника в могиле и ее размерами⁵. Результаты оказались весьма интересны и даже несколько неожиданны.

Почти половина сарматских наконечников копий найдена в ограбленных могилах и, естественно, непригодна для анализа. В тех случаях, когда наконечники найдены *in situ*, почти все они лежали не по длинной оси могилы (т. е. так, как если бы в могилу было положено целое копье), а в совершенно разных местах — у кистей (Бережновка-1, 6/5), вдоль руки или ноги (Славянск, 253/2; Приморское, 2/4), близ таза (Никольское, 12/1), в головах или ногах поперечной оси могильной ямы (Бережновка-2, 17/1; Спасское, 3/7; Старые Кишки; Ново-Никольский могильник, 9/1),

⁴ В этих же пределах без всяких подсчетов реконструируют длину контоса римских кавалеристов Карен Диксон и Пат Саузерн (Dixon, Southern, 1992, p. 50). Стоило ли огород городить?

⁵ В подсчетах использовались материалы всей Сарматии, известные к 1985 г.

в углу могилы среди инвентаря (III Кирсановский могильник, 2/1). Наконечник из кургана 7 у хутора Ляпичев, где могильная яма якобы была специально удлинена, чтобы вместить целое копьё (Хазанов, 1971, с. 45), на самом деле был воткнут в стенку ямы (Археологические исследования..., с. 186).

В Северном Причерноморье из 21 погребения с наконечниками копий только в шести они лежали у черепа острием вверх, т. е. так, как если бы в могилу было положено целое копьё. В Верхней Маевке, Заплавке, Садовом, Каирке контуры могильной ямы не прослеживались, длина скелетов составляла около 175–180 см. Вряд ли длина могильных ям была более 2,5 м (в Войтовом длина ямы составляла 2,65 м, более длинных ям сарматских погребений на этой территории практически нет).

Таким образом, в большинстве случаев положение наконечника копья в сарматских могилах говорит о том, что класть целое копьё параллельно покойному, как это было принято у скифов, у сарматов не было в обычае. Либо сарматы ломали копья перед помещением их в могилу, как предположил в свое время А. М. Хазанов, либо клали туда лишь наконечники. Последнее маловероятно: во втулках большинства наконечников есть остатки древков, да и обычай преднамеренной порчи вещей перед помещением их в могилу известен у сарматов.

При таком состоянии источников я не беру на себя смелость окончательно решать вопрос о длине сарматских копий. Наиболее длинные из достоверно измеренных скифских копий достигали 3,1–3,2 м (Черненко, 1984, с. 234). У меня нет оснований считать, что сарматские пики были длиннее.

Маркус Юнкельман, проводивший практические опыты с оружием позднеримских типов, утверждает, что пика длиной более 4,5 м становится неуправляемой (Junkelmann, 1992, S. 146). Пики польских кры-

латых гусар XVII в. достигали 4 м; уникальна гусарская пика из арсенала Сангушкова длиной 498 см (Żygulski, 1982, с. 270–271). Д. А. Скобелев привел данные по пикам европейской кавалерии позднего Средневековья и Нового времени (Скобелев, 2004, № 4, с. 95, табл. 7). Пики легкой кавалерии XIX в. не превышали в длину 3 м, а у французских и английских кирасир были чуть длиннее — до 3,3 м. По одним сведениям (Фролов, 1998, с. 40), уставная длина пики донских и кубанских казаков начала XX в. — 3,15 м, по другим (Скобелев, 2004, № 4, с. 95, табл. 7), казачьей образца 1839 г. — 3,4 м, образца 1901 г. — 3,1 м.

По археологическим данным, длина обычных (метательных?) сарматских копий вряд ли превышала 2,5 м. Возможно, пики тяжелооруженных всадников (т. е. оружие для таранного удара с коня) были длиной до 3 м: последнее предположение абсолютно теоретическое и ничем не подтверждено. Как я постарался показать, использовать боспорские росписи, надгробные стелы и другие иконографические источники для обоснования необычно большой длины сарматских копий (более 4 м) некорректно.

2.5. Двуручный хват — историческая реальность или историографический миф?⁶

В литературе существует восходящая к мнению В. Д. Блатовского точка зрения о якобы важном отличии сарматских всад-

⁶ В авторском названии моей работы (Симоненко, 2001в) был употреблен именно этот термин, по ошибке редакторов измененный на «исторический миф».

ников, сделавшем их «непобедимыми», — т. н. «сарматской посадке» (литературу см.: Перевалов, 1999, с. 75–76). Появился историографический миф: основное отличие сарматской тяжелой конницы состояло в том, что она атаковала сомкнутым строем, а всадники наносили штурмовой удар, бросив повод и держа пики обеими руками с одной стороны коня («сарматская посадка»).

Прежде всего: конница (а тем более тяжелая) всегда и во все времена атаковала сомкнутым в той или иной степени строем, иное ее применение в бою малоэффективно, чтобы не сказать — бесполезно. Помимо физической силы удара атака конницы имела немаловажное психологическое значение. Вид несущейся лавины коней, грохот копыт, оскаленные морды и тяжелое дыхание животных, воздетое оружие всадников повергали пешего противника в ужас и шок⁷. Недаром во всех уставах пехоте запрещалось бежать от кавалерии — стычку еще можно было выиграть, бегство же означало неминуемую гибель. Существование тактики атаки тяжелой кавалерии сомкнутым строем у скифов VI–IV вв. до н. э. было доказано Е. В. Черненко (1984, с. 59–75). Таким образом, в вопросе конной атаки сомкнутым строем в евразийских степях сарматы не были новаторами.

Другие составляющие «сарматской посадки» (эти детали особо подчеркивались): всадник сидит, повернувшись вправо, и держит пику двумя руками параллельно корпусу коня, повод при этом брошен. Однако, анализируя иконографический материал и данные письменной традиции (археология в этом случае бессильна), практически все

исследователи ни разу не попытались представить себе, насколько их выкладки применимы на практике — верхом на коне, да еще в бою. Исключения составили опыт, проделанный Майнором Маклом (Markle, 1977, р. 333–339) с копией македонской сариссы — оружием, близким контосу по параметрам, практические упражнения Маркуса Юнкельмана (Junkelmann, 1992, S. 144) и исследования Энн Хиланд (Hylland, 1993)⁸.

Выяснилось, что управляться с длинной пикой (реконструктор Глэнн Муди использовал сариссу длиной 15 футов, т. е. около 4,5 м) можно только двумя руками (Markle, 1977, р. 334–336). *Сочтя это нереальным* и опираясь на изображения на монетах Александра и Евкратиды Бактрийского, М. Макл пришел к выводу, что македоняне держали кавалерийское копье в одной руке — «...the Macedonians managed the cavalry lance with only one hand» (ibid., р. 336). Этим, по его мнению и мнению С. М. Перевалова, они и отличались от сарматов, чьей «национальной практикой» (М. Макл) якобы был двуручный хват. Дело, однако, в том, что оба автора утверждают это на основании... тех самых фресок и надгробий, в объективности которых как источника я сомневаюсь (см. ниже). Таким образом, М. Макл и С. М. Перевалов, идя по логическому кругу, аргументируют свои положения ссылками на то, что как раз и требуется доказать.

Маркус Юнкельман проводил эксперимент с контосом длиной 4,5 м. Я хотел бы заметить, что изначальное условие эксперимента также было не совсем корректным: Юнкельман определил двуручный хват копья как сарматский или парфянский (Junkelmann, 1992, S. 144) именно на основании изобразительных и письменных

⁷ Сходную мысль, хотя несколько по иному поводу, высказал Франко Кардини: «...только представьте себе на мгновение огромную массу металла, скачущую верхом на разгоряченном коне, само воплощение древнего сакрального ужаса и нового апокалиптического кошмара» (Кардини, 2000, с. 359).

⁸ Э. Хиланд, вопреки мнению С. М. Перевалова, не занималась вопросами реконструкции посадки контофора.

источников. Снова логический круг! Уже в ходе эксперимента реконструктор выяснил, что для оптимального использования контос нужно было держать правой рукой ближе к концу древка, а левой вместе с поводом (! — *А. С.*) приблизительно в 1 м от правой. Кроме того, двуручный хват, предложенный Юнкельманом, отличается от «сарматской посадки» Блаватского — Перевалова: всадник сидит, слегка повернувшись вправо, левым плечом вперед, контос удерживается по диагонали по отношению к корпусу коня (рис. 55). При таком хвате у всадника при отдаче есть запас для разворота торса в наиболее устойчивое фронтальное положение, а сопротивление цели не разворачивает его вправо вплоть до выбивания из седла (рис. 56, 2). Практика показывает, что скакать верхом, повернув корпус боком и держа в обеих руках с одной стороны коня длинное копье, небез-

опасно. Всадник находится в очень неустойчивом равновесии, которое нарушится при первом же столкновении с противником и приведет к падению (рис. 56, 1).

Мой оппонент утверждает, что Юнкельман моделировал посадку позднеримских катафрактариев IV в. н. э., якобы отличную от классической «сарматской посадки» I–II вв. н. э. Его не смущает, что он сравнивает то, существование чего еще нужно доказать. «В римской армии применялись как тот, так и другой способы», — заявляет мой оппонент так безапелляционно, словно видел это воочию (Перевалов, 2007, с. 154). Мы не в военно-историческом клубе, а ссылку на мнение К. Диксон и П. Саузерн (Dixon, Southern, 1992, р. 49–50), выражаясь языком Перевалова, «можно оставить без внимания». Эти авторы, в свою очередь, исходили из мнения Дж. Колстона, а он (Coulston, 1986, р. 65) руководство-



Рис. 55. «Сарматская посадка» по М. Юнкельману (Junkelmann, 1992)

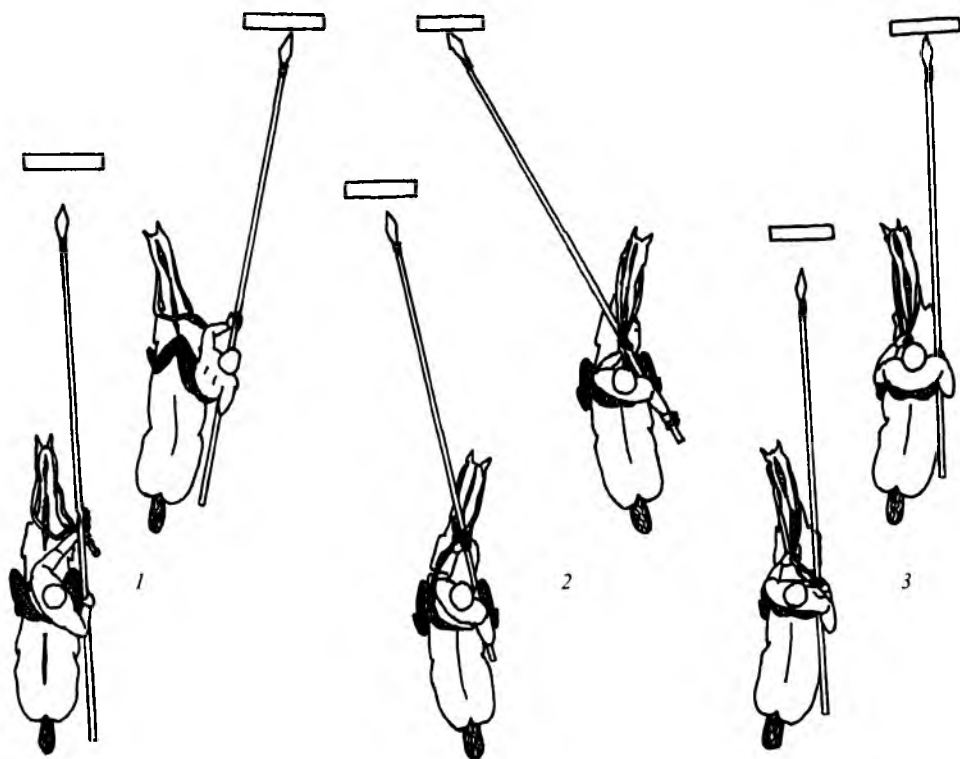


Рис. 56. Кинематика копейного удара с коня:

1 — «сарматская посадка»; 2 — двуручный хват по М. Юнкельману; 3 — одноручный хват

вался теми самыми изобразительными источниками, точность которых сомнительна. Колстон полагал, что применению в древности одноручного хвата копья под мышкой препятствовало отсутствие стремян. Однако для этого нужны не стремяна, а крепкая глубокая посадка, которую обеспечивает седло с высокими луками. При двуручном хвате копьём сбоку лошади риск быть выбитым из седла отдачей гораздо больший, чем при одноручном хвате. Забавно, как Диксон и Саузерн в то же время не исключают, что одноручный хват «просто не развился из-за отсутствия исторического прецедента»⁹. Аргументация

такого уровня, увы, не может приниматься во внимание, а другой у моих оппонентов нет. А *posse ad esse* — не лучший принцип доказательства.

И еще один немаловажный момент — ни один из названных экспериментаторов так и не смоделировал «сарматскую посадку» в понимании С. М. Перевалова. Не оттого ли, что она невозможна физически? Судя по тексту Юнкельмана, смоделированная им посадка — единственное, чего он смог достичь, исследуя возможность двуручного хвата вообще.

Брошенный повод как неперемное условие «сарматской посадки» представляется нереальным. Мой оппонент, не будучи специалистом, не понял меня: я не утверждал и не утверждаю, что ездить верхом без повода и стремян невозможно. «Остав-

⁹ Alternatively, it may be that without any historical precedent this style had simply not developed (Dixon, Southern, 1992, p. 50).

ляя без внимания» мой опыт всадника с 40-летним стажем, он обратился за консультациями к артисту цирка. Однако одно дело — джигитовка в идеально ровном манеже, и совсем иное — скачка по пересеченной местности с 3,5-метровым копьём в руках¹⁰. Учел ли эту разницу консультант С. М. Перевалова, утверждавший, что моделирование «сарматской посадки» без стремян и поводьев (Перевалов, 2007, с. 153, сн. 75) не составляет «никаких проблем»? Моделирование, возможно, и не составляет, но вот езда и боевая схватка на такой посадке проблематичны. Дело в том, что при движении галопом, а особенно при маневрах на этом аллюре постоянный контакт лошади со всадником через повод — необходимое условие. Набранный повод обеспечивает лошади равновесие на заду, смещая центр ее тяжести ближе к середине корпуса. Это облегчает мгновенные остановки, повороты, заезды, пируэты и другие маневры в конной схватке, производимые, замечу, на достаточно резвом ходу (до 30 км/час). Кроме того, упор лошади в повод — единственное средство предотвратить ее падение через голову в случае, если она споткнется, попав ногой в неровность грунта или зацепившись за лежащий на земле объект¹¹. Лошадь, уравновешенная на переду (центр тяжести проходит через плечо или ближе к голове), менее устойчива на ходу и хуже управля-

ется при скоротечных маневрах. Сказанное не означает, что всадник должен постоянно держать повод набранным: при свободном движении (например, на походе) повод смягчается или даже бросается, давая лошади отдых. Однако атаковать, да еще и наносить удар пикой, бросив повод, очень рискованно: вряд ли сарматы этого не понимали.

Напрямую связан с работой поводом (точнее, с необходимостью держать его набранным) и удар пикой. Отдачу оружия при столкновении с целью не в силах сдерживать всадник: ее принимает на себя лошадь, *поддерживаемая* поводом в равновесии на заду. Вот что я имел в виду, и вот чего не понял С. М. Перевалов: я отнюдь не утверждал, что всадник может удержаться в седле не иначе, как набирая повод (Перевалов, 2007, с. 155).

Попытаюсь развеять его сомнения и в моем знакомстве с «особенностями колющего оружия» (там же, с. 154), которые мне известны по собственному опыту, а не только по цитате из В. Федорова в маловразумительном изложении С. М. Перевалова.

Примеры боевого использования пики в Новое время (улань, гусары, казаки) показывают, что часто она после нанесения первого удара оставалась в теле противника, а всадник переходил к работе клинком (ср. мнение Макла об использовании сариссы: Markle, 1977, p. 334). В подтверждение позволю себе по необходимости пространную цитату из книги ротмистра Сумского гусарского полка В. Литгауэра, безусловно, знавшего предмет: «Наша (сумских гусар. — А. С.) пика представляла собой длинную легкую металлическую трубку со стальным наконечником. К основанию пики прикреплялась небольшая кожаная петля, в которую всадник вставлял ногу, неся пику на марше. Большая петля, крепившаяся, примерно, в середине древка, использовалась для подвешивания пики

¹⁰ По примеру С. М. Перевалова я проконсультировался с артистами киевского конного театра «Скиф», демонстрирующими поединки на копьях, и их заключение было прямо противоположным мнению осетинского джигита — так (т. е. на «сарматской посадке». — А. С.) атаковать нельзя. Поясню для С. М. Перевалова: «нельзя» не означает полного отсутствия физической возможности; можно, конечно, но результат будет один — всадник окажется на земле.

¹¹ Случается, что даже идущая шагом с брошенным поводом лошадь, споткнувшись, начинает падать, и лишь резкий рывок поводом предотвращает падение.



Рис. 57. Роспись Стасовского склепа в Пантикапее

к руке... При подготовке к действию пика снималась с ноги и держалась правой рукой на бедре под наклоном 45 градусов. Для боя пику разворачивали в горизонтальное положение. Пики полагались только половине эскадрона — тем, кто находился в первой шеренге... В атаке на полном галопе пики предназначались только для нанесения первого удара. *Как только пика настигала врага (ударив его или проколов насквозь), ее следовало бросить, в противном случае от силы удара могло сместиться плечо. Бросив пику, кавалерист тотчас выхватывал шашку* (выделено мной. — А. С.)... На медленном ходу пикой также можно было проткнуть врага, стоящего или уже лежащего, и вытаскивать ее снова» (Литтауэр, 2005, с. 90).

Почему же предложенные выкладки, базирующиеся на практике и подтвержденные экспериментами, находятся в таком противоречии с иконографическими источниками?

В. А. Горнчаровский и В. П. Никонов вполне резонно предположили, что дело в специфике последних: «...на этих памятниках персонажи имеют явно героизированный облик, художники, очевидно, стремились создать парадные портреты своих заказчиков...» (Горнчаровский, Никонов, 1987, с. 210). Действительно, подобная посадка представлена на росписях

боспорских склепов (рис. 57), известном танаисском рельефе Трифона (рис. 58), на двух (из множества!) римских надгробиях (рис. 59) и на церемониальных сосудах из богатых сарматских погребений (Косика, Вербовский). Судя по сходству иконографии (рис. 60, 61), оба сосуда сделаны если не одним мастером (Мамонтов, 2000, с. 169), то в одной художественной манере, явно с античных образцов. Последние же (например, боспорские росписи и рельеф Трифона) выполнены по принятому в то время канону, названному Х. фон Галлем фронтальным (Галль, 1997, с. 177). В отличие от господствовавшего до конца эллинизма греческого канона, фронтальный, по мнению исследователя, появился в Пальмире и Сирии в конце I в. до н. э., однако всеобщее распространение получил в I в. н. э.

В этом каноне все условно, начиная с изображения коня и кончая всадником. Поза, в которой изображен скачущий конь, в действительности не существует. Ни в одной фазе галопа (рис. 63) передние и задние ноги лошади не находятся в такой позиции, как на рассматриваемых изображениях. Специально классифицировавший изображение галопа в искусстве Соломон Рейнак назвал такой галоп развернутым или опорным (*galop allonge*). В предшествовавшем античном каноне господствовал



Рис. 58. Рельеф Трифона (Тананс)



Рис. 59. Надгробие всадника Галы канинефатов (Junkelmann, 1992)

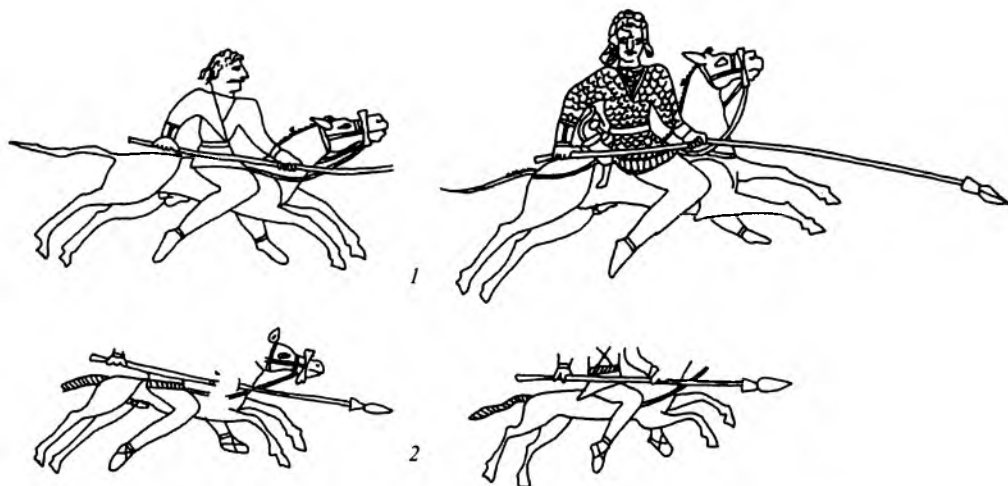


Рис. 60. Всадники на сосудах из Косики (1) и Вербовского (2)

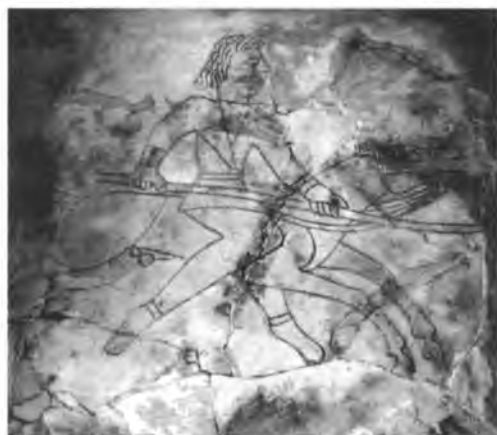


Рис. 61. Всадник на сосудах из Косики (I Tesori, 2005)



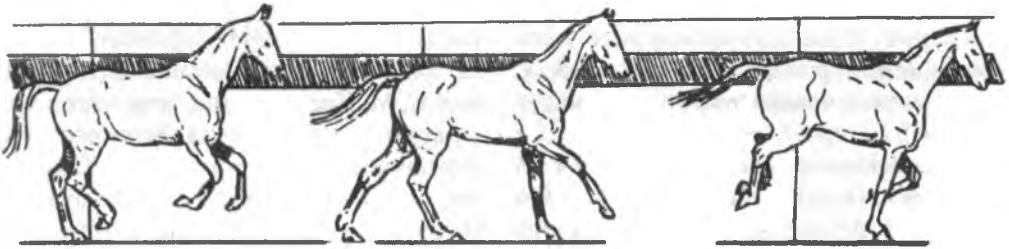
Рис. 62. Терракота из коллекции графа Уварова (фото ГИМ)

аттический или короткий галоп (canter) с опорой коня на согнутые задние ноги и поднятыми на разную высоту передними (Reinach, 1925, p. 6–12).

Безусловно, центральной фигурой был всадник, для чего он и изображался анфас, в величественном статичном повороте корпуса, с копьем в обеих руках. Последняя деталь — ошибка или, вернее, прием древ-

него художника — «сдвиг на зрителя». Он был порожден, с одной стороны, незнанием законов перспективы и, с другой — желанием (и даже необходимостью, как казалось художнику) показать на переднем плане все, что требовалось сюжетом (Раушенбах, 1975, с. 88–89). Примером такого приема может служить керченская (?) терракота из собрания А. С. Уварова в ГИМ

Рабочий галоп



Собранный галоп

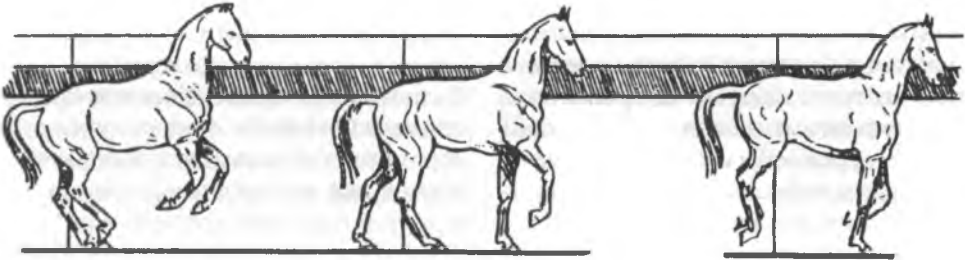


Рис. 63. Фазы галопа (Мюзелер, 1980)

(рис. 62): торс всадника развернут анфас так, что его левая рука, держащая повод, показана с правой стороны лошади, что совершенно нереально в натуре. Еще один яркий пример «сдвига на зрителя»: сидящие «по-дамски» катафрактари на фреске пантикапейского склепа 1841 г. (см. гл. 6). В нашем случае — это вынос на передний план обеих рук всадника. Соответственно, повод изображается брошенным, т. к. руки заняты копьем.

Изображения, созданные по канону, отнюдь не ставившему во главу угла такие специфические реалии, как техника верховой езды контофора, вряд ли могут быть полноценным источником к ее изучению. Примечательно, что катафрактари сарматского времени, изображенные не на надгробиях (граффити из Дура-Европос и Илурата) или не по античному канону (пластина из Орлатского могильника), держат одной рукой пик, а другой — повод. Особенно показательна в этом смысле орлатская пла-

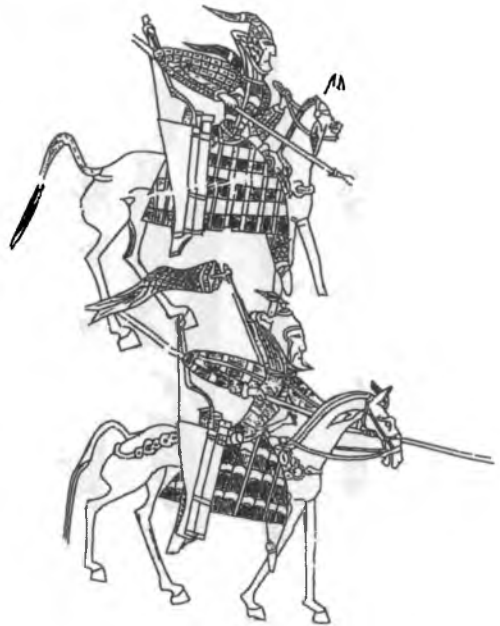


Рис. 64. Всадники с орлатской пластины (прорисовка А. Савина)

стина. Всадники на ней изображены с несомненным знанием предмета. Один из них держит копье под мышкой, в его левой руке повод, второй держит копье, кажется, двумя руками, но «способом Юнкельмана» (рис. 64).

Существование «сарматской посадки» в трактовке В. Д. Блаватского — А. М. Хазанова — С. М. Перевалова (т. е. удержание копья двумя руками с одной стороны коня и атака с брошенным поводом) представляется мне сомнительным. В первую очередь это вытекает из ее физических и динамических несообразностей. Они подтверждаются не только полевыми экспериментами, но и многовековым опытом использования пики. Что же касается упоминаний двуручного хвата античными авторами (Перева-

лов, 2007, с. 150–152), то замечу, что никто из них не описывал «сарматскую посадку» так, как понимает ее мой оппонент. У Флакка, Тацита и Павла Диакона, цитированных С. М. Переваловым, речь идет лишь о двуручном хвате копья. Возможно, это описания двуручного хвата «по Юнкельману», сомневаться в существовании которого у меня меньше оснований (пусть даже С. М. Перевалов рассматривает это как сдачу позиций — мы не в бою, не беда).

Единственным новшеством, действительно привнесенным кочевниками сарматского времени в кавалерийскую науку, были массовое применение контофоров и ставка в бою на их неудержимую атаку. А это стало возможным с изобретением седла новой конструкции (см. гл. 5).

3.1. Лук

В Северном Причерноморье, как и на других территориях обитания сарматов, находки луков единичны. Вероятно, лук, требовавший кропотливой и длительной работы при изготовлении, был оружием дорогим, и поэтому его клали в погребения очень редко. Е. В. Черненко высказал интересное предположение о возможной передаче скифами лука по наследству как сакрального предмета (Черненко, 1982, с. 17). Отсутствие луков (при наличии другого оружия) в могилах кочевников Тувы VII–III вв. до н. э. отмечал А. Д. Грач (Грач, 1980, с. 75). Причем он также не допускает мысль о том, что луки могли не сохраниться, что совершенно справедливо: в этих могилах хорошо сохранились другие деревянные предметы. Вполне возможно, что ираноязычные кочевники не помещали луки в могилы из ритуальных соображений.

На исследуемой территории известны три находки луков в сарматских погребениях. Один происходит из кургана 8 Молочанского могильника (Вязьмитина та ін., 1961, с. 103). Однако ввиду плохой сохранности он не дает никакой информации. Второй лук найден в погребении второй половины I в. н. э. у с. Весняне близ Николаева (Simonenko, 1997, S. 392). Его кибыть круглая в сечении, одной толщины по всей длине, без костяных накладок, дли-

ной около 85 см (в распрямленном состоянии). Оба лука принадлежат «скифскому» типу.

Единственный на исследуемой территории целый лук «гуннского» типа найден в 1984 г. в погребении 1 кургана 1 у с. Пороги на Днестре (Симоненко, Лобай, 1984, с. 12–14). Его кибыть истлела и смешалась с тленом саркофага, поэтому форму и конструкцию ее установить невозможно. Костяные накладки сохранились *in situ*. Их пять — три концевые и две срединные. На одном из концов кибыти крепилась одиночная концевая накладка с вырезом для тетивы (рис. 65, 5). На расстоянии 32 см от нее находились две срединные накладки (рис. 65, 1, 2). На другом конце кибыти были укреплены две концевые накладки. Их окончания с вырезами для тетивы не сохранились (рис. 65, 3, 4). Если положение накладок *in situ* соответствует

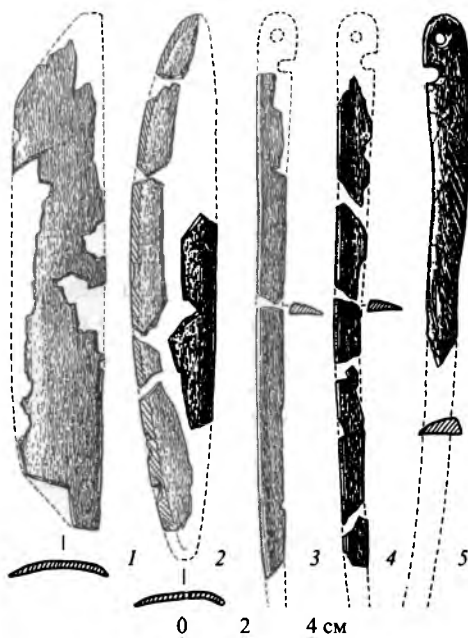


Рис. 65. Костяные накладки на лук из Порогов: 1, 2 — срединные; 3–5 — концевые

их взаимному расположению на луке, то тогда его плечи были асимметричны. Судя по расположению накладок, длина лука в спущенном состоянии составляла около 120 см.

Многочисленные аналогии порожским накладкам имеются среди материалов из позднесарматских погребений Поволжья и Калмыкии, а особенно в памятниках рубежа — первых веков н. э. Монголии, Тувы, Минусинской котловины и Забайкалья, которые связываются с хунну (Худяков, 1986, с. 26 сл.). При относительном типологическом однообразии концевые накладки этого времени разнятся в основном размерами и степенью изогнутости. Близки порожским длинные слабоизогнутые накладки из Черемуховой и Ильмовой Падей и хуннских памятников Монголии (там же, с. 27, табл. 2). Концевая накладка порожского лука с сохранившимся вырезом для тетивы имеет круглое отверстие для крепления на кибить, чего нет ни на одном хуннском экземпляре. Накладки с отверстием происходят из материалов римского лагеря Бар-Хилл (Bar-Hill) (Хазанов, 1971, с. 33, табл. 17, 10), где стоял отряд сирийских сагиттариев.

Концевые накладки из Порогов несколько отличаются от восточных не только наличием отверстия. Если последние имеют всегда полированную внешнюю поверхность, то на порожских она, как и внутренняя, покрыта насечками. Подлощен лишь конец с вырезом для тетивы. Видимо, кибить порожского лука была чем-то обложена или обмотана до самых концов (кожей или сухожилиями).

Срединные накладки из Порогов также весьма распространенной формы, хотя одна из них фрагментирована, и мы располагаем только реконструкцией ее. Тем не менее можно уверенно говорить о том, что обе накладки разных вариантов — одна с заостренными, а вторая — с обрезанны-

ми под прямым углом концами. Оба варианта широко представлены в восточных памятниках, хотя преобладает первый. Накладки из Порогов довольно круто изогнуты по продольной оси, а задний их край значительно загнут, повторяя круглую конфигурацию рукояти лука.

Таким образом, при общей типологической близости восточным экземплярам лук из Порогов имеет некоторые специфические особенности.

Фронтальных накладок на этом луке не было. Если следовать классификации хуннских луков, предложенной Ю. С. Худяковым, то наше оружие относится к типу 1 (Худяков, 1986, с. 26) с той разницей, что отсутствует одна концевая накладка. Впрочем, не следует забывать, что мы имеем дело с погребением и лук мог быть положен туда уже без накладки либо испорчен преднамеренно. Из этих же соображений нужно, на мой взгляд, осторожно относиться к классификации Ю. С. Худякова. Непонятно, например, почему хунну и другие народы, использовавшие такие луки, в одних случаях усиливали их, применяя и фронтальные, и боковые накладки, а в других — намеренно ослабляли, ограничиваясь лишь концевыми и срединными боковыми. Эта разница не может указывать на эволюцию, т. к. луки всех типов синхронны. Настораживает также и малое число экземпляров каждого типа: у хунну от 11 до 3, у племен кокзельской культуры (которую, впрочем, также отождествляют с хунну) от 15 до 2. В таштыкской культуре известны четыре находки, в верхнеобской — одна. Примечательно, что везде преобладают луки 1-го типа, т. е. аналогичные порожскому. Я думаю, что разница в количестве накладок обусловлена степенью сохранности, а не типом лука. Во всяком случае, трудно объяснить, отчего воинам, знавшим наиболее удачный вариант оружия — с боковыми и фронтальными накладками, — нужно было чаще всего

(судя по количеству находок) отказываться от него.

Установлено, что до конца прохоровского времени у сарматов на всей территории их обитания бытовали луки «скифского» типа (Хазанов, 1971, с. 33). Однако в I в. н. э. у них появляются более мощные луки т. н. «гуннского» типа с рефлексирующей кибитью, усиленной костяными накладками. Такие луки были длиннее, дальноточнее и имели большую убойную силу, чем «скифские».

Термином «гуннский лук» или «лук гуннского типа» обозначается составной лук с гибкими плечами и жесткими концами и центром кибити, усиленными костяными накладками. Сам термин очень условен и введен Йоахимом Вернером (Werner) на основании изучения оружия эпохи Великого переселения народов из памятников Центральной Европы, но за неимением лучшего сохраняется в литературе. Исследователи верно отмечали, что неправомерно связывать почти одновременное появление лука нового типа на большой территории Евразии только с гуннами, тем более что в момент его появления (конец II — I в. до н. э.) собственно гунны (хунну) еще не обитали западнее Забайкалья. Рефлексирующий лук с костяными накладками в I в. н. э. уже состоял на вооружении южносибирских, центрально- и среднеазиатских кочевников. В это же время он появился в Парфии и Иране.

Самые ранние находки деталей «гуннского» лука у сарматов датируются второй половиной I в. н. э. Помимо Порогов, это накладки из ст. Усть-Лабинской, 29/1 (рис. 66, 1) и Суловского могильника, 51/1 (рис. 66, 2). Остальные найдены в позднесарматских погребениях. Курган 26 в урочище «Три брата», судя по деформированному черепу погребенного, — позднесарматский. Накладки из погребения 1 кургана 7 Калиновского могильника (рис. 66, 4) дати-

руются фибулой второй половины II — начала III в. н. э. К позднесарматскому времени относятся и остальные погребения Калиновского могильника, в которых найдены костяные накладки: 11/2 и 36/1 (рис. 66, 3). Погребение в кургане 28 этого могильника вряд ли оставлено сарматами. Судя по западной ориентации, бронзовой бляшке и плоским ромбическим наконечникам стрел, оно средневековое. Концом

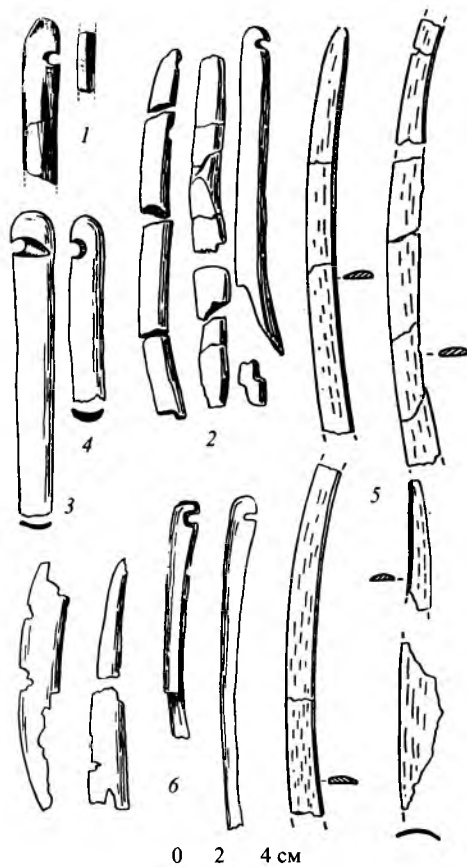


Рис. 66. Костяные накладки на лук из сарматских погребений:

1 — ст. Усть-Лабинская, 29/1 (Гушина, Засецкая, 1994); 2 — Сулы, 51/1 (Хазанов, 1971); 3 — Калиновка, 36/1; 4 — Калиновка, 7/1 (Шилов, 1959); 5 — Центральный VI, 16/8 (Безуглов, 1988); 6 — Нижний Баскунчак, 2 (Хазанов, 1971)

II — началом III в. н. э. датируется погребение с костяными накладками в могильнике Центральный VI (рис. 66, 5). Финалом позднесарматского периода датируются накладки из погребений у ст. Нижний Баскунчак (рис. 66, 6), Харьковки, Абганер, Шипова, Покровска и др.

Примечательно, что наконечники стрел из сарматских погребений с «гуннскими» луками (Сусловский могильник, 51/1, Усть-Лабинская, 29/1, Калиновский могильник, 7/36, могильник Центральный VI, 16/8, Пороги, 1/1, и др.) крупные, с головкой длиной от 5 до 8 см, при обычной длине сарматских наконечников 3–3,5 см. Иными словами, луки с костяными накладками у сарматов *всегда* имели калиберные к ним стрелы с крупными мощными наконечниками. Связь появления у сарматов необычно крупных наконечников с луками иного (читай — «гуннского») типа отметил и А. М. Хазанов (Хазанов, 1971, с. 38). Но основная масса сарматских наконечников стрел I–III вв. н. э. соответствует по длине и весу скифским — большинство сарматских воинов все же пользовалось луками «скифского» типа. Прекрасной иллюстрацией этому служит находка такого лука в погребении второй половины I в. н. э. у с. Весняне. В этой же могиле найден колчан с более чем 200 железными черешковыми наконечниками стрел длиной 3–3,4 см, т. е. соответствующими скифским (Simonenko, 1997, S. 392, 397).

Луки «гуннского» типа начали использовать скорее всего хунну во II в. до н. э. После откочевки на запад юэчжи, имевших, вероятно, такие луки, они стали известны в Средней Азии. У сарматов «гуннские» луки появились с приходом кочевников «восточной волны» во второй половине I в. н. э. и постепенно вытеснили «скифские» во всей степи. Это объясняется, вероятно, не только более высокими боевыми качествами «гуннских» луков, но и сменой тактики. Засыпание противника

тучей стрел, рассчитанное не столько на физическое поражение, сколько на расстройство рядов и деморализацию противника (вспомним битву при Каррах!), сменилось неторопливой прицельной стрельбой. Недаром в погребениях находят до 100 и более наконечников стрел к «скифскому» луку, но едва ли больше 10 — к «гуннскому».

3.2. Наконечники стрел

Происходящие с исследуемой территории наконечники по способу соединения с древком можно объединить в отделы, по углу перехода лопасти в черенок — в типы. Выделенные типы соответствуют схеме А. М. Хазанова (Хазанов, 1971, с. 36–37). Все наконечники железные.

Отдел 1. Втульчатые наконечники

Тип 1. С трехлопастной головкой и длинной втулкой. Все наконечники с лопастями, срезанными под прямым углом, длина головки до 2 см, ширина 1–0,7 см, длина втулки варьирует от 2,5 до 1,8 см (рис. 67, 1–4).

Тип 2. С четырехгранной головкой и длинной втулкой. Головка в форме сильно вытянутой пирамиды, переход во втулку под прямым углом. Длина головки 2 см, ширина 0,5 см, длина втулки 2 см (рис. 67, 5).

Тип 3. С плоской асимметрично-ромбической головкой. Длина головки около 2 см, втулка короткая, плавно переходящая в головку (рис. 67, 6).

Наконечники 1-го типа (Виноградное, Квашино, Александровск, Семеновка) име-

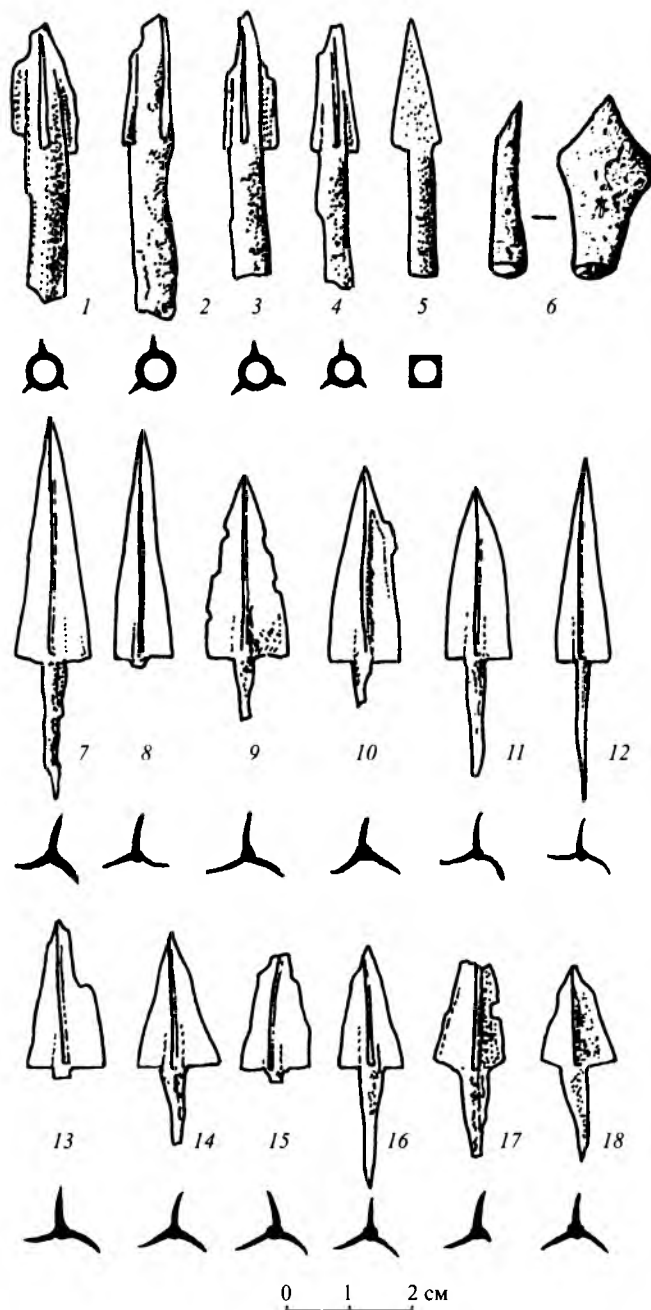


Рис. 67. Сарматские наконечники стрел:

втульчатые: 1–5 — Виноградное; 6 — Александровск (Смирнов, 1984); черешковые: 7 — Новофилипповка, 2/1; 8, 12 — Николаевка, 7/2; 9 — Аккермень II, 5/1; 10 — Бабина Гора; 11 — Новофилипповка, сев. окр., 2/1; 13 — Аккермень II, 21/1; 14, 17, 18 — Грушевка, 14/1; 15 — Семеновка, 11/1; 16 — Усть-Каменка, 2/1

ют многочисленные аналогии в раннесарматских памятниках Евразии, за хронологические границы которых (II–I вв. до н. э.) как устойчивого явления не выходят (Скрипкин, 1990, с. 139). Однако такие наконечники бытовали в I в. н. э. у поздних скифов (Симоненко, 1986, с. 80) и на Северном Кавказе (Абрамова, 1972, с. 23; Керев, 1985, с. 196). Изредка они встречались в это время и у сарматов Кубани (Ждановский, 1988, с. 67) и Нижнего Дона (Беспалый, 1992, с. 177). Другими словами, трехлопастные втульчатые наконечники, будучи в целом хронологическим признаком раннесарматской культуры, использовались в отдельных регионах в I в. н. э. Причерноморские комплексы с такими наконечниками датируются II–I или только I в. до н. э. (Полин, Симоненко, 1990, с. 86–87; Симоненко, 1991, с. 24)¹.

Наконечник 2-го типа (с четырехгранной пирамидальной головкой) найден в одном наборе со втульчатыми 1-го типа и черешковым 2-го типа (Виноградное). Для Северного Причерноморья такой наконечник уникален. Почти неизвестны они и на остальной территории Сарматии (две находки в Прикубанье). А. М. Ждановский не исключает того, что эти наконечники местные, кубанские (Ждановский, 1988, с. 58). Мне представляется более вероятным их среднеазиатское происхождение, учитывая то, что именно этот регион единственный, где такое оружие бытует более-менее массово в последние века до н. э. — первые века н. э. К тому же среднеазиатское происхождение наконечников с трех- и четырехгранной головкой хорошо доказывается археологически (Литвинский, 1965, с. 84).

Наконечник 3-го типа (Александровск) также единичен. К. Ф. Смирнов отметил,

что такие наконечники типичны для погребальных комплексов Среднего и Нижнего Подонья IV–III вв. до н. э. (Смирнов, 1984, с. 89). Замечу, что материалы последнего региона не подтверждают этого — вероятно, тут какое-то недоразумение. В. И. Костенко назвал этот наконечник «площником» и привел ему аналогии из раннесарматских комплексов Поволжья IV–III вв. до н. э. (Костенко, 1982, с. 71). Увы, эти аналогии не корректны. Наконечники, на которые ссылался В. И. Костенко, черешковые, к тому же с совсем иной головкой — треугольной, а не асимметрично-ромбической. М. Г. Мошкова в свое время заметила, что втульчатые железные наконечники вообще редки в Приуралье и Поволжье (Мошкова, 1963, с. 31). Теперь известно, что это не совсем так, но аналогично этому экземпляру я указать не могу. Комплекс из Александровска с таким наконечником датируется скорее всего II–I вв. до н. э. (Полин, Симоненко, 1990, с. 86).

Отдел 2. Черешковые наконечники

Все наконечники железные, трехлопастные. По углу перехода лопасти в черенок выделены следующие типы:

Тип 1. С лопастями, срезанными под острым углом. Длина головки до 2 см, ширина 1 см. Наконечники из Порогов гораздо крупнее (4 × 1,8 см), их лопасти в нижней части слегка округлые (рис. 68, 1).

Наконечники 1-го типа весьма редки на всей территории распространения сарматской культуры (Хазанов, 1971, с. 38), но обычны для оружия Средней Азии, где они появляются в III–II вв. до н. э. и широко распространяются вплоть до III в. н. э. (Литвинский, 1965, с. 78, 81). Крупные наконечники типа порожских появляются на вооружении среднеазиатских кочевников

¹ Е. В. Махно отметила находку двух втульчатых наконечников в к. 3 Усть-Каменского могильника (Махно, 1961, с. 26), датирующегося I — началом II в. н. э. Я осмотрел эти наконечники, хранящиеся в НМИУ: они черешковые.

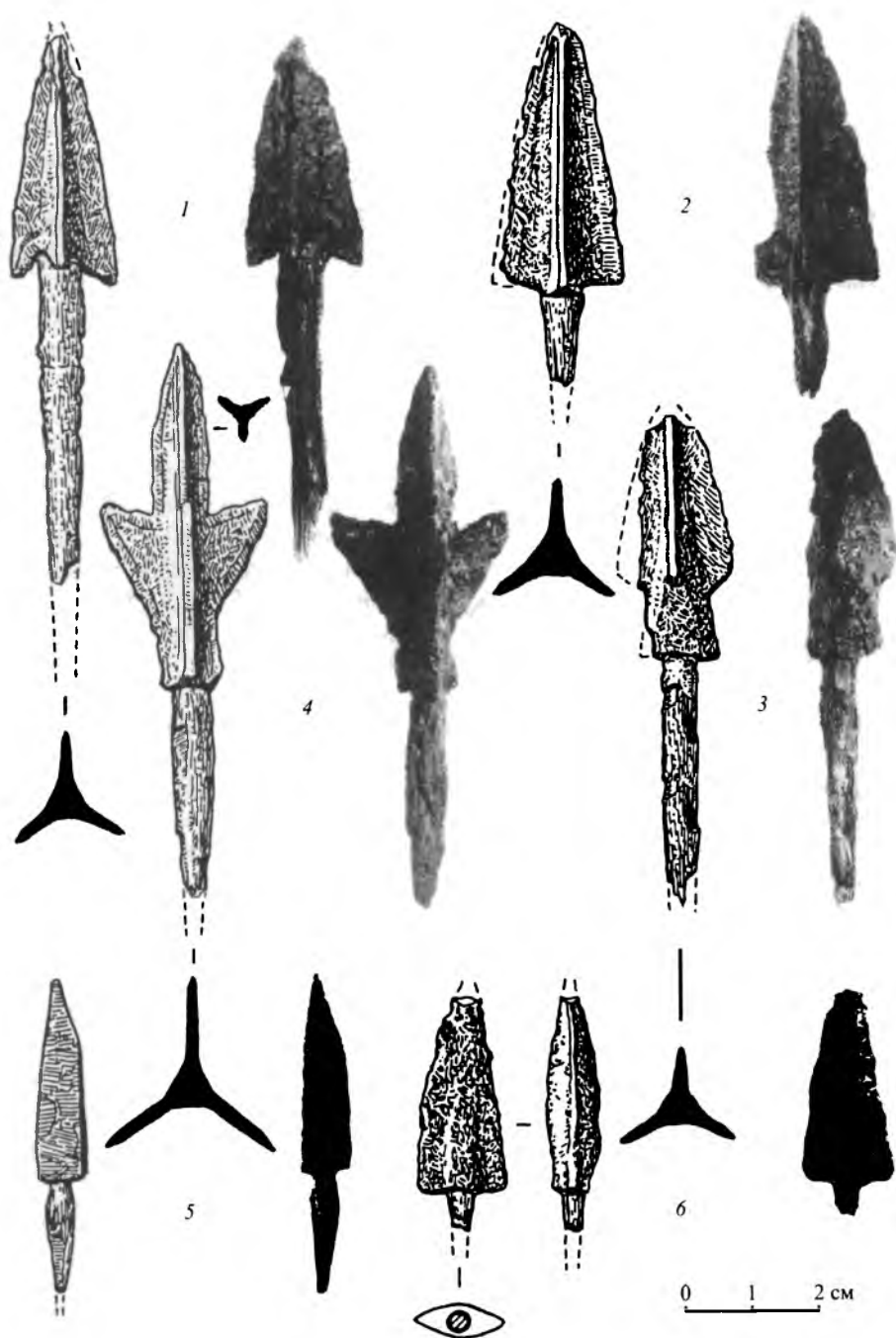


Рис. 68. Наконечники стрел из Порогов

на рубеже — в I в. н. э. и впоследствии становятся массовым оружием. Они хорошо представлены, например, в «царском» некрополе Тилля-тепе (Sarianidi, 1985, p. 251). Скорее всего такие крупные наконечники появляются с луками «гуннского» типа.

Тип 2. С лопастями, срезанными под прямым углом (рис. 67, 7–16; 68, 2). Такие наконечники преобладают как во всей Сарматии, так и на исследуемой территории. Длина головки их варьирует от 3,5 до 1,5 см, ширина — от 1,3 до 1 см. Лопастей в основном прямые, изредка слегка округлые. Наконечники 2-го типа варьируют в пропорциях — от узких, изящных, вытянутых до коротких, приземистых. По соотношению длины и ширины головки выделяются 11 вариантов (Симоненко, 1986, с. 65–67).

Вариант 1 (5 экз.) — с треугольной головкой длиной 5, шириной 1,7 см. Крупные наконечники для лука «гуннского» типа из Порогов (рис. 68, 2).

Вариант 2 (около 70 экз.) — с треугольной головкой длиной 3,5, шириной 1,3 см. Лопастей прямые, черенок у целых экземпляров обычно равен по длине головке (рис. 67, 7).

Вариант 3 (6 экз.) — с треугольной головкой длиной 3,5, шириной 1 см. Наконечники этого варианта более стройных пропорций (рис. 67, 8).

Вариант 4 (75 экз.) — с треугольной головкой длиной 3, шириной 1,5 см. Лопастей прямые, у некоторых экземпляров слегка округлые. Наконечники более приземистые, мощнее изделий первых двух вариантов (рис. 67, 9).

Вариант 5 (55 экз.) — с треугольной головкой длиной 3, шириной 1,2 см. По длине равны изделиям 3-го варианта, но более узкие. Лопастей всегда прямые, черенок по длине равен головке (рис. 67, 10).

Вариант 6 (46 экз.) — со слегка округлыми лопастями, длина головки 2,5, шири-

на 1,2 см. Встречается всегда с наконечниками предыдущих вариантов (рис. 67, 11).

Вариант 7 (около 30 экз.) — с треугольной головкой длиной 2,5, шириной 0,8 см. Наконечники довольно узкие, изящных вытянутых пропорций, явно рассчитанные на глубокое проникновение в тело и нанесение колотой закрытой раны, трудно поддающейся излечению (рис. 67, 12).

Вариант 8 (7 экз.) — с треугольной головкой длиной 2, шириной 1,3 см. Лопастей прямые, у некоторых экземпляров слегка округлые. Наконечники более приземистых очертаний, чем предыдущие (рис. 67, 13).

Вариант 9 (4 экз.) — с треугольной головкой длиной 1,8, шириной 1 см. Лопастей слегка округлые, верхняя часть головки довольно узкая, нижняя заметно расширяется, придавая головке трапецевидные очертания (рис. 67, 14).

Вариант 10 (73 экз.) — с маленькой треугольной головкой длиной 1,5, шириной 1,2 см. Лопастей прямые, черенок по длине больше головки (рис. 67, 15).

Вариант 11 (около 10 экз.) — с маленькой треугольной головкой длиной 1,5, шириной 1,4 см. Наконечники приземистых пропорций, черенок несколько длиннее головки (рис. 67, 16).

Тип 3. С лопастями, срезанными под тупым углом (рис. 67, 17, 18). По длине головки (1–1,5 см) эти — достаточно редкие — наконечники соответствуют экземплярам 6-го и 7-го вариантов 2-го типа. Треугольные лопастей срезаны под тупым углом, придавая наконечнику форму неправильного ромба.

Тип 4. С лопастями, срезанными под тупым углом, и муфтой-упором при переходе в черенок (рис. 68, 3). Такие наконечники найдены в наборах из Порогов и Стеблева (рис. 69), в погребении у Богуслава, а набор из Весняного (около 200 экз.) весь состоял из наконечников этого типа. Грани слегка округлые, длина головки

2,5 см, ширина 1,5 см, длина муфты-упора 1 см, длина черенка до 3 см.

В сарматских колчанах эти наконечники немногочисленны. Скорее всего, как и экземпляры 1-го типа, они происходят с Востока. Такие наконечники представлены в памятниках Средней Азии рубежа — первых веков н. э. (Пенджикент, Кармазарсайский и Бодомакский могильники; Литвинский, 1965, с. 82, табл. 7, 11, 12).

Помимо трехлопастных известны наконечники с головками других форм.

Тип 5. Ярусный (рис. 68, 4). Наконечник этого типа найден в Порогах. Он имеет

узкий пламевидный трехлопастный боек, треугольные лопасти нижней части, отходящие от бойка под прямым углом и сужающиеся к черенку. У перехода в черенок небольшая трехлопастная муфта-упор. Длина головки 4,7 см, бойка 2,5 см, ширина нижней части 2,5 см, длина черенка около 4 см.

Кроме Порогов хуннуский ярусный наконечник обнаружен в п. 120 Битакского могильника близ Неаполя Скифского, вместе с наконечниками 3-го типа. Погребение датируется концом I — началом II в. н. э. (Пуздровский, Зайцев, Новиков, 1991, с. 121).

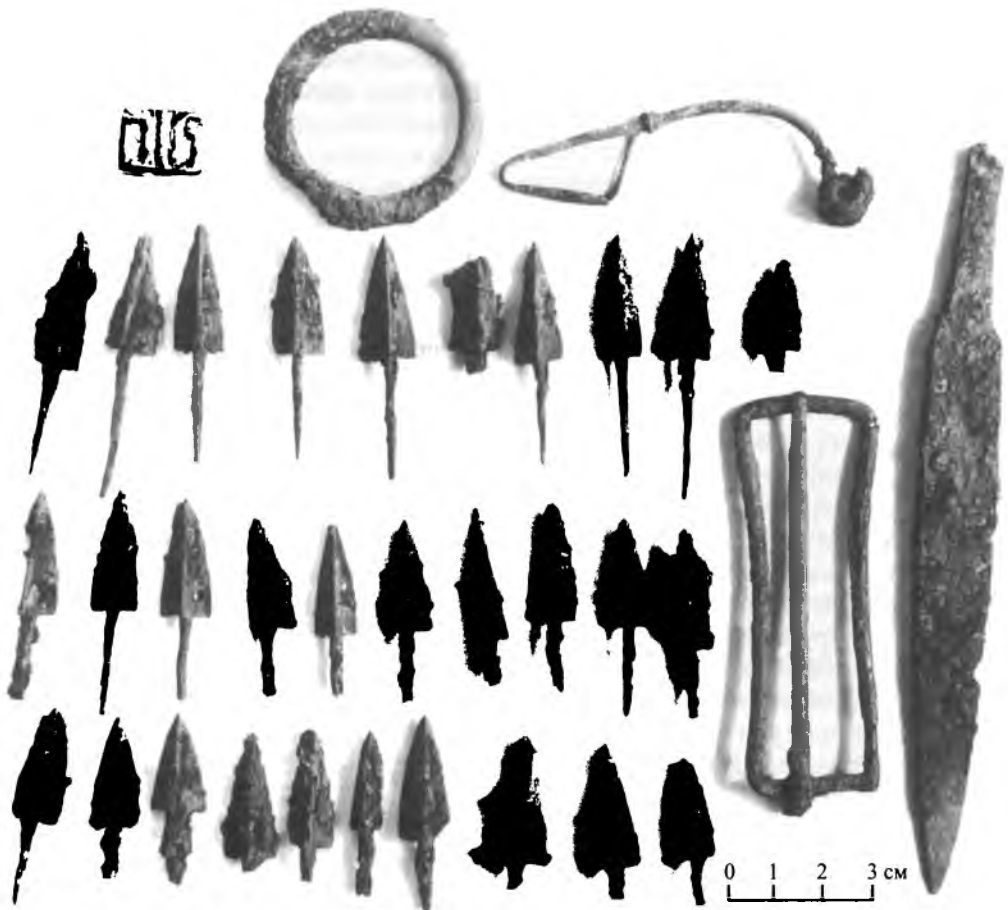


Рис. 69. Находка из Стеблева (фото В. И. Клочко)

Совершенно неизвестные у сарматов, такие наконечники характерны для хунуско-гуннского оружия (Засецкая, 1983, с. 82). Они появляются в памятниках Монголии (Ноин-Ула) и Забайкалья (Ильмовая Падь и др.) в конце II — I в. до н. э. и надолго становятся одним из ведущих типов наконечников гуннских стрел. Наш экземпляр близок некоторым наконечникам Тувы и Забайкалья (Худяков, 1986, с. 32, табл. 5, 14, 16, 26), отличаясь от них несколько меньшими размерами.

Ярусные наконечники этого времени не встречаются ни у одного народа, кроме хунну. Будучи вещью, которая вряд ли могла путешествовать через множество рук, они однозначно говорят о прямом переселении их владельцев из Центральной Азии в Северное Причерноморье, указывая на исходную территорию сарматской миграции второй половины I в. н. э.

Тип 6. Четырехгранные (рис. 68, 5). Известны только в Порогах (10 экз.). Головка пирамидальная, длиной от 2,5 до 3 см, шириной от 0,5 до 0,9 см, длина черенка до 3 см. Также неизвестные у сарматов, такие наконечники вообще редки в памятниках первых веков н. э. И у хунну, и в Средней Азии преобладают трехгранные. Подробно разбиравшие этот вопрос Б. А. Литвинский и И. П. Засецкая считают трех- и четырехгранные наконечники традиционными для Средней Азии.

Тип 7. Плоский (рис. 68, 6). Единственный экземпляр найден в Порогах. Головка треугольная, округлого сечения в верхней части и линзовидного в нижней, с прямым углом атаки. Длина головки 3 см, ширина 1,8 см. Наконечник уникален, аналога ему найти не удалось. Возможно, это реплика костяных наконечников, известных на широкой территории Евразии.

При анализе количественного соотношения черешковых наконечников заметно преобладание 2–7-го вариантов 2-го типа с головкой длиной от 3,5 до 2,5 см: они

составляют 72,2% от общего количества учтенных; на долю маленьких наконечников 8–12-го вариантов приходится около 27,3%.

Таким образом, у сарматов Северного Причерноморья господствовали наконечники стрел с головкой длиной 2,5–3,5 см, т. е. соответствующие по длине основной массе скифских наконечников (Мелюкова, 1964, с. 16). Реставрация и дальнейшее исследование наконечников выявили одну характерную особенность, впервые зафиксированную при осмотре хорошо сохранившегося наконечника из Ходосовки, а именно: лопасти всех без исключения наконечников в нижней части имеют вихреобразное искривление (рис. 67, 7–18). Эта деталь ускользала от внимания исследователей, очевидно, вследствие плохой сохранности материала. Без сомнения, такая конструкция преследовала цель сообщить стреле дополнительное (к тому, что придавало ей оперение) вращение и тем самым сделать выстрел более прицельным. Кроме того, стрела с таким наконечником глубже проникала в рану, т. к. в момент попадания она какой-то миг продолжала вращаться.

Перечисленные наконечники стрел встречались как в колчаных наборах, так и по одному-два. Колчаные наборы на исследуемой территории немногочисленны. Около 200 наконечников было найдено в колчане у с. Весняне. Большой набор (82 наконечника) сопровождал погребенного в кургане 1 у с. Новолуганское. Немногим уступает ему набор из погребения 1 кургана 2 Молочанского могильника — 60 наконечников. Гораздо меньшее количество стрел сопровождало воинов, погребенных в Порогах, — 32 экз., у Николаевки, 7/2, — 19 экз., Новофилипповки, вост. группа, 2/2, — 24 экз., в Подгородном, группа X, 12/2, — 20 экз., Усть-Каменке, 14/4, — 21 экз. От 10 до 15 наконечников найдено в Усть-Каменке, 3/1,

на Днепрозаводстрое, 21/4, в Молочанском могильнике, 4/1, 21/1. В остальных случаях в могилах находилось от 1 до 7 наконечников.

Трудно дать однозначное объяснение такому распределению наконечников. Аналогичная картина наблюдается в памятниках Поволжья и Подонья, где наряду с большими колчанными наборами (Бережновка-2, курган 23 — 110 шт., курган 102 — 103 шт., Калиновский могильник, 34/1, — 60 шт.) в большинстве погребений найдено от 1 до 10 наконечников. Вероятно, мы имеем дело с какими-то непонятными пока нам деталями ритуала: в одном случае в могилу помещали полный колчан стрел, в другом — несколько штук, скорее сиволитизировавших оружие. Во всяком случае, судить о роли лука в вооружении сарматского воина на основании одного лишь количества стрел в могиле нельзя, т. к. не следует сбрасывать со счетов специфику погребального памятника. Скорее наоборот — даже помещение в могилу одной-двух стрел, сиволитизировавших этот вид оружия, свидетельствует о значении, которое имел лук в сарматском войске.

3.3. Древки стрел

Древки стрел в сарматских погребениях Северного Причерноморья, как и более восточных территорий, сохраняются очень редко. В Молочанском могильнике зафиксированы древки, окрашенные в красный цвет (Вязьмитина та ін., 1961, с. 44). Однако это единственная информация, которую дала находка. В последние годы остатки древков найдены еще в трех погребениях: у с. Актово, Весняне (I в. н. э.) и Виноградное (I в. до н. э.). Они однотипны — длиной около 50 см, диаметром до 0,5 см, с яблочками для тетивы. В Виноградном стрелы

были окрашены в красный цвет, в Весняном маркированы по-иному — голубой краской у наконечника и красной у яблочка.

Средняя длина стрел лучшей сохранности с Подонья и Поволжья около 60 см, т. е. близка длине скифских. Не является ли это еще одним аргументом в пользу приведенных выше соображений о типе сарматского лука?

3.4. Колчаны

Колчаны в исследуемом регионе найдены в 6 пунктах². Относительно неплохо сохранился колчан из Виноградного. Он был кожаный, в виде узкого прямоугольного футляра размерами около 50 × 10 см. Верхняя часть колчана была украшена квадратными бронзовыми бляшками с полусферической выпуклостью в центре, расположенными в шахматном порядке. В верхней части колчана зафиксированы остатки древков с яблочками для тетивы. Судя по ним и расположению наконечников, стрелы лежали оперением вверх. Колчан из Новофилипповки (вост. окраина, 2/1) был сделан из коры. Форма и размеры его не восстанавливаются. Колчан был окрашен красной краской и содержал 60 стрел с красными древками.

В кургане 2 западной группы того же могильника был обнаружен берестяной колчан в виде цилиндра с закругленным дном. Он также был окрашен в красный цвет и содержал всего три стрелы (Оболдуева, 1954, с. 45).

Колчанный набор из Новолуганского, насчитывавший 82 стрелы, был помещен

² Новофилипповка, восточная окраина, 2/1; западная группа, 2/1 (1947 г.); Новолуганское, 1/5; Пороги, 1/1; Виноградное, 31/1; Актово, 7/10; Весняне, 1/1.

во фрагментарно сохранившийся колчан красного цвета (Шаповалов, 1973, с. 86).

В Весняном близ устья плохо сохранившегося кожного колчана были обнаружены прямоугольная железная пластина размером 11×6 см (распалась при расчистке) и плоский железный стержень, оканчивающийся крючком или фрагментированным кольцом. Система его соединения с пластиной не ясна. Там же лежали две бусины — округло-сжатая из белого матового стекла и коротко-цилиндрическая ребер-

чатая из серо-голубого фаянса (Simonenko, 1997, S. 394, Abb. 4, 4, 7, 8). Без сомнения, перед нами детали колчана, однако сказать что-либо определенное об их назначении трудно.

Все колчаны зафиксированы слева от скелета, как, очевидно, и носились при жизни. На способ ношения, может быть, указывают находки в Усть-Каменке (3/1 и 8/1) рядом с наконечниками стрел бронзовых скобочек с незамкнутыми концами, аналогичных скобочкам, найденным у рукоятей мечей в некоторых сарматских могилах. Возможно, эти скобочки скрепляли ремень перевязи колчана.

Видимо, сарматские колчаны Северного Причерноморья имели вид цилиндра с округлым или плоским дном. Основой служили береста или дерево. Часто колчаны обтягивались кожей, которая декорировалась моно- (чаще красной) или полихромной росписью.

3.5. Принадлежности для стрельбы из лука

В погребениях у Порогов и находящейся рядом Писаревки (вторая половина I — начало II в. н. э.) найдены некоторые, как говорит С. И. Безуглов, «любопытные мелочи», относящиеся к луку. На правом запястье «царя» из Порогов лежала орнаментированная прямоугольная пластина золотой фольги размерами $10,8 \times 4,6$ см с остатками кожи на тыльной стороне (рис. 70). Она была прикреплена на кожаный браслет (?) и, судя по положению *in situ*, носилась на внутренней стороне руки. Кроме как щитком, предохраняющим руку от удара тетивы, ее признать нечем. Подобные бронзовые щитки известны у савроматов (Смирнов, 1961, с. 36, табл. 9, 3–4). Скифы, однако, этим приспособлением,



Рис. 70. Гастагна из Порогов (фото Г. И. Лысенко)

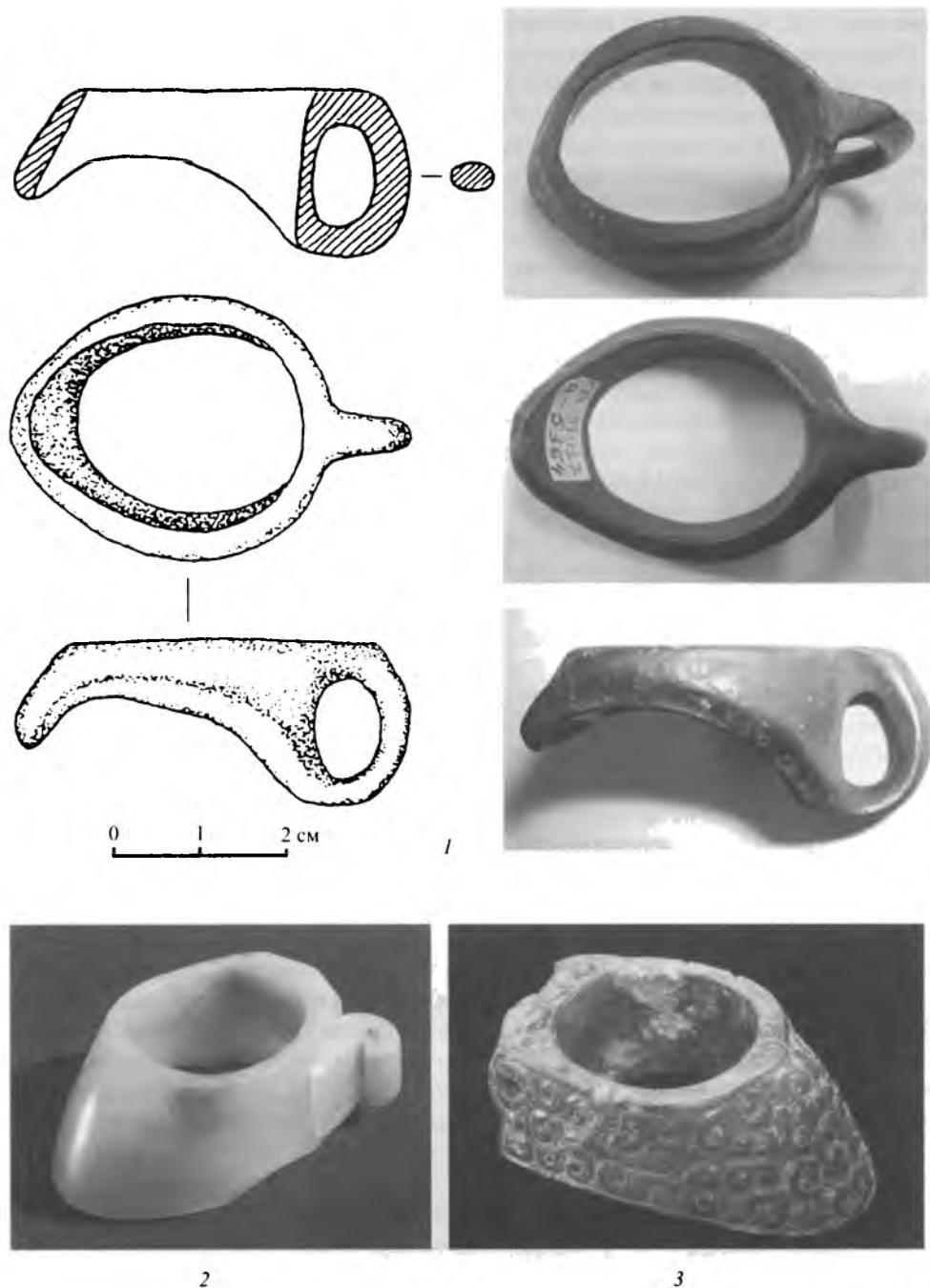


Рис. 71. Перстни для стрельбы из лука:

1 — Писаревка (фото С. Воронятова); 2, 3 — Китай, эпоха Восточного Чжоу (Rawson, 1995)

по мнению Е. В. Черненко, не пользовались (Черненко, 1982, с. 122). Следует сказать, что находка из Порогов уникальна и для сарматов, хотя не исключено, что некоторые похожие пластины, традиционно атрибутируемые как пряжки, являются такими щитками (Симоненко, Лобай, 1991, с. 47).

Предохранительные щитки для запястья известны у разных народов с глубокой древности. Под названием «*gastagna*» они упоминаются в Ригведе, где в одном из гимнов, прославляющих оружие, им посвящен стих 14: «Подобно змею, он (*gastagna* — А. С.) обвивает руку извивами, отражая удар тетивы...» (Анучин, 1887, с. 388). Д. Н. Анучин приводит примеры употребления таких щитков у многих народов — от древних египтян до современных ему эскимосов, эвенков, манси, монголов (там же, с. 366).

В Писаревке найден бронзовый перстень для натягивания тетивы «монгольским» способом (рис. 71). Эти перстни — не новость в средневековых памятниках, но в сарматском погребении такая вещь встречена впервые³. Тем не менее в памятниках первых веков н. э. известны изображения и находки (то и другое — большая редкость) этих приспособлений. А. М. Хазанов обратил внимание, что такой перстень изображен прикрепленным к колчану на граффити из Дура-Европос (Хазанов, 1971, с. 43). Там же в 1929 г. была найдена половинка костяного перстня для натягивания тетивы «монгольским» способом (James, 1987, p. 78, fig. 1, 2). Дура была разрушена в 250 г. н. э., и, таким образом, находка не старше этого времени.

Нефритовые перстни для стрельбы из лука появились в Китае еще в V в. до н. э.,

в эпоху Восточного Чжоу (рис. 71, 2, 3). Саймон Джеймс обоснованно считает, что к парфянам (а оттуда — в римскую армию и конкретно в Дура-Европос) «монгольский» способ натягивания тетивы попал от среднеазиатских кочевников (James, 1987, p. 78). После находки в Писаревке можно говорить о его практиковании сарматами. И вновь, как в случае с мечами 1-го типа, нефритовыми скобами и перекрестьями, «гуннским» луком и стрелами, мы фиксируем цепочку связей: Китай — Средняя Азия — сарматы.

3.6. Хронология наконечников стрел

Наиболее ранними являются втульчатые наконечники. Вторым — первым веками до н. э. датируются комплексы из Квашина и Александровска (Полин, Симоненко, 1990, с. 87)⁴. В наборе из Виноградного кроме втульчатых был и черешковый наконечник, что на исследуемой территории отмечено впервые. Комплекс датируется I в. до н. э. (Симоненко, 1991, с. 24).

Основная масса черешковых наконечников относится к I в. н. э. Основанием для датировки является наличие в погребениях браслетов, пиксид, красноглиняной керамики (Вязьмитина, 1954, с. 236, 238; Оболдуева, 1952, с. 47). Небольшое количество (Аккермень II, вост. группа, VII/1; Усть-Каменка, 2/1; Семеновка, 11/1) можно датировать первой половиной II в. н. э. по краснолаковой посуде и сильнопрофилированной дакийской фибуле.

Заслуживает внимания отсутствие наконечников стрел в степных позднесармат-

³ Правда, перстень найден в женской могиле среди амулетов и лишь опосредованно может свидетельствовать об использовании сарматами «монгольского» способа стрельбы.

⁴ Критику более ранней даты К. Ф. Смирнова см. в указанной работе.

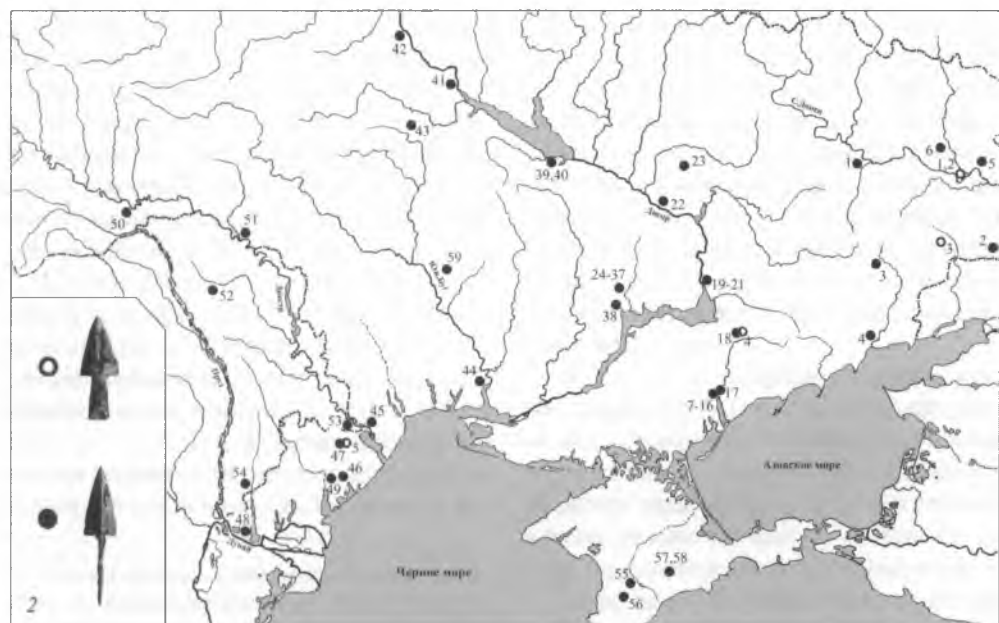
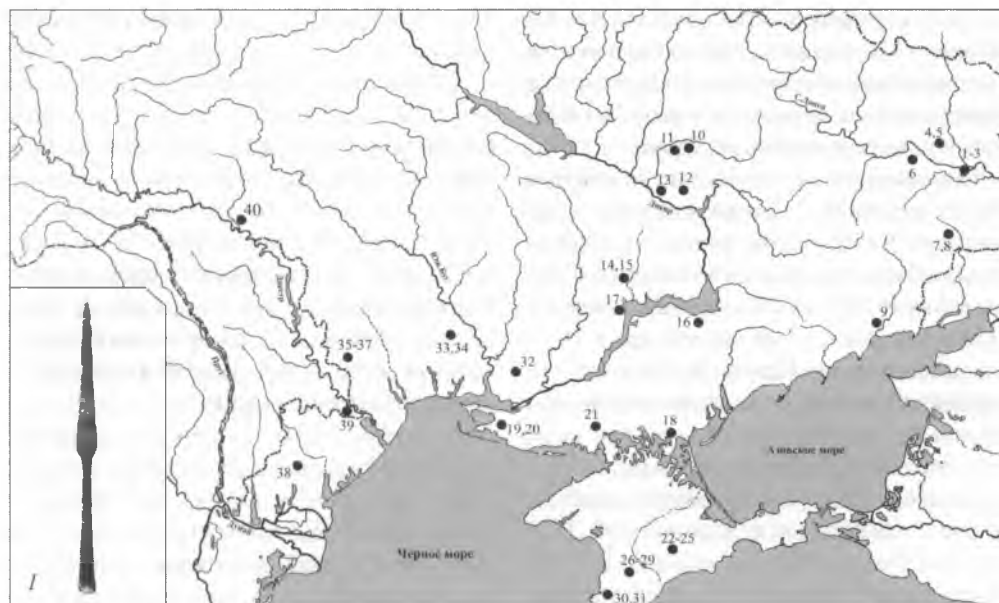


Рис. 72. Наконечники копий, дротиков (1) и стрел (2) в Северном Причерноморье (номера на картах соответствуют номерам в приложениях 5, 6)

ских памятниках. Абсурдность предположения, что начиная со второй половины II в. н. э. сарматы не пользовались луком, очевидна. Скорее всего что-то изменилось в условиях погребального обряда и стрелы перестали быть атрибутом покойных воинов — точнее я сказать не берусь.

Впрочем, эти изменения (если они были) не коснулись обрядности крымских памятников. Три черешковых трехлопастных наконечника 2-го типа найдены в могильнике Опушки в погребении второй половины II в. н. э. В погребениях IV в. н. э. могильников Нейзац и Дружное обнаружены несколько наконечников 6-го

типа и наконечники с большой трехлопастной асимметрично-ромбической головкой, которыми снаряжались гуннские стрелы.

Втульчатые наконечники найдены на левобережье Днепра, где сосредоточены раннесарматские памятники; черешковые широко и равномерно распространены по всей степной и части лесостепной зон Северного Причерноморья (рис. 72, 2). Такая топография свидетельствует прежде всего о популярности лука у всех сарматских племен региона и об однородности данного вида вооружения на всей территории, которую занимали сарматы.

ЗАЩИТНОЕ
ВООРУЖЕНИЕ

В отличие от предыдущих глав здесь рассматриваются доспехи из всех регионов обитания сарматов. Такой анализ необходим хотя бы для того, чтобы попытаться понять причины практического отсутствия на территориях современных Украины и Молдовы находок сарматских панцирей или кольчуг. В «Очерках военного дела сарматов» был собран весь имевшийся на то время материал, и хотя с тех пор в источниковую базу добавилось немного¹, в современной литературе до сих пор нет сколько-нибудь полной сводки находок сарматских доспехов. После «Очерков» появился ряд работ, посвященных сарматским панцирям (Кожухов, 1994; 1999, с. 159–190; Симоненко, 1986; 1989а, с. 78–80; Simonenko, 2001, S. 268–280), поэтому, кажется, пришла пора подвести некоторые итоги и взглянуть на проблему с сегодняшнего уровня знаний.

Прежде всего следует расставить точки над *i* в вопросе находки частей панциря на исследуемой территории. Считается, что железные панцирные чешуйки были найдены в комплексе из Цветны (ОАК за 1896 г., с. 215). Тем не менее сейчас в ГЭ ничего похожего на них нет, и хранитель коллекции д-р ист. наук И. П. Засецкая ни-

когда, по ее словам, не видела среди находок из Цветны панцирных чешуек. Скорее всего А. А. Бобринский принял за них какие-то фрагменты металла. По мнению В. И. Костенко, в разрушенном комплексе у с. Булаховка найдены «железные пластины от панциря двух размеров с прямым верхним и закругленным нижним краем. Часть крупных пластин, очевидно от нагрудника, тауширована золотой проволокой, образующей концентрические окружности» (Костенко, 1978, с. 79). Я осматривал эти пластины (вернее, то, что от них осталось) в Днепропетровске и не берусь утверждать наверняка, что в Булаховке были найдены части панциря: железные фрагменты менее всего похожи на них. Что это было, трудно сказать. Согласно данным А. И. Фурманской, в погребении 1 кургана 1 у с. Долина «на ребрах знайдено три лусочки залізного панциря» (Фурманська, 1960, с. 136). Рисунка их в публикации нет, а вещи в фондах ИА НАНУ найти не удалось. И наконец, фрагменты железной кольчуги обнаружены в могиле 29 Черно-реченского могильника (Бабенчиков, 1963, с. 108). Таковы сведения о находках доспехов в сарматских памятниках Северного Причерноморья. Как видно, часть из них недостоверна, а часть не подтверждается. На фоне памятников Азиатской Сарматии можно утверждать, что находок доспехов в сарматских памятниках Северного Причерноморья нет.

В отличие от скифских доспехов, многие из которых были найдены *in situ*, почти все сарматские панцири обнаружены разрушенными в ограбленных могилах. Имеются лишь образцы чешуек и пластин, в очень редких случаях — фрагменты набора, на основе изучения которых возможны какие-либо предположения относительно конструкции панциря. Во многом затрудняет работу также и то обстоятельство, что большинство остатков доспехов было найдено в XIX в.; к настоящему времени этот

¹ Из заслуживающих упоминания — остатки великопленного центральноазиатского ламеллярного доспеха второй половины II в. н. э. из кургана 15 у ст. Тбилисской (Ждановский, 1984, с. 90–91, рис. 3/15, 8, 25) и материалы из могильника I — начала III в. н. э. у хут. Городского: фрагменты кольчуги и панцирные пластины (Сазонов, 1992, с. 244–273).

материал частью утрачен, частью депортирован, полевая документация отсутствует. Еще одна гримаса судьбы: 90% уже «убитого» грабителями материала (закубанские курганы и Золотое кладбище) происходит из раскопок Н. И. Веселовского, не очень-то церемонившегося с «железными обломками». Все это в значительной мере обесценивает даже те немногие находки, которыми мы располагаем. В такой ситуации весьма важна роль немногочисленных письменных свидетельств, а также памятников античного и восточного искусства, где воспроизводятся либо сарматские, либо (что чаще) синхронные им доспехи воинов соседних государств и народов. Однако здесь исследователя ожидают свои трудности, о которых мы поговорим ниже.

4.1. Панцири

Панцири из сарматских погребений можно разделить на пять типов: чешуйчатые, комбинированные, ламеллярные панцири, кольчуги и кирасы. В некоторых случаях конструкция доспеха неизвестна, т. к. сам он не сохранился, а описание не позволяет установить тип. Всего мне известно 64 находки доспехов или их фрагментов из сарматских погребений (приложение 7).

Чешуйчатые панцири, широко распространенные в VII–IV вв. до н. э. у скифов и найденные в нескольких савроматских могилах, использовались сарматами во II–I вв. до н. э.

В отличие от скифских (более или менее унифицированных) чешуйки сарматских панцирей при их немногочисленности разнообразны по форме и размерам. В большинстве случаев они железные, бронзовые встречены лишь в кургане 18 Грушевского

могильника близ Новочеркасска (Каталог..., 1981, с. 35, табл. 13, 1–11).

Железные чешуйки в основном прямоугольные, с закругленным нижним краем, размерами от $4 \times 2,5$ см (Быково) до 6×5 см (Верхнее Погромное). Кроме размеров они отличаются от скифских и расположением отверстий — две или три пары их проходят вдоль верхнего края, одно под другим (рис. 73, 1). Как мы увидим далее, расположение отверстий парами по вертикальной оси вообще характерно для сарматских чешуек.

В ином типологическом ряду стоят более 200 железных пластин из кургана 55 Калиновского могильника (Шилов, 1959, с. 462). Они прямоугольные, с закругленными углами, очень большие (8×12 см), с парными отверстиями, систему расположения которых установить трудно ввиду плохой сохранности материала (рис. 73, 4).

В погребении I — начала II в. н. э. (судя по мечу с кольцевым навершием и поддону римской паты) из могильника у хут. Кривой Лиман на Нижнем Дону (раскопки Е. И. Савченко в 1981 г.) найдены прямоугольные чешуйки двух типов: с заостренным нижним краем и двумя парами расположенных вертикально отверстий — и пластинки с отверстиями по углам, располагавшиеся в наборе горизонтально (рис. 73, 3). Тут же были найдены фрагменты кольчуги².

Бронзовые чешуйки из Грушевского могильника двух типов: изогнутые дугой чешуйки с треугольным нижним и прямым верхним краем, отогнутыми под прямым углом (рис. 74, 1), и прямоугольные длинные пластинки (рис. 74, 2). Первые были скреплены между собой бронзовыми скобками по верху и низу. Такой доспех должен был быть очень жестким, гораздо менее эластичным, чем скифский, т. к. чешуйки были практически полностью связаны друг

² Благодарю А. В. Захарова за любезно предоставленную информацию и рисунки.

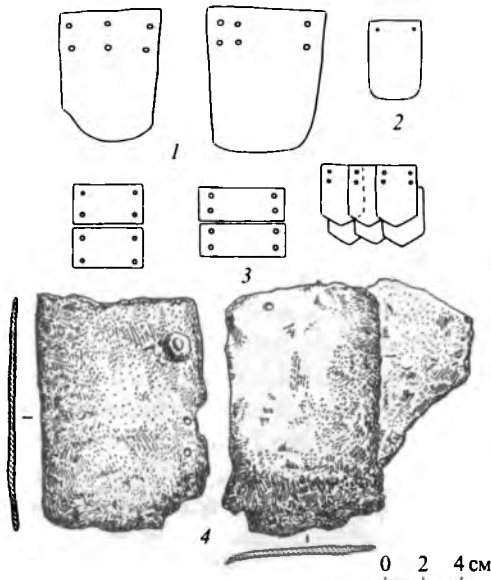


Рис. 73. Чешуйки сарматских панцирей:

1 — Верхнее Погромное, 7/6 (Хазанов, 1971);
2 — Быково, 11/9; 3 — Кривой Лиман, 41/1; 4 — Калиновка, 55/1 (Шилов, 1959)

с другом (рис. 74, 3). Синхронную аналогию им привести трудно. Внешне они похожи на гораздо более ранние чешуйки из Нузи (Черненко, 1968, с. 131) и дворца Аменхотепа III в Фивах (Хазанов, 1971, табл. XIII, 2). М. И. Крайсветный, исследовавший грушевский панцирь, полагал, что он переднеазиатской работы, и реконструировал его весьма извилистый путь до сарматского кургана. По мнению М. И. Крайсветного, этот панцирь был изготовлен не позднее VIII–VII вв. до н. э., хранился в каком-то храме в Передней Азии, попал в руки солдат Александра Македонского, а затем был захвачен скифами во время похода Зопириона: автор исходил из своей датировки кургана 18 IV–III вв. до н. э. (Крайсветный, 1987, с. 22). Судя по остальному инвентарю и фрагментам амфор, это «странный комплекс» II–I вв. до н. э., и в этом случае действительно древний си-

рийский или египетский панцирь скорее всего был захвачен сарматами где-то в Малой Азии во время Митридатových войн или походов Фарнака.

Имеющийся в нашем распоряжении набор из Грушевского могильника был найден в шлеме, куда поместили скорее всего свернутый панцирь. Учитывая, что этот комплекс не подвергался ограблению, мы вправе предположить, что количество чешуек и пластин осталось неизменным (1018, из них 667 чешуек и 352 пластинки). Это обстоятельство дает возможность хотя бы приблизительно восстановить размеры панциря. Для скифских доспехов подобная работа была проделана С. А. Скорым (Скорый, 1984, с. 86).

Судя по сохранившимся фрагментам набора, чешуйки были соединены встык в горизонтальных рядах и перекрывали одна другую на длину треугольного выступа в вертикальных. В этом же наборе были узкие прямоугольные пластинки, перекрывавшие друг друга наполовину в вертикальных рядах и на 0,5 см в горизонтальных. Размеры чешуек 3,5 × 1 см, пря-

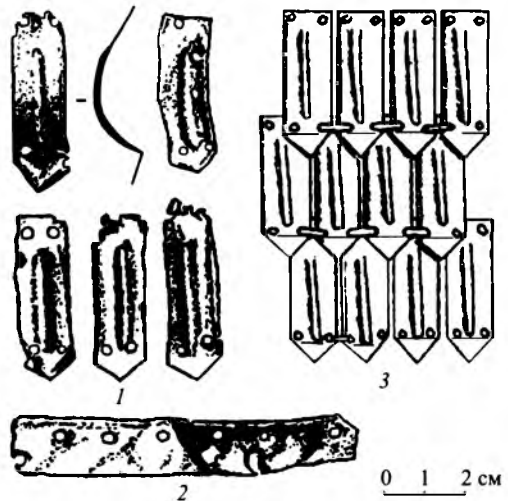


Рис. 74. Панцирь из Грушевского могильника (Раев, 1981)



1



2

Рис. 75. Сарматы на Траяновой колонне (1)
и арке Галерия (2)

моугольных пластинок — 9×1 см. Следовательно, площадь чешуйки, приходящаяся на основу панциря, составляла около 3 см^2 , пластинки — около 8 см^2 . Тогда площадь набора, занимаемая чешуйками, равнялась приблизительно 2000 см^2 , пластинками — 2800 см^2 . Общая площадь набора панциря с поправкой на условность измерений составляла 4800 см^2 . Если принять размеры основы равными около 60×70 см (промеры торса развитого взрослого мужчины среднего роста), то получается, что панцирным набором была защищена толь-

ко передняя часть, при этом панцирь должен был быть длиной примерно до тазобедренного сустава³. О взаимном размещении чешуек и пластинок данных нет. Скорее всего чешуйки покрывали нагрудную часть, а пластинки располагались на животе.

К сожалению, еще менее определенно можно говорить о покрое и способах набора стальных чешуйчатых панцирей. Ни в одном случае остатки подкладки не сохранились. Вероятно, панцири с чешуйками типа скифских были близки им и по конструкции. Известные немногочисленные изображения сарматов в чешуйчатых панцирях частью очень условны (колонна Траяна), частью более поздние (рельеф Трифона из Танаиса, арка Галерия), чем рассматриваемые доспехи. На стеле Трифона изображен чешуйчатый панцирь с короткими рукавами. Подол его доходит до середины бедер, чешуйки довольно крупные, панцирь подпоясан широким ремнем (рис. 58). Практически идентичен ему панцирь, изображенный на арке Галерия (рис. 75, 2), несмотря на то, что оба изображения разделены более чем 100-летним промежутком.

В целом римские изображения варваров в тяжелом вооружении воспроизводят панцирь лишь одного типа — простой чешуйчатый. Между тем археологический материал говорит о том, что начиная с I в. н. э. подобные доспехи уже не использовались варварами — противниками или союзниками империи. Таким образом, перед нами условная и схематичная передача образа варвара путем ассоциации с чешуйчатым доспехом, своего рода иконографический код. Заметим, что при этом *logica segmentata* и другое снаряжение легионеров или преторианцев воспроизводились реалистично. На мой взгляд, в римское время сформировался иконографи-

³ К таким же выводам пришел и М. И. Крайсветный (Крайсветный, 1987, с. 21).

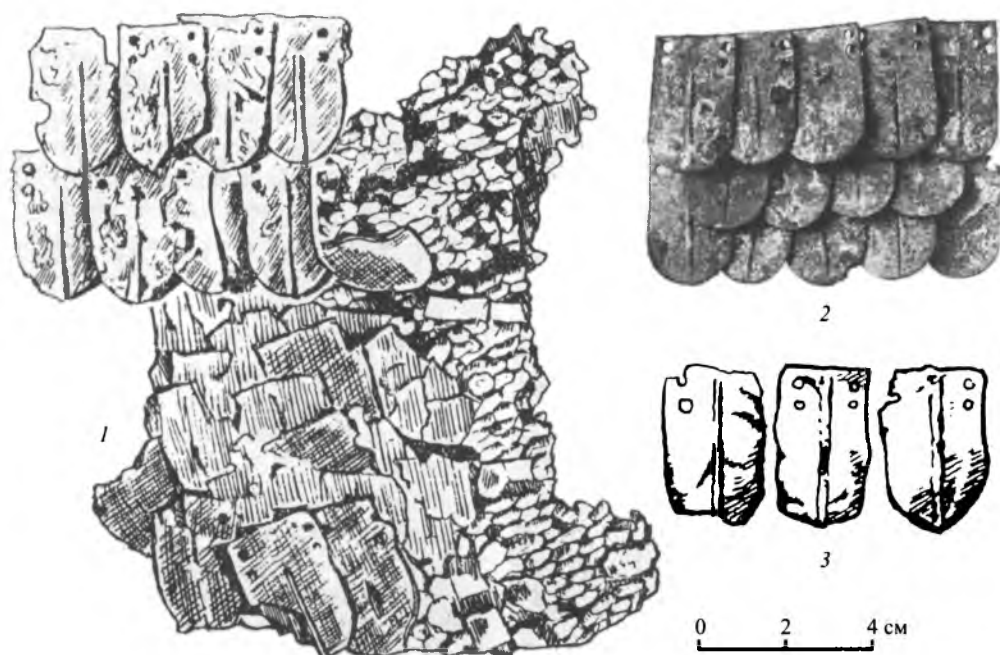


Рис. 76. Римский чешуйчатый панцирь:

1 — ст. Воздвиженская (Гущина, Засецкая, 1989); 2 — хут. Zubовский (ИАК, 1901); 3 — Никольский могильник (Засецкая, 1979)

ческий стереотип «воин в чешуйчатом доспехе — варвар». Это вынуждает осторожно относиться к античным рельефам как к источнику по конструкции сарматского панциря.

Чешуйчатые панцири — древнейший тип сарматского доспеха. Они известны еще у савроматов IV в. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 75). Доспехи из Быкова, Верхнего Погромного и Кривой Луки более поздние. Исследователи относят их в целом к раннесарматскому времени (Скрипкин, 1978, с. 33; Шилов, 1957, с. 35; Дворниченко и др., 1979, с. 167). Первым веком н. э. датируется комплекс из Калиновского могильника (Шилов, 1959, с. 462).

Ареал чешуйчатых панцирей — Поволжье и Подонье. У ранних сарматов

Приуралья, Кубани и Украины они неизвестны.

Комбинированный панцирь состоял из трех компонентов — кольчужного плетения, пластин и чешуек.

Бронзовые и железные чешуйки этих панцирей достаточно разнообразных форм. Хотя, как уже говорилось, состояние материала очень затрудняет исследование, можно выделить несколько их типов.

В погребениях у Zubовского хутора, станицы Воздвиженской в Закубанье, могильников Высочино на Нижнем Дону и Никольского в Поволжье найдены прямоугольные железные и бронзовые чешуйки с округлым нижним краем и центральным вертикальным ребром (рис. 76). В верхних углах — по паре вертикально расположенных отверстий. В кургане у Лысой горы



Рис. 77. Lorica plumata на римском рельефе (Watson, 1983)

близ Майкопа найдены бронзовые чешуйки иного типа — размерами $2,5 \times 1,5$ см, с треугольным нижним краем, по которому расположены три полусферические выпуклости, и двумя парами отверстий в верхних углах.

Ближайшие аналогии таким чешуйкам имеются среди остатков римских доспехов,

найденных в лагерях на территориях Великобритании, континентальной Европы, на Ближнем Востоке. Бронзовые чешуйки, подобные описанным, обнаружены в Ньюстед (Newstead), Аутдорпе (Autdorp), бронзовая кольчуга с такими чешуйками хранится в музее Аугсбурга (Augsburg) (Robinson, 1975, с. 173). Подобные чешуйки обнаружены в римских слоях Масады, что дало основания Е. В. Черненко считать чешуйки из Зубовского хутора и ст. Воздвиженской римскими (Черненко, 1968, с. 30). Его правоту подтверждают не только приведенные аналогии, но и изображение на фризе Траяна римского солдата, как считает Дж. Уотсон (Watson, 1983, с. 18), но, судя по шлему, скорее офицера (рис. 77). На нем панцирь, набранный из совершенно аналогичных чешуек.

Такой панцирь назывался у римлян lorica plumata и был заимствован скорее всего на Ближнем Востоке (Simonenko, 2001, S. 272). Наиболее ранние изображения римских воинов в чешуйчатых доспехах относятся к концу I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. Это рельеф августовского времени из Палаццо Дукале (Palazzo Ducale), изображающий бой между римлянами и галлами (рис. 78, 1), и надгробие центуриона Квинта Сертория Феста из музея Вероны (рис. 78, 2). Доспех, изображенный на обоих рельефах, набран из чешуек с закругленным нижним краем и центральным продольным ребром.

Доспехи из погребений у ст. Воздвиженской и Зубовского хутора, датирующихся концом I в. до н. э., скорее всего являются трофеями сираков — союзников Фарнака Боспорского, захваченными во время рейда в Малую Азию в 48–47 гг. до н. э. Судя по весьма нечеткому описанию и сохранившимся фрагментам, это были кольчуги, усиленные чешуйчатым набором, как в Ньюстед и Аугсбурге. Погребения могильников Никольское и Высочино более поздние, второй половины

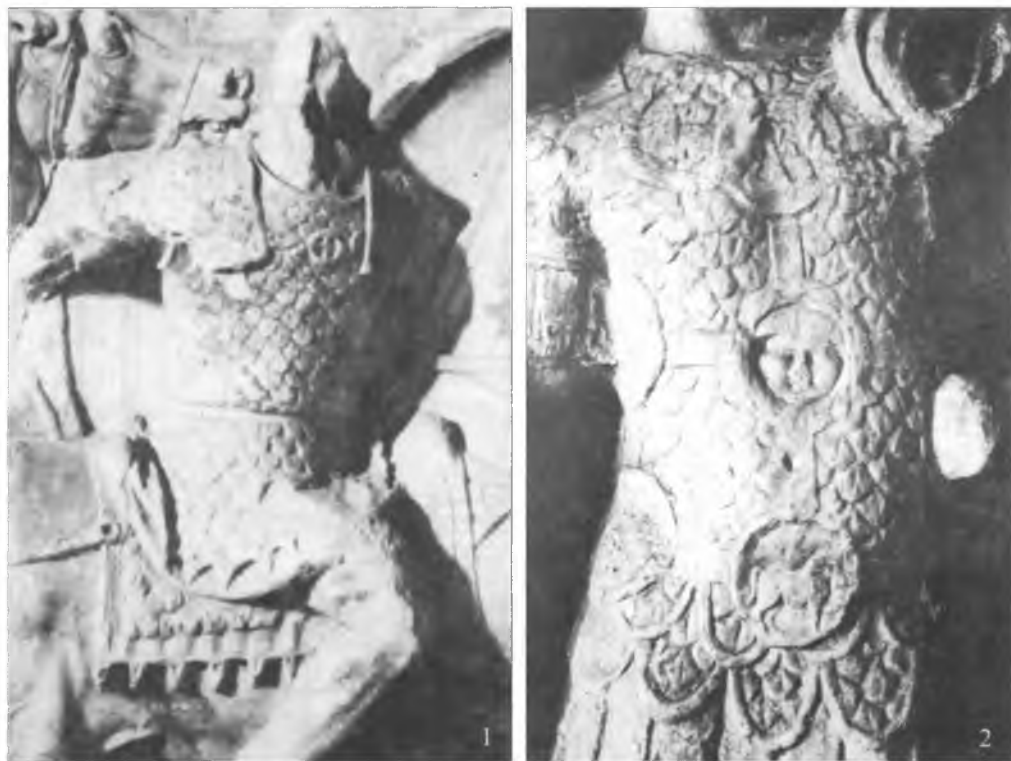


Рис. 78. Lorica plumata на римском рельефе (Robinson, 1975)

I в. н. э. Не исключено, что панцири, найденные в них, попали к сарматам также еще в I в. до н. э. и бытовали долго перед тем, как попасть в могилу.

Возможно, комбинированным панцирям принадлежали многочисленные железные, в некоторых случаях позолоченные, чешуйки в целом прямоугольной формы (рис. 79). Варьирует лишь контур одного из краев (судя по расположению отверстий, верхнего): в одном случае он треугольный (Казанская, 2/1; Тифлисская, 12/1, 15/1; Тбилисская⁴, 16/1), в другом — закругленный или прямой (Казанская, 1/1; Тбилисская, 1/1, 3/1, 10/1; Ладожская,

26/1). Отверстия расположены вертикальными парами в верхней или средней части чешуйки. Кроме того, в нескольких курганах Золотого кладбища найдены необычные чешуйки трапецевидной или треугольной формы с пятью отверстиями в одном из углов (рис. 79, 4).

Прямые аналоги нашим чешуйкам есть среди находок в римских лагерях Средней и Западной Европы (рис. 80), датирующихся второй половиной I — II вв. н. э. (Robinson, 1975, p. 154, pl. 159). Если учесть, что основные кадры римской панцирной кавалерии составляли ауксиллярии из восточных провинций (в том числе и сарматы), то не исключено, что им и принадлежали доспехи, найденные в лагерях. При Марке Аврелии в 175 г. н. э. после Маркоманнской войны в императорскую армию влились 8 тыс. сарматских воинов, 5,5 тыс.

⁴Раскопки А. М. Ждановского у бывшей ст. Тифлисской. Во избежание путаницы номенклатура Н. И. Веселовского и А. М. Ждановского сохранена.

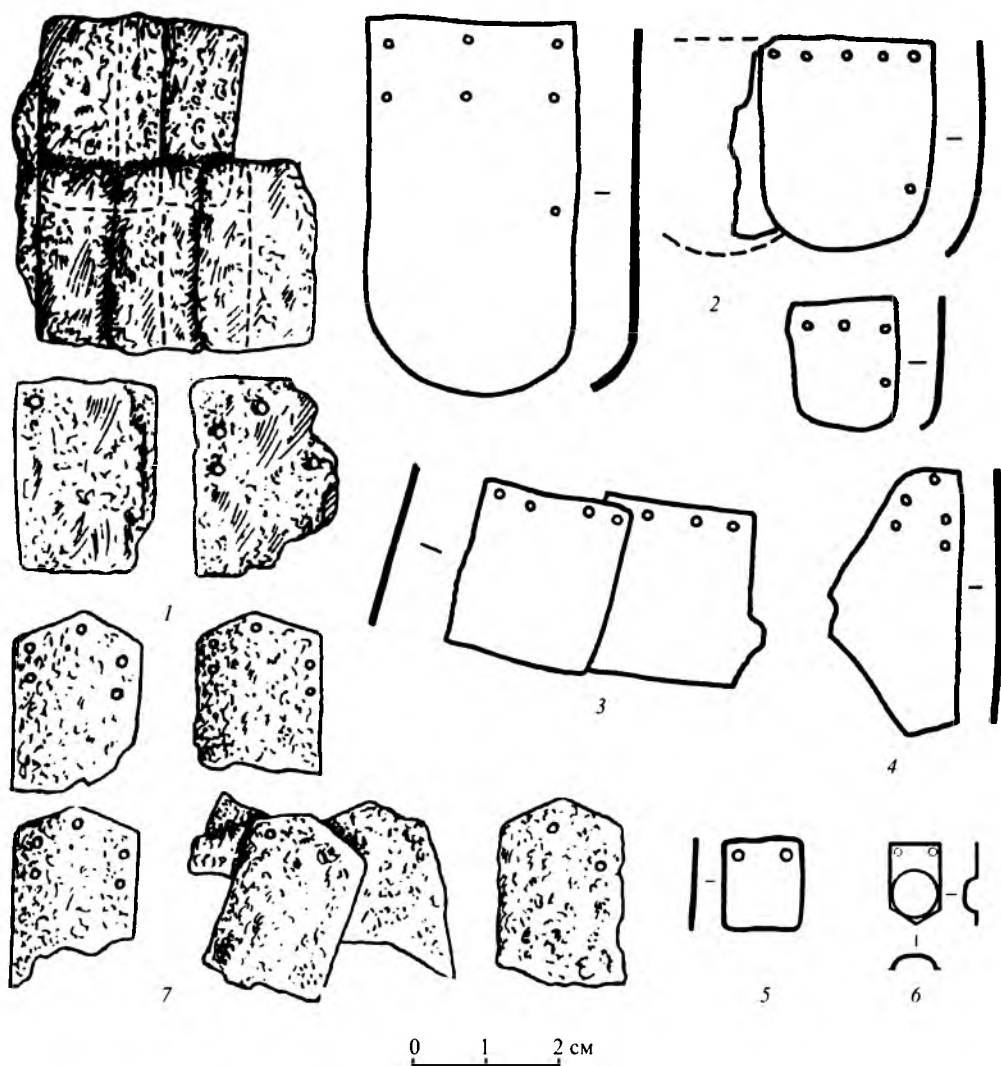


Рис. 79. Чешуйки сарматских комбинированных панцирей:

1 — ст. Тифлисская, 3/1 (Гущина, Засецкая, 1994); 2 — ст. Казанская, 10/1; 3 — ст. Ладожская, 26/1; 4, 6 — ст. Казанская, 2/1; 5 — ст. Усть-Лабинская, 35/1; 7 — ст. Казанская, 1/1 (Гущина, Засецкая, 1994)

из них были передислоцированы из Паннонии в Британию. На службе у Галерия состояли сарматские катафрактары, изображенные на его арке в Салониках.

Еще один тип чешуек комбинированных панцирей — мелкие ($1 \times 0,7$ см), с прямым верхним и треугольным нижним краем и полусферической выпуклостью. Два

отверстия расположены в верхних углах (рис. 79, 6). Будучи набранными на основу, эти чешуйки создавали красивый узор в виде пчелиных сот с рельефной поверхностью (рис. 81, 1). Они найдены в нескольких погребениях Золотого кладбища (Казанская, 2/1, 8/1, 17/1, 19/1, 20/1, между Казанской и Тифлисской, 40/1, 51/1; Ла-

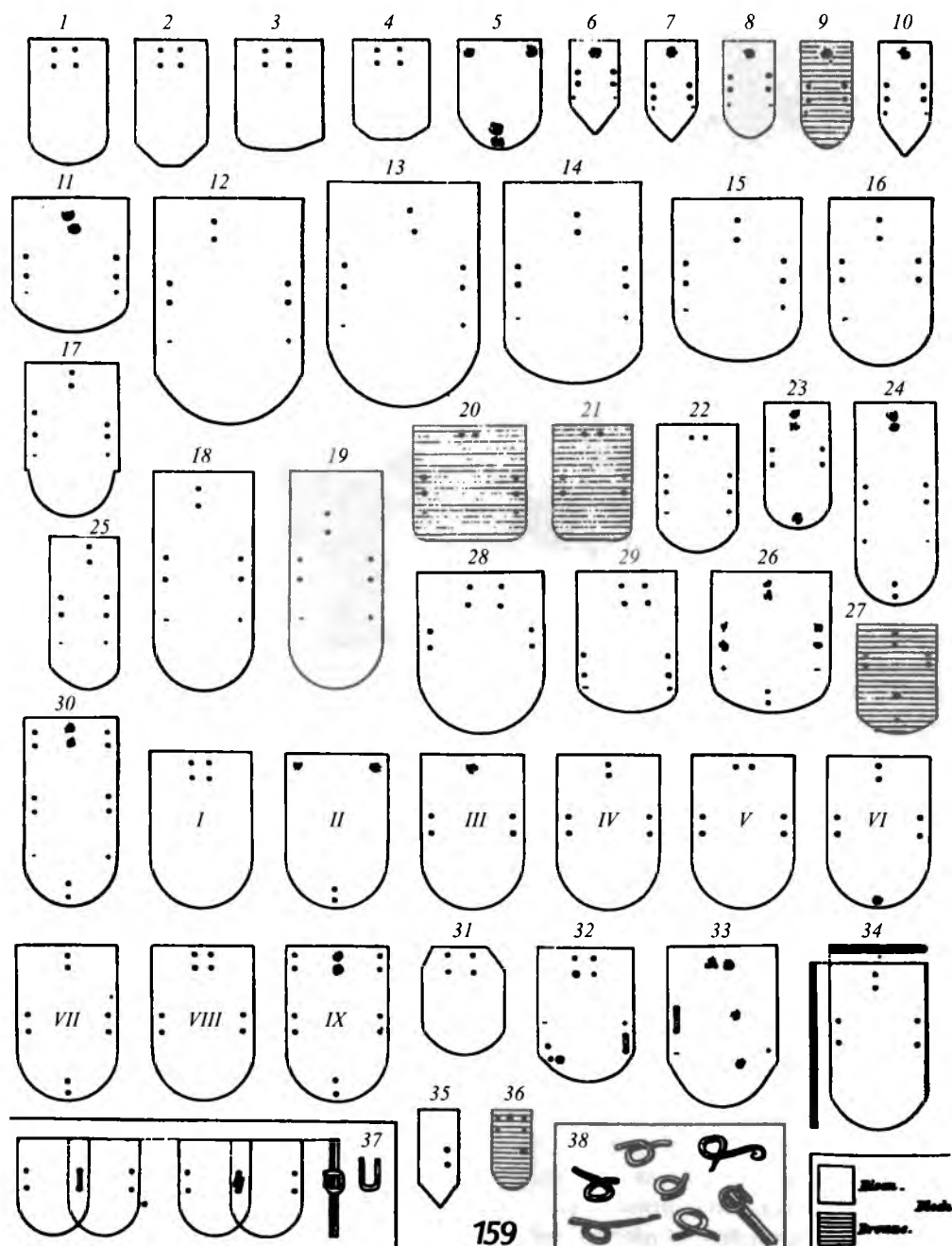


Рис. 80. Чешуйки панциря из Карнунтума (Robinson, 1975)

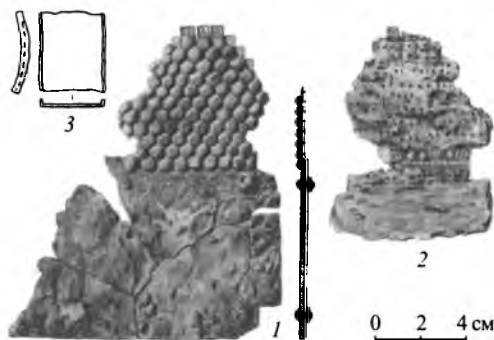


Рис. 81. Фрагменты доспеха из к. 40 между ст. Казанской и Тифлисской (Ленц, 1902)

дожская, 26/1, 28/1; Тбилисская, 3/1; Некрасовская, 4/1) и в могильнике у хут. Городского. Там из них была сделана бармица шлема, найденного в погребении первой половины II в. н. э. (Сазонов, 1992, с. 265, рис. 7, 3). Интересно, что этот шлем явно местного производства, и для бармицы скорее всего были использованы чешуйки с трофейного доспеха.

В набор этих панцирей помимо мелких чешуек входили крупные прямоугольные и узкие дуговидные пластины с вертикальным бортиком (рис. 81, 2, 3; 82–86). Первые (рис. 82, 1; 83; 84; 85, 2; 86, 1) размерами около 18 × 7 см (точнее сказать сложно, поскольку они фрагментированы). Исследовавший их Э. фон Ленц писал о сохранившихся в шести точках пластины заклепках (Ленц, 1902, с. 128). Я осматривал эти пластины в ГИМ, однако к настоящему времени сохранилась лишь одна заклепка в левом нижнем углу пластины из кургана 20 у ст. Казанской. Пластина из Казанской, 2/1, плакирована золотом. На краю пластины из Ладожской, 28/1, сохранились следы кожаной обтяжки (рис. 85, 2). Дуговидные пластины шириной до 4 см, длиной 18 см, с вертикальным бортиком высотой до 0,3 см, по которому на расстоянии 1–1,5 см друг от друга проходят мелкие отверстия. И эта пластина из кургана 2 у ст. Казанской плакирована золотом. Э. фон

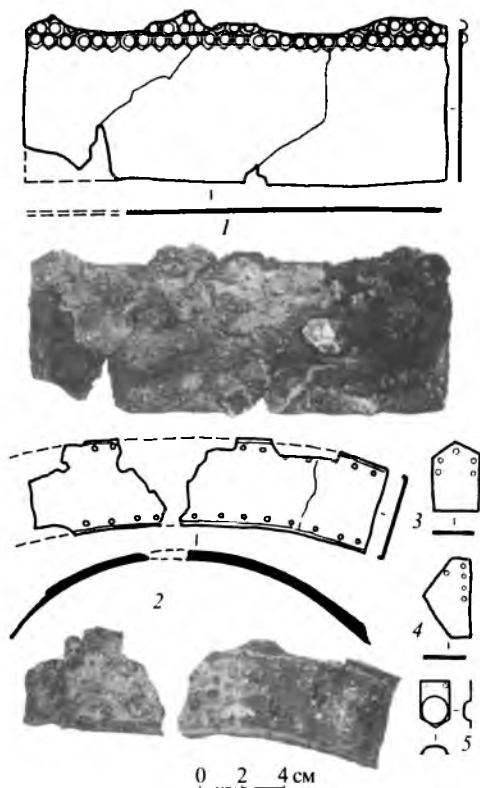


Рис. 82. Фрагменты доспеха из ст. Казанской, 2/1

Ленц писал, что «с одной (безусловно, нижней. — А. С.) стороны этих пластин сохранились обрывки толстой кожаной подкладки, обхватывающей загнутые края полосы и стянутой крупным швом, стежки которого отлично сохранились» (рис. 81, 3). Это единственная информация о наличии и типе подкладки. В настоящее время никаких ее следов нет.

Интересны конструкция и внешний вид комбинированных панцирей, но реконструировать их трудно, т. к. все панцири найдены в ограбленных могилах разрушенными. Кроме того, ряд признаков указывает на то, что сарматы, в отличие от скифов, часто клали доспех в могилу не в развернутом виде, а сворачивали

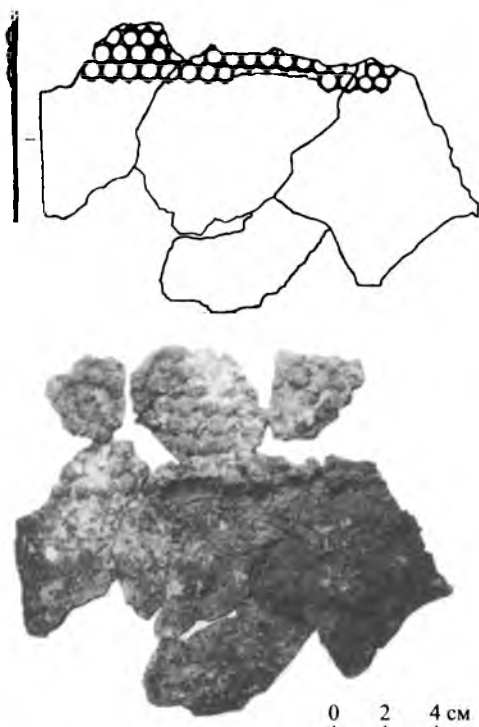


Рис. 83. Фрагменты доспеха из ст. Казанской, 17/1

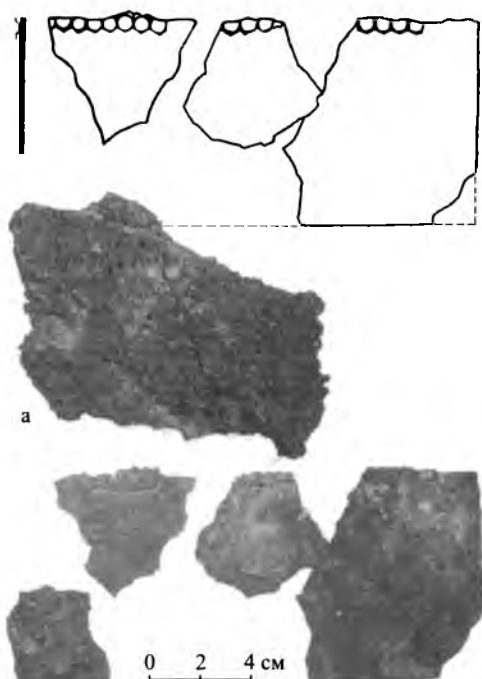


Рис. 84. Фрагменты доспеха из ст. Казанской, 20/1

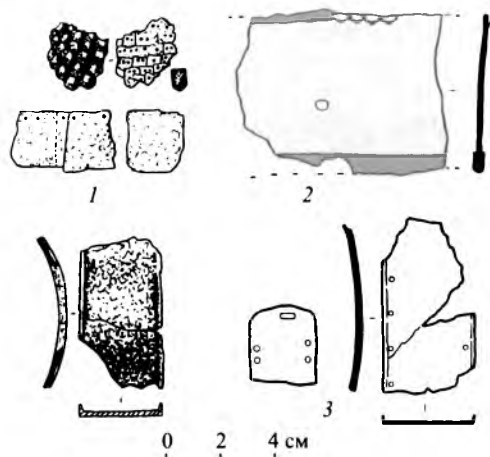


Рис. 85. Фрагменты комбинированного доспеха:
1 — ст. Ладожская, 26/1 (Гущина, Засецкая, 1994);
2 — ст. Ладожская, 28/1; 3 — ст. Тбилисская, 3/1

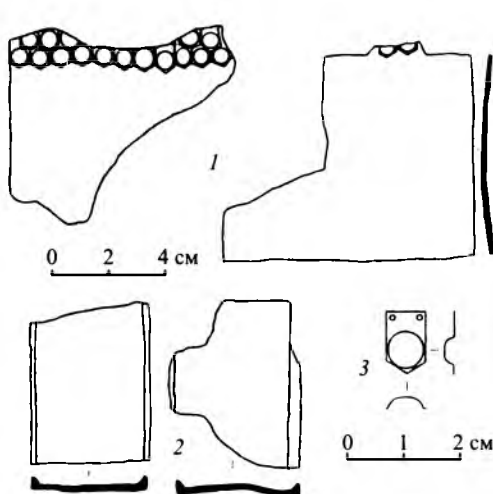


Рис. 86. Фрагменты доспеха из ст. Тифлисской, 51/1



Рис. 87. Реконструкция внешнего вида сарматского всадника по находкам у ст. Воздвиженской, Ахтанизовской и Зубовского хутора (рис. Е. Адамкевич)

его либо вешали на стену гробницы. Мало изображений доспехов и в иконографическом материале. Попытки их реконструкции были сделаны Э. фон Ленцем (Ленц,

1902, с. 129) и А. М. Хазановым (Хазанов, 1971, с. 60–61).

Фрагменты панцирей из курганов у Зубовского хутора, ст. Воздвиженской, Лысой

горы, могильников Высочино и Никольского близки между собой. Они, безусловно, однотипны. Кстати, это единственный вид доспеха, где более или менее определенно зафиксировано взаимное расположение кольчужного плетения и чешуйчатого набора (ср.: Zubovskiy khutor: «железный кольчатый панцирь, отделанный мелкими чешуйками»; Воздвиженская: «железный кольчатый панцирь с украшением из железных и медных чешуек»). Ясно, что чешуйки соединялись с кольчужным плетением. Археологическим примером такого соединения могут быть уже упоминавшиеся доспехи из Западной Европы. На них чешуйки располагаются поверх кольчужного плетения и прикреплены каждая четырьмя кольцами. Скорее всего чешуйки располагались на груди (рис. 87). Это оправдано и функционально: грудь воина — самое уязвимое место и чаще всего подвергается опасности.

Очень интересны комплексы из Казанской, 2/1, 8/1, 17/1, 19/1, 20/1, между Казанской и Тифлисской, 40/1, Ладожской, 26/1, 28/1, Тифлисской, 15/1. Все они (в разных сочетаниях, обусловленных степенью сохранности материала) имеют определенный комплект пластин: мелкие чешуйки с треугольным нижним краем и полусферической выпуклостью, прямоугольные чешуйки покрупнее, прямоугольные пластины с шестью заклепками, на верхний край которых заходит нижний ряд набора мелких чешуек, узкие дуговидные пластины с вертикальным бортиком, кольчужное плетение. Несомненно, перед нами элементы конструкции панциря определенного типа. Э. фон Ленц справедливо полагал, что крупные пластины и чешуйчатый набор были прикреплены к одной кожаной подкладке. Дуговидные пластины, по его мнению, служили для защиты плеч. И здесь он близок к истине, с той поправкой, что они, вероятно, окантовывали проймы для рук. Совершенно анало-

гичные пластины панциря, найденного в Тразименском озере в Северной Италии, помещаются именно там (Robinson, 1975, p. 153, pl. 434).

Таким образом, мы имеем три элемента одного панциря, нашивавшихся на кожаную подкладку: мелкие чешуйки, крупные пластины и длинные дуговидные пластины. Принимая за основу построения Э. фон Ленца, попытаемся продолжить реконструкцию этого интересного доспеха. Хотя в настоящее время в каждом из сохранившихся комплексов имеются фрагменты одной крупной пластины, на панцире ее было бы недостаточно. В самом деле, при размере 18×7 см она могла бы покрывать только небольшой участок тела. Возможно, наборная часть панциря имела следующий вид: передняя часть плечевого пояса и грудь были защищены чешуйчатым набором, ниже которого располагались три или более крупные пластины, прикрепленные к той же основе. Э. фон Ленц писал о находке *целых* пластин 9,5, 12 и 16 см длиной. Может быть, крайние пластины были короче центральной. Проймы для рук были окантованы дуговидными пластинами (рис. 88).

Почти все элементы этого панциря имеются у доспеха с известного граффито из Дура-Европос, изображающего, по мнению Рассела Робинсона, парфянского клибанария (Хазанов, 1971, с. 57, 60–61; Robinson, 1975, p. 186). Правда, на нем показана защита рук и ног кольцевыми или дуговидными пластинами типа *manica segmentata* (рис. 89), которых нет в наших комплексах. Однако остальные части — крупные прямоугольные пластины на животе, чешуйчатая защита торса — налицо. Я не исключаю вариативность подобных доспехов — совсем необязательно ожидать в сарматском погребении точную копию панциря типа Дура-Европос — но, несомненно, они очень близки.



Рис. 88. Реконструкция внешнего вида сарматского всадника по материалам Золотого кладбища (рис. Е. Адамкевич)

Комплексы Золотого кладбища с остатками таких панцирей датируются второй половиной I — первой половиной II в. н. э. (Гущина, Засецкая, 1994, с. 37). Находка панцирей этого типа только в одном могильнике, на мой взгляд, — отражение какого-то частного эпизода из истории

сармато-парфянских (если эти доспехи отсюда) отношений.

Попутно удалось, как мне кажется, установить, из какого кургана происходят шлем и остатки панциря описанного типа, опубликованные Э. фон Ленцем. В своей статье он не привел номер кургана, напи-

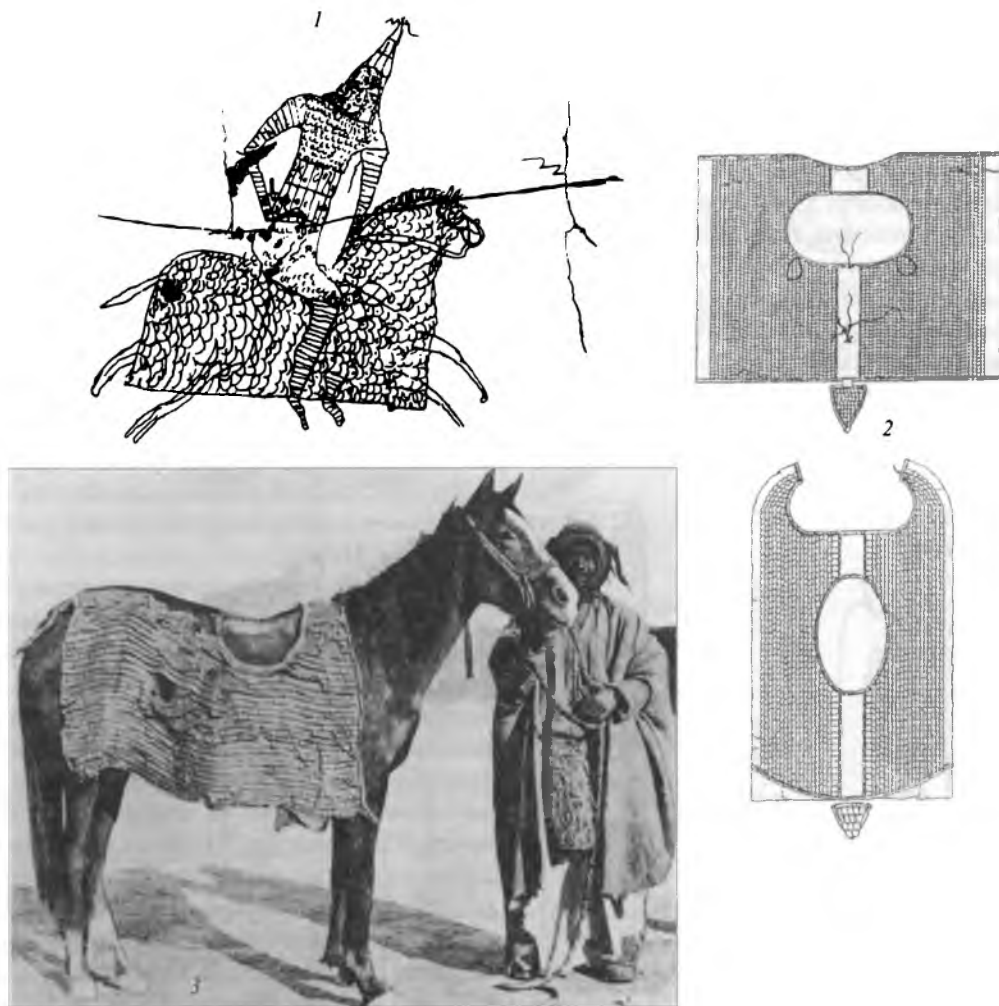


Рис. 89. Катафракты из Дура-Европос:

1 — граффито; 2, 3 — археологические находки

сав лишь, что это раскопки 1901 г. в юрте станицы Тифлиской. Ни шлем, ни фрагменты панциря после исследования Э. фон Ленца в коллекцию ГИМ не попали. Среди сохранившихся там материалов ни одна пластина не идентифицируется с рисунком в его статье. Однако в архиве ИИМК (ф. 1, 1901, д. 103, л. 54) среди находок в кургане 40 между Казанской и Тифлиской указаны шлем и обломки панциря. В деле есть рисунок фрагмента дуговидной пластины

с вертикальным бортиком (рис. 81, 3), о которой писал Э. фон Ленц и которая является неперенным компонентом панциря типа Дура-Европос (назовем его так). Вероятнее всего, в статье Э. фон Ленца исследованы шлем и панцирь из кургана 40 между Казанской и Тифлиской.

Ламеллярные панцири также использовались сарматами. Этому доспеху принадлежат короткие и длинные пластины различной формы, с неперенной деталью —

горизонтальным либо круглым отверстием в центре короткой стороны и несколькими парами отверстий вдоль длинных сторон (Казанская, кк. 1, 8, 9; Тбилисская, кк. 1, 3, 10, 15). В кургане 9 у ст. Казанской найдены оригинальные округло-треугольные пластины размерами от 5 до $7,5 \times 4$ см (рис. 90, 3). Следует отметить яркий восточный характер панциря из кургана 9 у ст. Казанской. Единственная аналогия этому доспеху (рис. 91, 1) — панцирь из кургана 33 кенкольского могильника Акчий-Карасу (Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 92–94, рис. 9, 10). Подобные пластины неизвестны

ни в сарматских, ни вообще в европейских памятниках этого времени.

Прекрасный ламеллярный панцирь был найден в кургане 15 у станицы Тифлисской (Ждановский, 1984, с. 91, табл. 3, 25). Он был набран из железных продолговатых пластин с закругленным, слегка загнутым краем. Некоторые, наиболее крупные, S-образно изогнуты (рис. 92). На пластинах большое количество отверстий, расположенных вертикальными парами вдоль длинных сторон в средней и нижней части пластины; по короткой прямой стороне пробито либо одно (в центре), либо два отверстия; посередине закругленного края некоторых пластин имеется горизонтальное прямоугольное отверстие длиной около 0,5 см. Необходимо добавить, что в этом же комплексе обнаружены фрагменты кольчуги и маленькие прямоугольные чешуйки с треугольным краем и пятью отверстиями, т. е. детали другого панциря. Большие пластины находились во входной яме катакомбы, а маленькие чешуйки и фрагменты кольчуги — в камере, что также является косвенным свидетельством наличия двух панцирей. Прямые аналогии этому доспеху назвать трудно, но типологически и морфологически он близок пластинам раннетюркских панцирей, происходящих из могильников Монголии и Забайкалья (Худяков, Соловьев, 1987, с. 144, табл. 4).

Практически все эти пластины имеют соответствия в ламеллярных доспехах евразийских кочевников: хунну, кангюйцев, сяньби, а также среди немногочисленных находок деталей панцирей у их оседлых соседей — в Бактрии и Китае (рис. 91). При многообразии форм самих пластин и вариативности расположения отверстий общей остается технологическая схема: скрепление пластин между собой по вертикальной и горизонтальной осям. Поскольку почти все панцири Евразии найдены разрушенными, точно установить их

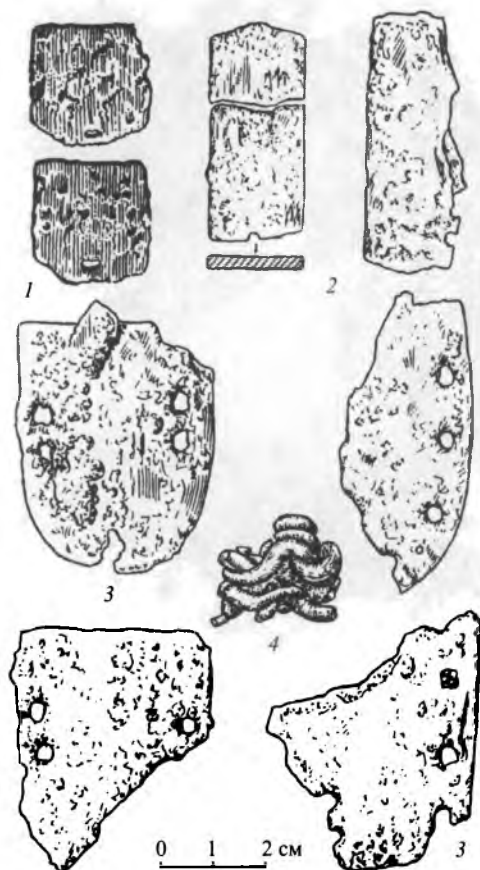


Рис. 90. Пластины ламеллярного панциря из ст. Казанской, 9/1 (Гущина, Засецкая, 1994)

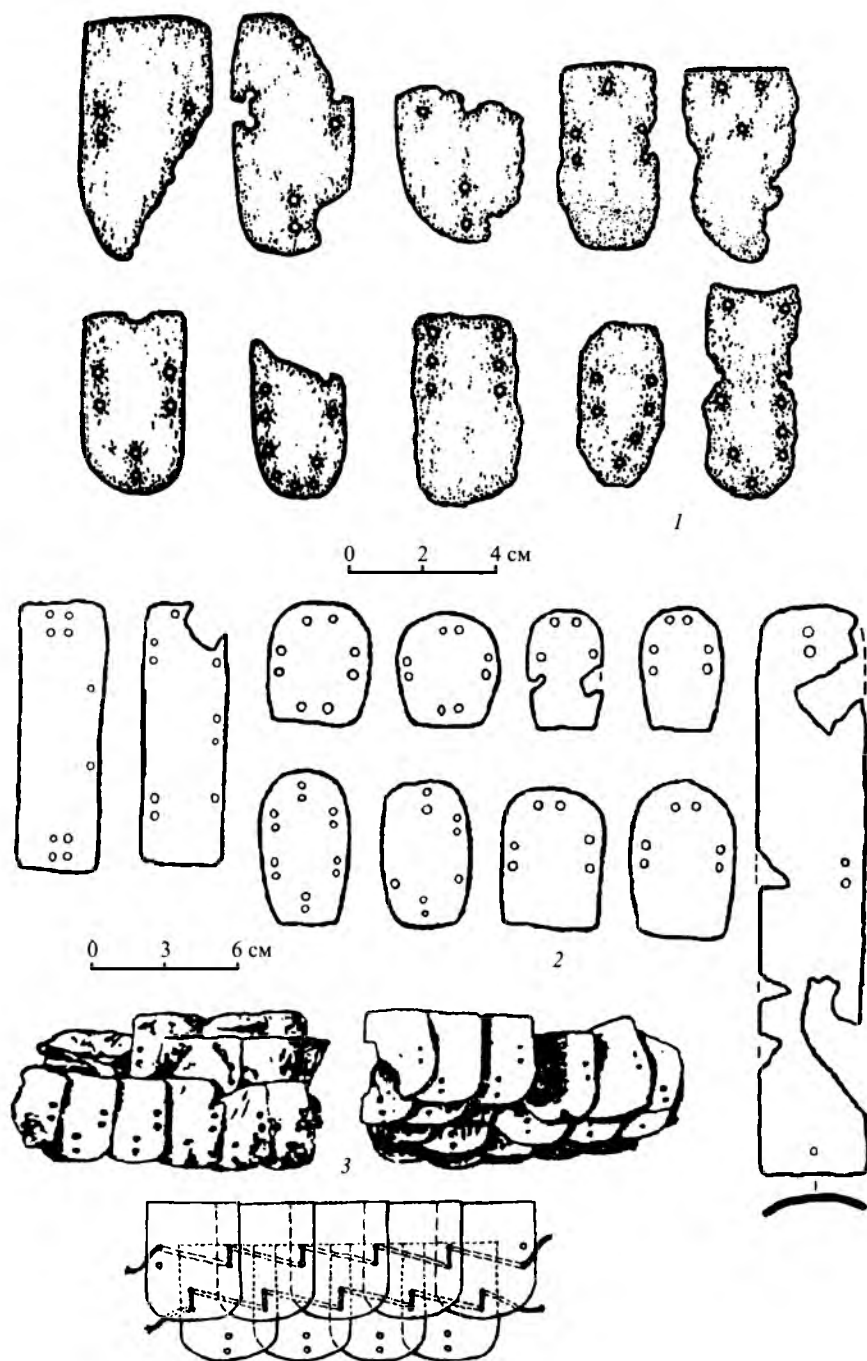


Рис. 91. Пластины ламеллярных панцирей из Центральной Азии:

1 — Акчий-Карасу (Кожомбердиев, Худяков, 1987); 2 — Эршицязицу; 3 — Ильмовая Падь (Рец, Юй Су-хуа, 1999)

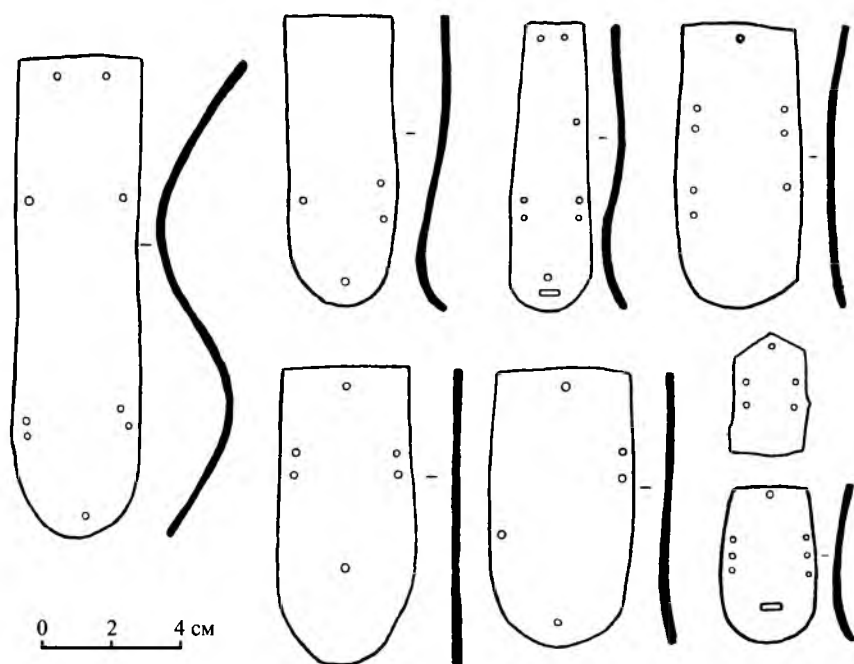


Рис. 92. Пластины ламеллярного панциря из ст. Тбилисской, 15/1



Рис. 93. Всадники в ламеллярных панцирях на орлатской пластине (рис. А. Савина)

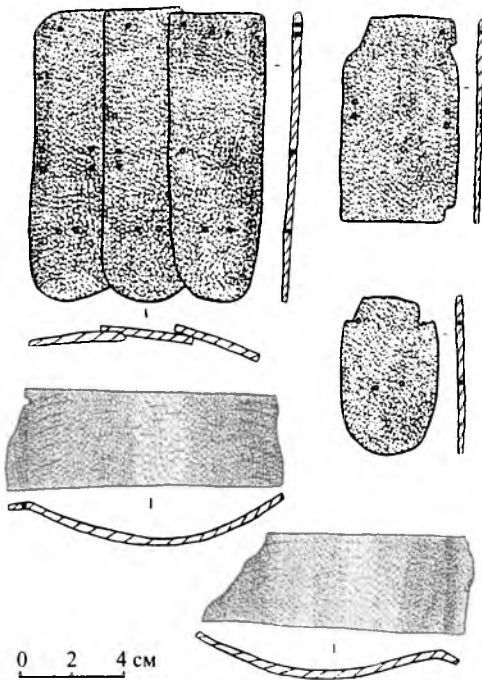


Рис. 94. Пластины панциря из Сидоровки (Матющенко, Татаурова, 1997)

покрой и место пластин того или иного типа в наборе трудно. Тем не менее ламеллярные панцири из некоторых находок реконструированы графически и в материале (Рец, Юй Су-хуа, 1999, с. 49, рис. 2, 6; 4, 3, 4).

Я не собираюсь решать здесь вопросы происхождения того или иного ламеллярного панциря евразийских кочевников, но общность конструкции и близость (а иногда — тождество) пластин на всей территории пояса Великих степей I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. затрудняют выделение панцирей отдельных народов (саков, сарматов, хунну) — сходство слишком велико. Скорее всего в это время существовала некая общая схема ламеллярного доспеха со своими особенностями у разных народов, воины которых к тому же пользовались и «чужими» панцирями — трофейными либо доставшимися иными путями.



Рис. 95. Реконструкция внешнего облика воина саргатской культуры по материалам погребений у Сидоровки и Исаковки (Соловьев, 2003)

Ламеллярный доспех, не распространенный в Европе, был очень популярен в Средней и Центральной Азии, а в Китае, Японии и Корее использовался вплоть до XIX в. Великолепно изображены такие панцири I–II вв. н. э. на орлатских пластинах (рис. 93). Очень схожие с кубанскими доспехи (рис. 94, 95⁵) найдены в погребениях

⁵ На мой взгляд, на этом рисунке не совсем верно реконструирован портупейный пояс.

ниях знатных воинов саргатской культуры у Сидоровки и Исаковки на Иртыше (Матюшенко, Татаурова, 1997; Погодин, 1998).

Рассел Робинсон считает, что находки ламеллярных пластин в римских лагерях Центральной и Западной Европы отмечают размещение в них подразделений восточных ауксилляриев, в число которых могли входить и сарматы (Robinson, 1975, p. 162). Всадник в ламеллярном панцире изображен на керченской (?) терракоте пер-

вых веков н. э. из собрания графа Уварова в ГИМ (рис. 62).

На мой взгляд, ламеллярные панцири из сарматских погребений — еще одно звено цепочки, связывающей происхождение сарматов с Центральной Азией.

Кольчуги найдены почти во всех погребениях с доспехами (за исключением ранних комплексов с чешуйчатыми панцирями). Доступные для исследования фрагменты сплетены из мелких железных колец диаметром до 1 см. Каждое кольцо соединено с четырьмя остальными. Все фрагменты сильно корродированы, поэтому мелкие детали конструкции не выявляют-

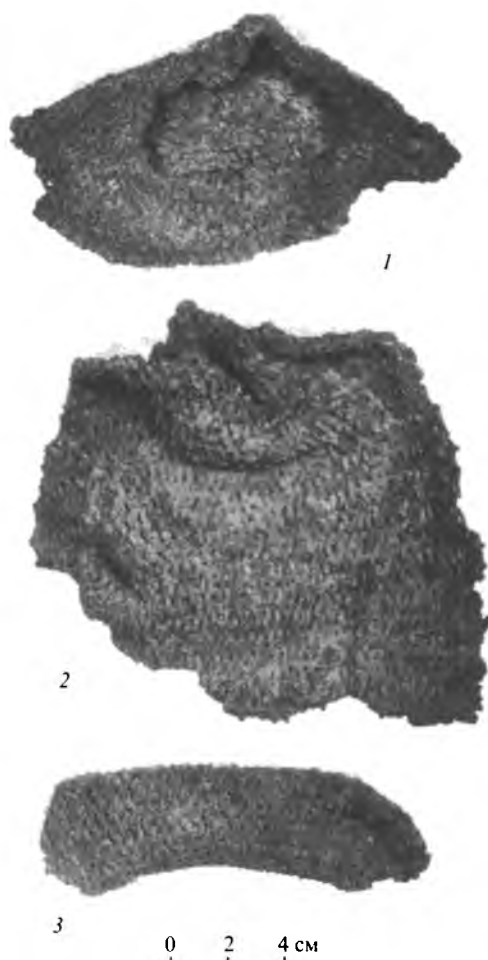


Рис. 96. Фрагменты кольчуги:

1, 2 — ст. Тифлисская, 51/1; 3 — между Казанской и Тифлисской, 44/1



Рис. 97. Изображение кольчуги среди галатских трофеев на рельефах храма Афины в Пергаме (Robinson, 1975)

1



2



Рис. 98. Кольчуга на римских рельефах:

1 — статуя галла из Музея Кальве в Авиньоне; 2 — рельеф т. н. алтаря Домиция Ахенобарба (Robinson, 1975)

ся. Расчищенный Э. фон Ленцем кусок из кургана 40 у ст. Казанской сплетен из колец прямоугольного сечения, часть из которых сварена кузнечной сваркой, часть — соединена заклепками. По наблюдениям Рассела Робинсона, заклепками скреплялось каждое пятое кольцо, формировавшее из отдельных фрагментов саму кольчужную ткань, — иными словами, то кольцо, которое соединялось с четырьмя остальными. Крупные фрагменты кольчуги сохранились среди материалов кургана 1 у ст. Казанской, кургана 44 между Казанской и Тифлисской, кургана 51 у ст. Тифлисской (рис. 96). С изнанки фрагмента из кургана 1 видны следы ткани.

Большинство кольчуг железные. В кургане 1 у ст. Тбилисской найдены фрагмен-

ты железной и бронзовой кольчуги. Биметаллическая кольчуга обнаружена также в кургане 2 у ст. Михайловской (Каминская и др., 1985, с. 230). Широкие полосы железного плетения чередовались в ней с узкими (в два кольца) полосами бронзового, причем в бронзовом наборе каждое кольцо соединялось с пятью соседними — принцип, доселе неизвестный.

Проблема генезиса кольчуги достаточно интересна. Наиболее ранние изображения ее имеются на рельефах пергамского храма Афины среди галатских трофеев II в. до н. э. (рис. 97), а также на росписях из Сидона, изображающих галатских наемников этого времени. Рассел Робинсон привел сообщение Варрона о том, что изобретателями кольчуги были галлы, от которых

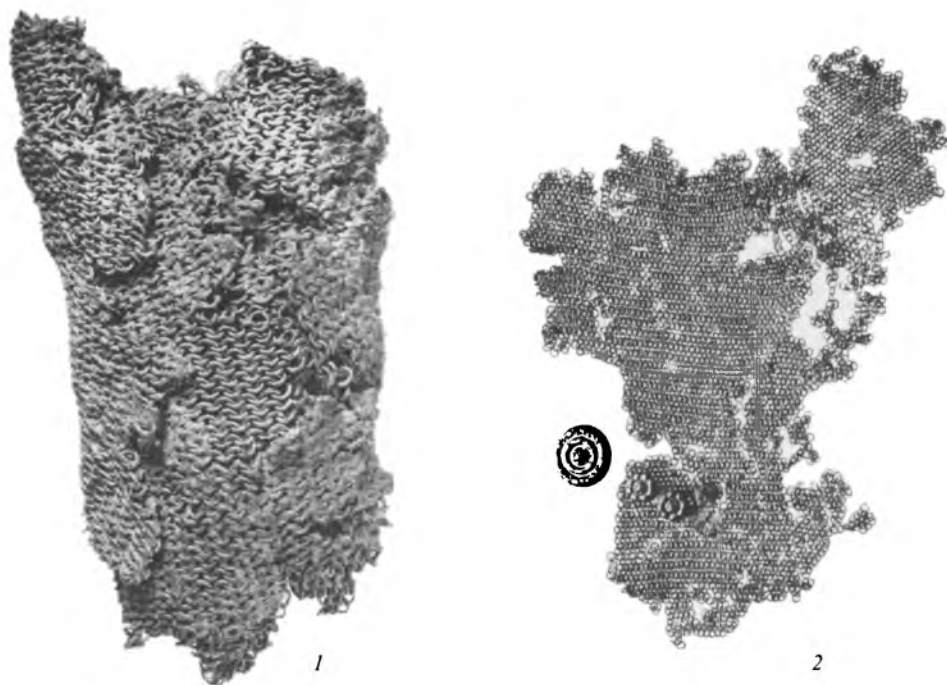


Рис. 99. Кольчуга из кельтского погребения в Киумешть до (1) и после (2) реставрации (Rusu, 1971)

она стала известной римлянам (Robinson, 1975, p. 164). В письменной традиции кольчуга впервые упоминается Полибием (II в. до н. э.) как снаряжение зажиточной части (с доходом более чем в 10 тысяч драхм) римского воинства (Polyb., VI, 23, 15)⁶. На римских рельефах I в. до н. э. кольчуга представлена уже широко. Это триумфальный фриз Павла Эмилия в Дельфах, статуя галла из Музея Кальве в Авиньоне (рис. 98, 1), т. н. алтарь Домиция Ахенобарба (рис. 98, 2) и др. Показательно и то, что на Востоке нет ни археологических, ни иконографических материалов по кольчуге древнее I в. до н. э.

Пока самой ранней археологической находкой кольчуги (рис. 99, 100) является погребение кельтского вождя первой половины III в. до н. э. у с. Киумешть в Ру-

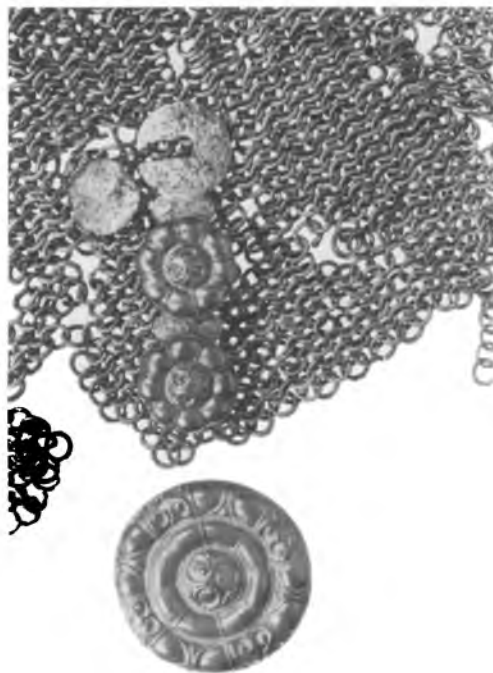


Рис. 100. Кольчуга из Киумешть (деталь)

⁶ Благодарю В. П. Никонорова, обратившего мое внимание на эту информацию.

мынии (Rusu, 1971, S. 276–278, Taf. 143–146). Таким образом, точка зрения Робинсона о кельтском (галльском, галатском) происхождении кольчуги в III в. до н. э. кажется убедительной.

Время появления кольчуги на нашей территории окончательно не выяснено. Н. И. Сокольский считал, что кольчуга была найдена в погребении IV–III вв. до н. э. кургана 1 Васюриной Горы (Сокольский, 1954а, с. 10). Эту точку зрения разделил Е. В. Черненко, сделав вывод о том, что кольчуга с Васюриной Горы — древнейший образец такого доспеха (Черненко, 1968, с. 55, сн. 3). В свою очередь, А. М. Хазанов сослался на него, справедливо «подняв» дату кургана до II в. до н. э. (Хазанов, 1971, с. 60). Так сформировалось очередное положение научного фольклора, совмещившее несколько ошибок. Во-первых, курган 1 Васюриной Горы вряд ли старше середины III в. до н. э. Во-вторых, Е. В. Черненко ошибался, утверждая, что в нем нет более поздних погребений. Среди опубликованных М. И. Ростовцевым материалов имеются трензельное (?) кольцо с обоями для ремней и грибовидная подвеска (Ростовцев, 1914, табл. XVIII, 10, 11) — типичные детали узды второй половины II — начала III в. н. э. Без сомнения, при раскопках была допущена ошибка, и находившийся в насыпи позднесарматский комплекс остался незамеченным, либо он был разрушен при ограблении, и вещи из разновременных погребений смешались в грабительском ходе. Во всяком случае, основной аргумент в пользу датировки кольчуги из Васюриной Горы IV–III в. до н. э. (отсутствие в кургане более поздних материалов) несостоятелен, т. к. они в нем есть. Скорее всего эта кольчуга (рис. 101) и была найдена в каком-то впускном сарматском комплексе. В таком случае наиболее ранними кольчугами Восточной Европы следует считать экземпляры из Воздвиженской и Зубова хутора.



Рис. 101. Кольчуга из Васюриной Горы (фото ГЭ)

Кирасы обнаружены в I Прохоровском кургане (Ростовцев, 1918, с. 13–14; Хазанов, 1971, с. 52; Зуев, 2000, с. 312, табл. II, 1) и могильнике Бердянка (Моргунова, Мешеряков, 1999, с. 126, рис. 4, 2) в Южном Приуралье. Обе они железные и настолько близки конструктивно (рис. 102), что можно предположить их изготовление в одной мастерской (Зуев, 2000, с. 314). Лицевая часть кирас передает строение торса с рельефом мускулатуры (*muscle cuirass*), на груди — два полусферических выступа. Они имеют в центре отверстия, куда вставлялись кольца для пристегивания или привязывания ремней оплечий. Спинная часть кирас также рельефна и повторяет контур мускулатуры. Передний и задний края проймы левой руки на прохоровской кирасе сохранили специальный кант, украшенный двумя продольными линиями. Половинки кирасы скреплялись шарниром, который располагался на правом боку.

Погребения с кирасами датируются концом II — I в. до н. э. Интересно, что в I Прохоровском кургане и в уже упоминавшемся погребении саргатского вождя в Исаковке найдены идентичные серебряные фиалы с надписями арамейским письмом на парфянском и хорезмийском языках, превращенные новыми владельцами в фалары.

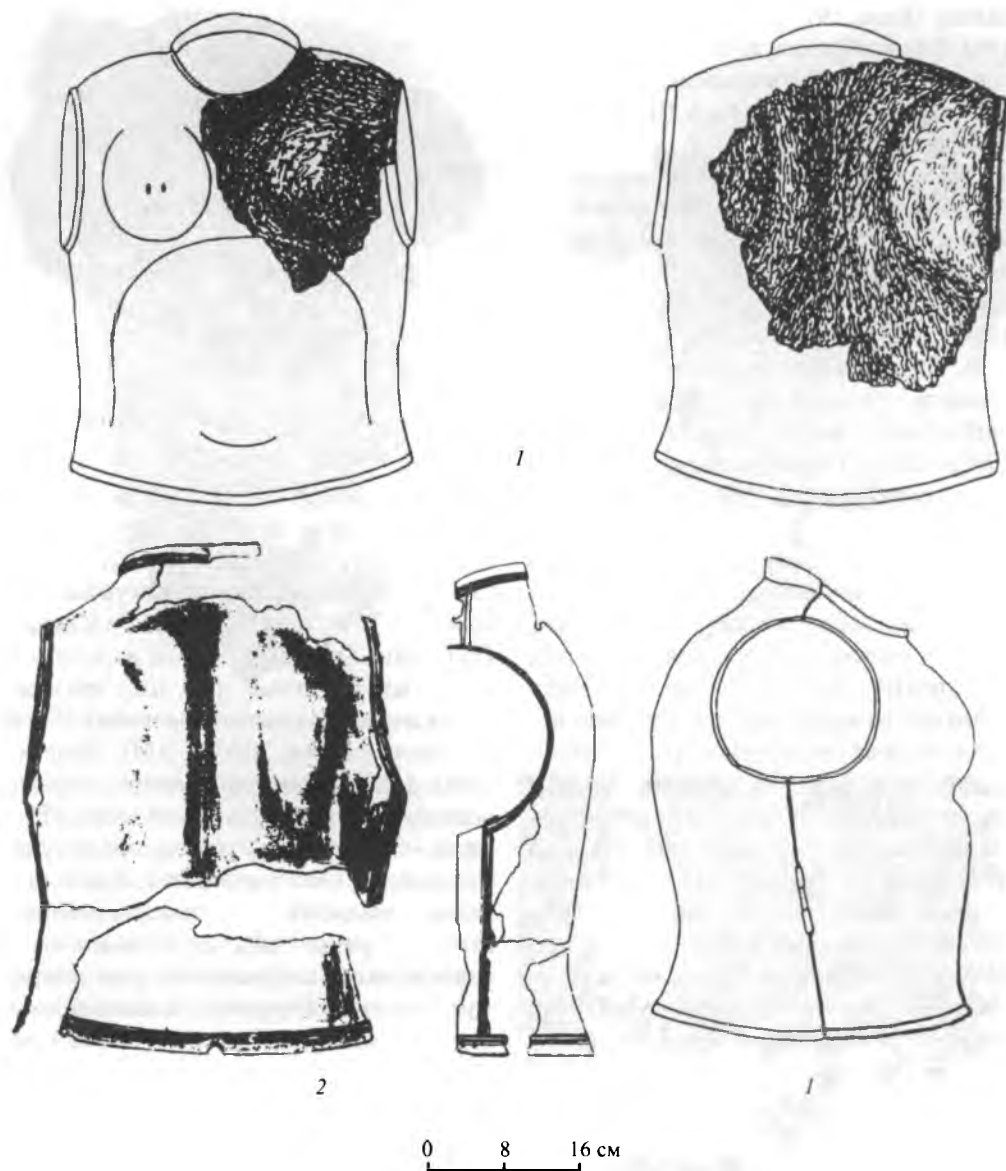


Рис. 102. Кирасы из сарматских погребений:

1 — I Прохоровский курган (Зув, 2000); 2 — Бердянка, 4/1 (Моргунова, Мещеряков, 1999)

Похоже, что воины из Прохоровки, Бердянки и Исаковки воевали вместе где-то в Средней Азии, откуда и принесли свои трофеи.

Для сарматского времени кираса является архаическим доспехом. Широкое рас-

пространение его в античном мире приходится на VI–IV вв. до н. э. (Черненко, 1968, с. 130). Кираса была популярна в архаической, классической и раннеэллинистической Греции, у этрусков и вольсков. Позже во всем античном мире она сменилась

панцирями других типов. Среди римских доспехов самые ранние находки кирас относятся к III в. до н. э. (Robinson, 1975, p. 147). Хотя в римской скульптуре и на рельефах кирасы изображаются и в первые века н. э., Рассел Робинсон считал, что это была дань традициям эллинистического искусства. Кроме того, в республиканской и императорской армиях кираса оставалась парадным доспехом офицеров (ibid., p. 16, 147). Обе кирасы из сарматских погребений скорее всего захвачены во время разгрома Греко-Бактрии.

Кожаные панцири. Разумеется, кожа, как и другие органические материалы, в погребениях сарматского времени, за редкими исключениями, не сохранилась. О наличии у сарматов кожаных и роговых панцирей сообщают письменные источ-

ники. Страбон писал, что «они (сарматы. — А. С.) носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи» (Strabo, VII, 3). Описание сарматского панциря из копытного рога привел Павсаний: «Панцири они делают следующим образом... копыта... собирают, очищают, разрезают и делают из них нечто вроде змеиной чешуи... Эти пластины они просверливают, сшивают лошадиными и бычьими жилами и употребляют в качестве панцирей... Они выдерживают даже удары копий и мечей...» (Paus., Ell., I, 21, 5). У Тацита (Tac., Hist., I, 79) читаем: «Панцири у них... делают... из пригнанных одна к другой железных пластин или из самой твердой кожи» (выделено мной. — А. С.).

Кожаные доспехи в римское время были широко распространены у разных народов

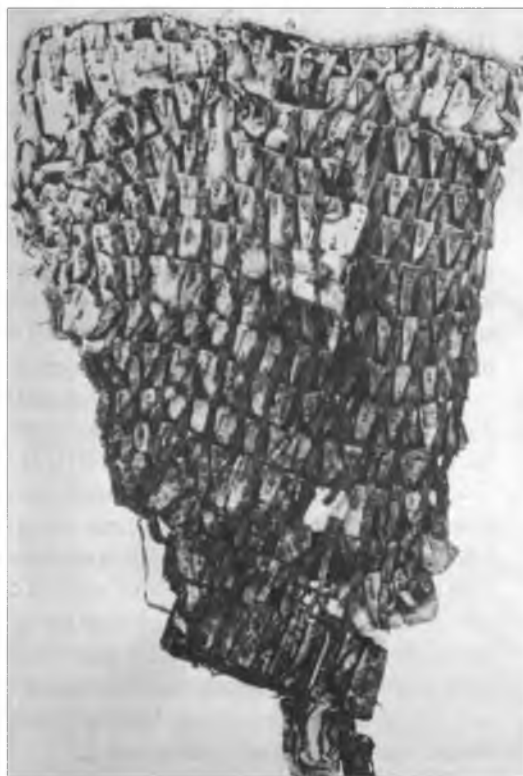


Рис. 103. Набедренники из Дура-Европос (Robinson, 1975)

(Robinson, 1975, p. 162). Прекрасный образец такого доспеха — ламеллярные набедренники парфянского или персидского ауксиллярия из пластин сыромятной кожи, датирующиеся III в. н. э., — найден в Дура-Европос (рис. 103). И позже кожаные доспехи оставались одним из основных видов защиты рядового воина. Мовсес Хоренаци, описывая средневековых алан, отметил, что «многие из них были в броне из ремней и кожи» (Хоренаци, 1983, с. 173), т. е. скорее всего в кожаных ламеллярных доспехах.

Е. В. Черненко полагал, что кожаные панцири были самым многочисленным видом боевой защиты у скифов (Черненко, 1968, с. 12). В широком распространении их у сарматов убежден А. М. Хазанов (Хазанов, 1971, с. 58). Хотя не следует ожидать, что эти выводы будут подкреплены археологическим материалом, приведенные выше источники подтверждают правоту обоих исследователей. Косвенным свидетельством того, что основным видом боевой защиты рядового сарматского воина был кожаный панцирь, являются, с одной стороны, находки металлического доспеха только в богатых могилах, с другой — находящееся в полном противоречии с письменными источниками отсутствие панцирей в археологическом материале на большей части сарматских территорий.

На фоне более или менее стандартных скифских и савроматских панцирей сарматские разнообразны и часто оригинальны. Создается впечатление типологической пестроты, предполагающее различное происхождение сарматских доспехов. Встречены как античные (римская *logica plumata*, кольчуга, кираса), так и восточные (парфянский и центральноазиатский ламеллярный) доспехи. Последние могут указывать на исходные территории сарматских миграций.

Около 70% погребений, в которых найден металлический доспех, имели разнооб-

разный и богатый инвентарь. В его составе изделия из драгоценных металлов и камней, дорогая импортная серебряная, бронзовая и стеклянная посуда; сами панцири, иногда плакированные золотом, также являлись большой ценностью. Иными словами, металлический доспех был доступен лишь зажиточным слоям населения.

4.2. Шлемы

Шлемы сарматского времени с территории Восточной Европы рассматривались в работах Б. З. Рабиновича, М. В. Горелика, Е. В. Черненко, В. П. Шилова, Б. А. Раева, М. Ю. Трейстера и моих. Большинство их укладывается в общепринятые типологические схемы, разработанные Бруно Шрёдером (Schröder), Расселом Робинсоном (Robinson), Гётцем Вауриком (Waurick), Филиппо Коарелли (Coarelli), Ульрихом Шаафом (Schaaff) и др. В сарматских памятниках представлены шлемы таких типов: псевдоаттические, Пилос, Монтефортино, восточнокельтские, легионерские имперско-галльские (по Робинсону) и каркасные. Отдельную группу составляют местные подражания античным шлемам и шлемы, тип которых не устанавливается.

В Северном Причерноморье найдено 7 шлемов (приложение 8) — два псевдоаттических и пять Монтефортино (рис. 104, 2).

Псевдоаттические шлемы имеют следующие типологические признаки: полусферическая тулья с козырьком и аттическим отогнутым назатыльником, иногда с гребнем; рельефный «венец» по низу фронтальной части, оканчивающийся волютами по бокам тульи; подвижные нащечники с выступом на переднем краю. Шлемы бронзовые (один железный), кованые.

В свое время шлемы этого типа были названы «фракийскими» (Schröder,

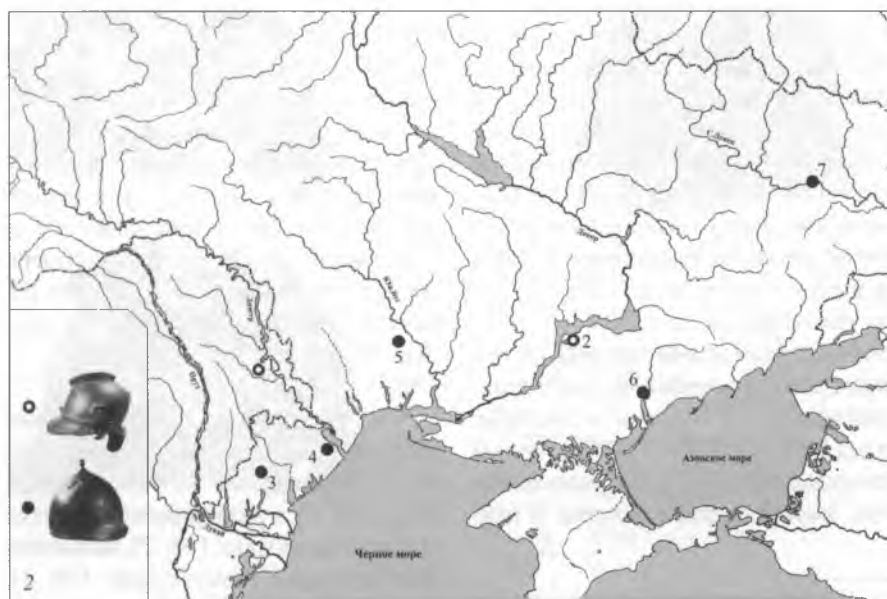


Рис. 104. Находки сарматского доспеха в Евразии (1) и шлемов в Северном Причерноморье (2) (номера на картах соответствуют номерам в приложениях 7 и 8)



Рис. 105. Шлем из Бубуечь (фото ГИМ)



Рис. 106. Шлем из Бубуечь (Черненко, 1968):

1 — общий вид; 2 — фрагменты нащечников

1912, S. 317–344; Рабинович, 1941, с. 149). М. В. Горелик показал неправомочность этого термина, т. к. подобные шлемы не производились во Фракии и не являются фракийскими по происхождению. Он предложил именовать их южногреческими (Горелик, 1983, с. 25). Однако, судя по хронологии находок и изображений, такие шлемы появились скорее в Северной Греции или Македонии. Гётц Ваурик назвал их «Attischer typ mit Stirnschirm» (аттического типа с козырьком) (Waurick, 1988, S. 169), Петрос Динцис — «Pseudoattischen Helme» (псевдоаттическими) (Dintsis, 1986, S. 113). Действительно, выступающий «венец»⁷ на их тулье является как бы негативом вдавленной нижней части аттических и халкидских шлемов IV в. до н. э.

Бронзовый шлем с проходящим по оси массивным полым гребнем найден в «странном комплексе» у с. Бубуечь⁸ в Молдове (Черненко, 1968, с. 88–89). У него длинный козырек, отделенный от тульи рельефным «венцом», переходящим в волюты. В цен-

тре козырька небольшое отверстие. По задней части тульи проходит валик. Назатыльник отогнут под прямым углом, по бокам имеет продолговатые выступы (рис. 105). Фрагментированные нащечники овальные, с выступом на середине переднего края, крепились к тулье шарниром. По краю они орнаментированы овами (рис. 106, 2). Размеры тульи 27 × 23 см.

В Каменке-Днепровской случайно обнаружен бронзовый шлем с выступающим «венцом», образованным двумя рельефными линиями, оканчивающимися по бокам тульи волютами. Козырек неширокий, назатыльник П-образно вдавлен в тулью, в его нижних углах по одному отверстию. Верхняя часть тульи повреждена. Нащечники отсутствуют (рис. 107). Размеры тульи 26 × 22 см (Рабинович, 1941, с. 157–158).

На остальной территории обитания сарматов шлемы этого типа найдены в кургане 18 Грушевского могильника на Дону (рис. 108, 1), в разрушенном погребении у Владикавказа (рис. 108, 2), на могильнике Апостолиди в Адыгее (рис. 108, 3), при невыясненных обстоятельствах в Краснодарском крае (рис. 108, 4) (Анфимов, 1981, с. 94–100) и — совсем недавно — при до-

⁷ Петрос Динцис называет эту деталь «налобным ребром» (Dintsis, 1986, S. 59).

⁸ В старой отечественной и зарубежной литературе он известен как происходящий из с. Бубуй.

следовании после грабителей могильника Мезмай близ Сочи (раскопки Н. Ф. Шевченко).

Псевдоаттические шлемы найдены и в античных памятниках: это хорошо известный железный шлем с серебряными нащечниками из гробницы на Карантинном шоссе (Виноградов, 1997, с. 73–74, рис. 1, 3) и фрагмент фронтальной части тульи из поселения на Чокракском мысу к северу от Керчи (Масленников, Трейстер, 1997, с. 145–147).

Ближайшие аналогии шлему из с. Бубучь — экземпляры из гробницы в Эпире близ Продроми (рис. 109, 2, 3) и с острова Мелос (рис. 109, 1). Последние найдены без контекста, Гётц Ваурик датировал их концом III — началом II в. до н. э. (Waurick, 1988, Bei. 1, 24), а наиболее вероятная дата гробницы из Продроми — первая треть III в. до н. э. (Виноградов, 1997, с. 76). Подобные шлемы изображены на Пергамском



Рис. 107. Шлем из Каменки-Днепровской (Рабинович, 1941)

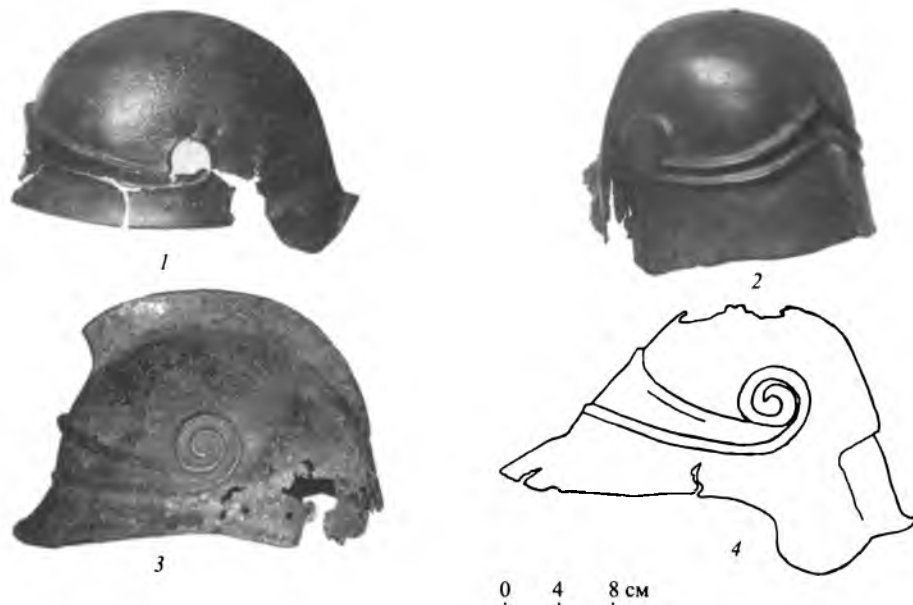


Рис. 108. Псевдоаттические шлемы из Восточной Европы:

1 — ст. Грушевская (фото Б. А. Раева); 2 — Владикавказ (Александр Великий, 2007); 3 — могильник Апостолиди (фото Б. А. Раева); 4 — Краснодарский край (Анфимов, 1981)



Рис. 109. Псевдоаттические шлемы из Восточного Средиземноморья:
1 — о-в Мелос; 2, 3 — Продроми (Waurick, 1986); 4 — Гэвани (Sirbu, Harțuche, 2000)

алтаре (после 180 г. до н. э.), фризе Эмилия Павла в Дельфах (168 г. до н. э.) и монете Селевка II Калинника (246–226 гг. до н. э.) (Waurick, 1988, S. 172, Abb. 47–49, 56–58). По мнению Ваурика, такие шлемы бытовали с конца IV до середины II в. до н. э. Таким образом, датировать бубуечский шлем точнее, чем III — середина II в. до н. э., невозможно.

По поводу датировки комплекса из с. Бубуечь в диапазоне конец III — I в. до н. э. высказывались различные мнения

(Симоненко, 1982, с. 242; Щукин, 1994, с. 98; Полин, 1992, с. 53; Arnăuț, Ursu Năniu, 2000, p. 355; Мордвинцева, 2001, с. 112). Думается, что, несмотря на наличие ранних вещей (в т. ч. и шлема), он, как и остальные «странные комплексы», относится ко времени Митридатовых войн.

Шлемы из Бубуечь и Каменки-Днепровской вместе с экземплярами из Грушевской и Краснодарского края входят во 2-ю группу классификации Ваурика (Waurick, 1988, S. 170). Собственно

говоря, они эту группу и составляют. Кроме них туда входит шлем из Гэвани (Găvani) в Румынии, случайно найденный в 1971 г. в разрушенной строительством канала насыпи, вместе с предметами конского снаряжения и другими вещами (рис. 109, 4).

Валериу Сырбу и Николае Арцухе датировали находку IV — началом III в. до н. э. (Sirbu, Harțușche, 2000, p. 141). Однако удила и псалии — особенно крестовидные «строгие» накладки и редчайшие псалии с зооморфным концом — удивительно близки экземплярам II—I вв. до н. э. из тех же «странных комплексов». В комплексе найдены полихромные бусины (ibid., fig. 8, 1, 2). Одна из них относится к типу Алексеева 358, датирующемуся II в. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 54), вторая, похоже, типа Алексеева 368 I в. н. э. (там же, с. 55). Рюмковидный подток, подобный найденному в Гэвани, есть в «странном комплексе» конца II — I в. до н. э. из Веселой Долины. Если учесть, что наличие на месте находки человеческих и конских костей известно со слов находчиков и недостоверно (Sirbu, Harțușche, 2000, p. 139), то памятник по составу и географическому положению вполне сопоставим со «странными комплексами» Северо-Западного Причерноморья. Таким считает его, например, один из самых знающих румынских сарматологов Виталие Быркэ (Bârcă). Во всяком случае, датировка IV — началом III в. до н. э. явно занижена; вряд ли комплекс старше II в. до н. э.

Наиболее вероятная дата изготовления псевдоаттических шлемов 2-й группы — II в. до н. э., хотя они могли использоваться и позже: фрагмент шлема с Чокракского поселения датируется временем его гибели между 12 и 8 гг. до н. э. (Масленников, Трейстер, 1997, с. 145).

Шлемы типа Монтефортино. В Северном Причерноморье найдено пять экземпляров (приложение 8). Все шлемы

бронзовые, кованые⁹. Типологические признаки: колоколовидная тулья с шишаком, увенчанная полой усеченно-конической кнопкой, и узким серповидным назатыльником (иногда у нас его ошибочно называют козырьком). По бокам тульи изнутри — две петли шарнира нащечников или по два отверстия для их крепления; нащечники ни в одном случае не сохранились. При общности формы шлемы различаются деталями и, главное, орнаментацией. Последняя является датирующим признаком следующего содержания: наиболее ранние шлемы декорированы сложными пышными композициями, а более поздние орнаментированы проще (Раев, 1988, с. 38).

У шлема из Марьевки (рис. 110–112, 1) колоколовидная тулья с коротким назатыльником и утолщенным краем с насечками, имитирующими витой орнамент. На фронтальной части гравированное стилизованное изображение носа и усов (рис. 111, 2). Околыш шлема орнаментирован тремя параллельными врезными линиями, между которыми — два ряда точек и полоса шевронного орнамента. По два отверстия для крепления шарнира нащечников расположены по бокам тульи, в них сохранились железные заклепки (рис. 110, 5). На назатыльнике — гравированные треугольники, заполненные точками и увенчанные кружками, в центре его — отверстие диаметром 0,4 см (рис. 110, 6).

Кнопка навершия усеченно-коническая, полая, разделена пополам двойной врезной линией. Каждая половина орнаментирована рядом двойных врезных арок (рис. 111, 1). Размер тульи 22 × 19,5, высота 21,5 см.

⁹ Специальный анализ наших шлемов не проводился, но я ориентируюсь на визуальное изучение и подтвержденные металлографическим и трасологическим анализами данные Робинсона. Он утверждает даже, что если на поверхности шлема видны следы литья, то он поддельный (Robinson, 1975, p. 13).



Рис. 110. Шлем из Марьевки:

1, 2 — вид сбоку; 3 — вид спереди; 4 — вид сзади; 5 — деталь околыша; 6 — деталь назатыльника

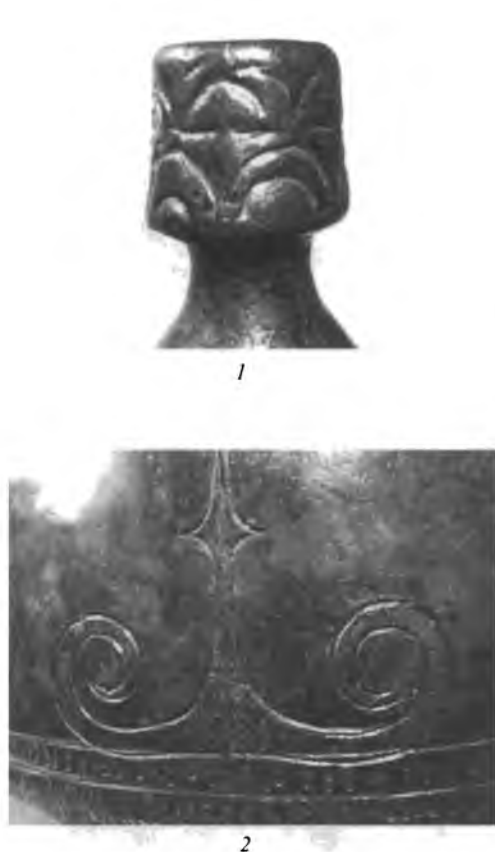


Рис. 111. Шлем из Марьевки (детали):

1 — кнопка навершия; 2 — гравировка на фронтальной части

Тулья шлема из Беленького колоколо-видная, несколько сужающаяся книзу, со слегка отогнутым и рельефно выделенным с внешней стороны краем (рис. 112, 2; 113, 1, 2). По бокам тульи по паре отверстий для крепления шарнира нащечников. В двух отверстиях — остатки железных заклепок (рис. 113, 1). Назатыльник неширокий, в центре его — отверстие диаметром 0,4 см. Утолщенный край тульи украшен косыми насечками, имитирующими витой орнамент. Этот орнамент в центре назатыльника переходит в прямые и дуговидные насечки (рис. 113, 5), в центре фронтальной части — в компо-

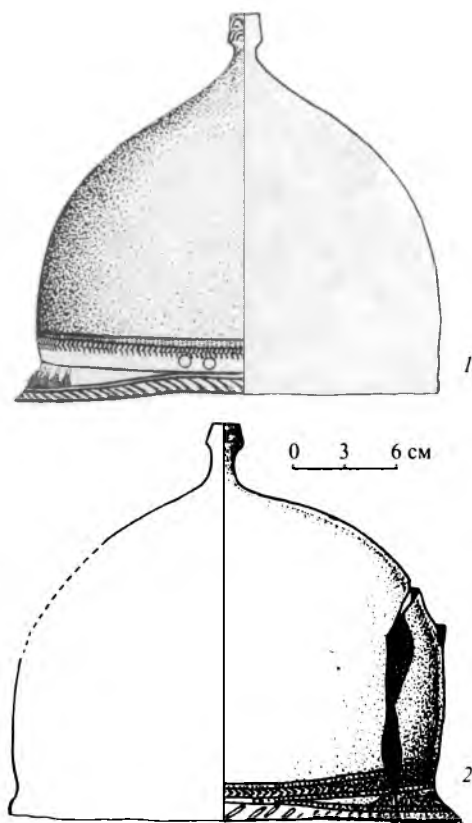


Рис. 112. Шлемы Монтефортино:

1 — Марьевка; 2 — Беленькое

зицию из гравированных дуг и листьев (рис. 113, 6). Плоскость назатыльника украшена гравированной «бегущей волной», заполненной точками. Околыш шлема декорирован четырьмя параллельными врезными линиями с двумя рядами точек и полосой шевронного орнамента между ними (рис. 114, 2).

Кнопка навершия усеченно-коническая, полая, подчеркнута врезной линией и украшена гравированными парными арками (рис. 114, 1). Внутри шлема — железные окислы, свидетельствующие о длительном нахождении в нем железных предметов. Размеры тульи 24 × 20, высота 22 см.

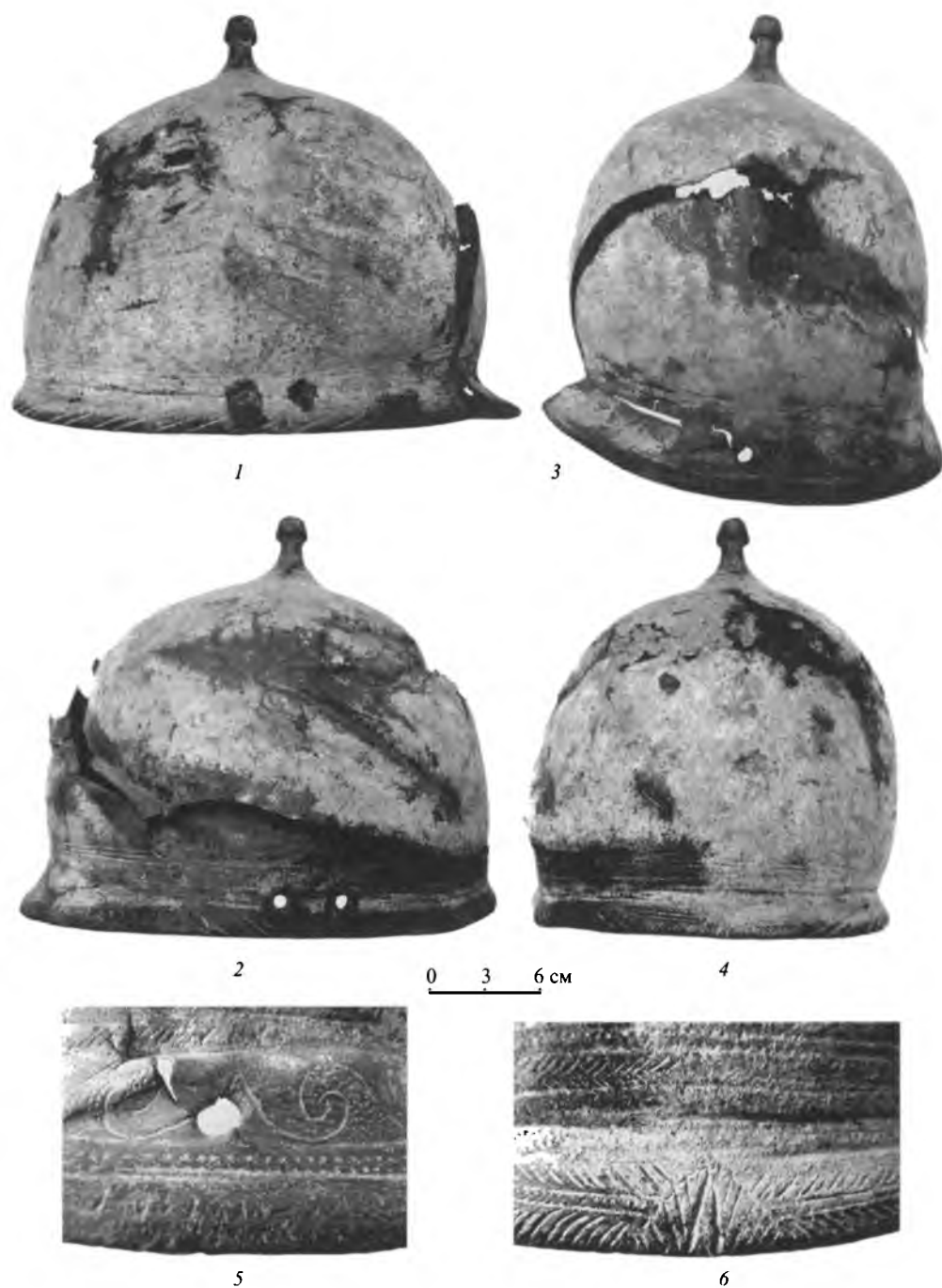


Рис. 113. Шлем из Беленького:

1, 2 — вид сбоку; 3 — вид сзади; 4 — вид спереди; 5 — наатыльник (деталь);
6 — фронтальная часть (деталь)

Шлем из Веселой Долины — с колоколовидной тульей, край ее слегка отогнут и утолщен с внешней стороны (рис. 115, 1, 2; 116, 1). Назатыльник неширокий (1,8 см), в центре его отверстие диаметром 0,4 см. По бокам тульи на расстоянии 0,5 см друг от друга — по паре отверстий для крепления шарнира нащечников диаметром 0,4 см (рис. 115, 1). По краю шлем орнаментирован косыми насечками, имитирующими витой орнамент. На 0,6 см выше — две врезные линии на расстоянии 0,6 см друг от друга, между ними полоса шевронного орнамента.

Шисак короткий. В него вставлено и расклепано изнутри основание кнопки наверхия (сама кнопка утрачена). Оно состоит из дисковидной пластины с загнутыми краями, по хордам которой проходят два паза. Между ними — прямоугольный выступ, верхняя часть которого обломана (рис. 115, 4). Судя по выемкам на изломе, в выступе было два сквозных отверстия диаметром 0,2–0,25 см, расположенных перпендикулярно пазам (рис. 115, 5). Размеры тульи 24 × 20, высота 18,5 см.

На шлеме из Веселой Долины обнаружен оригинальный способ крепления кнопки. Обычно на шлемах Монтефортино кнопки наверхия двух вариантов: полые и сплошные. Первые считаются признаком этрусско-италийских, вторые — кельтских разновидностей (Schaaff, 1988, S. 318, Abb. 1). Сплошная (?) кнопка наверхия из Веселой Долины, судя по пазам на основании, имела на нижней кромке два выступа, вставлявшихся в эти пазы. В центре кнопки должен был быть вертикальный паз, в который в момент сборки входил находящийся на основании выступ с отверстиями. Соответствующие сквозные отверстия должны были иметься и на кнопке. В них вставлялись круглые в сечении штифты, проходившие через отверстия в выступе и таким образом намертво крепившие кнопку к нему. Затем следы кре-



1



2

Рис. 114. Шлем из Бельского (детали):

1 — кнопка наверхия; 2 — орнамент на околыше

пления скрывались дальнейшей обработкой — полировкой и орнаментацией. Надо сказать, что такое крепление кнопки наверхия на шлемах Монтефортино до сих пор не зафиксировано.

В насыпи кургана у с. Привилля найден шлем с колоколовидной тульей, край которой дуговидно выгнут, имитируя утолщение (рис. 116, 2; 117, 1, 2). Назатыльник неширокий, с отверстием диаметром 0,5 см посередине (рис. 117, 3). В центре фронтальной части тульи — такое же отверстие (рис. 117, 4). По бокам тульи — по два отверстия диаметром 0,6 см для петель шарниров нащечников. Край тульи орнаментирован резцом: в центре фронтальной части — две косые насечки, расположенные углом, а вокруг отверстия на фронтальной части — четыре короткие насечки,



Рис. 115. Шлем из Веселой Долины:

1 — вид справа; 2 — вид спереди; 3 — вид сзади; 4, 5 — кнопка наверхия

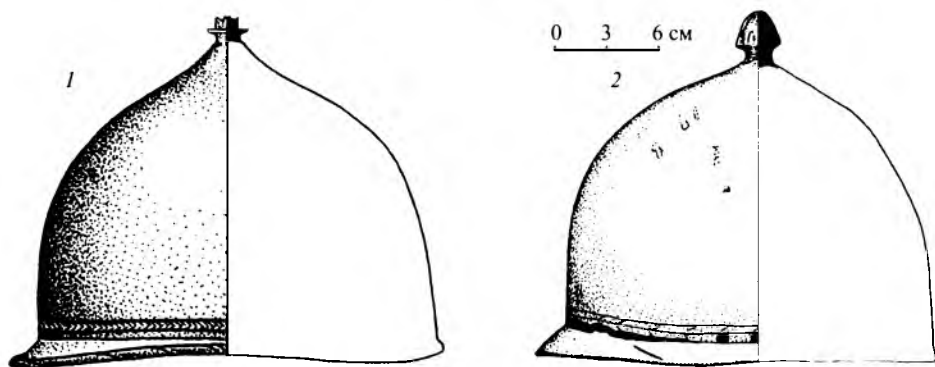


Рис. 116. Шлемы Монтефортино:

1 — Веселая Долина; 2 — Привилля

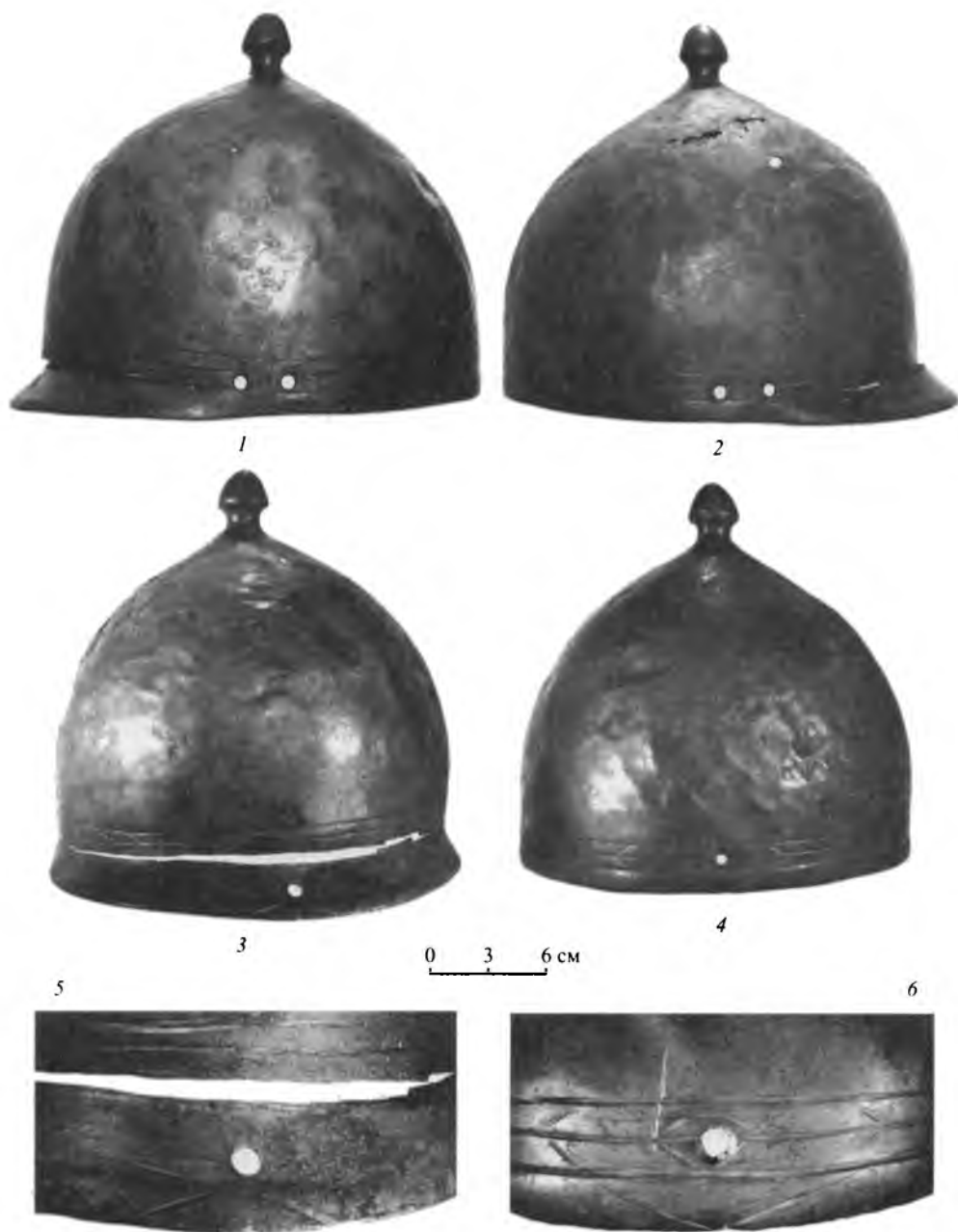


Рис. 117. Шлем из Привилля:
1, 2 — вид сбоку; 3 — вид сзади; 4 — вид спереди; 5 — назатыльник (деталь);
6 — фронтальная часть (деталь)

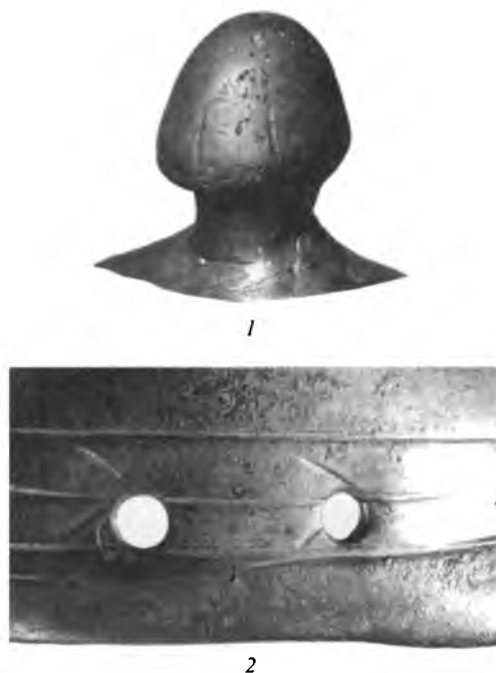


Рис. 118. Шлем из Привилля (детали):

1 — кнопка наверхия; 2 — орнамент на околыше

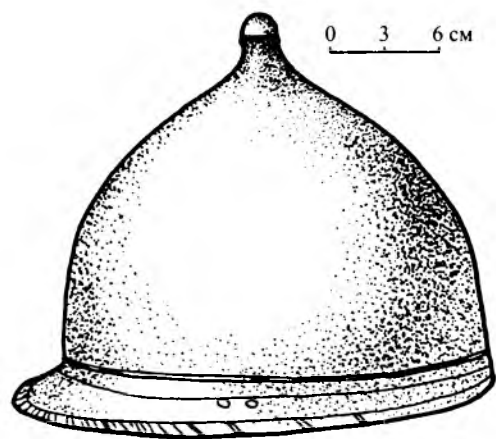


Рис. 119. Шлем из Токмак-Могилы
(Raev et alii, 1991)

расположенные ромбом (рис. 117, 6); на расстоянии 5 см от боковых отверстий в направлении фронтальной части — по одной косой насечке, такие же насечки — у начала назатыльника; в центре назатыльника, под отверстием — две косые насечки, расположенные углом (рис. 117, 5). Выше назатыльника по окружности тульи — три линии, нанесенные не совсем уверенной рукой (линии не всегда параллельны, пересекаются в точке схождения). Между ними — два ряда редких косых насечек, образующих шевронный орнамент (рис. 118, 2).

Навершие отлито из более темного, чем тулья, металла. Изнутри имеются следы прикрепления навершия к тулье путем литья. Кнопка навершия округло-коническая, сплошная, на вершине — углубленная точка. Украшена врезным, сильно затертым орнаментом — горизонтальная линия по основанию и отходящие от нее вверх длинные арки (рис. 118, 1). Тулья слегка помята, треснула по линии основания назатыльника. Размер тульи 23 × 20, высота 19,5 см.

Шлем, найденный в 1942 г. в кургане Токмак-Могилы под Мелитополем, с полусферической тульей и усеченно-коническим навершием. Край тульи отогнут, слегка утолщен и украшен косыми насечками. По утолщению на фронтальной части — несколько вертикальных насечек, от которых расходятся в стороны короткие пояски шевронного орнамента. Выше — два ряда врезных линий. Назатыльник неширокий, украшенный гравированными треугольниками, свободное поле между которыми покрыто косыми насечками. В центре назатыльника круглое отверстие. По бокам тульи по два отверстия для крепления шарниров нащечников. Размеры неизвестны (рис. 119).

По конструктивным особенностям и декору наши шлемы составляют две группы.



А-Робинсон / С-Коарелли



В-Робинсон / D-Коарелли

Рис. 120. Типология шлемов Монтефортино по Х. Робинсону и Ф. Коарелли
(фон — шлем из Сергиевской)

В первую входят экземпляры из Марьевки, Беленького и Токмак-Могилы. Совершенно однотипные им шлемы найдены в «странных комплексах» у Новопрехоровки и Новочеркаска (Нижний Дон), ст. Роговской и Сергиевской на Кубани, в сарматских погребениях II—I вв. до н. э. могильников Заманкул (Северная Осетия) и Чегем-2 (Кабардино-Балкария). Эти шлемы отличаются тонко проработанным орнаментом по низу тульи и назатыльнику (застрихованные треугольники и «бегущая волна»), у них полые «этруско-италийские» кнопки наверший.

Вторую группу составляют изделия из Веселой Долины и Привилля. Их тульи той же формы, что и у шлемов первой группы. Отличие состоит в орнаментации — она проще и выполнена грубее. Шевроны на шлемах из Веселой Долины крупные, с прямыми сторонами, реже расположенные. На шлеме из Привилля они еще реже и крупнее, небрежно нанесены резцом, как и редкие косые насечки по валику (деградированный «витой шнур»). Кнопка его навершия литая, сплошная («кельтская»)

и явно от другого шлема. Кнопка навершия из Веселой Долины крепилась к шишаку уникальной системой пазов и шипов.

Хронология и происхождение. Шлемы Монтефортино из Восточной Европы неоднократно публиковались и анализировались (литературу см.: Раев, Симоненко, Трейстер, 1990, с. 125–132; Raev, Simonenko, Treister, 1991, р. 472–494). В свое время я считал их принадлежащими типу В-Робинсон (Симоненко, 1987, с. 109), а Б. А. Раев назвал типом А/В (Raev, 1986, р. 85). Последнее определение вошло в совместные статьи. В них сделан вывод, что шлемы были изготовлены во второй половине IV — первых годах III в. до н. э. (Раев, Симоненко, Трейстер, 1990, с. 119; Raev, Simonenko, Treister, 1991, р. 469). Однако сейчас эта атрибуция должна быть скорректирована.

Навершия и орнаментация шлемов характерны для типа В-Робинсон (D-Коарелли). Форма тульи — нечто среднее между А- и В-Робинсон и С- и D-Коарелли (рис. 120). Полных соответствий нашим шлемам по всем признакам в классификациях Робинсона и Коарелли нет.

Подобные шлемы хорошо представлены на Иберийском полуострове (Múzquiz, 1993, p. 100, 101, 106, 108, 115, 118, fig. 4, 5, 13, 17, 27, 30). Испанские Монтефортино имеют такие же округлые тульи, сочетающиеся с усеченно-коническими навершиями и косыми насечками по валику; есть шлемы с треугольниками и «бегущей волной» на назатыльнике. Найденные в археологическом контексте экземпляры датируются III–I вв. до н. э. (Múzquiz, 1993, p. 124, fig. 35).

Шлемы с назатыльниками, украшенными «бегущей волной» (Беленькое, Роговская, Новопрохоровка), по мнению Ульриха Шаафа, бытовали во II–I вв. до н. э. (Schaaff, 1988, S. 318). Экземпляр из Форум Новум близ Риети с римской надписью и полностью аналогичным нашим шлемам орнаментом, но чуть более вытянутой тульей датируется первыми десятилетиями II в. до н. э. (ibid., S. 322, Abb. 4–5). Декор из треугольников, восходящий к традициям этрусской орнаментики (Раев, Симоненко, Трейстер, 1990, с. 119), встречается реже. Ближайшая параллель нашим — фриз из заштрихованных треугольников на назатыльнике шлема из Беникарло, найденном в комплексе с вещами III–I вв. до н. э. (Múzquiz, 1993, p. 101, fig. 5).

В совместной статье мы с Б. А. Раевым и М. Ю. Трейстером предположили, что, когда бы ни были изготовлены шлемы Монтефортино, найденные в Восточной Европе, к сарматам они попали скорее всего от малоазийских галатов во время Митридатовых войн (Раев, Симоненко, Трейстер, 1990, с. 124). Эту версию предложил М. Ю. Трейстер — единственный из соавторов, кто был знаком тогда с работами Курта Биттеля (Bittel, 1976; 1978). Ссылаясь на них, Трейстер утверждал, что в погребении галатского некрополя близ Богазкёя шлем Монтефортино был найден вместе с латенским мечом, копьем, среднелатенскими фибулами и монетой Арио-

барзана I, чеканенной в 70–63 гг. до н. э. (Трейстер, 1987, с. 4). У нас не было оснований не верить коллеге, и это положение вошло в совместную статью.

Мне и Б. А. Раеву только недавно удалось ознакомиться с тезисами Биттеля¹⁰ и убедиться, что таких данных в них нет. В одной из работ (Bittel, 1976, S. 248) изложены краткая характеристика некрополя близ Богазкёя и обоснование его хронологии, из другой (Bittel, 1978, S. 172–173) следует, что монета Ариобарзана, копья, среднелатенские фибулы, латенский меч и шлем были найдены в разных погребениях (возможно, лишь меч и шлем происходят из одного разграбленного комплекса; ibid., S. 173). Изображения этого шлема у Биттеля нет, и его тип нам с Б. А. Раевым неизвестен. В любом случае до сих пор это единственная находка такого шлема в Турции, и турецкие материалы не очень-то подтверждают «галатскую» версию. Сейчас ни я, ни Б. А. Раев не станем настаивать на ней. Замечу, что в английской версии статьи (Raev, Simonenko, Treister, 1991), которую М. Ю. Трейстер с нашего согласия готовил к печати в Германии, сюжета о Богазкёе уже нет: вероятно, наш коллега к тому времени прочел тезисы Биттеля внимательнее и убедился, что был не прав. Нам с Б. А. Раевым об этом он почему-то не сообщил, сделав соавторами ошибки.

Тем не менее большинство комплексов из Восточной Европы со шлемами Монтефортино содержит вещи конца II — I в. до н. э. и все же связано с Митридатовыми войнами. Не лишено интереса предположение М. Б. Щукина о том, что эти шлемы могли попасть к сарматам после перевооружения армии Митридата VI накануне

¹⁰ Эти редкие издания стали доступны нам благодаря дружеской помощи сотрудника библиотеки Метрополитен-музея д-ра Елены Избицер, которой мы очень благодарны.

второй войны. «Морально устаревшее», как пишет М. Б. Щукин, вооружение могло быть передано союзникам (Щукин, 1994, с. 143). Возможно и еще одно объяснение. Оно подсказано удивительной типологической монолитностью наших шлемов (какая-то единовременная «партия»), с одной стороны, и близостью их испанским — с другой. Известно, что армию Митридата перевооружали офицеры, присланные из Испании Серторием, поднявшим там мятеж против Помпея. Не таким ли образом сарматы — союзники Митридата получили «по ленд-лизу» старые испанские шлемы? Безусловно, это одна из версий, не стопроцентно верная.

4.3. Щиты

Сведения о сплетенных из прутьев и покрытых кожей роксоланских щитах есть у Страбона (Strabo, VII, 3). Описывая сарматских воинов, Корнелий Тацит, однако, заметил, что «у них не в обычае защищаться щитом» (Тас., *Ann.*, I, 79). Во всяком случае, в археологическом материале щиты почти неизвестны.

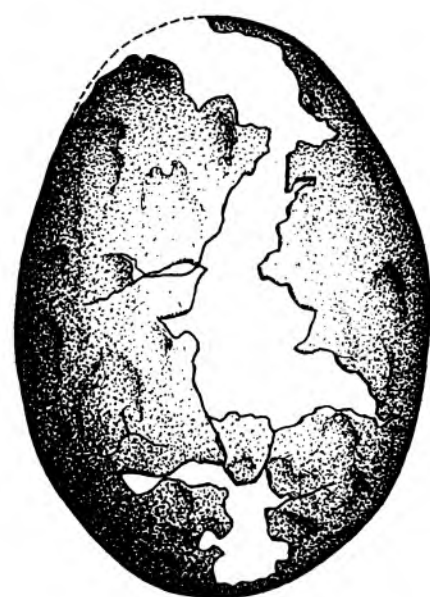
Интересная находка сделана в 1979 г. у хутора Холодный на Дону во впускном погребении конца II — I в. до н. э. На груди погребенного зафиксирован кусок кожи размером $0,4 \times 0,4$ м, под ним — остатки деревянного каркаса. Ни под скелетом, ни в других местах могилы остатков кожи и дерева не было. Вероятно, на грудь покойному был положен кожаный на деревянной основе щит типа описанных Страбоном¹¹.

Считается, что в «странном комплексе» у Великопловского найдена бронзовая

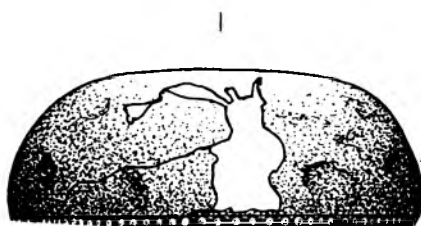
оковка щита (Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 154–155). Это выпуклая яйцевидная пластина размером 60×42 см, высотой 9 см (рис. 121, 1). Е. В. Черненко полагал, что основа этого щита была деревянной, толщиной до 1 см (Черненко, 1968, с. 102). Авторы публикации возразили ему, считая ее кожаной (Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 156). Их аргумент — наличие на краю обратной стороны пластины железной полосы шириной 1 см. Эта полоса крепилась заклепками длиной около 0,3 см (рис. 121, 2, 3). Действительно, столь короткими заклепками прикрепить обивку к деревянной основе толщиной 1 см (согласно Е. В. Черненко) невозможно. Неясно, как кожаная основа крепилась к пластине в других местах, ведь фиксации ее по краям явно недостаточно. Даже если кожа основы была очень жесткой, она неминуемо отставала бы в центральной части. Однако эта часть наиболее разрушена, и точно реконструировать элементы конструкции невозможно. Скорее всего крепление кожаной основы в центре совмещалось с креплением ручки.

Но является ли находка из Великопловского щитом? Настораживают прежде всего ее маленькие для щита размеры. Анализируя единственный аналог нашему экземпляру — щит из гробницы у Карантинного шоссе близ Керчи, В. Д. Блаватский заключил, что его размеры ($0,51 \times 0,27$ м) «отвечают величине щита всадника» (Блаватский, 1954, с. 84). Правда, непонятно, какой щит и какого всадника имел в виду исследователь. В разные времена всадники разных народов пользовались щитами разных размеров, и вывод В. Д. Блаватского никак не добавляет уверенности в том, что в керченской гробнице найден именно щит. Вряд ли он имеет отношение к кельтским тюреосам: те были гораздо больше, с деревянной основой и бронзовым умбом специфической формы (Толстиков, 1976, с. 89, рис. 3). Близость находки из Великопловского македонским

¹¹ Пользуясь случаем поблагодарить В. Е. Максименко за любезно предоставленную информацию.



1



0 4 8 см



2



3

Рис. 121. «Щит» из Великопольского:

1 – вид сверху; 2 – заклепки по краю (вид снаружи); 3 – заклепки по краю (вид изнутри)

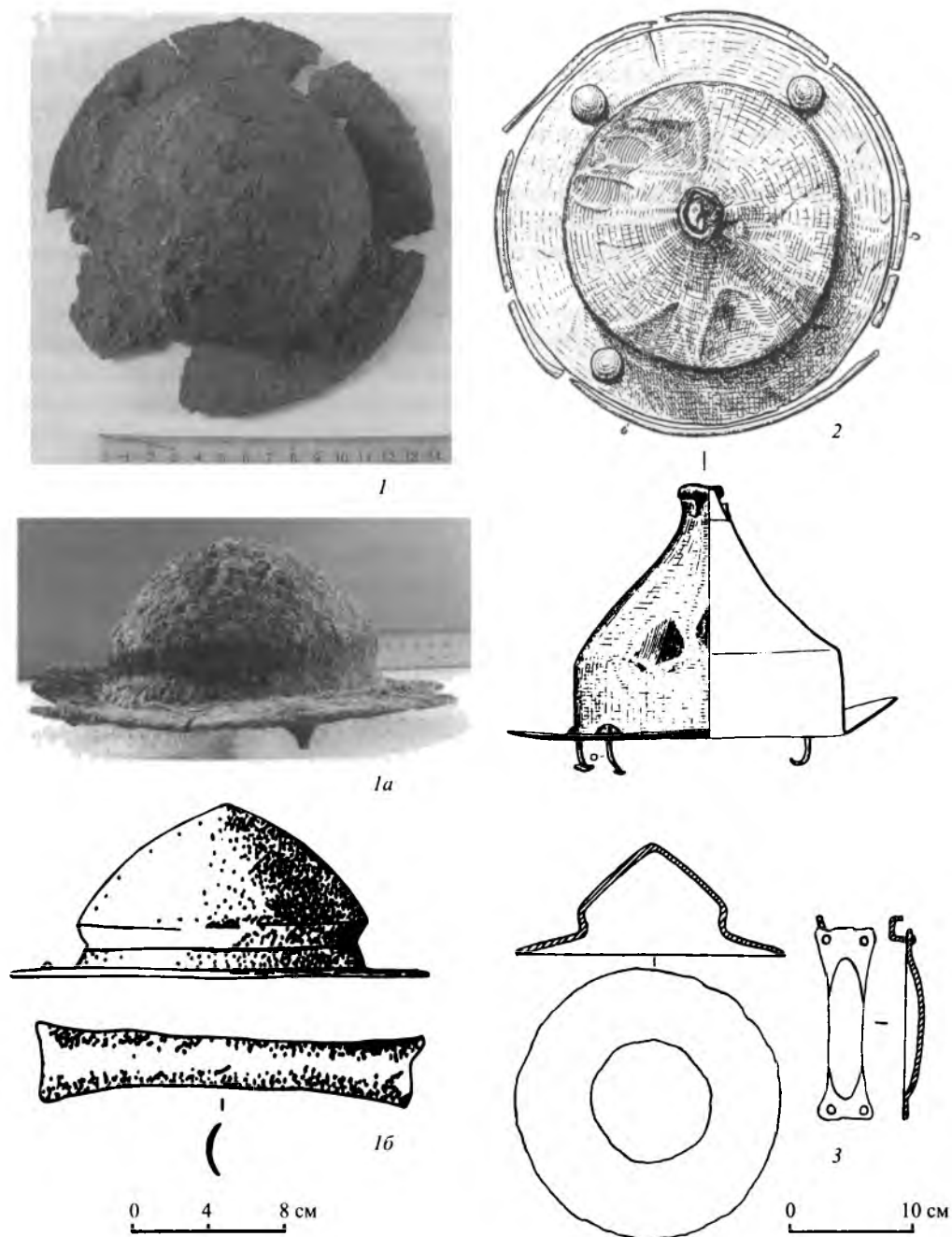


Рис. 121а. Щиты:
1-1б — Курчи; 2 — Нейзац; 3 — Озерное

и фракийским овальным щитам, усмотренная авторами публикации (Дзис-Райко, Сунчук, 1984, с. 156) вслед за Н. И. Сокольским (Сокольский, 1955, с. 22–23), выражается лишь в форме: щиты, которые имеются в виду, гораздо больше и другой конструкции. Таким образом, аналогичные, конечно, друг другу находки из Керчи и Великопольского если и являются щитами, то весьма необычными.

И недаром изучавший гробницу у Карантинного шоссе Ю. А. Виноградов удивился тому, что керченский щит не привлек внимания ученых, занимавшихся кельтами в Северном Причерноморье (Виноградов, 1997, с. 74). Думаю, что эксперты обособленно не увидели связи его с тюреосами и их действительно «смутили... особенности щита (размеры, материал изготовления и отсутствие некоторых характерных деталей внешнего оформления)» (Виноградов, 1997, с. 74). Смущают они и меня при анализе находки из Великопольского.

Для идентификации обеих вещей важны приведенные Ю. А. Виноградовым данные о находке в Четси (Великобритания) бронзового щита близких размеров ($83,6 \times 46,8$ см) с ручкой (Виноградов, 1997, с. 74, со ссылкой на: Stead, 1991, p. 5). Ян Стэд считает щит из Четси церемониальным или культовым (Stead, 1991, p. 23), Ю. А. Виноградов не исключает аналогичного назначения керченского щита. Думаю, что это — хоть и тривиальное, но единственно разумное объяснение необычности «щитов» из Керчи и Великопольского. На боевые они не похожи.

В кургане 17 могильника Курчи найдены железные умбон и ручка от щита. Умбон

с полусферическим, приостренным шипом, сужающейся калоттой и плоским рантом (рис. 121а, 1—1б) типа Коженъ (Каргопольцев, Бажан, 1992, с. 116) или К2, по Норберту Цилингу (Zieling). Он считал временем появления таких умбонов фазу С₂, что в абсолютных датах соответствует второй половине III в. н. э. (260–290 гг.). Эта датировка согласуется со временем функционирования могильника Курчи (Фокеев, 1986, с. 160).

Несколько железных умбонов происходит из позднеаланских могильников Предгорного Крыма Озерное III и Бельбек I. В умбоне из Озерного (рис. 121а, 3) сочетаются признаки типов К1 (наклонный рант) и К2 (сужающаяся калотта). Похоже, что это несколько деформированный образец типа К1. Такие умбоны датируются фазой С₃ европейской хронологии (310–350 гг.), что хорошо согласуется с датой могилы. Умбон (рис. 121а, 2), близкий типу D1, по Цилингу или 7а-в по Яну, найден в могиле 152 могильника Нейзац (Khrapunov, 2004, p. 189–190, fig. 5). В Центральной Европе и Скандинавии такие умбоны датируются фазами В_{2а}–С_{1а} (180–260 гг. н. э.). Таким образом, щит из могильника Нейзац несколько более ранний, чем перечисленные выше.

Такие щиты — отражение контактов и взаимовлияния сарматов и готов в области оружия и военного дела, начавшихся в первой половине III в. н. э. и продолжавшихся в течение более чем 30-летней эпохи «скифских войн». Именно тогда в Крыму и сложился своеобразный гото-аланский комплекс вооружения (см. ниже).

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ

Конское снаряжение (приложение 9) анализируется по функциональному признаку: удила, псалии, бляхи оголовья, нащечники, налобники, фалары, нагрудники, подперся. Естественно, сохранились только металлические части снаряжения, поэтому отнесение той или иной детали к определенной сбруе иногда предположительно. Когда это возможно, материал группируется в типы, внутри которых выделяются варианты. Отдельно рассматриваются вопросы конструкции и происхождения седел скифо-сарматского времени.

5.1. Удила

Все найденные в Северном Причерноморье удила железные, двухколенчатые¹, концы грызл закручены в кольца. Грызла прямые, в сечении круглые или (реже) квадратные. Отличительной чертой ранних (II–I вв. до н. э.) удил являются «витые» (на самом деле ложновитые) грызла (Марьевка, Веселая Долина, Великопоское, Квашина). Витой или рифленый профиль грызла делает его более строгим, усиливая болевое ощущение коня. Осмотрев квашинские удила (рис. 122, 122а), я готов согласиться

¹ Профессиональное название удил, у археологов называющихся по-разному: двучастные, двучленные, двузвеньевые и т. п. В такой специфической сфере человеческой деятельности, как коневодство и верховая езда, выработалась своя лексика, и я стараюсь использовать ее.

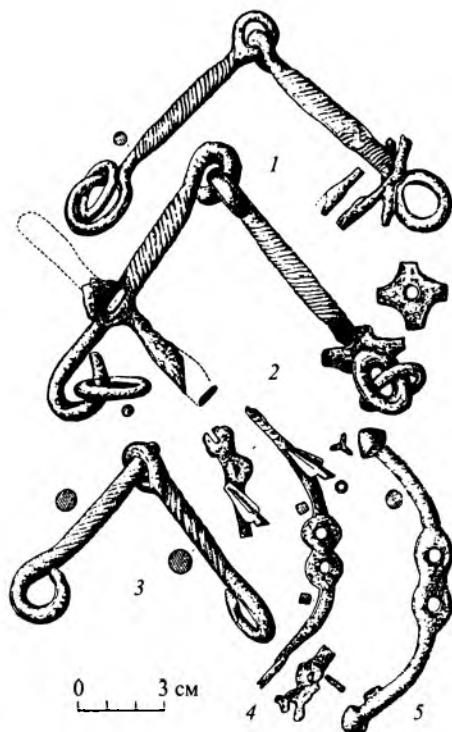


Рис. 122. Удила и псалии из Квашина (Смирнов, 1984)



Рис. 122а. Удила из Квашина

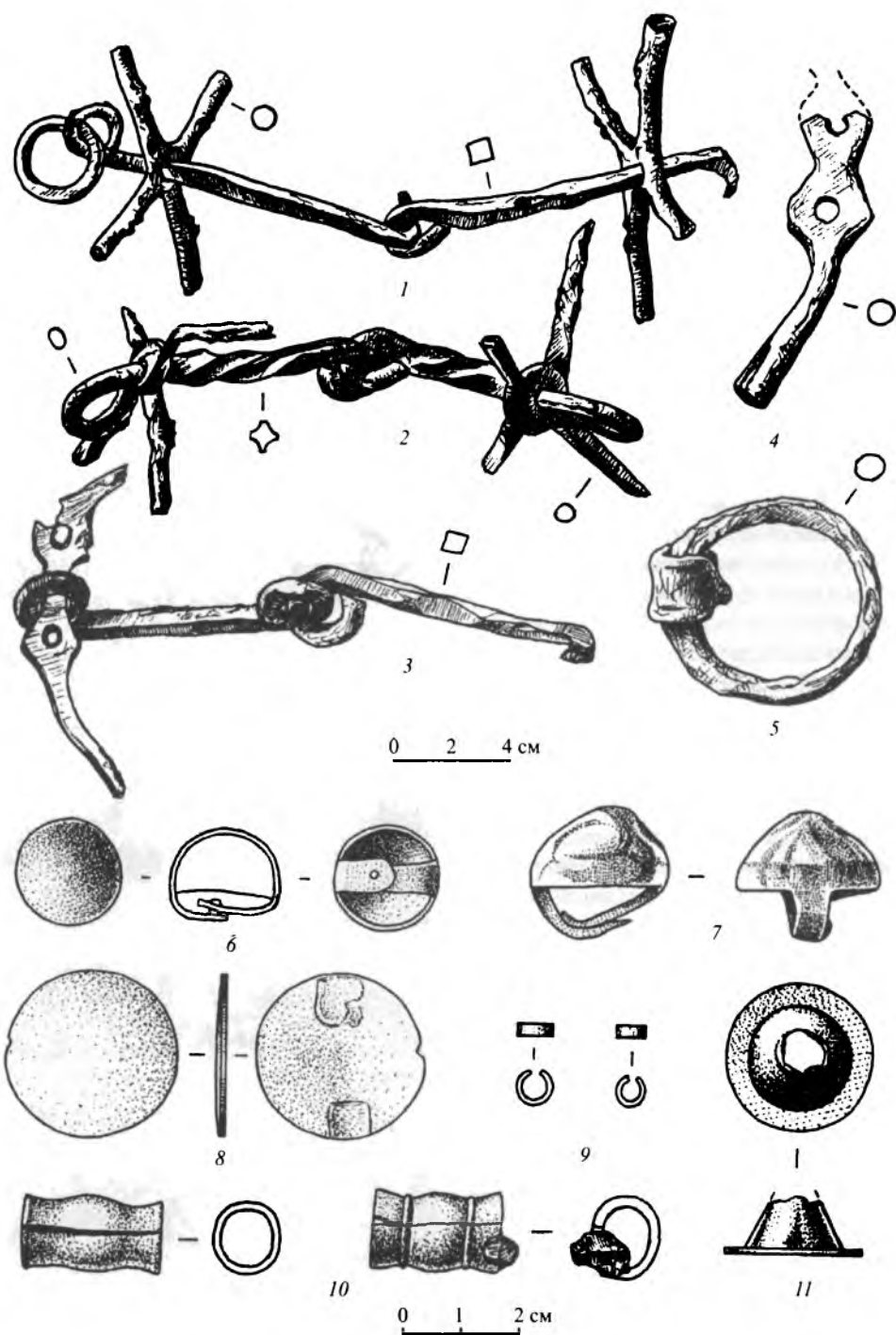


Рис. 123. Предметы узды из Великпловского

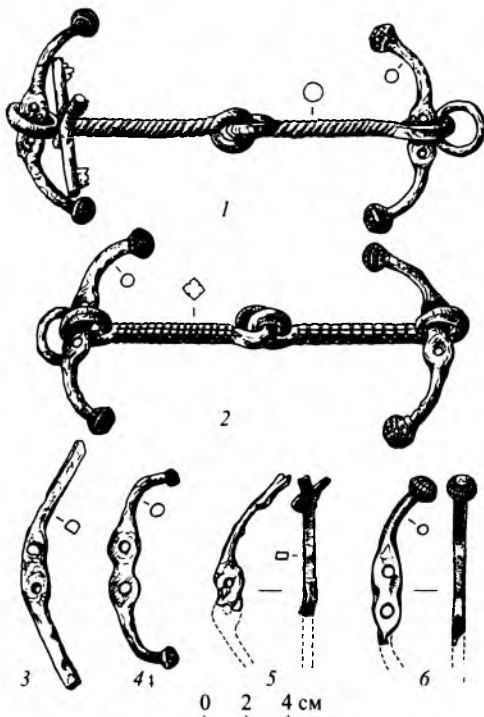


Рис. 124. Удила и псалии из Веселой Долины

с К. Ф. Смирновым, утверждавшим, что их витые грызла обмотаны проволокой (Смирнов, 1984, с. 93), однако визуально это сейчас с уверенностью определить нельзя. Одни из удил Веселой Долины оригинальны: их грызла квадратные и покрыты сетчатым рифлением (рис. 124, 2). Удила с витыми грызлами найдены только в «странных комплексах».

В немногочисленных погребениях среднесарматского времени найдены целые и фрагментированные удила с гладкими, круглыми (квадратными в Андрусовке) в сечении грызлами (рис. 125). Длина их 8–10 см, что соответствует ширине нижней челюсти лошади на беззубом краю.

В позднейших могильниках Буджака (Чауш, Курчи, Кубей) и предгорного Крыма (Нейзац, Дружное, Чернореченский,

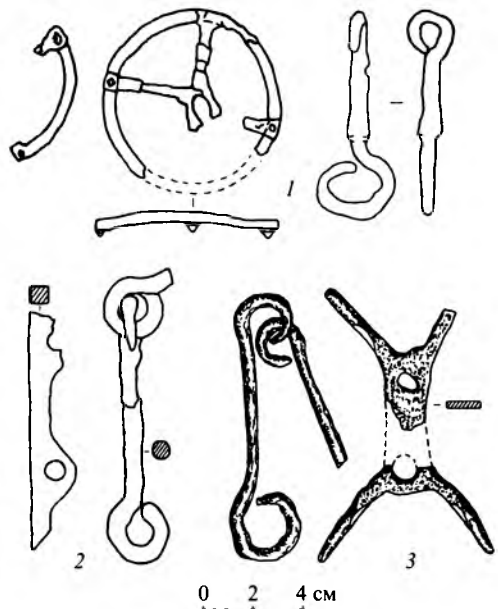


Рис. 125. Удила и псалии среднесарматского времени:

1 — Андрусовка; 2 — Филяя; 3 — Богуслав

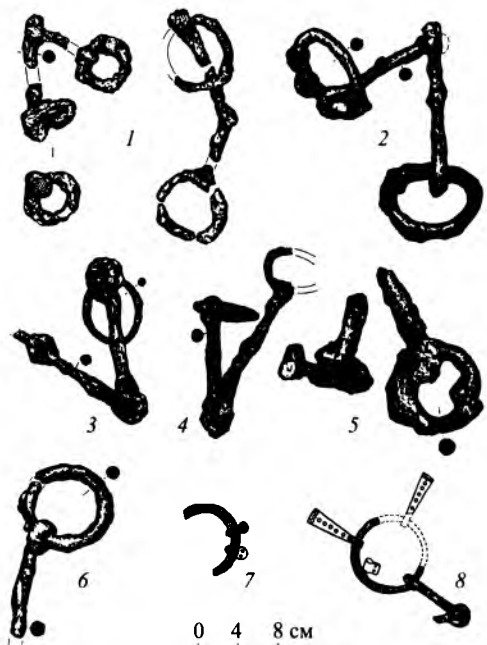


Рис. 126. Удила из могильника Дружное (Храпунов, 2004)

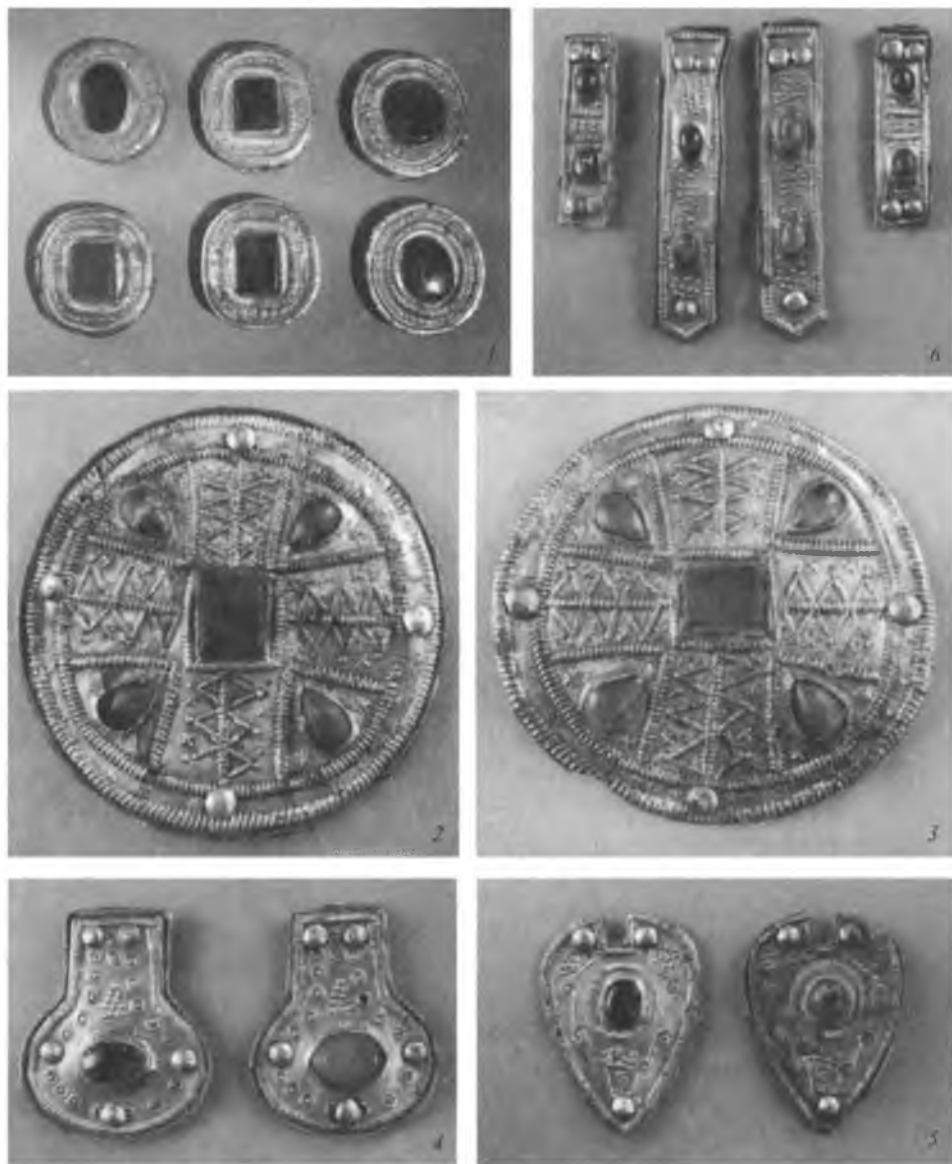


Рис. 127. Уздечные принадлежности из могильника Чауш

Озерное) часто встречаются трензеля² вполне современного облика — с большими подвижными кольцами (рис. 126). Иногда

² Трензель (иск. нем. Trense, мн. ч. Trensens) — бытующее в русском языке с XIX в. название удила у спортсменов и кавалеристов.

на них надеты прямоугольные или овальные обоймы для ремней оголовья и повода. Такие обоймы из могильника Чауш, 5/1, сделаны в общем для всего набора «сердolikовом» стиле и инкрустированы стеклянными вставками (рис. 127).

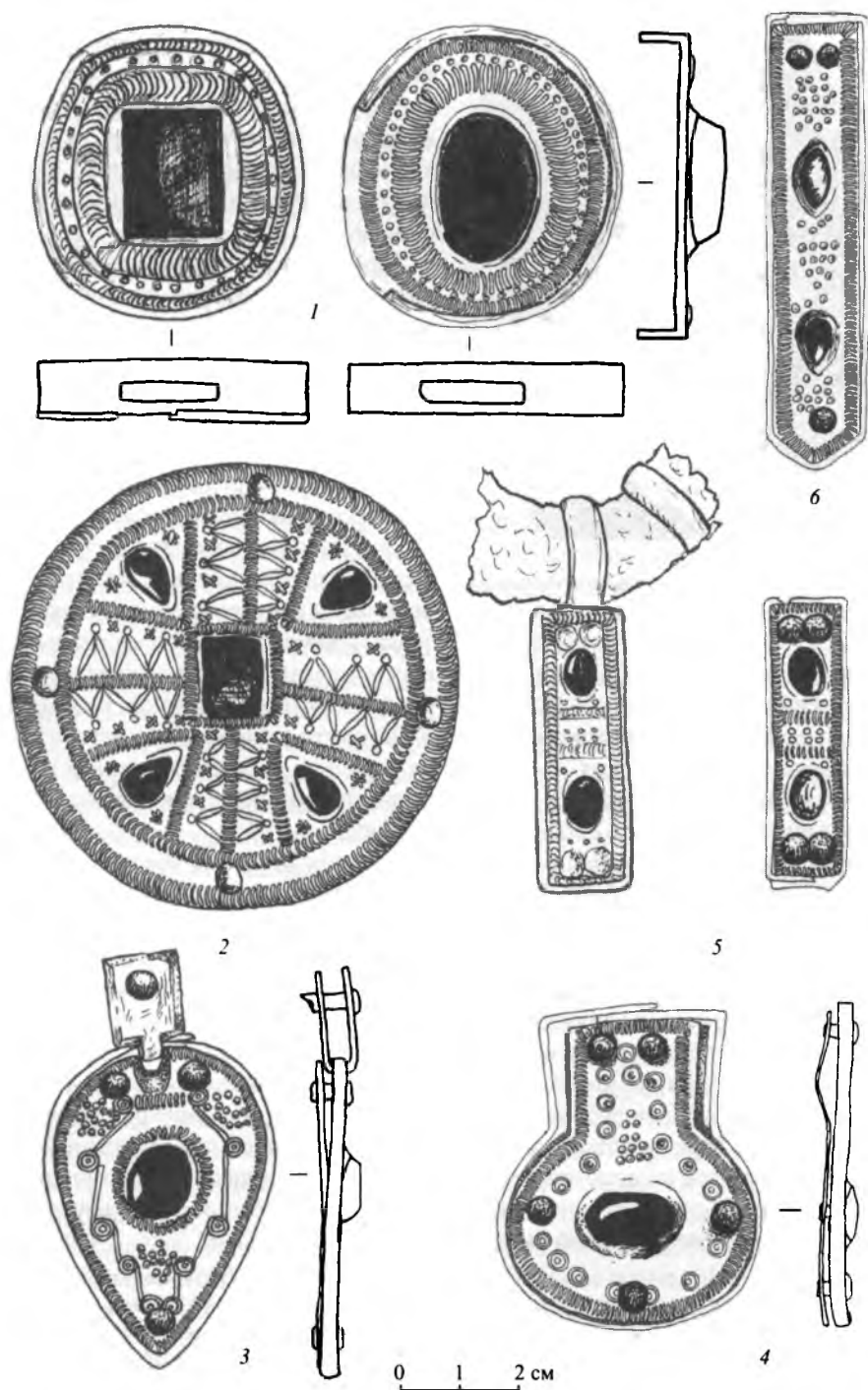


Рис. 127а. Уздечные принадлежности из могильника Чауш (прорисовка)



Рис. 128. «Строгие» зубчики на крестовидных насадках из Квашина и Великопоского

Ранние удила с витыми грызлами часто имеют насадки на концах, иногда называемые крестовидными псалиями. Однако основную функцию псалия — соединять удила и оголовье — они не могли выполнять хотя бы потому, что на них негде крепить ремни. Как видно по экземпляру из Веселой Долины (рис. 124, 1), такие удила имели подвижные кольца или С-видные псалии, к которым крепились повод и оголовье. Крестовидные насадки оказывали давление на губы лошади, усиливая болевое ощущение. Для этой цели на концах ветвей, обращенных к морде коня, находились плоские зубчатые выступы (рис. 128). Многие насадки, как уточнил Ю. П. Зайцев, не строго крестовидные, а, скорее, Х-видные, с продолговатой или кольцевой центральной частью (Зайцев, 2005, с. 92).

Проанализировав причерноморские удила с такими насадками, он пришел к выводу об их местном происхождении и усомнился в связи с Кубанью, которую предположил в свое время я (Зайцев, 2005,

с. 88–94)³. По мнению Ю. П. Зайцева, я неправомерно сопоставил причерноморские насадки с кубанскими: они отличаются формой и наличием зубчатых шипов и встречены на витых грызлах, в то время как кубанские шипов не имеют и сочетаются с гладкими грызлами (Зайцев, 2005, с. 91–92).

Что касается морфологических признаков, то, на мой взгляд, типобразующим элементом этой категории вещей является их форма — крестовидная или Х-видная (разница между ними роли не играет). На схеме Ю. П. Зайцева (там же, рис. на с. 89) выразительно показано различие в форме центральной части причерноморских и кубанских насадок: у первых она иногда вытянута, у вторых почти всегда круглая. Эти «иногда» и «почти всегда» лишь подчеркивают несущественность такого признака. Схема схемой, но на реальных вещах центральная часть накладок из обоих регионов бывает и круглой, и квадратной, и вытянутой. Объяснить эту разницу я не берусь — возможно, дело в каких-то производственных или этнических традициях.

Не могу признать убедительным и такой аргумент в пользу местного происхождения причерноморских крестовидных накладок, как то, что тут они иногда найдены в сочетании с С-видными псалиями, в отличие от Кубани, где «такой прием не встречается» (там же, с. 92). Это совершенно формалистический подход, не учитывающий функцию вещи «при жизни». Удила с крестовидными насадками не могли крепиться к оголовью без помощи псалиев или подвижных колец, к которым при-

³ Справедливости ради следует вспомнить, что в публикации комплекса из Чистенького Ю. П. Зайцев и его соавтор признавали то, что предлагаю я и что Зайцев сейчас отвергает: принадлежность «странных комплексов» сарматам и северокавказское происхождение удил с крестовидными насадками (Зайцев, Колтухов, 1997, с. 57).

стегивался повод. Их отсутствие в археологическом материале отнюдь не означает, что они не использовались на практике. Единичные псалии могли быть заменой утраченного кольца, а то, что на некоторых причерноморских удилах, как и на кубанских, нет никаких дополнительных приспособлений, лишь подчеркивает случайность этого «признака». Не исключено, что наличие псалиев объясняется причинами, противоположными мнению Ю. П. Зайцева: эти удила были непривычными и чужими для причерноморских всадников, и они иногда пристегивали их к оголовью по старинке, с помощью псалиев.

Наконец, в случае местного (причерноморского) происхождения таких удил им необходимы прототипы в скифской степной узде. Это могли бы быть маленькие ромбовидные насадки VI в. до н. э. с острыми загнутыми углами, но им более всего близки кубанские насадки I типа (по классификации И. И. Марченко; см. далее), которых как раз и нет в Северном Причерноморье. У крупных причерноморских насадок варианта Ia II типа нет близких прототипов среди скифских древностей.

Я не утверждаю, что все без исключения причерноморские удила с крестовидными насадками сделаны на Кубани: возможно, некоторые из них изготовлены местными кузнецами, но по кубанским образцам (отсюда некая вариативность формы и декора). Вместе с тем многочисленность таких удил именно на Кубани и Северо-Западном Кавказе в определенном хронологическом диапазоне склоняет к мысли об их происхождении именно из этих регионов.

Ю. П. Зайцев считает, что «по наличию шипов на крестовинах» большинство причерноморских насадок относится к I типу классификации И. И. Марченко. Это не совсем так, ибо к этому типу И. И. Марченко отнес «удила со строгими псалиями в виде небольшой крестовины с уплощен-

ными острыми загнутыми шипами» (Марченко, 1996, с. 72). Таких насадок в Северном Причерноморье нет.

Все причерноморские удила с крестовидными насадками относятся к варианту Ia II типа классификации И. И. Марченко (с поправкой на необязательность «шишечек» или «шляпок» на концах — это варианты декора), а не к типу I, как полагает Ю. П. Зайцев (Зайцев, 2005, с. 90). Вместе с удилами I типа они достаточно широко распространены в кубанских и северокавказских древностях последних веков до н. э.

Ссылаясь на хронологию И. И. Марченко, Ю. П. Зайцев счел причерноморские удила с крестовидными насадками более древними, чем предложил я. Собственно, пересмотр датировки этих вещей (Ю. П. Зайцев усугубил терминологическую путаницу, назвав их «крестовидными удилами») и был главной целью автора.

Должен сказать, что, пользуясь чьей-либо хронологией, неплохо проверить, верна ли она и на каких основаниях ее автор предлагает ту или иную дату. Посмотрим, чем руководствовался И. И. Марченко, датируя выделенные им типы удил. Удила I типа (насадки с короткими плоскими ветвями, концы которых раскованы в зубчатые шипы) И. И. Марченко отнес к IV — первой половине III в. до н. э., опираясь на датировку К. Ф. Смирновым комплекса из Квашина III в. до н. э. (Марченко, 1996, с. 72). Здесь мой уважаемый коллега несколько сместил акценты. Во-первых, К. Ф. Смирнов сравнил квашинские удила с прикубанскими III–II вв. до н. э. (Смирнов, 1984, с. 93) — как видим, о IV в. речь не идет. Во-вторых, он датировал комплекс из Квашина в пределах «от конца IV до конца II в. до н. э. Предпочтение может быть отдано III в. до н. э., когда почти все эти вещи хорошо представлены в кубанских погребениях» (там же). Однако Квашино находится в Донбассе, и кубанские

вещи не обязательно должны были бытовать там тогда же, когда и на Кубани. Ну, а III в. до н. э. К. Ф. Смирнов — порой без всяких оснований — предпочитал для всех комплексов со спорной датой (Полин, Симоненко, 1990, с. 86). В-третьих, квашинские удила относятся не к I, а к II типу классификации И. И. Марченко (вариант 1а). Мне кажется, что датировка насадок I типа достаточно спорна и требует более точного обоснования.

Археологический материал показывает, что удила с насадками I типа, как и любое конское снаряжение сарматского времени, бытовали долго⁴. Изношенная, со сточенными шипами, такая насадка найдена в Гэвани вместе с фракийскими уздечными бляхами IV в. до н. э., псевдоаттическим шлемом II в. до н. э., удилами, псалиями и бусинами конца II — I в. до н. э. В предыдущей главе обоснована более поздняя датировка этого комплекса, нежели предложенная авторами публикации. Серия удил с такими насадками найдена в культовых комплексах кургана на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища вместе с большими пластинчатыми налобниками, фигурными нагрудниками, подвесками-«полуколокольчиками» и другим снаряжением, бытовавшим вплоть до конца II в. до н. э. В свою очередь, находки из Новолабинки близки экземплярам из Тенгинского могильника II в. до н. э. и святилища у аула Нечерзий (см. ниже).

Датировку удил варианта 1а II типа И. И. Марченко обосновал, приняв следующее допущение: поскольку единственные на Кубани удила этого варианта найдены в комплексе III в. до н. э. из Уляпа, а в более поздних погребениях с родосскими амфорами конца III — II в. до н. э. найдены только гладкие насадки, то, «следовательно, время бытования пса-

лиев с шипами на крестовинах следует ограничить первыми тремя четвертями III в. до н. э.» (Марченко, 1996, с. 73). Подтверждением этому «среднему арифметическому» служит, по мысли автора, датировка г. А. Дзис-Райко и Е. Ф. Суничук «странного комплекса» из Великопоского концом III в. до н. э. Как и в первом случае, И. И. Марченко вновь предпочел наиболее раннюю дату из широкого временного диапазона: он знал о дискусионности датировок «странных комплексов», кубанская группа которых рассмотрена в его книге. Если же принять предлагаемую С. В. Полиным, Б. А. Раевым и мной датировку их (в том числе и Великопоского) временем Митридатовых войн, то интервал бытования удил этого варианта должен быть расширен до начала I в. до н. э. В итоге и эту позицию хронологической схемы И. И. Марченко нельзя назвать окончательно установленной.

И. И. Марченко и Ю. П. Зайцев выбрали подходящую часть спорного диапазона для получения непрерывной хронологической цепочки, которая почему-то кажется им необходимой. Между тем не исключено, что шипы на насадках — не хронологический, а технологический и, возможно, этнографический признак. Не стоит забывать, что это — приспособление для строгого управления лошастью, и недаром оно встречается в сочетании со строгими грызлами. Если следовать логике Ю. П. Зайцева, то в конце III — II в. до н. э. лошади стали более послушными и перестали нуждаться в строгом управлении, почему-то необходимым в начале III в. до н. э. Это абсурдно хотя бы потому, что и сейчас в работе с лошадьми иногда применяются подобные приспособления. Дело в другом.

Почти все причерноморские удила со строгими насадками найдены в памятниках определенной категории — «странных комплексах». Это мемориальные поми-

⁴ Достаточно вспомнить пластинчатый налобник столетней давности в погребении у Чистенького.

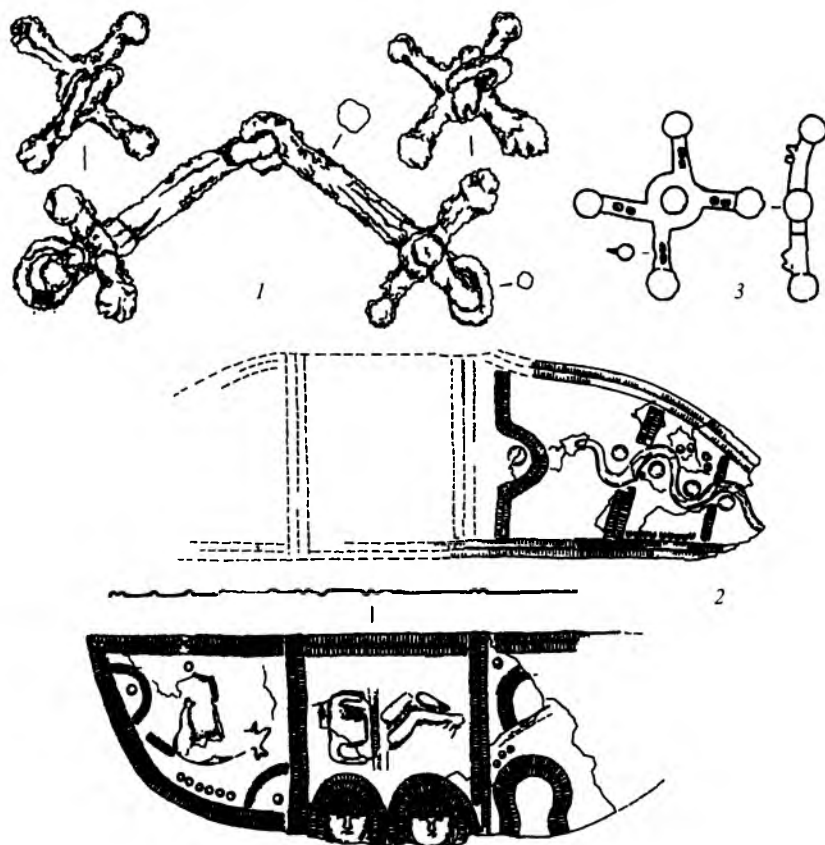


Рис. 129. Уздечные принадлежности из Чистенького:
1, 2 — по: Зайцев, Колтухов, 1997; 3 — по: Зайцев, 2005

нально-жертвенные памятники, содержащие четко фиксированный набор снаряжения воина. Кубанские находки таких удилов также происходят не из погребений, а из насыпи курганов (Марченко, 1996, с. 197–198, № 377, 379, 383). Строгие удила — составная часть снаряжения боевого коня. Именно такие удила были в погребении боевого коня у Чистенького⁵. И если да-

тировка «странных комплексов» концом II — началом I в. до н. э. правильна (против чего и возражает Ю. П. Зайцев; удревление удилов с крестовидными насадками — очередной «аргумент»), то нужна коррекция даты кубанских удилов. Хронология И. И. Марченко была построена на находках со спорной датой, не корректна и вряд ли верна⁶. Лучшим подтверждением этому служат совместные находки насадок I и

⁵ Я ошибочно отнес их ко 2-му варианту II типа по И. И. Марченко — шипы на рисунке Ю. П. Зайцева, которым я пользовался (рис. 129, 1), не показаны, в публикациях (Зайцев, Колтухов, 1997; Колтухов, Тошев, 1998) о них нет ни слова, а сами вещи мне были недоступны.

⁶ В личной беседе на Босфорском феномене-2007 И. И. Марченко сообщил мне о том, что по новым данным дата лепных сероглиняных канфаров (по одному из которых и был датирован уляпский комплекс) «омоложена» до II–I вв. до н. э.

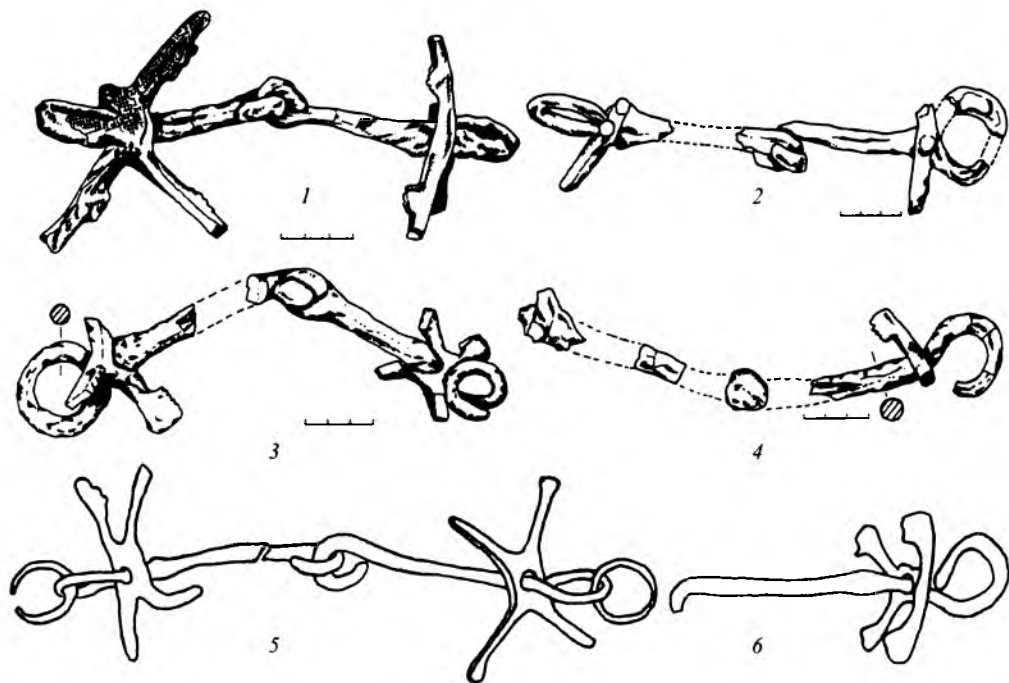


Рис. 130. Удила с насадками 1-го и 2-го типов по И. И. Марченко:

1–4 — Новолабинка (Раев, Беспалый, 2006); 5, 6 — к-з «Знамя Ленина» (из отчета В. А. Сафронова)

II типов (рис. 130) в Новолабинке (Раев, Беспалый, 2006, с. 74, табл. 28: 6–9) и в насыпи кургана 1 на землях бывшего колхоза «Знамя Ленина» Моздокского р-на Северной Осетии (раскопки В. А. Сафронова в 1980 г.). В Великопосском кроме шипастых найдены и гладкие насадки варианта 1б.

Стоит обратить внимание на связь находок строгих удил и памятников определенного облика. В Прикубанье удила с насадками единичны в памятниках сираков (Марченко, 1996, табл. 78), но обычны в закубанских памятниках типа Новолабинка — Тенгинка — Нечерзий, культурная принадлежность которых пока в стадии исследования. Там они образуют устойчивые сочетания с пластинчатыми налобниками и нагрудниками с подвесками. Похоже, перед нами этнографически значимый тип конского убора, бытовавший у какой-то

отдельной группы населения. У тех народов, где коневодство и верховая езда являются частью образа жизни, конское снаряжение всегда выступает этнокультурным индикатором: вспомним монгольскую, горскую или казачью седловку, венгерскую сборку, сбрую вестерн в США и Мексике и т. п. Уздечка, седловка и декор снаряжения имеют ту же опознавательную функцию, что и костюм.

В Северном Причерноморье строгие удила найдены в «странных комплексах» и погребениях у Глиного и Чистенького. Последний памятник скорее всего синхронен «странным комплексам», а вот дата находок у Глиного (конец III — первая половина II в. до н. э.) отнюдь не является основанием для датировки всех памятников с такими удилами — конское снаряжение долговечно. Находки у Глиного интересны в другом плане — это самые ранние в Северном При-



Меч из Рошава Драгана (Буюклиев, 1986):

1 — реконструкция Х. Буюклиева; 2 — реконструкция автора; 3, 3а — часть клинка с перекрестьем; 4, 4а — нефритовая скоба; 5 — навершие с тамгами; 6—9 — пластины с тамгами; 10 — наконечник ножен



Реконструкция внешнего вида сарматского всадника по материалам
Золотого кладбища (рис. Е. Адамкевич)



Реконструкция внешнего вида сарматского всадника
по находкам у ст. Воздвиженской, Ахтанизовской и Зубовского хутора (рис. Е. Адамкевич)



Реконструкция внешнего облика воина саргатской культуры по материалам погребений у Сидоровки и Исаковки (Соловьев, 2003)



Уздечные принадлежности из могильника Чауш:
1 — бляхи узды; 2, 3 — наплечные фалары; 4–6 — подвески нагрудника



Уздечные принадлежности из могильника Комаров-II (L'or, 2001)



1



2

Конское снаряжение позднесарматского времени (Габуев, 2005):

1 — металлическая гарнитура из могильника Аэродром-I;

2 — удила из могильника Валовый I



1



2



3

Оружие сарматов Северного Причерноморья:

1 — полихромное навершие меча из Градешки (фото автора); 2 — гастагна из Порогов (фото Г. И. Лысенко); 3 — парадный меч из Порогов

черноморье удила этой серии. Уже неоднократно говорилось о том, что в оружии и конском снаряжении Тираспольских курганов чувствуется ощутимая восточная (сарматская? меотская?) вуаль. Не развивая сейчас эту тему, хочу обратить внимание на то, что ближайшие по времени к Глиному памятники, где известны такие удила, — Новолабинка, Тенгинка и Нечерзий.

Категорическое заявление: «Очевидно, что следует однозначно исключить принадлежность комплексов со строгими насадками и псалиями к митридатовскому времени» (Зайцев, 2005, с. 94) — отражает скорее желание Ю. П. Зайцева, нежели состояние проблемы. Показавшийся ему «надежным» для датировки таких насадок III — первой половиной II в. до н. э. сопровождающий материал, как оказалось, не совсем таков. Я готов признать, что такие удила появились в III в. до н. э., но оснований для ограничения времени их использования только этим столетием и первой (почему только первой?) половиной следующего пока нет. При настоящем состоянии источника пытаться сделать такие удила хронологическим показателем не стоит: это будет насилие над материалом и методикой исследования. Имеются веские признаки того, что удила с крестовидными насадками всех типов синхронны, а их отличия могут отражать назначение конкретного средства управления и/или племенную принадлежность владельцев.

5.2. Псалии

Псалии по форме могут быть разделены на несколько типов⁷. При этом учитывается только изгиб ветвей: средняя часть



Рис. 131. Псалии и налобник из Марьевки (фото автора)



Рис. 131а. Подковообразный налобник из Марьевки (фото автора)

⁷ Типы 2 и 4 выделены условно, на основании одной находки.

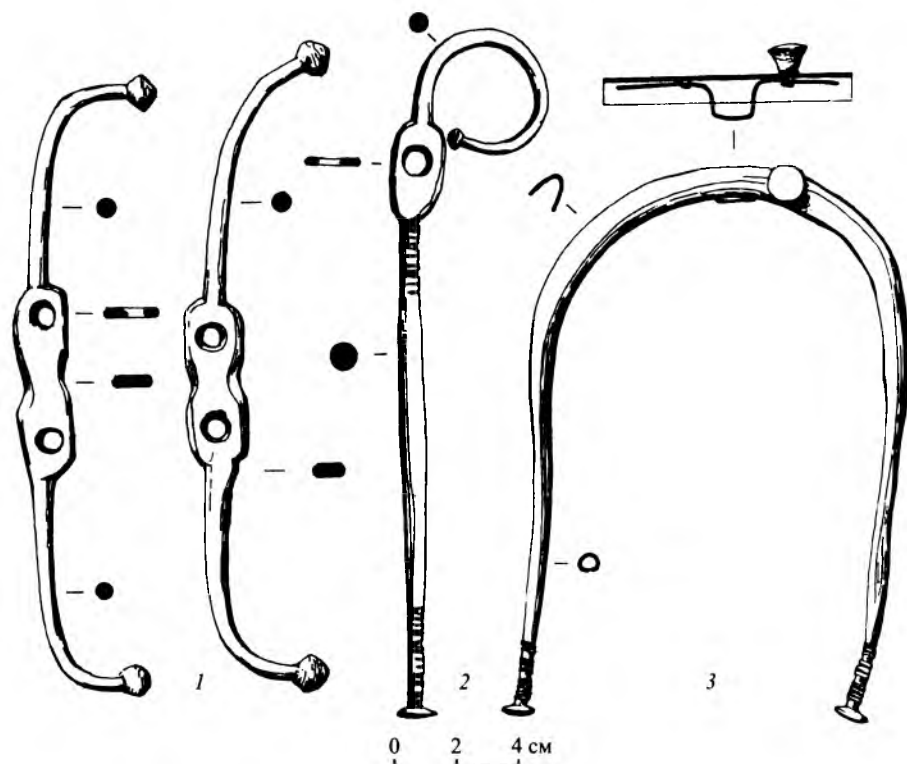


Рис. 131b. Псалии и налобники из Марьевки



Рис. 131c. Удила из Марьевки (фото автора)

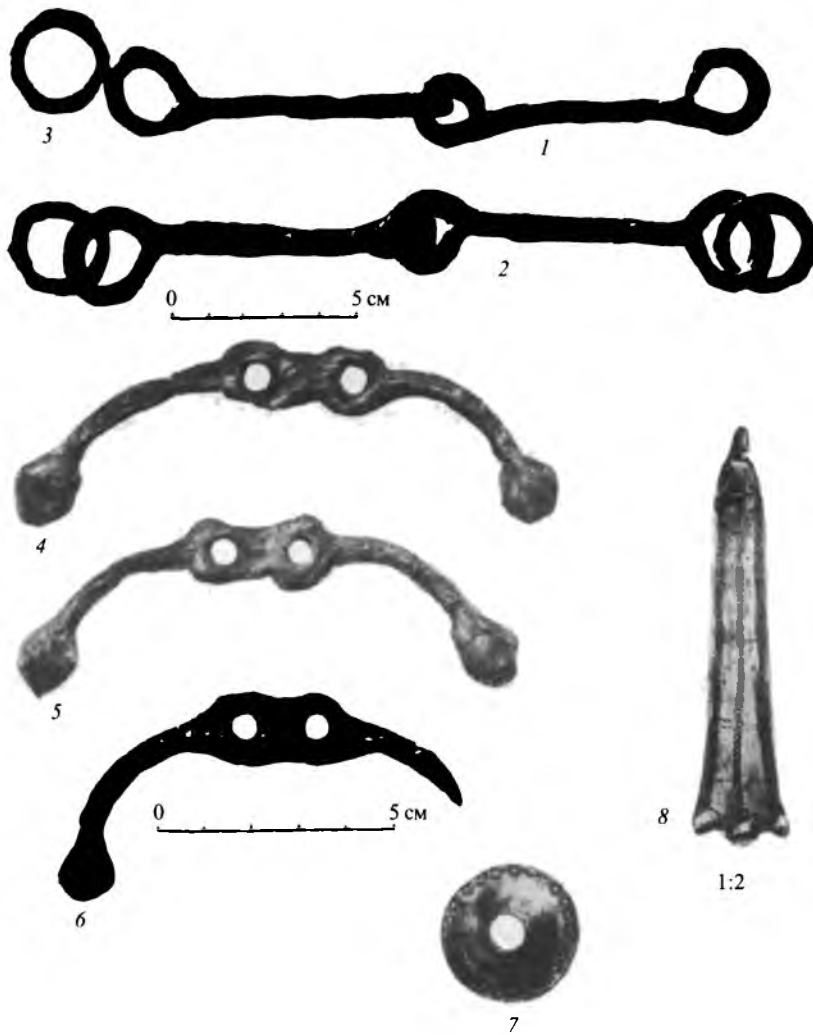


Рис. 132. Уздечные принадлежности из Клименкова (Яценко, 1962)

большинства псалиев 8-видная, с двумя отверстиями или петлями для концов нащечного ремня.

Тип 1. С-видные. Известны бронзовые и железные экземпляры, один псалий костяной. Корпус отлит или откован из круглого в сечении стержня, концы которого загнуты в одном направлении. Длина псалиев между окончаниями от 19 (самые крупные, Марьевка) до 14 см. Средняя часть с 8-видным расширением, в котором

два отверстия. Концы псалия оформлены по-разному, что позволяет выделить несколько вариантов.

1.1 — со сферическими или округло-биконическими окончаниями (рис. 124, 1, 2; 131; 131b, c; 132, 4–6). Такие окончания называют также «шариками», «шишечками», «кнопками» и т. п. Наиболее распространенный тип декора концов псалия. В большинстве случаев окончания гладкие, на экземплярах из Веселой Долины (вари-

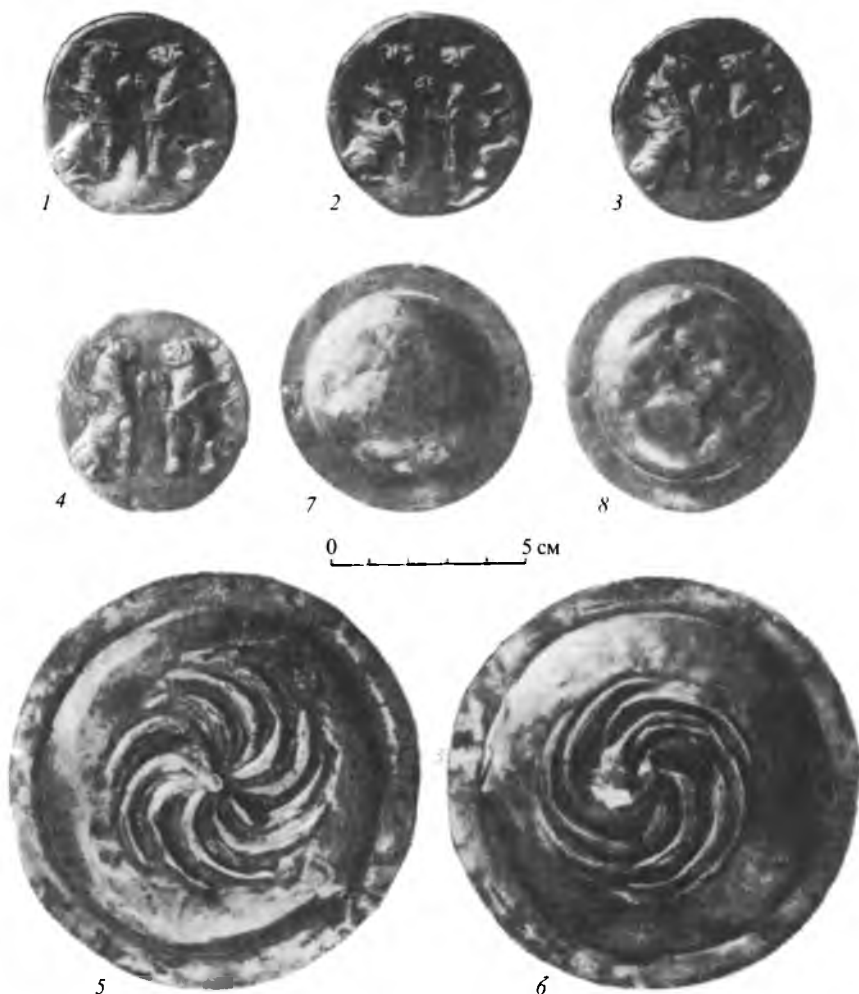


Рис. 133. Фалары из Клименкова (Яценко, 1962)

ант 1.1а) покрыты сетчатым рифлением и выпуклыми точками (рис. 124, 2, 4, 6). В «странных комплексах» Нововасильевки и Гэвани найдены псалии варианта 1.1b — с одним биконическим и другим плоским окончаниями (рис. 135, 2).

1.2 — с зооморфными окончаниями (рис. 122, 4; 134, 3; 135, 3, 4). Плоские концы псалия вырезаны в виде стилизованной фигурки кошачьего (?) хищника с выгнутой спиной и выделенными головой и вытянутыми вперед передними лапами. Задние

лапы и круп не выделены и переходят в стержень. Фигурки развернуты перпендикулярно вертикальной оси псалия. Этот вариант известен только в «странных комплексах» Северного Причерноморья (Нововасильевка, Квашино, Веселая Долина, Ногайчинский курган^{*}, Гэвани).

^{*} Сужу по рисунку в статье Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой (2003, с. 64, рис. 2, 2). В КРКМ среди находок из Ногайчинского кургана такого псалия нет.

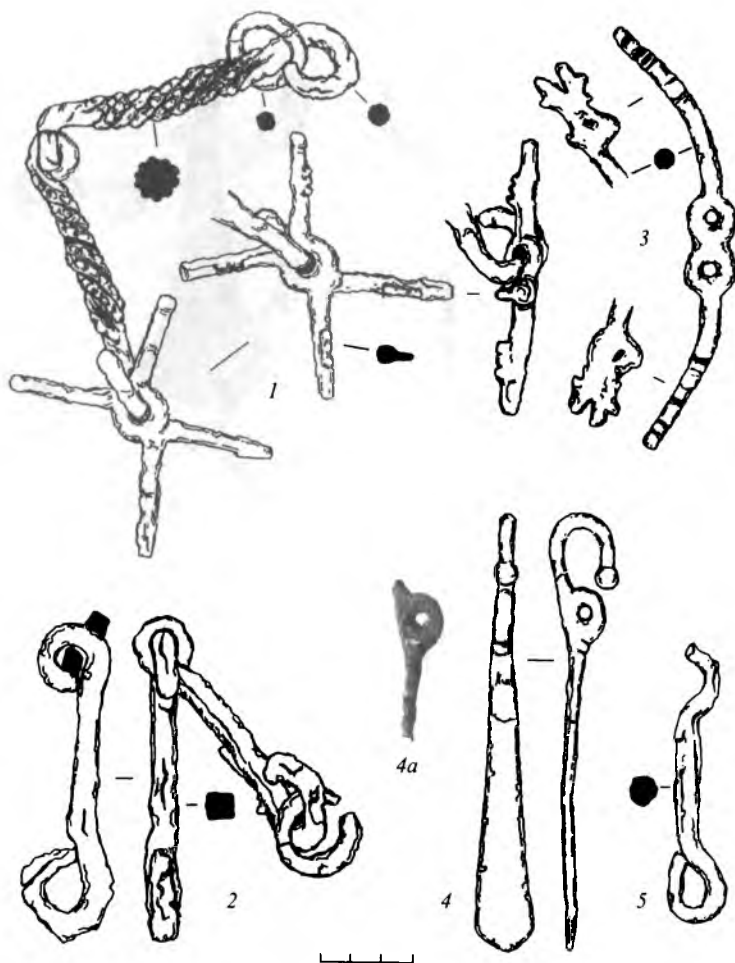


Рис. 134. Уздечные принадлежности из Ногайчинского кургана
(1–5 — по: Зайцев, Мордвинцева, 2003; 4a — фото автора)

1.3 — с расширяющимися концами (рис. 123, 4; 124, 3). Найдены в двух «странных комплексах» (Великопоское, Веселая Долина) вместе с псалиями первых двух вариантов.

Тип 2. Очковидные (рис. 136). Концы прямого стержня железного псалия увенчаны кольцами. Найдены в кургане 29 могильника Днепрозаводстрой (Симоненко, 2000, с. 141, рис. 2, 2). Вещь не сохранилась, а на полевой зарисовке (рис. 133, 1) не показаны ни петли на стержне псалия,

ни кольца на концах грызл, которые обычно бывают на таких удилах.

Тип 3. Колесовидные (рис. 125, 1). Псалии из насыпи кургана близ Андрусовки (Криворожский р-н Днепропетровской обл.) железные, из квадратного в сечении прута. В месте соединения спиц с ободом — заостренные выступы-шишечки. Диаметр 8 см. Колесовидные псалии найдены и в могильнике Нейзац (пп. 184, 200).

Тип 4. Х-видные (рис. 125, 3). Два таких железных псалия найдены в кургане

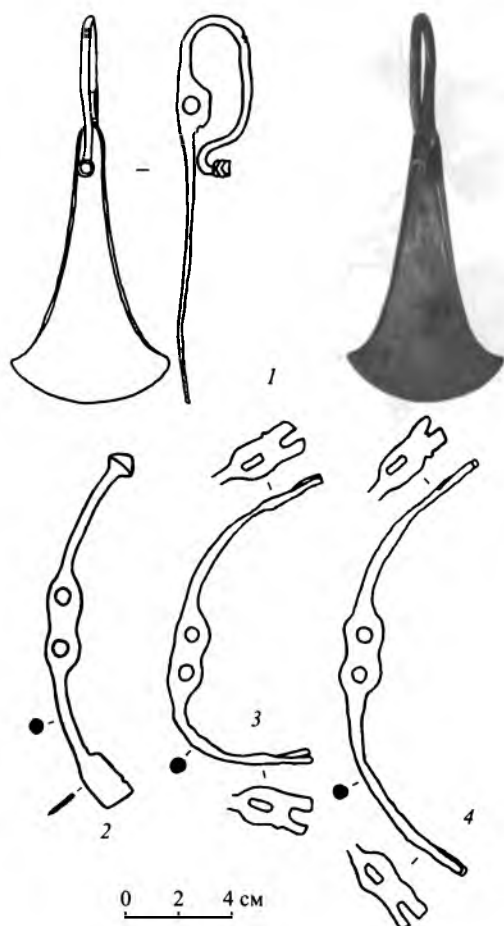


Рис. 135. Уздечные принадлежности из Нововасильевки

у с. Богуслав Днепропетровской обл. Средняя часть прямоугольная, с двумя отверстиями по концам. Концы увенчаны расходящимися вверх заостренными ветвями, круглыми в сечении. Длина по концам ветвей около 10 см.

Тип 5. Стержневидные. Корпус в виде прямого стержня с заостренными концами. Железный псалий из Усть-Каменки, 66/1, крепился через отверстия в 8-видном расширении средней части (Костенко, 1993, с. 74, рис. 22, 20), из могильника Шевченко — за две прямоугольные

петли (Шепко, 1987, с. 167; рис. 8, 4). Необычные псалии найдены в скл. 183 могильника Нейзац. Они бронзовые, круглые в сечении, с расширяющимися концами. В двух прямоугольных петлях закреплены пластинчатые обоймы для ремней. Повод крепился за подвижное бронзовое кольцо удил.

Хронология. Наиболее ранними являются различные варианты С-видных псалиев. Практически все они найдены в «странных комплексах» и в памятниках этой же категории (Клименков, Антиповка) имеют ана-

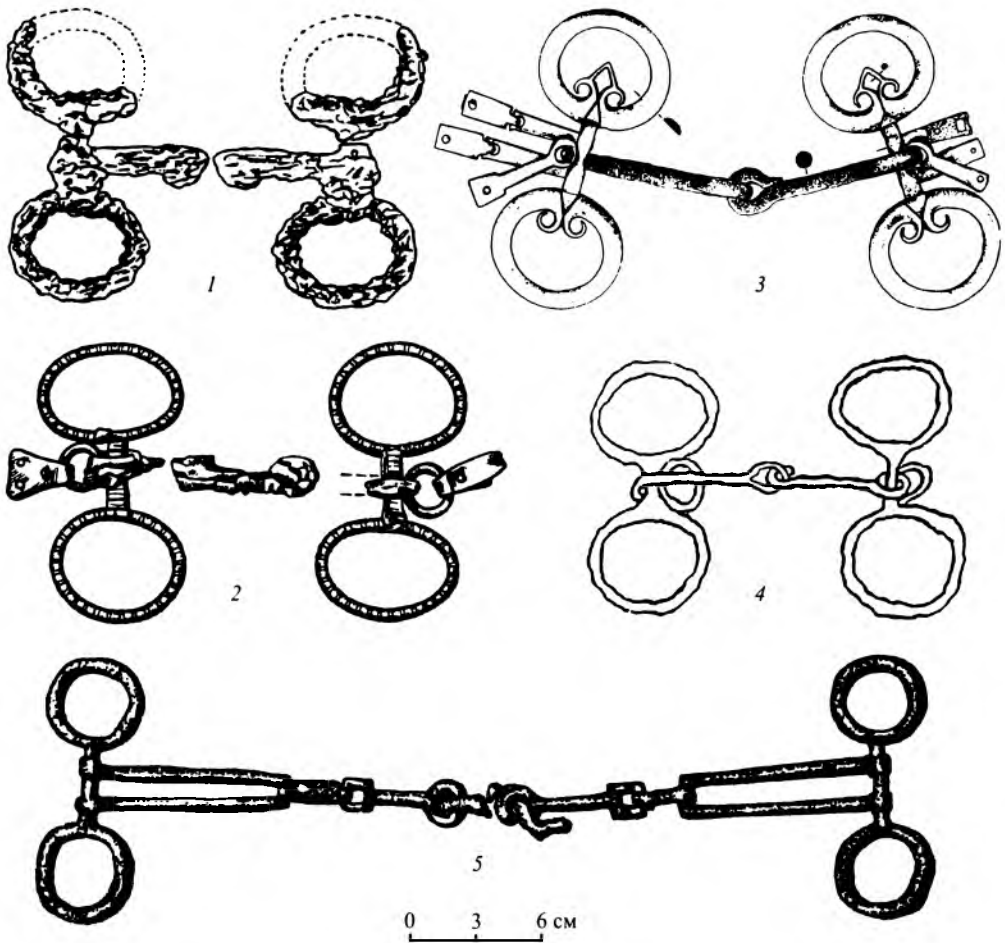


Рис. 136. Удила с очковидными псалиями:

1 — Днеспроавтострой, к. 29; 2 — Никольский могильник, к. 12; 3 — могильник Вальный I, к. 1;
4 — Андреевский курган, п. 21; 5 — Керчь

логи. Эта форма древняя, берущая свое начало в скифской узде. Заслуживают внимания псалии вариантов 1.1b и 1.2, не имеющие аналогов за пределами Северного Причерноморья.

Очковидные псалии известны у сарматов и их соседей в I и раннем II в. н. э. (рис. 136, 1–4). Они найдены в Никольском могильнике (Засецкая, 1979, с. 106, рис. 17, 3), могильнике Вальный I (Габуев,

2005, с. 28, кат. 42), Андреевском кургане (Степанов, 1980, с. 12, табл. 7, 19). В эту же серию следует включить удила из Херсонеса и Керчи (рис. 136, 5), скорее всего заимствованные у сарматов — со строгими грызлами-«восьмерками» и очковидными псалиями, соединявшимися с оголовьем с помощью параллельных стержней (Зубарь, Симоненко, 1984, с. 148–150, рис. 1, 2). Подобную систему соединения имеют

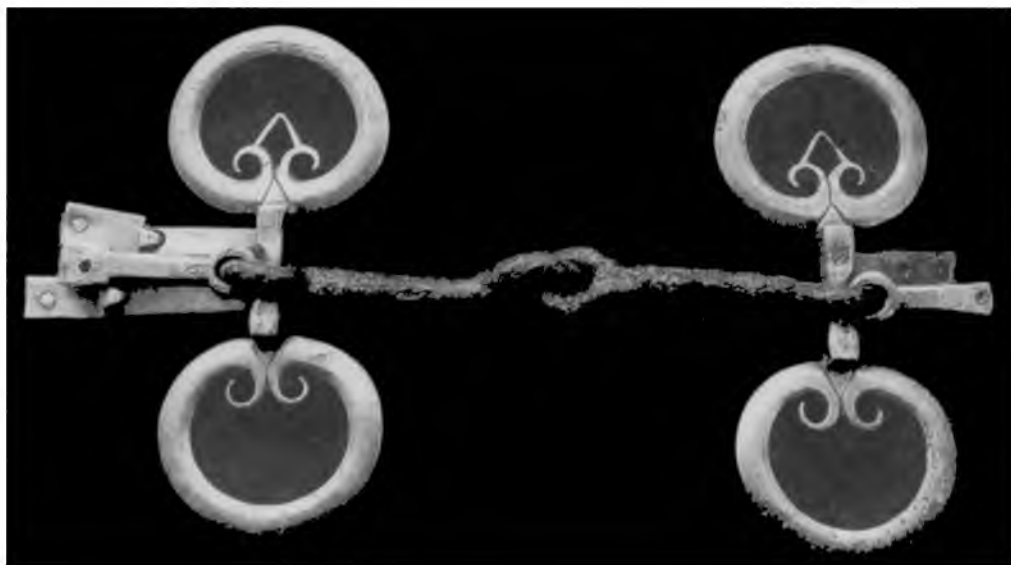


Рис. 137. Удила из могильника Валовый I (Габуев, 2005)

псалии из Валового I (рис. 136, 3; 137) и Чернореченского могильника (Бабенчиков, 1963, с. 117–118, табл. XV, 8–15).

Колесовидные псалии появляются на Северном Кавказе, по мнению К. Ф. Смирнова и солидарного с ним И. И. Марченко, в I в. до н. э. (Марченко, 1996, с. 76). Последний выделил два варианта таких псалиев — «а» диаметром 9–11 см и «б» диаметром 5–8 см. У псалиев варианта «а» место соединения спиц и обода выделено, спицы варианта «б» приварены встык. И. И. Марченко полагает эти различия хронологическими — вариант «а» ранний (I в. до н. э.), «б» — поздний (I в. н. э.).

Проверить достоверность этих наблюдений я не могу: сами изделия частью не сохранились, частью недоступны, а на рисунках разницу в способе прикрепления спиц увидеть трудно. Тем не менее на хорошем рисунке «ранних» удила из ст. Воздвиженской отчетливо виден выступ в месте соединения обода с одной из спиц и нет никаких следов прикрепления остальных (Гущина, Засецкая, 1989, с. 132, табл. V, 47). Диаметр воздвиженских пса-

лиев 8 см. Такого же диаметра и псалии из Андрусовки. У них соединение спиц и обода подчеркнуто выступами, чего нет на кубанских экземплярах.

Итак, по размерам воздвиженские и андрусовские псалии входят в позднюю группу, а по способу соединения спиц с ободом — в раннюю. Что-то тут не так: либо я выбрал неудачный пример, либо не работает типолого-хронологическая схема. Странно, что И. И. Марченко не включил в нее такой яркий признак поздних колесовидных псалиев, как петли в центральной части, в месте соединения с удилами. На Кубани такие псалии использовались во II в. н. э. (Ждановский, 1984, с. 73, рис. 1, 47; его же неопубликованные находки из грунтового некрополя у к. 7 ст. Тбилисской). Такие псалии в позднесарматское время есть на нижнедонских (Комаров) и нижневолжских (Старица) удилах. Синхронны названным колесовидные псалии с центральными петлями из могильника Нейзац.

Удила и псалии из Андрусовки — единственная находка в насыпи этого кургана. Как выяснилось, по типологическим при-

знакам датировать их трудно. Вероятно, они все же более поздние, чем рубеж н. э.: ранних памятников на этой территории просто нет, сарматы освоили ее не раньше середины I в. н. э.

Аналоги X-видным псалям из Богуслава мне неизвестны. Соблазнительно связать их с крестовидными насадками раннесарматского времени, о которых шла речь выше. Однако могила у Богуслава оставлена мигрантами «восточной волны» второй половины I в. н. э. (Симоненко, 2006, с. 141) и вряд ли имеет отношение к местной раннесарматской культуре.

Стержневидные псалии в Северном Причерноморье найдены в средне- (Усть-Каменка, 66/1) и позднесарматских (Шевченко, Нейзац) погребениях. Это обычные для сарматов изделия, за исключением бронзовых псалий из Нейзаца, аналогов которым найти не удалось.

5.3. Бляхи оголовья

Принадлежность этой категории находок устанавливается по форме изделий и расположению отверстий для ремней, поскольку части металлической гарнитуры ни разу не сохранили *in situ* контур оголовья. Типы блях выделены условно, скорее для систематизации материала, т. к. изделия каждого типа немногочисленны, а часто единичны.

Перстневидные бляхи (рис. 123, 6–7; 138, 3–4). Это литые бронзовые и серебряные бляхи с полусферическим или коническим корпусом, от нижнего края которого отходят две плоские дужки с концами, заходящими друг за друга либо соединенными внахлест. Форма этих блях напоминает скифские перстни IV в. до н. э. Диаметр их до 2 см, высота 1,4–1,5 см, размеры дужки 2 × 1,4 см. Найдены в «стран-

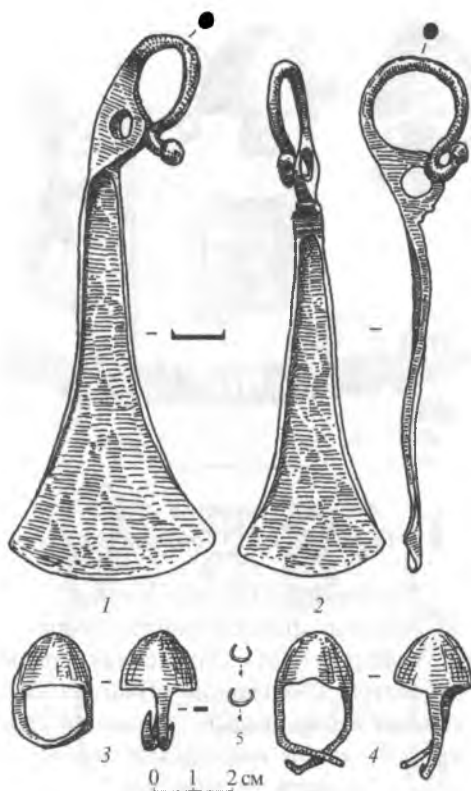


Рис. 138. Уздечные принадлежности из Снигиревки

ных комплексах» в Снигиревке (5 шт., бронза) и Великопоском (6 шт., 3 — серебро, 3 — бронза).

Немногочисленные аналоги таким бляхам известны в раннесарматское время. Бронзовые бляхи этого типа найдены в кургане 14 могильника Глиное Тираспольской группы (рис. 139, 1). Бронзовая перстневидная бляха, украшенная шишечками (рис. 139, 2), происходит из раннесарматского погребения в Южном Приуралье (Мошкова, 1963, с. 37, табл. 21, 8)⁹. В конском погребении кургана 1 на Васюриной

⁹ Указанная Г. А. Дзис-Райко и Е. Ф. Суничук в качестве аналога для блях из Великопоского «бляшка» из Бережновки, «которую М. Г. Мошкова называет перстнем» (Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 152), таковым на самом деле и является.

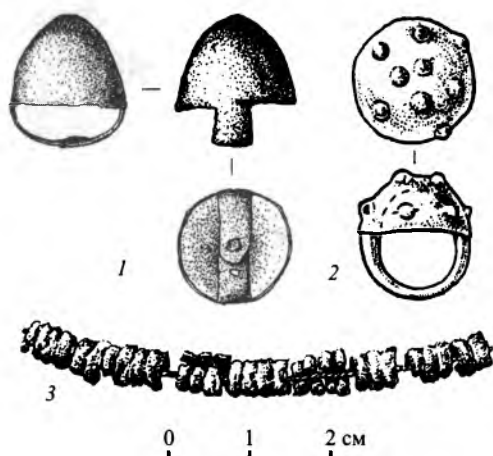


Рис. 139. Украшения узды:

1, 3 — Глиное, к. 14; 2 — Горбатый Мост, к. 4

Горе (Ростовцев, 1914, табл. XVIII, 9) найдена железная, плакированная серебром, перстневидная бляха, украшенная чернью и позолотой. В коллекции «Платар» имеется комплекс бронзовых украшений узды (рис. 140), якобы найденный «напротив Тирь»¹⁰, т. е., если сведения соответствуют действительности, где-то в районе Овидиополя. В его составе пять налобников «с крючком», два пластинчатых нащечника, бляха с личиной, 10 перстневидных блях, три конические ворварки, 130 спиралевидных пронизей и скобочек (Платар, 2004, с. 118–120).

В тех же «странных комплексах», что и перстневидные бляхи, а иногда и без них (Семеновка) было найдено множество (Семеновка — 111 экз., Снигиревка — 467 экз., Великопосское — 130 экз.) согнутых из полоски бронзы плоских спиралек и колечек, а также сегментовидных в сечении С-видных скобочек (рис. 123, 9; 138, 5; 140, 10, 11; 141, 3). Средние размеры их 1 × 0,5 см, ширина 0,2 см. Такие же, как в коллекции «Платар», спиралевидные пронизи и скобочки (более 300) найдены вме-

сте с налобниками с крючком и бляхами с личинами (см. ниже) в кургане 31 у с. Глиное (рис. 139, 3).

В свое время я, вслед за авторами некоторых отчетов и публикаций, назвал эти вещи звеньями цепочки. Следует признать, что такое определение было ошибочным. Они служили украшением ремней¹¹, скорее всего оголовья: для любых других частей упряжи такие тонкие ремешки вряд ли пригодны. Спиралевидные пронизи, колечки и скобочки плотно, одна за другой, сидели на ремне, создавая блестящую рифленую линию.

Не исключено, что к оголовью имели отношение ворварки и цилиндрические пронизи, найденные в «странных комплексах» из Великопосского, Веселой Долины, Марьевки и Брэвичень (рис. 123, 11; 142, 11, 12; 163, 3). Конические и полусферические ворварки с отогнутым краем есть в Федуловском и Клименковском (рис. 130, 7) «кладах» III–I вв. до н. э. в Приазовье и на Среднем Дону. Такие вещи не известны ранее III в. до н. э., а вот в комплексе из коллекции «Платар», который вряд ли старше второй половины этого столетия, имеются конические ворварки, типичные для скифских древностей IV в. до н. э. (рис. 140, 9). Есть тут и половина железного набора круглого пластинчатого умбона щита того же времени (рис. 140, 14). Если здесь не смешаны вещи из разных находок, то похоже, что во II в. до н. э. скифы еще пользовались дедовскими уздечками и оружием.

Судя по размерам и количеству, к украшениям оголовья должны относиться бляхи с личинами, найденные в Бубуечь и Великопосском. Они несколько отличаются друг от друга. Четыре бляхи из Бубуечь диаметром от 5,2 до 5,6 см штампованы из

¹⁰ Личная информация покойного С. Н. Платонова.

¹¹ Именно так они определены, например, в публикации комплекса из Семеновки (Субботин, Охотников, 1981, с. 111).

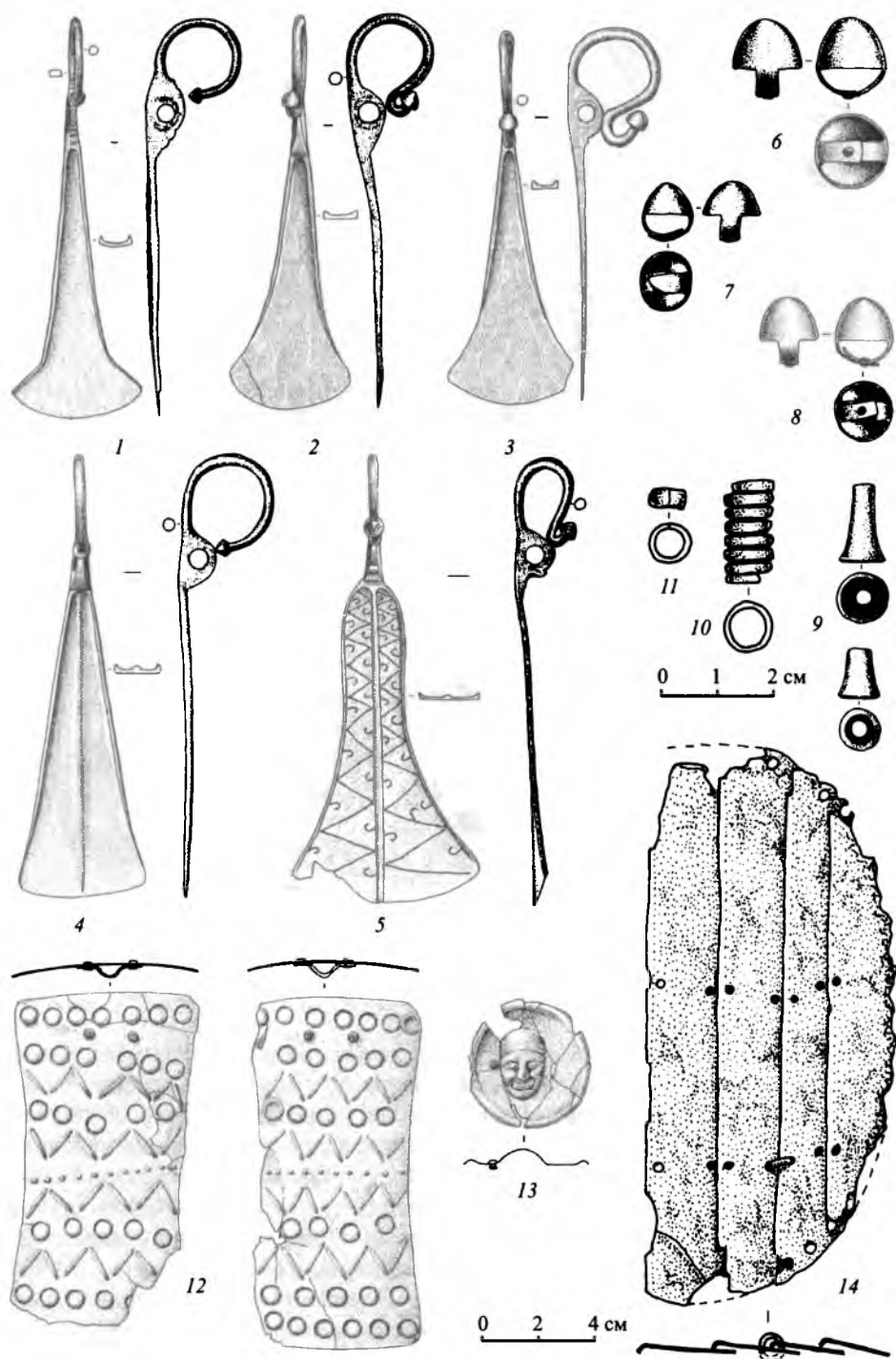


Рис. 140. «Комплекс из-под Овидиополя» из коллекции «Платар»

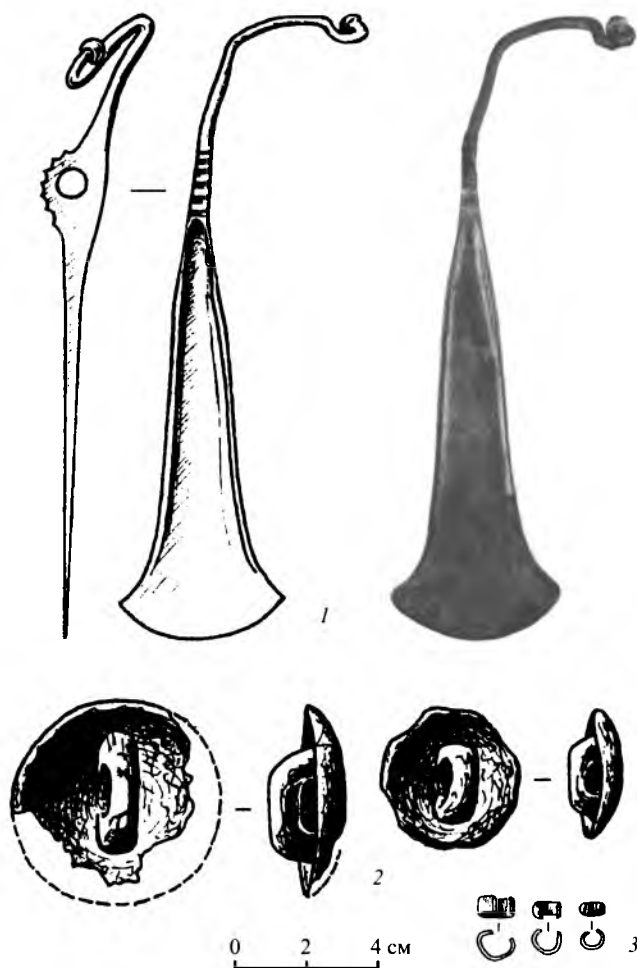


Рис. 141. Уздечные принадлежности из Семеновки

тонкого листа бронзы (рис. 143, 1, 2). В центре бляхи — рельефная голова человека анфас. Чеканкой выделены прическа, подчеркнутая рельефной линией по лбу (повязка или диадема), глаза без зрачков, нос, усы (?). По краю бляхи окружена двойным рифленным валиком. По обе стороны головы — заклепки для крепления горизонтальной петли (Отчет, 1909, с. 14, табл. I, 3, 4; Amăut, Ursu Naniu, 2000, p. 354).

Бронзовая бляха из Великопоского несколько иная. Она меньшего диаметра

(4,2 см), рельеф штамповки более высокий. Валик по краю бляхи гладкий, широкий, образующий в центре бляхи углубление. В нем штампована голова человека анфас. Рельефом показаны пряди волос, глаза, нос и губы. По обе стороны головы — заклепки для крепления горизонтальной петли (рис. 144, 2).

Подобные бляхи диаметром от 6 до 7 см найдены в кургане 31 могильника Глиное. Композиционно они решены несколько по-иному — личина вплотную окружена

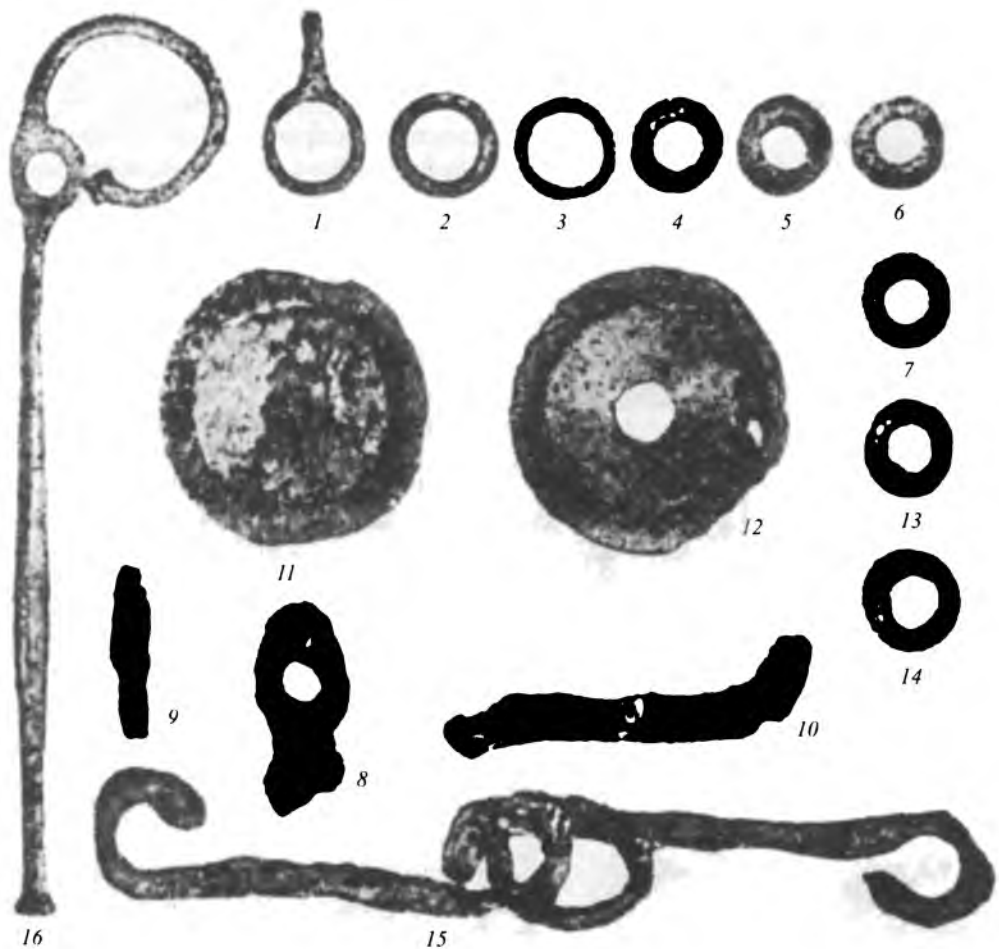


Рис. 142. Уздечные принадлежности из Брзвичень (Федоров, 1960)

рифленным валиком, а по краю идет еще один (рис. 143, 3–5).

Такая бляха есть и в коллекции «Платар» (рис. 140, 13; 144, 1). И здесь она входит в стандартный комплект: налобники с крючком, перстневидные бляхи, спиралевидные пронизи. Бляха отличается от бубуечьских и глинянских одинарным гладким валиком и меньшими (4,2 см) размерами, однако, как и у других, по бокам личины находятся заклепки от петли.

Круглые бляхи с петлей на обороте (рис. 143, 2; 146; 147) происходят из «странных комплексов» (Бедражий Векъ, Веселая Долина, Великопоское, Семеновка). Бляхи серебряные (Бедражий Векъ), бронзовые (Веселая Долина, Великопоское) и железные (Семеновка), плоские или слегка выпуклые, диаметром 2,8–3 см, с поперечной петлей на обороте. В Бедражий Векъ найдено шесть (что, возможно, соответствует их количеству на оголовье), а в Веселой Долине — пять блях (тогда здесь

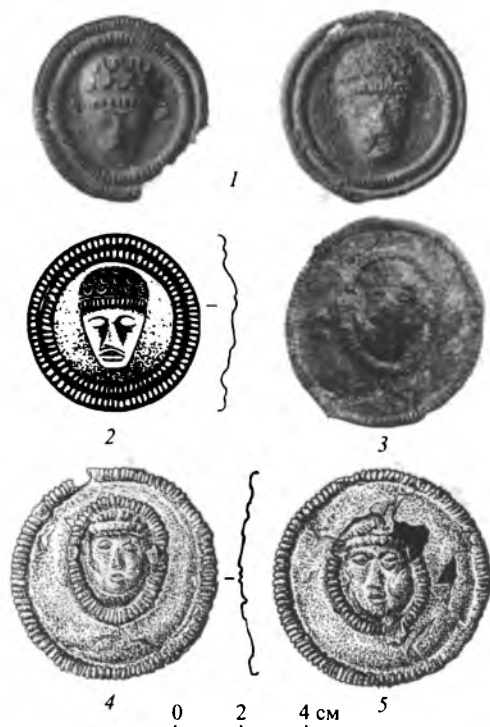


Рис. 143. Бляхи с личинами:

1 — Бубуечь (Отчет... за 1908 г., 1909); 2 — Бубуечь (Мордвинцева, 2001); 3–5 — Глиное, к. 31



Рис. 144. Бляхи с личинами:

1 — коллекция «Платар»; 2 — Великопоское

одной не хватает). В Семеновке найдено 26 блях, однако в этом комплексе было несколько уздечек.

Такие бляхи встречены и в других комплексах этого времени. В Антиповке, как и в Бедражий Векь, их гладкую поверхность оживляют большие серебряные головки заклепок, крепящих петлю (рис. 148, 2); в Клименкове две бляхи с выпуклой центральной частью и плоским рантом, на который приклепаны петли (рис. 133, 7, 8), и четыре плоские, с рельефным изображением сидящих друг напротив друга грифонов в геральдических позах (рис. 133, 1–4). Оба комплекса датируются концом II — I в. до н. э.

В «кладах» из Старобельска (2 экз.), Балаклеи (7 экз.) и Янчокрака (1 экз.) найдены выпуклые серебряные бляхи с отогнутым бортиком, украшенные чеканными розетками и геометрическим орнаментом, диаметром от 4 до 7,5 см (Mordvinceva, 2001, S. 77–80, Taf. 30, 55, 56; 34, 66; 38, 71). Безусловно, это украшения ремней оголовья.

В коллекции «Платар» помимо упомянутого «комплекса из-под Овидиополя», хранится еще один «клад» серебряных украшений узды (рис. 145), происходящий, по информации С. Н. Платонова, с Тамани. В его составе два стержневидных псаля, пара малых фаларов с выпуклым центром и плоским рантом, 12 полусферических и 5 ажурных литых блях с петлей на обороте, 4 перстневидные бляхи с гравированной и черненной вихревой розеткой по поверхности, 4 конические ворварки, 6 кубических и 123 цилиндрические пронизи. Обращают на себя внимание перстневидные бляхи (рис. 145, 4), подобные блямхам с Васюриной Горы. Ажурные фалары уникальны, а вот фалары с выпуклым центром аналогичны клименковским. Псалии, не имеющие пока аналогов по форме, своим резным декором близки экземплярам из Буеровой Могины (последние обмотаны серебряной проволокой). Все перечислен-

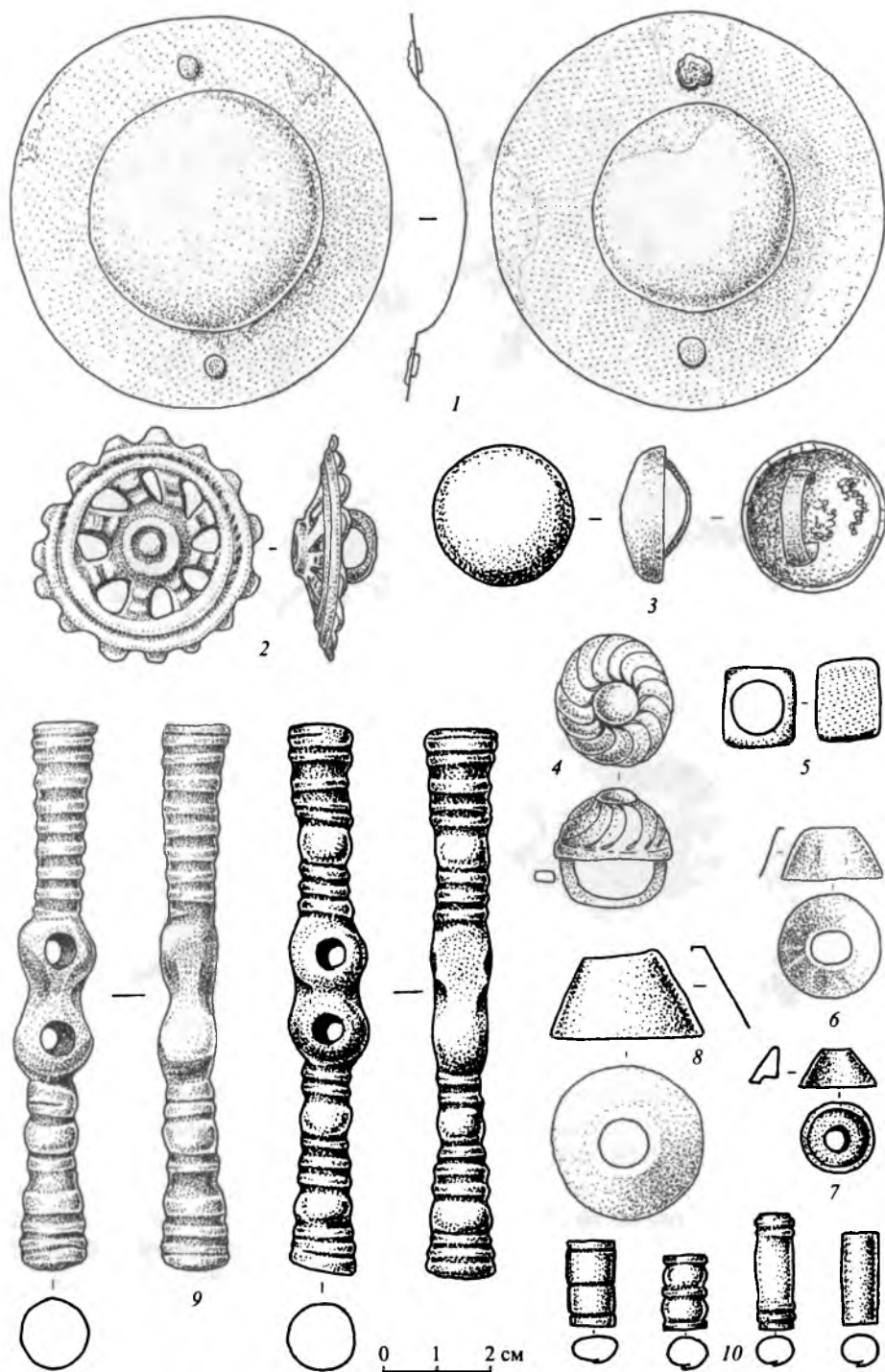


Рис. 145. «Комплекс с Тамани» из коллекции «Платар»

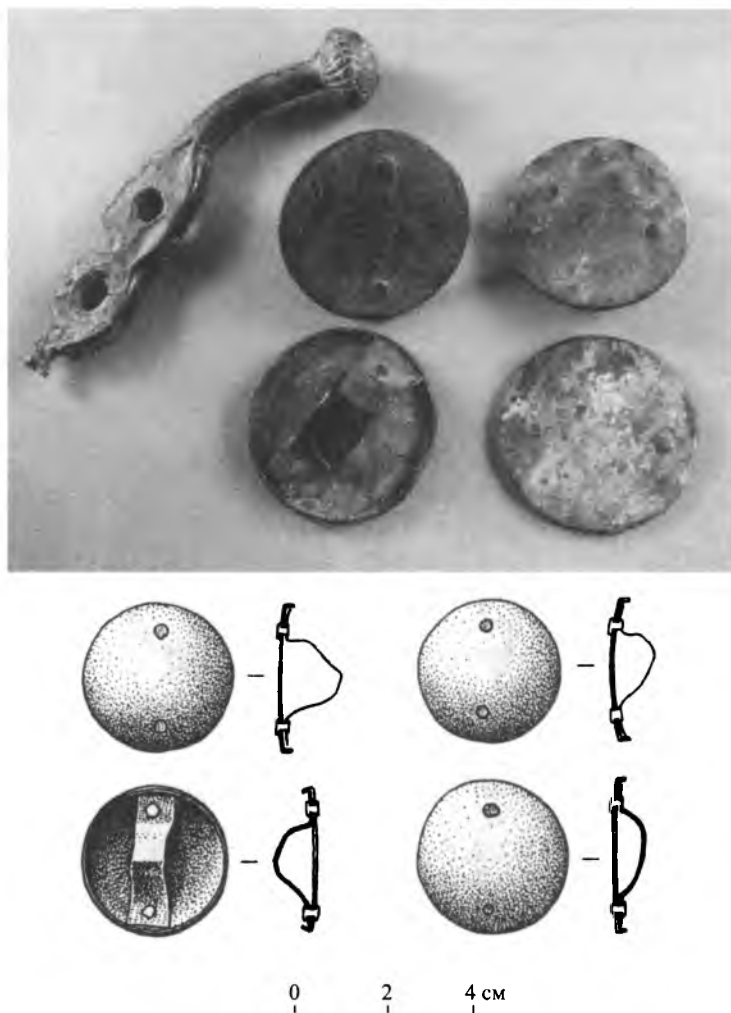


Рис. 146. Уздечные принадлежности из Веселой Долины (фото автора)

ные памятники относятся к эпохе позднего эллинизма, хотя об абсолютных датах каждого из них спорят до сих пор.

В Запорожском кургане было найдено 6 золотых круглых выпуклых блях с рельефным изображением фигурки козла вправо; глаза инкрустированы желтым, а уши и плечи — голубым стеклом (рис. 149). Рельеф заполнен мастикой; на обороте подложена бронзовая пластинка, на которую заходят края золотой; поперечная петля припаяна

по краям обратной стороны. Диаметр 3,7 см, высота 1,3 см (Манцевич, 1976, с. 178).

Функционально и морфологически все анализируемые бляхи одинаковы, запорожские лишь несколько видоизменены за счет декора и технологии, обычной для плакированных изделий бирюзово-золотого «звериного» стиля. Комплект таких блях, судя по всему, составлял 6 штук. Пара блях располагалась на висках коня, декорируя место соединения налобного и



Рис. 147. Уздечные принадлежности из Бедражий Векъ (фото автора)

суголовного ремней; еще пара — на храпе, в месте соединения переносья с нащечными ремнями; последние две скорее всего находились посередине нащечных ремней. Именно так расположены круглые бляхи, например, на оголовье коня с рельефа конного Палака (рис. 150).

Убор оголовья из кургана 5 могильника Чауш составляли 9 *коробчатых* овальных блях двух видов:

а) с четырьмя прорезями для ремней, расположенными крест-накрест (5 шт.);

б) с двумя прорезями, расположенными по длинной оси бляхи (4 шт.).



Рис. 148. Уздечные принадлежности из Антиповки (Гущина, 1961)

Корпус каждой бляхи состоит из овальной рамки, согнутой из полоски серебра, в которой прорезаны узкие прямоугольные отверстия для ремней. На рамку напаяны бронзовая лицевая и серебряная обратная пластины. Лицевая плакирована серебряной позолоченной фольгой со штампованным рельефным декором: рифленый валик по краю и в центре, между ними — линия выпуклых точек. Валик в центре бляхи обрамляет прорезной каст,

в который вставлен овальный (4 шт.) и прямоугольный (5 шт.) плоский полированный сердолик. Торец бляхи плакирован серебряной позолоченной фольгой, края которой заходят на лицевую и обратную пластины. Размер блях $4,8 \times 4,5$ см, толщина 0,8 см (рис. 127, 1; 127а, 1).

Судя по конструкции, бляхи с четырьмя прорезями украшали места пересечения налобного ремня с суголовным и нащечных ремней с переносом. В центре

налобного ремня и переносся размещалось еще по одной бляхе — с четырьмя и двумя прорезями. Три бляхи с двумя прорезями располагались на одном уровне посередине нащечных ремней и в центре храпа. Вес убора требовал соединения налобного и суголовного ремней между ушами коня, иначе вся гарнитура храпа сползала бы на ноздри и беспокоила лошадь.

Конструкция блях предусматривала только одновременный монтаж ремней оголовья и блях. При этом сначала в прорези рамки бляхи пропускались ремни, затем они сшивались, и только потом к рамке припаивались лицевая и оборотная пластины. Такая технология не предполагала возможности регулирования размера оголовья, и, стало быть, убор изготавливался индивидуально по размерам головы конкретной лошади. Это должно было увеличивать его и без того немалую стоимость. Безусловно, перед нами церемониальная узда, не использовавшаяся в повседневной практике.

В этот же убор входили серебряные прямоугольные обоймы-зажимы, подвижно закрепленные на трензельных кольцах. Пара обойм соединяла удила и оголовье, вторая пара — удила и повод. Обоймы состояли из двух пластинок, между которыми зажимался ремень. Пластинки, составлявшие корпус обоймы, соединялись четырьмя заклепками с серебряными головками. Эти же заклепки фиксировали на верхней пластине полосу позолоченного серебра с рельефным декором в стиле уздечных блях, инкрустированную двумя овальными вставками лилового и зеленого стекла (рис. 127, 6; 127а, 5, 6).

Ближайшими аналогами этому набору служат хорошо известные гарнитуры из кургана 2 могильника Аэродром-I (рис. 151) на Нижнем Дону (Белинский, Бойко, 1991) и кургана 13 у с. Кишпек на Северном Кавказе (Бетрозов, 1987, с. 36–39, рис. V, VI, VIII). Наборы чуть иной конструкции, одна-



Рис. 149. Бляхи из Запорожского кургана (фото автора)



Рис. 150. Рельеф конного Палака из Неаполя Скифского (Высотская, 1979)



Рис. 151. Уздечные принадлежности из могильника Аэродром-I (Габуев, 2005)

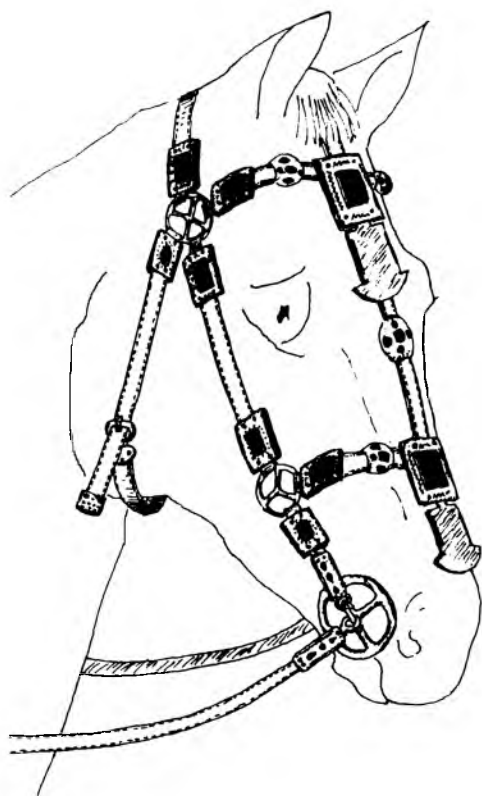


Рис. 152. Оголовье из могильника Комаров-II (реконструкция автора)

ко той же принципиальной схемы (рис. 152а, 153) происходят из нескольких погребений Пантикапея (Šarov, 1994) и могильника Комаров-II на Нижнем Дону (Габуев, 2005, с. 30–31, кат. № 50–52).

Уникальный набор украшений оголовья происходит из скл. 17 могильника Нейзац (рис. 154). Он состоял из семи литых бронзовых пронизей в виде головок собаки (?) и барана (Храпунов, 2004, с. 217, рис. 34, 9–15). Последняя, по мнению И. Н. Храпунова, украшала переносье, шесть пронизей в виде головки собаки — остальные ремни оголовья. Аналоги этому убору мне неизвестны.

Хронология. «Странные комплексы» с перстневидными бляхами, наременными спиральками и скобочками, полусферическими и плоскими бляхами и бляхами с личинами датируются рубежом II–I вв. до н. э. Несколько старше перстневидные бляхи и бляхи с личинами из курганов 14 и 31 у Глиного: в первом найдены две родосские амфоры с клеймом Архократа (201–194 гг. до н. э.), во втором — синопская амфора с клеймом Дионисия, сына Дионисия, внука Клейтагора (244/220 гг.



Рис. 152а. Уздечные принадлежности из могильника Комаров-II (L'or, 2001)



Рис. 153. Набор оголовья из Керчи

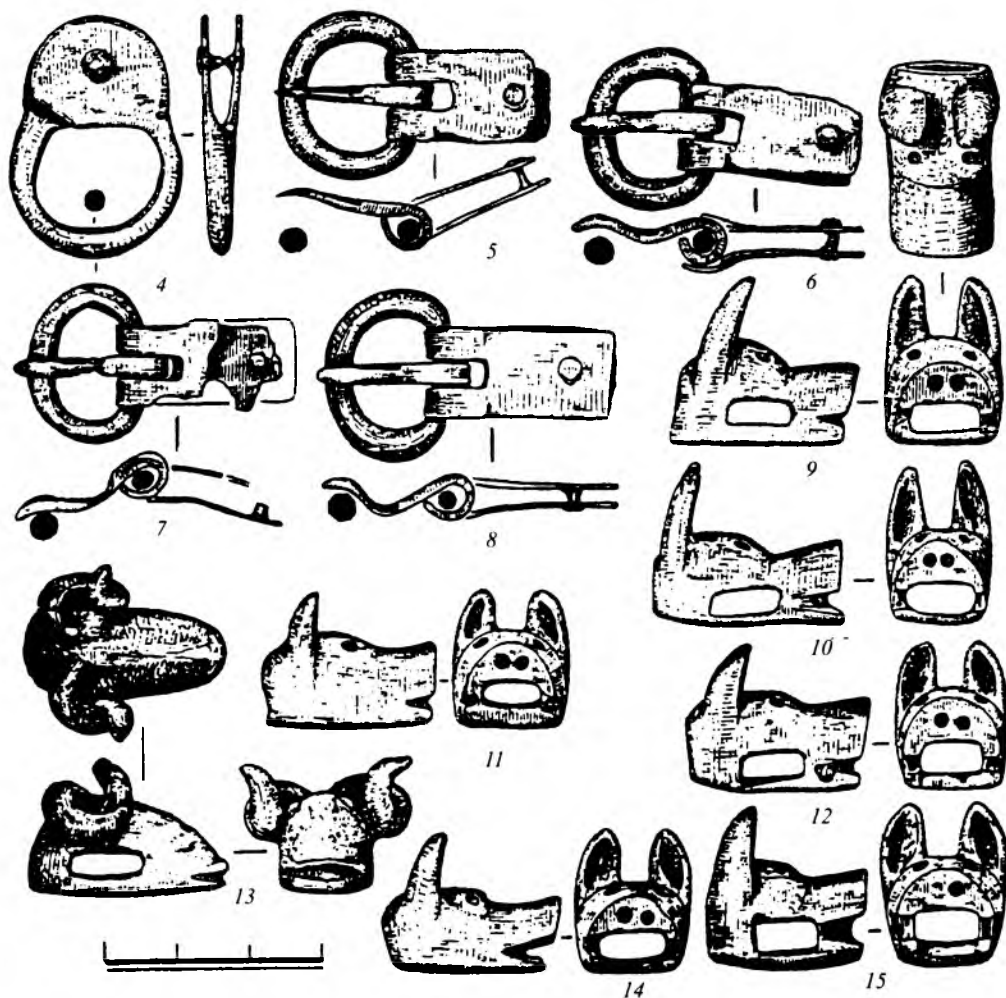


Рис. 154. Набор оголовья из могильника Нейзац (Храпунов, 2004)

до н. э.). Находки в Тираспольских курганах определяют время появления у поздних скифов своеобразного набора, куда входили налобники с крючком, бляхи с личинами, перстневидные и круглые бляхи, удила с крестовидными и Х-видными псалиями, фалары с геометрическим орнаментом. Однако эти вещи есть и в более поздних (времени Митридатовых войн) «странных комплексах», оставленных сарматами. Очевидно, им пришлось по вкусу уздечки союзников-скифов, с которыми

они познакомились во время совместной службы Митридату.

Запорожский курган, из которого происходят полихромные круглые бляхи, датируется, как и большинство памятников этого круга, второй половиной I — II в. н. э.

М. М. Фокеев считал, что курган 5 могильника Чауш относится ко второй половине III в. н. э. (Фокеев, 1990, с. 109). Исследователи нижнедонских комплексов отнесли их к более широкому хронологическому диапазону — Аэродром к концу

III — началу IV, Комаров — ко второй половине IV в. н. э. (Белинский, Бойко, 1991, с. 95). М. М. Казанский и О. В. Шаров полагают, что этот стиль появляется не раньше IV в. н. э. (Казанский, 1995, с. 238–243). С. А. Яценко и В. Ю. Малашев предложили более дробную хронологию таких наборов: комплексы из Аэродрома и Кишпека они отнесли к рубежу III–IV — первой четверти первой трети IV в. н. э., а наборы из Чауша, Пантикапея и Комарова сочли более поздними, датируя их от второго-третьего десятилетий IV в. до начала гуннской эпохи (Яценко, Малашев, 2000, с. 228). Я полагаю, что все наборы этого типа датируются первой половиной IV в. и составляют две стилистико-технологические группы: в первую входят наборы из Чауша, Аэродрома, Кишпека, во вторую — из Пантикапея и Комарова.

Склепы могильника Нейзац использовались долго, поэтому точную хронологию каждого погребения установить трудно. Могильник функционировал со второй половины II до конца IV в. н. э. (Храпунов, 2004, с. 134). Судя по типам наременной гарнитуры, погребение коня в скл. 17 относится к первой половине III в. н. э.

5.4. Нашечники

К этой категории относятся несколько единичных, но выразительных экземпляров. В «странном комплексе» из Бубуеч были найдены две бронзовые пластины сложной округло-трапецевидной формы, покрытые рельефными композициями (рис. 155). Они издавна привлекали внимание исследователей своей необычностью. Обзор различных мнений по поводу этих пластин, их описание и размеры содержатся в статье В. И. Мордвинцевой. Она считает иконографию пластин кельто-

фракийской (Мордвинцева, 2001, с. 112–113), солидаризуясь в этом с Е. С. Нефёдовой, в свое время исследовавшей их (Нефёдова, 1993; 1994).

Определить назначение бубуечских пластин как нашечников помогла находка у Чистенького. Там подобные пластины были найдены *in situ* на черепе коня. Датируют могилу в Чистеньком по-разному: второй половиной II в. до н. э. (Зайцев, 2005, с. 93) либо концом II — началом I в. до н. э. (Симоненко, 2001а, с. 98).

Нашечники такого типа нигде, кроме двух упомянутых памятников, пока не найдены¹², и эта их редкость лишает возможности каких-либо обобщений. Мы можем лишь констатировать, что в раннесарматское время такие оригинальные нашечники украшали уздечки боевых коней сарматов и поздних скифов Северного Причерноморья.

В упомянутом «комплексе» из коллекции «Платар» есть две прямоугольные пластины с несколько прогнутыми длинными сторонами. Лицевая сторона их украшена рельефным орнаментом из чередующихся поперечных рядов кружков и зигзагообразных линий, в центре разделенных рядом точек. На одном из коротких торцов с оборотной стороны приклепана горизонтальная петля. Размеры пластин 12 × 6 см (рис. 140, 12).

Скорее всего это нашечники — другого места на оголовье им нет. В скифской узде нашечники такой формы почти не использовались. В качестве относительно аналога можно назвать лишь прямоугольные серебряные нашечники набора № 2 из кургана Хомина Могила, датированного Б. Н. Мозолевским концом IV —

¹² В. И. Мордвинцева повторила ошибку М. И. Ростовцева, считая, что в кургане I Васюриной Горы найден подобный нашечник (Мордвинцева, 2001, с. 111): то, что она имела в виду, является фрагментами пластинчатого нагрудника (Беглова, 2002, с. 160, рис. 5, 1, 2).

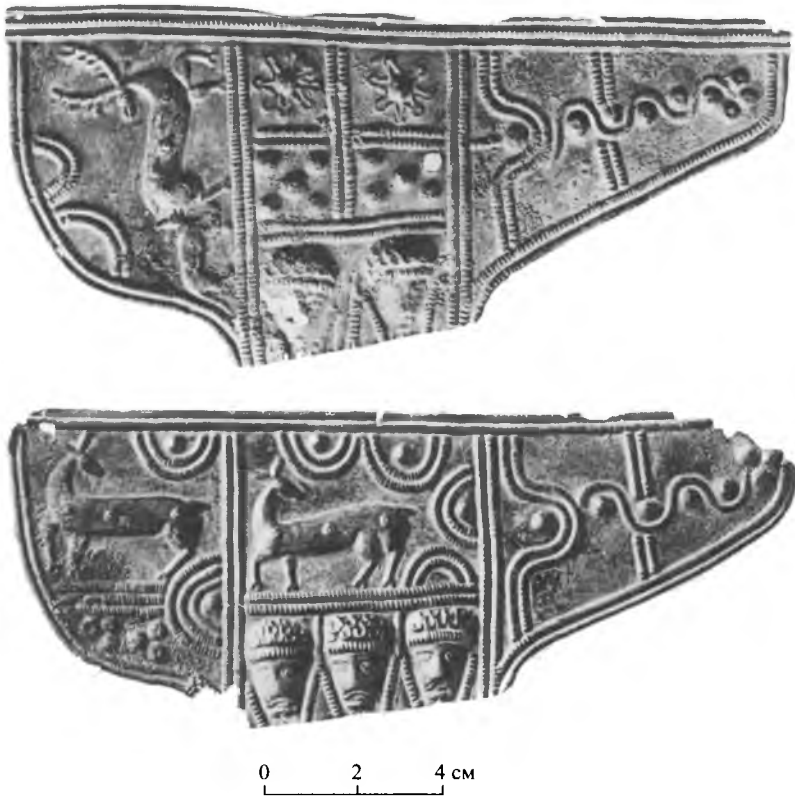


Рис. 155. Нашечники из Бубучь (фото ГИМ)

началом III в. до н. э. (Мозолевский, 1973, с. 218, 234, рис. 30). Декор пластин из коллекции «Платар» выглядит деградировавшим геометрическим орнаментом набора из Хоминой Могины.

Подобные орнаментальные мотивы и техника их нанесения характерны для кельто-фракийского искусства. В связи с этим нелишним будет отметить, что оголовье второго коня из Хоминой Могины было украшено серебряным набором в типичном фракийском «роскошном» стиле (Мозолевский, 1973, с. 214, рис. 27).

В кургане 14 у Казаклии найдены два фигурных нашечника, две круглые бляхи и остатки удила с обоями для поводка и нашечного ремня (Agulnikov, Simonenko, 1993). Гарнитура выполнена из серебряных

пластин, лицевая часть которых плакирована золотом. На ней напаяны вертикальные серебряные перегородки, образующие геометрический узор, заполненный красной, голубой и зеленоватой эмалью. Монтаж гарнитуры происходил следующим образом: деталь убора накладывалась на ремень, а с тыльной стороны к ней приклепывалась тонкая серебряная пластинка (рис. 156, 1).

Полного аналога казаклийским нашечникам нет, а аналогичные зажимы ремней на трензельных кольцах хорошо представлены среди находок из керченских склепов эпохи Великого переселения народов (Засецкая, 1993, табл. 18, 57, 58а; 19, 58б; 36, 170б), правда, на керченских вещах оба зажима (и уздечный, и поводной) длинные,

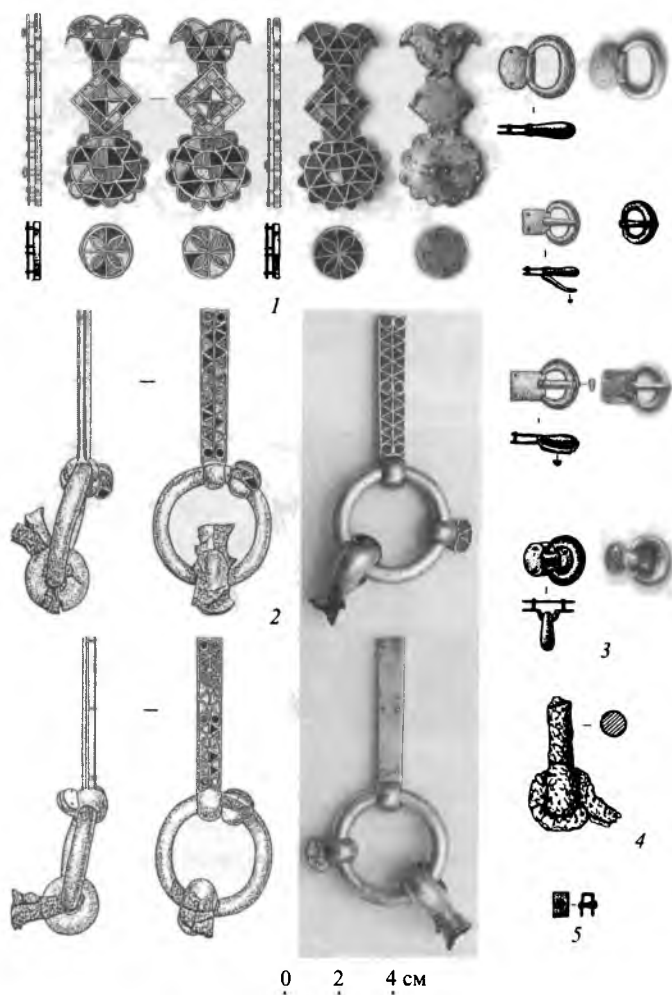


Рис. 156. Уздечные принадлежности из Казаклии, к. 14

а в Казаклии зажимом для, скорее всего, ремня оголовья служит маленькая овальная бляшка. Однако общие стиль, конструкция и технология изготовления казаклийской и керченских уздечек, несомненно, говорят об их принадлежности одной эпохе, но, судя по разноцветной эмали и пряжкам, казаклийские вещи несколько старше керченских. Убор из кургана 14 у Казаклии, выполненный в технике догуннского клуазонне, датируется второй половиной IV в. н. э., возможно, ближе к концу столетия (Agulnikov, Simonenko, 1993, p. 95).

5.5. Налобники

Сарматские налобники по конструкции и форме объединяются в несколько типов. Наиболее многочисленны т. н. *налобники с крючком*, впервые выделенные более 25 лет назад (Симоненко, 1982). Их основные характеристики таковы: стержневидный или плоский топоровидный корпус с вертикальной петлей в верхней части, от которой отходит «крючок», кольцевидно

или S-видно загнутый вперед. По форме корпуса выделяются изделия двух вариантов.

1. *Стержневидные* (3 экз.). Найдены в Марьевке (рис. 131, 1; 131b, 2), Брэвичень (рис. 142, 16) и Веселой Долине. Налобники из Марьевки и Брэвичень близкой конструкции: прямой стержневидный корпус слегка расширен посередине, заканчивается конической кнопкой (Брэвичень) или диском (Марьевка), крючок кольцевидно загнут. Конец его оформлен шариком (Марьевка) либо конической кнопкой (Брэвичень). Несколько различно оформление петли — на марьевском она образована овальным расширением стержня, на брэвиченьском заметно выдается вперед. Корпус и крючок налобника из Веселой Долины обломаны, а петля образована кольцевым расширением верхней части корпуса. Длина изделий 21,6 (Марьевка) и 20 (Брэвичень) см.

2. *Топоровидные*, с плоской лопастью (11 экз.). Большинство изделий из бронзы (Бубучь, Тараклия, Семеновка, Великоплатское, Нововасильевка, Снигиревка), некоторые серебряные (Бедражий Век, Великоплатское), экземпляр из Ногайчинского кургана железный. Длина налобников этого варианта 12–15 см.

Наиболее многочисленная «стандартная» форма — гладкая топовидная лопасть с вертикальным бортиком, иногда слегка изогнутая по поперечной оси, петля в овальном расширении, S-видно изогнутый крючок, заканчивающийся биконической кнопкой или шариком (рис. 135, 1; 138, 1, 2; 140, 1–5; 141; 157). Заметим, что такие налобники характерны только для Северо-Западного Причерноморья, в других регионах их нет.

Некоторые экземпляры этого типа — с индивидуально оформленной петлей или крючком: зубчики и фасетки (Семеновка, Нововасильевка, Великоплатское), — украшенной насечками кнопкой (Нововасиль-

евка, Великоплатское). Иногда крючок загнут кольцевидно (Бубучь), на налобнике из Тараклии он отлит вместе с лопастью в виде кольца с выступом, имитирующим S-видный изгиб (рис. 159, 2). Налобники из Великоплатского (рис. 158) — с центральным продольным ребром, волнистым краем (бронзовый) и чеканным орнаментом (серебряный); у серебряного налобника из Бедражий Век — узкая, трехгранная в сечении лопасть (рис. 147).

Аналогии причерноморским налобникам с крючком типологически разнообразны и происходят из памятников различной культурной принадлежности. Семь прекрасных налобников с крючком найдено в Тираспольских курганах — впервые (если не считать находку в Чистеньком) в погребальных комплексах (Яровой, Четвериков, 2000, с. 14–15). Среди них — железные и бронзовые, разных вариантов — как «стандартные», так и уникальные (рис. 159, 1, 9–11,



Рис. 157. Налобники с крючком из Бубучь

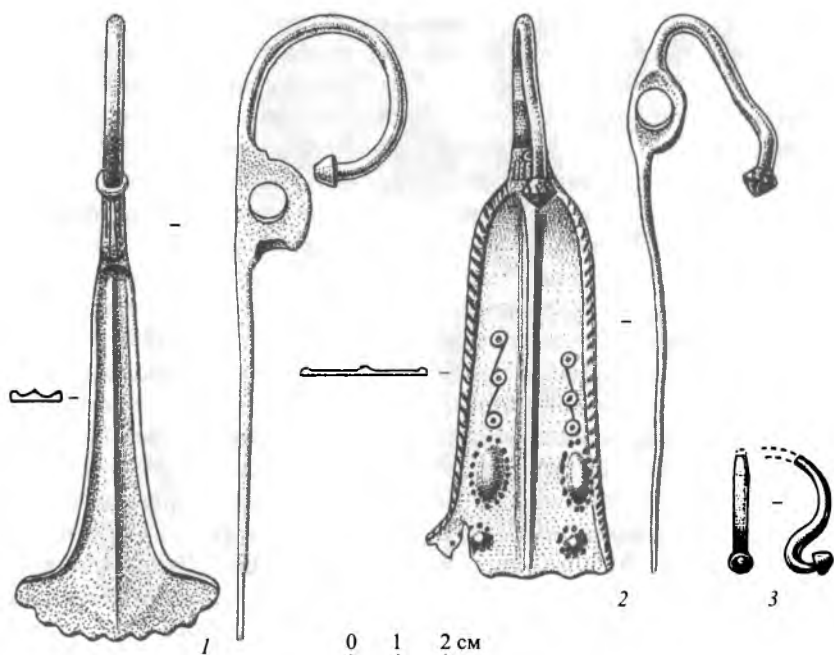


Рис. 158. Налобники с крючком из Великопловского

17)¹³. Фрагмент бронзового налобника этого класса найден в контексте второй половины III в. до н. э. на поселении Кошары¹⁴.

В сарматских «странных комплексах» на Среднем Дону (Антиповка, Клименков) найдены серебряные изделия с орнаментированной лопастью (рис. 130, 8; 148, 3). Скорее всего сарматами оставлено погребение в кургане на участке Зиссерманов, где найден стержневидный налобник (рис. 159, 22), хотя И. И. Гущина считала его меотским (Гущина, 1983, с. 95, 97). Несколько налобников с овальной лопастью найдено в варварских погребениях по обеим сторонам Боспора — курган близ Керчи (рис. 159, 26), Зеленской курган (рис. 159, 24), курган 1 на Васюриной Горе¹⁵. Окончание крючка

зеленского налобника оформлено в виде головки лебедя, лопасть декорирована врезным орнаментом, крючки экземпляров с Васюриной Горы — в виде головок грифонов (рис. 159, 24).

Происхождение, хронология и ареал.

Прототипами налобников с крючком являются аналогичные украшения узды скифских коней V–IV вв. до н. э. При такой же форме ранние налобники гораздо меньше. Стержневидные найдены в Частых курганах и Таврической губернии (рис. 159, 1), изделия с топовидной и овальной лопастью (рис. 159, II–IV) — в Среднем Подонье (Замятин, 1946, рис. 6, 1; Пузикова, 1964, с. 33; Либеров, 1965, рис. 2, 162), Поднепровье (Бобринский, 1910, с. 67; Петренко, 1967, с. 96) и на Каменском городище (Граков, 1954, с. 133, рис. 19, 6).

Свой поздний облик, анализируемый здесь, налобники с крючком приобрели во второй половине III в. до н. э. Об изготовлении их в Неаполе Скифском говорит

¹³ Благодарю Е. В. Ярового за разрешение обратиться к неопубликованному материалу и И. А. Четверикова за предоставленные рисунки.

¹⁴ Любезное сообщение Е. Ф. Рединой.

¹⁵ Библиографию аналогий см.: Симоненко, 1982, с. 244–245; Полин, 1992, с. 50–66.

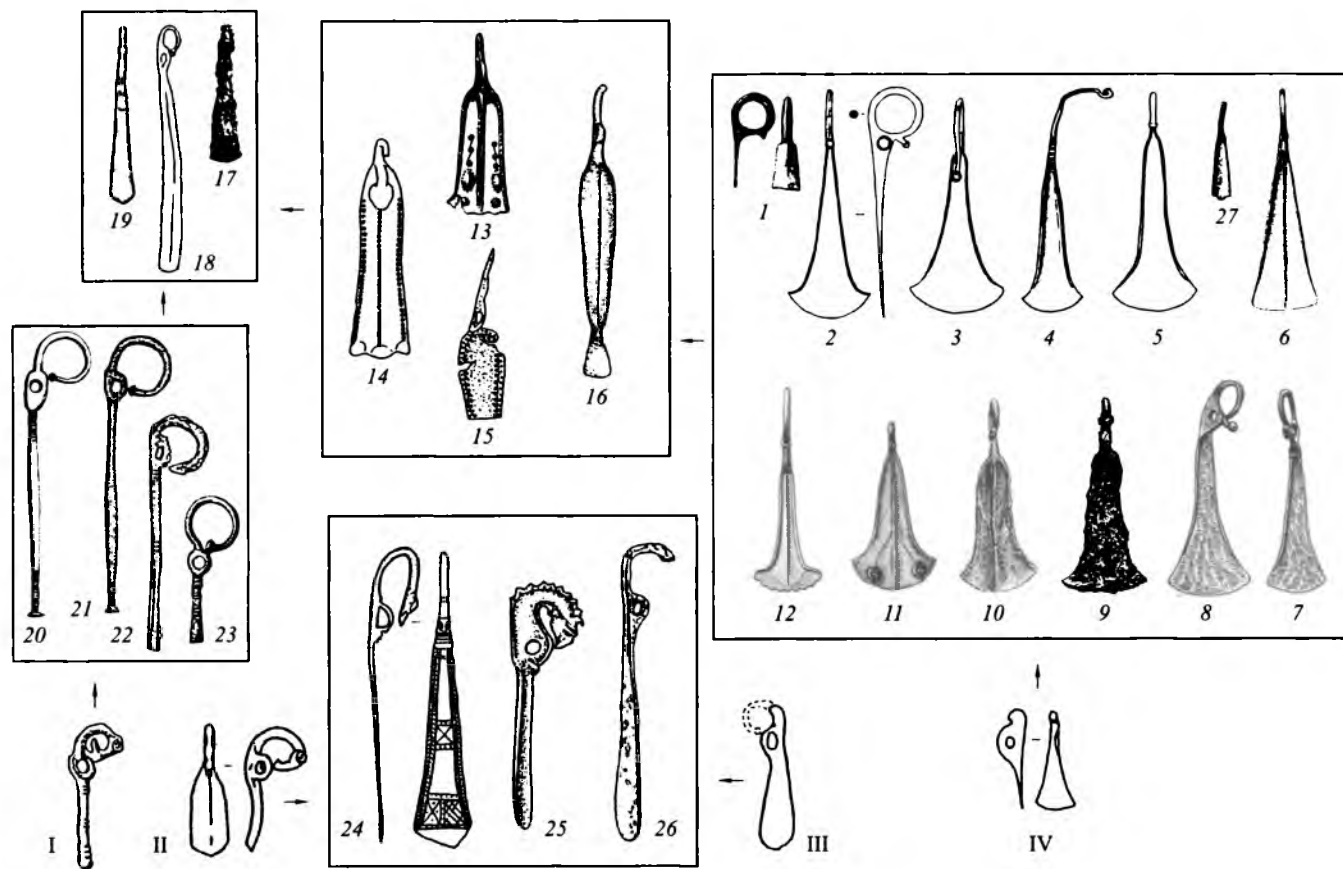


Рис. 159. Налобники с крючком:

1, 9–11, 17, 27 — Тираспольские курганы; 2 — Тараклия; 3 — Нововасильевка; 4 — Семеновка; 5 — Бубучь; 6 — коллекция «Платар»; 7, 8 — Снигиревка; 12, 13 — Великопольское; 14 — Клименков; 15 — Антиповка; 16 — Ханкальское городище; 18 — Бедражий Век; 19 — Ногайчинский курган; 20 — Марьевка; 21 — Брзвичень; 22 — участок Зиссерманов; 23 — Прочноокопская; 24 — Зеленской курган; 25 — Васюрина Гора; 26 — Керчь; I–IV — скифские налобники IV в. до н. э.

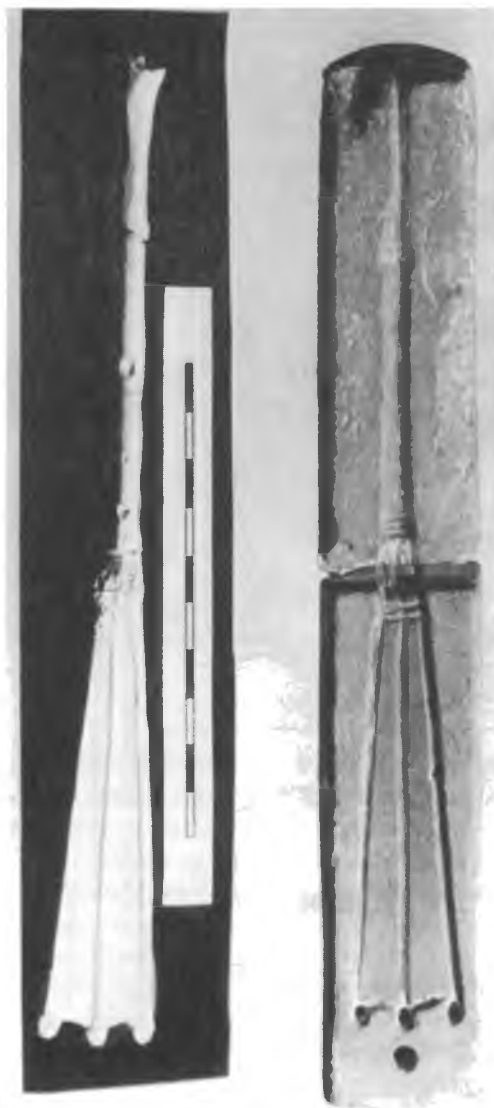


Рис. 160. Литейная форма из Неаполя Скифского (фото Т. Н. Высотской)

найденная там литейная форма (Симоненко, 1982, с. 243) из ручки родосской амфоры (рис. 160). Она соответствует одному из великоплосковских налобников (рис. 158, 1), лишь край лопасти иной. Возможно, он доделывался ковкой. Впрочем, широкий ареал этих налобников не исключает, как вер-

но заметил С. В. Полин, и других центров их изготовления (Полин, 1992, с. 65).

Хронология налобников охватывает несколько веков и стала предметом активной дискуссии. В свое время я датировал их III–I вв. до н. э. (Симоненко, 1982, с. 242), что вызвало критику со стороны С. В. Полина. Ориентируясь на датировку «странных комплексов» с такими налобниками, он считал, что дата большинства их не выходит за пределы II–I вв. до н. э. (отдавая предпочтение последнему столетию), а отдельные экземпляры были сделаны еще в IV в. до н. э. (Полин, 1992, с. 64–65). После находок в Тираспольских курганах заговорили о дате III–II вв. до н. э. как для налобников, так и для «странных комплексов» Северо-Западного Причерноморья, связывая их теперь с населением, оставившим эти курганы (Яровой, Четвериков, 2000, с. 15–16; Дзиговский, 2003, с. 58–59; Зайцев, 2005, с. 94). Наверное, не стоит быть столь категоричными: этот вопрос не прост и требует анализа каждой из его составляющих.

Начнем с комплексов, которые С. В. Полин считал наиболее ранними. Налобник из Зеленского кургана, вопреки мнению К. Ф. Смирнова, А. К. Амброза, Ю. А. Виноградова и других исследователей, С. В. Полин датировал последней четвертью IV в. до н. э. (Полин, 1992, с. 59). Однако заметим, что конская могила с налобником связана со впускным погребением, а последней четвертью IV в. до н. э. датируются основные погребения Зеленского кургана. Соответственно впускное погребение и связанное с ним конское должны быть более поздними. Напомню, что первое, дату которой оспорил С. В. Полин, датировалось III в. до н. э. по расписной чернолаковой пелике (Смирнов, 1953, с. 29). Впрочем, дата изготовления пелики еще не фиксирует время ее попадания в погребальный комплекс — есть примеры долгого бытования у варваров и менее дорогих

вещей (обычной чернолаковой и краснолаковой керамики). Далее, в составе инвентаря впускного погребения находились такие хронологические индикаторы, как полихромная фибула-брошь и золотая диадема с застежкой в виде гераклова узла (Долгоруков, 1984, с. 97). Первую А. К. Амброз с учетом даты пелики отнес к III в. до н. э. (Амброз, 1966, с. 30). Но и до сих пор нет ни одного комплекса с такими фибулами, который датировался бы раньше II в. до н. э. Да и сам А. К. Амброз ограничил дату подобных застежек II—I вв. до н. э. (Амброз, 1966, с. 30). К такому же выводу пришел М. Ю. Трейстер, принявший тем не менее раннюю (первая четверть III в. до н. э.) дату фибулы из Зеленского кургана (Treister, 2002, p. 31, 45).

Застежки диадем в форме гераклова узла характерны для позднего эллинизма (Максимова, 1979, с. 49). По мнению С. В. Полина, на раннюю дату впускной могилы указывают находка стригилей или оформление крючка налобника в виде головки лебеда. Это не аргумент: стригили находили в могилах как конца II — I в. до н. э. (Артюховский курган), так даже и II — середины III в. н. э. (Горгиппия, скл. 2). Этим же временем датируются некоторые изделия с зооморфными (в том числе и с головкой лебеда) окончаниями (Максимова, 1979, с. 88; Алексеева, 1987, с. 177). Бусины из впускной могилы Зеленского кургана датированы Е. М. Алексеевой IV в. до н. э. как раз на основании даты кургана, и, соответственно, уточнить ее не могут. Таким образом, не исключено, что датировка впускного погребения и связанной с ним конской могилы с налобником концом IV или даже III в. до н. э. занижена. Памятник весьма сложный и требует отдельной разработки.

Так же сложно однозначно датировать конскую могилу кургана I Васюриной Горы, где найдены два налобника с крючками в виде голов грифонов. Склеп был

использован вторично во II в. до н. э. (Яценко, 1962, с. 50; Полин, 1992, с. 64). В позднесарматское время в курган также было впущено погребение, не замеченное исследователями: от него остались фрагменты кольчуги и украшения узды (Ростовцев, 1914, табл. XVIII, 10, 11). С. В. Полин считал иконографию головок грифонов типичной для классического скифского «звериного» стиля и усомнился в том, что в сарматское время такой стиль мог сохраниться. И напрасно: мастера этого времени имели перед собой образцы такого стиля, например серебряный сосуд этрусского происхождения VII–V вв. до н. э., украшенный в общем тождественными головками и найденный в погребении кургана Хохлач конца I в. н. э. (Raev, 1986, p. 15). Не исключено также, что конское погребение кургана I Васюриной Горы связано с разграбленным дочиста вторичным захоронением в склепе и более позднее, чем сам склеп (см. ниже).

Тираспольские курганы с налобниками этого типа хорошо датируются родосскими и синопскими амфорными клеймами и фибулами среднелатенской схемы последней трети III — первой четверти II в. до н. э. (Яровой, Четвериков, 2000, с. 16). Могилу в Чистеньком, как уже говорилось, относят ко второй половине II в. до н. э. (Зайцев, 2005, с. 93) либо к концу II — началу I в. до н. э. (Симоненко, 2001a, с. 98). Наконец, «странные комплексы», откуда происходит большинство налобников, по моему мнению и мнению моих соавторов (Б. А. Раев, М. Ю. Трейстер, Е. Ф. Редина), датируются временем Митридатовых войн.

Таким образом, у налобников с крючком была долгая жизнь. Они появились у поздних скифов во второй половине III в. до н. э. как результат эволюции подобных форм V–IV вв. до н. э. Спустя 50 лет с ними познакомились соседи и сослуживцы скифов в войсках Митридата — сарматы (сираки), меоты и синды (находки в курганах на азиатской стороне

Боспора), и налобники с крючком стали деталью раннесарматской узды.

В «странном комплексе» из Марьевки вместе с налобником была найдена действительно странная вещь. Это бронзовая скоба из пластины толщиной 2 мм, U-образно согнутой по длинной оси. Концы ее свернуты в стержни и орнаментированы секциями тройных валиков, образованных врезными линиями. Завершаются они дисковидными окончаниями. В центре верхней части скобы изнутри вставлена повторяющая ее сечение пластинка, согнутая в горизонтальную петлю. Она соединена со скобой заклепками с высокими коническими головками (сохранилась одна). Длина изделия (по концам ветвей) 17 см, ширина 11,4 см (рис. 131а; 131б, 3).

М. Ю. Трейстер увидел в этой вещи кельтский псалий (Трейстер, 1992, с. 44). Однако приведенные им аналоги из кельтских комплексов Чехии V в. до н. э. могут

быть признаны таковыми лишь человеком, никогда не державшим в руках «псалий» из Марьевки (чего нельзя сказать о Трейстере, много лет проработавшем в ГМИИ им. А. С. Пушкина, где хранится эта вещь). Кельтские псалии литые, V-образные, круглые в сечении, с петлями для соединения с грызлом и поводом (рис. 161, 2–4). Окончания их не только дисковидные, как в Желковице (Želkovice), на которое ссылается М. Ю. Трейстер, но и в виде ажурных «утиных лапок», как в Седлец-Хурке (Sedlec-Hurka) (Soudska, 1976, s. 631, obr. 5, 2, 3). Конструкция марьевского изделия совершенно иная, и, кроме отдаленного сходства по форме, ничего общего между ним и кельтскими псалиями нет. Если принцип работы кельтских псалиев, при всей их вычурности и неудобстве для лошади и всадника, все же ясен, то как работал марьевский «псалий», остается загадкой. В устных дискуссиях с М. Ю. Трейстером я все-

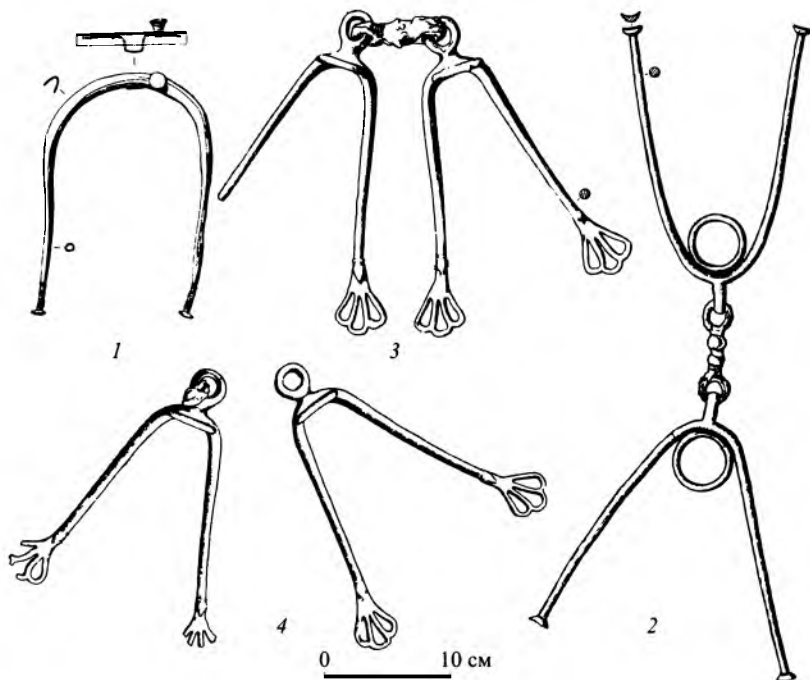


Рис. 161. Подковообразный налобник из Марьевки (1) и кельтские псалии из Желковице (2) и Седлец-Хурка (3, 4)

гда возражал против такой атрибуции марьевской вещи, однако при подготовке совместной статьи (Raev et alii, 1991) он без моего ведома ввел ее в текст.

Прямым аналогом марьевской является такая же скоба из конского погребения во входной яме катакомбы № 1 Прочноокопского могильника в Прикубанье. Совпадают размеры, орнаментация, способ крепления; лишь конструкция петли несколько иная (Анфимов, Пьянков, 2006, с. 209, рис. 3, 1). Примечательно, что и в этой могиле скоба найдена вместе со стержневидным налобником с крючком (рис. 162). Еще одна подобная вещь происходит из «клада», обнаруженного в культурном слое II Ханкальского городища в Чечено-Ингушетии (Петренко, 1975, с. 257, рис. 1, 1; Полин, 1993, с. 62, рис. 13, 7). Она несколько отличается от марьевской и прочноокопской находок: это уплощенная пластина со скошенными краями, в сечении близкая к П-образной. И здесь в составе убора присутствует налобник с крючком, хотя и несколько нестандартный (рис. 163).

П-образное сечение имеет дуговидная пластина из конского погребения 13 гетского некрополя в Зимнице (Alexandrescu, 1983, р. 77, fig. 7, 5; 8, 5), которую М. Ю. Трейстер привел как еще одну аналогию марьевскому «псалию». При этом его не смутило наличие в могиле удила с обычными С-видными псалиями и стержневидного налобника с крючком, подобного марьевскому (рис. 163а). Более того, последний был назван псалием редкого типа с окончанием в виде вопросительного знака, «характерным для латенских культур Средней Европы и Балкан». Как примеры таких находок были приведены налобники с крючком из Брэвичень и Зимницы (Трейстер, 1992, с. 44).

Стоит ли говорить о том, что слова «редкого типа» и «характерный» противоречат друг другу? Судя по описанию и фото (Федоров, 1960, с. 9, рис. 1), в Брэвичень найден

типичный сарматский «странный комплекс», а в уборе коня № 13 из Зимницы также есть явно сарматские вещи. Дуговидная пластина из него не что иное, как верхняя часть скобы типа найденной на Ханкальском городище, концы которой отрезаны при ремонте. На нашу территорию указывают и квадратная подпружная пряжка со шпеньком-застежкой (Alexandrescu, 1983, fig. 7, 4; 8, 4), и налобник с крючком. М. Ю. Трейстер понял эту находку с точностью до наоборот: деталь обычной раннесарматской узды, найденную на чужой территории и в ином культурном контексте, он назвал кельтским псалием редкого типа.

Таким образом, в четырех комплексах (два из которых найдены на Северном Кавказе) наблюдается устойчивое сочетание двух предметов конского убора: скобы с петлей и налобника с крючком. Примечательно, что концы скобы и налобника из Марьевки оформлены одинаково; не исключено, что такой же, как на концах скобы, декор был у прочноокопского налобника. Оба предмета составляли как бы гарнитур.

В Прочноокопской и Зимнице эти вещи были найдены у черепа лошади (в первом случае — между фаларами). Всё указывает на то, что перед нами один из видов налобника. Куда он крепился, сказать трудно. Если ориентироваться на горизонтальную петлю, то он мог надеваться на полоску кожи, соединявшую налобный ремень и назатыльник¹⁶. В этом случае ветви свисали по бокам морды, а между ними находился налобник с крючком; при этом их одинаково орнаментированные окончания находились примерно на одном уровне. Другого варианта я не вижу, хотя такое расположение выглядит очень

¹⁶ Другие вертикальные ремни оголовья исключаются, т. к. требуют симметричного расположения пар украшений, а подковообразный налобник в наборе всегда один.

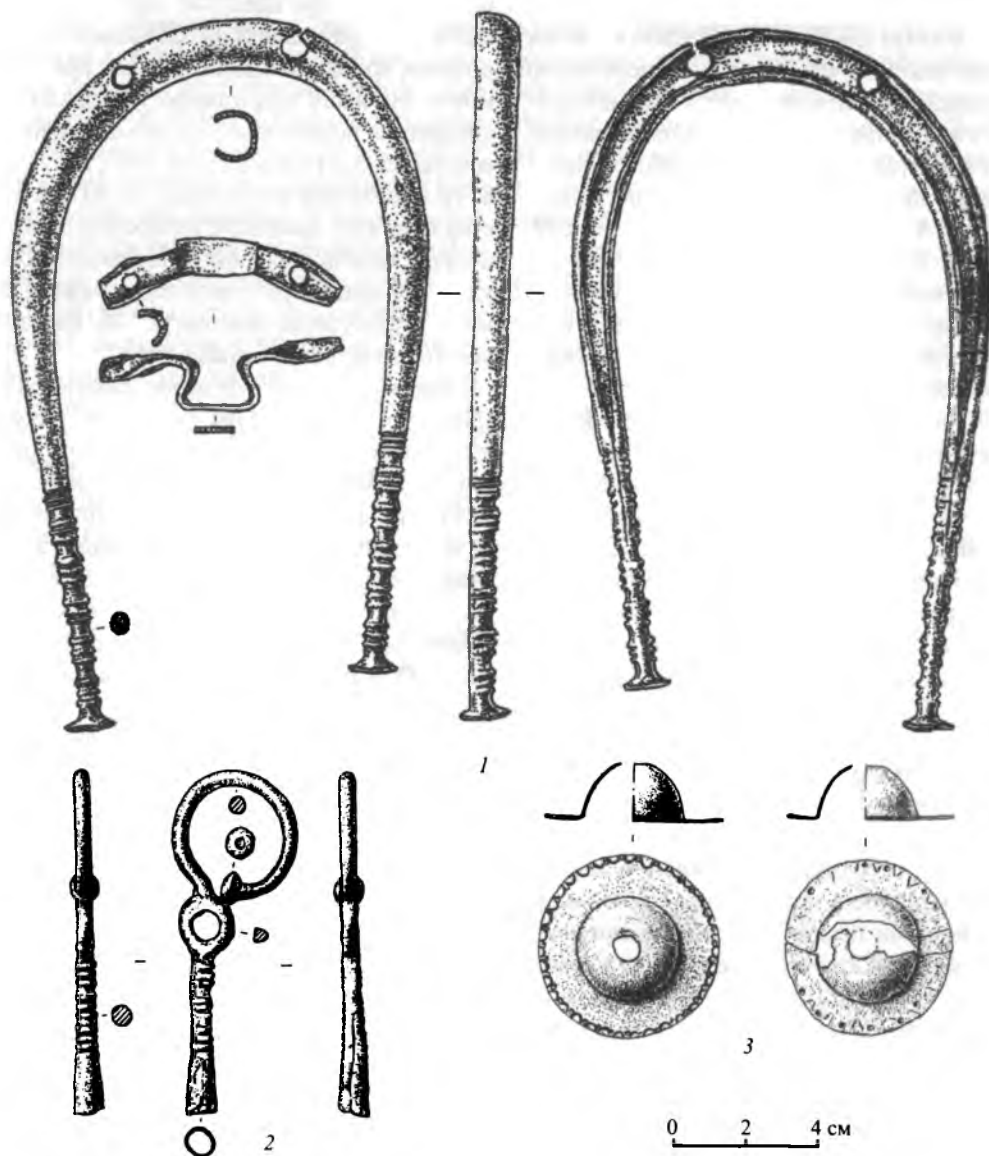


Рис. 162. Уздечные принадлежности из Прочноокопской (Анфимов, Пьянков, 2006)

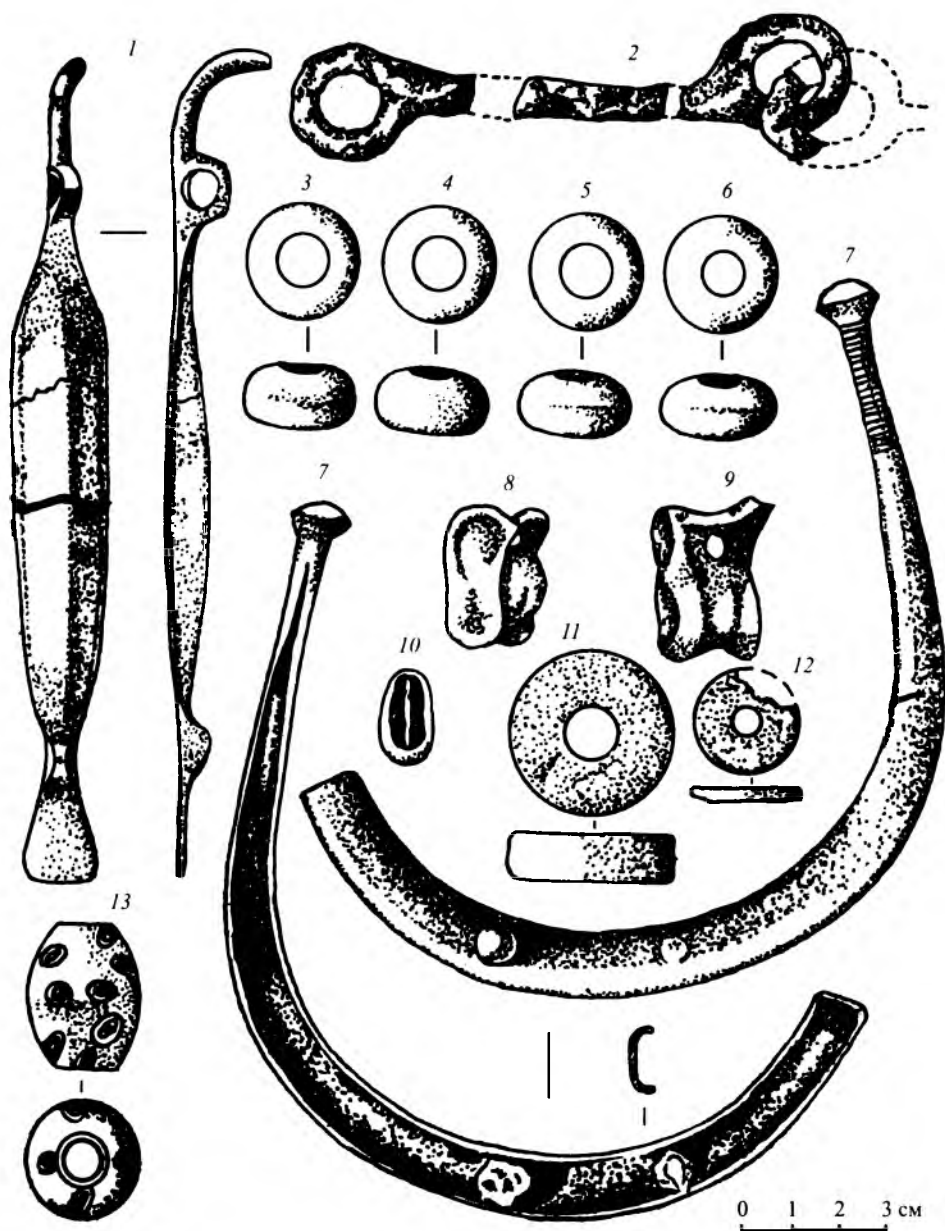


Рис. 163. «Клад» с Ханкальского городища (Петренко, 1975)

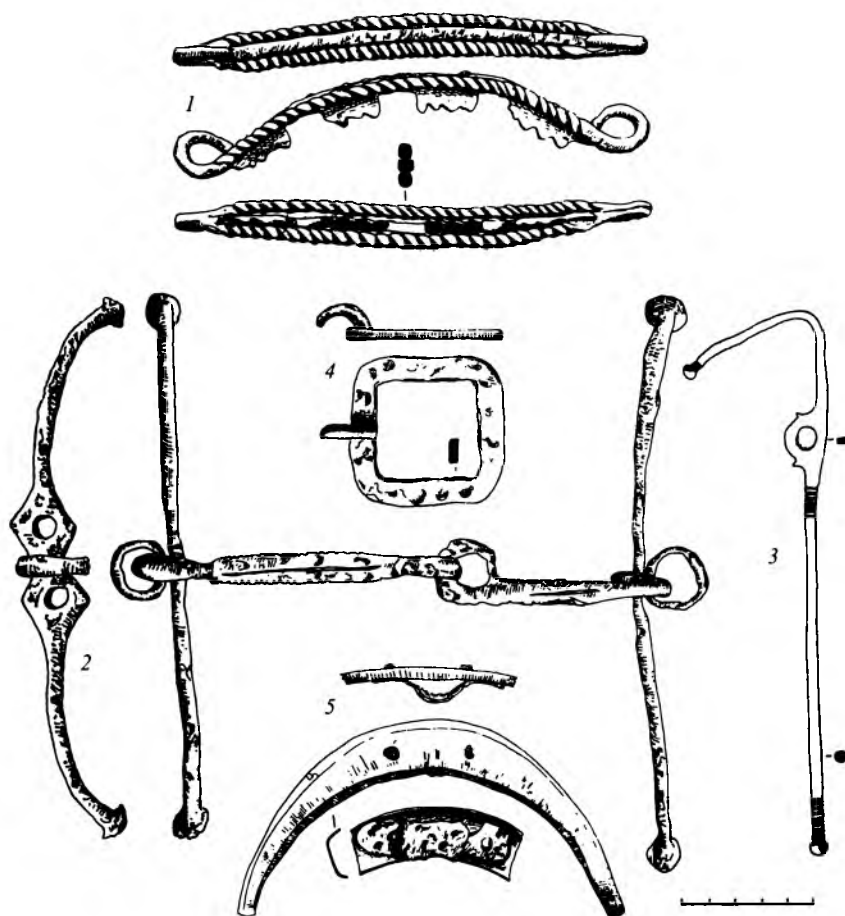


Рис. 163а. Инвентарь конского погребения из Зимницы (Alexandrescu, 1983)

неудобным для лошади и странным, с точки зрения современного человека. Впрочем, последняя никак не может быть основой для реконструкций древних реалий. Ю. П. Зайцев полагает, что это — украшение нагрудника (Анфимов, Пьянков, 2006, с. 215, сн. 1). Однако *in situ* оба раза вещи были найдены в районе головы. В любом случае скоба из Марьевки и аналогичные ей вещи не являются кельтским псаллями.

В разрушенном в 1902 г. крестьянами кургане близ Никополя были обнаружены два больших бронзовых пластинчатых

налобника¹⁷. Верхняя часть одного из них круглая, в ней — штампованное кольцевидное углубление шириной 4 см, создаю-

¹⁷ Культурная принадлежность памятников — особенно северокавказских — с такими налобниками и пластинчатыми нагрудниками (см. ниже) различна, а иногда не определена. Однако сарматы также входили в число народов, у которых такое снаряжение было в ходу: налобники типа никопольских известны у сираков (Марченко, 1996, с. 77, рис. 72, 10), а в комплексе близ Острога с пластинчатым нагрудником найден раннесарматский меч. Отнюдь не настаивая на сарматской принадлежности комплексов из Никополя и Острога, я все же посчитал возможным включить в работу снаряжение из них.

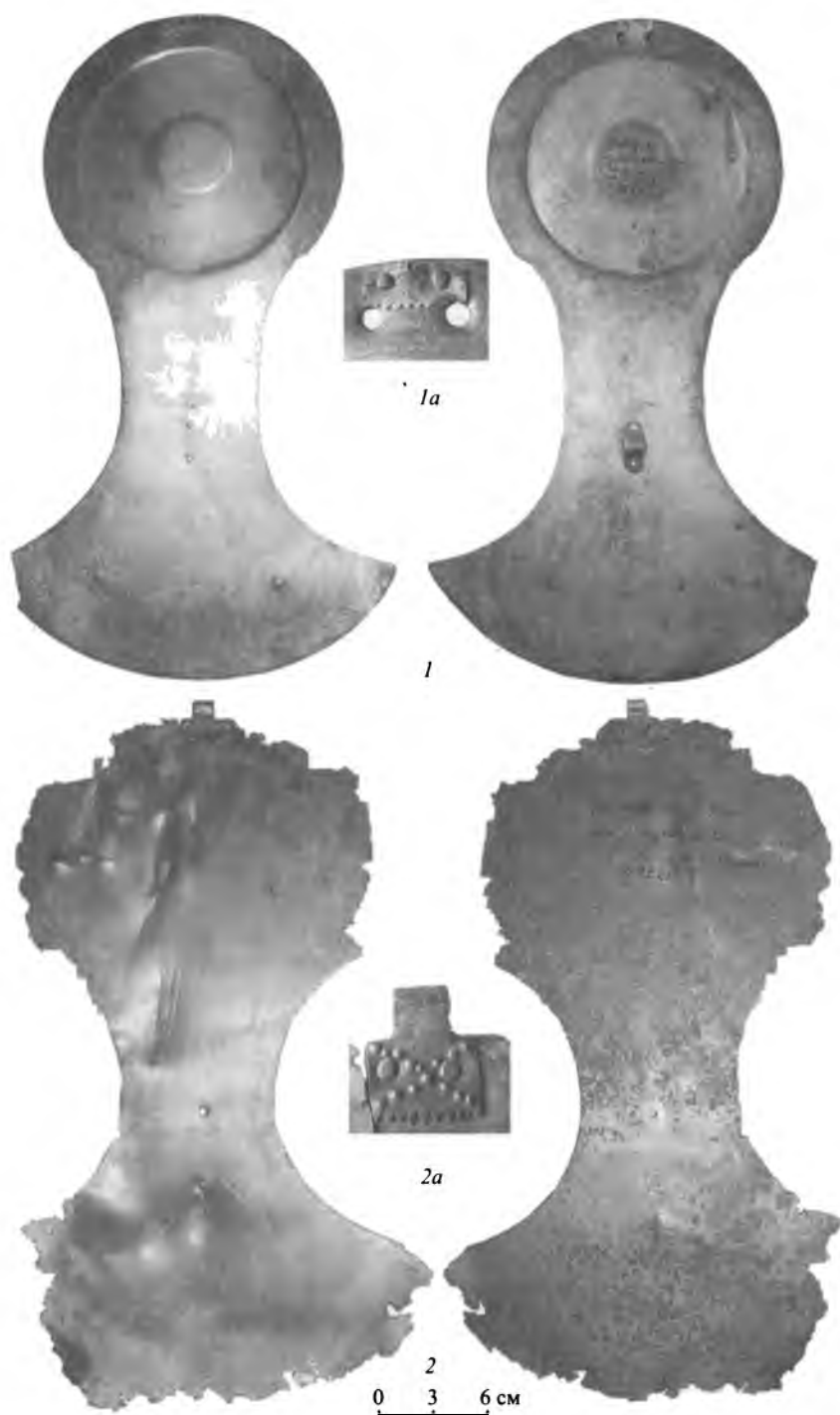


Рис. 164. Налобники из Никополя (фото автора)

шее выпуклые центр и бортик. В выпуклом центре — точка от ножки циркуля, от нее по всей верхней части расходятся 7 концентрических колец из тройных врезных линий: первое проходит по центру выступа, второе — по его краю, третье оконтуривает его основание, четвертое проходит по центру кольцевидного углубления, пятое оконтуривает основание выпуклого бортика, шестое и седьмое проходят по нему. На верхнем краю двумя заклепками прикреплена прямоугольная обойма с зубчатым краем — всё, что осталось от петли. Ниже ее — два отверстия (рис. 164, 1, 1а).

От круглой верхней части вниз отходит топовидная лопасть. В центре ее обратной стороны двумя заклепками прикреплена плоская вертикальная петля. Судя по ее качеству, она добавлена на старые отверстия реставраторами. Налобник отполирован с обеих сторон и прекрасно сохранился.

Второй налобник такой же формы, но плоский и неорнаментированный (рис. 164, 2). Похоже, что это заготовка для налобника типа описанного выше. Его лицевая сторона отполирована, но оборотная и края попорчены коррозией. На верхнем краю расположена вертикальная петля на прямоугольной обойме с зубчатым краем и Х-видной фигурой, пробитой пуансоном (рис. 164, 2а). В центре топовидной лопасти — два отверстия для крепления вертикальной петли, остаток которой сохранился. В момент находки на обороте пластин сохранялись остатки подкладки из войлока и кожи. Длина налобников 35 см (Павлукский, 1903, с. 37–40; Ханенко, Ханенко, 1907, с. 10–11, табл. III, 417, 418; Мурзин, Черненко, 1980, с. 155, рис. 1, 1, 4).

Отталкиваясь от того, что аналогичные налобники, хранящиеся в ГЭ, поступили туда от Д. Г. Шульца, В. Ю. Мурзин и Е. В. Черненко решили, что они происхо-

дят из Келермесских курганов и датируются VI в. до н. э. Соответственно, к этому же времени они отнесли и экземпляры из Никополя, сочтя их боевой защитой коней раннескифских воинов. Однако позже выяснилось, что эрмитажные налобники найдены у ст. Царской на Кубани (Марченко, 1996, с. 77). Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, исследовав такие налобники с Кубани, датировали их второй половиной IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2005, с. 166). Е. А. Беглова расширяет дату таких налобников до начала III в. до н. э. (Беглова, 2002, с. 161). Думаю, что они бытовали и позже.

В упомянутом погребении конца II в. до н. э. у Чистенького найден такой же налобник. Он был в свое время сломан, отремонтирован, а к лопасти был приделан (?) железный налобник с крючком (Зайцев, Колтухов, 1997, с. 50, рис. 3). Еще один экземпляр найден на Ставрополье в комплексе, который может быть датирован с IV по II в. до н. э. (Кудрявцев и др., 2000, с. 46; Беглова, 2002, с. 161). Наконец, в кургане на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища в нескольких погребениях и культовых комплексах предположительно II в. до н. э. найдено 8 таких налобников (Раев, Беспалый, 2006, с. 15, 19, 25, 26, 32, 33, табл. 13, 2; 19, 2, 3; 24, 2, 3; 28, 10; 31, 3; 32, 5).

Без сомнения, комплекс из Никополя имеет прямое отношение к перечисленным аналогиям. К сожалению, информация о нем настолько скудна, что сделать какие-либо уточняющие выводы невозможно. Находка в нем пластин нагрудника, составлявшего еще одну неотъемлемую часть такого убора, убеждает в культурной и хронологической близости комплексов из Никополя, Острога и с Северного Кавказа.

Среди наременных блях из позднейших аланских склепов Предгорного Крыма есть

и такие, которые могли служить налобниками. В склепе 275 могильника Нейзац найдена бронзовая прямоугольная ажурная пластина размерами $10 \times 2,4$ см. На верхнем ее краю — круглая петля, увенчанная головкой животного¹⁸. Эта вещь морфологически близка налобнику с крючком, и не исключено, что она им и была. Возможно, налобником или бляхой, помещавшейся на храпе, является бронзовая крестовидная пластина с заклепками из склепа 17 того же могильника (Храпунов, 2004, с. 215, рис. 32, 3).

5.6. Фалары

Фалары — большие круглые выпуклые или плоские бляхи — украшали нагрудник и/или подхвостник¹⁹. В первом случае они надевались на место соединения двух ремней — проходящего по груди и переброшенного через холку и находились на плечах коня; во втором — помещались на место соединения продольного и поперечного ремней подхвостника, примерно посередине крупы, с обеих его сторон. Именно так расположены фалары на многочисленных рельефах эллинистического и римского времени. Такая сбруя была распространена не только у кочевников, но и в античном мире — собственно, другой в то время и не существовало.

Фалары II–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье найдены преимущественно

в т. н. «кладах»²⁰; пожалуй, лишь находки у Твардицы и Балаклеи могут быть связаны с погребениями, однако в обоих случаях сведения недостоверны. По морфологии и стилистике их можно объединить в две группы. В первую входят полусферические серебряные позолоченные фалары с растительным орнаментом и сюжетными изображениями, во вторую — плоские серебряные и бронзовые фалары с геометрическим орнаментом.

Фалары первой группы изготовлены в технике басмы, с последующей доработкой деталей резцом, чеканом и другими инструментами и золочением внешней поверхности. Это высокие выпуклые бляхи диаметром 15–18 см, высотой 5–8 см. Край отогнут почти перпендикулярно, образуя закраину шириной до 1 см. Изнутри на ней крепились две расположенные друг напротив друга петли.

Наиболее распространенный мотив орнамента этой группы — четырехлепестковая розетка в обрамлении листьев аканфа или лотоса (Старобельск, Булаховка, Янчокрак, Твардица). Антропоморфные мотивы представлены ликом Гелиоса (Балаклея) и крылатым божеством (Янчокрак), зооморфные — львиными масками (Балаклея) и «шествию зверей» (Старобельск, Твардица). Закраина орнаментирована овами или «бегущей волной» (рис. 165–167).

Обстоятельный обзор многочисленной литературы по фаларам сарматского времени, точек зрения на их происхождение

¹⁸ Благодарю И. Н. Храпунова за разрешение включить в работу этот неопубликованный материал.

¹⁹ Иногда фаларами называют круглые бляхи оголовья (Mordvinceva, 2001, S. 66), но мне представляется целесообразным рассматривать их отдельно.

²⁰ В одной из работ (Мордвинцева, 2001а, с. 161) автор считала, что обстоятельства находок фаларов в большинстве случаев свидетельствуют о связи их с погребальным ритуалом. В другой (Mordvinceva, 2001, S. 69) она выделила две группы находок — в могилах и насыпях курганов (в последнюю были включены и причерноморские находки). Наконец, совсем недавно (Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 38) она пришла к той же точке зрения, что и высказанная здесь.



Рис. 165. Фалары из Старобельска (Тревер, 1940)



Рис. 166. Фалары из Северного Причерноморья (Mordvinceva, 2001):
 1 — Твардица; 2, 3 — Янчокрак (Гушина, 1969); 4 — Балаклея

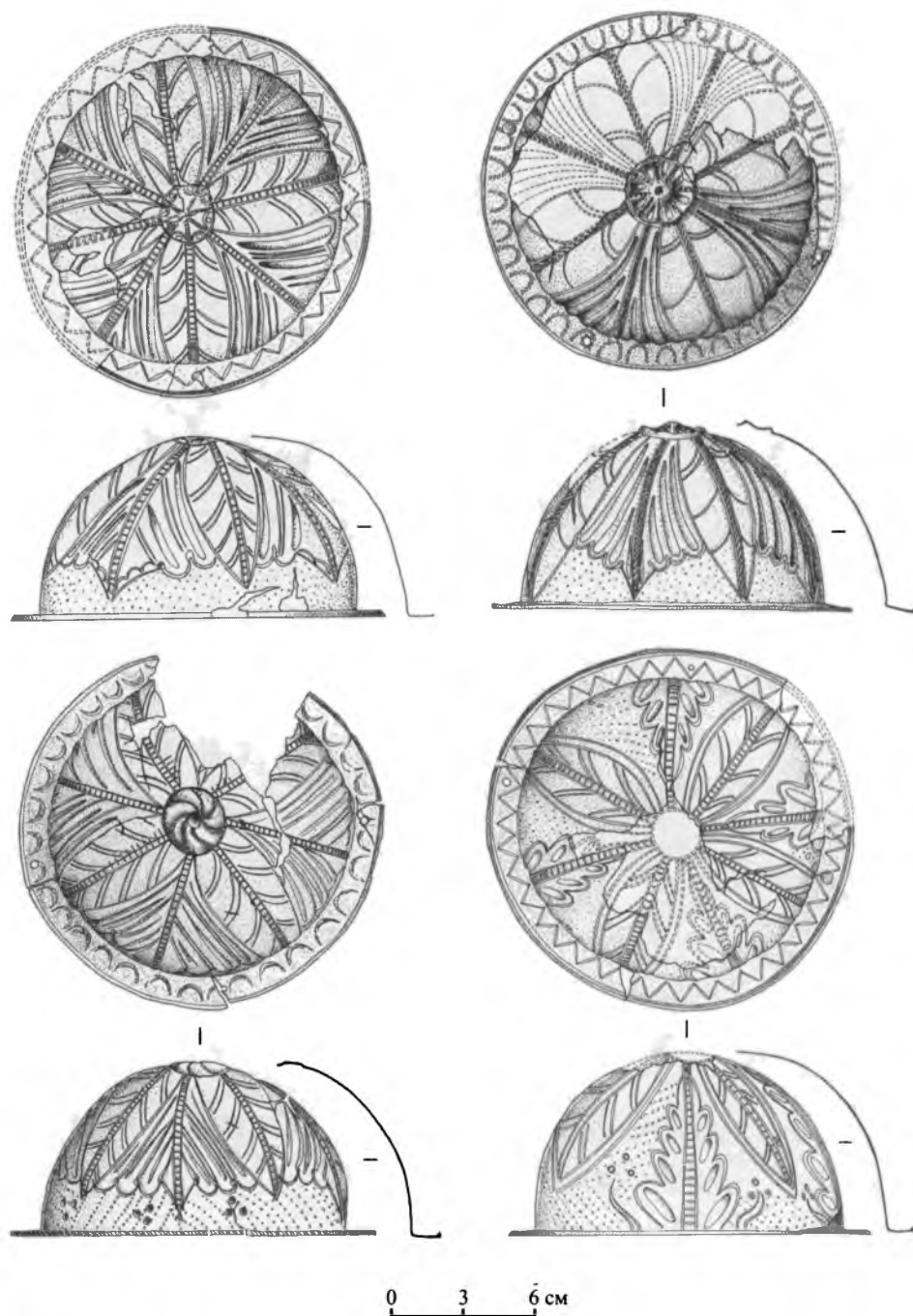


Рис. 167. Фалары из Булаховки

и стилистику и авторский взгляд на проблему содержатся в статье М. Б. Шукина (Шукин, 2001), и нет необходимости повторять его. Здесь мы рассмотрим лишь вопросы, связанные с находками на исследуемой территории.

Причерноморские фалары первой группы отнесены В. И. Мордвинцевой к изделиям «причерноморского графического стиля» (Мордвинцева, 2001а, с. 164). Не вдаваясь в подробности оснований ее классификации — задача данной работы не в этом, — соглашусь с М. Б. Шукиным: те особенности, которые выделила Мордвинцева, назвав их «стилями», на самом деле являются различиями «направлений» и «школ» в рамках одного художественного стиля (Шукин, 2001, с. 138). М. Б. Шукин предложил назвать его «стиль Малибу», с чем я не могу согласиться хотя бы потому, что такие вещи хранятся не только в Музее Пола Гетти.

Фалары этого круга найдены в основном в степях между Волгой и Днестром и в Прикубанье. Находки аналогичных украшений в Галиче (Болгария), Сёрче/Сурча (Szörce/Surcea)²¹ и Эрэстрэу (Herăstrău) (Румыния) и далее на запад вплоть до Ламанша связываются с различными событиями политической истории Европы времени позднего эллинизма (Шукин, 1989а, с. 36; 2001, с. 152–157).

Один из наиболее дискуссионных вопросов — происхождение и место изготовления этих украшений. Нандор Феттих (Fettich) и Янош Харматта (Harmatta), обоснованно сближая такие фалары с т. н. дакийским серебром, видели центр их производства в Северо-Западном Причерноморье. К. Ф. Смирнов считал, что боль-

шинство их изготовлено в один, довольно короткий, период в каких-то ремесленных центрах Северного Причерноморья — в Ольвии или на Боспоре. Эту точку зрения разделяет В. И. Мордвинцева. Должен заметить, что аргументация этого положения исчерпывается декларацией одного (Смирнов, 1984, с. 113) и общими рассуждениями другой (Мордвинцева, 2001а, с. 164; Mordevinceva, 2001, S. 64). До сих пор ни в Ольвии, ни на Боспоре нет каких-либо археологических следов производства подобных вещей. Между тем широкий ареал таких фаларов (от Волги до Прута и от границы лесостепи до Предкавказья) говорит о популярности у сарматов такого снаряжения, что вряд ли могли обеспечить один-два античных центра. Кроме того, стилистическое и хронологическое единство фаларов «графического стиля» (оставим это хорошее определение, сняв уточнение «причерноморский») наводит на мысль об их единовременном появлении в степях Восточной Европы вместе с владельцами. Судя по датировке памятников с фаларами, это произошло после середины II в. до н. э.

Что же касается античных мотивов декора фаларов (розетка в обрамлении листьев лотоса или аканфа), то они не обязательно говорят об их ольвийском или боспорском происхождении — скорее наоборот. Подобным образом украшены, например, «мегарские» чаши малоазиатского производства. Практически так же орнаментирована донная часть стеклянной египетской чаши из Эрмитажа (рис. 168) и ее аналогов из других музеев (Кунина, 1997, с. 255–256, кат. 48). Такие пышные розетки были излюбленным мотивом орнаментики позднеллинистического Востока. Не исключено, что фалары «графического стиля» из наших степей — малоазиатского или парфянского происхождения, хотя при нынешнем состоянии источников стопроцентно доказать я этого не могу.

²¹ Название этого пункта Шёрце-Суркеа в некоторых русскоязычных работах (в т. ч. и моих) ошибочно. Венгерское село в Трансильвании Szörce (Сёрче) имеет второе (румынское) название Surcea (Сурча).



Рис. 168. Стеклянная чаша из Эрмитажа (Кунина, 1997)

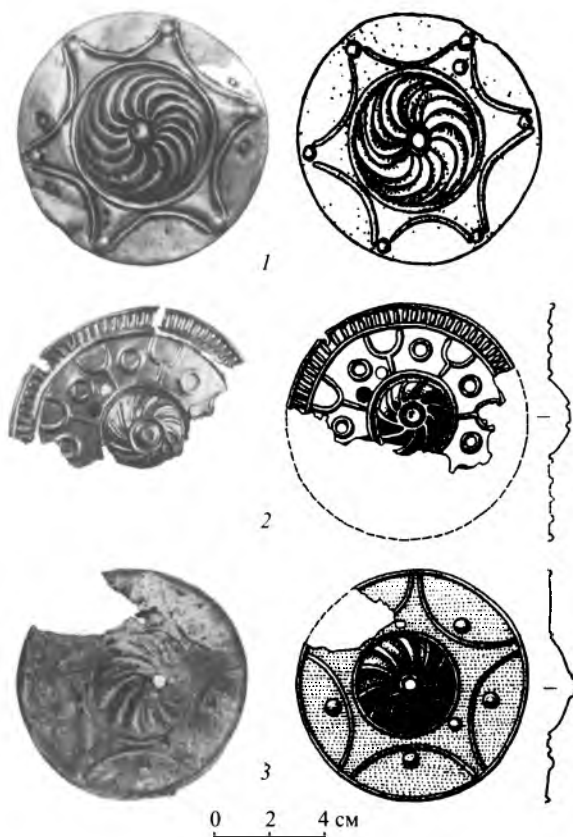


Рис. 169. Фалары с геометрической орнаментацией:
1 — Бедражий Векъ; 2, 3 — Веселая Долина



Рис. 170. Фалары из Бубучь:

1 — по: Отчет... за 1908 г., 1909; 2 — по: Мордвинцева, 2001; 3 — китайское зеркало из Чугуно-Крепинки

Фалары второй группы — с рельефным геометрическим орнаментом — найдены в трех «странных комплексах» (Бубучь, Веселая Долина, Бедражий Век²²). В отли-

чие от изделий первой группы они плоские, лишь центральный умбон у них выпуклый. На изделиях из Веселой Долины и Бедражий Век он орнаментирован «сегнеровым колесом» с маленькой полусферической выпуклостью в центре, у бубучьских — гладкий. Почти идентичен декор бронзового фалара из Веселой Долины и серебряного из Бедражий Век: вокруг

²² В других работах (см. например: Мордвинцева, 2001; Редина, Симоненко, 2002; Симоненко, 2004) местом его находки ошибочно указано находящееся рядом с. Новые Бедражы (ныне Бедражий Ной).

центрального умбона с «сегнеровым колесом» рельефными дугами образована пяти- (Веселая Долина) и 6-лучевая (Бедражий Веке) звезда. На концах лучей последней и в центре межлучевых секторов первой помещены декоративные выпуклости. На обороте фалара из Веселой Долины — остатки находившейся в центре поперечной петли, которая крепилась двумя заклепками. Диаметр его 8,5 см, фалара из Бедражий Веке — 9 см (рис. 169).

Несколько иной декор бронзовых фаларов из Бубуечь и серебряного из Веселой Долины. По краю последнего проходит орнаментальная полоса, состоящая из двух концентрических линий, соединенных поперечными. Поле между центральным умбоном с «сегнеровым колесом» и краем фалара заполнено ритмично чередующимися рельефными Y-образными фигурами и кругами. У одного из краев умбона — два отверстия для крепления поперечной петли, в одном из них сохранилась железная заклепка. Большая часть фалара утрачена, его диаметр был не более 9 см (рис. 169, 2). Вокруг центрального умбона бубуечьских фаларов помещены две такие же, как на фаларе из Веселой Долины, концентрические орнаментальные полосы из поперечных линий, поле между ними заполнено рельефными дугами, образующими 11-лучевую звезду. Край плоский и гладкий. На краю внутренней орнаментальной полосы — по паре отверстий для заклепок поперечной петли. Диаметр фаларов 16,2 см (рис. 170, 1, 2).

Отчетливо видно, что фалары второй группы близки между собой повторением в разных сочетаниях основных мотивов декора: многлучевая звезда, образованная рельефными дугами, орнаментальные пояски с поперечными линиями, умбоны в центре, «сегнерово колесо». Последний элемент, в свою очередь, является основным мотивом декора фаларов из Клименкова и Васюриной Горы — памятников,

содержащих и другие аналоги позднеэллинистической упряжи из «странных комплексов».

С. В. Полин усмотрел в декоре бубуечьских фаларов мотивы орнаментации китайских (ханьских) зеркал (Полин, 1992, с. 52), в схеме которых действительно есть что-то общее с ними (рис. 170, 3). Мне уже приходилось писать о том, что это сходство, на мой взгляд, чисто случайное (Симоненко, 1999, с. 87–88). К тому же С. В. Полин напрасно решил, что дата зеркал такого типа (II–I вв. до н. э.) есть подтверждение родства их с бубуечьскими фаларами. Ханьские зеркала такого типа найдены в сарматских комплексах конца I — начала II в. н. э. и более поздних, а во время изготовления бубуечьских фаларов еще не покидали пределы Китая, т. е. не могли послужить образцом для них.

Совершенно непонятно, почему В. И. Мордвинцева сочла бубуечьские фалары верхними частями больших пластинчатых налобников с топоровидной лопастью, рассмотренных выше (Мордвинцева, 2001, с. 112). Такие налобники были сплошными, а не составными, как она полагает, ссылаясь на экземпляр из Чистенького: этот налобник был в свое время поломан и отремонтирован, отсюда и две «составные» части. Соответственно, фалары из Бубуечь не могут быть «верхней частью» такого налобника. Противоречат этому их орнаментация (налобники обычно орнаментированы гладкими шлифованными или врезными концентрическими кругами) и способ крепления (они крепились на оголовье маленькой петлей на верхнем краю и большой — на лопасти). В нашем случае на краю сохранившегося почти целиком одного из фаларов никаких следов петли нет, а, наоборот, в центре имеются парные отверстия для прикрепления поперечной петли, чего никогда не было на больших топоровидных налобниках. Всё это В. И. Мордвинцева могла бы узнать,

посмотрев такие налобники в НМИУ и ГЭ, прочитав статью В. Ю. Мурзина и Е. В. Черненко (Мурзин, Черненко, 1980, с. 155) или книгу И. И. Марченко (Марченко, 1996, с. 72).

Сарматы продолжали украшать фаларами сбрую своих коней и в римское время. В кургане 10 у Казаклии (Молдова) были найдены два наплечных фалара уни-

кальной не только для Северного Причерноморья, но и для всей Сарматии схемы. Это плоские железные диски диаметрами 12,8 и 13,2 см. На их внешней поверхности инкрустирован золотой фольгой орнамент: по краю фриз из двух гладких полос и витой полосы между ними; центральное поле занимает круг, составленный четырьмя соприкасающимися волютами; в геометри-

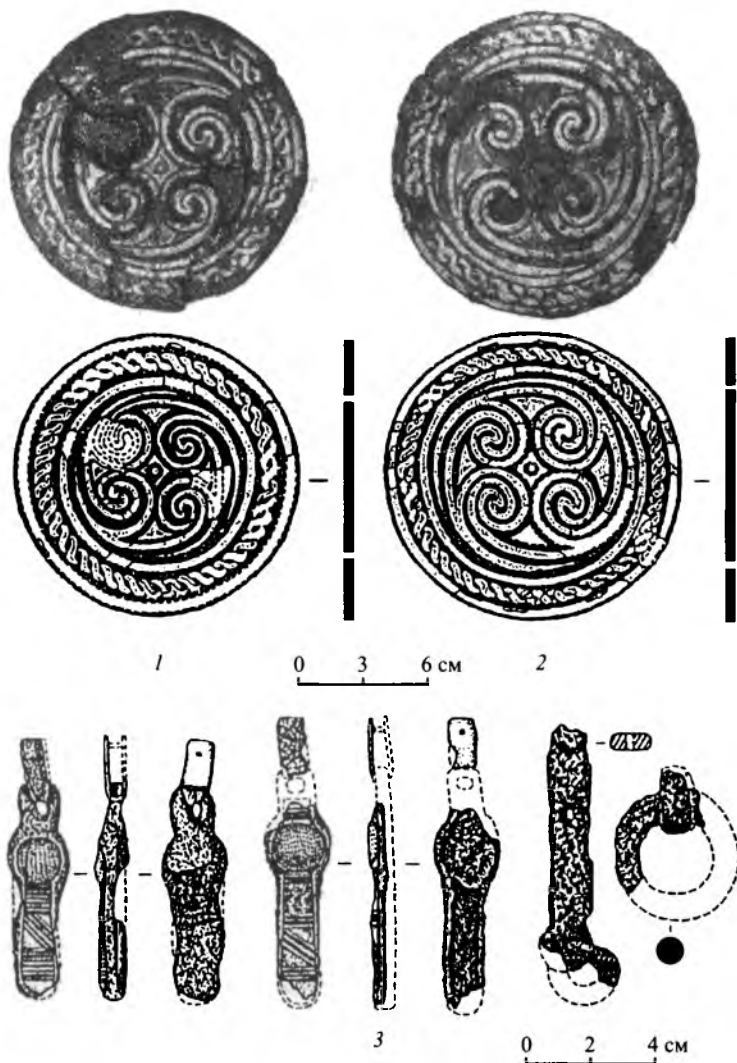


Рис. 171. Украшения сбруи из Казаклии, к. 10 (Агульников, Бубулич, 1999; фото автора)

ческом центре фалара, между волютами, — ромб с кольцом внутри (рис. 171, 1, 2). Следов петель на обороте нет: похоже, фалары как-то крепились на кожаную подкладку.

Авторам публикации показалось, что техника и стиль орнаментации казаклийских фаларов иранские по происхождению (Агульников, Бубулич, 1999, с. 15). Я не берусь ни отвергать это предположение, ни безоговорочно соглашаться с ним. Однако инкрустация золотом железных вещей известна у сарматов, и кинжал из Зубовского хутора, который имеется в виду, отнюдь не иранского происхождения. Мотив волюты популярен на сарматских тамгах; С. М. Агульников и В. Г. Бубулич не без оснований усмотрели семантическую аналогию казаклийским волютам в завитках на круглых железных псалях конца I — начала II в. н. э. из Битакского могильника близ Неаполя Скифского. Могу добавить к этой аналогии ажурные серебряные псаля из неопубликованного позднесарматского погребения в кургане 26 Старицкого могильника в Нижнем Поволжье. Таким образом, версия иранского происхождения казаклийских фаларов — не единственно возможная.

Время формирования этого комплекса определяется сочетанием дат бронзовой миски Эггерс 70 или 72 и светлоглиняной амфоры типа C IVB по классификации С. Ю. Внукова (Шелов В): фаза B2 (70–170 гг.) для первой и 80–140-е гг. для второй (Внуков, 2006, с. 167). Таким образом, погребение следует датировать второй половиной I — первой половиной II в. н. э. Датировка комплекса I в. н. э. (Агульников, Бубулич, 1999, с. 15) базируется на ошибочном определении миски как таза Эггерс 99 и неоправданно узка.

Два фалара входят в состав набора начала IV в. н. э. из кургана 5 могильника Чауш. Это плоские бронзовые диски диаметром 7,3 и 7 см, плакированные позолоченной серебряной пластиной со сложным

геометрическим рельефным орнаментом. По краю фалара проходят два параллельных рифленых валика. Такие же валики образуют в центре фигуру в виде креста с расширяющимися ветвями. Вдоль центральной оси каждой ветви, по диаметрам фалара, проходят такие же валики, на концах которых — серебряные заклепки, крепящие пластину к бронзовой основе. Ветви креста по обе стороны центрального валика декорированы шестью рельефными треугольниками с точками на вершинах и косыми крестами между ними. В центре креста прорезано отверстие-гнездо, загнутые вверх края которого удерживают квадратную вставку плоского полированного сердолика, обрамленную рифленым валиком. В секторах между ветвями креста в таких же отверстиях-гнездах закреплены четыре каплевидные вставки голубого и зеленого стекла, расположенные по цвету друг напротив друга. Обратная сторона фаларов гладкая: очевидно, как и казаклийские, они крепились на кожаную основу заклепками (рис. 127, 2, 3).

Фалары из Чауша украшали скорее всего нагрудник и находились на плечах коня. Они выполнены в том же, что и набор оголовья, «сердоликовом» полихромном стиле. Среди анализированных выше подобных наборов из Керчи, с Подонья и Северного Кавказа нагрудных фаларов нет. По аналогичной схеме (рифленый валик по краю, крест, образованный такими же валиками, с заклепками на концах ветвей, овальный сердолик в центре) декорирована выполненная в той же технике круглая бляха диаметром 4 см из коллекции Британского музея (инв. № M&LA 1923.7–16.26), якобы происходящая из Керчи (Germanen..., 1988, S. 112, I, 16, k). При несомненной близости фаларам из Чауша она почти в половину меньше. В каталоге бляха названа фаларом, чем скорее всего и является, однако неверно датирована первой половиной V в.

5.7. Нагрудник

Так называется ремень, горизонтально охватывающий грудь и плечи коня. Обычно к нему прикреплен второй ремень, перебросенный через холку, предотвращающий сползание первого и регулирующий его высоту. Нагрудник оканчивается петлями, в которые пропускается подпруга (рис. 172, 1). В археологическом материале представлены металлические оковки нагрудников нескольких форм.

Одна из них найдена в ритуальном комплексе у пос. Острый (рис. 173). Она состояла из двух узких прямоугольных бронзовых пластин, соединявшихся с обратной стороны горизонтальными бронзовыми скобами. Каждая из пластин длиной 52,5, шириной 10,7–11,6 см, общая длина оковки 1,07 м. Пластины соединены внахлест на 3,7 см; заходящий край пластины оформлен пятью зубчиками. По периметру оковки на расстоянии 1 см друг от друга пробит

ряд небольших отверстий для крепления к кожаной основе. В углах — по два отверстия диаметром 0,4 см.

Оковка украшена пуансонным орнаментом в виде поперечных полос из двойных (на концах) и тройных рядов выпуклых точек. Расстояние между полосами 11–12 см. Пространство между ними заполнено вертикальными парами оттиснутых двойных концентрических кругов, с выпуклой шишечкой посередине. На концах нагрудника расположено по одной паре кругов, по корпусу, между полосами точек — по две. Диаметр внешнего круга 4 см, внутреннего — 2 см.

По центру оковки на расстоянии от 8 см до 12,5 см друг от друга пробиты парные отверстия. В них закреплено 9 вертикальных петель, к которым на 8-видных проволоочных петлях подвешены 4 лунницы и 5 подвесок, состоящих из двух-трех вложенных друг в друга пластинок высотой от 6 до 7,5 см и шириной внизу 2,3–5,4 см. Пластинки изогнуты и представляют собой как бы разрезанные по длинной оси колокольчики.



Рис. 172. Современный нагрудник (1) и подперсье (2)

Лунницы расположены по краям и в центре, «полуколокольчики» — между ними. Поверхность лунниц покрыта пуансонным орнаментом из таких же, как на пластинах, двойных и тройных рядов точек. Точками оконтурены и края лунниц. К нижнему краю их в центре и по концам были подвешены на 8-видных проволочных петлях скрученные в трубку пластины

высотой 2,5 см, диаметром 0,5 см (сохранилось 7 из 12).

В центре нагрудника было подвешено бронзовое круглое зеркало с отполированной посеребренной поверхностью. Одна сторона его диска гладкая, другая профилированная — выпуклая в центре и по краю. Она орнаментирована тремя концентрическими кругами из двойных и тройных

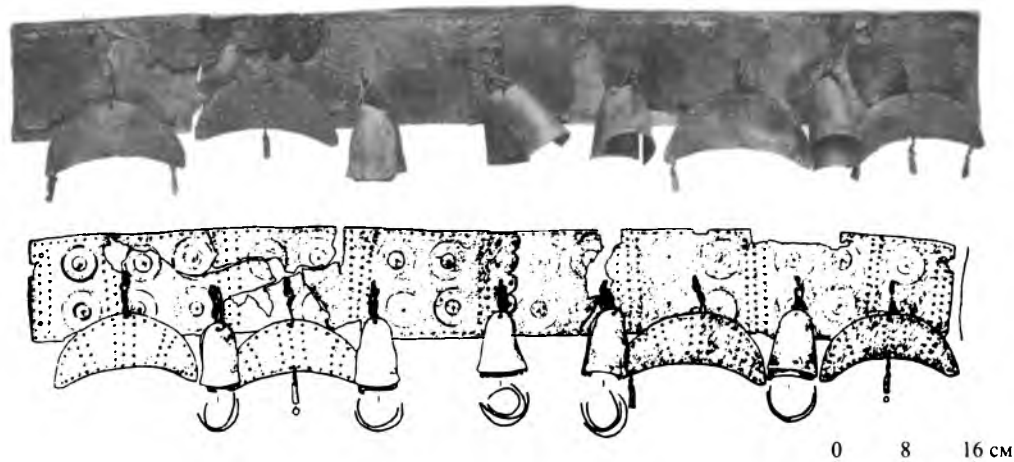


Рис. 173. Оковка нагрудника из Острога (фото автора, рисунок по: Зарайская и др., 2004)

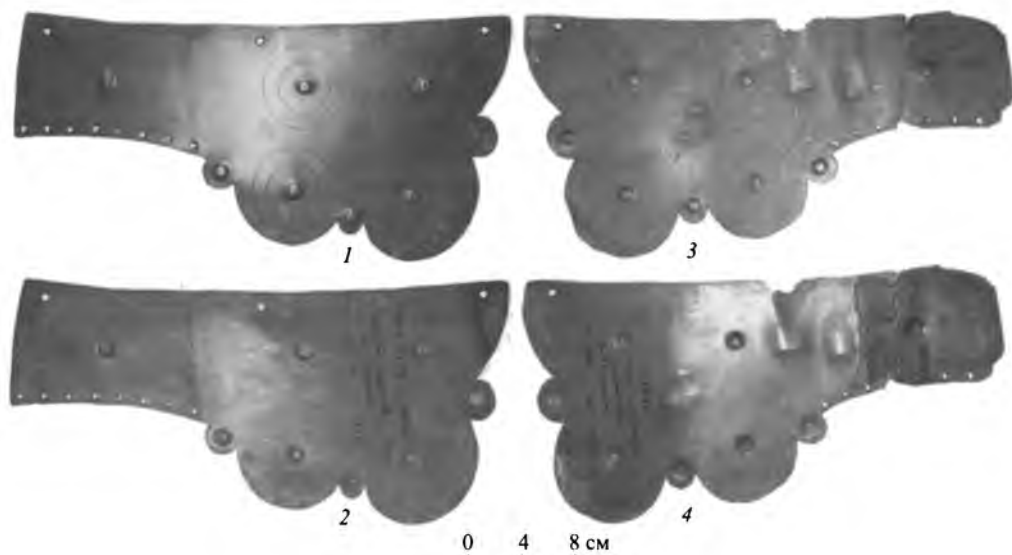


Рис. 174. Оковки нагрудника из Никополя (фото автора)

линий. Диаметр зеркала 14,8 см. На верхнем краю на расстоянии 3,8 см друг от друга — два отверстия для подвешивания (Зарайская и др., 2004, с. 137, рис. 3).

В кургане у Никополя вместе с большими пластинчатыми налобниками найдены две бронзовые пластины нагрудника (Павлуцкий, 1903, с. 37–40; Ханенко, Ханенко, 1907, с. 10–11, табл. III, 4/5, 4/6; Мурзин, Черненко, 1980, с. 155–167, рис. 1, 2, 3). Они трапециевидных очертаний, с фигурно вырезанным краем. Орнамент никопольских пластин стилистически близок нагруднику из Острога: выбитые пуансоном конические выпуклости (четыре в центральной части, по одной — на прямоугольном выступе и маленьких овальных выступах по краю центральной части), окруженные тремя концентрическими кругами из тройных гравированных линий. На верхнем краю пластин по три отверстия, на нижнем краю прямоугольной части — 8 (рис. 174). Как и найденные с ними налобники, пластины разной сохранности: одна совершенно не пострадала, но вторая ощутимо испорчена коррозией. В. Ю. Мурзин и Е. В. Черненко никак не интерпретировали эти пластины (Мурзин, Черненко, 1980, с. 156).

Нагрудники из Острога и Никополя — весьма интересные находки, особенно для территории Украины. Впервые подобные вещи были найдены еще при раскопках кургана 1 Васюриной Горы (Ростовцев, 1914, табл. XX, 1, 2). В одной из конских гробниц этого кургана были обнаружены узкие прямоугольные пластины, подобные оковкам из Острога, с таким же орнаментом и подвешенными «полуколокольчиками» (рис. 175, 1), и фрагментированная фигурная пластина с пуансонным орнаментом и подвешенными к нижнему краю лунницами (рис. 175, 2) типа никопольских. Аналогичные вещи (рис. 175, 3–9) найдены в ритуальном комплексе № 1 Тенгинского некрополя (Беглова, 2002, с. 158–

159, рис. 2, 3), в кургане на грунтовом могильнике Новолабинского IV городища (Раев, Беспалый, 2006, с. 15, 19, 20, 40–41, табл. 13, 1; 19, 1, 4; 38, 1, 5), склепе могильника № 2 Татарского городища (Кудрявцев и др., 2000, с. 40–47, рис. 2).

После выхода работ Е. А. Бегловой, Б. А. Раева и Г. Е. Беспалого стало ясно, что перед нами — конский убор особого типа, популярный в эллинистическое время у варваров Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья. В состав такого убора помимо нагрудников, украшенных прямоугольными или фигурными пластинами, входили большие бронзовые налобники с топовидной лопастью (Никополь, Новолабинская, Тенгинский могильник, Татарское городище) и в виде лунниц (Новолабинская, Тенгинский могильник), подвески-«полуколокольчики» (Тенгинский могильник, Новолабинская). В последнем памятнике найдены также подвески из нащечников псевдоаттических шлемов.

Е. А. Беглова датировала жертвенный комплекс Тенгинского некрополя первой четвертью II в. до н. э. (Беглова, 2002, с. 159), а конское погребение кургана 1 Васюриной Горы отнесла к III–II вв. до н. э. (Беглова, 2002, с. 160). Надо сказать, что нижняя дата разграбленного склепа этого кургана основана только на находке расписной пиксиды первой половины III в. до н. э. Одновременность конских захоронений и склепа однозначно не установлена, а в склепе найдены вещи римского времени (Ростовцев, 1914, с. 40).

Показательны остальные находки в конской гробнице кургана 1 Васюриной Горы: псалии, описанные М. И. Ростовцевым под № 4 как «четыре железных золоченых удила с зубчатыми шариками на концах», два позолоченных налобника с крючком в виде головок грифонов, железная, плакированная серебром перстневидная бляха узды, украшенная чернью и позолотой (Ростовцев, 1914, табл. XVIII,

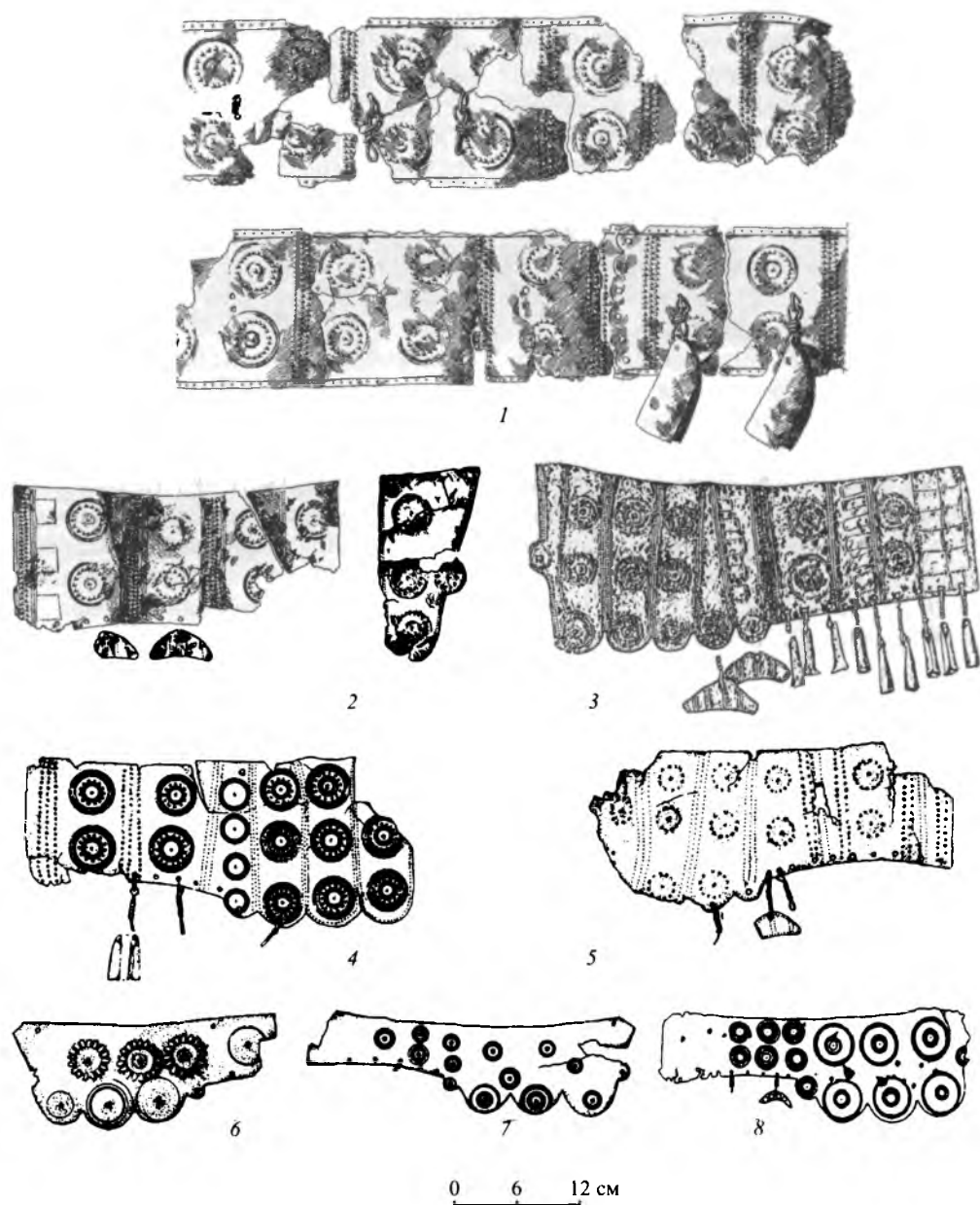


Рис. 175. Оковки нагрудника:

1, 2 — Васюрина Гора (Ростовцев, 1914); 3 — Тенгинка (Беглова, 2002);
4–8 — Новолабинка (Раев, Беспалый, 2006)

4, 5, 9). Подобные детали узды встречаются в некоторых «кладах» II—I вв. до н. э.: бронзовые С-видные псалии с окончаниями в виде рубчатых (но не зубчатых) шариков — в Веселой Долине (Редина, Симоненко, 2002, с. 91, рис. 3, 1, 2, б), бронзовые и серебряные перстневидные бляхи — в Снигиревке и Великопоском (Симоненко, 1982, с. 240; Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 150). Налобники с головками грифонов не имеют прямых соответствий, но, несомненно, относятся к классу позднескифских налобников «с крючком» III—I вв. до н. э. (см. выше). Создается впечатление, что псалии и остальной уздечный набор из Васюриной Горы — более изысканный, «парадный» вариант перечисленных аналогов. Уникальны и бронзовые позолоченные фалары со стеклянными вставками (Ростовцев, 1914, табл. XVIII, 1, 2). Эти вставки — по справедливому замечанию М. И. Ростовцева, характерные для римского времени (там же, с. 42), — указывают на сравнительно позднюю дату захоронения. Орнамент в виде «бегущей волны», которым украшены бортики фаларов, часто встречается на шлемах типов Монтефортино и Манхайм II—I вв. до н. э. (Schaaff, 1988, S. 318–322). Совокупность всех перечисленных признаков и аналогов указывает скорее на II в. до н. э. как наиболее вероятную дату конских захоронений кургана 1 на Васюриной Горе.

Склеп на Татарском городище функционировал с IV по II в. до н. э. (Кудрявцев и др., 2000, с. 46; Беглова, 2002, с. 161), культовый комплекс некрополя Новолабинского городища, судя по материалам, — со II в. до н. э. по I в. н. э.

В. Ю. Мурзин и Е. В. Черненко не узнали в пластинах из Никополя аналог снаряжению из Васюриной Горы. Ошибочно датировав налобники из этого комплекса VI в. до н. э., они тем самым отнесли к тому же времени и найденные с ними пластины нагрудника. Скорее всего такой

своеобразный убор появился в Северном Причерноморье не ранее второй половины III и бытовал во II, а может быть, и в I в. до н. э. Топография находок предполагает, что он был популярен у варваров Северо-Западного Кавказа. М. И. Ростовцев очень тонко обратил внимание на «галыштатское» происхождение орнаментации пластин пуансонными точками и концентрическими кругами (Ростовцев, 1914, с. 42), что весьма интересно на фоне некоего всплеска западных (кельтских и фракийских) элементов в культурах варваров Северного Причерноморья этого периода. Если уточнить время начала этого всплеска и объяснить его природу, то, возможно, прояснятся время и контекст появления такого убора.

В «странном комплексе» конца II — I в. до н. э. у Веселой Долины была найдена железная, плакированная золотом прямоугольная пластина (Редина, Симоненко, 2002, с. 79, рис. 1, 3). Почти вся железная основа утрачена. На золотой пластинке в технике басмы выдавлены изображения: в центре — полусферический орнаментированный выступ, под ним — бегущий хищник семейства псовых (волк или собака), над ним — атакующий орел. По бокам пластины симметрично помещены фигуры двух орлов, держащих в когтях рыб. Оперение птиц передано крестовидной штриховкой, чешуя рыб более реалистична. Вся композиция заключена в идущую по краю пластины двойную рамку из косых насечек. Размеры изделия (по рамке) 16 × 7,5 см (рис. 176).

Эта пластина могла служить украшением центральной части нагрудника. Железная основа, от которой сохранился один угол, была одновременно и матрицей. Об этом говорит находящийся на ней рельефный хвост одной из рыб. Таким образом, напрасно искать пластине аналогии — она была изготовлена в одном экземпляре. Впрочем, сюжет с орлом,

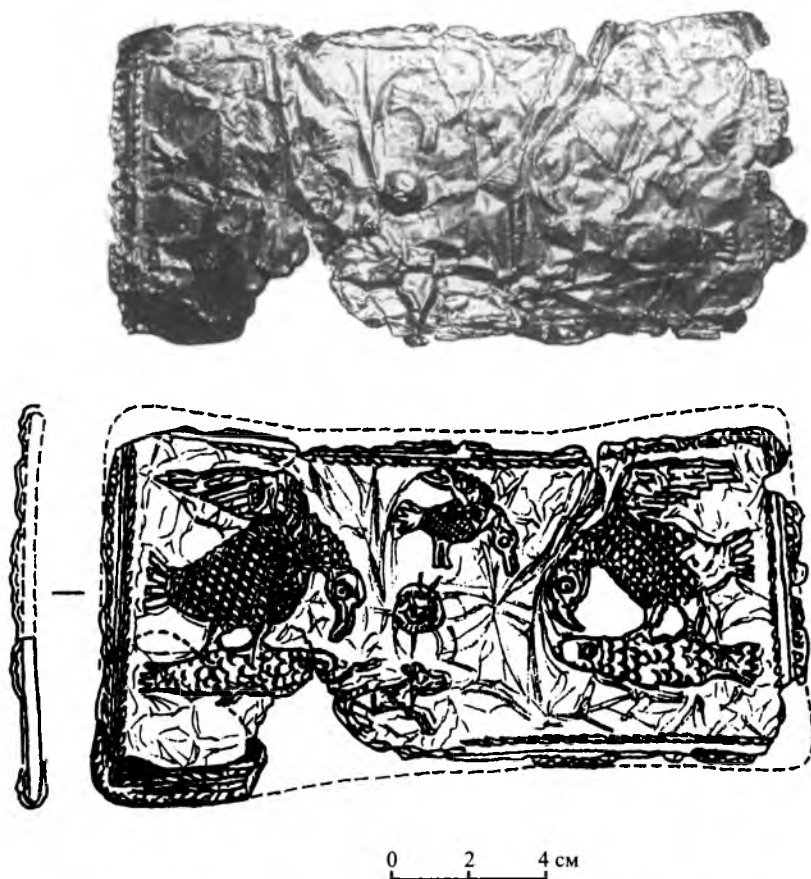


Рис. 176. Бляха нагрудника из Веселой Долины (фото автора)

державшим в когтях дельфина или рыбу, достаточно популярен в античной иконографии. Наша пластина, без сомнения, варварской работы. Трактовка рыб на ней близка манере мастера, выполнившего, по мнению М. Ю. Трейстера, сервиз драгоценной посуды из богатого сарматского погребения начала I в. н. э. в Косике, где на серебряных чаше и пиксиде изображены рыбы (Трейстер, 1994, с. 193).

Авторы публикации комплекса I в. н. э. из кургана 10 у Казаклии (Агульников, Бубулич, 1999) реконструировали как украшение нагрудника три железные, пла-

кированные золотом и серебром двучастные подвески (рис. 171, 3). Не исключено, что это именно так. Даже отдаленных аналогов таким подвескам я не знаю, однако схема украшения нагрудника подвесками получила дальнейшее развитие в позднесарматской упряжи.

Недавно был опубликован конский убор из давно известного погребения в кургане 4 близ Олэнешть (Оланешты), найденный авторами в фондах Музея археологии и этнографии в Кишиневе (Курчатов, Бубулич, 2003, с. 291–292, рис. 8). В составе находки — три прямоугольные железные

пластины, плакированные золотой фольгой: две крайние — с петлями для ремня, центральная — с выступом для свисающего ремня. Три таких ремня оканчивались железными, плакированными золотом наконечниками (рис. 177).

Авторы исследования сближают пластины из этого набора с позднесарматскими гарнитурами Лебедевки VI, центральный элемент которых также составляли несколько прямоугольных пластин (Мошкова, 2001, с. 246–247, рис. 1–3). М. Г. Мошкова, привлекая в качестве аналогий традиционный туркменский убор ахалтекинцев, предположила, что в Лебедевке найдены гарнитуры своеобразных ошейников-наузов и нагрудников. Уборы из Лебедевки датированы временем не ранее середины III в. н. э. (Мошкова, 2001, с. 241).

Однако сходство олэнештских и лебедевских пластин скорее визуальное и ограничивается близостью размеров (Олэнешть — $7,6 \times 4,4$ см; Лебедевка — $6,5 \times 3,7$; $7,6 \times 3,6$; $7,4 \times 3,4$ см) и формы. Пластины из Олэнешть имеют вертикальные петли на торцах и горизонтальную петлю в центральном выступе, чего нет на лебедевских. Зато у последних есть характерные парные прямоугольные прорезы в центре для свисающих ремешков. Олэнештские пластины — железные, плакированные золотой фольгой, лебедевские — серебряные, литые.

Позднесарматская наременная гарнитура изготовлена, как правило, из серебра (изредка утерянные детали заменяли бронзовыми). Изделия литые, с факетированными краями, иногда украшенные золотой инкрустацией (тамги из могильника Центральный VI). Наконечники свисающих ремней всегда двучастные, крепившиеся к ремню заклепками.

Олэнештский набор имеет иную стилистику. Точечная набивка золотой фольги на железную основу типична для средне-

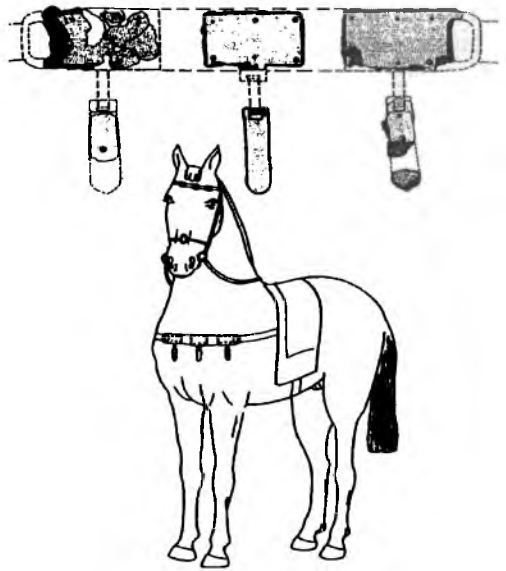


Рис. 177. Оковка нагрудника из Олэнешть (Курчатова, Бубулич, 2003)

сарматской торевтики. Так украшены, например, пластины доспеха из ст. Казанской (к. 2) и фалары с тамгами схемы Фарзоя из кургана I Кировского I могильника (Ильюков, 2000, с. 122, рис. 6, 4, 5, 8, 10, 11). Оба комплекса датируются, на мой взгляд, I — первой половиной II в. н. э.²³ В этой же технике декорированы подвески I в. н. э. из кургана 10 у Казаклии. Показательны наконечники свисающих ремней из Олэнешть — они одночастные, с горизонтальной прорезью для крепления к ремню. Такие наконечники характерны для среднесарматских наременных гарнитур.

Пожалуй, самый близкий из перечисленных авторами аналог олэнештским бляхам — пластина нагрудника из к. 10 Кобяковского некрополя (Прохорова, Гугуев, 1992, с. 154, рис. 12, 10). Как и олэнештские, она имеет две вертикальные

²³ Дискуссию по поводу датировки Кировского I могильника позднесарматским временем (Ильюков, 2000, с. 111; Гугуев, 2000, с. 141–155) см.: Симоненко, 2001б, с. 170–172.

прорези по торцам и плакирована золотой фольгой в той же технике точечной набивки. Близки и размеры пластин (Олэнешть — $7,6 \times 4,4$ см; Кобяково — $8,2 \times 4$ см). Кобяковское погребение датировано второй половиной I — началом II в. н. э. (Прохорова, Гугуев, 1992, с. 159).

Таким образом, ближайшие морфологические, стилистические и технологические аналоги нагруднику из Олэнешть относятся к среднесарматскому времени, хотя плакировка с точечной набивкой еще использовалась в начальной фазе позднесарматского периода (могильники Сладковский и Северо-Восточный на Нижнем Дону; Ильюков, 2002, с. 241, рис. 5). Датировка олэнештьского комплекса (первая половина II в. н. э.)²⁴ лишь подчеркивает его среднесарматскую культурную принадлежность, которая ясно видна в обряде и инвентаре могилы (Симоненко, 1998а, с. 71).

Серебряная гарнитура нагрудника, действительно близкая лебедевской, найдена в кургане 9 могильника Нагорное в Буджаке (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 47, рис. 14, 4). Это четыре пластины почти таких же, как в Лебедевке, размеров (Нагорное — $7,5 \times 2,5$ см; Лебедевка — $7,6 \times 3,6$ см), одна из которых с двумя горизонтальными прорезями. Возможно, нагрудник украшали и найденные в этом же комплексе две серебряные листовидные подвески. Подобные подвески, найденные в нескольких погребениях могильника Нейзац (скл. 17, 152, 169, 222), несомненно, относятся к нагруднику — на оголовье им просто нет места. Вероятно, они чередовались с прямоугольными пластинами и свисающими ремешками с металлическими на-

конечниками. Такие нагрудники использовались в течение всего III в. н. э. (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 49; Мульд, 2001, с. 57; Храпунов, 2006, с. 114; Khrapunov, 2004, p. 190).

Дальнейшее их развитие демонстрирует гарнитура нагрудника из кургана 5 могильника Чауш. Она выполнена в характерном для второй половины III — начала IV в. н. э. «сердоликовом» стиле²⁵. Скорее всего нагрудник украшали две сердцевидные и две грушевидные подвески, между которыми свисали три ремешка с наконечниками (рис. 127, 4, 5).

Авторы публикации комплекса Аэродром-1 ошибочно, на мой взгляд, сочли всю гарнитуру из этого памятника принадлежащей нагруднику (Белинский, Бойко, 1991, с. 92–93). Этому противоречит хотя бы то обстоятельство, что прямоугольные бляхи имеют четыре расположенные крестнакрест прорези и, стало быть, являются делителями перекрещивающихся ремней оголовья. К нагруднику относятся четыре округлые бляхи с выступами и прямоугольные наконечники. Они крепились к свисающим ремешкам, причем первые — с помощью тонких серебряных пластинок. Судя по полевой зарисовке (Белинский, Бойко, 1994, рис. 26), в земле эти пластинки «прикипели» к бляхам оголовья, что было принято за соединение (там же, рис. 27). Насколько мне известно, пластинки распались при реставрации и были заменены новоделами. Вероятно, ориентируясь на опубликованную реконструкцию, реставратор неверно соединил бляхи и наконечники заново изготовленными пластинками, и в таком виде они находятся ныне (рис. 151). К нагруднику скорее всего относятся ромбические и круглая бляхи с пластинками для подвешивания из Кишпека.

²⁴ В свое время я датировал его первой четвертью II в. н. э. (Симоненко, 1998а, с. 72), а С. Курчатов и В. Бубулич предпочитают в качестве даты вторую четверть этого столетия (Курчатов, Бубулич, 2003, с. 301). Боюсь, при наших возможностях обе узкие даты однозначно недоказуемы.

²⁵ Техника изготовления набора из Чауша описана выше.

5.8. Подперсье

В I в. н. э. у сарматов появилось подперсье — один из вариантов нагрудника. Подобная сбруя использовалась и в римской кавалерии. Подперсье состоит из трех ремней, У-образно соединенных в одной точке. Два верхних ремня пристегивались к седлу у передней луки, проходили по плечам коня и сходились в центре его груди. Третий ремень отходил от них вниз, проходил между передними ногами и оканчивался петлей, в которую продевалась подпруга (рис. 172, 2). Подперсье не давало седлу сползать назад и не связывало движений лошади.

Точка соединения ремней подперсья в парадной сбруе среднесарматского времени украшалась полусферическими бляхами с тремя кольцами: двумя на одном краю бляхи и одним — на другом, противоположном. В эти кольца и продевались ремни подперсья. Такие бляхи изготавливались специально для подперсья, но иногда сарматы переделывали в них античные чаши и другие вещи. В Северном Причерноморье найдены три такие бляхи.

Одна из них (рис. 178, 1), из погребения I в. н. э. у с. Весняне, переделана из серебряной позднеэллинистической чаши. Ее венчик заострен, утолщен изнутри и слегка отогнут. Основание венчика изнутри подчеркнуто двойной врезной линией, образующей невысокий валик. Корпус чаши полусферический, дно круглое. Снаружи под венчиком на приклепанных X-видных атташах подвижно закреплены три кольца из круглой в сечении серебряной проволоки — два на расстоянии около 5 см друг от друга, одно — напротив них. Диаметр венчика чаши 14 см, высота ее 8 см, диаметр колец 2,1 см, сечение 0,3 см (Simonenko, 1997, S. 392, Abb. 5).

Серебряная чаша, из которой сделана бляха из Весняного, — очень популярной во всем позднеэллинистическом мире от Италии до Индии формы. В Северном Причерноморье чаши этого типа найдены в Булаховке и богатых варварских комплексах Азиатского Боспора конца II — I в. до н. э.: в Артюховском кургане, Буеровой Могиле, ст. Ахтанизовской. Погребение у Весняного датируется последней четвертью I в. н. э. по сочетанию золотого браслета, длинного меча и «маркоманнской» пряжки. Таким образом, чаша из Весняного использовалась более 100 лет, прежде чем стать бляхой подперсья.

В разрушенном погребении знатного сармата у с. Грушка в Молдове (Гросу, 1986, с. 260) найдена серебряная бляха с тремя кольцами (рис. 178, 2). Бляха полусферическая, диаметром 16,5 см, высотой 3,5 см. На внутренний край бляхи напаян обруч из полусферической в сечении заготовки, образующий утолщенный «венчик». С внешней стороны серебряными заклепками прикреплены три квадратных атташа — два на одном краю бляхи и один на противоположном. В центре каждого атташа — сквозные отверстия. В них запущены и разогнуты концы плоских петель с невысоким ребром по центру, расположенных снаружи бляхи. В петлях подвижно закреплены серебряные кольца (одно утрачено, пара целая). В центре внутренней стороны — протравленный кислотой (?) либо сделанный каким-то другим химическим способом черный круг, внутри которого в такой же технике нанесена тамга схемы Фарзоя. Под изображениями просматриваются мелкие насечки, которыми намечались их контуры. Погребение датируется второй половиной I — началом II в. н. э. (Гросу, 1990, с. 53).

Трудно сказать, была ли «фирменной» бляха из богатого погребения I в. н. э., раскопанного грабителями в 1918 г. где-то у с. Козырька близ Ольвии (Симоненко,

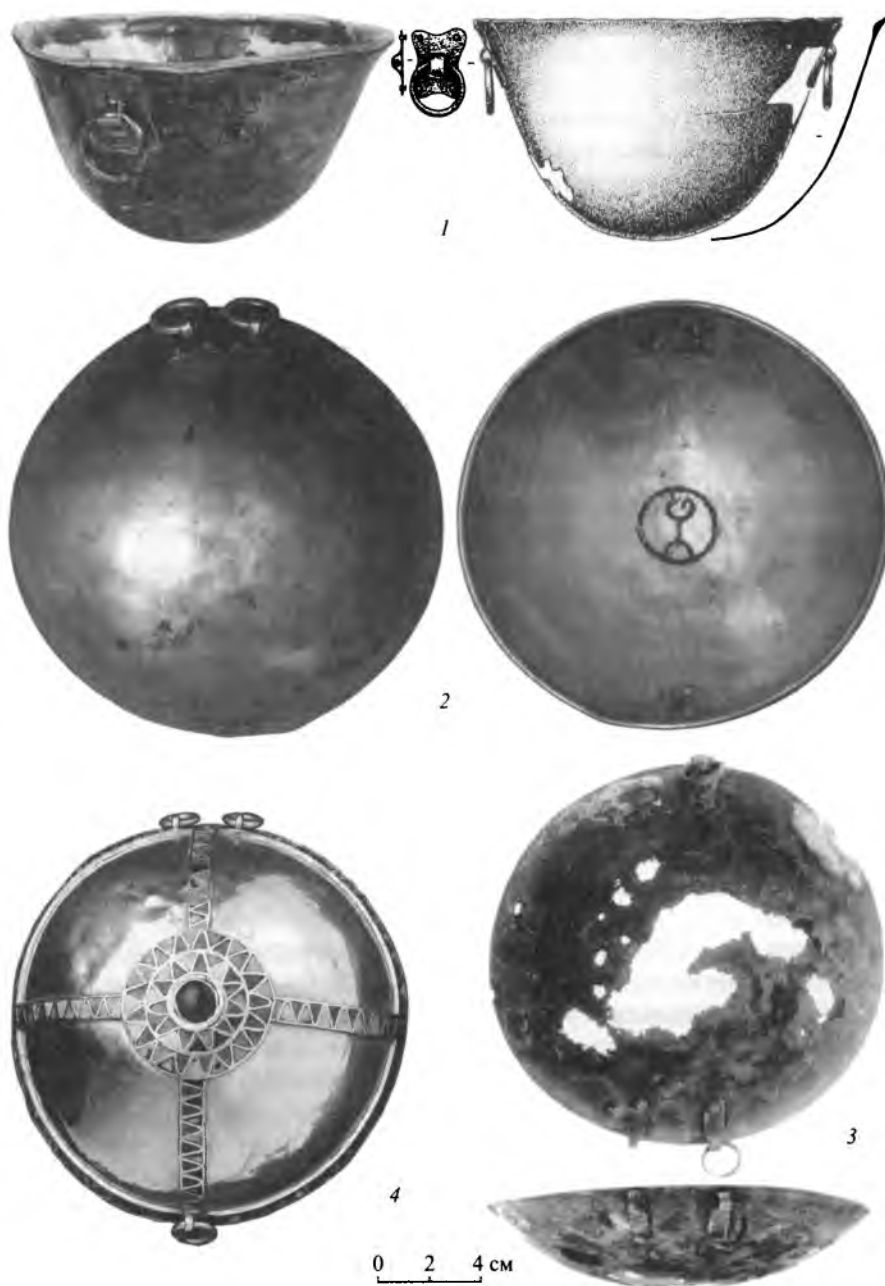


Рис. 178. Бляхи подперся:

1 — Весняне (фото автора); 2 — Грушка (фото автора); 3 — Козырка (фото Antikensammlung SMPK, Berlin); 4 — Дачи (Габуев, 2005)

1999, с. 109; Simonenko, 2004, S. 204–205, Abb. 4, 1). Ее корпус вполне мог быть позднеэллинистической чашей (так, например, считает М. Ю. Трейстер), но полной уверенности в этом нет: вещь пропала в 1945 г. при штурме Берлина, и проверить это невозможно.

Диаметр изделия 13,8 см. У края бляхи с внешней стороны были прикреплены узкие длинные атташи с петлями, в которых подвижно закреплены кольца — два рядом друг с другом и одно на противоположном краю бляхи (рис. 178, 3). Грубоватые длинные атташи действительно похожи на самоделы.

Бляхи подперся известны и в Азиатской Сарматии. Золотая полихромная бляха диаметром 14 см с тремя кольцами, которая входила в замечательный комплект сарматской парадной упряжи (рис. 178, 4), происходит из кургана конца I — начала II в. н. э. в могильнике Дачи на Нижнем Дону (Беспалый, 1992, с. 181, 182). Здесь же были найдены два фалара для нагрудника, судя по петлям на обороте. Они могли украшать и подперсье, но не исключено, что в тайник положили и то и другое.

В 1939 г. близ Воронежа, у с. Титчиха, была найдена серебряная чаша с тамагой на внешней стороне дна и частично сохранившимися атташами для трех ручек (Смирнов, 1940, с. 363; Соломоник, 1959, с. 127–128, № 65; Шоков, 1960, с. 150–152, рис. 2–4; Симоненко, Лобай, 1991, с. 63). В. И. Мордовинцева, назвав находку Давыдовским кладом, решила, что это — бляха предперся типа Дачи (Mordvinceva, 2001, S. 81, № 82, Taf. 44, 82). Такую же атрибуцию эта чаша получила в недавно вышедшей книге В. М. Мордовинцевой и М. Ю. Трейстера (Мордовинцева, Трейстер, 2007, т. II с. 132–133).

В статье А. Ф. Шокова и книге Э. И. Соломоник помещено фото чаши (фотоархив ИИМК, негатив П-45243). На нем отчетливо видны ромбовидные атташи и корот-

кие штырьки — остатки трех радиально расположенных ручек. Это обстоятельство (на остальных бляхах такого типа два кольца расположены рядом друг с другом, а одно — напротив них), как и диаметр чаши (20 см; ср.: Mordvinceva 2001, S. 81 — 16,5 см), говорит о том, что она вряд ли использовалась как бляха предплечья.

Интересная вещь найдена в Калмыкии, в кургане I в. н. э. в Яшкульском р-не (Otchir-Goriaeva, 2002, S. 363, 370–371, Abb. 8; 9, 4). Там центр подперся украшала дуговидная серебряная пластина с бронзовым ободком по краю. Она орнаментирована четырьмя крупными штампованными *М*-образными фигурами. Вдоль внешнего и внутреннего края проходит ряд штампованных полусферических выступов, украшенных гравированным «шахматным» узором. Между первой и второй *М*-образными фигурами три пары отверстий — следы ремонта. На одном конце и в центре пластины сохранились шляпки, прикрывающие заклепки, на другом — два отверстия от заклепки и след от шляпки. Заклепки крепили пластину к кожаной основе. Длина пластины 31 см, ширина 7 см (рис. 179, 1). Она лежала выпуклой частью к выходу из ниши, а концами была направлена к большим фаларам, как бы соединяя их. Скорее всего она служила украшением нагрудника между двумя наплечными фаларами (Otchir-Goriaeva, 2002, S. 363, 370–371, Abb. 8; 9, 4).

Это украшение подперся изготовлено из назатыльника кельтского шлема. Такие шлемы образуют небольшую группу восточнокельтских шлемов, так называемый тип Ново Место (Schaaaff, 1980, S. 403). Шлемы этого типа найдены в Словении, один экземпляр — в Польше. Они собирались из отдельных частей — узкий горизонтальный налобный козырек, тулья, рифленый широкий назатыльник с отогнутым краем и нащечники на шарнирах. Точной аналогией яшкульской находки является

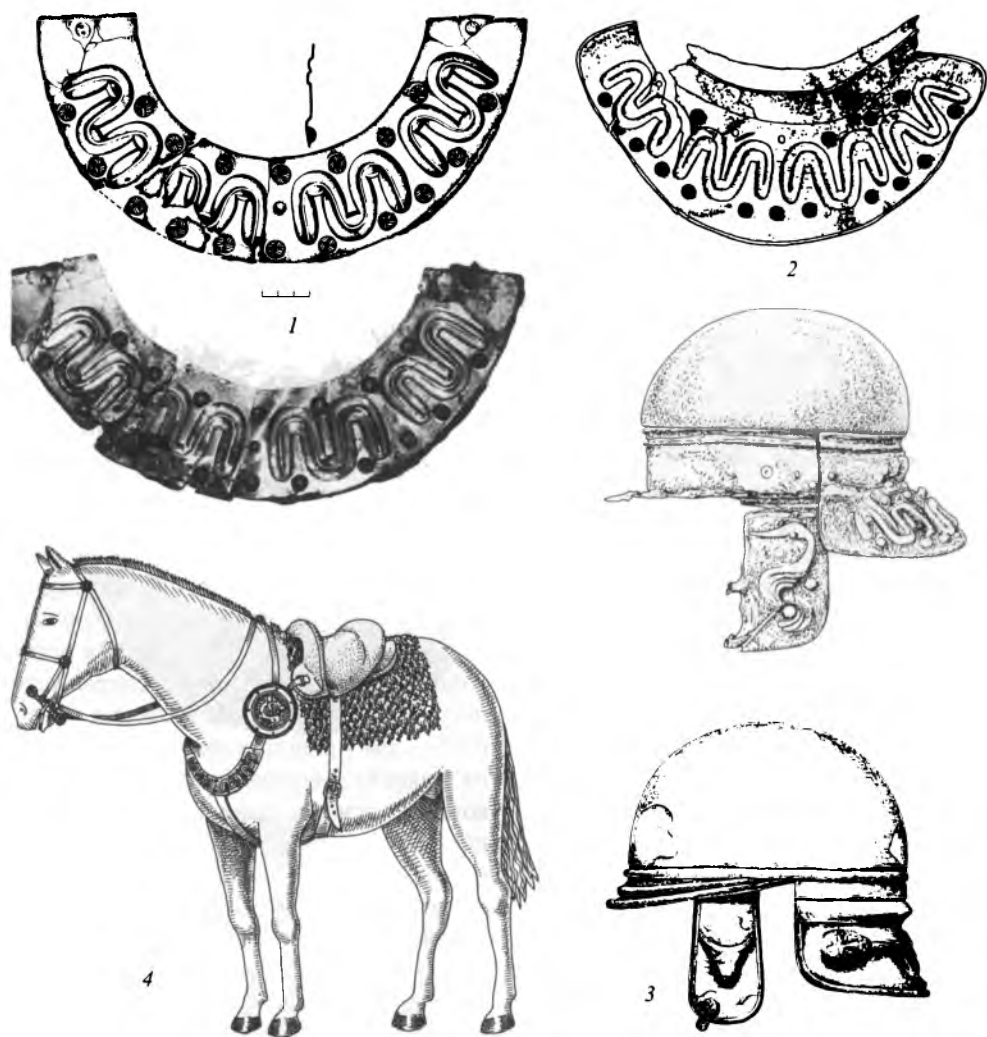


Рис. 179. Упряжь из Яшкуля (Otchir-Goriaeva, 2002):

1 — серебряная пластина подперся; 2 — шлем типа Ново Место из Словении; 3 — восточногальский шлем из Бойко-Понуры; 4 — упряжь из Яшкуля (реконструкция автора)

бронзовый экземпляр из Словении с назатыльником, украшенным таким же штампованным декором из четырех М-образных фигур и полусфер с «шахматным» орнаментом (рис. 179, 2). Назатыльник шлема, найденный в погребении под Яшкулем, серебряный, в отличие от бронзовых и же-

лезных европейских экземпляров. Вероятно, яшкульский назатыльник принадлежал парадному шлему.

Все шлемы типа Ново Место происходят из погребений I в. до н. э. (Schaaff, 1988, S. 304, 307, Abb. 1, 24). Примечательно, что в это время в степях от Дуная до

Волги сарматы пользовались импортными шлемами западных типов (Raev, Simonenko, Treister, 1991, p. 465 ff.). В их числе был найденный в погребении конца II в. до н. э. у хутора Бойко-Понура на Кубани восточнокельтский шлем (рис. 179, 3), весьма близкий шлемам Ново Место (Раев, Симоненко, Трейстер, 1990, с. 126, рис. 41; Raev, Simonenko, Treister, 1991, p. 476, fig. 10). Вполне возможно, что в яшкульском кургане обнаружен назатыльник еще одного восточнокельтского шлема, некогда принадлежавшего раннесарматскому воину.

Естественно, яшкульская находка позднее, чем целые шлемы. Должно было пройти долгое время, чтобы шлем пришел в негодность или повредился так, что его пришлось разобрать на части. После этого назатыльник был вторично использован в качестве украшения подперся (рис. 179, 4). Таким образом, эта находка косвенно подтверждает датировку могилы I в. до н. э. (Otchir-Goriaeva, 2002, S. 382).

5.9. Седло и седельное снаряжение

Сарматские седла не представлены в археологическом материале. Исследователи обычно ограничивались констатацией находок в погребениях частей седельного снаряжения — пряжек, фаларов и другой металлической гарнитуры упряжи. Лишь в последнее время появились работы, в которых анализируются седла сарматского времени (Никоноров, Худяков, 1999; Никоноров, 2001; 2002; Горончаровский, 2001; Степанова, 2003; 2004; Симоненко, 2004а).

Трудности реконструкции помимо специфики предмета сопряжены с тем, что органические материалы в земле почти не сохранились, за исключением единичных

находок фрагментов ремней упряжи, иногда с металлическими украшениями (Безуглов, 1988, с. 107). Немаловажна и необходимость общего знакомства с эволюцией, основными принципами конструкции и кинематикой седла как такового — весьма специфического атрибута столь же специфической сферы человеческой деятельности.

Е. В. Степанова предприняла своевременную и нужную попытку унифицировать терминологию, используя современные названия деталей седла и предлагая свои для тех частей древних седел, которые не имеют аналогий в современных. Ее терминология вполне приемлема и верна, с одним уточнением. Вряд ли стоит называть мягкие седла скифского типа «безленчиковыми». Термины «арчак» и «ленчик», часто используемые как синонимы, несколько различаются по смыслу. В современной терминологии арчаком именуется только жесткий каркас седла, а ленчиком, кроме того, — часть седла между луками, собственно сиденье (у других частей седла свои названия — подушки, крылья, полки и т. д.). Таким образом, мягкие седла тоже имели ленчик — они из него и состояли. Возможно, чтобы подчеркнуть принципиальное различие конструкции, стоит ограничиться терминами «мягкое» и «жесткое» седло²⁶. Они, конечно, тоже условны, но предотвращают путаницу в деталях.

Начнем с седел скифов и их современников и соседей, известных под собирательным названием «савроматы». Такой обзор позволит полнее проследить эволюцию седла ираноязычных кочевников Евразии, важную не только для выяснения вопросов культурных контактов, хронологии и морфологии этого вида снаряжения, но и для решения некоторых проблем военного дела скифов и сарматов.

²⁶ Ср. англ. «pad saddle» и «frame saddle».



Рис. 180. Изображение скифского седла на чертомлыкской амфоре (Алексеев и др., 1991)

Немногочисленные изображения скифских седел, наиболее известное из которых помещено на чертомлыкской амфоре (рис. 180), демонстрируют седло без жесткого арчака, формой несколько напоминающее современное вольтижировочное. Находки подобных седел в алтайских курганах позволяют уточнить их конструкцию (Степанова, 2006, с. 110, 131–137). Ленчик составляли две продолговатые трапециевидные подушки (в жестком арчаке их функцию выполняют полки), лежавшие по обе стороны холки на спине коня. Подушки соединялись пришитой поверх них прямоугольной или фигурной покрывкой (2-й Пазырыкский курган) либо сшивались по линии хребта коня с подкладкой широкой полосы изнутри (5-й Пазырыкский курган).

Передняя и задняя часть подушек была набита несколько плотнее, создавая утолщения — прототип луки «жесткого» седла («упоры», по терминологии Е. В. Степа-

новой). Торцы лук-упоров²⁷ на седле из 5-го Пазырыкского кургана были украшены сегментовидными пластинами с резьбой (Rudenko, 1970, p. 130, fig. 66). Судя по изображению на чертомлыкской амфоре и пазырыкским седлам, по краям подушек поперек ленчика пришивались широкие ремни, дополнительно скреплявшие подушки.

Седло такого типа найдено в могильнике IV–III до н. э. (Полосьмак, 2001, с. 126, 185) Субаши в Китае (рис. 181, 1) и воспроизведено на терракотовых конях императорской кавалерии из гробницы императора Цинь Шихуанди (рис. 181, 2). Его передний и задний луки-упоры прошиты поверх ленчика широкими полосами с кожаными овальными свисающими «языка-

²⁷ Я все же считаю возможным использовать термин «лука» применительно к «упорам» скифских седел (пусть в форме «лука-упор»); другого названия для передней и задней оконечности ленчика нет.

ми»²⁸ по концам. Такие же неподвижно прикрепленные к седлу «языки» отходят от передней и задней луки на холку и круп. Нижний край ленчика, ближе к передней луке, чуть заострен, и в этом месте к нему прикреплен «язык». Из-под него выходит подпруга, застегнутая пряжкой с прямоугольной рамкой и подвижным язычком. Место крепления «языков» к ленчику оформлено трапециевидными обоями. Подушки простеганы. К задней луке пристегнуты два ремня подхвостника, оканчивающиеся «языками» в металлических обоях с заклепками, из-под которых выходит ремень, идущий вокруг крупа. Под седло подложен прямоугольный вальтрап или потник (The First Emperor's, 1988, p. 129, fig. 112; Степанова, 2006, с. 135–136)²⁹.

На лошади скифские седла удерживались подпругой, несколько отличавшейся от подпруги «жесткого» седла. Она состояла из двух половин. Одна из них — «чересседельная» — пришивалась поверх ленчика, что хорошо видно на чертомлыкском седле. Ее концы свисали вниз и имели отверстия. К ним пристегивалась вторая половина, охватывавшая грудную клетку лошади. Такую конструкцию имело седло из Туэжты (Степанова, 2006, с. 127, рис. 10). Подпруга из 5-го Пазырыкского кургана была цельной и застегивалась слева (Руденко, 1953, рис. 99).

Застегивались подпруги пряжками, которые наряду с золотыми и серебряными

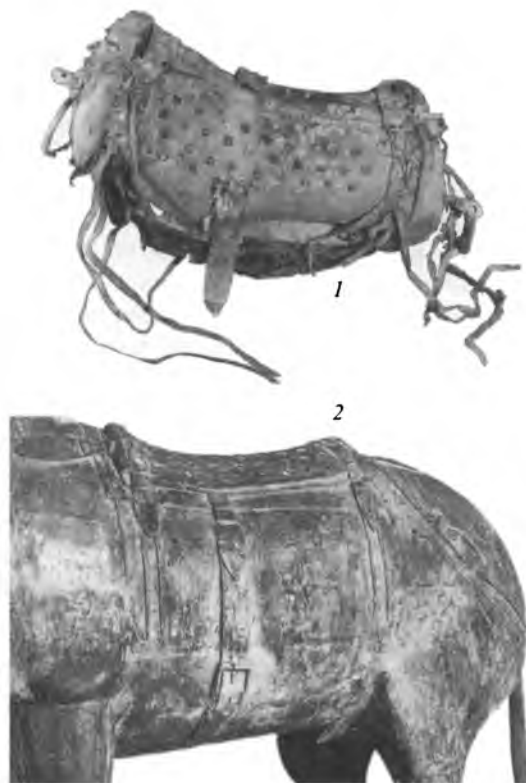


Рис. 181. Китайские седла конца III в. до н. э.:
1 — Субаши (Ван Бинхуа, 1993);
2 — гробница императора Цинь Шихуанди
(The First Emperor's, 1988)

оковками (Чертомлык, Огуз, Козел, Желтокаменка) являются, пожалуй, единственной археологической реальностью скифских седел. Их назначение было определено по находкам *in situ* и размерам. Это круглые, реже прямоугольные бронзовые и железные пряжки с вертикальным шпеньком на краю рамки. Диаметр круглых пряжек 3,6–5 см, средние размеры прямоугольных 4 × 4,5 см (Ильинская, 1973, с. 61, рис. 12, 1–5). Система застёжки такова: свободный конец намертво пришитой к ленчику подпруги продевался в пряжку с левой стороны седла и насаживался на шпене (рис. 182, 1). Именно свисающий конец затянутой подпруги, изображенный торевтом — автором

²⁸ Е. В. Степанова называет их щитовидными подвесками (Степанова, 2006, с. 135).

²⁹ Ориентируясь на рисунки (Полосьмак, 1990, с. 106, рис. 5, 1; Bunker et alii, 1997, p. 95, fig. A 148), я решил, что седло с высокими луками изображено на поясной бляхе из Сибири (Симоненко, 2004, с. 255). Другое изображение этой вещи (Бородавский, 1988, с. 74, рис. 1, 3) демонстрирует мягкое седло типа найденных в Субаши и гробнице Цинь Шихуанди. Не видев бляхи *de visu*, я не могу сказать, какой из ее рисунков (рис. 186, 7, 8) точнее, и уверенно считать бляху из Сибири изображением жесткого седла.

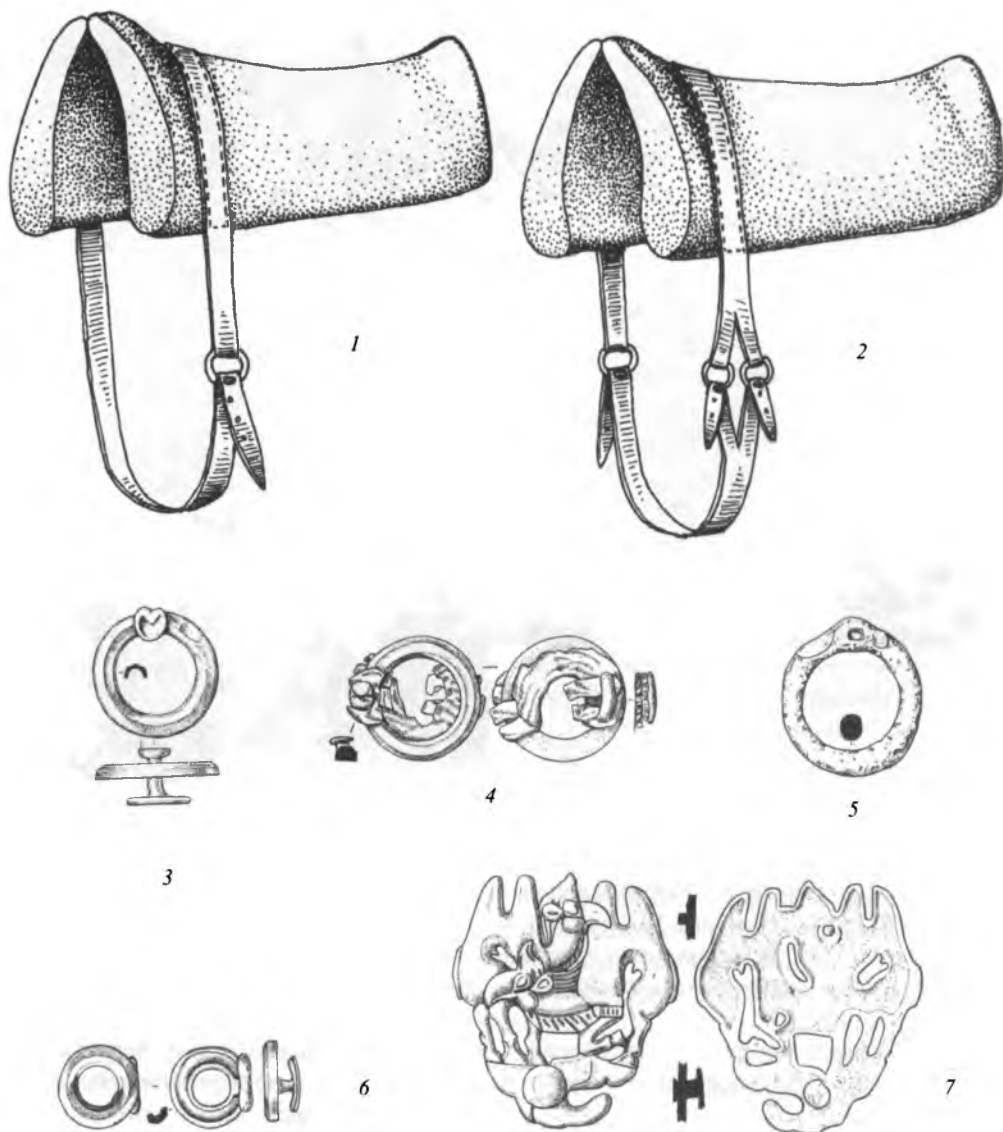


Рис. 182. Савроматские седла (схема-реконструкция автора)

чертомлыкской амфоры, был ошибочно принят В. Арендтом, а затем Г. Потрацем за стремя (Ильинская, 1973, с. 60).

На коне с чертомлыкской амфоры надет нагрудник, не дававший седлу сползать назад. Он прикреплен к подпруге у края седла, однако способ крепления неясен. Концы современных нагрудников сделаны

в виде петель, в которые продевается подпруга — более рациональное крепление трудно придумать. Концы нагрудника из 5-го Пазырыковского кургана были закреплены в отверстиях фигурных пластин на подпруге (Rudenko, 1970, p. 130, fig. 66). Однако не следует забывать, что пазырыкская упряжь — церемониальная (не исключено,

что только погребальная) и вряд ли использовалась в повседневной езде: для этого она слишком хрупкая. У нагрудника с чертомлыкской амфоры отсутствует имеющийся на современных ремень, идущий через холку и не дающий упряжи сползать вниз по груди (рис. 172, 1). Однако такой ремень был необходим для нагрудников с тяжелой металлической гарнитурой, которые неминуемо провисали бы (Огуз, Мелитопольский курган и др.). Иногда он также украшался бляхами (Ильинская, 1973, с. 50). Найденное на левой лопатке коня из кургана 6 у Старинской птицефабрики железное кольцо служило, по мнению В. А. Ильинской, для регулировки высоты нагрудника (там же, с. 45). Мне кажется, что это одно из колец — распределителей ремней нагрудника, в то время как найденное на тазу коня из кургана 6 у Старинской птицефабрики железное кольцо могло принадлежать подхвостнику (там же).

Хочу заметить, что отсутствие той или иной детали упряжи на немногочисленных изображениях скифских лошадей не должно служить поводом для однозначных выводов об ее использовании: не следует забывать о специфике иконографического источника. Если же следовать ему буквально, то отсутствие нагрудников на статуях из циньских и ханьских гробниц следует расценивать как принципиальное отличие китайской седловки. Впрочем, на лошадях терракотовых всадников из гробницы в Янчжияване (179–141 гг. до н. э.) краской нарисованы овальные вальтрапы, подперсы и подхвостники (рис. 183, 2), украшенные металлической гарнитурой (Chine: des chevaux, 1995, p. 51).

Изображений савроматских седел в нашем распоряжении нет. Судить о них можно, лишь исходя из синхронности и общего уровня развития скифской и савроматской культур. Это предполагает и общность



Рис. 183. Фигурки всадников из китайских гробниц:

1 — Лейтай (Pirazzoli-t-Serstevens, 1982); 2 — Янчжияван (Chine: des chevaux..., 1995)



Рис. 184. Седло Маклеллан (фото автора)

конструкции их седел. Во всяком случае, немногочисленные артефакты из сарматских погребений, относящиеся к седлу, принципиально не отличаются от скифских. Это подпружные пряжки из кургана 8 могильника I Пятимары, кургана 2 могильника Мечет-Сай и некоторые другие находки (Смирнов, Петренко, 1963, табл. 15, 6–8, 10; 21, 6а, б).

В Пятимарах было найдено пять скелетов взнузданных и оседланных коней V в. до н. э. При каждом из них подпружные пряжки зафиксированы *in situ*. Система затягивания подпруги здесь несколько отличалась от скифской. Прежде всего подпруга пристегивалась к кольцам с обеих сторон седла. Эти кольца должны были крепиться на концах ремня, который, в свою очередь, намертво пришивался поперек ленчика. При затягивании подпруги

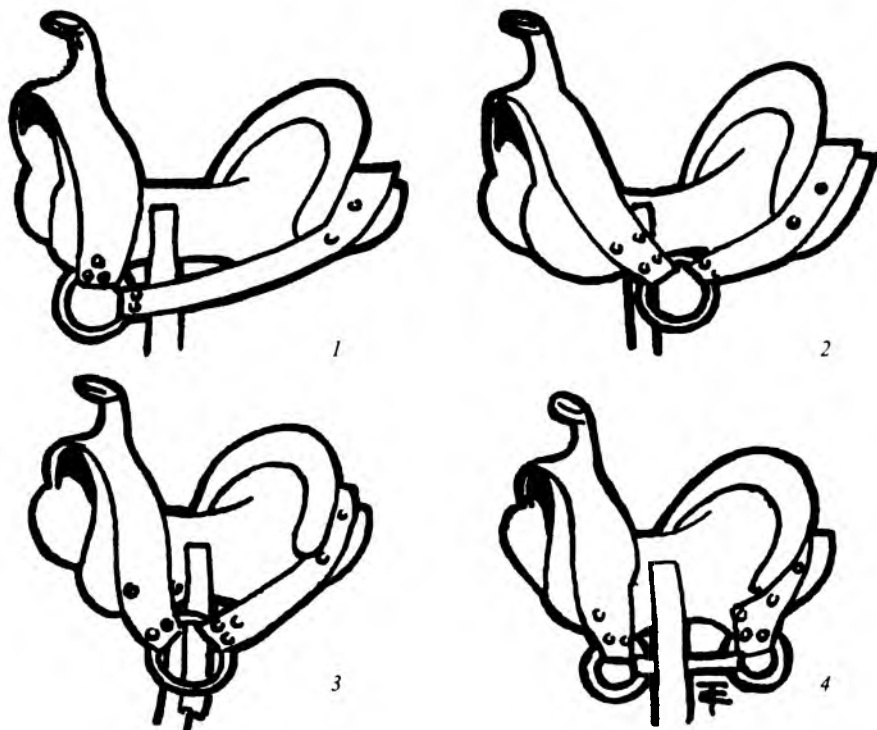


Рис. 185. Различные модификации седел типа «вестерн»

такой ремень равномерно распределял силу натяжения по обе стороны седла и обеспечивал его плотное прилегание к спине коня. Эта система крепления подпруги дожила до наших дней, используясь в седле Маклеллан (рис. 184) — уставном седле американской кавалерии XIX в. и в различных модификациях седел типа «вестерн» (рис. 185).

С правой стороны седел из Пятимаров крепилось одно, с левой — два кольца. Кольца были полукруглыми в сечении, с плоской желобчатой внутренней (прилежавшей к боку коня) стороной, диаметром от 6 до 20 см (рис. 182, 3, 4). Находки и изображения скифских подпружных пряжек на левом боку коня говорят о том, что, как и сейчас, в скифское время подпруга затягивалась слева. Наличие на пятимарских седлах пряжек с обеих сторон не исключает возможность регулирования подпруги и справа, как на современных седлах. На всех рассматриваемых пряжках с внешней полукруглой стороны рамки имелся шпенок-кнопка, с внутренней (плоской) — Т-образная лапка, по выражению К. Ф. Смирнова. Интересно, что парные левые кольца во всех случаях найдены лежавшими плоскими сторонами друг к другу, т. е. лицевой стороной была выпуклая.

Приняв допущение об общности конструкции скифского и савроматского седел, попытаемся реконструировать несколько необычную систему затягивания подпруги. Достаточно ясно, что справа она продевалась в кольцо, намертво пришитое к ленчику, и застегивалась на Т-образную лапку, а затем для большей надежности еще и на шпенок. Подпруга шла вокруг грудной клетки и слева должна была аналогично крепиться к двум кольцам, также намертво пришитым к ленчику. Не совсем понятно, почему колец было два. То ли подпруга раздвигалась на конце, то ли их было две (и то, и другое имеется на боль-

шинстве современных седел). В последнем случае неясно, как две подпруги крепились справа на одно кольцо. Скорее всего подпруга раздвигалась слева у застежки. В общем, это и не принципиально — важен факт аналогичности скифской и савроматской систем крепления седла.

У пятимарского коня № 3 правая и две левые подпружные пряжки необычны — в виде больших литых блях с ажурным изображением дерущихся верблюдов (рис. 182, 7). Судя по всему, их верхняя часть заклепкой крепилась к ленчику, а подпруга застегивалась на шпеньки в нижней части бляхи. Такое крепление очень ненадежно, и скорее всего обе бляхи были погребальными votivami.

Таковы общие принципы «мягкого» седла (pad saddle) скифо-савроматского мира. Ездить в таком седле без стремян, учитывая высокое мастерство скифских всадников, было относительно удобно³⁰. Но отсутствие задней луки и малая глубина седла не обеспечивали уверенной посадки воина в момент нанесения удара пикой. Скорее всего именно поэтому тактика массивированного штурмового копейного удара так и не привилась в коннице скифского времени.

Однако война настоятельно требовала максимальной реализации возможностей длинного копья, и кочевники нашли единственно верное решение. Так появилось новое седло с глубоким ленчиком и высокими луками. Даже без стремян оно обеспечивало всаднику надежную посадку и устойчивость при отдаче копья³¹.

³⁰ Седла этого типа, но со стремянами, до сих пор используют венгерские пастухи Хортобади и гаучо в Аргентине и Уругвае.

³¹ Римские и парфянские «рогатые» седла с четырьмя выступами-луками также представляют собой новую в сравнении со скифской конструкцию. Однако развитие этого седла (лит. см.: Трейстер, 1994, с. 190; Hermann, 1989, p. 773–782) шло по другой линии и здесь не рассматривается.

Время его изобретения с точностью не устанавливается³². Однако привлекает внимание несомненное совпадение трех обстоятельств: выход на историческую арену сарматов, наличие на их изображениях седел новой формы и появление катафрактариев с их специфическим приемом боя — штурмовой копейный удар строя тяжело-вооруженных всадников.

Археологических остатков седел сарматского времени в нашем распоряжении нет. Изображения сарматских седел редки, но именно они, сопоставленные с артефактами, должны служить базовым звеном для реконструкции.

Наиболее ранние изображения оседланных коней сарматского времени относятся к I в. н. э. Это ручка котла в виде лошади из хут. Киляковка (рис. 186, 1), а также лошади с батальных сцен на серебряном сосуде из Косики (рис. 186, 3, 4) и костяной пряжке из Орлата (рис. 186, 2). Первые два воспроизводят сарматских лошадей, на третьей изображены, по мнению ряда исследователей (лит. см.: Плузов, Rusanov, 1997/98, p. 131–134), кангюйцы в битве между собой или с юэцжи. Недавно мы с А. Наймарком проанализировали орлатские пластины еще раз и пришли к выводу, что на них изображены аланы в схватке с хунну или китайцами³³. Оставив пока в стороне идентификацию орлатских воинов, акцентируем свое внимание на том, что оружие и конское снаряжение, изображенные на пластинах, характерны для степных культур сарматского времени³⁴.

³² Примечательно наблюдение Е. В. Степановой, что изображения китайских седел скифского типа датируются только Ранней Хань; из памятников рубежа н. э. «происходят изображения уже иных седел» (Степанова, 2006, с. 135).

³³ Эта работа готовится к публикации.

³⁴ Во всяком случае, археологическое тождество сарматских и орлатских длинных мечей можно считать доказанным (Безуглов, 2000, с. 169–179).

Несмотря на схематизм изображения, мы видим седло, принципиально отличающееся от «скифского»: с высокими передней и задней луками (причем передняя лука несколько выше и круче задней), глубоким ленчиком и тороками у задней луки. На орлатских пластинах показаны и другие детали снаряжения — нагрудники с кольцами — делителями ремней и подхвостники. Подпруга седел, изображенных на сосуде из Косики, выходит из-под ленчика, а на орлатском седле, кажется, чересседельная (изображение нечеткое).

Перед нами важные источники к изучению седла сарматского времени, прекрасные по двум причинам. Во-первых, рассматриваемые изображения выполнены варварскими мастерами, знавшими предмет. Интересно, как на косикском сосуде парфянского (?) происхождения сочетается античный фронтальный канон (изображение всадника) с варварской манерой и прикладными подробностями. Во-вторых, именно схематизм изображений на косикском сосуде и котле из Киляковки заставляет с доверием отнестись к ним: даже скудными средствами их авторы подчеркнули наиболее характерные черты седла — глубокий ленчик и высокие луки (ср. стандарт изображений скифского седла). О компетенции художника говорит и такая малозначительная для непосвященного зрителя деталь, как расположение подпруги на лошадях с сосуда из Косики: она, как и полагается, охватывает наиболее широкую часть грудной клетки коня ближе к передним ногам, а не середину живота, как на некоторых изображениях.

Седло нового типа появляется с I в. н. э. в иконографии Боспора (Горончаровский, 2001, с. 86), Парфии (Rostovtseff, 1935, fig. 40–42, 57, 64, 79, 83), Кушанского царства (Rozenfeld, 1967, p. 182, fig. 22), Согда и Бактрии (Haussig, 1993, S. 168, no. 285; Пугаченкова, 1971, рис. 6, 2), поздних китайского Китая (Pirazzoli-t-Serstevens, 1982,

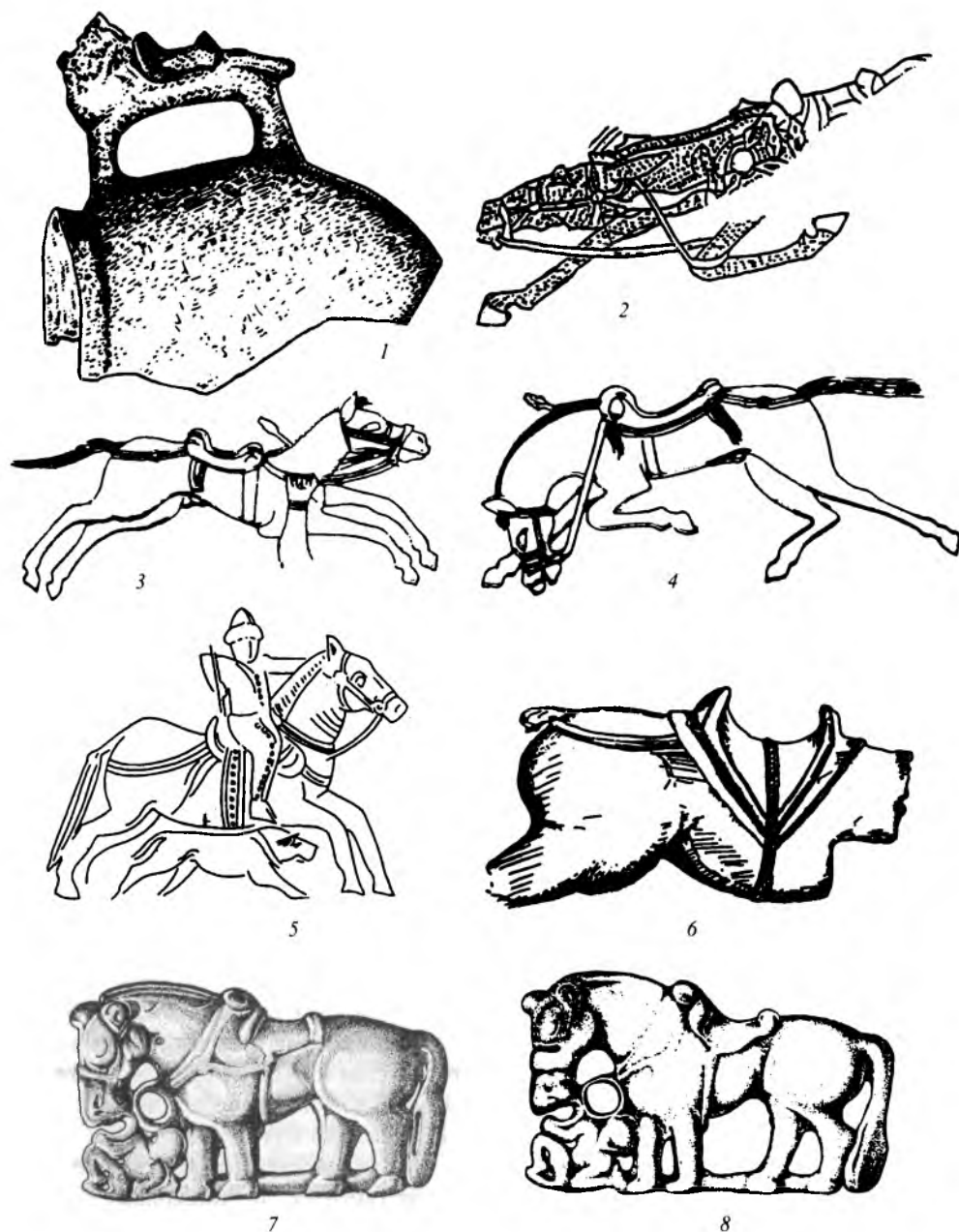


Рис. 186. Изображения седел сарматского времени:

1 — Кияяковка; 2 — Орлат; 3, 4 — Косика; 5 — Баграм; 6 — Халчаян; 7 — Сибирка (Бородовский, 1988);
8 — Сибирка (Полосьмак, 1990; Bunker et alii, 1997)

S. 168, Abb. 93; Han Zhongmin, 1985, S. 170–172; Azzaroli, 1985, p. 104, fig. 61). В. П. Никоноров полагает, что «жесткие седла с передней и задней луками» парфяне использовали наряду с «роговыми» седлами, заимствованными у них римлянами (Никоноров, 2001, с. 116).

Таким образом, судя по иконографическому материалу, уже в I в. н. э. в степях Евразии и прилегающих регионах широко использовалось седло нового (по сравнению со скифским) типа: с высокими луками и глубоким ленчиком. При всей условности изображений выделяются седла минимум двух вариантов. На скульптуре из Халчаяна и пластинке из Беграма (рис. 186, 5) показано седло с глубоким симметричным ленчиком, края которого сходятся под острым углом, загнутыми луками и чересседельной подпругой, затянутой посередине живота. Сарматские и китайские седла несколько иные: передняя лука их круче и выше, задняя широкая и полая (что, в общем, более комфортабельно для всадника), край ленчика прямой у сарматских седел и с небольшим выступом у китайских. Позднеханьские седла на хорошо документированных бронзовых статуэтках конца II — начала III в. н. э. из гробницы полководца династии Восточная Хань в Лейтай (провинция Ганьсу) ближе по типу сарматским, край ленчика у них прямой (рис. 183, 1).

Седло такого типа (frame saddle) обязательно должно было иметь твердый деревянный арчак, т. к. иначе высокие луки не к чему крепить. На его наличие указывают изображения на сосуде из Косики. Здесь подпруга изображена выходящей из-под ленчика. Однако крепиться в этом случае она должна к твердой основе, иначе, как бы крепко она ни была пришта к мягкому седлу, возникающие напряжения неминуемо оторвут ее либо вырвут «с мясом». Главное же доказательство наличия у «сарматских» седел твердого арчака —

высокие луки, на мягком седле они невозможны.

Наиболее ранняя археологическая находка деревянного арчака в евразийской степи относится к рубежу н. э. (Ноин-Ула). Он необычен: две дуговидные луки соединены вставленными в них палочками (Амброз, 1973, с. 96, рис. 5, 2a). С. И. Руденко и А. К. Амброз считали это седло вьючным, С. И. Вайнштейн полагал, что оно верховое. Мне думается, что правы первые два исследователя: такой арчак, с одной стороны, слишком груб для спины коня под всадником, с другой — недостаточно крепок для него. Ведь кинематика цепи «лошадь–всадник» намного сложнее, чем движения вьюка, и неумело либо неудачно сконструированное седло будет причинять неудобства всаднику и травмировать спину коня. Главным же условием конструкции жесткого арчака верхового седла являются изогнутые по форме спины лошади полки, чего нет на ноин-улинском экземпляре.

До сих пор одной из лучших русскоязычных работ по истории седла с твердым арчаком остается статья А. К. Амброза (Амброз, 1973, с. 81–98). В ней приведен широкий круг археологических, но в большей степени иконографических источников к реконструкции седел Дальнего Востока и евразийских степей и предложены соображения автора по этому вопросу. Я рискну возразить А. К. Амброзу лишь в одном: эволюция седла с твердым арчаком не происходила, как мне кажется, от простого к сложному, от примитивного к развитому (там же, с. 94–95). Основной принцип седла — плотное прилегание его к спине лошади путем следования ее форме — был известен со времени изобретения мягкого седла, поскольку другого принципа просто быть не может. Изобретатели жесткого седла лишь воплотили в дереве давно известный им предмет. Первое же неумело сделанное седло с твердым

арчаком тотчас должно было быть забраковано, поэтому для его эволюции не требовались века.

Собственно говоря, «примитивные» седла классификации А. К. Амброза (Амброз, 1973, с. 94, рис. 5, 2) происходят из памятников Кореи и Японии IV–VI вв., в евразийских степях они неизвестны. Здесь в это время уже бытовало седло вполне развитого типа с изогнутыми полками, на которые крепились прямая передняя и наклонная задняя луки — то, что А. К. Амброз называл седлом «кокэльского» типа (там же, с. 97; 1979, с. 229). На самом деле найденный в могильнике Кокэль ленчик крепился к толстому мягкому вальтрапу, выполнявшему функцию полок. На материалах могильника Дюрсо А. В. Дмитриев по расположению золотых и костяных накладок реконструировал форму т. н. «гуннского» седла (Дмитриев, 1979, с. 219, рис. 5). В приложении к этой статье А. К. Амброз отказался от своего прежнего вывода о позднем (VI–VII вв.) появлении таких седел у кочевников Евразии (Амброз, 1979, с. 229–231). Таким образом, наиболее ранней археологической находкой седла с твердым арчаком следует считать седла IV–V вв. н. э. из Дюрсо, Мелитополя, Ново-григорьевки, Шипова и других памятников гуннского времени.

Однако иконографический материал позволяет предположить, что седла такой (или близкой) конструкции широко использовались кочевниками евразийских степей и их соседями уже в I в. н. э.

Предполагается, что седло с твердым арчаком и высокими луками появилось не на рубеже н. э. у кочевников хунну-усуньского круга. От них оно проникло на запад — в Среднюю Азию и к сарматам (если только предки последних сами не были в числе его изобретателей; здесь мы соприкасаемся со сложной проблемой происхождения сарматов, решение которой здесь не входит в нашу задачу).

В среднеазиатской, сарматской, иранской и парфянской иконографии первых веков н. э. уже представлены только такие седла.

Каковы были его конструктивные особенности — без археологических остатков судить трудно. Возможны лишь некоторые предположения. Первое: такие седла были той же конструкции, что и «гуннские» седла Дюрсо. Однако на изображениях отсутствуют выступающие вперед концы полок (впрочем, мне вообще неизвестен ни один случай их воспроизведения). Второе: полки арчака «сарматского» (примем это условное название) седла не выступали далеко вперед, как у «гуннского», а оканчивались чуть дальше уровня передней луки, как у большинства современных седел. Третье: сарматские седла были сконструированы аналогично средневековому итальянскому седлу Маремма (Junkelmann, 1992, S. 63–66, Abb. 69, 70, 72). Основу его составляют две Г-образные подушки, выполняющие функцию полок. Снизу к ним пришиты мягкие крылья с закругленным краем. Подушки и крылья могут быть из плотной ткани или кожи, они набиты конским волосом и простеганы. Деревянный сборный или долбленный ленчик с высокой передней и наклонной задней луками крепится к полкам-подушкам, концы которых слегка выступают из-под него (рис. 187). В пазы ленчика закрепляются приструги (ремни для пристегивания подпруги), а затем он обтягивается кожей и тканью. Седло Маремма и однотипные ему европейские и восточные средневековые седла построены по тому же принципу, что и современные спортивные, являясь, по сути, их прототипом.

Это седло гораздо мягче и приятнее для лошади и всадника, нежели седло с деревянными полками. Кроме того, под него не нужны толстый потник и подушка на ленчик, необходимые к «гуннскому» седлу. Изображения сарматских седел на-



Рис. 187. Седло Маремма
(Junkelmann, 1992)

поминают именно такое седло. В свою очередь, М. Юнкельман справедливо заметил, что внешне седло Маремма весьма похоже на позднеиримские и персидские седла (Junkelmann, 1992, S. 63). Тонкий деревянный ленчик таких седел, возможно, бесследно истлевал, что объясняет отсутствие его остатков в тех единичных сарматских погребениях, где седло могло быть (Центральный VI, 16/8). Кстати, древесного тлена от арчака нет и в погребениях могильника Дюрсо, где, судя по сохранившимся золотым обкладкам полок, седла, несомненно, были.

В Париже в Музее армии хранится японское седло XVII в., конструкция которого также может являться одним из вариантов первых седел с жестким арчаком. На прямоугольном стеганом вальтрапе закреплены (как на седле Маремма) высокие деревянные луки, соединенные (систему соединения мне не удалось рассмотреть, это могут быть штифты или шипы) фигурно изогнутым деревянным же ленчиком. Подпруга пришта поперх стеганой основы под ленчиком.

Вместе с новым седлом появились и новые типы сбруи, часто видные на изо-

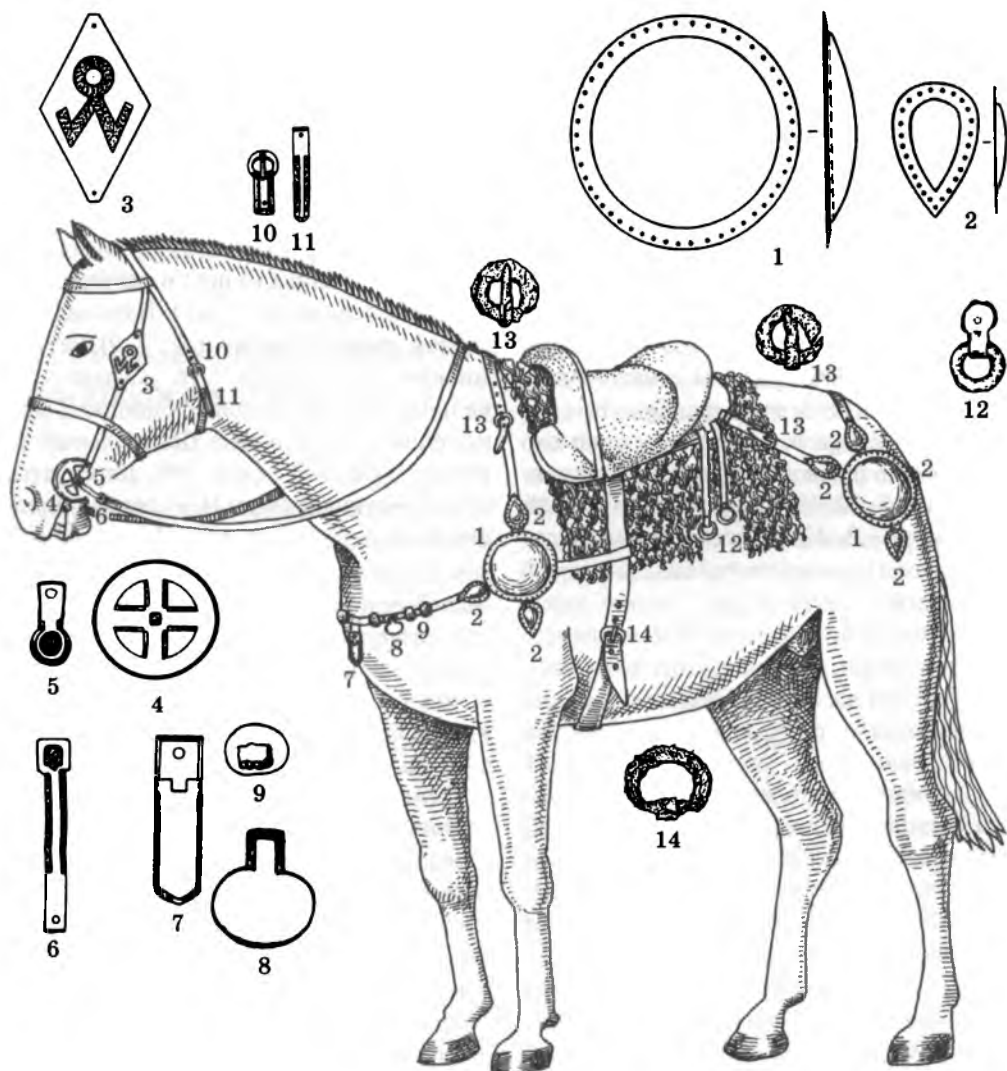


Рис. 188. Сбруя из могильника Центральный VI (реконструкция автора по: Безуглов, 1988)

бражениях: нагрудники, подхвостники, торока. Это снаряжение препятствовало сползанию седла вперед или назад, что могло травмировать холку или спину коня (еще одно косвенное доказательство наличия твердого арчака: мягким седлом спину не набьешь).

Редкий и абсолютно полный набор позднесарматского седельного снаряжения был найден в погребении 8 кургана 16 могильника Центральный VI на Нижнем Дону (Безуглов, 1988, с. 106–108). Тщательно проанализировавший его С. И. Безуглов предложил и вполне приемлемую рекон-

струкцию упряжи, к которой можно добавить лишь некоторые детали.

Не думаю, что зажимы ремней оголовья (там же, рис. 3, 14, 15) крепились к удилам способом, «исключавшим их подвижность»: здесь какое-то недоразумение. Такое крепление сводит на нет основное требование к удилам — быть именно подвижными. Скорее всего железные части удил разрушились и коррозия не дала правильно увидеть систему крепления.

Попытаемся отыскать место в наборе многочисленным пряжкам и наконечникам ремней из этого набора. Судя по совпадению декора и размеров, маленькие серебряные щитковые пряжки (Безуглов, 1988, рис. 3, 29, 30) и наконечники ремней (там же, рис. 3, 22, 23) составляли застеж-

ки суголовного и подбородного ремней оголовья. Широкие серебряные наконечники ремней (там же, рис. 3, 24, 25, 28) и овальные подвески (там же, рис. 3, 32, 33) могли украшать нагрудник. Кольца с овальными обоями (там же, рис. 3, 18, 19, 26, 27) скорее всего с тороков. Пять железных пряжек (там же, рис. 3, 7, 8, 10) служили для пристегивания подхвостника и нагрудника (4 шт.) и регулировки высоты последнего (1 шт.). Большая железная пряжка (там же, рис. 3, 9), без сомнения, подпружная. Это указывает на наличие в могиле седла. Общий вид снаряжения из могильника Центральный VI реконструирован на рис. 188. Датируется этот памятник концом II — первой половиной III в. н. э. (там же, с. 111).

ВОЕННОЕ ДЕЛО САРМАТОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

6.1. Комплекс вооружения сарматского войска

Изучение комплекса вооружения базируется прежде всего на археологическом материале. Видовой состав оружия в могилах, взаимовстречаемость и преобладание различных его видов и ряд других, более частных наблюдений в целом создают картину о распределении того или иного оружия и его месте в составе вооружения войска. Однако при этом анализе следует учитывать специфику погребального памятника, т. к. большинство привлеченного в работе оружия происходит из погребений. Существенным дополнением к анализу комплекса сарматского вооружения являются письменные и, в меньшей мере, иконографические источники. Последние требуют строгой критики, т. к. во многом зависят от случайных и не имеющих отношения к истории вооружения обстоятельств: способностей и видения художника, специфики иконографического памятника, того или иного канона и проч. Во многом способствуют решению различных вопросов исследования сравнение имеющегося материала с материалами других территорий и народов, находившихся на сходной ступени общественно-экономического развития, а также привлечение общих принципов и закономерностей развития комплекса вооружения древних обществ.

Раннесарматский период. Ко времени появления сарматов в Северном Причерноморье здешние степи были свободны от предшествующего кочевого населения, сосредоточившегося в долине низовьев Днестра и в Крыму. На севере региона в лесостепном Поднепровье обитали племена зарубинецкой культуры, на юге переживали кризис античные центры.

Политические реалии раннесарматского времени почти не отражены в письменных источниках. Если признать исторической личностью царицу Амагу, то можно констатировать определенные столкновения со скифами в этот период. Однако в таких реконструкциях следует избегать обобщений. История кочевников свидетельствует, что их политические симпатии были довольно неустойчивы. Поэтому помощь Амаги Херсонесу не обязательно отражает общее противостояние сарматов и скифов в этот период. Не исключено, что это был отдельный эпизод в пестрой политической жизни сарматов, которые, по Тациту, «приняв дары... по обычаю своего племени, поддерживают обе стороны...». Поэтому другой факт раннесарматской истории — союз роксолан Тасия со скифами Палака — не должен смущать исследователей и заставлять их сразу искать глубинные причины такой смены политических симпатий сарматов (Щукин, 1994, с. 144). Эти причины можно было бы назвать в денежном выражении, будь в нашем распоряжении более полные источники.

Первым эпиграфическим источником, достоверно аттестующим сарматов в Северном Причерноморье на этой территории, следует считать херсонесский декрет в честь Диофанта (критику более ранних источников см.: Симоненко, 1994, с. 32–34). Как известно, в нем идет речь о скифо-херсонесской войне 112–110 гг. до н. э. В качестве союзников скифского царя Палака в декрете называются *ревксиналы* (IOSPE, I², 352). Это перепутанное резчи-

ком или автором декрета название сарматского племени роксолан.

Около 113 г. до н. э. в Херсонес, уже ведший войну против поздних скифов, прибыл полководец Митридата Евпатора Диофант. Сразу же переправившись с войском на ту сторону Севастопольской бухты (уже, очевидно, занятую неприятелем), Диофант разгромил Палака и затем обеспечил себе тыл, подчинив окрестных тавров. Получив передышку, понтийский дипломат отправился в Пантикапей и «совершил там в короткое время множество славных деяний» (стк. 9–10 декрета). Ю. Г. Виноградов (Виноградов, 1987, с. 69 сл.) предположил существование скифо-боспорского оборонительного союза, нейтрализация боспорской стороны которого и была одним из «славных деяний» Диофанта. Вернувшись в Херсонес, полководец продолжил операции против скифов: взял Хабеи и Неаполь и, подчинив (вероятно, заручившись каким-то договором или клятвой) побежденного противника Митридату, отбыл в Понт.

Однако через год, около 112 г. до н. э., скифы, проявив «врожденное вероломство», нарушили *status quo*. Поздней осенью Диофант с войском вновь прибыл в Херсонес, отбил у скифов захваченную ими Керкинитиду и осадил Калос Лимен. Именно в это время Палак и привлек на свою сторону кочевавших к северу от Перекопа роксолан, чьи 50 тыс. всадников во главе с царем Тасием прибыли на помощь скифскому царю (Strabo, VII, 3, 17). Столь мощная поддержка, увы, не спасла Палака от поражения. Союзники были разгромлены, да так, что из войска почти никто не спасся (стк. 15–23). О дальнейшей судьбе роксолан в Крыму источники умалчивают.

Анализируя события сарматской военной истории I в. до н. э., нельзя обойти молчанием Митридатовы войны. Первая из них началась в 89 г. В ней на стороне понтийской державы приняли участие и причерноморские варварские племена. Ап-

пиан среди войск Архелая, полководца Митридата, в 86 г. называет скифов (App., Mithr., 41). Если здесь речь идет не о позднескифских контингентах, то скорее всего о сарматских (античные авторы часто отождествляли тех и других). Более определенно выразился Сулла в 85 г. в речи против Митридата: «...ты заключил союз со... скифами и савроматами» (App., Mithr., 57). Правда, Сулла мог иметь в виду аорсов Подонья или сираков Прикубанья, также участвовавших в войнах. Однако участие причерноморских сарматов в третьей Митридатовой войне (74–63 гг. до н. э.) засвидетельствовал Аппиан: «присоединились (к Митридату. — А. С.) ...из савроматов т. н. царские языги...» (ibid, 67, 2).

Скоротечные события Митридатовых войн почти не нашли археологического отражения, и это понятно. Однако «странные комплексы» II–I вв. до н. э., как говорилось выше, правомочно сопоставить с участием сарматов в Митридатовых войнах. Ареал «странных комплексов» (западная группа — от Днепра до Прута и Добруджи, 1-я восточная группа — Нижний и Средний Дон, 2-я восточная группа — Тамань, бассейн Кубани, предгорья Кавказа) очерчивает некую территорию, подвластную им. При этом отсутствие синхронных «странным комплексам» сарматских погребальных памятников западнее Днепра подчеркивает, что оно не было еще местом их постоянного проживания. Это подсказывает весьма интересный, хотя, может быть, и слишком смелый вывод: не является ли причерноморская группа «странных комплексов» следами несостоявшегося рейда конницы варваров — союзников Митридата на Рим через Северное Причерноморье и Фракию? Во всяком случае, почти полное тождество западной и обеих восточных групп, наличие в западной кубанских этноиндикаторов и отсутствие в Северо-Западном Причерноморье сарматских погребальных памятников этого вре-

мени не оставляют места для иного объяснения.

На территории Северного Причерноморья к настоящему времени исследовано 74 сарматских памятника II—I вв. до н. э.: 51 впускное погребение, 13 «странных комплексов», 5 «кладов» фаларов и несколько случайных находок вещей. Оружие найдено в 21 погребении и во всех «странных комплексах», конское снаряжение — в «странных комплексах» и «кладах».

Судя по материалам погребений, основным оружием раннесарматских воинов были короткие мечи и луки. Мечи и наконечники стрел найдены почти в каждом втором раннесарматском комплексе, а наконечники копий — в трех погребениях и в шести «странных комплексах».

Интересно распределение вооружения в могилах. Как правило, погребения содержат либо меч, либо набор стрел. Лишь в одной могиле (Виноградное, 31/1) оба вида оружия найдены вместе. В одном случае в могиле находились меч и копье (Сергеевка, 4/17). Дважды (Квашино; Александровск, 12/3) копы были положены вместе со стрелами, причем оба раза в могилах находилось по одной стреле. Колчаный набор происходит из погребения у с. Виноградное.

Как видно, полного единообразия в традиции помещения в погребение определенного набора вооружения нет. Тем не менее наблюдается некоторое преобладание удельного веса мечей. Что касается копий, то они немногочисленны в могилах, но почти неперемненны в «странных комплексах». Стрелы в раннесарматских погребениях скорее символизировали оружие: из семи могил, в которых они найдены, лишь в одной был колчаный набор (впрочем, небольшой — 10 шт.), остальные содержали одну-две стрелы.

Вооружение раннесарматских племен Приуралья, Поволжья и Подонья по видовому составу аналогично северопричерно-

морскому. Правда, на этих территориях более часты совместные находки клинкового оружия и стрел. В целом наблюдается возрастание количества мечей в погребениях с IV — первой половины III в. до н. э. (Железчиков 1980а, с. 49). Материалы северопричерноморских степей подтверждают эту закономерность.

Во II—I вв. до н. э. основную массу сарматского войска составляли всадники, вооруженные коротким мечом и луком. Установившаяся в свое время точка зрения о господстве у ранних сарматов длинных рубящих мечей, в отличие от скифов и савроматов с их короткими акинаками, по мере накопления материалов оказалась ошибочной (Скорий, 1981, с. 20–21). По данным М. Г. Мошковой, коротких мечей в прохоровской культуре гораздо больше, чем длинных (Мошкова, 1963, с. 34). Среди раннесарматского оружия Подонья преобладают сравнительно короткие мечи (Максименко, 1983, с. 106). Отличие вооружения раннесарматских воинов от оружия скифских и савроматских состояло не в господстве у первых длинных мечей, а в возрастании количества клинкового оружия, т. е. меч стал одним из основных видов вооружения. Увеличение в паноплии удельного веса клинкового оружия и уменьшение количества стрел в колчанах к концу II в. до н. э. отражают основные тактические приемы сарматских воинов.

Защитное вооружение представлено импортными шлемами из «странных комплексов». Мы предложили объяснение месту шлема в этом поминальном ритуале (Раев, Симоненко, 2007, с. 268–273), однако практически полное отсутствие доспеха в раннесарматских памятниках Северного Причерноморья говорит о том, что класть его в могилу не было в обычае. Единичность находок доспехов на остальной территории Сарматии подтверждает это наблюдение. Скорее всего дело было в редкости и высокой цене доспехов. Ими пред-

почитали защищать живых, нежели снабжать мертвых.

По находкам в «странных комплексах» убор боевого коня ранних сарматов реконструируется следующим образом. Огололье со строгими удилами украшалось бляхами с личинами, помещавшимися на скрещении нащечных ремней с налобным и переносом (Бубуечь), или закрепленными там же перстневидными бляхами (Великопловское, Снигиревка). Нащечные ремни декорировались либо круглыми бляхами (Веселая Долина, Брэвичень, Семеновка), либо плотно нанизанными колечками или рифлеными пронизьями (Семеновка, Снигиревка), либо теми и другими. В центре налобного ремня находился налобник с крючком — почти неперменная находка в «странных комплексах». Нагрудник украшали два фалара, помещавшихся на плечах коня (Бубуечь, Веселая Долина, Бедражий Вець).

В. И. Мордвинцева выделила несколько типов сарматской упряжи, характерных, по ее мнению, для того или иного времени и для определенной территории (Мордвинцева, 1998, с. 55–57; Mordvinceva, 2001, S. 48–53). К этой классификации, построенной, на первый взгляд, грамотно и обобщенно, есть несколько замечаний.

Не совсем ясно, по каким признакам выделены т. н. нагрудные фалары 1-го типа (Мордвинцева, 1998, с. 52). Внешне они ничем не отличаются от наплечных. Петлями в виде двух параллельных железных полос, якобы являющимися их отличительным признаком (Mordvinceva, 2001, S. 46), их можно было бы с успехом крепить и на плечах или крупе коня. Кстати, некоторые наплечные фалары классификации В. И. Мордвинцевой имели именно две параллельные петли. Создается впечатление, что автор причислила к нагрудным фаларам самые крупные в комплексе и/или не имеющие пары экземпляры (Ахтанизовская, Антиповка, Таганрог, Старо-

бельск). Между тем нет уверенности, что в каждом случае в землю попадал полный комплект фаларов, а уж комплексы с безусловно парными фаларами можно пересчитать по пальцам. Характерно, что в наборе из Булаховки все пять фаларов одинаковы, со следами параллельных петель, и Мордвинцева просто «назначила» один из них нагрудным (Mordvinceva, 2001, S. 46).

Обстоятельства находки некоторых фаларов — в сосуде или стопкой, вложенные друг в друга — показывают, что в ритуале использовалась не упряжь, украшенная фаларами, а только последние (что отмечала и В. И. Мордвинцева). При таких условиях задачи реконструировать комплекты упряжи и делать их хронологическим индикатором рискованно. Напротив, средне- и позднесарматские сбруйные наборы, кажется, клали в землю целиком: об этом свидетельствуют удила с псалиями и куски ремней, найденные вместе с фаларами.

По количеству и размеру фаларов и блях из раннесарматских «кладов» можно лишь предполагать, какую упряжь они украшали. Для причерноморских находок даже это не всегда возможно. Например, в Старобельске были найдены два фалара диаметром 15,5 см, два — 16,1 см, один диаметром 13,7 см (нагрудный, по мысли В. И. Мордвинцевой). Эти вещи могли украшать нагрудник и подхвостник либо два нагрудника. Если «нагрудные» фалары на самом деле таковыми не являлись, то в землю попал непарный фалар от третьего нагрудника. Две маленькие бляхи — круглая и прямоугольная — несомненно, от оголовья. В Балакее найдены один фалар диаметром 14,3 см, пара по 11 и 9,7 см, шесть блях диаметром 7,4 см, одна — 4,1 см. Первый — непарный («нагрудный», по В. И. Мордвинцевой, либо один из двух наплечных фаларов), второй и третий могут быть от подхвостника, шесть маленьких блях украшали оголовье. В Янчокраке найдены один большой (диаметром 17,65 см)

фалар, пять несколько меньшего диаметра (13,4–13,7 см), два — еще меньшего (8,3 и 8,5 см), уздечная бляха диаметром 4,5 см. Здесь найдена гарнитура минимум трех нагрудников или подхвостников. Пять совершенно одинаковых фаларов из Булаховки могли помещаться либо на двух нагрудниках, либо на двух подхвостниках, либо на том и другом. Пара из Твардицы — скорее всего от нагрудника.

У меня нет впечатления, что типы упряжи, выделенные В. И. Мордвинцевой, существовали в действительности в том виде, как она их себе представляет. Скорее всего наборы 1-го и 2-го типа (точнее, фалары, включенные Мордвинцевой в эти наборы) однотипны, одновременны и характерны в целом для раннесарматской упряжи. Так называемая упряжь 3-го типа принадлежит уже среднесарматскому времени. К приведенным В. И. Мордвинцевой ее находкам (Кобяково, Барановка, Балабинский) можно добавить находки из Олзешть. А вот сбруя второй половины I — начала II в. н. э. с подперсьями (Дачи, Яшкуль, Давыдовка, Весняне, Козырка, Грушка) — единственная принципиально нового типа — так и не была замечена В. И. Мордвинцевой¹.

Интересны выводы относительно количества воинских погребений в общем массиве раннесарматских памятников. К сожалению, я не располагаю данными по Поволжью и Подонью, где такой учет не проводился. Однако, судя по литературе, воинские погребения II–I вв. до н. э. там довольно многочисленны. По данным Б. Ф. Железчикова, в 91,4% мужских раннесарматских погребений Приуралья было найдено оружие, и соответственно воинами были практически все мужчины. В общем количестве всех раннесарматских по-

гребений этого региона воинские составляют 35%. Учитывая то, что у кочевников соотношение количества потенциальных воинов с общей численностью населения обычно составляет 1: 5, в лучшем случае 1: 4 (Иванов, 1984, с. 83), это число также реально отражает практически поголовную вооруженность всех мужчин. Характерно, что оружие также встречено в 2,4% женских погребений.

Подобная картина во II–I вв. до н. э. наблюдается и в Северном Причерноморье, где почти половина исследованных комплексов — воинские. В раннесарматское время сарматы имели характерную для кочевников раннегосударственного этапа военную структуру «народ–войско», т. е. каждый способный носить оружие был воином.

Среднесарматский период. В I в. н. э. в Северном Причерноморье происходили бурные исторические события, в которых самое активное участие приняли сарматы. Образование провинции Нижняя Мёзия вплотную приблизило римскую границу к сарматским территориям, а быстрое формирование в Северо-Западном Причерноморье многолюдного сарматского объединения обеспечило империю сильным и беспокойным соседом. Согласно Овидию, сарматы (языги) появлялись в низовьях Дуная уже в первом десятилетии н. э. Это подтверждает и автор II в. н. э. Флор, который писал о походе наместника Далмации Гнея Корнелия Лентула против даков в начале н. э.² Одним из результатов похода было оттеснение от Дуная сарматов, союзников (?) даков. Чуть раньше Лентула, в 6 г. до н. э., ту же акцию, по сообщению Диона Кассия, осуществил Цицена Север (Dio Cass., 55, 30.4).

В первой половине I в. н. э. языги и роксоланы расширили территорию своих

¹ Исключение составляет комплекс из Дач, выделенный во 2-й вариант упряжи 1-го типа (Mordvinceva, 2001, S. 68), что весьма спорно.

² Мнения исследователей о дате этого события расходятся (Виноградов, 1994, с. 152) — от 4 до 10–12 гг. н. э.

кочевий до Нижнего Дуная. Светоний, описывая правление Тиберия, сожалел по поводу того, что из-за политики принцепса, «отстранившего от себя заботы о государстве... Мёзия опустошалась даками и сарматами» (Svet., Tib., III, 41). Тацит писал, что зимой 67/68 гг. «роксоланы, народ сарматского племени», вторглись в Нижнюю Мёзию и «вырубили две когорты». Следующей зимой, 69/70 гг., сарматы «в числе 9 тысяч всадников» повторили набег. Однако III Галльский легион, случайно оказавшийся тут по пути в Италию, встретил их и отбросил к дунайским плавням, «в болота» (Tас., Hist., I, 79). Учитывая то, что роксоланы нападали две зимы подряд, нужно думать, что вряд ли они жили очень далеко от дунайской границы. Современник этих событий Плиний Старший также локализует роксолан где-то вблизи Истра (Plin., NH, IV, 80). О каких-то событиях 60-х гг. в Нижней Мёзии идет речь в элгии на могиле легата этой провинции Тиберия Плавтия Сильвана: «Он подавил возникшее движение сарматов... Ранее неведомых и враждебных римскому народу царей он привел на берег реки, который ему подчинялся, для того, чтобы они поклонились римским военным значкам» (CIL., XIV, 3608).

Эти «ранее неведомые» цари происходили скорее всего из аланских родов и возглавляли многочисленную и сильную орду аорсов (?), перекочевавшую на правый берег Днепра в середине I в. н. э. (Шукин, 1994, с. 204–218; Симоненко, Лобай, 1991, с. 71 сл.). Об этом кроме данных Плиния Старшего свидетельствует и мангупская надпись о посольстве ольвиополитов в Аорсию (Сидоренко, 1988, с. 86). Как видим, с середины I в. н. э. военно-политическая жизнь на дунайской границе значительно оживилась, причем не в самом мирном плане.

Биографы первых Флавиев и Антонинов постоянно отмечают факты военных столкновений с сарматами на дунайской

границе, и вообще с тех пор внимание античных авторов к сарматам сосредоточено в Подунавье. Светоний (Svet., Dom., VIII, 6) сообщает о войнах с сарматами в 89 и 92 гг. В 89 г. войска Домициана выступили против сарматов «после того, как теми был изрублен легион вместе с легатом» (Svet., Dom., 31). В 92 г. произошла еще одна война, в которой войска императора одержали победу. Правда, судя по всему, главным противником Рима на дунайской границе стала окрепшая Дакия. Походы против даков, которым предшествовало нападение последних на Нижнюю Мёзию в 85 г., состоялись в 86 и 88–89 гг. (именно во время последнего даков поддерживали сарматы). Победу над ними Домициан отметил двойным триумфом, в то время как за сарматские походы лишь поднес венки Юпитеру Капитолийскому.

Окончательное замирение нижнедунайской границы связано с политикой Траяна. Дакийские войны 101–102 и 105–106 гг. сломали сопротивление Децебала, и Дакия стала римской провинцией.

Первым — серединой II в. н. э. датируется большинство сарматских памятников Северного Причерноморья (около 800). Воинских комплексов этого времени известно 220, т. е. 27,5%, — почти третья часть всего массива.

Судя по количеству находок, основным клинковым оружием среднесарматских воинов оставался короткий меч с кольцевым навершием. Тем не менее в нескольких погребениях найдены длинные мечи восточного типа. Об их использовании сарматами в I — середине II в. н. э. свидетельствуют не только археологические находки, но и письменные источники. Корнелий Тацит, описывая военные действия сарматов в 69–71 гг. на Дунае, отмечает, что они были вооружены длинными мечами, которые держали обеими руками. Прекрасной иллюстрацией этому служит меч из Весняного с рукоятью длиной более 20 см.

В погребениях среднесарматского времени длинных мечей несравненно меньше, чем коротких, но именно их находки вкупе с данными письменной традиции говорят о том, что они находились на вооружении сарматов. Преобладание в среднесарматских могилах коротких мечей с кольцевым навершием скорее всего объясняется требованиями погребального ритуала, нежели отражает реальный состав вооружения. Короткий меч, помимо своей прямой функции, мог служить признаком принадлежности к воинскому сословию и помещаться в могилу прежде всего в этом качестве. Во всяком случае, контекст сообщения Тацита предусматривает более широкое распространение длинных мечей в I — середине II в. н. э., чем это представляется по данным археологии.

Мечи и кинжалы встречены в 78,7% всех воинских захоронений этого времени. Несколько меньшее количество воинских могил (37,5%) содержит стрелы. Как и в предыдущее время, мало копий (10% воинских захоронений). Характерно, что подобная картина наблюдается и в других регионах, кроме Прикубанья. Но здесь наконечники копий найдены в основном в могилах тяжеловооруженных всадников, что указывает на принадлежность копья как вида оружия преимущественно им. Рядовым воинам, судя по находкам, целых копий в могилы не клали. Защитное вооружение не представлено, конского снаряжения очень мало.

Как правило, в погребениях находят либо меч (кинжал), либо наконечники стрел. Совместно это оружие обнаружено лишь в 13 комплексах. Еще реже (2 раза) встречается сочетание меча и копья, копья и стрелы. Думается, что это явление не отражает в полной мере видовой состав вооружения сарматского воина, а обусловлено особенностями погребального обряда. Судя по тому, что полный набор оружия (стрелы, меч, кинжал, иногда лук) встре-

чается в погребениях знати (например, Пороги, Весняне), в могилы рядовых кочевников клали, вероятно, лишь какой-то один вид оружия — либо меч, либо стрелы. Не исключено, что взаимовстречаемость меча и стрел или копья в могиле, на первый взгляд принадлежащей рядовому воину, указывает на его более высокий социальный статус при жизни.

Несомненно, сарматские всадники были вооружены не только либо мечом, либо луком, а и тем, и другим. Это подтверждается многими данными. Во-первых, у всех кочевников древности лук всегда входил в состав паноплии. Во-вторых, совместные находки клинкового оружия и наконечников стрел и в Причерноморье, и на других сарматских территориях свидетельствуют о том, что основная масса воинов была вооружена именно так. Вероятно, только луком были вооружены беднейшие номады, составлявшие легкую конницу. Показательно, что по сравнению с раннесарматским временем количество мечей не уменьшается. По данным Б. Ф. Железничкова, и для Приуралья характерно возрастание количества мечей к среднесарматскому времени (Железничков, 1980а, с. 49). В то же время в 23% среднесарматских погребений этого региона найдены стрелы. К сожалению, таких обобщающих данных нет для других территорий.

В среднесарматское время шире начинают применяться доспехи. Как уже отмечалось, в исследуемом регионе их нет. Нечасто встречаются доспехи и на востоке сарматской территории. Большинство из известных панцирей этого времени найдено на Кубани (причем почти все — в курганах Золотого кладбища), по несколько экземпляров — в Поволжье и на Дону. Вряд ли такая топография обусловлена погребальным обрядом — наличие доспехов хоть и в немногочисленных могилах свидетельствует об обычае помещения их в погребение. Скорее всего доспехи имели

знатные и соответственно состоятельные кочевники, что подтверждается богатством могил с панцирями, пусть в массе своей и ограбленных. В этой связи показательно свидетельство Тацита: «Катафракта — это прикрытие их вождей и *всех благородных*» (выделено мной. — А. С.).

Обращают на себя внимание находки центральноазиатского оружия. Прежде всего это хуннские ярусные наконечники стрел из Порогов и Битакского могильника. Важно, что эти стрелы не были использованы, а попасть в колчан в Северном Причерноморье они не могли — такими стрелами здесь не пользовались. Складывается впечатление, что либо они хранились в роду погребенных как реликвия, либо их владельцы перекочевали сюда с этим оружием прямо из монгольских степей. Без сомнения, отсюда же был привезен единственный найденный в Северном Причерноморье рефлексирующий «гуннский» лук из Порогов. Недалеко от этого кургана в погребении знатной сарматки (Писаревка) был обнаружен бронзовый перстень для стрельбы «монгольским» способом. Подобные приспособления западнее Парфии пока не встречались. Возможно, восточного происхождения и сулица из Порогов.

Судя по процентному отношению количества воинских погребений ко всему массиву памятников Северного Причерноморья, сарматы по-прежнему являлись «народом-войском»: воины составляли $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$ часть всего населения, т. е. практически все мужчины были воинами (ср. с Приуральем, где, по данным Б. Ф. Железчикова, 95,8% мужских могил содержали оружие).

Позднесарматский период в Северном Причерноморье начался серьезным военно-политическим событием — ольвийско-«тавроскифской» войной середины II в. н. э., вследствие которой погибла система обороны Ольвийского государства. Исходя

из находок сарматских наконечников стрел в напольных фасах оборонительных сооружений, С. Б. Буйских считает именно сарматов виновниками этой катастрофы, а примененный к ним термин «тавроскифы» — анахронизмом или ошибкой Юлия Капитолина (Буйских, 1991, с. 134). Рассмотрим ситуацию подробнее. Конечно, находки сарматских наконечников стрел в оборонительных сооружениях ольвийской хоры — аргумент более весомый, нежели умозрительные рассуждения о соли, которая стала причиной конфликта между «тавроскифами», т. е. крымскими скифами, и Ольвией (Браунд, 1991, с. 30)³. Далее. Внешнеполитическое положение Крымской Скифии в середине II в. н. э. скорее всего не способствовало успешной войне на далеком театре военных действий. За несколько лет до этого скифы потерпели поражение от Савромата II и Котиса II (КБН, 32, 33), и очень сомнительно, что после этого они оказались бы способны на победоносную войну, которая к тому же требовала конницы для далекого рейда. Вряд ли скифские полководцы решились бы на поход против города, который находился в орбите политики Рима, имея в тылу римские гарнизоны Херсонеса и Харакса. С военной точки зрения также нереальным является направление похода — далекий рейд через Днепр и Южный Буг на северо-восточные рубежи Ольвийского государства (погибшие форты находятся именно там) вместо самого короткого пути через Гилею — Ахиллов Дром. А вот сарматской коннице, двигавшейся из района днепровских переправ, форты Дидовой Хаты, Козырки и Старой Богдановки встречаются как раз по пути. О совпадении времени ольвийско-тавроскифской войны и появления позднесарматских памятников не стоит и говорить. Таким образом, вслед за С. Б. Буйских я считаю более реальным

³ Критику см.: Крапівіна, 1991, с. 32.

противником Ольвии в этой войне поздних сарматов, нежели загадочных «тавроскифов». Возможно, Юлий Капитолин употребил этот термин традиционно (у авторов этого и предыдущего времени анахронизмы применительно к сарматам встречаются довольно часто), имея в виду далеких восточных кочевников вообще, либо из-за чьей-то ошибки на пути дошедшей до него информации.

Расширение римских границ при первых Антонинах затронуло интересы варварских вождей Европы: царей маркоманнов, квадов и других германских племен. В недавно образованной провинции Дакии еще живы были ветераны Траяновых войн, жаждавшие отомстить за свое поражение и гибель Децебала. Приход воинственных алан как бы подтолкнул развитие событий.

В 167 г. н. э. разразилась первая Маркоманнская война. Обитавшие к северу от Паннонии германские племена маркоманнов, гермундуров, виктовалов, вандалов, квадов составили коалицию с венгерскими сарматами-языгами и двинулись на Рим. С востока на провинцию Дакия в это время напали роксоланы и аланы в союзе с даками и их родственниками костобочами. Натиск северных варваров был так силен, что их войска уже через два года вторглись в Северную Италию. Император Марк Аврелий, чтобы избежать войны на два фронта, был вынужден в 175 г. заключить сепаратный мир с лидерами северной коалиции — маркоманнами и языгами. Однако в 177 г. союзники вновь открыли военные действия, а к восточной коалиции присоединились еще и карпы. Вторая Маркоманнская война получила даже название Сарматской, что указывает на роль участвовавших в ней сарматских племен. И вновь тонкий политик и философ Марк Аврелий применил принцип «divide et impero». Он заключил очередной сепаратный мир с сарматами — языгами и роксоланами, позволив им сноситься друг с другом через провинцию Дакия.

Этот эпизод интересен для нас тем, что указывает не только на силу и опасность для Рима сарматских племен Венгрии и Нижнего Подунавья, но и на их взаимное желание поддерживать связи. Нейтрализовав таким образом наиболее опасных врагов, Марк Аврелий сосредоточил все силы для борьбы с маркоманнами и аланами. Однако завершить войну пришлось уже его сыну императору Коммоду в 180 г. ценой сохранения довоенных границ.

В последней четверти II в. н. э. в Северное Причерноморье вторглись готы. Судя по археологическим памятникам, уже в начале III в. н. э. сарматы обитали на западной и восточной окраинах причерноморской степи, а центральная часть современной Украины была занята готским объединением. Во второй половине столетия здесь сформировалась готская держава Эрманариха, археологическим выражением которой является черняховская культура.

Традиционно считается несомненным участие поздних сарматов (алан) в «скифских войнах» — сухопутных и морских военных походах III в. н. э. вдоль побережья Черного моря, предпринимавшихся и возглавлявшихся готами, с целью разграбления античных городов. Однако письменные источники не упоминают алан в числе «скифов».

Примерно в это же время с Нижнего Дона в Крым и низовья Дуная перекочевали сарматы последней миграционной волны — «аланы-танаиты» Аммиана Марцеллина, ставшие здесь «европейскими аланами» (Симоненко, 2001, с. 90). С ними связаны катакомбные могильники Буджака и склепы многократного использования в предгорном Крыму. Финал сарматской эпохи в Северном Причерноморье связан с вторжением гуннов в 375 г. н. э.

В Северном Причерноморье исследовано более 700 погребений второй половины II — IV в. н. э. Воинских захоронений

этого времени насчитывается не менее 250⁴ (около 35% всех погребений).

В позднесарматском войске изменился видовой состав вооружения. Ведущим оружием становится клинковое — 84% всех могил содержали мечи и кинжалы. Стрелы и наконечники копий найдены только в нескольких захоронениях крымских склепов, в степи их нет.

В позднесарматское время в Северном Причерноморье преобладают длинные мечи, достигающие 100 см длины. По-прежнему на вооружении воина кроме меча остается кинжал. Защитное вооружение представлено несколькими умбонами щитов и фрагментами кольчуги.

По сравнению с предшествующим этапом возрастает количество воинских погребений в могильниках. Так, в могильниках типа Озерное–Инкерман (Дружное, Нейзац, Суворово, Бельбек и др.) оружие было обнаружено практически в каждой мужской могиле. Таким образом, наблюдаются возрастание роли войска и увеличение количества воинов в позднесарматском обществе во второй половине III — первой половине IV в. н. э.

Сочетание оружия и конского снаряжения различных типов позволяет выделить два комплекса вооружения позднесарматских воинов Северного Причерноморья: степной сарматский и гото-аланский.

Первый включает в себя длинный узкий меч с рукоятью-штырем 2-го типа, иногда с длинным оселком; такой же кинжал и «гуннский» лук с костяными накладками. На западе исследуемой территории в течение всей начальной фазы позднесарматского периода (вторая половина II — середина III в. н. э.) использовались короткие мечи с кольцевым навершием. Отсутствие наконечников копий в могилах не позволяет однозначно называть копье среди вооружения

позднесарматского воина, однако оно, возможно, объясняется особенностями погребального обряда. Сбруя коня украшалась серебряной и бронзовой фацетированной гарнитурой в начальной фазе периода и роскошными наборами «сердоликового» стиля и стиля «клуазонне» в финальной фазе.

Степной сарматский комплекс вооружения сформировался в среде «длинногловых всадников» Поволжья и Подонья и оттуда в середине II в. н. э. был принесен ими в Северное Причерноморье.

С появлением готов связано формирование во второй половине III в. н. э. своеобразного гото-аланского комплекса вооружения. Длинные и узкие мечи 2-го типа сменились такими же длинными, но более широкими и тяжелыми мечами 3-го типа, готскими по происхождению. В IV в. н. э. с Северного Кавказа попадают в Крым и широко распространяются там кинжалы 5-го типа с вырезами у пяты клинка. Используются готские щиты с железными умбонами и северокавказские наконечники копий. Вместе с тем аланы остаются всадниками: в воинских могилах часты металлические гарнитур сбранных наборов сарматского облика, хотя встречаются и готские шпоры.

Гото-аланский комплекс был на вооружении в финальной фазе позднесарматского периода (вторая половина III — IV в. н. э.) и в степи (находки мечей 3-го типа и деталей щитов в могильниках Курчи, Градешка, Кубей), и в крымских предгорьях (могильники типа Озерное–Инкерман).

6.2. Состав войска.

Основные принципы тактики

Сарматы Северного Причерноморья представляли собой раннеклассовое общество. В военном отношении они являлись

⁴ Каждый склеп с многократными захоронениями здесь принят за одну единицу обшета.

т. н. народом-войском, где все мужское население было одновременно и воинами. У кочевников раннеклассового общества военные формирования, как правило, соответствовали родоплеменному делению и строились по этому принципу (Абрамзон, Потапов, 1975, с. 38). Политический предводитель являлся чаще всего и военным вождем.

Основным, если не единственным, родом войск сарматов была конница. В источниках сообщается о наличии пехоты, но вряд ли этот нехарактерный для кочевников род войск играл сколько-нибудь серьезную роль. Допустимо, что пехотные соединения формировались из покоренных или зависимых оседлых племен (например, меотов; на исследуемой территории, возможно, поздних скифов).

Сарматская конница была преимущественно легковооруженной, что характерно и для остальных кочевников раннего железного века и Средневековья. Это определялось прежде всего самим характером кочевого образа жизни, требовавшего мобильности и быстроты передвижения, а также основными принципами стратегии и тактики войска. Длительные по расстоянию и времени набеги, когда основными факторами успеха были быстрое внезапное нападение и такой же быстрый отход, не способствовали массовому распространению тяжеловооруженных контингентов. Однако роль последних в бою была немаловажной, особенно для преодоления сопротивления сильной пехоты (фаланги или легиона). И это прекрасно понимали кочевники. Поэтому тяжелая конница, не являясь основным видом войска, тем не менее существовала у большинства степных племен раннего железного века. Панцирную конницу сарматов в литературе называют катафрактариями.

Проблема сарматских катафрактариев. Литература о катафрактариях громадна (Хазанов, 1971, с. 75–76), и здесь

мы не будем даже вскользь касаться ее, иначе раздел рискует превратиться в отдельную монографию. Панцирные всадники упоминаются античными авторами среди войск селевкидских правителей (Polib., XXXI, 3, 8; Liv., XXXV, 48), у персов (Heliod.; Amm. Marc., XVI, 10, 8; XXIV, 6, 8; XXV, 1, 12), парфян (Plut., Crass XXI), армян и мидян (Plut., Luc. XXVI; Strabo, XI, 14, 9), албанов (Strabo, XI, 14, 9), сарматов (Tac., Hist., I, 79) и в составе римской кавалерии (Veg., I, 20). Оставим также в стороне боспорских и центральноазиатских катафрактариев, которым посвящены работы В. А. Горончаровского, В. П. Никонорова и др. То, что предстоит рассмотреть сейчас, — само по себе непростое дело.

Точка зрения о существовании у сарматов катафрактариев как отличительной черты их военного дела была сформулирована В. Д. Блаватским и развита в работах Ю. М. Десятчикова и А. М. Хазанова (Блаватский, 1954, с. 114–121; Десятчиков, 1968, с. 44–51; Хазанов, 1971, с. 72). Под катафрактариями подразумевался вид конницы со следующими специфическими отличиями: 1) панцирная защита всадника и коня; 2) использование длинной пики как основного оружия; 3) особая тактика атаки — карьером, в сомкнутом клинообразном строю. Правда, в большинстве случаев письменные источники не подчеркивают эти особенности катафрактариев, а просто в разном контексте говорят о тяжелой коннице. По мнению А. М. Хазанова (Хазанов, 1971, с. 71), в I в. до н. э. — I в. н. э. в результате реформы подразделения катафрактариев появились и распространились в войсках всех сарматских племен.

Подкрепленные столь авторитетными именами, эти положения были приняты безоговорочно. Антиковеды нашли в них базу «сарматизации» боспорских и херсонесских войск, скифологи и сарматологи —

источник победоносного движения сарматов на запад. Иногда интересная идея, кочуя из ссылки в ссылку, постепенно становится научным фольклором, а priori находящимся вне критики⁵. Так вышло и с сарматскими катафрактариями, поскакавшими по степям сокрушительным карьером со страниц научных и научно-популярных работ (из последних *fantasy* на эту тему см.: Нефёдкин, 2004, с. 25–81).

Проблема сарматских катафрактариев обеспечивалась в основном письменными и иконографическими, в меньшей степени археологическими, источниками, а также общими соображениями о специфике развития тяжелой конницы и данными о наличии ее у соседей и современников сарматов. Однако при внимательном рассмотрении аргументы о существовании у сарматов катафрактариев в *понимании перечисленных исследователей* имеют достаточно слабых мест. Прежде всего это не совсем корректный подход к письменным источникам. Описание Павсанием сарматского панциря еще не есть свидетельство существования катафрактариев, а о сарматских тяжеловооруженных всадниках упоминал лишь Тацит. Он уточнил, что у роксолан панцири носят «вожди и все благородные», т. е. их тяжелую конницу составляла кочевая знать. В пассаже о набеге роксолан, которые «вторглись в Мёзию числом до 9 тысяч *всадников*» (выделено мной. — А. С.), нигде не подчеркивается, что все они являлись катафрактариями. Поэтому такой вывод А. М. Хазанова (Хазанов, 1971, с. 75) не совсем объективен. Арриан же в «Диспозиции против аланов» (Arrian., Dis., 31) писал: «...скифы, не имея доспехов и имея лошадей без доспехов...»⁶. Таким образом, оба источника, на которые

обычно ссылаются в подтверждение существования у сарматов катафрактариев как особой тактической и боевой единицы, говорят всего лишь о наличии или отсутствии панцирных всадников. Остальные авторы описывали не сарматских, а парфянских, персидских, армянских катафрактариев. Не отрицая их наличие у перечисленных народов и не подвергая сомнению их описание, мы все же вправе усомниться в том, что методически верно переносить эти данные в полном объеме на сарматов.

Археологические материалы демонстрируют весьма ограниченное во времени и пространстве распространение доспеха у сарматов. К раннесарматскому времени относятся едва ли десять находок фрагментов чешуйчатого доспеха, разбросанных по степям от Урала до Дона. Прекрасные и, казалось бы, многочисленные материалы конца I в. до н. э. — начала III в. н. э. сосредоточены практически в одном регионе (бассейн Кубани) и происходят всего из нескольких курганов. В позднесарматских памятниках от Урала до Дуная доспехов нет совсем. В чем тут дело, я, признаться, пока объяснить не могу. Но могу констатировать: археологические памятники не дают оснований говорить о наличии катафрактариев «у всех или, по крайней мере, у большинства сарматских племен» к концу I в. н. э. (Хазанов, 1971, с. 80).

Средства защиты боевого коня известны со II тыс. до н. э. в Месопотамии (Никоноров, 1985, с. 30). В евразийских степях первыми их начали применять, хотя и ограниченно, скифы. Источники содержат данные о применении панцирной защиты коня в персидской кавалерии и в войске Селевкидов (там же, с. 31).

В интересующее нас время конские доспехи были довольно широко распространены на Ближнем Востоке. Саллюстий отмечал их у армян (Sal., IV, 4, 64–66).

⁵ Ср. взгляды В. А. Горончаровского, С. М. Первалова, С. П. Кожухова, А. А. Сазонова.

⁶ Здесь, конечно, имеются в виду сарматы. Отождествление тех и других многими античными авторами общеизвестно (Мачинский, 1971, с. 49).

По словам Страбона (Strabo, XI, 14, 9), «любителями такого рода конницы являются не только мидяне и армяне, но и албанцы, так как они пользуются на войне покрытыми броней лошадьми». Широко известны парфянские катафрактари, кони которых были защищены чешуйчатыми панцирными попонами. Изображение такого всадника есть на граффито из Дура-Европос (рис. 88, 1), там же найдены три конские катафрагты в виде попона с нашитыми на них бронзовыми чешуйками (Robinson, 1975, p. 194, pl. 529, 530) (рис. 88, 2, 3). В императорское время в составе римской кавалерии появляются катафрактари и клибанари, у которых конский доспех был обязателен (Никоноров, 1985, с. 33).

Однако ни один древний автор не писал о существовании конского доспеха у сарматов. Более того, Арриан в «Диспозиции против аланов» говорил о прямо противоположном. Обратимся к иконографическому и археологическому материалу. Широко известные рельефы на колонне Траяна (рис. 74, 1) изображают, по общему мнению, сарматских катафрактариев. Однако представленные на них конские панцири явно условны и стилизованы; надеть на коня такой доспех и заставить животное продуктивно двигаться в нем совершенно невозможно⁷, и напрасно А. К. Нефёдкин пытается обосновать его реальность ссылками на Поллукса (Нефёдкин, 2004, с. 30): перечисленные этим автором части конского доспеха не имеют отношения к изображениям на Траяновой колонне. Во все времена конский доспех — будь то армированная попона или металлические пластины — покрывал лишь различные части корпуса (это зависело от эпохи и конструкции доспеха), оставляя свободными ноги и живот. Лучшим подтверждением этому являются граффити и сохранившиеся

конские катафрагты из Дура-Европос или конские доспехи европейских рыцарей позднего Средневековья.

Столь же фантастичны и нереальны изображения конских (да и человеческих) доспехов на фресках пантикапейского склепа 1841 г. Еще М. И. Ростовцев предположил, что копировавший их художник Стефанский чего-то не понял, и изображения сидящих «по-дамски» панцирных всадников есть «несомненная фальсификация или интерполяция» (Ростовцев, 1914, с. 352). Учитывая остальные «странности» копии Стефанского, можно согласиться с М. И. Ростовцевым, как это и сделал Ю. М. Десятчиков (Десятчиков, 1972, с. 75). Не стоит, наверное, изобретать такие объяснения этой посадки, как «выражение пренебрежения к врагу» (Кызласов, 1973, с. 35), или, а priori признав существование изображенных на фреске панцирей, соглашаться с невозможностью любой другой позы (Горелик, 1971, с. 245). В. А. Горнчаровский, справедливо сомневаясь в возможности такой посадки, все же где-то верит копии Стефанского и, ссылаясь на несколько аналогичных изображений, полагает, что корни этого явления лежат либо в художественном замысле авторов изображений, либо в ритуальной сфере (Горнчаровский, 1993, с. 80).

Должен заметить, что т. н. дамская посадка, или «амазонка», появилась в Новое время в Европе и обусловлена такими далекими от военного дела аспектами, как положение женщины в христианском обществе, особенности женской одежды того времени, и проч. Рискну предположить, что ошибся не Стефанский, копировавший фрески. «Дамская» посадка воинов на них — тот же художественный прием «сдвиг на зрителя», что и при изображении «сарматской посадки».

По мнению исследователей, чешуйчатый конский нагрудник изображен на боспорском надгробии Афения, сына Мены

⁷ Так считал и А. М. Хазанов (Хазанов, 1971, с. 87).

(Хазанов, 1971, с. 86; Десятчиков, 1972, с. 71; Горончаровский, Никоноров, 1987, с. 203). Действительно, на камне высечено нечто похожее на нагрудник, однако в археологическом материале подобные вещи пока не представлены.

Есть мнение, что сарматские катафракты для лошади найдены в курганах у ст. Ярославской и в Калиновском могильнике (Хазанов, 1971, с. 87; Никоноров, 1985, с. 32). Однако первая не сохранилась, а вторая вряд ли является конским доспехом. Это заключение было сделано только на основе величины пластин, но большие пластины известны и на сарматских панцирях для людей. А. М. Ждановский не исключал, что конскому доспеху принадлежало большое количество ламеллярных пластин из входной ямы катакомбы в кургане 15 у ст. Тбилисской (Ждановский, 1984, с. 92). Впрочем, все эти панцири разрушены, точное количество пластин неизвестно, и все наши «про» и «contra» в равной степени недоказуемы. Конечно, нельзя исключать наличие конского доспеха у отдельных воинов, но не похоже, что он применялся массово (ср.: Хазанов, 1971, с. 86) и может рассматриваться как одно из основных отличий сарматских катафрактариев.

Второй особенностью катафрактария считается использование очень длинного копья (пики) в качестве основного оружия. Как было показано выше, у нас нет оснований считать, что сарматы пользовались пиками длиной свыше 3 м. С длинными пиками связывается т. н. «сарматская посадка» (Блаватский, 1949, с. 96–100; Хазанов, 1971, с. 49; Перевалов, 1999, с. 68–73), реальность (а вернее, нереальность) которой рассмотрена в главе 2.

Наконец, третья характерная особенность катафрактариев — специфика их приемов боя и тактики. Что касается первого, то такое отличие, как карьер в качестве аллюра при атаке, малоубедительно. Эта разница усмотрена В. Д. Блаватским

в изображениях скифских и сарматских всадников. Здесь причина ошибки вновь в источнике: скифы изображались, согласно греческому канону, на аттическом или коротком галопе (*canter*), с опорой коня на согнутые задние ноги и поднятыми на разную высоту передними (Reinach, 1925, р. 6–12); а канон сарматского времени предусматривал изображение лошади в галопе, который Соломон Рейнак назвал развернутым или опорным (*galop allonge*). Таким образом, различия в изображениях скифских и сарматских всадников не передают разные аллюры, а обусловлены разными художественными стилями.

Кроме того, русским термином «карьер» (у казаков — «намёт») обозначается просто очень резвый галоп, а не некий отдельный аллюр. Атака кавалерии всегда производилась резво, чему способствовали в большей степени лошади, нежели всадники. Дело в том, что у лошади очень развит стадный инстинкт, и при движении большой массы лошадей галопом стоит лишь одной «понести», т. е. сорваться в карьер, как все остальные устремляются за ней, и справиться с ними почти невозможно. Собственно, весь эффект кавалерийской атаки построен на резвости аллюра, значительно увеличивающей как физическую, так и психологическую (что немаловажно) силу удара. У нас нет оснований утверждать, что скифы и сарматы атаковали на разных аллюрах: это перенапряжение источника. Однако они действительно атаковали по-разному (см. ниже).

Тактическая особенность сарматских катафрактариев видится исследователям в том, что сарматы действовали целыми подразделениями, построенными клином (*Argian.*, *Tact.*, 16, 6), а не «ударным кулаком», как скифы (Десятчиков, 1968, с. 46). Судя по копьям, дротикам и конструкции седел, скифы не таранили противника с коня копьями, а метали их, подьехав

к врагу почти вплотную (для защиты от ответных стрел и копий они и надевали панцири). Поэтому трудно понять, какой строй Ю. М. Десятчиков подразумевал под «ударным кулаком» и отличается ли он от клина. Но скорее всего и клин, и «кулак» не были чем-то единственным и постоянным. Парфяне, например, в битве при Каррах атаковали римлян в сомкнутом строю, конной фалангой. Таким же образом была построена скифская тяжелая конница в битве при Фате (Черненко, 1984б, с. 63–64). Клин мог получаться произвольно — при скоротечности конной атаки более резвые лошади, без сомнения, вырывались вперед, и трудно было выдерживать какой-то единый порядок. Вероятно, «клин» Арриана означает построение не растянутых по фронту, в отличие от лавы, конных подразделений, т. е. тот же «ударный кулак». Кроме того, не следует забывать, что шеренги любой копьеносной конницы атаковали отдельно и на значительной дистанции, чтобы не поранить пикой передних всадников. Поэтому рассуждения о разнице между «клином», «кулаком» или другим неизвестным нам строем древних всадников, мягко говоря, малопродуктивны.

Необходимо подчеркнуть, что я не отрицаю предложенного А. М. Хазановым и другими исследователями определения специфики катафрактариев как рода войск. Однако ни археологические, ни иные источники при объективном подходе к ним не демонстрируют, что эта специфика была присуща сарматской панцирной коннице. Она состояла из знатных и зажиточных кочевников: практически все доспехи найдены в богатых могилах (то, что большинство их ограблено, есть лишнее тому подтверждение). В сочетании с уточнением Тацита этот факт говорит о доступности средств боевой защиты лишь верхушке сарматского общества. Но сводились ли броненосные всадники в отдельные под-

разделения? Как это осуществлялось на практике, и кто ими командовал? У кочевников вплоть до Чингис-хана войско формировалось по родоплеменному принципу, и сородичи во главе со своими вождями составляли воинские подразделения. Сарматы, при их уровне социального развития, не должны были быть исключением, поэтому специфика катафрактариев как отдельных подразделений со своими задачами, центральным командованием, тактикой и прочими атрибутами армейской организации вряд ли могла быть реализована в кочевом войске. Если римские или иранские катафрактарии как род войск и обладали какими-то обязательными специфическими отличиями в снаряжении и тактике, то не стоит это в таком же объеме искать у сарматов.

Аммиан Марцеллин, Гелиодор, Страбон, Плутарх и др. описывали не сарматских, а парфянских, персидских, армянских катафрактариев. Действительно, такого рода конница могла появиться только в армиях развитых государств с централизованной властью и другими общественными механизмами, могущими обеспечить формирование, снабжение, обучение и применение столь специфической боевой единицы. Не думаю, что у кочевников-сарматов были в наличии все эти условия. Таким образом, вопрос о времени и месте появления катафрактариев, поставленный А. М. Хазановым в «Очерках», по-прежнему далек от окончательного решения. Не вдаваясь в подробности (задача работы не в этом), предполагаю, что они появились в Кангюе и Парфии.

Однако, сколько бы мы ни спорили о деталях, в целом точка зрения о том, что катафрактарии были новшеством в военном деле древности, верна. Новшество это, однако, состояло не в вооружении (панцирная конница существовала и раньше), не в аллюре атаки или построении (вряд ли мы выясним когда-либо, как это было

на самом деле), а в способе боя — штурмовом ударе пикой со скачущего коня. Из трех особенностей катафрактариев именно эта по-настоящему отличала их от более ранних панцирных всадников. Предполагается, что удар этот стал возможен после изобретения кочевниками седла с высокими луками (см. гл. 5).

Совокупность источников позволяет с большой долей вероятности считать, что седло сарматского времени, в отличие от мягкого «скифского», имело жесткий арчак с высокими луками. Новое седло даже без стремян значительно повысило крепость и комфортность посадки всадника. Таранный удар копьем со скачущего коня, бывший в скифское время достоянием отдельных богатырей, стал общедоступным и эффективным боевым приемом целых подразделений. Сарматская тактика штурмового копейного удара контофоров или катафрактариев обязана своим появлением именно этому — одному из величайших! — изобретению кочевой культуры.

А. М. Хазанов справедливо отметил, что число катафрактариев у сарматов никогда не было очень велико (Хазанов, 1971, с. 75). Погребения с доспехами составляют едва ли 5% общего числа сарматских воинских могил (подсчет приблизительный, т. к. точное количество последних неизвестно).

Пока трудно согласиться с тем, что катафрактарии были в войсках всех сарматских племен (там же, с. 80). Единичные находки доспехов в приуральских, поволжских и донских раннесарматских памятниках демонстрируют их редкость у сарматов этого времени (аорсов?). Очень условно определяя племенную принадлежность кубанских погребений с доспехами, можно говорить о том, что тяжелая конница имела у алан, сираков и меотов в конце I в. до н. э. — начале III в. н. э. Тацит писал о ее наличии у роксолан, однако археологически это пока не прослеживается.

Примечательно, что во многих могилах помимо защитного вооружения и наконечников копий найдены мечи, остатки луков, наконечники стрел. Сарматский панцирный всадник имел полный арсенал для ведения как рукопашной схватки, так и дистанционного боя.

Временем появления у сарматов катафрактариев считались I в. до н. э. — I в. н. э. (Блаватский, 1954, с. 114; Десятчиков, 1968, с. 49; Хазанов, 1971, с. 80). Этот диапазон был подсказан датировкой большинства находок доспеха и совпадал со среднесарматским периодом по старой хронологии. Как можно было убедиться, археологический материал (см. гл. 4) следов какой-либо реформы не отражает, да и вряд ли она была возможна в таком разношерстном и децентрализованном обществе, как сарматское. Похоже, что на самом деле картина была несколько иной.

Создается впечатление, что доспехи попадали к сарматам Восточной Европы самыми разнообразными путями и отнюдь не регулярно. Немногочисленные чешуйчатые панцири скифского типа из прохоровских могил Поволжья скорее всего — наследство, оставшееся от савроматов. Иногда ранним сарматам доставались диковинные трофеи — эллинистические кирасы из Прохоровки и Бердянки и бронзовый египетский или сирийский панцирь (ст. Грушевская), взятый в каком-то закавказском храме. Сиракские вожди (Зубов хутор, ст. Воздвиженская) могли разжиться своими римскими доспехами во время Митридатовых войн. В I в. н. э. с востока пришли аланы, ездившие в новых седлах с высокими луками и практиковавшие штурмовой удар пикой со скачущего коня. Если отождествлять с ними Золотое кладбище (чему есть все основания), то парфянские и хуннуско-сяньбийские параллели доспехам из этих курганов указывают, с одной стороны, на исходную территорию миграции людей, похороненных в них,

с другой — на их контакты по пути на Кубань. Роксоланы Северного Причерноморья либо носили кожаные доспехи (вспомним Тацита: «...прикрытие, составленное из железных пластин или *очень твердой кожи*» (выделено мной. — А. С.), либо почему-то не клали свои железные панцири и кольчуги в могилы. Дисперсность находок доспехов на сарматских землях (кроме Северо-Западного Кавказа) есть скорее всего следствие редкости этого вооружения и отражает превратности его судьбы в степи.

Сарматские «амазонки». Важной особенностью военного дела сарматов было, как полагают, участие женщин в боевых действиях (Хазанов, 1971, с. 67). Это мнение базируется на наличии женских погребений с оружием и свидетельствах античных авторов. Гиппократ писал, что «их (сарматов. — А. С.) женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики с коня и сражаются с врагами, пока они в девушках» (Hippocr., Peri aerou, 24). По словам Помпония Мелы, у сарматов «женщины вступают в конные стычки и сражаются не железным оружием, а накидывают на врагов арканы и умерщвляют их затягиванием» (Mela, Nor. I, 114). Традиционно в этом явлении усматривали пережитки матриархата (Граков, 1947, с. 106 сл.). Рассмотрение вопроса о матриархате как таковом или о существовании его пережитков у сарматов не входит в мою задачу, поэтому ограничимся анализом одного из главных аргументов этой теории — женских погребений с оружием.

У сарматов их не так много. Мы имеем данные по Приуралью (для других регионов такие подсчеты пока не проводились), где в савроматское время женские погребения с оружием составляют 8,3%, в раннесарматское их количество уменьшается до 2,4%, в среднесарматское время их нет вообще. На исследуемой территории нет ни одного сарматского жен-

ского погребения с оружием. Следует отметить, что погребения вооруженных женщин нередки у скифов. По данным Е. П. Бунятян, они составляют 29% погребений рядовых скифянок IV в. до н. э. (Бунятян, 1985, с. 70), т. е. больше, чем у савроматов этого же времени (Смирнов, 1964, с. 201). С. А. Плетнева приводит данные о наличии таких захоронений в могильниках средневековых кочевников (Плетнева, 1983, с. 14–19).

Таким образом, погребения женщин с оружием не есть сугубо сарматское явление. Тем более они не отражают некие пережитки матриархата. Кочевое общество эпохи раннего железа, без сомнения, было «патриархальным»⁸. Однако в силу специфики образа жизни кочевников, когда очень часто мужчины уходили в перекочевки со стадами, участвовали в дальних набегах и войнах, гибли в боях, женщины кочевого общества были вынуждены уметь владеть оружием, чтобы в случае необходимости защитить себя и род (Бунятян, 1985, с. 71). Эта специфика вообще способствовала некоторому относительно независимому положению женщины в кочевом обществе по сравнению с оседло-земледельческим. Не исключена возможность существования у сарматов определенных возрастных групп, как у среднеазиатских кочевников (Толстова, 1984, с. 193), во время пребывания в которых девушек обучали владению оружием, езде верхом и другим мужским занятиям. В связи с этим показательны данные Псевдо-Гиппократа: «Они (сарматки. — А. С.) остаются в девицах, пока не убьют трех врагов... Раздобыв себе мужа, они перестают ездить верхом, пока не явится необходимость во всеобщем походе» (Ps. Hipp., De aere, 24).

⁸ Этот термин, также не отражающий всей сложности проблемы существования матриархата и патриархата, употребляется здесь в кавычках за неимением более подходящего.

Безусловно, этот пассаж — не что иное, как контаминация легенды об амазонках, но и она отражает существовавшую у кочевников разницу между отношением к военному делу незамужних девушек и замужних женщин. Участие женщин в боевых действиях у кочевников, в том числе у сарматов, скорее всего практиковалось лишь в крайних случаях — во время отражения нападения численно преобладавшего врага либо в отсутствие воинов-мужчин. Судя по сообщению Помпония Мелы и по археологическим данным, сарматские воительницы были вооружены луком, дротиками либо арканом.

Виды боевых действий. Тактические принципы и манера ведения боя у сарматов были обусловлены составом их войска, где, как и у других кочевников, преобладала легкая конница. Одним из основных видов ведения боевых действий были различные по длительности, расстоянию и составу участников набеги. Они имели целью не столько физическое уничтожение противника, сколько захват добычи и демонстрацию военной мощи с целью последующего установления даннических отношений и других видов экзоплуатации (Першиц, 1975, с. 290). Идеологическим обоснованием такого «права войны» служили оформившиеся в среде кочевников взгляды на вооруженный грабеж как на престижное и почетное дело. У бедуинов, например, считалось позором для молодого воина уклониться от участия в набеге без достаточно веских оснований (Першиц, 1975, с. 293). Помимо захвата добычи, набеги, таким образом, повышали воинское искусство кочевников, были своеобразной школой для молодых воинов.

Организация набегов была разнообразной. Их совершали небольшие группы добровольцев, приглашенные частным лицом, организовывались и более крупные набеги силами племени или нескольких

племен⁹. Описание организации частного набега у скифов дает Лукиан: «Если кто-нибудь, потерпев от другого обиду, захочет отомстить за нее, но увидит, что он сам по себе недостаточно силен для этого, то он приносит в жертву быка, разрезает на куски его мясо и варит их, а сам, разостлав на земле шкуру, садится на нее, заложив руки назад... Родственники сидящего и вообще все желающие подходят, берут каждый по части лежащего тут бычьего мяса и, став правой ногой на шкуру, обещают сообразно со своими средствами: один — доставить бесплатно пять всадников на своих харчах, другой — десять, третий — еще больше, иной — тяжеловооруженных или пеших, сколько может, а самый бедный — только самого себя. Таким образом иногда у шкуры собирается большая толпа, и такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве» (Lukian., Tok., 48). Интересно, что даже в XVII–XVIII вв. примерно так же организовывались походы «за зипунами» у донских казаков (Абаза, 1880, с. 19), только вместо быка и шкуры там фигурировали подбрасываемые вверх шапки.

Одно из самых ранних упоминаний о сарматских набеге с целью взимания дани содержится в ольвийском декрете в честь Протогена. Сайи, которые «во множестве явились» под стены Ольвии «за получением даров», по мнению некоторых исследователей (Смирнов, 1984, с. 67–68), были сарматами¹⁰. Из контекста ясно, что это был не эпизодический набег, а регулярные акции. Характерно, что Аммиан Марцелин подчеркивает роль набегов как способа ведения войны сарматами: «У этих племен (сарматов и квадов. — А. С.) больше

⁹ Подробнее об этом см.: Першиц, 1994, с. 191 сл.

¹⁰ Есть основания думать, что это были люди, оставившие Тираспольские курганы.

сноровки для разбоя, чем для открытой войны» (Amm. Marc., XVII, 12, 2). Почти в течение всего I в. н. э. сарматы устраивали набеги на дунайские границы Римской империи. Об опустошении «соседней земли» сарматами писал сосланный в Томи Овидий (Ovid., Tris. III, 55). В 58–70 гг. в Нижнюю Мёзию неоднократно вторгались роксоланы «для грабежа» (Ios. Flav., De bel. VII, 4, 3; Tac., Hist. I, 79).

Отправляясь в поход, сарматы, как и более поздние кочевники, ехали о-двуконь, т. е. имели запасных (т. н. заводных) лошадей. Взнузданная, но не оседланная заводная лошадь изображена рядом со всадником на известной фреске из пантикапейского склепа Анфестерия. В легенде об Амаге говорится, что царица «дала каждому по три лошади в поход» (Polyaen, VIII, 56). О наличии одной, а иногда и двух запасных лошадей у сарматов сообщают Амвросий и Аммиан Марцеллин (Ambros., V, 1; Amm. Marc., XVII, 12, 3). Меняя лошадей, сарматы были способны быстро преодолевать значительные расстояния. Всадники Амаги проскакали за сутки 1200 стадий (Polyaen, VIII, 56). По мнению Л. В. Фирсова, стадий, которым пользовался Полиен, равен 155–160 м (Фирсов, 1972, с. 167). Следовательно, за сутки отряд Амаги прошел около 190 км.

Для сравнения приведем некоторые цифры, характеризующие работоспособность современных лошадей, близких по типу сарматским, т. е. аборигенных степных пород: монгольская лошадь — 72 км в день, казахская — 222 км в сутки (скоростной пробег, рекорд), алтайская — 80–100 км за 15–17 часов (Афанасьев, Ляхов, 1953, с. 102, 106, 111). Учитывая, что всадники Амаги меняли коней, резвость их перехода приближается к цифрам С. В. Афанасьева и В. Н. Ляхова. Реальность сообщаемого Полиеном расстояния не вызывает сомнений — в 1200 стадиях от Херсонеса находятся присивашские степи, откуда и

двигался Амага (Смирнов, 1984, с. 71). Использование заводных лошадей значительно повышало мобильность кочевников и было их обычным приемом. «Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля или бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, а иногда и две (выделено мной. — А. С.), чтобы, пересеживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстановить их бодрость», — отмечает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., XVII, 12, 3).

Исторических свидетельств тактики сарматов в открытом бою немного. О предпочтении рукопашной схватки сообщил Тацит, описывая приготовления сарматов к бою: «Они сами убеждают друг друга не допускать, чтобы их осыпали стрелами: это необходимо предупредить стремительным натиском и рукопашной схваткой» (Tac., Ann. VI, 35). Правда, в этом сообщении речь идет о конкретном боевом эпизоде, но широкое распространение клинкового оружия в погребениях подтверждает роль ближнего боя в тактике сарматов. Примеры боевых действий конницы свидетельствуют, что, как правило, первый удар наносился подразделениями всадников-копейщиков, причем пики имели первые две-три шеренги. Они сминали боевые порядки противника, прорывали его строй, и в образовавшуюся брешь вводились всадники, вооруженные клинками, — начиналась рукопашная схватка. Причем всадники «первого удара», т. е. вооруженные пиками, бросали их и продолжали бой уже клинковым оружием (как это практиковалось, например, казаками). Примечательно, как археологические материалы согласуются с этой схемой. Действительно, наконечники копий среди всего сарматского оружия составляют наименьшую часть, количественно значительно уступая мечам и стрелам. Но, как уже замечалось, копьё

относительно часты в погребениях с доспехами. Вероятно, у сарматов первый удар наносила панцирная конница, копьями разрезала и опрокидывала фронт противника, а затем присоединялась к рукопашной схватке: судя по археологическим материалам, клинковое оружие было непременно в паноплии катафрактария.

У Аммиана Марцеллина есть интересное свидетельство применения сарматами определенных тактических приемов в бою. Речь идет о событиях 373–374 гг. в Паннонии: «...им (сарматам. — *А. С.*) навстречу были двинуты два легиона, паннонский и мезийский — достаточно большая боевая сила... Хитрые сарматы поняли это и, не ожидая форменного сигнала к битве, напали сначала на мезийский легион... и многих убили... Они прорвали боевую линию паннонского легиона и, разбив силы отряда, вторичным ударом едва не истребили всех» (*Amm. Marc.*, XXIX, 13, 14).

Во-первых, мы видим использование фактора внезапности — весьма важный в тактическом отношении момент. Удар, застающий противника врасплох, резко повышает шансы на успех наносящего его. В данном случае результат внезапности атаки сарматов на мезийский легион недвусмысленно подчеркнут: «многих убили». Причем следует учесть, что это было не нападение на незащищенных мирных жителей, как при набеге, а столкновение с кадровыми римскими войсками, представлявшими грозную силу. Кстати, судя по контексту, сарматы напали врукопашную: если бы речь шла об обстреле из луков с дальней дистанции (при котором тоже можно «многих убить»), автор, несомненно, употребил бы другой глагол.

Далее из отрывка следует, что сарматские воины применили еще один важный тактический прием — разгром противника

по частям. Вероятно, сознавая, что разбить оба легиона с их глубоким построением им не под силу, внезапною нападения сарматы не дали римлянам возможности объединить силы и тем самым обеспечили себе еще одно преимущество. Разделавшись с мезийским легионом, сарматы прорвали боевую линию паннонского. Аммиан Марцеллин не пишет, какие подразделения это сделали, но прорвать линию легиона могла только тяжелая конница, нанеся копейный удар.

В конце отрывка содержатся сведения о еще одном обстоятельстве, характеризующем высокие боевые качества сарматской конницы и тактическое мастерство сарматов. «Разбив силы отряда», т. е. основательно потрепав римлян в рукопашной схватке, сарматы повторили атаку, «едва не истребив всех». Для того чтобы это сделать, им необходимо было вывести войска из боя, построить вновь и нанести удар. В условиях кавалерийской схватки проделать подобные маневры могла только опытная, умелая и дисциплинированная часть, имевшая постоянных командиров, определенные законы боя, сигнальщиков и другие атрибуты, характерные для высокоорганизованного войска.

Таким образом, военное дело сарматов стояло на высоком для своего времени уровне. Сарматское войско использовало типичные для кочевников приемы: стремительные и дальние набеги, взаимодействие легкой и тяжелой конницы (при преимуществе первой); сарматы были способны как держать соседей под угрозой нападения для установления даннических отношений — основного вида получения прибавочного продукта, так и сражаться в открытом бою с хорошо вооруженной, опытной отобранной пехотой, которая была главной силой армий античных государств.

Сарматы Северного Причерноморья были вооружены клинковым (мечи и кинжалы), древковым (копья и дротики) и метательным (лук и стрелы) оружием. В качестве защитного вооружения использовались металлические шлемы и, возможно, кожаные панцири.

Для раннесарматского периода (II—I вв. до н. э.) характерны короткие мечи и кинжалы с серповидным наконечником, железные втульчатые наконечники стрел, наконечники копий и дротиков с длинной втулкой и ромбическим пером. Раннесарматские воины носили бронзовые греческие шлемы псевдоаттического типа и италийские типа Монтефортино. Раннесарматские боевые кони носили узду со строгими железными удилами с крестовидными насадками и С-видными псалиями. Оголовье украшали бронзовые и серебряные бляхи и налобники с крючком позднескифского происхождения или кубанские большие пластинчатые налобники. Характерной деталью раннесарматской упряжи были серебряные и бронзовые фалары — плоские или выпуклые бляхи с растительным и геометрическим орнаментом. Фалары украшали нагрудник и подхвостник. Известны оригинальные бронзовые оковки нагрудников, происходящие с Северо-Западного Кавказа.

В среднесарматское время (I — середина II в. н. э.) основным типом клинкового оружия стал короткий меч с кольцевым наконечником. Наряду с ним сарматские воины использовали длинные мечи без металлического наконечника — с перекрестьем (китайского или среднеазиатского производства) и свои, сарматские, — без

перекрестья. Кроме того, в Северном Причерноморье известны четыре кинжала с антенновидным наконечником, происходящие скорее всего с Востока. Копья среднесарматских воинов не превышали в длину 3 м и имели железные наконечники с листовидным пером. Бытовали луки «скифского» типа, но изредка к сарматским воинам попадали (скорее всего от хунну или из Средней Азии) мощные дальнобойные луки «гуннского» типа, усиленные костяными накладками. Интересно, что находки деталей таких луков всегда сопровождаются калиберными к ним наконечниками стрел — крупными и тяжелыми. Основная же масса среднесарматских наконечников стрел — железные, трехлопастные, черешковые, по размерам боевой головки и весу практически равные скифским.

Находок защитного вооружения среднесарматского времени в Северном Причерноморье нет. Вероятно, это связано с особенностями погребального обряда, согласно которым доспехи не помещали в могилы. Возможно, они были кожаными или стегаными и поэтому не сохранились. На остальной территории Сарматии находки металлического доспеха также немногочисленны и сосредоточены в основном в Золотом кладбище на Кубани. В чем тут дело, я, признаться, объяснить не могу.

Разнообразно конское снаряжение среднесарматских воинов. Заслуживают внимания удила с т. н. очковидными псалиями и металлические полусферические бляхи с тремя кольцами, украшавшие центр подперся (одного из видов нагрудника). В погребении знатного воина конца I в. н. э. близ Николаева найдена такая бляха, сделанная из позднеэллинистической чаши. Аналоги такому снаряжению имеются в памятниках Азиатской Сарматии и связаны с появлением племен аланского союза. Судя по изображениям, эти воины пользовались седлами новой конструкции — с де-

ревянным ленчиком и высокими луками. Такие седла значительно повысили крепость и комфортность посадки воина и позволили применить новую тактику — штурмовой таранный удар пикой со скачущего коня. Так появились знаменитые катафрактары.

В позднесарматское время (вторая половина II — IV в. н. э.) основным типом клинкового оружия становятся длинный меч с рукоятью-штырем и такой же кинжал. Наряду с собственно сарматскими с середины III в. н. э. позднесарматские воины использовали мечи готского типа — с широкими тяжелыми клинками. В IV в. н. э. в Крыму появляются кинжалы с вырезами у пяты клинка, являющиеся местной особенностью. От готов поздние сарматы переняли и щиты германских типов — с коническими железными умбонами. Во второй половине III в. н. э. степной сар-

матский комплекс вооружения (меч без металлического навершия с узким длинным клинком, кинжал с кольцевым навершием, лук и стрелы) сменяется гото-аланским комплексом (меч без металлического навершия с широким длинным клинком, копья с узкими наконечниками, щиты). Находки наконечников стрел очень редки, но вряд ли это говорит о непопулярности лука: дело, как и в случае с доспехами, в особенностях погребального обряда.

Конское снаряжение обильно украшалось металлическими фацетированными пластинками и бляхами в полихромном «сердоликовом» стиле. Во второй половине IV в. н. э. в моду вошел стиль «клуазонне» — перегородчатая инкрустация красными эмалями и камнями (альмандин, гранат). Этот стиль позднее стал популярным у гуннов, а через них — в Западной Европе меровингского времени.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Мечи и кинжалы с серповидным навершием

№ п/п	Пункт	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
1	Червонопартизанск, 2/2	4	54	ЛГПУ	Красильников и др., 2006, рис. 26, 27; Симоненко, 2007
2	Пос. Острый, 2, насыпь	4,8	51	ДонНУ	Зарайская, Привалов, Шепко, 2004, с. 138, рис. 4, 6; Simonenko, 2001, S. 217–218, Abb. 13, 5; Симоненко, 2007
3	Гришино, случ. нах.	4,2	48,5	ДОКМ	Симоненко, 1984, с. 131–132, рис. 3, 1; Simonenko, 2001, S. 217–218, Abb. 13, 4; Симоненко, 2007
4	Хорол, случ. нах.	3,6	38,6	ХорКМ	Степанович, Супруненко, 1994, с. 43, рис. 24; Симоненко, 2007
5	Терны, 4/20	4	41	ДНУ	Simonenko, 2001, S. 217–218, Abb. 13, 2; Симоненко, 2007
6	Преображенка, гр. 2, 2/5	5	38*	-»-	Симоненко, 1991, с. 24, рис. 2, 2; Simonenko, 2001, S. 217–218; Симоненко, 2007
7	Жемчужное, 2/3	4	38,4*	-»-	Simonenko, 2001, S. 217–218, Abb. 13, 1; Симоненко, 2007
8	Большая Белозерка, 1/4	5	29,5*	ИА НАНУ	Савовский, 1977, с. 283, рис. 2; Симоненко, 1984, с. 131, рис. 2; 3, 2; Simonenko, 2001, S. 217–218; Симоненко, 2007
9	Виноградное, 31/1		18*	-»-	Симоненко, 1991, с. 24, рис. 2, 1; Simonenko, 2001, S. 217; Симоненко, 2007
10	Привольное, 1/1	4,3	45*	Неизв.	Симоненко, 1984, с. 141; Simonenko, 2001, S. 234; Симоненко, 2007
11	Сергеевка, 4/17	4	43*	ИА НАНУ	Симоненко, 1991, с. 24, рис. 3, 1; Simonenko, 2001, S. 217–218, Abb. 13, 3; Симоненко, 2007

* Фрагментирован. Указана длина сохранившейся части.

Приложение 2

Мечи и кинжалы с антенновидным навершием

№ п/п	Пункт	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
1	Новолуганское, 1/5	4	35*	Неизв.	Шаповалов, 1973, с. 82–83, рис. 4, 1
2	Чкалово, 1/1	4	42,5*	ИА НАНУ	Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 7, рис. 3, 2; Симоненко, 1984, с. 133, рис. 4
3	Смела, 1/1	6	20,8*	ЧКМ	Раск. Г. Т. Ковпаненко в 1984 г.
4	Неаполь Скифский, зап. некрополь	2,7	23,5	КРКМ	Колтухов, 1983, с. 222, рис. 1

* Фрагментирован. Указаны размеры сохранившейся части.

Приложение 3

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием

№ п/п	Пункт	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
1	Славянск, 253/2	3,8	37*	Неизв.	Брандербург 1908, с. 162; Хазанов, 1971, табл. V, 4
2	253/5	3,5	42,3	-»-	Там же, с. 163
3	253/6	4,5	9*	-»-	Там же
4	Переездная, 3/2	3	17,2*	ГИМ	Городцов, 1907, с. 265
5	Хут. 8 Марта, случ. нах.	3,5	51	ХОКМ	Шрамко, 1974, с. 189
6	Райгородка, 1/4**		30*	ИА НАНУ	Братченко, 1979, с. 30–31
7	Войтово, 1/2	4,5	42,5*	-»-	Братченко, 1980, с. 1980
8	Приморское, 2/4а**	4	21*	-»-	Беляев, 1976, с. 28
9	5/3	4	30,8*	-»-	Там же, с. 47
10	Шевченко, 9/1	3,2	42	ДОКМ	Шепко, 1987, с. 169, рис. 9, 6
11	Подгородное, гр. 8, 1/16		38	ДНУ	Ковалева, Костенко, 1976, с. 88–89
12	Гр. 8, 1/11		37	-»-	Там же
13	Гр. 9, 7/1			-»-	Там же
14	Лычково, гр. 28, 1/2	4,5	48	-»-	Костенко, 1983, с. 62
15	Гр. 28, 1/10	4	47	-»-	Там же
16	Гр. 28, 1/12	3,5	46	-»-	Там же
17	Усть-Каменка, 4/1	4,2	33		Махно, 1960, с. 27, рис. 15, 9
18	32/1	3,5	43,5	-»-	Костенко, 1993, с. 30, рис. 9, 4
19	43/1	2,8	40	-»-	Там же, с. 46, рис. 15, 7
20	52/1**	4		-»-	Там же, с. 55
21	58/1	1,6		-»-	Там же, с. 63
22	62/1	4	57	-»-	Там же, с. 67, рис. 22, 2
23	66/1	5,5	55	-»-	Там же, с. 73, рис. 22, 22
24	Алексеевка, 5/9**	4	23*	КНУ	Бондарь, 1977, с. 271

№ п/п	Пункт	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
25	Днепрозаводстрой, 25/1**	4		Неизв.	Симоненко, 2000, с. 133
26	26/6	3,8	62,5	НМИУ	Там же, рис. 1, 9
27	29/1	4	46	Неизв.	Там же, рис. 2
28	Аккермень I, 3/8	4	40,5*	ИА НАНУ	Вязьмітіна та ін., 1960, с. 103
29	4/8**			-»-	Там же, с. 107
30	Аккермень II, зап. гр., 5/1	3	85	-»-	Там же, с. 71, рис. 57, 4
31	8/1**			-»-	Там же, с. 73
32	Вост. гр., VI/1**	4	40*	-»-	Там же, с. 86, рис. 67, 14
33	X/1**	3,6	13,5*	-»-	Там же, с. 90
34	Новофилипповка, сев. околица, 1/1	4	45,4*	-»-	Раск. М. Я. Рудинского в 1951 г.; Simonenko, 2001, S. 221, Abb. 15, 2
35	3/1**	4,5	60	-»-	Симоненко, 1984, с. 138, рис. 6, 4
36	I/1	3,5	40	-»-	Вязьмітіна та ін., 1960, с. 39, рис. 20, 1
37	Зап. околица, 2/1	6,5	59	-»-	Оболдуєва, 1947, с. 45
38	Вост. околица, 4/1	3,5	50	-»-	Вязьмітіна та ін., 1960, с. 46, рис. 29, 3
39	8/1				Там же
40	Долина, 6/1	4,7	40*	ЗОКМ	Фурманська, 1960, с. 136, рис. 100, 4
41	Вознесенка			МКМ	Михайлов, 1986, с. 84, рис. 3, 5
42	Староселье	4,5	41	ХОКМ	Симоненко, 1993, с. 62, рис. 12, 2
43	Новокаменка, 3/4	4,5	46,5*	ИА НАНУ	Там же, с. 47, рис. 9, 46
44	Павловка, 1/1**	4,5	34*	-»-	Там же, с. 51, рис. 14, 26
45	Первоконстантиновка, 1/2	4	57	-»-	Там же, с. 53, рис. 16, 18
46	Советское, 1/8**	3		Неизв.	Там же, с. 70, рис. 9, 5a
47	Рисовое, 5			Неизв.	Щепинский, Черепанова, 1969, с. 160, рис. 60, 8
48	Березинцы, случ. нах.	4	45	НМИУ	Не опубл.

№ п/п	Пункт	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
49	Ср. Поднепровье, случ. нах.	2,5	41,5	-»-	Симоненко, 1984, с. 138, рис. 7, 1
50	-»-	3,3	38	-»-	Там же, рис. 7, 4
51	-»-	3,5	34,5*	-»-	Не опубликован
52	Куриловка	4,5	41,2	-»-	Симоненко, 1984, с. 138, рис. 7, 2
53	Васильков, случ. нах.	4	47	НМИУ	Симоненко, 1981, с. 58
54	Жаботин, случ. нах.	4	43	-»-	Там же, с. 137
55	Залевки	3,7	19*	ГЭ	Бобринский, 1887, с. 153
56	-»-	3,7	12,6*	-»-	Там же
57	-»-**	4,5	36*	-»-	Там же
58	Николаевка, к. 14	?	Ок. 89	Неизв.	Там же, с. 40–41
59	Калантаево, п. 17**			ИА НАНУ	Покровська, Ковпаненко, 1961, с. 135
60	П. 18	4	47,5*	-»-	Там же
61	П. 29**			-»-	Там же, с. 137
62	Текуча, случ. нах.	3,5	61,5	УКМ	Симоненко, 1984, с. 138, рис. 6, 1
63	Уманский р-н, случ. нах.	4	47,5	-»-	Не опубликован
64	Актово, 1/10	4	47	НОКМ	-»-
65	7/2**			-»-	-»-
66	Соколовка, 1/10	5	33,3*	ИА НАНУ	Симоненко, 1984, с. 138, рис. 7, 5
67	Благодатное, 2–3	3	42,5	НОКМ	Раск. О. Г. Шапошниковой в 1981 г.
68	Большая Черноморка, могила на античном поселении	5,2	42	ИА НАНУ	Раск. В. М. Отрешко в 1974 г.
69	Беляевка, 1/4а	3,5	40	ОАМ	Алексеева, 1971, с. 35
70	Глубокое, 2/3			-»-	Шмаглий, Черняков, 1970, с. 47
71	Огородное, 1/8	3	26*	-»-	Субботин и др., 1970, с. 133, рис.
72	Плавни, 23/1,	3	18,2*	-»-	Гудкова, Фокеев, 1984, с. 57, рис. 16, 3

№ п/п	Пункт	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
73	Казакля, 10/1	4	34,5	НМАИМ	Агульников, Бубулич, 1999, с. 13
74	Олэнешть, 4/4	4,8	45	-»-	Мелюкова, 1962, с. 205; Курчатов, Бубулич, 2003, с. 295, рис. 4, 2
75	Думень, 9/13	3	32	-»-	Гросу, 1990, с. 58, рис. 18, 57
76	Мэркэуць, разр. погр.	4	13*	-»-	Рикман, 1975, с. 22, рис. 10, 2
77	Извоаре, разр. погр.	3	17*	-»-	Гросу, 1983, с. 44, рис. II, 3
78	Куконештий Векь II, 21/1,	3,7	37	-»-	Дергачев, 1982, с. 110, рис. 38, 1
79	Окнице, 6/15**	3,2	40*	-»-	Раск. И. В. Манзуры в 1988 г.
80	Петрешть, п. 12	4	47,5	-»-	Раск. Е. В. Ярового в 1986 г.
81	П. 18**	2,8		-»-	-»-
82	П. 29**			-»-	-»-
83	П. 62	3,8	47,2	-»-	-»-
84	Бедражий Ной, п. 1	4	41*	-»-	Курчатов и др., 1995, с. 113, рис. 3, 3
85	П. 2	4	45	-»-	Там же, с. 114–115, рис. 5, 1
86	П. 3	3,5	33*	-»-	Там же, с. 116, рис. 7, 1
87	П. 4			-»-	Там же, рис. 8, 2
88	П. 5	4	40*	-»-	Там же, с. 117, рис. 9, 5
89	П. 6			-»-	Там же, рис. 8, 6
90	Бедражий Векь, 25/9*			-»-	Раск. А. Ю. Чиркова в 1989 г.
91	29/7**			-»-	Раск. Е. В. Ярового в 1990 г.
92	Пороги, 1/1	5	52	ВКМ	Симоненко, Лобай, 1991, с. 10–11, рис. 4
93	Писаревка, 5/1	5	24*	-»-	Раск. В. И. Загоруйко в 1993 г.
94	Островец-Вертеба, п. 2	4,7	43,2*	Неизв.	Смішко, 1962, с. 68, табл. 2:8

* Фрагментирован. Указана длина сохранившейся части.

** Навершие не сохранилось. Отнесен к типу предположительно.

Приложение 4

Мечи и кинжалы с рукоятью-штырем

№ п/п	Пункт	Тип	Ширина клинка, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
1	Николаевка, 7/1	2	2,2	11*	ИА	Симоненко, 1984, с. 144
2	Нещеретово, 1/1	?	3,9*		Неизв.	Луцкевич, 1952, с. 138.
3	Шахта Моспинская	3	7	99,5	ДОКМ	Podobed, Simonenko, 1998, p. 99, fig. 2, 1, 1a
4	Шевченко, 4/1	2	3	28	-»-	Шепко, 1987, с. 160, рис. 2, 10
5	7/1	2	3,9	29	-»-	Там же, с. 166, рис. 8, 5
6	8/2	2	2,6	93	-»-	Там же, с. 168, рис. 8, 13
7	-»-	-»-	3,8	24	-»-	Там же, с. 168, рис. 8, 6
8	Прелестное, к. 5	?	4,5		ГИМ	Кат. XII АС, с. 228, № 148
9	Перещепино, 1/11	2	3	27,5	ИА	Симоненко, 1984, с. 143, рис. 9, 3
10	Усть-Каменка, 1/22	2	5,95	98	?	Махно, 1960, с. 18, рис. 4, 10
11	37/1	2	4	86,5	ДИМ	Костенко и др., 1987, с. 116, рис. 1, 11
12	40/1	2	4	91*	-»-	Там же, с. 120, рис. 1, 20
13	Светловодск, п. 91	2	5	90	КОКМ	Раск. Н. М. Бокий в 1983 г.
14	Балки, 1/45	2	5	91	ЗОКМ	Раск. В. И. Бидзили в 1973 г.
15	Малая Терновка, 1/3	1	4,5	99,6	Неизв.	Раск. А. И. Кубышева в 1981 г.
16	Водославка, 8/3	2	4	75	АМ	Симоненко, 1993, с. 40, рис. 11, 16
17	Брилевка, 16/1	3?	4	75*	ХОКМ	Там же, с. 15, рис. 4, 26
18	Каланчак, 3/1	2	5,5	51	-»-	Симоненко, 1984, с. 142, рис. 9, 1
19	Весняне, 1/1	1	4,2	91,5	НОКМ	Simonenko, 1997, S. 393. Abb. 4, 1; Архипов, 2004, с. 4-5.
20	Маяки, 2/3	2	3,5	110	ОАМ	Патокова и др., 1982, с. 132, рис. 1, 2, 3
21	Криничное, п. 2	2?	2,5*	100*	?	Федоров, 1969, с. 249, рис. 1, 9, 10

№ п/п	Пункт	Тип	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
22	Приморское, 1/52	1	3	28	ИКМ	Симоненко, 1984, с. 143, рис. 10, 2
23	2/2	-»-	3	24	-»-	Там же, рис. 10, 1
24	1/17	2	3,5	25,5*	ИКМ	Там же, рис. 10, 4
25	1/53	2	4	24,5*	-»-	Там же, рис. 10, 3
26	Алияга, п. 5	?			ОАМ	Гудкова, Фокеев, 1984, с. 34
27	Дзинилор, к. 5	?			-»-	Там же, с. 35
28	Нагорное, к. 2	?			-»-	Там же, с. 44
29	К. 9	2	3	19*	-»-	Там же, с. 45, рис. 13, 19
30	-»-	?	2,5	7,5*	-»-	Там же, с. 47, рис. 13, 20
31	Хаджидер II, 7/1	2	4		-»-	Субботин, Дзиговский, 1990, II, с. 20, рис. 12, 13
32	-»-	2	1,8		-»-	Там же, с. 20, рис. 12, 7
33	Алкалия, 19/2	2	6,2	100*	-»-	Там же, с. 11, рис. 6, 4
34	-»-	1	4,5	50*	-»-	Там же, с. 11, рис. 6, 3
35	Белолесье, 3/9	2?	4	45*	-»-	Там же, I, с. 15, рис. 12, 1; Субботин и др., 1998, с. 71, рис. 25, 8, 9
36	Дивизия, 8/1				-»-	Субботин, Дзиговский, 1990, I, с. 8
37	13/1		2,6		-»-	Там же, с. 11, рис. 9, 13
38	Шаболат, к. II	1?			ГИМ	Самоковасов, 1908, с. 131
39	К. 3	2			-»-	Там же, с. 132
40	Курчи, к. 16	3	5,5	65*	ОАМ	Гудкова и др., 1983, с. 21, табл. 29–30
41	-»-	5	4,5	54	-»-	-»-
42	Владычень, к. 6	?				Simonenko, 1995, p. 348–349
43	К. 7	?				Там же
44	К. 8	?				Там же
45	К. 9	?				Там же

№ п/п	Пункт	Тип	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
46	Градешка, к. 9	3	5,3	97,5	-»-	Гудкова, Редина, 1999, с. 177, рис. 2, 9
47	Кубей, к. 16	?	5		-»-	Субботин, Дзиговский, 1990, с. 22
48	К. 17	?			-»-	Там же
49	Тараклия, 17/10	?		45*	НМАИМ	Не опубликован
50	Дрокия, случ. нах.	2	4	32	-»-	Гросу, 1990, с. 81
51	Бокань, п. «А»	1	4–5	75–80	-»-	Федоров, 1956, с. 50
52	П. 1	2	3–5	65–70	-»-	Там же, с. 51
53	Щербака, 2/5				-»-	Гросу, 1990, с. 65
54	Думень, 8/6				-»-	Там же, с. 64
55	Олэнешть, 13/3	2	4	36,5	-»-	Там же, с. 71, рис. 19, 7
56	4/4	2	2	46*	-»-	Курчатов, Бубулич, 2003, с. 294, рис. 4, 1
57	Бешалма, 1/8	1	3,5	23*	-»-	Гросу, 1983, с. 39, рис. III, 11
58	Екатериновка, 2/5	2	3,5	30*	-»-	Там же, с. 40, рис. III, 10
59	Анений Ной, разр.	2	3	31*	-»-	Там же, с. 42, рис. III, 9
60	Бурсучень	3	5,4	36*	-»-	Там же, с. 46, рис. III, 8
61	Бедражий Ной, п. 7	2	3,5	71*	-»-	Курчатов и др., 1995, с. 118, рис. 11, 5
62	-»-	1	2,5	36*	-»-	Там же, рис. 11, 4
63	2/1	2	4,5	86	-»-	Раск. Е. В. Ярового в 1987 г.
64	Бедражий Векь, 29/12	2	2,2	77,5	-»-	Раск. Е. В. Ярового в 1990 г.
65	Усть-Альма	?		110	БИАМЗ	Высотская, 1994, с. 145, рис. 42
66	Чернореченский мог-к, скл. 3	3	5	31	-»-	Бабенчиков, 1963, с. 117
67	Скл. 4	?		66	-»-	Там же, с. 118
68	Подб. м. 6	?		25	-»-	Там же, с. 96

№ п/п	Пункт	Тип	Ширина клинка, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
69	Инкерманский мог-к, скл. 1940 г.	5	4,5	47,4	-»-	Стржелецкий, 1947, с. 295
70	Раск. 1941 г.	5	5,5	40*	-»-	Веймарн, 1963, с. 42
71	-»-	3	6	80*	-»-	Там же
72	-»-	3	4,5	35	-»-	Там же
73	Ям. м. 1	3	5	37	-»-	Там же, с. 29
74	Ям. м. 2	3	5,5	77	-»-	Там же, с. 30
75	Ям. м. 3	?	5,3	32	ГИМ	Там же
76	Подб. м. 1	?			Не сохр.	Там же, с. 16
77	Подб. м. 6	3	5,1	58,5	БИАМЗ	Там же, с. 18–19
78	Подб. м. 15	2?	5	34	-»-	Там же, с. 24
79	Подб. м. 16	3	5	39,5	-»-	Там же, с. 25
80	Подб. м. 18	3	6,1	90	-»-	Там же
81	-»-	2	5	41	-»-	Там же
82	Скл. 2	2	4,5	68	-»-	Там же, с. 34
83	-»-	2			-»-	Там же
84	-»-	2	4		-»-	Там же
85	-»-	2	2,1		-»-	Там же
86	Скл. 5	3	5,5	80	-»-	Там же, с. 37
87	Бельбек IV, п.163	5		23*	ГИМ	Гушина, с. 26, рис. 10, 49
88	П. 184	?	4	75*	-»-	Раск. 1979 г.
89	Случ. нах. 1971	?		60*	-»-	Не опубл.
90	Килен-балка, 1968	5	4,2	6,9*	ХИАМЗ	Контны, Савеля, 2006, с. 139, рис. 1, 2
91	Скл. 1, п. 3	5	4,3	31,3	-»-	Там же, рис. 2, 2
92	-»-	5	4,3	36,4	-»-	Там же, рис. 2, 1
93	Скл. 1, п. 4	5	4,8	43,3	-»-	Там же, с. 140, рис. 3, 6
94	Скл. 3, п. 2	5	4,8	29,8*	-»-	Там же, с. 141, рис. 6, 1
95	Скл. 3, п. 3	5	4,8	40,5	-»-	Там же, рис. 7, 1
96	Скл. 6	5	4,8	39,5*	-»-	Там же, с. 142, рис. 9; 10
97	Скалистое III	?		52	ГИМ?	Богданова и др., 1976, с. 146, рис. 8, 52

№ п/п	Пункт	Тип	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
98	Озерное III, подб.	2	6	83	БИАМЗ	Лобода, 1977, с. 237
99	Грунт. м. 3	5	4,5	48,5	-»-	Там же, с. 236
100	Скл. 1	2		100	-»-	Там же, с. 241–242
101	-»-	2		ок. 40	-»-	Там же
102	Скл. 2	5		50*	-»-	Там же, с. 245
103	-»-	3?		50*	-»-	Там же
104	-»-	5		30,5	-»-	Там же
105	Скл. 2	5?		32	-»-	Там же
106	Скл. 3	5	5,5	52,5	-»-	Там же, с. 248
107	Дружное, м. 3	5	5	42,5	КРКМ	Храпунов, 2002, с. 16, рис. 72, 7
108	-»-	5	6,6	41	-»-	Там же, с. 15, рис. 72, 8
109	М. 18–19	5	4	41,6	-»-	Там же, с. 18, рис. 90, 1
110	-»-	5	4,4	34	-»-	Там же, с. 19, рис. 90, 2
111	-»-	5	3,8	29,5	-»-	Там же, рис. 90, 3
112	М. 21	5	4	39	-»-	Там же, с. 20, рис. 101, 3
113	М. 66	5	4,2	44,5	-»-	Там же, с. 30, рис. 164, 10
114	-»-	5	4,5	35	-»-	Там же, рис. 164, 3
115	Нейзац, м. 3	5	3,6	36		Раск. И. Н. Храпунова в 1996 г.
116	М. 4	5	5,5	34	-»-	-»-
117	-»-	3	3,5	45,5	-»-	-»-
118	-»-	3		69	-»-	-»-
119	-»-	3	4,2		-»-	-»-
120	-»-	3		43	-»-	-»-
121	М. 9	5	4,4	27,5	-»-	-»-
122	М. 15	5	5	26	-»-	-»-
123	М. 60	5	5,2	27,7	-»-	Раск. И. Н. Храпунова в 1997 г.
124	М. 102, южн. подб.	2	8,8	31,8	-»-	Раск. И. Н. Храпунова в 2000 г.
125	М. 125	3	6,8	90,8	-»-	Раск. И. Н. Храпунова в 2001 г.

№ п/п	Пункт	Тип	Ширина клинки, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
126	-»-	5	2,6	24	-»-	-»-
127	М. 163	5			-»-	-»-
128	М. 200	?			-»-	-»-
129	М. 246	5			-»-	Раск. И. Н. Храпунова в 2006 г.
130	М. 275	5		48	-»-	-»-
131	-»-	3	5	88,2	-»-	-»-
132	-»-	3		80,5	-»-	-»-
133	М. 280			33*	-»-	-»-
134	М. 285	3		54	-»-	-»-
135	-»-	3		44	-»-	-»-
136	-»-	2		31	-»-	-»-
137	М. 288	2			-»-	-»-
138	Суворово, скл. 26	5	4	33*	БИАМЗ	Зайцев, 1997, с. 110, рис. 62, 26
139	Скл. 29	5	4,75		-»-	Там же, рис. 62, 29
140	-»-	?			-»-	Там же
141	Скл. 30	5	4,25	40,75	-»-	Там же, с. 110, рис. 64
142	-»-	5	4,25	35,75*	-»-	Там же
143	Подб. м. 28	5	3,75	38,75*	-»-	Там же, рис. 63
144	Скл. 51	5	5,5	22*		Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 58, рис. 2, 9
145	Скл. 52	5	6,75	13*		Там же, с. 59, рис. 6, 2
146	Скл. 53	3	6,75	86,5		Там же, с. 60, рис. 9, 4
147	М. 55	5	4,7	40		Там же, рис. 13, 10
148	Опушки, м. 1	1			-»-	Раск. И. Н. Храпунова в 2005 г.
149	М. 2	5	4,6	42,2	-»-	-»-
150	-»-	5	4,6	33,1	-»-	-»-
151	Вишневое, м. 3	5	4,5	27	БИАМЗ	Пуздровский и др., 2001, рис. 12, 9
152	Терновка-2, м. 4	?			Неизв.	Раск. С. Н. Беляева в 1972 г.
153	М. 6	5			-»-	-»-
154	М. 9	?			-»-	-»-

* Фрагментирован. Указана длина сохранившейся части.

Приложение 5

Наконечники копий и дротиков

№ п/п	Пункт	Размеры пера, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
1	Александровск, 10/1			Неизв.	Смирнов, 1984, с. 89
2	-»-			-»-	Там же
3	-»-			-»-	Там же
4	Войтово, 1/2	Ширина 3,5	14,5*	ИА НАНУ	Раск. С. Н. Братченко в 1980 г.
5	2/1			-»-	-»-
6	Славянск, 253/2	Ширина 4	29,5	Неизв.	Брандербург, 1908, с. 162
7	Квашино, случ. нах.	25 × 3,5	46	ДОКМ	Шрамко, 1962, с. 249, рис.
8	-»-	10 × 2	37	-»-	Там же
9	Приморское, 2/4	Ширина 3	20*	ИА НАНУ	Раск. А. С. Беляева в 1976 г.
10	Лычково, гр. 3, 1/1	Ширина 3,7	30*	ДНУ	Костенко, 1983, с. 62, рис. 7, а
11	Заплавка, гр. 31, 3/15	Ширина 3	30,5	-»-	Там же, рис. 8, а
12	Спасское, гр. 11, 3/7	Ширина 5	30*	-»-	Костенко, 1977, с. 116, табл. 1, 8
13	В. Маевка, гр. 12, 2/8	Ширина 3	22,5*	-»-	Там же, табл. 1, 11
14	Усть-Каменка, 38/1	25 × 6	35	-»-	Костенко, 1993, с. 41, рис. 13, 7
15	56/1	30 × 4,5	45	-»-	Там же, с. 60, рис. 20, 2
16	Балки, 26/2	19,5 × 3,6	31,5	ИА НАНУ	Симоненко, 1993, с. 7, рис. 1, 1Б
17	Осокоровка, 4/1	Ширина 4,5		-»-	Там же, с. 63, рис. 12, 4В
18	Сергеевка, 4/17	23 × 4,5	31,5	-»-	Там же, с. 10, рис. 1, 3Г
19	Садово, гр. 2, 2/1	23 × 4,2	32	ХОКМ	Там же, с. 18, рис. 6, 3Б
20	-»-	19 × 4	28,5	-»-	Там же
21	Каирка, ½	Ширина 5	35*	ИА НАНУ	Там же, с. 51
22	Дружное, м. 58	7 × 2,3	14,5	КРКМ	Храпунов, 2002, с. 27, рис. 142, 8

№ п/п	Пункт	Размеры пера, см	Общая длина, см	Место хранения	Библиография
23	-»-	Сечение 4,5	10,5	-»-	Там же, рис. 142, 3
24	-»-	19 × 3,5	23*	-»-	Там же, с. 28, рис. 144, 9
25	М. 59	Сечение 1,5	21*	-»-	Там же, рис. 148, 6
26	Нейзац, м. 60	17,5 × 4,5	26,5	-»-	Раск. И. Н. Храпунова в 1998 г.
27	М. 139		16,5	-»-	Храпунов, 2004, с. 301, рис. 4, 7
28	М. 146	Ширина 3,4	25	-»-	Раск. И. Н. Храпунова в 2001 г.
29	М. 203	6 × 3	12,5	-»-	Раск. И. Н. Храпунова в 2006 г.
30	Чернореченский мог-к, подб. м. 2			БИАМЗ	Бабенчиков, 1963, с. 93
31	Скл. 2		22	-»-	Там же, с. 116
32	Снигиревка, 1/насыпь	Ширина 3,6	25*	НОКМ	Симоненко, 1982, с. 240, рис. 2, 3
33	Марьевка, случ. нах.	27* × 4,2	43,5*	ГМИИ	Iakounina-Ivanova, 1927, p. 103; Raev u. a., 1991, p. 483, fig. 21
34	-»-	22* × 4	38*	-»-	Там же
35	Великопловское, случ. нах.	Ширина 4,5	42,4*	ОАМ	Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 153–154, рис. 2, 1–3 Симоненко, 1982, с. 237, рис. 2, 4
36	-»-	18 × 3,5	39,5	-»-	Там же
37	-»-	Длина 10*		-»-	Там же
38	Веселая Долина, случ. нах.	Ширина 2,8	17*	-»-	Редина, Симоненко, 2002, с. 79, рис. 1, 4
39	Олэнешть, 4/4			НМАИМ	Курчатов, Бубулич, 2003, с. 295
40	Пороги, 1/1	Ширина 2	7,8*	ВОКМ	Симоненко, Лобай, 1991, с. 14, рис. 7, 8

* Фрагментирован, даны размеры сохранившейся части.

Приложение 6

Наконечники стрел

1. Втульчатые

№ п/п	Пункт	Длина головки, см	Кол-во	Место хранения	Библиография
1	Александровск, 10/2		1	Неизв.	Смирнов, 1984, с. 90
2	12/3		1	-»-	Там же
3	Квашино, случ. нах.	3,5	1	ДОКМ	Там же, с. 89
4	Виноградное, 31/1	2	8	ИА НАНУ	Симоненко, 1991, с. 24, рис. 2, 3
5	Семеновка, 20, насыпь	3	?	ОАМ	Субботин, Охотников, 1981, с. 111; Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 158, рис. 3, 16-18

2. Черешковые

1	Переездная, 4/1	2,5	5	ГИМ	Городцов, 1907, с. 265
2	Николаевка, 7/2	3-1,7	19	ИА НАНУ	Раск. С. Н. Братченко в 1971 г.
3	Новолуганское, 1/5	3	82	ДонНУ	Шаповалов, 1973
4	Приморское, 2/4	3	?	ИА НАНУ	Раск. А. С. Беляева в 1976 г.
5	Райгородка, 1/4	2,5	1	-»-	Раск. С. Н. Братченко в 1979 г.
6	Войтово, 2/1	2,5	Ок. 20	-»-	Раск. С. Н. Братченко в 1980 г.
7	Аккермень II, 5/1	2,5	1	-»-	Вязьмітіна та ін., 1960, с. 71
8	8/1	?	9	-»-	Там же, с. 73
9	12/1	1,5	1	-»-	Там же, с. 74
10	21/1	2,3	10	-»-	Там же, с. 81
11	VII/1	3	3	-»-	Там же, с. 87, рис. 68, 7
12	1952 г., 4/1	3-2,8	6		Там же, с. 133
13	Аккермень I, 21/1	1,8	15	-»-	Там же, с. 129
14	Новофилипповка, вост. гр., 2/1	3,5-2,2	60	-»-	Там же, с. 44, рис. 27, 3
15	2/2	3-2,2	24	-»-	Там же, с. 45, рис. 28, 3
16	4/1	3	13	-»-	Там же, с. 46, рис. 29, 4
17	Воскресенка, 3/1	1,5	1	МКМ	Михайлов, 1986

№ п/п	Пункт	Длина головки, см	Кол-во	Место хранения	Библиография
18	Виноградное, 31/1	3	4	ИА НАНУ	Симоненко, 1991, с. 24, рис. 2, 3
19	Днепрозаводстрой, 21/1	1,1	11	?	Симоненко, 2000, с. 133, рис. 1, 1
20	26/6	3,3	2	-»-	Там же, с. 133, рис. 1, 12
21	29/1	1,7	7	-»-	Там же, с. 133, рис. 3, 11
22	Подгородное, 12/2	2,5	20	ДНУ	Костенко, 1979, с. 129
23	Александровка, 14/1; Богуслав, 2/1.	1,7–1 3	4 2	-»- -»-	Там же, табл. 7, 5 Симоненко, 2006, с. 141, рис. 5, 2
24	Усть-Каменка, 2/1	1,8	3	НМИУ	Махно, 1960, с. 26
25	3/1	?	10	-»-	Там же
26	8/1	1,5	5	-»-	Там же, с. 31
27	14/1	1,5	21	-»-	Там же, с. 35, рис. 12, 17, 18
28	16/1	3	4	-»-	Там же, с. 35
29	23/1	1,7	9	ДИМ (?)	Костенко, 1993, с. 19, рис. 6, 4
30	25/1	2,2–1,8	13	-»-	Там же, с. 21, рис. 6, 8, 9
31	32/1	1,5	1	-»-	Там же, с. 30, рис. 9, 7
32	37/1	1,7	21	-»-	Там же, с. 37, рис. 12, 7–10
33	43/1	1,7–1,5	52	-»-	Там же, с. 46, рис. 15, 19
34	56/1	2,7–1,5	10	-»-	Там же, с. 60, рис. 20, 8
35	58/1	2,1	1	-»-	Там же, с. 63, рис. 21, 7
36	61/1	1,8	1	-»-	Там же, с. 66, рис. 21, 27
37	62/1	1,7	3	-»-	Там же, с. 68, рис. 22, 6
38	Грушевка, 14/1	2,5–14	4	?	Березовец, 1961, с. 62
39	Светловодск, п. 91	2	40	КОКМ	Раск. Н. М. Бокий в 1983 г.
40	Калантаево, п. 20	?	1	ИА НАНУ	Покровська, Ковпаненко, 1961, с. 137
41	Бабина Гора, городище	3	1	-»-	Максимов, 1982, с. 78; Simonenko, 2001, S. 194, Abb. 2, 8
42	Ходосовка, городище	3–2	4	-»-	Там же, Abb. 2, 2, 10, 13
43	Стеблев, случ. нах.	2,5–1,7	30	СКМ	Simonenko, 2001, S. 194, Abb. 2, 19
44	Весняне, 1/1	3,4	Ок. 200	НОКМ	Simonenko, 1997, S. 394, Abb. 4, 11
45	Беляевка, 1/4а	?	1	ОАМ	Алексеева, 1971, с. 34
46	Глубокое, 2/3	?	6	-»-	Шмаглий, Черняков, 1971, с. 47

№ п/п	Пункт	Длина головки, см	Кол-во	Место хранения	Библиография
47	Семеновка, 11/1	2	1	-»-	Дзиговский, 1981, с. 117, рис. 2, 5
48	Алияга, п. 1	?	1	-»-	Гудкова, Фокеев, 1984, с. 34
49	Белолесье, 3/9	1	10	-»-	Субботин, Дзиговский, 1990, II, с. 15, рис. 12, 2
50	Киселев, п. 6	?	1	?	Винокур, Вакуленко, 1967, с. 126
51	Пороги, 1/1	5–2,5	32	ВОКМ	Симоненко, Лобай, 1991, с. 14, рис. 7, 2–7
52	Думень, 9/13	3	?	?	Гросу, 1990, с. 58, рис. 18, Б2
53	Олэнешть, 16/1	3,5	?	?	Там же, с. 85, рис. 26, 4, 5
54	Казаклия, 10/1	4–2	12–15	НМАИМ	Агульников, Бубулич, 1999, с. 14, рис. 3, 13, 14
55	Нейзац, м. 285	3,5	2	КРКМ	Раск. И. Н. Храпунова
56	Опушки, м. 1	4,1–3,2	3	-»-	Раск. И. Н. Храпунова
57	Дружное, м. 4	3	1	-»-	Храпунов, 2002, с. 46, рис. 75, 46
58	М. 78	3	3	-»-	Там же, с. 46, рис. 182, 12–14
59	Актово, 1/10	4	100	НОКМ	Раск. В. Н. Фоменко в 1987 г.

Приложение 7

Металлический доспех

№ п/п	Пункт	Тип	Место хранения	Библиография
1	Прохоровка, 1/1	Жел. кираса	ОКМ	Ростовцев, 1918, с. 13–14; Зуев, 2000, с. 312–314, табл. II, 1
2	Бердянка, 4/1	-»-	-»-	Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 126, рис. 4, 2
3	Быково, 11/9	Жел. чешуйки	ВОКМ	Раск. А. С. Скрипкина в 1978 г.
4	Калиновский мог-к, 55/14	-»-	-»-	Шилов, 1959, с. 462, рис. 50, 8, 18.
5	Верхнее Погромное, 7/6	-»-	-»-	Раск. В. П. Шилова в 1957 г.
6	Кривая Лука	-»-	АКМ	Дворниченко и др., 1979, с. 167
7	Никольский мог-к, 2/1	Жел. чешуйки, кольчуга	-»-	Засецкая, 1979, с. 103–104, рис. 13, 3, 4
8	Кривой Лиман, 41/1	-»-	АЛ РГУ	Раск. Е. И. Савченко в 1981 г.
9	Высочино-VII, 15/1	Бронз. посеребр. и жел. чешуйки	-»-	Раск. Е. И. Беспалого в 1981 г.
10	Грушевский мог-к, 18, насыпь	Бронз. чешуйки и пластины	НМИДК	Раев, 1981, с. 35, табл. 13, 1–11; Крайсветный, 1987, с. 19–22
11	Казанская, 1/1	Жел. чешуйки, кольчуга	ГИМ	ОАК за 1901 г., с. 72; Гущина, Засецкая, 1994, с. 41, табл. 1, 4
12	2/1	Жел. позол. пластины, чешуйки, кольчуга	-»-	Simonenko, 2001, S. 273, Abb. 41, 8, 9
13	3/1	Неизв.	?	Архив ИИМК, ф. 1, 1901, д. 103, л. 2
14	8/1	Жел. позол. пластины, чешуйки, кольчуга	ГИМ	Там же, л. 42
15	9/1	Жел. пластины, кольчуга	-»-	Гущина, Засецкая, 1994, с. 41, табл. 5, 54, 56; Simonenko, 2001, S. 273, 275, Abb. 41, 5; 42, 2
16	10/1	Жел. позол. чешуйки, кольчуга	-»-	Simonenko, 2001, S. 273, Abb. 41, 2, 6
17	17/1	Жел. позол. пластины, чешуйки, кольчуга	-»-	Гущина, Засецкая, 1994, с. 46, табл. 7, 78; Simonenko, 2001, S. 272

№ п/п	Пункт	Тип	Место хранения	Библиография
18	19/1	Жел. чешуйки	-»-	Архив ИИМК, ф. 1, 1901, д. 103, л. 48
19	20/1	Жел. позол. пластины, чешуйки, кольчуга	-»-	Гущина, Засецкая, 1994, с. 46, табл. 9, 84; Simonenko, 2001, S. 272
20	22/1	Неизв.	?	Архив ИИМК, ф. 1, 1901, д. 103, л. 48–49
21	32/1	-»-	-»-	Там же, л. 52
22	Казанская-Тифлисская, 36	-»-	-»-	Там же, л. 53
23	40/1	Жел. позол. пластины, чешуйки, кольчуга	ГИМ	Гущина, Засецкая, 1994, с. 48; Simonenko, 2001, S. 272
24	44/1	Кольчуга	-»-	ОАК за 1901 г., с. 84
25	47/1	Неопр.	-»-	Архив ИИМК, ф. 1, 1901, д. 103, л. 57
26	48/1	-»-	-»-	ОАК за 1901 г., с. 72
27	49/1	-»-	-»-	Архив ИИМК, ф. 1, 1901, д. 103, л. 57–58
28	51/1	Жел. позол. пластины, чешуйки, кольчуга	ГИМ	Гущина, Засецкая, 1994, с. 51; Simonenko, 2001, S. 272
29	Казанская-Тифлисская, 52	Кольчуга	?	ОАК за 1901 г., с. 85
30	Тифлисская, 3/1	Неопр.	-»-	Архив ИИМК, ф. 1, 1901, д. 103, л. 74
31	5/1	Жел. чешуйки	-»-	Там же
32	9/1	Неопр.	-»-	Там же
33	10/1	Жел. обломки, кольчуга	-»-	Там же, л. 74–75
34	12/1	Неопр.	-»-	ОАК за 1902 г., с. 68
35	15/1	Кольчуга	-»-	Там же, с. 70
36	17/1	Неопр.	?	ОАК за 1902 г., с. 72
37	3/1, раскопки 1908 г.	Жел. пластинки	ГЭ	Гущина, Засецкая, 1994, с. 77, табл. 56, 548
38	Тбилисская, 1/1*	Жел. позол. пластины, кольчуга	КИАМЗ	Ждановский, 1984, с. 74, рис. 1, 3; Simonenko, 2001, S. 275, Abb. 42, 1
39	3/1	Жел. позол. пластины, чешуйки, кольчуга	-»-	Там же, с. 77, рис. 1, 17, 52; S. 273, Abb. 41, 8
40	6/1	Кольчуга	-»-	Ждановский, 1984, с. 80

№ п/п	Пункт	Тип	Место хранения	Библиография
41	9/1	-»-	-»-	Там же, с. 87
42	10/1	Жел. пластины	-»-	Там же, с. 88, рис. 2, 65
43	12/1	Жел. пластины, кольчуга	-»-	Там же, с. 89
44	15/1	Жел. пластины, чешуйки, кольчуга	-»-	Там же, с. 90–91, рис. 3, 8, 25; Simonenko, 2001, S. 275, Abb. 42, 3
45	16/1	Жел. позол. пластина	-»-	Ждановский, 1984, с. 94
46	Ладожская, 26/1	Жел. пластины, чешуйки	ГИМ	Гущина, Засецкая, 1994, с. 118, табл. 19, 178/1–3; Simonenko, 2001, S. 273, Abb. 41, 7
47	28/1	Жел. пластины, чешуйки, кольчуга	-»-	Там же
48	Усть-Лабинская, 29/1	Жел. позол. пластины	-»-	ОАК за 1902 г., с. 77–78
49	31/1	Жел. пластины	-»-	Там же, с. 79
50	35/1	Жел. чешуйки	-»-	Там же
51	37/1	Жел. кольчуга	-»-	Там же, с. 82
52	40/1	Жел. позол. пластины	-»-	Там же
53	41/1	Жел. кольчуга	-»-	Там же, с. 83
54	45/1	Неизв.	?	Там же, с. 84
55	46/1	Жел. кольчуга	ГИМ	Там же, с. 85
56	Некрасовская, 3/1	Неизв.	?	ОАК за 1906 г., с. 93
57	4/1	Жел. пластины, чешуйки	ГИМ	Хазанов, 1971, с. 166, табл. XXXI, 2, 3; Гущина, За- сецкая, 1994, с. 75, табл. 53, 528
58	Зубовский хутор, 1/1	Бронз. чешуйки, кольчуга	ГЭ	Гущина, Засецкая, 1989, с. 116, табл. XI, 112
59	Воздвиженская, 1/1	Бронз. и жел. чешуйки, кольчуга	-»-	Там же, с. 100, табл. V, 44
60	Михайловская, 2/14	Бронз. и жел. кольчуга	КИАМЗ	Каминская и др., 1985, с. 229
61	Афипская	Кольчуга	?	ОАК за 1906 г., с. 95
62	Ярославская, курган Острый	Кольчуга	?	ОАК за 1896 г., с. 87
63	Майкоп, Лысая гора	Бронз. чешуйки	ГЭ	Гущина, Засецкая, 1989, с. 113
64	Чернореченский мог-к, п. 29	Кольчуга	?	Бабенчиков, 1963, с. 108

* Раскопки А. М. Ждановского в 1977 г.

Шлемы

№ п/п	Пункт	Тип	Место хранения	Библиография
1	Бубучь, случ. нах.	Псевдоаттический	ГИМ	Черненко, 1968, с. 89, рис. 47
2	Каменка-Днепровская, случ. нах.	-»-	Неизв.	Рабинович, 1941, с. 157–158, рис. 26
3	Веселая Долина, случ. нах.	Монтефортино	ОАМ	Редина, Симоненко, 2002, с. 78, рис. 1, 1
4	Беленькое, случ. нах.	-»-	БДКМ	Бруяко, Россохацкий, 1993, с. 78, рис. 2
5	Марьевка, случ. нах.	-»-	ГМИИ	Raev et alii, 1991, p. 483, fig. 20
6	Мелитополь, курган Токмак-могила	-»-	Неизв.	Ibid., p. 488, fig. 25
7	Привилля, 1/насыпь	-»-	МКМ	Simonenko, 2001, S. 254, Abb. 31, 5

Приложение 9

Снаряжение верхового коня

№ п/п	Пункт	1	2	3	4	5	6	7	Библиография
1	Квашино	+	+						Смирнов, 1984, с. 91–92, рис. 23
2	Острый				+				Зарайская и др., 2004, с. 137–138, рис. 3
3	Старобельск					+	+		Спицын, 1909, с. 27–28, 43–45, рис. 58–69
4	Балаклея		+			+	+		Сибильов, 1936, табл. V, 7
5	Янчокрак					+	+		Спицын, 1909, с. 28, рис. 80; 81; Гущина, 1969, с. 43–51
6	Булаховка					+			Костенко, 1978, с. 79–86
7	Никополь			+	+				Павлуцкий, 1903, с. 37–40; Ханенко, Ханенко, 1907, с. 10–11, табл. III, 417, 418; Мурзин, Черненко, 1980, с. 155, рис. 1, 1, 4
8	Ногайчинский курган	+	+	+					Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 64, рис. 2, 2–6
9	Снигиревка			+			+		Симоненко, 1982, с. 240, рис. 1, 3, 4
10	Нововасильевка		+	+					Там же, рис. 1, 2
11	Марьевка	+	+	+			+		Raev et alii, 1991, p. 483–488, fig. 22–23, 1
12	Великоплоское	+	+	+			+		Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 148–161, рис. 1
13	Семеновка			+			+		Там же, с. 158, рис. 3; Субботин, Охотников, 1981, с. 111
14	Веселая Долина	+	+	+	+	+	+		Редина, Симоненко, 2002, с. 78–96, рис. 2, 3
15	Тараклия			+					Раск. Е. В. Ярового в 1983 г.
16	Твардица					+			Бейлекчи, 1997, с. 77, рис. 2
17	Бубуечь			+		+	+		Отчет... за 1908 г., 1909, с. 14
18	Брэвичень			+			+		Федоров, 1960, с. 4, рис. 1
19	Бедражий Векъ	+	+	+		+	+		Антипенко, Чирков, 1992, с. 5–6
20	Андрусовка	+	+						Раск. В. И. Ромашко в 1988 г.
21	Богуслав	+	+						Симоненко, 2006, с. 140, рис. 5, 5, 6
22	Усть-Каменка, 24/1	+	+						Костенко, 1993, с. 20, рис. 6, 21
23	38/1	+							Там же, с. 41, рис. 13, 8
24	66/1	+	+						Там же, с. 74, рис. 22, 20
25	Запорожский курган						+		Манцевич, 1976, с. 178, рис. 5

№ п/п	Пункт	1	2	3	4	5	6	7	Библиография
26	Днепрозавод- строй, 29/1	+	+						Симоненко, 2000, с. 133, рис. 2, 2
27	Филия	+	+						Костенко, Чурилова, 1995, с. 160, рис. 2, 6, 7
28	Новогригорьевка		+						Симоненко, 1993, с. 39, рис. 10, 3в
29	Вознесенка	+	+						Михайлов, 1986, с. 85, рис. 4, 9
30	Весняне				+				Simonenko, 1997, S. 395. Abb. 5
31	Козырка				+				Simonenko, 2004, S. 199–227
32	Грушка				+				Гросу, 1986, С. 258–261
33	Казаклия, 10/1				+	+			Агульников, Бубулич, 1999, с. 12, рис. 1
34	Шевченко, 7/1	+	+						Шепко, 1987, с. 167; рис. 8, 4
35	8/1	+							Там же
36	Дружное, м. 3	+							Храпунов, 2002, с.15, рис. 72, 4, 5
37	М. 21	+							Там же, с. 20, рис. 101, 4
38	М. 64	+							Там же, с. 29, рис. 156, 1
39	М. 69	+							Там же, с. 32, рис. 169, 16
40	М. 78	+							Там же, с. 34, рис. 182, 17
41	М. 84	+							Там же, с. 35, рис. 199, 1
42	М. 85	+							Там же, с. 36, рис. 208, 1
43	Нейзац, мог. 4	+							Раск. И. Н. Храпунова в 1997 г.
44	М. 35	+							-»-
45	М. 56	+							-»-
46	М. 64	+							-»-
47	М. 71	+							Раск. И. Н. Храпунова в 1999 г.
48	М. 80	+							-»-
49	М. 101	+							Раск. И. Н. Храпунова в 2000 г.
50	М. 106	+							-»-
51	М. 111	+							-»-
52	М. 148	+							-»-
53	М. 152	+					+		Khrapunov, 2004, p. 188–191, figs. 3–5.
54	М. 155	+							Раск. И. Н. Храпунова в 2001 г.
55	М. 168	+							-»-
56	М. 169	+					+		-»-
57	М. 183	+	+						Раск. И. Н. Храпунова в 2002 г.
58	М. 184	+							-»-
59	М. 194							+	-»-
60	М. 200	+					+	+	-»-
61	М. 219	+							Раск. И. Н. Храпунова в 2003 г.

№ п/п	Пункт	1	2	3	4	5	6	7	Библиография
62	М. 222						+	+	-»-
63	М. 251	+							Раск. И. Н. Храпунова в 2004 г.
64	М. 271	+					+		-»-
65	М. 275	+		+					-»-
66	М. 294	+							-»-
67	Озерное III, м. 1	+							Лобода, 1977, с. 236–252
68	М. 3	+							Там же
69	Скалистое III, м. 28	+					+		Там же
70	Чернореченский мог-к, кон. 2	+							Бабенчиков, 1963, с. 90–123
71	Скл. 4	+	+						Там же
72	Подб. м. 22	+							Там же
73	Мог-к Курчи, 16/1	+						+	Раск. А. В. Гудковой в 1983 г.
74	17/1	+						+	-»-
75	Нагорное, 9/1				+		+		Гудкова, Фокеев, 1984, с. 47, рис. 14
76	12/2	+							Раск. А. В. Гудковой
77	Мог-к Чауш, 5/1	+				+	+		Раск. А. В. Гудковой в 1984 г.
78	Казаклия, 14/1	+					+		Agulnikov, Simonenko, 1993, p. 91–98

1 — удила; 2 — псалии; 3 — налобник; 4 — нагрудник; 5 — фалары; 6 — уздечный набор; 7 — седельное снаряжение.

SUMMARY

The North Pontic region (in parts of present-day Ukraine and Moldova) was one of the areas where Sarmatians, who played a great role in the ancient history of this land, lived.

Sarmatians appeared here in the 2nd century BC and very soon they became a main ethnical and political force. Since that time, the «Sarmatian factor» influenced the future social, economical, and political development of the neighboring lands and peoples.

The ethnopolitical background of the Sarmatian period in the North Pontic area was a complex one. The descendants of the steppe Scythians were concentrated towards the 2nd century BC in three enclaves (that doubtfully had any political connection): on both shores of the Dnieper river, in the Crimean piedmont, and lowlands of the Dniester and Danube rivers. Their culture, the so-called Late Scythian, continued to exist with the neighboring Sarmatians until the middle of the 2nd century AD in the Dnieper and Danube river areas, and until the middle of the 3rd century AD in Crimea. On the right shore of the central Dniester area the neighbors of the Sarmatians from the 2nd century BCE until the end of the 1st century AD were the tribes of the Zarubinskaya culture (the Bastarns). As the Sarmatians moved to the west, at different times they came into contact with Bastarns of the Poenești-Lukashivka culture (at the turn of the millennium), Dacā-Bastarns of the Lipitsa culture (during the second half of the 1st—beginning of the 2nd century AD), and the Germanic people of the Przeworsk and Wielbark cultures (in the 1st–2nd centuries AD). From the middle of the 3rd century AD the neighbors of the Sarmatians was the ethnic and political union of the Goths—the Tcherniakhiv culture. At the same time in

the Crimean piedmont the notable stratum of the Gothic-Alanian cultural monuments of the Ozernoe–Inkerman type was formed. Besides the barbarians, the neighbors and counteragents of the Sarmatians in the North Pontic region were the Greek colonies, such as Tiras, Olbia, Chersonesos, the Bosporan Kingdom.

The Sarmatians' movement westward resulted in clashes with the Roman Empire and for a long time the Sarmatians had become one of the main enemies of Rome.

The highly martial level of the society secured the military and political might of the Sarmatians. As in any nomadic society, military actions played a significant role (perhaps, the main one) and each adult male was a warrior. This is why the main source of the surplus attained by the nomads (and, correspondently, the active enrichment of the nobility) were exploitative activities.

In military art the Sarmatians achieved great success. During the six hundred years of their presence in the North Pontic region, the Sarmatians constantly fought with their neighbors whose territories sooner or later became the aims of their intruding. Almost all ancient authors, who described the Sarmatians, noted their combative character. The archaeological material supports the records: from all territorial and chronological spans, weaponry represents one of the main categories of finds and the burial rite clearly reflects the militarization of the Sarmatian society.

The main sources for the study of Sarmatian warfare are the archaeological materials and textual evidence left by the ancient authors. It is obvious that the best results are provided by the comparative analysis of these two sources that supplement each other.

The primary and more objective category are archaeological materials. We should first consider the weapons: swords, daggers, spearheads and arrowheads, bows, and also helmets, armour, and the horse harness as well. This category also includes images of the Sarmatian arms and armor depicted on frescoes and grave stelae.

The main corpus of archaeological materials related to the Sarmatians of the North Pontic region comes from the cemeteries, both kurgan and ground ones. A part of the objects was found without apparent archaeological context and it is very possible that we are dealing with objects left on the places of ancient battles.

The historical sources written by the Sarmatians' contemporaries are valuable but require careful critical approach. Some chronicles were based on the fragmentary narratives, unverified stories, and quite often they contradict each other and are of fantastic nature.

The current typology of Sarmatian weaponry was offered by A. M. Khazanov (Хазанов, 1971). The types of side-arms were singled out by their pommel shape; arrowheads by the angle between the blade and tang; spearheads by the blade's shape. As a whole, this scheme is still accurate and I follow it in my studies; one more type of swords and daggers could be added to it, namely one with an antenna-pommel that was identified over the last few years.

There are not many studies devoted to the weaponry and warfare of the North Pontic Sarmatians. A brief survey on these subjects was written in 1980s by M. I. Viaz'mitina (Вязьмитина, 1986, p. 217 ff). Not all of the weapons from the Sarmatian graves have been published, only part of the materials is given in works of different scholars (see References). The first monographic study on the weaponry and warfare of the Sarmatians was published by the author in German (Simonenko, 2001). The present book is a significantly revised and updated version of the German edition.

The archaeological data in this book is presented according to the new chronological scheme of the Sarmatian historic and cultural community established in works by C. V. Polin (Полин, 1992), I. I. Marchenko (Марченко, 1996), A. S. Skripkin (Скрипкин, 1990; 1992), I. V. Sergatskov (Сергачков, 2000; 2004), and the author (Симоненко, 1989;

2001; 2004): the Early Sarmatian period (3rd–1st centuries BC), the Middle Sarmatian period (1st — middle of the 2nd century AD), Late Sarmatian period (the second half of the 2nd–4th century AD). The studies showed that in each region, the bearers of the earliest and latest culture lived for some period of time side by side, until the first ones became assimilated by the latter. In the military aspect it was reflected by the coexistence of different types of arms, and at present it does not seem correct to name, for example, the swords of a certain type as a weapon belonging to one culture or another.

Chapter 1 Swords and daggers

1.1. Weapons with the crescent-pommel

In this category 11 items are cited (Appendix 1).

Blades. Scythian, Saurormatian, and Sarmatian swords have two types of blades: ones with parallel edges that narrowed only close to the point and ones that narrowed immediately from the top and forming a triangle-shaped blade. The amount of blades included in the first category is more numerous. Most of the blades are 33,5 to 44 cm long and 4–5 cm wide. All blades have the lens-shaped cross-section; only one from Bolshaia Belozherka has a short lengthwise rib.

Guards. Almost all guards are straight, up to 1 cm wide. Taking into account the corrosion, the original width of such a guard should not be over 0,6–0,8 cm. The item from Ostry has a guard that is slightly wider, 1,7 cm. A guard on the sword from Grishino is arch-shaped. The ends of the guard go beyond the blade on 1–1,5 cm.

Handle. The handle of the majority of the swords and daggers are narrow with rectan-

gular cross-section. Such handles are typical for the late (2nd–1st centuries BC) blades of the Prokhorovka culture (Мошкова, 1963, pl. 19; Зюев, 1998, p. 147, fig. 2). The sword handle from Bolshaya Belozerka is of a rare type, it is wide and flat, and made for the rounded wooden brackets. The length of the handles is almost the same, from 8 cm (Preobrazhenka) to 8,6 cm (Grishino), their width varies from 1, cm to 4 cm.

Pommels. The pommels are quite wide (the span of the quillions goes from 8,5 cm to 12 cm), convex, some of them have bulge ends, with rounded or rectangle cross-sections.

Chronology. The weapons under study date according to the accompanied materials or, when there is none, by the morphological characteristics.

The authors published materials from a kurgan near the village of Ostry identified the sherds as the fragments of the Koss amphorae of the 4th–2nd centuries BC (Зарайская, Привалов, Шенко, 2004, p. 142). Most probably, the neck with two handles belonged to the Rodian amphora of the middle series of the Villanova variant and could be dated to the end of the 3rd — the last quarter of the 3rd century BC (Монахов, 2003, p. 118). It would not be incorrect to date the assemblage from Ostry to the end of the 3rd–2nd century BC and apply this date to the sword.

The morphological characteristics of swords from Bolshaya Belozerka, Terny, and Grishino are typical for the 2nd–1st centuries BC (Полин, Симоненко, 1990, p. 84). The combination of the socketed and tanged arrowheads, Greek red-clay pottery, the bronze fibulae of the Middle-Laten period, as well as the black-glazed, hand-made pottery of the Zarubintsy type date the swords from Vinogradnoe (fig. 4: 2), Sergeevka (fig. 2: 1), Privol'noe (fig. 2: 2) and Preobrazhenka (fig. 4: 3) to the 1st century BC. The daggers from Zhemchuzhnoe (fig. 3: 2) and Khorol (fig. 4: 5) were found along with the hand-made censers of the 2nd–1st centuries BC.

The analyzed weapons have numerous parallels among the contemporary materials of Asian Sarmatia, without any apparent differences.

The rather earlier date could be offered to the sword from Ostry. The site where this sword was found could not be considered within the early Sarmatian materials of the North Pontic region but is closer to the ritual complexes of the north-western Caucasus.

1.2. Weapons with antenna-pommel

Three daggers and one sword of this type of weapons rarely used by the Sarmatian have been uncovered in the North Pontic region (Appendix 2).

Blades have a lens-shaped cross-section and parallel edges. The daggers from Chkalovo and Novolugansk are almost of the same length (30 and 35 cm) and width (3,5 and 4 cm). The dagger from Scythian Neapolis is very small, its blade's length is 15 cm, width 2,7 cm (Колтухов, 1983, p. 232). I would suggest that this particular dagger is a toy or votive object. The blade of the sword of the same type discovered near Smela, the only one found in the region, preserved 10 cm of its length. It is wide (ca. 6 cm) and massive, and its original length was no less than 55–60 cm.

Guard. The guard of the blades has the straight design, its quillions are 0,5–0,7 cm length. Some of the items are lacking this detail (the guards from Novoluganskoe and Chkalovo were disintegrated after the daggers were unearthed).

Handle. All daggers have a flat hilt, rectangle in cross-section. The sword's hilt from Smela is flat and slightly oval in projection (fig. 10). The length of hilts reaches 8–9 cm.

Pommel. This element is the most various in shapes. The similar pommels have daggers from Smela and Scythian Neapolis: volutes twisted in one turn, the ends of the volutes touch one another though the corrosion should

be taken into account. The dagger from Chkalovo has volutes with the sharp ends that twisted in 1,5 turn; the pommel and hilt have a right-angled cross-section.

Chronology and origin. All blades of this type were found in the assemblages of the 1st century BC — 1st century AD.

Besides these articles from the North Pontic region, 12 swords and daggers of a similar type are known from different areas of Sarmatia (fig. 12): Lower Don, North Caucasus, Stavropol region, Kuban river region, Kalmykia, Volga river region, and Bashkortostan.

Weaponry of the Sarmatian time with the antenna-pommel was found in the Oxus temple (Baktria), in the Central Asian nomadic cemeteries, in graves of the Sargatskaya culture in western Siberia, and in the Bulan-Kobinskaya culture of the Altai Mountains.

The reasons and circumstances of the occurrence of this rare type of pommel by the Sarmatians are not clear. The antenna-pommels were popular among the Scythians and Savromatians at the end of the 4th–5th century BC (Мелюкова, 1964, p. 54). After that time they disappeared from all over Eurasia and then reappeared in the 2nd century BC. A. S. Skripkin suggested that the antenna-pommels of the Central Asian nomads' weaponry reflect the influence of the Sarmatian tradition (Скрипкин, 1990, p. 126). This possibility could not be rejected since the numerous swords and daggers with the crescent-pommel were found at the same sites. The chronology for the nomadic cemeteries of Sogdiana and Bactria is poorly defined and are still under discussion (Заднепровский, 1994, p. 55–59; Горбунова, 1994, p. 60). If the proposed date for the cemeteries is correct, it is very possible that the kindred nomads of Central Asia influenced the revival of the antenna-pommel on the Sarmatian weapons. It could be a reflection of the integration of the Central Asian nomadic groups into the Sarmatian environment. The usage of sword with the antenna-pommel by the warriors of Southern Siberia and Altai region

could be explained by the influence of the cultural traditions of the Sarmatian and Central Asian (early Kushan) milieu (Тишкин, Горбунов, 2006, p. 37).

Finally, the simplest explanation is as following: the antenna-pommel could have spontaneously revived under the hands of a blacksmith, who twisted the ends of the crescent-pommel to a volutes to make them look «more beautiful». In this case, it is useless to search the roots of this shape in a specific location, which could be any place where the side-arms with the crescent-pommel were known.

1.3. Weapons with the ring-pommel

The swords and daggers of this type in the North Pontic region are numerous. In the steppe and forest-steppe areas 73 items were found (Appendix 3). The pommels of nineteen daggers are lost but the straight guards, construction of hilts, and composition of the assemblages speaks in the favor of the ring-pommel.

Blade. The blades of the swords and daggers of this type, similarly to the weapon with the sickle pommel, are of two variants: ones with the parallel edges narrowed in the last third of the blade, close to its tip (fig. 15), and ones with the cuts narrowed from the guard that shape the blade into a triangle (fig. 20: 1). The dominant type of blades is the first type, it numbers 51 out of 59.

The daggers' blades are 20–30 cm in length and 3–4 cm in width. The usual swords' length is 35–50 cm. These sizes are typical for such weapons all over the Sarmatian territory (ca. 66% of all finds); it should be noted that the most of the Sarmatian swords with the ring pommel had the same length as the Scythian swords. On the territory in study, there are only four long swords (with the blade over 60 cm). The typical blade's width, similarly to the blades throughout the rest of the Sarmatian territory, is 4 cm.

Guard. Almost all swords and daggers of this time have the straight guard made out

of an iron stripe 1 cm in width. The length of the guard varies from 5 to 7 cm, depending on the blade's width.

Handle. There are two types of hilts: the wide ones, slightly narrowed to the pommel, with an average 3 cm in width, and the narrow ones that have almost the same width, 2–2,5 cm along the entire length.

The hilt of the ceremonial sword from the royal grave near the village of Porohi was covered by wood and red leather on top of it. This hilt was decorated with the stamped plaque shaped as a running lion (fig. 21; 22). Its mane and belly are shown by the relief lines; the tail raised and bent over its back. The hilt's ends near the pommel and guard were cramped with the rectangle fastenings decorated with the heart-shaped inserts of the blue cloisonné (Симоненко, Лобай, 1991, p. 10–11).

Pommel. The typical diameter of the pommel's ring is 5 cm, its cross-section 0,5–1 cm. The pommels are usually round in projection and only four items are oval.

Chronology. Most of the swords and daggers of this type is difficult to date more precisely than to the 1st — first half of the 2nd century BC. The short swords with the ring pommel continued to be in use in the initial phase of the late Sarmatian period (the second half of the 2nd — first half of the 3rd AD), mainly by the Sarmatians on the territory of the modern Moldova, Romania, and Hungary.

The swords and daggers with the ring pommel were used throughout the whole steppe area of the North Pontic region and also included some part of the forest-steppe zone (fig. 26: 1). The relatively equal number of weapons of this type suggests that it was a part of the military equipment of all Sarmatians on the territory in study. Besides that, the swords and daggers with the ring pommel are known from the late Scythian sites and Greek city-states reflecting an influence and partial penetration of the Sarmatian cultural and ethnical elements into the mentioned territories.

1.4. Weapons with the tanged handle

The main characteristic of this type of sword is the long (up to 100 cm) blade converting to the tang-shaped handle forged together with blade. There are 153 known items (Appendix 4).

A. M. Khazanov divided this weapon into five types: type 1 — with guard; type 2 — without guard, the blade smoothly runs into the tang; type 3 — without guard, the blade runs into the tang under the right angle; type 4 — with the welded hilt (this one was divided mistakenly and do not examined here); type 5 — with cuts at the blade's heel (Хазанов, 1971, p. 17).

The swords and daggers of *type 1* in the North Pontic region are rare (Appendix 4). It is the long (1 m) sword from the rich Sarmatian grave near the village of Vesniane (fig. 27: 1) and several daggers from the graves of the late Sarmatian period (2nd — first half of the 3rd century AD) in Moldova and Budzhak.

Swords of *type 2*, with the blade running into the tang under the obtuse angle are the most numerous. Besides the specific angle, they are characterized by the narrow (up to 4,5 cm) and long (70–100 cm) blade. The length of the daggers' blades varies from 21 to 28 cm, with width of 3–3,5 cm (fig. 29: 1). The hilts shaped as tangs were forged together with blades; their length varies from 8 cm to 14–15 cm.

The swords of *type 3* — with blades running into the tangs under the right angle have the long (up to 90 cm) and wide (up to 6 cm) blades (fig. 32). Most of these swords were found in the cemeteries of piedmont Crimea and few of them in the steppes (Mospinskaya mine, Kurchi, Gradeshka, Bursucheni).

The distinctive feature of swords of the type 1 and 2 is the pommel made out of different stones, and non-ferrous and precious metals (fig. 31). In the North Pontic region they were found in Belolesie, 3/9, Mayaki, 2/3, Neshcheretove, Gradeshka, 9/1. Loca-

tions of the mentioned pommels on the area from Kazakhstan to Hungary and their representations indicated that this tradition has Chinese-Central Asian roots.

The short swords or daggers of *type 5* have two (in rare cases three or four) cuts on the blade beneath the hilt. They are known in the North Caucasus, Crimea, Dnieper region, Moldova, Romania, and Hungary (Soupault, 1996, p. 60–72). In several cases they were found together with the long swords of type 3. The swords of type 5 are numerous in the Late-Alanic crypts of Crimea and in the cemeteries of Druzhnoe, Suvorovo, and Kilenbalka they are the only type of side-arms. The average length of the blade for type 5 is 40 cm, width 5 cm. The blades with the length 50 cm and over are rare. The side cuts on the blade, that are atypical feature for this type of weapon, served for the fixation of belts used for the wrapping of the wooden cover plates of the handle (fig. 34).

In Porohi, a one-edged sword was found, the only find of such a kind among the goods in the numerous military Sarmatian graves of the North Pontic region (fig. 35). It points out that the Sarmatians did not use the battle knives. On the other hand, in the early Iron Age the battle knives were typical among Western and Central European weaponry. Despite the lack of direct parallels, it is possible to connect the dagger from Porohi with a European tradition.

Chronology and origin. The swords of type 1 are grouping in three horizons. To the early one (2nd–1st century BC) belong the weapons of Chinese origin with the bronze guards. In Central Asia this kind of weapon connects to the retreat into the region of the Yuech-Chihs who were pushed there by the Hsiung-nu in the middle of the 2nd century BC. The Yuech-Chihs and Hu-sungs introduced this weapon to the Sarmatians (Скрипкин, 2000, p. 27–29). A. M. Khazanov was right when he wrote that type 1 was formed as early as the early Sarmatian period (Хазанов, 1971, p. 19). We can only add that it was formed after the weapon's

prototypes of the Chinese origin and under its direct influence.

The Oriental swords of type 1 continued to be in use by the Sarmatians during the middle Sarmatian period (1st — middle 2nd AD) as well creating the second chronological horizon. The sword from Vesniane dated to the last quarter of the 1st century AD belongs to this horizon.

The swords of type 1 of the third (the latest) horizon sometimes had the jade guard and scabbard slides. This tradition was born in China and the Sarmatians got them either directly from there or, from Central Asia. Thus, the swords of type 1 are more likely not of Sarmatian origin.

The long swords of type 2 were in use in the North Pontic region in the 1st — beginning of the 2nd century AD. In the first phase of the late Sarmatian period (second half of the 2nd — first half of the 3rd century AD) they become the main weapon of the Sarmatian warriors.

The dominant number of the blade weapon of the type 3 was found in the graves of the second half of the 3rd–4th centuries AD. The blade running into the tang under the right angle characterizes them. This feature is well known on the weapon from the Gothic assemblages of the Przeworsk and Wielbark cultures of the Imperial period. It appeared as a hybrid of the Laten and Roman weapon traditions (Biborski, 1978, S. 53–65).

The swords of type 3 are concentrated in Crimea, on the sites of the Ozernoe–Inkerman type that were left by the Latest Alans. In the second half of the 3rd century AD two more traditions had met on this territory in the making of the long swords: the Sarmatian and Gothic traditions. The swords of type 3 came as the result of the symbiosis of two morphologically similar models combined Roman-Gothic and Sarmatian features.

The daggers with cuts of type 5 are unknown in the assemblages dated earlier than the 4th century AD (Soupault, 1996, p. 72) and in the North Caucasus this weapon continued to be in use until the 7th century.

Chapter 2

Spears and javelins

2.1. Spears (lances)

Judging on the literary sources and representations, the spear was the one of the principal types of weaponry. Spearheads are rare in the Sarmatian graves (Appendix 5), and as a ground for the typology the shape and proportions of the blade and socket were used.

Type 1. These are spears with a short leaf-shaped blade and a long socket. The blade has a diamond cross-section, with rib, 14 and 10 cm length, 2–4 cm width. The length of the socket varies insignificantly (23–26 cm) and comprises 2/3 of the spearhead's length (fig. 45).

The spearheads of type 1 originated in the Kuban river region. The early Sarmatians of the Ural piedmont and the Volga river regions did not have such spearheads. In the North Pontic region, the spearheads of type 1 were found in so-called «strange assemblages» left, most likely, by the migrants from the Kuban river region.

Type 2. Spearheads with the long leaf-shaped blade. These spearheads have the maximum width in the bottom part, just after the socket. They are divided into two variants by the length of the socket: 2a and 2b. The 2a variant has the long socket that reaches up to the half of the socket's length. The blade has the diamond cross-section and a low central rib. The length of the blade has 20–25 cm, its width up to 2,5 cm, the length of the socket from 16 to 20,5 cm (fig. 47).

The spearheads were also found in the «strange assemblages» and, probably, originated in the Kuban river region. It is interesting to note that the spearheads of type 1 and type 2a are always found in pairs, presenting, as would be, the required set of the weapon.

Type 2b presents the spearheads of the medium length that comprise up to 1/3 of the spearhead's length. All explored articles have the lens-shaped cross-section and lack the rib.

The blade's length varies from 20 to 25 cm, width from 3 to 4 cm, and the length of socket is 9–10 cm (fig. 49: 1–4).

The spearheads of this variant found in the North Pontic region do not show any specific local features and are identical to the items of this type known all over the Sarmatian territory.

Type 3. Spearheads with the laurel-shaped blade and socket of the medium length. This weapon is characterized by the symmetrical blade that gradually runs from the socket; its maximum width comes in the middle. All analyzed items have the lens-shaped cross-section and do not have the rib. The average length of the blade is 20–25 cm, average width 3–4 cm (fig. 49: 5–7).

Type 4. Spearheads with the circle (?) cross-section that runs into the conical socket. Two of them were found in tombs 58 and 59 of the Druzhnoe cemetery. Corrosion does not let us say for sure, but it is possible that originally the spearheads had the diamond cross-section; it is as though it were visible on a sword from the tomb 58 (fig. 49: 8–11).

2.2. Javelins

This weapon, so popular among the Scythians and Sauromatians, was practically not used by the Sarmatians. The reason for this could lay in the change of the fighting tactic: instead of approaching the enemy lines and throwing the spears and darts, as did the Scythians, the Sarmatians attacked the enemy formation with the spear assault.

A ten-centimeter fragment of the triangular blade of an iron dart was found in Velikoploskoe (fig. 50: 1). Its appearance resembles the Scythian spearheads of the 4th century BC but is atypical for Sarmatian weapons. This type of javelins, disappeared in the North Pontic region together with the Scythians, was used by the Maeotians in the Kuban river region.

In the Porohi tomb, near the arrowheads (originally in the quiver?) was found a small

socketed iron javelin head with a leaf blade. Its length could be reconstructed up to 10 cm, with the length of socket 3,8 cm (fig. 53: 1). This item closely resembles the «sulitsa» of the Middle Ages. Different types of such javelins were in a great use during the Migration Period. Probably, they came to use dawn to the Sarmatian time.

2.3. Chronology

The spearheads from the North Pontic region are significant in terms of their dating. The spearheads of type 1 and type 2a and javelinheads with triangular cuts were found only in the «strange assemblages» of the early Sarmatian period (2nd–1st centuries BC). The parallels to them from the Kuban river region, together with some other characteristics, once more suggest that the «strange assemblages» that included the mentioned spearheads, should be connected to the Kuban river region.

The spearheads of type 2b appeared in the early Sarmatian period in the first time but were in use even later. The spearheads of type 3 are synchronous to them: they were found in graves dated as to the early Sarmatian as well as to the middle Sarmatian periods. The spearheads of the types 3 and 4 from Druzhnoe and Neizats are the latest ones. They came from the multi-skeleton crypts of the 4th century AD, where the last burials were made at the end of that century (Храпунов, 2002, p. 70).

The «sulitsa» head from Porohi is dated, similarly to the whole assemblage, to the last quarter of the 1st century AD.

2.4. To the discussion on the long Sarmatian spears

The present archaeological materials do not provide evidence on the length of the Sarmatian spears. An opinion on the extra long, up to 4,5 m Sarmatian spears (see Блатский, 1954, p. 117; Хазанов, 1971, p. 182; the other

scholars followed their view to a different degree) is based on the one expressed by M. I. Rostovtsev (Ростовцев, 1914, p. 330–331). M. I. Rostovtsev relied on the representations of spears on the frescos and reliefs from Pantikapeus, but do we have any assurance that this was not an artist's imagination at work? Paintings in the Pantikapeus crypts are schematic and it is unlikely the correlation between the spear's length and the size of the horseman, reflected the real proportions.

Still in 1986 I made an attempt to reconstruct the length of the Sarmatian spears according to the position of the spearhead in the grave and grave's size. The results turned out very interesting and even surprising. In the cases, when the spearheads were found *in situ*, almost all of them were placed not along the long axis of the grave (e.g. as if the whole spear would be put in the grave) but in different places: near the palms, along the hand or leg, near the pelvis, behind the head or feet, perpendicularly to the grave, or in the corner of the grave among the other goods.

Thus, in the most cases, the position of the spearhead in the Sarmatian tombs shows that the Sarmatians did not have a custom to place the whole spear in parallel to the deceased, as did the Scythians. Most likely, the Sarmatians broke the spears before putting them in a grave; they practiced a custom of intentional damage to the burial goods.

Having the only partially preserved objects, I cannot make a final decision on the length of the Sarmatian spears. However, taking into account the size of the graves where the unbroken the spears were found, it is possible to suggest that they did not exceed 2,5 m. The longest Scythian spears reached 3,1–3,2 m (Черненко, 1984, p. 234). I do not have any grounds to consider the bigger length of the Sarmatian spears.

Markus Junkelmann, who experimented with weaponry of the Late Roman types, claims that the spear longer than 4,5 m becomes unmanageable (Junkelmann, 1992, S. 146).

Spears of the Polish Winged Hussars of the 17th century reached 4 m (Żygulski, 1982, p. 270–271). Spears of the European light cavalry of the 19th century were less than 3 m, and the French and English cuirassiers used the slightly longer spears, up to 3,3 m long. In the beginning of the 20th century the military regulations for the Cossacks of Don and Kuban (whose cavalry more closely resembled the Sarmatians' mounted forces with its weaponry and tactics) set the spear's length as 3,15 m.

It is unlikely that the length of the Sarmatian spears exceeded 2,5 m. Perhaps, the spears of the cataphractarii (e.g. a weapon for the mounted attack) was 3 m in length, but this assumption is purely theoretical and has not been supported by any evidence. We cannot use representations of the Bosporian tombs, the grave stele, and other iconographic sources for the calculation of the length of the Sarmatian spears because they show the deformed proportions of the horseman and spear.

2.5. «Two-handed grasp» — a historical reality of historiographical myth?

There is an opinion (after V. D. Blavatski) that the so-called Sarmatian seat was an important feature of the Sarmatian horseman that made them «unconquerable» (for the bibliography see: Перевалов, 1999, p. 75–76). This opinion was based on a fact that during the Sarmatian time **a new artistic canon** came to light (somehow this important fact is not taken into account) that coincided with the time (this is also often left unmentioned) when the heavy Sarmatian cavalry became noticed by classical historians. As a result, a historiographical myth was born: the main difference between the heavy Sarmatian and the Scythian cavalries was that Sarmatian cavalry attacked with the close lines and its horsemen assaulted the enemy leaving the reins when holding the spears in both hands.

First of all, the cavalry (and the heavy cavalry even more) always attacked with closed lines (in different degrees), since the other way had not only a little effect in a battle but was even useless. Besides the physical force of the assault, the cavalry attack had a psychological purpose. The site of an avalanche of stampeding horses, the thunder of hooves, bared teeth and the loud panting of beasts, and the upraised blades of horsemen horrorstruck the opposing infantry. Thus, the Sarmatians were not the first in the Eurasian steppes who used the cavalry attack with closed lines.

Two other components of the «Sarmatian seat», the grasp of spear with two hands and the given rein during the attack, are absolutely not real. During galloping, and the maneuvering especially, must be the constant contact of the horse and horseman's hand. It provides the horse's balance at the back, shifting the center of the animal's gravity closer to the center of body. It eases the instant stops, turns, rounds, pirouettes, and other maneuvers in the mounted charge in the move up to 30 km per hour. Besides that, the support of the rein is the only way to prevent a fall over the head, if it stables moving over rough ground. It does not mean that the horseman has to rein in all time: during free movement (on a march, for example), a rider gives the rein, to let the horse rest. However, to attack and slash with a spear without reins is very risky because the horse becomes unmanageable that could lead to the serious accidents.

Directly with the necessity to rein in connects the spear's slash. Experiments made with a copy of the Macedonian sarissa (Markle, 1977) and Late Roman kontos (Junkelmann, 1992, S. 144) showed that the long spear (up to 4,5 m) could be successfully used only holding it under the armpit with one hand and holding the rein with the other hand. The latter possibility is excluded and the slash could not be made while grasping the spear with two hands. According to M. Markle, during

the attack at the full gallop, it was not necessary to hold the sarissa firmly, since the slash gained strength due to the horse's speed and mass. After the charge, the rider threw sarissa away and drew out the blade. M. Junkelmann assured that it is not difficult to use a weapon of the sarissa's type at a gallop if holding it in the middle of the shaft with the right hand and the rein with the left hand (Junkelmann, 1992, S. 144). The rider cannot hold the weapon's recoil; rather the horse takes the brunt of it, kept balanced with the help of the rein on the croup. Otherwise, when the rein is abandoned and the rider holds the spear with both hands turning the torso he will fall out of the saddle (fig. 56).

Examples of the spear's usage during the battle in the recent times (by Lancers, Hussars, and Cossacks) showed that often, after the first thrust the lance stayed in the body of an enemy, and the horseman drew his sword (compare this with the opinion of M. Markle on the usage of the sarissa). V. Littauer, who undoubtedly knew the subject well, wrote: «Only ... those who would form the first line... carried lances. In a charge at full gallop the lances were intended only for the first shock; *once they hit (or pierced) the enemy they had to be dropped, otherwise the force of the impact would have dislocated the lancer's shoulder. As soon as he had dropped his lance he drew his sword*» (highlighted by yours truly. — A. S.)» (Littauer, 1993, p. 116).

The «Sarmatian seat» was created after the paintings of the Bosporian crypts and grave stelae of Roman times. The representations on them were made according to the so-called frontal canon (фон Галль, 1997, p. 177). Until the end of the Hellenistic period in the classical art had dominated the Greek-profile canon and the front side appeared in Palmyra and Syria at the end of the 1st century BC but wide distribution of it appeared in the 1st century AD.

In this canon everything is relative, from the representation of the horse to representa-

tion of the rider. The pose in which the galloping horse is depicted does not exist in reality. The central figure was a horseman, represented enface, in the majestic turn of his body, with a spear in both hands. It was required by the composition; and the composition dictated to depict the rein abandoned. It is notable that in the few known representations that are not connected to the classical canons (graffiti from Dura-Europos and Ilurat, the plaque from the Orlat cemetery) the horsemen holds the spear with one hand and the rein with the other. Especially representative is the plaque from Orlat (fig. 64).

I doubt the existence of the «Sarmatian seat», as V. D. Blavatski, A. M. Khazanov, and S. M. Perevalov have explained it. It goes from its physical and dynamical incompatibilities that were tested not only in field experiments but during the centuries-old experience in the spear's use. Besides that, the primary iconographical sources for the reconstruction are not totally correct.

Chapter 3 Bows and arrows

3.1. Bow

In the North Pontic region, as in the other Sarmatian territories, findings of bows are rare. The bows of the Scythian type were found in kurgan 8 of the Akkermen'-II cemetery (Вязьмітіна та ін., 1961, p. 103) and in the grave dated to the end of the 1st century AD near the village of Vesniane, Nikolaev district (Simonenko, 1997, S. 392). The only bow of the «Hunic» type was found in a kurgan near the village of Porohi (Симоненко, Лобай, 1984, p. 12–14). Judging on the arrangement of the bone plaques, its length in the released state reached approximately 120 cm.

Parallels to the bone plaques were found in the Sarmatian graves of the Volga river region and Kalmykia, as well as in the Hsiung-

nu assemblages of Mongolia, Tuva, Minusinsk Depression, and the Transbaikial area (Худяков, 1986, p. 26 сл.).

The Sarmatians began to use the powerful bows of the so-called «Hunic» type, reinforced with the bone plates, in the 1st century AD. These bows had greater length, longer range and were more effective than the «Scythian» type bows. The earliest finds of parts of the «Hunic» bows in the Sarmatian graves are dated to the second half of the 1st century AD. Besides Porohi, the plates were found in the Ust'-Labinskaja, 29/1 and the Suslovsky cemetery, 51/1. On the other hand, most of the Sarmatian arrowheads of the 1st–3rd centuries AD have the same length and weight as the Scythian ones. It means that the majority of the Sarmatian warriors used the bows of the «Scythian» type and the Sarmatians sometimes got the «Hunic» bows as trophies or gifts. During the 1st–4th centuries AD, the «Hunic» bows gradually pushed the «Scythian» ones out of the entire steppe region.

3.2. Arrowheads

The arrowheads from the territory under study could be classified into the groups according to the way of its joining with the shaft, and classified further into types based on the angle between the blade and tang. All arrowheads were made out of iron.

Group 1. Socketed arrowheads.

Type 1. Arrowheads with a three-blade head and long socket (fig. 67: 1–4).

Type 2. Arrowheads with a tetrahedral pyramid-shaped head and long socket (fig. 67: 5).

Type 3. Arrowheads with an asymmetrical lozenge head (fig. 67: 6).

The arrowheads of type 1 have the numerous parallels in the Sarmatian assemblages of Eurasia from the 2nd–1st centuries BC. An arrowhead of type 2 was found together with the socketed arrowheads of type 1 and a tanged arrowhead of type 2. This arrowhead is unique to the North Pontic region.

Group 2. The tanged arrowheads.

Type 1. Arrowheads with blades cut under an acute angle (fig. 68: 1). The arrowheads of type 1 are rare among the Sarmatian finds (Хазанов, 1971, p. 38) but are common for the weapons of Central Asia where they appear in the 3rd–2nd century BC and continued to be in use until the 3rd century AD (Литвинский, 1965, p. 78, 81).

Type 2. Arrowheads with wings cut under the right angle (fig. 67: 7–16). These arrowheads were dominant all over Sarmatia, including the area in study. The length of the head varies from 3,5 to 1,5 cm, and width, from 1,3 to 1 cm. The blades are as a rule, shaped straight, sometimes, slightly oval.

Type 3. Arrowheads with blades cut under an obtuse angle (fig. 67: 17). The triangle blades cut under the obtuse angle shaping the arrowhead into an irregular lozenge.

Type 4. Arrowheads with blades cut under an obtuse angle and cylindrical muff on the tang (fig. 68: 3). There are not many of these arrowheads known in Sarmatian quivers. More likely, similar to the arrowheads of type 1, they have the eastern origin. The arrowheads of this type were found in Central Asia and dated to the turn of the millennium — first centuries AD (Литвинский, 1965, p. 82, pl. 7: 11, 12).

Type 5. Tier arrowheads (fig. 68: 4). This type was absolutely unknown among the Sarmatians but was common for the weapons of the Hsiung-nu/Hunns (Засецкая, 1983, p. 82). The arrowheads appear in Mongolia and the Transbaikial region at the end of the 2nd–1st century BC becoming one of the main types for the Hunnic arrowheads. Our specimens resembles some arrowheads of the Tuva and Transbaikial areas but is smaller in size (Худяков, 1986, p. 32, pl. 5: 14, 16, 26).

Type 6. Tetrahedral pyramid-shaped (fig. 68: 5). These arrowheads were also unknown among the Sarmatians and in general are rare in the first centuries AD. The Hsiung-

nu used mostly the tri-winged arrowheads, as the peoples of Central Asia did.

Type 7. Flat arrowheads (fig. 68: 6). The only one arrowhead is known so far and I could not find a parallel to it. It is very possible that it was a replica of the bone arrowheads widely used in Eurasia.

Thus, the Sarmatian arrowheads of the North Pontic region were dominated by the arrowheads with the head length of 2,5–3,5 cm, e.g. by length corresponding to the main mass of the Scythian arrowheads. They were composed of the quivers sets, as well as found as single or paired items. There are only few quiver sets in the North Pontic region (Vesniane — ca 200 items; Novoluganskoe — 82 items; Novofilippovka, 2/1 — 60 items; Porohi — 32 items; Ust'-Kamenka 14/4 — 21 items). As a rule, the number of arrowheads in a given grave ranges from one to seven.

3.3. Arrow shafts

Arrow shafts in the Sarmatian graves of the North Pontic region, similar to the more eastern territories, preserve very rarely. They are of one type, with a length ca 50 cm, diameter up to 0,5 cm and with «eyes» for the string. In the Vinogradnoe the arrows were painted red; in the Vesniane the arrow shaft had a blue mark at the arrowhead and a red mark at the «eye».

3.4. Quivers

Quivers in the North Pontic region were found in six sites. They are reconstructed as a cylindrical case with oval or flat bottom. The main material for quivers was either tree bark or wood. In many cases the quivers were covered by leather painted in one (more often in red) or several colors.

3.5. Accessories for release

In the graves near Porohi and nearby Pisarevka (the second half of the 1st — beginning of the 2nd century AD), the gold plaque

for defending the wrist from the string's stroke (fig. 70) and bronze finger-ring for the «Mongolian» release (fig. 71) were found. The plaque from Porohi is unique to the Sarmatians; rings are known in the Middle Ages but in the first time it was found in the Sarmatian grave. The similar ring is depicted in the graffiti from Dura-Europos where it attached to the quiver (Хазанов, 1971, p. 43). Also in Dura-Europos, in 1929 was found a half of the bone ring for the «Mongolian» release (James, 1987, p. 78, figs. 1; 2).

The jade rings for the release appeared in China during the Han period. From there, the «Mongolian» release was introduced to Central Asia and to the Sarmatians. Here again, as it was in situations with the swords of the type 1, jade scabbard slides and guards, «Hunnic» bow, and arrows, we trace the chain of connections: China — Hsiung-nu — Central Asia — Sarmatians.

3.6. Chronology of the arrowheads

The earliest types of the arrowheads are the socketed ones. The assemblages from Kvashino and Aleksandrovsk with such arrowheads are dated to the 2nd–1st centuries BC (Полин, Симоненко, 1990, p. 87), and from Vinogradnoe — to the 1st century BC (Симоненко, 1991, p. 24).

Most of the tanged arrowheads are dated to the 1st century AD. It is interesting to note that the Late Sarmatian assemblages, beginning from the second half of the 2nd century AD do not include the arrowheads. An explanation of it could be seen in the change of the burial rite, when the arrows ceased to be a part of burial goods of the deceased warriors.

The socketed arrowheads were found on the left bank of the Dnieper river where the early Sarmatian graves are concentrated; the tanged arrowheads are widely and evenly distributed throughout the steppe and partially forest-steppe zone of the North Pontic region (fig. 64: 2).

This topography shows, in the first place, the popularity of the bow among the Sarmatian tribes of the region and the typological similarity of this weapon type all over the Sarmatian territory.

Chapter 4

The armour

In this chapter the armour found in all Sarmatian regions, is analyzed. It is necessary, at least, to understand the reason of the lack of Sarmatian armour on the territory of the present-day Ukraine and Moldova.

In contrast to the Scythian armour, a lot of which was found *in situ*, almost all Sarmatian armours came from robbed tombs, were broken. There are only samples of scales and plates; in rare cases the fragments of the sets that could be used as a ground for reconstructions were preserved. In the absence of the material objects, the scarce evidence in the written sources and image representations are especially important.

4.1. Armour

Armour from the Sarmatian graves could be divided into five types: scale, combined, lamellar, mail, and cuirass.

The scale armour is typical for the Scythians of the 7th–6th centuries BC and also known from a few Sauromatian graves, were later used by the Sarmatians in the 2nd–1st centuries BC.

The iron scales, as a rule, are rectangular with rounded lower edge, their size varies from 4 × 2,5 cm to 6 × 5 cm. Besides the size, the scales differ from the Scythian's by the arrangement of the holes: two or three pairs of holes run along the top edge, one beneath another (fig. 73: 1, 2).

There are two types of bronze scales that came from the Grushevskaya: curved scales with a triangular lower edge and the straight

top edge bent outward; the rectangular long plates (fig. 74). Based on the parallels, this Syrian or Egyptian armours of the 8th–7th centuries BC was, more likely, sized by the Sarmatians somewhere in Asia Minor at the time of the Mithridate wars or raids of Pharnaces.

The representations of the Sarmatians wearing the scale armour are very sketchy (Trojanus's Column) and of a much later date (Triphons' relief, the Arch of Galerius) than armours from the Sarmatian graves. In general, the Roman representations of the barbarians show the simple scale armour. Meanwhile, archaeological materials indicated that beginning from the 1st century AD the scale armour were not used by any barbarian tribes, neither enemies nor allies of the Empire. In my opinion, the code «a warrior in scale armour is a barbarian» was formed in Roman iconography, and reliefs of classical times used as a source for reconstruction of the Sarmatian armour should be used with cautious.

The scale armour were found in the regions of Volga and Lower Don rivers and are not known from the early Sarmatians graves in the Ural piedmont, Kuban river region, and Ukraine.

The combined armour was made out of three components: mail, plates, and scales.

In the graves near of Zubov farm and stanitsa Vozdvizhenskaya in the Trans-Kuban area, the cemeteries Vysochino in the Lower Don region, and Nikol'skoe in the Volga river region were found the rectangular iron and bronze scales with the rounded lower edge and central vertical rib (fig. 76). In the top corners pairs of the vertically arranged holes were made. The closest parallels to such scales could be found among the partially preserved armour at the sites of former Roman camps in Great Britain and continental Europe. The Romans called this type of armour «lorica plumata» and it was borrowed by them from the Near East (Simonenko, 2001, S. 272). The armour from graves near

Vozdvizhenskaya and Zubov dated to the end of the 1st century BC were, more likely, the trophies seized during the raid into Asia Minor in the years of 48–47 BC by the Siracians, the allies of Pharnaces Borporan.

It is possible that the numerous iron, sometimes, gilded rectangle scales belonged to the combined armour. Only one edge is varied (judging on the arrangement of holes, it was the lower edge): in one case it was triangular and in another case it was rounded and straight. The holes were arranged in the vertical pairs on the top and middle part of a scale.

The direct parallels to these scales are among the finds dated to the second half of the 1st–2nd centuries AD from the Roman campuses of Central and Western Europe (Robinson, 1975, p. 154, pl. 159). If we take into account that the main forces of the Roman armored cavalry consisted of auxiliarii from the eastern provinces (including the Sarmatians), it is possible to assume that they wore the armour, the remains of which were found in the camps. In 175 AD during the reign of Marcus Aurelius, after the Marcomannic war, eight thousand Sarmatian warriors were accepted in the emperor's army and 5,5 thousand of them were redispensed from Pannonia to Britain. The Sarmatian cataphractarii depicted on the Arch of Galerius in Thessalonica served in his army.

One more type of scales from combined armour is of a small size (1 x 0,7 cm), with a straight top edge, triangular low edge, and hemispherical projection in the centre. Two holes are at the top corners (fig. 81: 5). Being sewed to the leather base, these scales made the beautiful honeycomb décor with a relief surface (fig. 80: 1). Besides the small-sized scales, the set also included a large and narrow curved plates with vertical rim (fig. 81: 2). Almost all the elements of this armour could be found in the harness in the Dura-Europos graffiti depicting a Parthian clibanarius (fig. 89: 1). The assemblages with the remains of similar armour are dated to the second half

of the 1st — first half of the 2nd centuries AD (Гушина, Засецкая, 1994, p. 37).

Lamellar armour is also known to be from Sarmatian graves. It has a short and long plates of different shape, with either a horizontal or circular hole in the middle of the short side (this hole is always present on the plates) and several pairs of holes along the long side (fig. 90; 91).

The lamellar armour was not typical for Europe but common in Central Asia, and in China, Japan, and Korea was in use until the 19th century. Armour, very similar to the ones found in the Kuban river region, came from the graves of the Sargatskaya culture (fig. 95), Hsiung-nu, Kang-Hu, and Xsiang-bei graves. They were also present among the armours' details of their settled neighbors in Bactria and China (fig. 91). Most likely, at that time there was a common model of the lamellar armour, with specific features for the different neighboring groups. Of course, we cannot exclude the borrowing of an idea and/or getting them as trophies.

Lamellar armour from the Sarmatian graves constitute one more link of a chain connecting the origin of the Sarmatians with Inner Asia.

The mail were found in almost all graves with combined armour. The analyzed fragments were weaved out of small iron rings with up to 1 cm in diameter. Each ring was joined to the four others. All fragments had a great degree of corrosion and it makes it difficult to trace the small details of the rings' construction.

The earliest Sarmatian mails were found in graves dated to the end of the 1st century BC (stanitsa Vozdvizhenskaia, Zubov farm).

Cuirasses were discovered from the 1st Prokhorovka kurgan and from the Berdianka cemetery in the South Ural region. Both of them were made from iron and so constructively close (fig. 102) that it could be suggested that they were made in the same workshop (Зубов, 2000, p. 314). The graves are dated to the end of the 2nd–1st century BC.

The leather armour. Written sources record the leather and horn armour used by the Sarmatians (Strabo, VII, 3; Paus., Ell., I, 21, 5). Tacitus noted, that Sarmatians made their armour out from iron scales or extremely hard leather (Tac., Hist., I, 79).

Miscellaneous and rich goods were placed in about 70% graves with the iron armour. It included objects made out of precious metals and stones, expensive imported silver, bronze, and glass vessels; the armour itself, in some cases gilded, were very valuable. Thus, only an affluent group of population could afford the metal armour.

4.2. Helmets

The Sarmatian helmets of Eurasia came in different types: pseudo-Attic, Celtic, Pilos, Montefortino, Imperial-Gallic (according to the Robinson's classification), and framed. The separate group includes local helmets that copied the classical types, and also helmets of a type which could not be established.

Seven helmets were found in the North Pontic region, two pseudo-Attic type and five Montefortino type.

Pseudo-Attic helmets were in the stray finds near the villages of Bubueici (Moldova) and Kamenka-Dneprovskaja (fig. 105–108). This type of helmet was in use from the end of the 4th century to the middle of the 2nd century BC (Waurick, 1989, S. 170). Assemblages where the helmets were found are dated to the time of the Mithridate wars.

Helmets of the **Montefortino type**. There are five helmets of this type from the North Pontic area (Veselaya Dolina, Marievka, Belen'koe, Privillia, Melitopol). The crest-knob and decoration of the helmets are typical for the B-Robinson (D-Coarelli) type. The calotte constitutes something in-between the A- and B-Robinson and C- and D-Coarelli types (fig. 120), and in **all characteristics** it does not have exact parallels in classifications of Robinson and Coarelli.

Similar helmets are well-known in the Iberian Peninsula; the articles found in the archaeological context are dated to the 3rd–1st centuries BC (Múzquiz, 1993, p. 124, fig. 35).

The Eastern European assemblages with helmets of the Montefortino type include the objects dated from 2nd–1st century BC and, most likely, could be connected to the Mithridate wars. This explanation is supported by the striking typological similarity of the North Pontic helmets (that could be a one-time «batch»), and, at the same time, by their close resemblance to the Spanish helmets. It is known that the Mithridate army was re-equipped by the officers sent from Spain by Sertorius who revolted against Pompeus. Of course, it is only one of the explanations but very possible that the Sarmatians, the allies of Mithridate, got the old Spanish helmets from him.

4.3. Shields

The Roxolans' shields, made of weaved rods and covered by leather, are mentioned by Strabo (Strabo, VII, 3). However, Tacitus describing the Sarmatian warriors noted that they have no habit to protect themselves by a shield (Tac., Ann., I, 79). In any case, the excavated shields are practically unknown.

A bronze convex, egg-shaped plaque of 60 × 42 cm, 9 cm height (fig. 121: 1) found in a «strange assemblage» near Velikoploskoe is considered a piece of shield binding (Дзис-Райко, Сунчук, 1984, p. 154–155). However, its small size suggests that the object, more likely, was a shield's model, e.g. a votive for the offering.

The iron shield-bosses of the Germanic shields (fig. 121a) of types K1, K2 и D after N. Zielsing were found in Crimea and Budzhak. These types of shields were used in 180–350 AD by all Germanic warriors and the Sarmatians got them from the neighboring Goths.

Chapter 5

Horse harness

The horse harness has been analyzed according to its functional characteristic: bits, check-pieces, bridle decorations, check-plates, frontlets, phalerae, breastgirth decorations, and saddles.

5.1. Bits

All bits found in the North Pontic area were made of iron, they are two-pieced, the mouthpieces ends twisted into loops. The mouthpieces are straight, with mainly a round or rarely square cross-section. The distinctive feature of the early bits (2nd–1st centuries BC) are the «twisted» mouthpieces. In some graves of the Middle Sarmatian period, whole and fragmented bits with mouthpieces that had a plain, round, or square cross-section were found (fig. 125). In the cemeteries of Budzhak (Chaush, Kurchi, Kubei) and Crimean piedmont (Neisats, Druzhnoe, Chernorechenskiy, Ozerne) dated to the latest period, bits of the modern type with large moveable rings are a common find (fig. 126).

The bits of the Early Sarmatian period with twisted mouthpieces often have the cross-like washers at the ends. They exerted pressure on the corners of the horse's mouth intensifying the pain. Almost all of these bits were found in «strange assemblages». They constitute the memorial offerings with the standard set of the warrior's harness. The closest parallels to the bits with the cross-like washers were found in the Kuban river region and dated to the beginning of the 1st century BC.

5.2. Check-pieces

According to their shape, the check-pieces could be divided into several types.

Type 1. C-shaped check-pieces of several variants:

1.1 — with spherical or rounded-biconical ends (fig. 124: 1, 2).

1.2 — with zoomorphic ends (fig. 122: 4; 134: 3).

1.3 — with widening ends (fig. 123: 4; 124: 3).

Type 2. «Eye-glass»-shaped (fig. 136). The ends of the strait rod of the iron check-piece ends with the rings.

Type 3. Wheel-shaped (fig. 125: 1).

Type 4. X-shaped (fig. 125: 3).

Type 5. Straight.

Chronology. The earliest check-pieces are of the different variants of the C-shaped ones. Almost all of them were found in the «strange assemblages» of the 2nd–1st century BC. The «eye-glass»-shaped check-pieces were used by Sarmatians and their neighbors in the 1st–2nd centuries AD (the cemeteries of Nikolsky and Valovy, the Andreevsky kurgan). The wheel-shaped check-pieces appeared in the North Caucasus in the 1st century BC (Мартченко, 1996, p. 76). The X-shaped check-pieces were found in the grave of the second half of the 1st century AD and so far there are no parallels to them. The straight check-pieces of the North Pontic region were found in the graves of the Middle and Late Sarmatian periods for which they were typical.

5.3. Bridle decorations

The function of these objects is determined according to their shaped and arrangement of holes for straps.

Ring-shaped plates (fig. 123: 6, 7; 138: 3, 4). Their shape resembles the Scythian rings of the 4th century BC.

Roundels with masks (fig. 143; 144). In the center of a plate there is an enface relief representation of a human head.

Roundels with a loop on reverse (fig. 146; 147).

Box-shaped oval plates of two variants:

a) with four slits for straps arranged crosswise (5 items);

b) with two slits arranged along the long axis of a plate (4 items);

The plates are made out of bronze and silver; the face side is covered with the gild-silver.

ed silver foil and flat polished carnelian insertions (fig. 127; 127a).

Chronology. The ring-shaped plates, roundels with masks, and flat roundels are dated to the 2nd–1st century BC. The harness with polychromic box-shaped plates was found in a grave dating to the first half of the 4th century AD.

5.4. Check-plates

The «strange assemblages» from the village of Bubuיעi (Moldova) included two rounded-trapezoid bronze plates decorated with compositions in relief (fig. 155). Similar check-plates laid on a horse skull in a grave near the village of Chisten'koe, Crimea, dated to the end of the 2nd — beginning the 1st century BC. These objects are of the Celtic-Illyric origin.

Two figured check-plates decorated in the cloisonné style and dated to the second half of the 4th century AD were discovered in kurgan 14 near Kazaklia (Moldova) (fig. 156: 1).

5.5. Frontlets

According to the construction and shape, the Sarmatian frontlets could be combined into several types.

The most numerous are the so-called frontlets with hook (fig. 159); most of them are made out of bronze and in rare cases out of iron or silver. As the prototypes for the frontlets with hook served the analogues bridle ornaments of Scythian horses of the 5th–4th centuries BC. Their latest shape, analyzed in this work, the frontlets with hook got during the second half of the 3rd century BC. A mold made from a handle of the Rhodian amphora (fig. 160) was found in Skythian Neapolis. The chronology of these frontlets spans several centuries, from the end of the 3rd century until the beginning of the 1st century BC (Симоненко, 1982, p. 242).

In a «strange assemblage» from Marievka, alongside with a frontlet with hook was found a bronze U-shaped staple (fig. 131; 131a, b). M. Treister considered this object as a Celtic check-piece (Raev et al., 1991, p. 484). How-

ever, the constructions of the Marievka staple and Celtic check-pieces are absolutely different. Some parallels to this object in the North Caucasus are always found together with the hooked frontlets, in the area of the horse's head.

Two large bronze frontlets were discovered near the city of Nikopol (fig. 164). Similar frontlets are known only in the Kuban river region and dated to the 3rd–2nd century BC.

5.6. Phalerae

Phalerae, the large, convex or flat roundels, decorated the breastbands and/or crupper. In the first case the phalerae were placed at the crossing of two straps: one strap ran over the breast, and another one ran over the withers; in the second case they were placed at the crossing of the straps of the crupper, going lengthwise and widthwise, approximately in the middle of croup, on both its sides.

Phalerae of the 2nd–1st century BC in the North Pontic area could be combined into two groups: hemispherical, gilded silver phalerae, with vegetative décor and anecdotic images (fig. 166–168); flat silver and bronze phalerae with geometric design (fig. 170).

The Sarmatians continued to decorate the horse harness with phalerae during the Roman times as well. In kurgan 10 near Kazaklia (Moldova) two shoulder phalerae of the unique schema were found: flat iron discs of 12,8 cm and 13,2 cm in diameter and decorated with encrusted golden foil (fig. 171). The Kazaklia grave has a reliable date, the 1st century AD (Агульников, Бубулич, 1999, p. 15).

Two phalerae were included in a set excavated in kurgan 5 of the Chaush cemetery (Ukraine) dated to the 4th century AD. They are the flat bronze disks with 7,3 cm and 7 cm diameter, covered with gilded silver plaque decorated with a complex relief geometric design and insertion of carnelians in the center (fig. 127).

5.7. Breastgirth decorations

Archaeological material presents several types of the metal breastgirth ornaments.

One of them came from the ritual complex near the village of Ostry (Donbass). It composed from two narrow bronze plaques decorated with the moon-shaped and bell-shaped pendants (fig. 173). In a kurgan near the city of Nikopol two bronze plates, together with the large flat frontlets were found (fig. 174). The findings of the breastgirth decorations from Ostry and Nikopol are unique for the territory of Ukraine. Similar objects were found only in the barbarian graves (Meotian? Sarmatian?) of the north-western Caucasus dated to the 3rd–4th century BC.

In the «strange assemblages» of the 2nd–1st century BC near Veselaya Dolina (Odessa district) a gilded rectangular iron plate decorated with images of fish and birds of prey was found (fig. 176). This plate could serve as an ornament for the central part of the breastgirth.

A metal breastgirth set from Olănești (Moldova) included three rectangular iron plates covered with golden foil (fig. 177).

In kurgan 9 of the Nagornoe cemetery (Odessa district) a silver breastgirth decoration was found. It consists of four rectangular plates and two leaf pendants. Similar items were in use during the 3rd century AD (Гудкова, Фокеев, 1984, p. 49; Мульд, 2001, p. 57; Храпунов, 2006, p. 114; Khrapunov, 2004, p. 190).

Their artistic development could be seen on a breastgirth set from kurgan 5 of the Chaush cemetery. It was made in the «carnelian» style, typical for the second half of the 3rd — beginning of the 4th century AD (fig. 127).

Silver hemispherical «cups» with three moveable rings (fig. 178), to which the straps of a breastplate were attached, were found in the rich graves of the end of the 1st century AD near the villages of Vesniaie, Kozyrka (Nikolaev district) and Grushka (Moldova).

It is interesting to note that a «cup» from Vesniaie was made out of a Late Hellenistic bowl of the 2nd–1st century BC. This harness demonstrates a new type that was accepted by the Sarmatians when the Alans came to their milieu.

5.8. Saddle and saddle accessories

We do not have the representations of the Sarmatian saddles from the last centuries BC. Few artifacts connected to the saddle that were found in the Sauromatian graves show no differences from the Scythian saddles. It allows us to assume the common construction of the Scythian and Early Sarmatian saddles, e.g. they were of pad-saddle type, without the wooden frame. Taking into account the high skills of the horsemen, it was relatively comfortable to ride in such saddle without stirrups. But the lack of the rare arch and small depth of such saddle did not provide the confident seat of a warrior in a moment of the spear thrust. Most likely, it was a reason why a tactic of a mass spear attack was not accepted by the cavalry of the Scythian times.

Meanwhile, the warfare required an applying of the long spear's abilities at maximum, and nomads came to the only right decision. Thus, the new saddle with the dip saddle tree and high arches came into the known. Even without stirrups, it secured the horseman's steady position in the saddle and stability at the moment of the spear's return.

It is hard to establish the precise time of its origin, however, the doubtless coincidence of three circumstances attract attention. Namely the appearance of the Sarmatians on the historical arena; images of saddles of the new construction; coming into sight of the cataphractarii with their specific charge tactic of the spear attack by the line of the heavy-armored horsemen.

In the absence of excavated saddles from Sarmatian times, we turn to no less informative iconographical material.

The earliest images of the Sarmatian saddled horses are dated to the 1st century AD. One is a cauldron horse-shaped handle from the village of Kiliakovka (fig. 186: 1); these are also representations of horses in the battle scenes on a silver vessel from Kosika (fig. 186: 3, 4) and a bone plaque from Orlat (fig. 186: 2).

The cauldron handle and the representation on the silver vessel display Sarmatian horses, and on the plaque, according to a number of scholars, the Hsiung-nu fighting each other or Yueh-chih are shown (Ilyasov, Rusanov, 1997/98, p. 131–134). Despite the schematic nature of the representations, it is possible to see that the saddles are very different from the «Scythian» ones: they have high arches (the front arch is slightly higher and steeper than the rear arch) and a dip saddle-tree.

Here we have a very important source for the study of the nomadic saddle from the early Iron Age. Firstly, these representations were made by Barbarian artisans who were familiar with the object and independent of the classical canon. Secondly, the schematic nature of the images on the vessel from Kosika and cauldron from Kiliakovka in particular make them trustworthy, because by only sketching the saddles, the artisans underlined the most distinctive features of this type of saddle, namely, the dip saddle-tree and high arches.

A saddle of a new type appeared in the iconography of Bosphorus, Parthia, Kushan Empire, Bactria-Sogdiana, and the Late Han from the 1st century AD. V.P. Nikonorov suggests that the Parthians, besides the «horn» saddles borrowed from them by the Romans, used the frame-saddle with the front and rear arches (Никоноров, 2001, p. 116).

Thus, based on this iconographical material, a saddle of the new type was already in use in the Eurasian steppes and neighboring regions in the 1st century AD. It had to have the hard wooden frame, since there was nothing else to which the high arches could be attached.

All these materials allow us to assume that the dip saddle with the hard frame appeared at the turn of the Early-Middle Sarmatian periods among the nomads of the Hsiung-nu — Hu-sung milieu. From them, the saddle reached Central Asia and Sarmatians; it can not be excluded that the ancestors of them were among its inventors, but here we touch a problem of the origin of the Sarmatians themselves that could not be discussed in this study. Such saddles are known in the Central Asian, Sarmatian, Iranian, and Parthian iconography of the first centuries AD.

Chapter 6

Sarmatian warfare of the north pontic region

6.1. Armament of the Sarmatian army

While analyzing archaeological materials, it should be taken into account that the assemblages of weapons found in graves may not adequately reflect the existed weaponry assemblage. Historical writings and, in a less degree, iconographical sources significantly broadens our understanding, even so, using the iconographical sources we have to be strictly critical, since the depictions depended on a number of coincidences and circumstances unrelated to the history of arms, such as the artistic qualities of a painter, specifics of a certain canon or a monument when an image is shown, etc.

The Early Sarmatian period. There are 74 different sites belonging to this period: 51 graves, 13 «strange assemblages», 5 «hoards» with phalerae, and several stray finds. Weapons were found in 21 graves and in all «strange assemblages»; horse harness were included in «strange assemblages» and «hoards».

During the early period, the Sarmatians had a «people-army» military structure, e.g.

each man was a warrior, a structure that was typical for the nomads on the early state stage. The main body of the military force was composed of horseman armored with a short sword with the crescent-pommel and a bow of the «Scythian» type. Imported helmets were used as the panoply. The rare finds of the armour in the Early Sarmatian graves of the North Pontic region suggest that the burial rite did not include depositing it in a grave. It was preferable to leave the armour to protect the alives rather than furnish the deads.

The middle Sarmatian period. To this time (1st — mid 2nd century AD) belongs the greatest number of Sarmatian sites known from the North Pontic region, circa 800. The warrior assemblages are 220, e.g. 27,5% that consists almost the third part.

Judging on the number of finds, the main side-arms for the Middle Sarmatian warriors was a short sword with ring-pommel. However, in a few graves the long swords of an Oriental type were found. Both archaeological finds and literary sources prove that the Sarmatians used this type of sword in the 1st — mid 2nd century AD. Tacitus, describing the military actions by the Sarmatians on the Danube river in 69–71 AD, mentioned that they were armed with the long sword which they held with two hands. A sword from Vesniane with a hilt over 20 cm long serves as a great illustration to the Tacitus's words. Swords and daggers were deposited in 78,7% of all military graves of this period. A lesser number of graves, 37,5%, included arrowheads. A panoply was not found at all and the horse harness is in a very small number of graves.

An attention is drawn towards the finds of the Inner Asian weapons. The first of these are the Hsiung-nu tiered arrowheads from the Porohi and the Bitak cemetery. It is important that the arrows were not utilized and could not be put into the quiver in the North Pontic area since the nomads used different types of

arrows. This gives the impression that the arrows from Porohi and Bitak were kept as a relict in the family of the deceased, or their owner migrated to the area from the Mongolian steppes bringing the weapons with them. There is no doubt that the bow from Poroghi, the only «Hunic» type bow found in the North Pontic region, was brought from the Mongolian steppes.

Judging on the percentage of the number of military graves to the whole body of the North Pontic monuments, the Sarmatians of the middle period still constituted the «people-warriors» structure: warriors made up the quarter of the population, e.g. practically all men were warriors.

The Late Sarmatian period. In the North Pontic area, over 700 excavated graves are dated to the second half of the 2nd–4th century AD. The military burials of this time number no less then 250 (circa 35% of all graves).

The set of armament in the Late Sarmatian army was changed. The leading type became the side-arms: 84% of all the graves' goods included swords and daggers. The arrows and spearheads were found only in several burials of the Crimean crypts and are absent in the steppes.

During the Late Sarmatian period in the North Pontic area, long swords up to 100 cm in length dominated. Besides the sword, the dagger was still among the warrior's equipment. The panoply are presented by several shield umbones and fragments of the chain armour.

The combination of weapons and horse harnesses of different types allows us to single out two complexes of armament of the Late Sarmatian warriors of the North Pontic region: the steppe Sarmatian complex and Gothic-Alanic one.

The first includes the long narrow sword with the tanged handle of type 2, sometimes with the long rub, sword, and the «Hunic» type bow with the bone plates. In the initial

phase of the Late Sarmatian period (late 2nd — early 3rd cent. AD), the horse harness was decorated with silver and bronze faceted adornment, and the luxury sets in the «carnelian» and cloisonné styles in the final stage. The steppe Sarmatian weaponry assemblage was formed in the surroundings of the «long-skull Alans» of the Volga and Don rivers regions and from there, in the middle of the 2nd century AD was brought by them into the North Pontic region.

When the Goths came, in the second half of the 3rd century AD the Gothic-Alanian weaponry assemblage was formed. It includes the originally Gothic long and wide swords of type 3, daggers of type 5 with cuts at the hilt, Gothic shields with iron umbra, and the spearheads of the Northern Caucasian types. At the same time, the Alans continued to be the horsemen: in the military graves, the metal sets of the horse harness typical for the Sarmatians occur often, even so there are finds of the Gothic spurs as well.

During the final phase of the late Sarmatian period (the second half of the 3rd–4th century AD) the Gothic-Alanian armament complex was in use in the steppes (the finds of the swords of type 3 and umbra from the Kurchi, Gradeshka, and Kubey cemeteries) and in the Crimean piedmont (the cemeteries of the Ozernoe–Inkerman type).

6.2. Structure of the Sarmatian army and the main principles of its tactics

The principal, if not the only, unit of the Sarmatian military force was the cavalry. It was the light cavalry that is typical for other nomads of the Early Iron Age and Middle Ages as well. The Sarmatian army, however, also included the heavy armoured horsemen, known as catafractarii.

To the problem of the Sarmatian catafractarii. A view that the catafractarii in the Sarmatian army was a distinctive feature of Sarmatian warfare was formulated by

V. D. Blavatsky and further explained in works by Yu. M. Desiatnikov and A. M. Khazanov (Блаватский, 1954, p. 114–121; Десятников, 1968, p. 44–51; Хазанов, 1971, p. 72).

It is assumed that catafractarii presented a type of cavalry with the following specific characteristics: 1) armoured rider and horse; 2) use of a long spear as a main weapon; 3) special tactics during an assault: at full gallop, in the knee-to-knee, wedge-shaped formation.

However, if we take a close look at the arguments on the existence of catafractarii among the Sarmatian forces as they are understood by the above-mentioned scholars, we find them insufficient. First of all, it is a quite loose approach to the literary sources. While only Tacitus mentioned the Sarmatian heavily armored horsemen, Flavius Arrianus in his «Array against the Alans» (Arrian., Ect., 31) wrote «*The Scythians who go unprotected and also their horses unprotected...¹*». Thus, sources that are usually cited in supporting the existence of the Sarmatian catafractarii as a special tactical and military unit talk only about the presence or absence of the armoured horsemen.

Archaeological materials demonstrate the severely limited spread of the Sarmatian panoply in both time and stretch. None of the classical authors wrote about the use of the horse armour by the Sarmatians. It is believed that the scaled horse breastpiece is depicted on the Bosporan tombstone of Aphenius, son of Mena (Хазанов, 1971, p. 86; Десятников, 1972, p. 71; Горончаровский, Никонов, 1987, p. 203). Indeed, the image carved in the stone shows something resembling the breastpiece but the usage of such objects have not been supported by archaeological materials.

¹ Here, of course, the author talks about the Sarmatians. It is well known that the classical authors did not differentiate these groups (see: Мачинский, 1971, p. 49).

The second characteristic of a cataphractarii is described as an arming of a very long spear (lance) as the principal weapon. It was already explained above that we do not have any grounds on which to consider that the Sarmatians used the spears over 3 m long. The so-called «Sarmatian seat» is associated with the long spears (Блаватский, 1949, p. 96–100; Хазанов, 1971, p. 49; Перевалов, 1999, p. 68–73), the unreality of which was analyzed in Chapter 2.

Finally, the third discussed characteristics of cataphractarii are specifics of their tactic and military strategy. Concerning the latter, a distinction such as the full gallop during the attack is not convincing. V. D. Blavatsky saw this dissimilarity in the depictions of the Scythian and Sarmatian horsemen. Here again, the reason for the mistake lies in the source used: differences in the depiction of the Scythian and Sarmatian horsemen do not reflect the different gaits but came as the result of different artistic styles.

Scholars see the tactical uniqueness of the Sarmatian catafractarii that, instead of the Scythian «concentrated force» (Десятчиков, 1968, p. 46) they acted in single units formed in wedge-shaped lines (Arrian., Tact., 16, 6). It has to be noted that the lines of any spear-armed cavalry attacked separately and at a significant distance, in order to avoid the accidental injuries of the front line of horsemen. This makes all our theorizations on the differences between the «wedge-shaped formation», «concentrated force», or any other unknown-to-us formation used by the ancient horsemen are, to put it mildly, unproductive.

The Sarmatian armoured cavalry consisted out of noble and well-to-do nomads: practically all of the harnesses were found in the rich tombs (a fact that the majority of these tombs were robbed provides additional support for this assumption). But did the armored horsemen form separate units? How was it done in practice and who was in charge of their command? Up to Genghis Khan, the

nomadic military forces were organized on the grounds of the clan/tribe principle, and the military units were formed from relatives with their chiefs as commanders.

The Sarmatians, with their level of social development, should not have had a different structure, and for this reason the distinctive characteristics of cataphractarii as separate units with specific aims, tactics, central commanding, and other attributes of the army's structure is unlikely to have been realized in the nomadic military forces. If Roman and Iranian cataphractarii, as a type of a military unit, had some needed distinctive characteristics, it is not worth it to look for them in the same degree among the Sarmatians.

Ammianus Marcellius, Heliodorus, Strabo, Plutarches, and others described not Sarmatian but Parthian, Iranian, and Armenian cataphractii.

Indeed, this type of cavalry could appear only in armies of developed states, with centralized power and other social controls available to provide forming, supplying, training, and employing such specific military units. Not going into details (they go beyond this work), I suggest that cataphractarii initially originated in Kang-hu and Parthia.

Meanwhile, despite the lengthy discussions of the details, in general it is true that cataphractarii appeared as an innovation in ancient warfare. This innovation, however, did not constitute the armoured cavalry (it existed before them), the pace of the attack, or type of line formation (it is unlikely that we will ever know it) but in the way of conducting the charge, namely, the assaulting spear thrust on the galloping horse. Out of the three mentioned characteristics of cataphractarii, only this one actually differentiated them from the earlier armoured horsemen. It is suggested that this assault became possible only after a nomadic invention of the saddle with high arches (see Chapter 5).

The new saddle significantly increased the solidity and comfort of the horseman's seat. A spear attack from the galloping horse,

that during Scythian times was an advantage of solely the athletes, became available and an effective battle technique for whole elements. The Sarmatian tactic of the spear attack is obliged its integration to this, one of the paramount, inventions of the nomadic culture.

Sarmatian «Amazons». Female participation in the military actions was, as believed by many, an important part of Sarmatian warfare (Хазанов, 1971, p. 67). This believe is based on written sources (Ps. Hip., De aero, 24; Mela, Hor. I, 114) and finds of weapons in the female graves.

Sarmatian female graves with weapons are not numerous. For the Sauromatian period the female graves with weapon make up 8,3%; for the Early Sarmatian period their number is decreased to 2,4%, and for the Middle Sarmatian period there are none. In the North Pontic region, we do not know of any female grave with weapons.

It should be noted that the female graves with weapons are not uncommon for the Scythians. According to E. P. Buniatian, they make up about 29% of the common Scythian female graves dated to the 4th century BC (Бунятян, 1985, p. 70) that is more than the Sauromatian ones of the same time (Смирнов, 1964, p. 201). S. A. Pletneva provides information about such graves in the cemeteries of the medieval nomads (Плетнева, 1983, p. 14–19).

Thus, the female graves with weapons are not exclusively a Sarmatian phenomenon.

The nomadic life, when men very often wandered with herds, took part in raids and wars, and perished in battles, women of the nomadic society were forced into wielding weapons to be able to defend themselves and their family (Бунятян, 1985, p. 71). The participation of nomadic women in the military actions, most likely, was limited to rare situations, during the counter-attack of the outnumbered enemy or when men were absent from the camp. Judging on a description by Pomponius Mela and archaeological records,

the Sarmatian warrioresses were armed with the bows, javelins, or lasso.

Types of the military actions. The tactics and strategies of the Sarmatians' warfare were determined by the composition of their forces where, similarly to other nomads, the light cavalry dominated. The raids of different durations and distances are examples of the main types of military operations. As a rule, the goal of the raids was not the physical annihilation of an enemy but more about the trophies and demonstration of military might, in order to establish tribute and other types of exo-exploitation (Першиц, 1975, p. 290).

The raids differed by the forces' numbers. They could have been small groups of volunteers invited by one person, warriors of one tribe, or joint forces of several tribes. Ammianus Marcellinus stressed the role of raids as a warfare strategy being typical for the Sarmatians. «*These tribes (Sarmatians and Quadae — auth.) are more skillful for the brigandage then for the overt war*» (Amm. Marc., XVII, 12, 2). Going on a raid, the Sarmatians, similar to the later nomads, took the spare horses with them. The legend about Amaga says that the queen gave to each warrior three horses for the raid to Chersonesos (Polyaen, VIII, 56). Her horsemen rode 1200 stadia, e.g. approximately 190 km. The number given for this distance conjures no doubts, since Sivash steppes, from where Amaga went into the raid are located within 1200 stadia from Chersonesos (Смирнов, 1984, p. 71).

There is not much historical evidence about the tactics of the Sarmatians in an open field. According to Tacitus, while on a horse, they preferred the slash to the use of bows: «...man encouraged man not to permit a battle of archers; better to anticipate matters by a charge and a hand-to-hand struggle!» (Tac., Ann. VI, 35). Perhaps, the first assault was made by the armoured cavalry, breaking the enemy's front lines with spears, and after that it joining the hand-to-hand charge: based on the archaeological materials,

the side-arms was included in the cataphract's panoply.

Ammianus Marcellius described the military actions of the Sarmatians in Pannonia against two legions in 373–374. Following his text, it becomes clear that the Sarmatians skillfully used the tactic of taking the enemy by surprise; defeating the parted enemy; breaking through the front lines of the legion; pausing the charge, regrouping and attacking again. During the cavalry charge, such maneuvers could only be performed by experienced, skilled, and well-disciplined units that were led by permanent officers, signalmen, and attributes typical for the highly organized army.

Thus, Sarmatian warfare could be considered of a high level for its time. Historical sources indicate that the Sarmatian army used techniques typical for nomads: rapid and long-distance raids; interaction of the light and heavy cavalry (with an edge given to the light one); the Sarmatians were able to keep their neighbors under the threat of invasion, in order to take the contribution (the main source of their wealth); and charge in the field with

well-equipped, experienced infantry that was the main armed forces of ancient states.

It is hard to establish the real number of the Sarmatian military forces in different periods of their history, including their presence in the North Pontic region.

The number provided in historical sources, as is rightly suggested by many scholars, is significantly overestimated. Strabo speaks about 50 thousand of the Roxolani, who took part in a war with Chersonesos on the Scythians' side (Strabo, VII, 3, 17). He also gives the number of the military forces of the Siraci (20 thousand) and the Aorsi (200 thousand) (Strabo, XI, 6, 8). Should it even be mentioned that the latter number is unrealistically high? Tacitus was closer to reality when he gave the number of forces for the Roxolani, who invaded the Moesia Inferior in 69 AD, as 9 thousand. It was rightly noted that there are no grounds on which to count the ancient nomadic peoples by hundreds of thousands (Железчиков, 1984, p. 67), because the steppe resources could not provide enough food for such great number of population.

Список литературы

- Абаза К. К. Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы: Очерки из истории и стародавнего казачьего быта для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1880. 145 с.: ил.
- Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // СЭ. 1975. № 1. С. 28–42.
- Абрамова М. П. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских городищ Нижнего Днепра // МИА. 1962. № 115. С. 274–283.
- Абрамова М. П. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время // МИА. 1969. № 169. С. 3–10.
- Абрамова М. П. Нижне-Джугатский могильник. Нальчик, 1972. 76 с.: ил.
- Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время. М., 1993. 238 с.: ил.
- Агульников С. М., Бубулич В. Г. Сарматский курган I в. н. э. у с. Казаклия // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 10–15.
- Александр Великий. Путь на Восток. СПб., 2007. 511 с.: ил.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык: Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991. 411 с.: ил.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1–12. М., 1978. 105 с.: ил.
- Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия // Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987. С. 160–177.
- Алексеева И. Л. Раскопки Беляевского кургана // МАСП. 1971. № 7. С. 32–41.
- Амброз А. К. Фибулы Юга европейской части СССР // САИ Д1–30. М., 1966. 113 с.: ил.
- Амброз А. К. Стремена и седла раннего Средневековья как хронологический показатель // СА. 1973. № 4. С. 81–98.
- Амброз А. К. К статье А. В. Дмитриева // СА. 1979. № 4. С. 229–231.
- Антипенко Е. О., Чирков А. Ю. Клад позднескифского времени из Северной Молдовы // Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992. С. 5–6.
- Анучин Д. Н. О древнем луке и стрелах // Тр. V АС. М., 1887. С. 342–390.
- Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 155–207.
- Анфимов Н. В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. № 28. С. 62–71.
- Анфимов И. Н. Новые находки бронзовых античных шлемов IV–III вв. до н. э. на Северо-Западном Кавказе // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 94–100.
- Анфимов И. Н., Пьянков А. В. Могильник Прочноокопского городища № 3 по материалам архива Н. В. Анфимова // МИАК. Вып. 6. Краснодар. 2006. С. 205–228.
- Артамонов М. И. Работы на строительстве Маньчжурского канала // ИГАИМК. Вып. 109. М., 1935. С. 197–213.
- Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941. 328 с.: ил.
- Архипов О. Меч з поховання шляхетного сармата біля с. Весняне // Середньовічні старожитності Південної Русі-України: Третя міжнародна студентська наукова археологічна конференція. Тези доповідей. Чернівці, 2004. С. 4–5. 132 с.: ил.
- Афанасьев С. В., Ляхов В. Н. Альбом пород лошадей СССР. Л., 1953. 132 с.: ил.
- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // АП УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–123.
- Бажан И. А., Гей О. А. К вопросу о датировке прикамских «ажурных» шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 115–122.
- Беглова Е. А. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002. С. 157–168.
- Безуглов С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4. С. 103–115.
- Безуглов С. И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы» (тезисы докладов). Ростов н/Д, 1998. С. 87–88.
- Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 169–193.
- Бейлекчи В. С. Фалары села Твардица. Ростов Великий, 1997. 85 с.: ил.

- Белинский И. В., Бойко А. Л.* Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника Аэродром-1 // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 10. Азов, 1991. С. 85–96.
- Березовец Д. Т.* Курганный могильник в с. Грушівка // АП УРСР. 1961. Т. X. С. 56–63.
- Берлизов Н. Е., Каминская И. В., Каминский В. Н.* Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // ИАА. 1995. С. 122–128.
- Беспалый Е. И.* Курганы I в. н. э. у г. Азова // СА. 1985. № 4. С. 163–172.
- Беспалый Е. И.* Курганы сарматского времени у г. Азова // РА. 1992. № 1. С. 175–190.
- Бетров Р. Ж.* Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 3. 1987. С. 11–139.
- Блаватский В. Д.* О боспорской коннице // КСИИМК. Вып. XXIX. М.; Л., 1949. С. 96–99.
- Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. 160 с.: ил.
- Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. I. СПб., 1887. 248 с.: ил.
- Бобринский А. А.* Исследования в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1907 г. // ИАК. Вып. 35. СПб., 1910. С. 48–60.
- Бородовский А. П.* Снаряжение верхового коня второй половины I тыс. до н. э. (по материалам раскопок на Северо-Западном Алтае) // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 73–80.
- Бранденбург Н. Е.* Журнал раскопок. СПб., 1908. 280 с.: ил.
- Браунд Д.* Діон Хризостом, торгівля Ольвії та ольвійська «тавроскіфська війна» // Археологія. 1991. № 3. С. 25–30.
- Бруйко И. В., Россохацкий А. А.* Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея // ПАВ. 1993. № 7. С. 78–81.
- Буйских С. Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991. 158 с.: ил.
- Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV–III вв. до н. э.). Киев, 1985. 227 с.
- Буюклиев Х.* Тракийски могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг // Разкопки и проучвания. Кн. 16. София, 1986. 151 с.: ил.
- Ван Бинхуа.* Субейсийские находки // Китай. 1993. № 3. С. 15–18.
- Веймарн С. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. 1963. Т. XIII. С. 15–89.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А.* Могильник сарматской эпохи на горе Лехч-Корт // СА. 1971. № 1. С. 171–180.
- Виноградов Ю. А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // Stratum + ПАВ. Европейская Сарматия: Сборник статей к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. СПб., Кишинев, 1997. С. 73–80.
- Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55–87.
- Виноградов Ю. Г.* Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 37–43.
- Виноградов Ю. Г.* Очерки военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.
- Винокур И. С., Вакуленко Л. В.* Киселевский могильник I–II вв. н. э. // КСИА АН СССР. Вып. 112. М., 1967. С. 126–131.
- Внуков С. Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006. 317 с.
- Вознесенська Г. О., Козловська Н. Ф., Корецька С. А.* Про техніку виготовлення сарматських мечів та кинджалів із Середнього Подніпров'я // Археологія. 2002. № 3. С. 115–120.
- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* Вооружение воинов Абхазии IV–VI вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 121–165.
- Воронятов С. В., Еременко В. Е.* Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж–Рахны–Почеп: попытка интерпретации // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб., 2006. С. 88–93.
- Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. 206 с.: ил.
- Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // ВССА. М., 1954. С. 220–244.
- Вязьмитина М. И.* Сарматські поховання в долині р. Молочної // АП УРСР. 1960. Т. VIII. С. 17–21.
- Вязьмитина М. И.* Пам'ятки та культура сарматів // Археологія Української РСР. Т. 2. Київ, 1971. С. 185–215.

- Вязьмитина М. И. Сарматское время // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 184–223.
- Вязьмитина М. І., Тереножкін О. І., Іллінська В. А., Ковпаненко Г. Т. Кургани біля села Новопилипівка та радгоспу «Аккермень» // АП УРСР. 1960. Т. VIII. С. 22–135.
- Габуев Т. А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999. 148 с.: ил.
- Габуев Т. А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков: Каталог выставки. М., 2005. 75 с.: ил.
- Гадиев У. Б., Бурков С. Б. Предметы эпохи раннего железа из Ингушского государственного музея краеведения и его филиала в г. Малгобек // Вестник археологического центра. Вып. II. Назрань, 2002. С. 48–57.
- Галанина Л. К. Курджипский курган: Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. Л., 1980. 127 с.: ил.
- Галль Х. фон. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики // ВДИ. 1997. № 2. С. 174–198.
- Гей А. И., Ульянова О. А. Раскопки курганов в степном Закубанье // АО. 1982. М., 1983. С. 114.
- Горбунова Н. Г. Скотоводы Бактрии и Согда и сарматы // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград, 1994. С. 59–61.
- Горелик М. В. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластине из Гермесова кургана // СА. 1971. № 3. С. 236–245.
- Горелик М. В. Про «фракійські» шоломи // Археологія. 1983. Вип. 44. С. 14–28.
- Горончаровский В. А. Катафрактары в истории военного дела Боспора // ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 79–82.
- Горончаровский В. А. Седло в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков н. э. // Роль ахалтекинских коней в формировании мирового коннозаводства. Ашхабад, 2001. С. 86–87.
- Горончаровский В. А. Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб., 2003.
- Горончаровский В. А., Никоноров В. П. Илуратский катафрактарий (из истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 198–215.
- Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36. 240 с.: ил.
- Греч А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.: ил.
- Гросу В. И. Новые сарматские памятники на территории Молдавии (дополнение к археологической карте МССР) // АИМ. 1979–1980. Кишинев, 1983. С. 28–53.
- Гросу В. И. Сарматское погребение в Приднестровье // СА. 1986. № 1. С. 258–261.
- Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990. 202 с.: ил.
- Гузев Ю. К. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 141–155.
- Гудкова А. В., Редина Е. Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Вип. VII. Запоріжжя, 1999. С. 177–193.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I–IV вв. н. э. Киев, 1984. 118 с.: ил.
- Гутнов Ф. Х. Ранние аланы: Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001. 255 с.: ил.
- Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2. С. 241–246.
- Гущина И. И. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы (МИА № 169). М., 1969. С. 43–52.
- Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы (Тр. ГИМ. Вып. 54). М., 1982. С. 20–30.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы М., 1989 (Тр. ГИМ. Вып. 70). С. 71–149.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н. И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992. С. 45–67.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. 170 с.: ил.
- Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Паромов Я. М., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки в зонах строительства Калмыцко-Астрахан-

- ской и Никольской рисовых оросительных систем // АО. 1978. М., 1979. С. 167–168.
- Дергачев В. А.* Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975–1976 гг.). Кишинев, 1982. 138 с.: ил.
- Десятчиков Ю. М.* Появление катафрактариев на Боспоре // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных студенческих конференциях. М., 1968. С. 44–51.
- Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий на надгробии Афия // СА. 1972. № 4. С. 68–77.
- Десятчиков Ю. М.* Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 69–80.
- Дзиговский А. Н.* Сарматские памятники II–III вв. в низовьях Днестра // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 116–125.
- Дзиговский А. Н.* Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 83–92.
- Дзиговський О. М.* Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н. е. — в першій половині IV ст. н. е. Київ, 1993. 203 с.: ил.
- Дзиговский А. Н.* Очерки истории сарматов Карпато-Днестровских земель. Одесса, 2003. 239 с.: ил.
- Дзис-Райко Г. А., Суничук Е. Ф.* Комплекс предместов скифского времени из с. Великопольское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 148–161.
- Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи Великого переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4. С. 212–229.
- Долгоруков В. С.* Курганы Боспора // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). М., 1984. С. 95–152.
- Домарадски М.* Келтита на Балканския полуостров VI–I в. пр. н. е. София, 1984. 175 с.: ил.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. М., 1985. 495 с.: ил.
- Евдокимов Г. Л., Куприй Н. М.* Сарматские погребения Нижнего Поднепровья (по материалам Краснознаменной экспедиции 1977–1992 гг.) (препринт). Киев, 1992. 20 с.: ил.
- Е. Лун-ли.* История государства киданей. М., 1979. 607 с.: ил.
- Ждановский А. М.* Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 72–99.
- Ждановский А. М.* Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С. 54–68.
- Железчиков Б. Ф.* Материалы из раскопок П. С. Рыкова в 1927 г. на территории Уральской области // КСИА АН СССР. 1980. Вып. 162. С. 32–38.
- Железчиков Б. Ф.* Ранние кочевники Южного Приуралья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980а.
- Железчиков Б. Ф.* Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заповольжя в VI в. до н. э. — I в. н. э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 65–68.
- Заднепровский Ю. А.* Юго-восточная экспансия сарматов: pro и contra // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград, 1994. С. 55–59.
- Зайцев Ю. П.* Верховная знать Неаполя Скифского (новое исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея) // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 94–100.
- Зайцев Ю. П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997. С. 102–118.
- Зайцев Ю. П.* Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 88–94.
- Зайцев Ю. П., Мордовинцева В. И.* «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3. С. 61–99.
- Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г.* Погребение воина эллинистического времени в Предгорном Крыму // Археология Крыма. Т. II, 2/97. Симферополь, 1997. С. 49–59.
- Замятин С. Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. 1946. Т. III. С. 9–50.
- Зарайская Н. П., Привалов А. И., Шенко Л. Г.* Курганы раннего железного века у пос. Острый // Донецкий археологический сборник. Вып. 11. Донецк, 2004. С. 130–144.
- Засецкая И. П.* Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Тр. ГЭ. Вып. XX. Л., 1979. С. 87–113.
- Засецкая И. П.* Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V в. н. э.) // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 70–83.

- Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 23–105.
- Зубар В. М.* Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Тавриці // Археологія. 1993. № 1. С. 66–70.
- Зубарь В. М., Симоненко А. В.* О снаряжении боевых коней первых веков н. э. // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 148–155.
- Зуев В. Ю.* Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 304–330.
- Зуев В. Ю.* О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 205–220.
- Зыков А. П.* Железные кинжалы Северо-Западной Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и Средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 144–161.
- Иванов В. А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984. 87 с.: ил.
- Известия Императорской археологической комиссии.* Вып. 1. СПб., 1901. 156 с.: ил.
- Ильинская В. А.* Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. Киев, 1973. С. 42–63.
- Илюков Л. С.* Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 100–140.
- Илюков Л. С.* Три позднесарматских кургана из Северо-Восточного могильника // Аксайские древности. Ростов н/Д, 2002. С. 231–242.
- Казанский М. М.* Могилы сармато-аланских вождей в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995. С. 238–256.
- Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В.* Сарматское погребение у ст. Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 228–234.
- Каминский В. Н., Берлизов Н. Е.* Раскопки кургана-кладбища в г. Курганинске в Восточном Закубанье // Древности Кубани. Краснодар, 1987. С. 47–48.
- Капошина С. И.* Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н. э. и первые века н. э. // Античное общество. М., 1967. С. 145–150.
- Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А.* Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // ПАВ. Вып. 2. СПб., 1992. С. 113–126.
- Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. Сретенск, 2000. 352 с.
- Каталог выставки Новочеркасского музея донского казачества / Под ред. Б. А. Раева.* Новочеркасск, 1981. 120 с.: ил.
- Керефов Б. М.* Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. С. 135–259.
- Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие // САИ Е1–36. М., 1966. 146 с.: ил.
- Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 289–326.
- Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986. 150 с.: ил.
- Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 75–106.
- Кожухов С. П.* Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н. э. — III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Кожухов С. П.* Закубанские катафрактарии // Материальная культура Востока. М., 1999. С. 159–189.
- Колтухов С. И.* Кинжал из некрополя Неаполя Скифского // СА. 1983. № 2. С. 222–224.
- Колтухов С. Г., Тоцев Г. Н.* Курганные древности Крыма. Вып. 2. Запорожье, 1998. 88 с.: ил.
- Контны Б., Савеля Д. Ю.* Вооружение из могильника в Килен-балке // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. Симферополь, 2006. С. 129–160.
- Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. Киев, 1983. 182 с.: ил.
- Костенко В. И.* Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // КДСП. Вып. 1. Днепропетровск, 1977. С. 114–131.
- Костенко В. И.* Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка // КДСП. Вып. 2. Днепропетровск, 1978. С. 79–86.
- Костенко В. И.* Сарматы в междуречье Орели и Самары // КДСП. Вып. 3. Днепропетровск, 1979. С. 124–130.
- Костенко В. И.* Сарматские памятники междуречья Дона и Днепра III в. до н. э. — середины III в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев., 1981.
- Костенко В. И.* Раннесарматский период в Северном Причерноморье // Древности степного Поднепровья. Днепропетровск, 1982. С. 69–75.

- Костенко В. И.* Сарматские погребения Приорелья // Древности степного Поднепровья. Днепропетровск, 1983. С. 59–65.
- Костенко В. И.* Среднесарматский период на территории Северного Причерноморья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1984. С. 157–166.
- Костенко В. И.* Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск, 1993. 151 с.: ил.
- Костенко В. И., Безручко И. Н., Хорошкова Е. В.* Сарматские погребения с оружием из могильника Усть-Каменка на Нижнем Днепре // Памятники бронзового и раннего железного веков в Поднепровье. Днепропетровск, 1987. С. 114–127.
- Костенко В. И., Чурилова Л. Н.* Сарматские памятники на берегу реки Солная // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1995. С. 158–179.
- Крайсветный М. И.* Защитный доспех из Грушевского могильника // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск, 1987. С. 19–22.
- Krapivina V. B.* 3 привоуды статті Д. Браунда // Археологія. 1991. № 3. С. 31–33.
- Кропотов В. В.* Світлоглиняні вузькогорлі амфори «кінкерманського» типу // Археологія. 1998. № 4. С. 128–134.
- Кубишев А. И., Симоненко О. В., Покляцкий О. В.* Про взаємодієносини сарматів та носіїв зарубинецької культури // Археологія. 1987. № 58. С. 56–63.
- Кубишев А. И., Дорофеев В. В., Шилов Ю. А., Полин С. В., Николова А. В.* Отчет о раскопках Херсонской экспедиции в 1981 г. // НА ИА НАНУ.
- Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А., Прокопенко Ю. А.* Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // ДА. 2000. № 2. С. 40–47.
- Кунина Н.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. 359 с.: ил.
- Курчатов С., Бубулич В.* «Сарматское погребение у с. Олонешты» — 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона. Кишинев, 2003. С. 285–312.
- Курчатов С. И., Симоненко О. В., Чирков А. Ю.* Сарматський війський могильник на Середньому Пруті // Археологія. 1995. № 1. С. 112–123.
- Кызласов И. Л.* О происхождении стремья // СА. 1973. № 3. С. 24–36.
- Левада М. Е.* Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Керчь, 2006. С. 192–199.
- Ленц Э. фон.* Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области // ИАК. Вып. 4. СПб., 1902. С. 120–131.
- Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ Д1–31. М., 1965. 138 с.: ил.
- Лимберис Н. Ю.* Конские погребения из могильника городища № 3 у хутора имени Ленина // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С. 35–54.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 162–167.
- Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91.
- Литвинский Б. А.* Сложносоставной лук в Средней Азии (к проблеме эволюции луков на Востоке) // СА. 1966. № 4. С. 51–69.
- Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. 528 с.: ил.
- Литтауэр В.* Русский гусар: Рассказ об Императорской кавалерии 1911–1920. СПб, 2005. 256 с.: ил.
- Лобода И. И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236–252.
- Лукашов А. В.* Раннесарматский комплекс из Журова кургана // Древняя история Поволжья: Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 160–164.
- Луцкевич І. Н.* Сарматські поховання у с. Нешетове Ворошиловградської області // Археологія. 1952. Т. VII. С. 136–141.
- Магомедов Б. В., Левада М. Е.* Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. 6. Симферополь, 1997. С. 304–323.
- Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983. 222 с.: ил.
- Максимова Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. 182 с.: ил.
- Максимова М. И.* Артюховский курган. Л., 1979. 151 с.: ил.
- Мамонтов В. И.* Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у поселка Вербовский // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов; Энгельс, 2000. С. 167–170.

- Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136. С. 3–232.
- Манцевич А. П. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 164–193.
- Марченко И. И. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани: Калининская курганная группа // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 37–71.
- Марченко И. И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. 337 с.: ил.
- Масанов Н. Э. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов. Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке // Тр. ГИМ. Вып. 120. М., 2000. С. 116–130.
- Масленников А. А., Трейстер М. Ю. Фрагмент аттического шлема из раскопок поселения на Чокракском мысу // Археология. 1997. № 1. С. 144–149.
- Маслов В. Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: Архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 219–236.
- Матюченко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидорова в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 123 с.: ил.
- Махно С. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // АП УРСР. 1960. Т. IX. С. 14–38.
- Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 30–54.
- Медведев А. П. Медные кованые котлы из Аверинского кургана на Среднем Дону // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1996. С. 23–25.
- Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ Е1–36. М., 1968. 118 с.: ил.
- Мелюкова А. И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962. № 1. С. 195–208.
- Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ Д1–4. М., 1964. 91 с.: ил.
- Минеева О. И., Скрипкин А. С. О происхождении и времени появления одного из типов бронзовых зеркал у сарматов // НАВ. Вып. 7. Волгоград, 2005. С. 51–56.
- Михайлов Б. Д. Нові сарматські поховання на р. Молочній // Археологія. 1986. № 56. С. 81–88.
- Мозолевский Б. Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев, 1973. С. 187–234.
- Монгайт А. Л. Археология Западной Европы: бронзовый и железный века. М., 1974. 408 с.: ил.
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург, 1999. С. 124–146.
- Мордвинцева В. И. Классификация фаларов конской упряжи 3 в. до н. э. — нач. 2 в. н. э. и типы парадного конского снаряжения у сарматов // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Краснодар, 1998. С. 51–61.
- Мордвинцева В. И. Декоративные пластины из Бобуча // РА. 2001. № 2. С. 108–114.
- Мордвинцева В. И. Стилистические группы фаларов III–I вв. до н. э. из музеев России и Украины // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001а. С. 161–166.
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. Т. I–III. Симферополь; Бонн, 2007.
- Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Древнее золото Поволжья. Симферополь, 2006. 139 с.: ил.
- Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ Д1–10. М., 1963. 56 с.: ил.
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Работы Цимлянской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. I. М., 1974. С. 21–123.
- Мульд С. А. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь, 2001. С. 51–66.
- Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 155–168.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006. 207 с.: ил.
- Мюзелер В. Учебник верховой езды. М., 1980. 213 с.: ил.
- Нефёдкин А. К. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // Stratum Plus. 1999. № 3. С. 173–188.
- Нефёдкин А. К. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов II в. до н. э. — V в. н. э. СПб., 2004. 189 с.: ил.

- Нефёдова Е. С. Бубуечский комплекс (история находки и изучения, задачи интерпретации) // Античная цивилизация и варварский мир. Т. 2. Новочеркасск, 1993. С. 15–20.
- Нефёдова Е. С. Пластина из комплекса у села Бубуечь // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1994. С. 28–29.
- Никоноров В. П. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА АН СССР. 1985. № 184. С. 30–35.
- Никоноров В. П. Парфянские седла // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Ашхабад, 2001. С. 115–116.
- Никоноров В. П. К вопросу о седлах парфянской кавалерии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 21–27.
- Никоноров В. П., Худяков Ю. С. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 141–154.
- Новиченкова Н. Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002. 215 с.: ил.
- ОАК за 1896 г. СПб., 1898. 252 с.: ил.
- ОАК за 1899 г. СПб., 1902. 184 с.: ил.
- ОАК за 1901 г. СПб., 1903. 198 с.: ил.
- ОАК за 1902 г. СПб., 1904. 199 с.: ил.
- ОАК за 1906 г. СПб., 1909. 166 с.: ил.
- Обельченко О. В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.
- Оболдуева Т. Г. Сарматські кургани біля м. Мелітополя // АП УРСР. 1954. Т. IV. С. 43–47.
- Останина Т. И. Нивский могильник III–V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 87–124.
- Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1908 г. М., 1909. 60 с.: ил.
- Павлович Г. А. Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края // СА. 1995. № 3. С. 200–205.
- Павлуцкий Г. Предметы античного вооружения, найденные в Екатеринославском уезде // АЛЮР. Т. 3. М., 1903. С. 37–40.
- Патокова Э. Ф., Дзиговский А. Н., Зинковский К. В. Сарматские погребения Маякского могильника // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 131–136.
- Перевалов С. М. Военное дело у аланов II в. н. э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // ИАА. Вып. 2. Армавир; М., 1997. С. 129–134.
- Перевалов С. М. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // ИАА. Вып. 3. Армавир; М., 1998. С. 96–101.
- Перевалов С. М. Сарматский конто́с и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 65–76.
- Перевалов С. М. Сарматоведение между историей и археологией // ВДИ. 2007. № 3. С. 139–162.
- Периц А. И. Некоторые особенности классово-разования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1975. С. 280–313.
- Периц А. И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. С. 129–231.
- Петренко В. А. Клад конского снаряжения из раскопок II Ханкальского городища (Чечено-Ингушетия) // СА. 1975. № 4. С. 256–259.
- Петренко В. Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V–III вв. до н. э. // САИ Д1–4. М., 1967. 180 с.
- Петрунь В. Ф. Гипс, ангидрит или алебастр в скифо-сарматских и синхронных комплексах Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 201–203.
- Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев, 1990. 198 с.: ил.
- Платар. Колекція предметів старовини родин Платонових і Тарут: Каталог. Киев, 2004. 255 с.: ил.
- Плетнева С. А. Средневековые «амазонки» в европейски́х степях // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. Воронеж, 1983. С. 9–20.
- Погодин Л. И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск, 1998. 84 с.: ил.
- Полін С. В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. Вип. 45. С. 24–34.
- Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. 200 с.: ил.
- Полин С. В., Симоненко А. В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. С. 76–95.
- Полосьмак Н. В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньжэй и проблема происхождения сюннуской культуры

- туры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101–107.
- Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 334 с.: ил.
- Порох А. Н., Пьянков А. В.* Кинжалы с вырезом у рукоятки из могильника Бжид I // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 115–121.
- Прохорова Т. А., Гугуев В. К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142–161.
- Пуначенкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М., 1971. 203 с.: ил.
- Пуначенкова Г. А.* Древности Мианкаля. Ташкент, 1989. 200 с.: ил.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И.* Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь, 2001. С. 32–50.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Новиков И. И.* Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 116–121.
- Пузиков А. И.* Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка // КСИА АН СССР. 1964. Вып. 102. С. 4–33.
- Рабинович Б. З.* Шлемы скифского периода // Тр. ОИПК ГЭ. Т. I. Л., 1941. С. 99–171.
- Раев Б. А.* Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея // КСИА АН СССР. 1988. Вып. 194. С. 37–39.
- Раев Б. А., Беспалый Г. Е.* Курганы скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Краснодар, 2006. 109 с.: ил.
- Раев Б. А., Симоненко А. В.* «Странные комплексы»: от эпохи Латена до могилы Неизвестного солдата // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. С. 268–273.
- Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю.* Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 117–135.
- Раушенбах Б. В.* Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 1975. 183 с.: ил.
- Редина Е. Ф., Симоненко А. В.* «Клад» конца II — I в. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 78–96.
- Рец К. И., Юй Су-хуа.* К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 42–55.
- Рикман Э. А.* Памятники сарматов и племен черняховской культуры // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 5. Кишинев, 1975. С. 3–58.
- Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. СПб., 1913. С. 133–140.
- Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914. 537 с.: ил.
- Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 1918. № 37. С. 3–102.
- Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 402 с.: ил.
- Савовский И. П.* Раннесарматское погребение в Запорожской области // СА. 1977. № 3. С. 282–283.
- Савченко Е. И., Казакова Л. М.* Раскопки курганов у хутора Кривой Лиман // АО. 1980. М., 1981. С. 117–119.
- Сазонов А. А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 244–274.
- Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908. 271 с.: ил.
- Сергацков И. В.* О конечной дате раннесарматской культуры // НАВ. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 113–122.
- Сергацков И. В.* Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: Проблемы соотношения. Волгоград, 2004. С. 37–58.
- Сергацков И. В.* Бронзовый котел из Кияковки (работа над ошибками) // НАВ. Вып. 8. Волгоград, 2006. С. 246–247.
- Сибильов М.* Фалари Изюмщини // Хроніка археології та мистецтва. Киев, 1936. № 2. С. 36–50.
- Сидоренко В. А.* Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангулом // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 35–59.
- Симоненко А. В.* О позднескифских налобниках // Древности Степной Скифии. Киев, 1982. С. 237–245.
- Симоненко А. В.* Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 129–147.
- Симоненко А. В.* Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н. э. — III в. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.

- Симоненко О. В. Пізньоскіфський комплекс з Мар'ївки Миколаївської області // Археологія. 1986а. Вип. 55. С. 80–88.
- Симоненко А. В. Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987. С. 104–113.
- Симоненко А. В. О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева (тез. докл.). Новочеркасск, 1989. С. 117–120.
- Симоненко А. В. Доспехи сарматов Прикубанья // Первая Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар, 1989а. С. 78–80.
- Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28.
- Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. 142 с.: ил.
- Симоненко А. В. «Клады» снаряжения всадника II–I вв. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар, 1993а. С. 89–90.
- Симоненко О. В. Ранньосарматський період в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1994. № 1. С. 32–48.
- Симоненко А. В. Шлемы в комплексе вооружения сарматов и поздних скифов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 164–167.
- Симоненко А. В. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Краснодар, 1998а. С. 68–78.
- Симоненко О. В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. 1999. № 1. С. 106–118.
- Симоненко А. В. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // НАВ. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 133–144.
- Симоненко А. В. Европейские аланы и аланотанайты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 77–91.
- Симоненко А. В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // НАВ. Вып. 4. Волгоград, 2001а. С. 92–106.
- Симоненко А. В. [Рец.] Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000 // ДА. 2001б. № 3–4. С. 166–174.
- Симоненко А. В. Сарматская посадка — историческая реальность или исторический миф? // Третья Кубанская археологическая конференция (тез. докл.). Краснодар; Анапа, 2001в. С. 161–166.
- Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107–122.
- Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 134–173.
- Симоненко А. В. Седло сарматского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004а. С. 222–226.
- Симоненко А. В. Стекло миллефори в сарматских погребениях // Liber Archaeologicae: Сборник статей, посвященный 60-летию Б. А. Раева. Краснодар, 2006. С. 137–152.
- Симоненко А. В. Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 99–113.
- Симоненко А. В. Сарматы между Днепром и Днестром (в печати).
- Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991. 111 с.: ил.
- Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. 1960. № 78. С. 10–168.
- Скобелев Д. А. Иконография как источник по изучению размеров сарматских копий // Para Bellum. 2004. № 3. С. 87–106; № 4. С. 77–102.
- Скорый С. А. Скіфські довгі мечі // Археологія. 1981. № 36. С. 19–26.
- Скорый С. А. Доспех скифского типа в Средней Европе // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 82–103.
- Скрипкин А. С. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Волгоградской ОС в Быковском р-не Волгоградской обл. в 1978 г. // НА ИА РАН. Р-1, 7349.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. 299 с.: ил.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Науч. докл. д-ра ист. наук. М., 1992.

- Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // НАВ. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 17–40.
- Скрипкин А. С. Сарматские мечи с кольцевым навершием // II Городцовские чтения. М., 2005. С. 171–185.
- Скрипкин А. С., Мамонтов В. И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. 1977. С. 285–287.
- Смирнов А. П. Новый сарматский могильник в Воронежской области // ВДИ. 1940. № 3/4. С. 363–366.
- Смирнов К. Ф. Северский курган // Тр. ГИМ. Вып. 2. М., 1953. 42 с.: ил.
- Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологической литературе // ВССА. М., 1954. С. 196–219.
- Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. 160 с.: ил.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 379 с.: ил.
- Смирнов К. Ф. О мечях синдо-меотского типа // КСИА АН СССР. 1980. Вып. 162. С. 38–45.
- Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. 181 с.: ил.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ Д1–9. М., 1963. 39 с.: ил.
- Смішко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець // МДАПВ. 1962. Вип. 4. С. 57–40.
- Соколовский Н. И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 123–169.
- Соколовский Н. И. Военное дело Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954а.
- Соколовский Н. И. Военное дело Боспора: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954б.
- Соколовский Н. И. О боспорских щитах // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 14–25.
- Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003. 223 с.: ил.
- Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. 175 с.: ил.
- Шоков А. Ф. Фрагменты сарматского блюда и фалара с берегов Дона // Тр. Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 1. Воронеж, 1960. С. 149–154.
- Спицын А. А. Фалары Южной России // ИАК. Вып. 29. СПб., 1909. С. 18–53.
- Степанов П. Д. Андреевский курган. Саранск, 1980. 108 с.: ил.
- Степанова Е. В. Скифские мягкие седла: вопросы терминологии // Степи Евразии в древности и Средневековье. Кн. II. СПб., 2003. С. 151–154.
- Степанова Е. В. Боспорские седла // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб., 2004. С. 231–246.
- Степанова Е. В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. Вып. 13. СПб., 2006. С. 103–150.
- Строевой устав конницы РККА. М., 1939. 135 с.: ил.
- Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (препринт). Т. I–III. Киев, 1990. 72 с.: ил.
- Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглей Н. М. Курганы у с. Огородное // МАСП. 1970. Вып. 6. С. 130–155.
- Субботин Л. В., Охотников С. Б. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 102–116.
- Сударев Н. И. Две находки римского времени из г. Сочи // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 143–145.
- Схатум Р. Б. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V–VII вв. // Магистеріум. Вып. 2. Краснодар, 2004. С. 40–47.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 31–40.
- Толстиков В. П. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1. С. 80–90.
- Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья: к истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. М., 1984. 246 с.
- Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940. 178 с.: ил.
- Трейстер М. Ю. Этрускский импорт в Северном Причерноморье и пути его проникновения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье. Новочеркасск, 1987. С. 4–6.
- Трейстер М. Ю. Кельти в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. № 2. С. 37–50.
- Трейстер М. Ю. Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–204.
- Туаллагов А. А. Две новые находки импортных шлемов из Центрального Предкавказья //

- Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар, 13–15 июня 2001 г. Краснодар, 2002. С. 100–103.
- Федоров Г. Б. Прутско-Днестровское междуречье в I тыс. до н. э. // МИА. 1960. № 89. 380 с.: ил.
- Федоров Г. Б. Позднесарматский могильник у с. Криничное // МИА. 1969. № 169. С. 248–253.
- Федоров-Давыдов Г. А. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. 1980. № 2. С. 235–238.
- Фирсов Л. В. Об Эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистического стадия // ВДИ. 1972. № 3. С. 154–174.
- Фокиев М. М. Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 157–161.
- Фокиев М. М. Полихромные изделия из могильника Чауш в междуречье Днестра и Дуная // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Ч. 2. Белгород-Днестровский, 1990. С. 109–110.
- Фролов Б. Е. Пики кубанских казаков // Древности Кубани. Вып. 10. Краснодар, 1998. С. 35–40.
- Фурманська А. І. Курган біля с. Долини // АП УРСР. 1960. Т. VIII. С. 136–140.
- Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 29–44.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. 169 с.: ил.
- Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000. 601 с.
- Хазанов А. М., Черненко Е. В. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. 1979. Вип. 30. С. 18–27.
- Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднестровья и побережья Черного моря. Вып. VI. Киев, 1907. 44 с.: ил.
- Хоренаци Мовсес. История Армении Моисея Хоренского. М., 1983. 120 с.
- Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке: Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995. 83 с.: ил.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin, 2002. 313 с.: ил.
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI. Симферополь; Керчь, 2004. 238 с.: ил.
- Храпунов И. Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI/1. М.; Магнитогорск, 2006. С. 104–118.
- Хрисанова О. Греческий клад в Сочи. Сочи, 2005. 30 с.: ил.
- Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.: ил.
- Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной Азии. Новосибирск, 1987. 140 с.: ил.
- Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968. 190 с.: ил.
- Черненко Е. В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 35–38.
- Черненко Е. В. [Рец.] Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., Наука, 1971 // СА. 1973. № 2. С. 271–273.
- Черненко Е. В. Ножны греческого меча из Ольвии // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 120–127.
- Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 7–30.
- Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1982. 167 с.: ил.
- Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984. С. 59–75. 1–117 с.: ил.
- Черненко Е. В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984а. С. 231–235.
- Черненко Е. В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984б. С. 59–75.
- Шепко Л. Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4. С. 158–173.
- Шилов В. П. Отчет об археологических исследованиях Астраханской экспедиции в 1957 г. // НА ИА РАН. Р-1, 1963.
- Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 323–523.
- Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. 208 с.: ил.
- Шилов В. П. Кельтские шлемы на территории Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 111–117.
- Шкортиц В. В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. Вып. 9. СПб., 1904. С. 73–177.
- Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. 1970. № 6. С. 5–115.
400. Шаповалов Т. О. Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське // Археологія. 1973. Вип. 8. С. 20–88.

- Шоков А. Ф.* Фрагменты сарматского блюда и фалара с берегов Дона // Тр. Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 1. Воронеж, 1960. С. 149–154.
- Шнайдиштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С. 70–93.
- Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962. 280 с.: ил.
- Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Степанская Р. Б., Фомин Л. Д.* К вопросу о технике изготовления сарматских мечей и кинжалов // СА. 1974. № 1. С. 181–190.
- Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969. 327 с.: ил.
- Щукин М. Б.* Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. Вып. 37. С. 35–42.
- Щукин М. Б.* О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 103–118.
- Щукин М. Б.* Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1. С. 70–83.
- Щукин М. Б.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. 323 с.: ил.
- Щукин М. Б.* О фаларах так называемого греко-бактрийского стиля (к проблеме контактов Восток — Запад) // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001. С. 137–161.
- Щукин М. Б.* Умбон из кургана «Садовый» под Новочеркасском // Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященных 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб., 2004. С. 445–463.
- Эварницкий Д. И.* Раскопка курганов в пределах Екатеринославской губернии // Тр. XII АС. Т. I. М., 1907. С. 108–157.
- Эрлих В. Р.* Об одной серии шлемов из Закубанья // РА. 1996. № 3. С. 176–179.
- Яровой Е. В., Четвериков И. А.* К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара). Тирасполь, 2000. С. 3–28.
- Яценко И. В.* Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА АН СССР. Вып. 89. М., 1962. С. 42–52.
- Яценко С. А., Малашев В. Ю.* О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum Plus. 2000. № 4. С. 226–250.
- Agulnikov S. M., Simonenko A. V.* A Late Sarmatian Bridle Set from Moldova // ComArHung. 1993. P. 91–98.
- Alexandrescu A. D.* Tombes de chevaux et pièces du harnais dans la nécropole Gète de Zimnicea // Dacia. 1983. XXVII. Nos. 1–2. P. 67–78.
- Arnăut T., Ursu Naniu R.* Considérations sur une découverte faite aux alentours du village Bubiici (République de Moldova) // Studia Antiqua et Archaeologica. VII. Iași, 2000. P. 351–362.
- Azzaroli A.* An Early History of Horsemanship. Leiden, 1985. 201 p.: Ill.
- Bărcă V.* Sarmatis Sword and Daggers with Ring-shape Handle in the Northern and North-Western of the Black Sea // Istros. Vol. IX. Brăila, 1999. P. 99–120.
- Bărcă V.* Câteva observații cu privire la tezaurile și depozitele sarmatice timpurii (sec. II–I a. Chr.) din spațiul dintre Don și Prut // Studia Historica et Archaeologica In Honorem Magistrae Doina Benea. Timișoara, 2004. P. 35–63.
- Biborski M.* Mieczyce z okresu wpływów rzymskich na obszarze kultury przeworskiej // Materiały Archeologiczne. 1978. T. XVIII. S. 53–165.
- Bittel K.* Die Galater in Kleinasien, archaologisch Gesehen // Assimilation et résistance à la culture gréco-romaine dans le monde ancien: Travaux di VIe Congrès International d'Etudes Classiques (Madrid, Septembre 1974). București; Paris, 1976. S. 241–249.
- Bittel K.* Die Galater, archaologisch Gesehen // Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology (Ankara, Izmir, 1973). Vol. I. Ankara, 1978. S. 169–174.
- Brzezinski R., Mielczarek M.* The Sarmatians (Osprey military elite series, v. 68). Oxford, 2002. 48 p.: Ill.
- Bunker E., Kawami T. S., Linduff K. M., Wu En.* 1997. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York. 401 p.: Ill.
- Chine: des chevaux et des hommes: donation Jacques Polain Paris, 1995. 198 p.: Ill.*
- Coulston J. C.* Roman, Parthian and Sassanid tactical developments // The Defence of the Roman and Byzantine East. Vol. I (BAR international series S297). Oxford, 1986. P. 59–75.

- Dinnyés I.* A héviszdyörki szarmata sírok // A régészeti tanulmányok Pest megyéből. Studii Comitatus 22. Szentendre, 1991. P. 145–158.
- Dintsis P.* Hellenistische Helme. Roma, 1986. 2 vol.: III.
- Dixon K. R., Southern P.* The Roman Cavalry. From the 1st to the 3rd Century AD. London, 1992. 256 p.: III.
- Gamber O.* Kataphracten, Clibanarier, Normanenreiter // Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen in Wien. 1968. Bd 64. 7–44.
- Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1988.
- Ginters W.* Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
- Han Zhongmin, Delahaye H.* Das Alte China. 5000 Jahre Geschichte und Archäologie. Freiburg, 1985.
- Haussig H. W.* Archäologie und Kunst der Seidenstraße. Mainz, 1992. 329 S.: III.
- Hermann G.* Parthian and Sassanian Saddlery. New Light from the Roman West // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Vol. II. Gent, 1989. P. 757–809.
- Hyland A.* Training the Roman Cavalry: From Arrian's Ars tactica. Stroud, 1993. 197 p.: III.
- I Tesori della Steppa di Astrakhan. Milano, 2005. 183 p.: III.
- Ilyasov J. Ya., Rusanov D. V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura, 1997/98. P. 107–159.
- Istvánovits E., Kulczár V.* Sarmatians through the eyes of strangers. The Sarmatian warrior // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A. D. Aszód; Nyíregyháza, 2001. P. 139–169.
- Jahn M.* Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit. Würzburg, 1916. 200 S.: III.
- Jakounina-Ivanova L.* Une Trouvaille de l'âge de La Tène dans la Russie meridionale // ESA. 1927. Bd. I. P. 101–106.
- James S.* Dura Europos and the Introduction of «Mongolian Release». BAR International Series 336. (Roman Military Equipment). Oxford, 1987. P. 77–83.
- Junkelmann M.* Die Reiter Roms. Teil III. Mainz, 1992. 277 S.: III.
- Khrapunov I. N.* A New Account on the Contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (on the materials on the excavations of the cemetery of Neyzats in 2001) // Monumenta Studia Gothica IV. Lublin, 2004. P. 185–197.
- Leskov A.* Grabschätze der Adygeen: neue Entdeckungen im Nord kaukasus. München, 1990. 197 S.: III.
- L'or des amazones: peuples nomades entre Asie et Europe, VI^e siècle av. J.-C. — IV^e siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars — 15 juillet 2001. Paris, 2001. 300 p.: III.
- Markle III M. M.* The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armor // AJA. 1977. Vol. 81. P. 336–339.
- Mielczarek M.* Cataphracti and Clibanarii. Studies of the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World. Łódź, 1993. 145 p.: III.
- Mielczarek M.* The Army of the Bosporan Kingdom. Łódź, 1999. 102 p.: III.
- Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien. Bd. 11. Rahden, 2001. 98 S.: III.
- Múzquiz J. G.-M.* Los cascos de tipo Montefortino en la península Iberica // Complutum. 1993. Vol. 4. P. 95–146.
- Otchir-Goriaeva M.* Das Sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien // Eurasia Antiqua. Bd. 8. 2002. S. 353–387.
- Pirazzoli-t'Serstevens M.* China zur Zeit der Handynastie. Kultur und Geschichte. Stuttgart, 1982. 240 S. III.
- Podobed V. A., Simonenko A. V.* A Late Sarmatian Burial in the Central Donetsk basin // ComArchung. 1998. P. 99–108.
- Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don basin // BAR International Series 278. Oxford, 1986. 136 p.: III.
- Raev B. A., Simonenko A. V., Treister M. Ju.* Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe // JahrgZM. Bd. 38/2. 1991. S. 465–496.
- Rau P.* Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppe des deutschen Wolgagebiets in Jahre 1926. Pokrowsk, 1927. 112 S.: III.
- Rawson J.* Chinese jade from the Neolithic to the Qing. London, 1995. 436 p.: III.
- Reinach S.* La representation du galop dans l'art ancien et moderne. Paris, 1925. 126 p.: III.
- Reinecke P.* Ein neuer Bronzehelm italischer Form aus der Ukraine // Festschrift für Otto Tschumi. Frauenfeld, 1948. S. 93–98.
- Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. Thatford, 1975. 200 p.: III.
- Rostovtseff M. I.* Dura and the Problem of Parthian Art. New Haven, 1935. 304 p.: III.
- Rudenko S. I.* Frozen Tombs of Siberia: the Pazyryk burials of Iron Age horsemen. London, 1970. 340 p.: III.

- Rusu M.* Das keltische Fuerstgrab von Ciumesti in Rumaenien // 50. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts (1969). Berlin, 1971. S. 276–278. Taf. 143–146.
- Sarianidi V. I.* Bactrian Gold from the Excavation of the Tillya-tepe Necropolis in Nothem Afganistan. Leningrad, 1985. 259 p.: Ill.
- Schaaff U.* Etruskisch-Römische Helme // Antike Helme (RGZM Monographien, Bd. 14). Mainz, 1988. S. 318–326.
- Schaaff U.* Keltische Helme // Antike Helme (RGZM Monographien, Bd. 14). Mainz, 1988a. S. 293–317.
471. *Schaaff U.* Ein spatkeltisches Kriegergrab mit Eisenhelm aus Novo Mesto // Zbornik Posvecen Stanetu Gabrovcu ob Sestdesetletnici. Ljubljana. 1980. S. 397–413.
- Schröder B.* Thrakische Helm // JahrDAI. Bd. 27. 1912. S. 317 ff.
- Simonenko A. V.* Eine sarmatische Bestattung von südlichen Bug // Eurasia Antiqua. 1997. Bd. 3. S. 389–408.
- Simonenko A. V.* Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. 2001. Bd. 7. S. 187–327.
- Simonenko A. V.* Eine sarmatische Bestattung mit Tamga-Zeichen im Gebiet Olbias // Eurasia Antiqua. Bd. 10. 2004. S. 199–227.
- Sirbu V., Harțușe N.* Remarques sur le tumulus aristocratique de Găvani, département de Brăila // Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. N 1. Tulcea, 2000. P. 139–153.
- Soudska E.* Hrob 196 z Manetina-Hradku a dalsi hroby s dvoukolovými vozy v Cechah // Archeologicke rozhledy. 1976. T. XXVIII. N 6. S. 625–648, 651–654.
- Soupault V.* A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et epees a encoches (IV^e-VII^e s.) // МАИ-ЭТ. Вып. 5. Симферополь, 1996. С. 60–76.
- Stead I. M.* Many More Iron Shields from Britain // The Atiquaries Journal. 1991. Vol. LXXI. P. 5–25.
- Šarov O.* Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994. S. 417–427.
- Ščukin M. B.* A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains a l'époque romaine (D'après l'armement et specialement les umbo de boucliers et les lances) // Actes de colloque Internacional l'Armée romaine et les Barbares du IV–VII-e. Paris, 1991. P. 123–126.
- Tari E.* Korai sarmata sír Újsziváson // A kökortól a középkorig. Tanulmányok Trogmayer Ottó 60. születésnapjára. Szeged, 1994. P. 259–261.
- The First Emperor's Terracotta Legion.* Beijiao, 1988. 206 p.: Ill.
- Treister M.* Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Style (Kuban Brooches and Related Forms) // SRAA. Vol+++ 8. Kamakura, 2002. P. 29–72.
- Trousdale W. B.* The long sword and scabbard slide in Asia (Smithsonian contributions to anthropology. Vol. 17). Washington, 1975. 322 p.: Ill.
- Watson G.* The Roman Soldier. London, 1983. 256 p.: Ill.
- Waurick G.* Helme der Hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // Antike Helme (RGZM Monographien, Bd. 14). Mainz, 1988. S. 151–180.
- Zieling N.* Studien zu germanischen Schilden der Spätlaténe und römischer Kaiserzeit un freien Germanien. BAR International Series 505 (III). Oxford, 1989. 3 Bd.: Ill.
- Żygulski Z.* Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Blizkiego Wschodu. Warszawa, 1982. S. 270–271.

СПИСОК АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Ammianus Marcellinus.* Res Gestae.
- Ambrosius.* De excidio urbis hierosolymitanae libri quinque.
- Appianus.* Mithridateios.
- Arrianus, Flavius.* Ektasis kat alanon.
- Arrianus, Flavius.* Texne taktike.
- Dio Cassius.* Historia Romana.
- Heliodorus.* Ethiopika.
- Hippocrates.* Peri aeron, aidaton, topon.
- Iosephus Flavius.* De bello judico.
- Titus Livius.* Ab urbe condita libri.
- Lukianus Samotasatensis.* Toksaris i filia.
- Mela, Pomponius.* De chorographia.
- Ovidius Naso, Publius.* Tristia.
- Pausanias.* Graeciae descriptio.
- Plinius Secundus.* Historia naturalis.
- Plutarchos.* Crassus.
- Plutarchos.* Lucullus.
- Polyaen.* Strategematon.
- Polybius.* Historia.
- Sallustius.* De deis et mundo.
- Strabo.* Geographia.
- Svetonius.* Tiberius.
- Tacitus, Cornelius.* Annales.
- Tacitus, Cornelius.* Historiae.
- Vegetius, Flavius.* Epitoma Rei Militariss.

Список сокращений

АИМ — Археологические исследования в Молдавии	ЗОКМ — Запорожский областной краеведческий музей
АИУ — Археологические исследования на Украине	ИА — Институт археологии
АКМ — Астраханский краеведческий музей	ИАА — Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Армавир; Москва
АЛ РГУ — Археологическая лаборатория Ростовского государственного университета	ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России	ИГАИМК — Известия государственной академии истории материальной культуры
АМ — Археологический музей	ИИМК — Институт истории материальной культуры
АО — Археологические открытия	ИКМ — Изюмский краеведческий музей
АП — Археологічні пам'ятки УРСР	КБН — Корпус боспорских надписей
АС — Археологический съезд	КВНМ — Каталог выставки Новочеркасского музея истории донского казачества
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа	КДСП — Курганные древности степного Поднепровья
БИАМЗ — Бахчисарайский историко-археологический музей-заповедник	КИАМЗ — Краснодарский историко-археологический музей-заповедник
БДКМ — Белгород-Днестровский краеведческий музей	КНУ — Киевский национальный университет
ВАУ — Вопросы археологии Урала	КОКМ — Кировоградский областной краеведческий музей
ВДИ — Вестник древней истории	КРКМ — Крымский республиканский краеведческий музей
ВКМ — Винницкий краеведческий музей	КСИА — Краткие сообщения Института археологии
ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей	КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии	КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
ГИМ — Государственный исторический музей	ЛГПУ — Луганский государственный педагогический университет
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	НМАИМ — Национальный музей археологии и истории Молдовы
ГЭ — Государственный Эрмитаж	МАР — Материалы по археологии России
ДА — Донская археология	МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
ДБК — Древности Боспора Киммерийского	МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
ДИМ — Днепропетровский исторический музей	МДАПВ — Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття та Волині
ДНУ — Днепропетровский национальный университет	МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ДОКМ — Донецкий областной краеведческий музей	
ДонНУ — Донецкий национальный университет	

- МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани
 МИДУ — Музей исторических драгоценностей Украины
 МКМ — Мелитопольский краеведческий музей
 НА — Научный архив
 НАВ — Нижневолжский археологический вестник
 НАНУ — Национальная академия наук Украины
 НМАИМ — Национальный музей археологии и истории Молдовы
 НМИДК — Новочеркасский музей истории донского казачества
 НМИУ — Национальный музей истории Украины
 НОКМ — Николаевский областной краеведческий музей
 ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии
 ОАМ — Одесский археологический музей НАН Украины
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры
 ОКМ — Оренбургский краеведческий музей
 ПАВ — Санкт-Петербургский археологический вестник
 Пг — Петроград
 ПССА — Проблемы скифо-сарматской археологии
 РА — Российская археология
 РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СКМ — Стеблевский краеведческий музей
 СПб — Санкт-Петербург
 СЭ — Советская этнография
 Тр. — Труды
 УКМ — Уманский краеведческий музей
 ХИАМЗ — Херсонесский историко-археологический музей-заповедник
 ХОКМ — Херсонский областной краеведческий музей
 ХорКМ — Хорольский краеведческий музей
 ЧКМ — Черкасский краеведческий музей
 AJA — American Journal of Archaeology
 BAR — British Archaeological Reports
 CIL — Corpus Inscriptiones Latinarum
 ComArHung — Communicationes Archaeologicae Hungaricae
 ESA — Eurasia Septentrionalis Atiqua
 IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Pontus Euxinus
 JahrDAI — Jahrbuch des Deutschen archäologischen Institut
 JahrRGZM — Jahrbuch des Römisch-Germanisch Zentralmuseum Mainz
 RGZM — Römisch-Germanisch Zentralmuseum Mainz
 SRAA — Silk Road Art and Archaeology

Список иллюстраций

- Рис. 1.* Меч из кургана у пос. Острый — с. 13
Рис. 2. Мечи из Сергеевки (1) и Привольного (2) — с. 14
Рис. 3. Мечи из Тернов (1) и Жемчужного (2) — с. 14
Рис. 4. Оружие с серповидным навершием — с. 15:
1 — Гришино; 2 — Виноградное; 3 — Преображенка; 4 — Б. Белозерка; 5 — Хорол
Рис. 5. Амфоры из кургана у Острого (Зарайская, Привалов, Шепко, 2004) — с. 16
Рис. 6. Находки из погребений с прохоровскими мечами — с. 18:
1 — Виноградное; 2 — Преображенка; 3, 7 — Привольное; 4, 5 — Жемчужное; 6 — Хорол (Степанович, Супруненко, 1994)
Рис. 7. Меч из Червонопартизанска (Красильников и др., 2006) — с. 24
Рис. 8. Мечи и кинжалы с серповидным (1) и антенновидным (2) навершиями в Северном Причерноморье (номера на картах соответствуют номерам в приложениях 1, 2) — с. 25
Рис. 9. Кинжал из Чкалова — с. 27
Рис. 10. Меч из Смелы — с. 27
Рис. 11. Кинжалы из Новолуганского (1) и Неаполя Скифского (2) (Колтухов, 1983) — с. 27
Рис. 12. Сосуды из Новолуганского — с. 28:
1 — бронзовый котел; 2 — красноглиняный кувшин
Рис. 13. Оружие сарматского времени с антенновидным навершием — с. 29:
1 — Барановка (Федоров-Давыдов, 1980); 2 — Буевова Могила (фото ГЭ); 3 — Кривой Лиман (Савченко, Казакова, 1981); 4 — Летницкое (ОАК за 1899 г.); 5 — Петропавловский (Гей, Ульянова, 1983); 6 — Сидоры (Скрипкин, Мамонтов, 1977); 7 — Талачевка (Железчиков, 1980); 8 — оз. Ханата (Шнайдштейн, 1985); 9 — Сидоровка (Погодин, 1998); 10 — Сары-Бел (Тишкин, Горбунов, 2006); 11 — Кызыл-тепе (Обельченко, 1978); 12 — Тулхар (Мандельштам, 1966)
Рис. 14. Кинжалы с антенновидным навершием — с. 30:
1 — Зубов хутор (фото ГЭ); 2, 3 — Летницкое (ОАК за 1899 г.); 3 — кувшин
Рис. 15. Мечи с кольцевым навершием — с. 33:
1 — Актово, 7/10; 2 — Усть-Каменка, 66/1; 3 — Усть-Каменка, 63/1; 4 — Первоконстантиновка, 1/2; 5 — Петрешть, п. 12
Рис. 16. Кинжал из Б. Черноморки — с. 34

- Рис. 17.* Длинные мечи с кольцевым навершием — с. 34:
1 — Аккермень II, зап. гр., 5/1 (Вязьмитина та ін., 1960); 2 — Новофилипповка, сев. околица, 3/1; 3 — Текуча, случ. нах.; 4 — Днепрозаводстрой, 26/1
Рис. 18. Меч из Новофилипповки, зап. околица, 2/2 (1947 г.) — с. 35
Рис. 19. Мечи и кинжалы из коллекции НМИУ — с. 35:
1, 1а — Куриловка; 2 — Березинцы; 3, 3а — Среднее Поднепровье, коллекция А. А. Бобринского; 4, 4а — Васильков; 5 — Текуча
Рис. 20. Мечи из Северо-Западного Причерноморья — с. 36:
1 — Островец-Вертеба (Смішко, 1962); 2 — Казакля, 10/1 (Агульников, Бубулич, 1999); 3 — Олзнешть, 4/4 (Курчатов, Бубулич, 2003)
Рис. 21. Парадный меч из Порогов — с. 36
Рис. 22. Золотой декор меча из Порогов — с. 37
Рис. 23. Рукояти и детали ножен — с. 38:
1 — Новофилипповка, раскопки М. Я. Рудинского; 2 — Новофилипповка, сев. околица, 1/1; 3 — Усть-Каменка, 4/1; 4, 5 — Залевки
Рис. 24. Комплекс из могильника Аккермень I, 3/18 — с. 39:
1 — меч; 2 — канфар
Рис. 25. Мечи и кинжалы позднесарматского времени — с. 41:
1, 2 — Бедражий Ной; 3 — Шевченко (Шепко, 1987); 4 — Гава-Катонахалом (Istvánovits, Kulcsár, 2001); 5 — Уйсилваш (Tari, 1994)
Рис. 26. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием (1) и рукоятью-штырем (2) в Северном Причерноморье (номера на картах соответствуют номерам в приложениях 3, 4) — с. 42
Рис. 27. Мечи с рукоятью-штырем 1-го типа — с. 44:
1, 1а — Весняне; 2 — Терновка
Рис. 28. Мечи с рукоятью-штырем 2-го типа — с. 45:
1 — Маяки; 2 — Усть-Каменка, 37/1; 3 — Усть-Каменка, 40/1; 4 — Водославка; 5 — Светловодск
Рис. 29 (слева). Мечи с рукоятью-штырем 2-го типа — с. 47:
1, 2 — Шевченко; 3 — Усть-Каменка, 1/22
Рис. 30. Мечи и кинжалы с рукоятью-штырем 2-го типа — с. 47:
1 — Каланчак; 2 — Перешепино; 3 — Дрокия; 4 — Олзнешть, 4/4
Рис. 31. Навершия и другие детали мечей с рукоятью-штырем — с. 48:
1, 5, 6 — Маяки; 2 — Градешка; 3 — Белолесье (Субботин, Дзиговский, 1990); 4 — Нешеретово (Луцкевич, 1952)
Рис. 32. Мечи с рукоятью-штырем 3-го типа — с. 50:

- 1 — шахта Моспинская; 2 — Градешка, 9/1; 3 — Курчи, 16/1
- Рис. 33. Мечи с рукоятью-штырем 5-го типа из могильника Дружное (Храпунов, 2002) — с. 52
- Рис. 34. Реконструкция крепления накладок рукояти на мечех 5-го типа (Левада, 2006) — с. 53
- Рис. 35. Скрамасак из Порогов — с. 54
- Рис. 36. Комплекс из Балковского кургана (Бидзиля и др., 1983) — с. 57
- Рис. 37. Меч из Брилевки — с. 59:
1 — фото и прорисовка меча до реставрации; 2 — витрина в ХОКМ
- Рис. 38. Вещи из катакомбы у шахты Моспинской — с. 60
- Рис. 39. Портупейный набор из Порогов (фото Г. И. Лысенко) — с. 62
- Рис. 40. Реконструкция портупейного пояса из Порогов — с. 63
- Рис. 41. Изображения мечей со скобами на ножнах (Trousdale, 1975) — с. 64:
1 — штампованная черепица. Китай, провинция Хунань, Поздняя Чжоу; 2, 3 — гандхарские каменные рельефы из галереи Фира (2) и Роял Онтарарио музея (3); 4 — гипсовая статуя из Хадда, Афганистан
- Рис. 42. Меч из кургана D 16 у Альт-Веймара (Rau, 1927) — с. 65
- Рис. 43. Скобы на ножнах сарматского времени — с. 66:
1 — крепление каменной скобы (Trousdale, 1975); 2, 3 — реконструкция портупей мечей из Исаковки и Сидоровки (2 — по Л. И. Погодину; 3 — по А. В. Симоненко); 4 — реконструкция портупей римской спаты (музей Моэсгорд, Дания, фото автора)
- Рис. 44. Меч из Рошава Драгана (Буюклиев, 1986) — с. 68:
1 — реконструкция Х. Буюклиева; 2 — реконструкция автора; 3, 3а — часть клинка с перекрестием; 4, 4а — нефритовая скоба; 5 — навершие с тамгами; 6–9 — пластины с тамгами; 10 — наконечник ножен
- Рис. 45. Наконечники копий типа 1 — с. 71:
1 — Квашино; 2 — Великопольское
- Рис. 46. Меотские наконечники копий (Анфимов, 1951) — с. 71
- Рис. 47. Наконечники копий типа 2а — с. 72:
1 — Квашино; 2 — Великопольское; 3 — Марьевка
- Рис. 48. Нервюра на наконечнике из Марьевки — с. 73
- Рис. 49. Наконечники копий типа 2б и 3 — с. 74:
тип 2б: 1, 2 — Садово; 3 — Балки; тип 3: 4 — Сергеевка; 5 — Лычково; 6 — Заплавка; 7, 9, 10 — Дружное, м. 58; 8 — Нейзац, м. 203; 11 — Дружное, м. 59 (7–10 — Храпунов, 2002)
- Рис. 50. Наконечники дротиков и сулицы — с. 75:
1 — Великопольское; 2 — Чистенькое (Зайцев, Колтухов, 1997); 3 — Веселая Долина
- Рис. 51. Втулка наконечника из Спасского — с. 75
- Рис. 52. Изображение петли на древке пики (надгробие Газурия) — с. 75
- Рис. 53. Комплекс из Журова кургана (Лукашов, 1979) — с. 77
- Рис. 54. Наконечники сулиц — с. 78:
1 — Пороги; 2 — Хейвисдёрк (Dinnyés, 1991)
- Рис. 55. «Сарматская посадка» по М. Юнкельману (Junkelmann, 1992) — с. 83
- Рис. 56. Кинематика копеечного удара с коня — с. 84:
1 — «сарматская посадка»; 2 — двуручный хват по М. Юнкельману; 3 — одноручный хват
- Рис. 57. Роспись Стасовского склепа в Пантикапее — с. 86
- Рис. 58. Рельеф Трифона (Танаис) — с. 87
- Рис. 59. Надгробие всадника I алы канинефатов (Junkelmann, 1992) — с. 87
- Рис. 60. Всадники на сосудах из Косики (1) и Вербовского (2) — с. 88
- Рис. 61. Всадник на сосуде из Косики (I Tesori, 2005) — с. 88
- Рис. 62. Терракота из коллекции графа Уварова (фото ГИМ) — с. 88
- Рис. 63. Фазы галопа (Мюзелер, 1980) — с. 89
- Рис. 64. Всадники с орлатской пластины (прорисовка А. Савина) — с. 89
- Рис. 65. Костяные накладки на лук из Порогов — с. 91:
1, 2 — срединные; 3–5 — концевые
- Рис. 66. Костяные накладки на лук из сарматских погребений — с. 93:
1 — ст. Усть-Лабинская, 29/1 (Гущина, Засецкая, 1994); 2 — Суслы, 51/1 (Хазанов, 1971); 3 — Калиновка, 36/1; 4 — Калиновка, 7/1 (Шилов, 1959); 5 — Центральный VI, 16/8 (Безуглов, 1988); 6 — Нижний Баскунчак, 2 (Хазанов, 1971)
- Рис. 67. Сарматские наконечники стрел — с. 95:
втульчатые: 1–5 — Виноградное; 6 — Александровск (Смирнов, 1984); черешковые: 7 — Новофилипповка, 2/1; 8, 12 — Николаевка, 7/2; 9 — Аккермень II, 5/1; 10 — Бабина Гора; 11 — Новофилипповка, сев. окр., 2/1; 13 — Аккермень II, 21/1; 14, 17, 18 — Грушевка, 14/1; 15 — Семеновка, 11/1; 16 — Усть-Каменка, 2/1
- Рис. 68. Наконечники стрел из Порогов — с. 97
- Рис. 69. Находка из Стеблева (фото В. И. Клочко) — с. 99
- Рис. 70. Гастагна из Порогов (фото Г. И. Лысенко) — с. 102
- Рис. 71. Перстни для стрельбы из лука — с. 103:
1 — Писаревка (фото С. Воронятова); 2, 3 — Китай, эпоха Восточного Чжоу (по: Rawson, 1995)
- Рис. 72. Наконечники копий, дротиков (1) и стрел (2) в Северном Причерноморье (номера на

- картах соответствуют номерам в приложениях 5, 6) — с. 105
- Рис. 73.* Чешуйки сарматских панцирей — с. 109:
1 — Верхнее Погромное, 7/6 (Хазанов, 1971); 2 — Быково, 11/9; 3 — Кривой Лиман, 41/1; 4 — Калиновка, 55/1 (Шилов, 1959)
- Рис. 74.* Панцирь из Грушевского могильника (Раев, 1981) — с. 109
- Рис. 75.* Сарматы на Траяновой колонне (1) и арке Галерия (2) — с. 110
- Рис. 76.* Римский чешуйчатый панцирь — с. 111:
1 — ст. Воздвиженская (Гушина, Засецкая, 1989); 2 — хут. Зубовский (ИАК, 1901); 3 — Никольский могильник (Засецкая, 1979)
- Рис. 77.* *Lorica plumata* на римском рельефе (Watson, 1983) — с. 112
- Рис. 78.* *Lorica plumata* на римском рельефе (Robinson, 1975) — с. 113
- Рис. 79.* Чешуйки сарматских комбинированных панцирей — с. 114:
1 — ст. Тифлисская, 3/1 (Гушина, Засецкая, 1994); 2 — ст. Казанская, 10/1; 3 — ст. Ладожская, 26/1; 4, 6 — ст. Казанская, 2/1; 5 — ст. Усть-Лабинская, 35/1; 7 — ст. Казанская, 1/1 (Гушина, Засецкая, 1994)
- Рис. 80.* Чешуйки панциря из Карнунтума (Robinson, 1975) — с. 115
- Рис. 81.* Фрагменты доспеха из к. 40 между ст. Казанской и Тифлисской (Ленц, 1902) — с. 116
- Рис. 82.* Фрагменты доспеха из ст. Казанской, 2/1 — с. 116
- Рис. 83.* Фрагменты доспеха из ст. Казанской, 17/1 — с. 117
- Рис. 84.* Фрагменты доспеха из ст. Казанской, 20/1 — с. 117
- Рис. 85.* Фрагменты комбинированного доспеха — с. 117:
1 — ст. Ладожская, 26/1 (Гушина, Засецкая, 1994); 2 — ст. Ладожская, 28/1; 3 — ст. Тбилисская, 3/1
- Рис. 86.* Фрагменты доспеха из ст. Тифлисской, 51/1 — с. 117
- Рис. 87.* Реконструкция внешнего вида сарматского всадника по находкам у ст. Воздвиженской, Ахтанизовской и Зубовского хутора (рис. Е. Адамкевич) — с. 118
- Рис. 88.* Реконструкция внешнего вида сарматского всадника по материалам Золотого кладбища (рис. Е. Адамкевич) — с. 120
- Рис. 89.* Катафрагты из Дура-Европос — с. 121:
1 — граффито; 2, 3 — археологические находки
- Рис. 90.* Пластины ламеллярного панциря из ст. Казанской, 9/1 (Гушина, Засецкая, 1994) — с. 122
- Рис. 91.* Пластины ламеллярных панцирей из Центральной Азии — с. 123:
1 — Акчий-Карасу (Кожомбердиев, Худяков, 1987); 2 — Эршизизу; 3 — Ильмовая Падь (Рец, Юй Су-хуа, 1999)
- Рис. 92.* Пластины ламеллярного панциря из ст. Тбилисской, 15/1 — с. 124
- Рис. 93.* Всадники в ламеллярных панцирях на орлатской пластине (рис. А. Савина) — с. 124
- Рис. 94.* Пластины панциря из Сидоровки (Матющенко, Татаурова, 1997) — с. 125
- Рис. 95.* Реконструкция внешнего облика воина сарматской культуры по материалам погребений у Сидоровки и Исаковки (Соловьев, 2003) — с. 125
- Рис. 96.* Фрагменты кольчуги — с. 126:
1, 2 — ст. Тифлисская, 51/1; 3 — между Казанской и Тифлисской, 44/1
- Рис. 97.* Изображение кольчуги среди галатских трофеев на рельефах храма Афины в Пергаме (Robinson, 1975) — с. 126
- Рис. 98.* Кольчуга на римских рельефах — с. 127:
1 — статуя галла из Музея Кальве в Авиньоне; 2 — рельеф т. н. алтаря Домиция Ахенобарба (Robinson, 1975)
- Рис. 99.* Кольчуга из кельтского погребения в Киумешть до (1) и после (2) реставрации (Rusu, 1971) — с. 128
- Рис. 100.* Кольчуга из Киумешть (деталь) — с. 128
- Рис. 101.* Кольчуга из Васюриной Горы (фото ГЭ) — с. 129
- Рис. 102.* Кирасы из сарматских погребений — с. 130:
1 — I Прохоровский курган (Зуев, 2000); 2 — Бердянка, 4/1 (Моргунова, Мещеряков, 1999)
- Рис. 103.* Набедренники из Дура-Европос (Robinson, 1975) — с. 131
- Рис. 104.* Находки сарматского доспеха в Евразии (1) и шлемов в Северном Причерноморье (2) (номера на картах соответствуют номерам в приложениях 7 и 8) — с. 133
- Рис. 105.* Шлем из Бубуечь (фото ГИМ) — с. 134
- Рис. 106.* Шлем из Бубуечь (Черненко, 1968) — с. 134:
1 — общий вид; 2 — фрагменты нашечников
- Рис. 107.* Шлем из Каменки-Днепровской (Рабинович, 1941) — с. 135
- Рис. 108.* Псевдоаттические шлемы из Восточной Европы — с. 135:
1 — ст. Грушевская (фото Б. А. Раева); 2 — Владикавказ (Александр Великий, 2007); 3 — могильник Апостолиди (фото Б. А. Раева); 4 — Краснодарский край (Анфимов, 1981)
- Рис. 109.* Псевдоаттические шлемы из Восточного Средиземноморья — с. 136:
1 — о-в Мелос; 2, 3 — Продроми (Waurick, 1986); 4 — Гэвани (Sirbu, Harjuc, 2000)
- Рис. 110.* Шлем из Марьевки — с. 138:
1, 2 — вид сбоку; 3 — вид спереди; 4 — вид сзади; 5 — деталь околыша; 6 — деталь назатыльника
- Рис. 111.* Шлем из Марьевки (детали) — с. 139:

- 1 — кнопка наверхия; 2 — гравировка на фронтальной части
- Рис. 112.* Шлемы Монтефортино — с. 139:
1 — Марьевка; 2 — Бельенское
- Рис. 113.* Шлем из Бельенского — с. 140:
1, 2 — вид сбоку; 3 — вид сзади; 4 — вид спереди;
5 — назатыльник (деталь); 6 — фронтальная часть (деталь)
- Рис. 114.* Шлем из Бельенского (детали) — с. 141:
1 — кнопка наверхия; 2 — орнамент на околыше
- Рис. 115.* Шлем из Веселой Долины — с. 142:
1 — вид справа; 2 — вид спереди; 3 — вид сзади;
4, 5 — кнопка наверхия
- Рис. 116.* Шлемы Монтефортино — с. 142:
1 — Веселая Долина; 2 — Привилля
- Рис. 117.* Шлем из Привилля — с. 143:
1, 2 — вид сбоку; 3 — вид сзади; 4 — вид спереди;
5 — назатыльник (деталь); 6 — фронтальная часть (деталь)
- Рис. 118.* Шлем из Привилля (детали) — с. 144:
1 — кнопка наверхия; 2 — орнамент на околыше
- Рис. 119.* Шлем из Токмак-Могилы (Raev et alii, 1991) — с. 144
- Рис. 120.* Типология шлемов Монтефортино по Х. Робинсону и Ф. Коарелли (фон — шлем из Сергиевской) — с. 145
- Рис. 121.* «Щит» из Великопольского — с. 148:
1 — вид сверху; 2 — заклепки по краю (вид снаружи);
3 — заклепки по краю (вид изнутри)
- Рис. 121a.* Щиты — с. 149:
1–16 — Курчи; 2 — Нейзац; 3 — Озерное
- Рис. 122.* Удила и псалии из Квашина (Смирнов, 1984) — с. 151
- Рис. 122a.* Удила из Квашина — с. 151
- Рис. 123.* Предметы узды из Великопольского — с. 152
- Рис. 124.* Удила и псалии из Веселой Долины — с. 153
- Рис. 125.* Удила и псалии среднесарматского времени — с. 153:
1 — Андрусовка; 2 — Филия; 3 — Богуслав
- Рис. 126.* Удила из могильника Дружное (Храпунов, 2004) — с. 153
- Рис. 127.* Уздечные принадлежности из могильника Чауш — с. 154
- Рис. 127a.* Уздечные принадлежности из могильника Чауш (прорисовка) — с. 155
- Рис. 128.* «Строгие» зубчики на крестовидных насадках из Квашина и Великопольского — с. 156
- Рис. 129.* Уздечные принадлежности из Чистенького — с. 159:
1, 2 — по: Зайцев, Колтухов, 1997; 3 — по: Зайцев, 2005
- Рис. 130.* Удила с насадками 1-го и 2-го типов по И. И. Марченко — с. 160:
- 1–4 — Новолабинка (Раев, Беспалый, 2006); 5, 6 — к-з «Знамя Ленина» (из отчета В. А. Сафронова)
- Рис. 131.* Псалии и налобник из Марьевки (фото автора) — с. 161
- Рис. 131a.* Подковообразный налобник из Марьевки (фото автора) — с. 161
- Рис. 131b.* Псалии и налобники из Марьевки — с. 162
- Рис. 131c.* Удила из Марьевки (фото автора) — с. 162
- Рис. 132.* Уздечные принадлежности из Клименкова (Яценко, 1962) — с. 163
- Рис. 133.* Фалары из Клименкова (Яценко, 1962) — с. 164
- Рис. 134.* Уздечные принадлежности из Ногайчинского кургана (1–5 — по: Зайцев, Мордвинцева, 2003; 4a — фото автора) — с. 165
- Рис. 135.* Уздечные принадлежности из Новосильевки — с. 166
- Рис. 136.* Удила с очковидными псалиями — с. 167:
1 — Днепрозаводстрой, к. 29; 2 — Никольский могильник, к. 12; 3 — могильник Валовый I, к. 1;
4 — Андреевский курган, п. 21; 5 — Керчь
- Рис. 137.* Удила из могильника Валовый I (Габуев, 2005) — с. 168
- Рис. 138.* Уздечные принадлежности из Снигиревки — с. 169
- Рис. 139.* Украшения узды — с. 170:
1, 3 — Глиное, к. 14; 2 — Горбатый Мост, к. 4
- Рис. 140.* «Комплекс из-под Овидиополя» из коллекции «Платар» — с. 171
- Рис. 141.* Уздечные принадлежности из Семеновки — с. 172
- Рис. 142.* Уздечные принадлежности из Брэвичень (Федоров, 1960) — с. 173
- Рис. 143.* Бляхи с личинами — с. 174:
1 — Бубуечь (Отчет... за 1908 г., 1909); 2 — Бубуечь (Мордвинцева, 2001); 3–5 — Глиное, к. 31.
- Рис. 144.* Бляхи с личинами — с. 174:
1 — коллекция «Платар»; 2 — Великопольское
- Рис. 145.* «Комплекс с Тамани» из коллекции «Платар» — с. 175
- Рис. 146.* Уздечные принадлежности из Веселой Долины (фото автора) — с. 176
- Рис. 147.* Уздечные принадлежности из Бедражий Век (фото автора) — с. 177
- Рис. 148.* Уздечные принадлежности из Антиповки (Гушина, 1961) — с. 178
- Рис. 149.* Бляхи из Запорожского кургана (фото автора) — с. 179
- Рис. 150.* Рельеф конного Палака из Неаполя Скифского (Высотская, 1979) — с. 179
- Рис. 151.* Уздечные принадлежности из могильника Аэродром-I (Габуев, 2005) — с. 180

- Рис. 152.* Оголовье из могильника Комаров-II (реконструкция автора) — с. 180
- Рис. 152a.* Уздечные принадлежности из могильника Комаров-II (L'or, 2001) — с. 181
- Рис. 153.* Набор оголовья из Керчи — с. 182
- Рис. 154.* Набор оголовья из могильника Нейзац (Храпунов, 2004) — с. 183
- Рис. 155.* Нащечники из Бубуечь (фото ГИМ) — с. 185
- Рис. 156.* Уздечные принадлежности из Казаклии, к. 14 — с. 186
- Рис. 157.* Налобники с крючком из Бубуечь — с. 187
- Рис. 158.* Налобники с крючком из Великопольского — с. 188
- Рис. 159.* Налобники с крючком — с. 189:
1, 9–11, 17, 27 — Тираспольские курганы; 2 — Тараклия; 3 — Нововасильевка; 4 — Семеновка; 5 — Бубуечь; 6 — коллекция «Платар»; 7, 8 — Снигиревка; 12, 13 — Великопольское; 14 — Клименков; 15 — Антиповка; 16 — Ханкальское городище; 18 — Бедражий Век; 19 — Ногайчинский курган; 20 — Марьевка; 21 — Брзвичень; 22 — участок Зиссерманов; 23 — Прочноокопская; 24 — Зеленской курган; 25 — Васюрина Гора; 26 — Керчь; I–IV — скифские налобники IV в. до н. э.
- Рис. 160.* Литейная форма из Неаполя Скифского (фото Т.Н. Высотской) — с. 190
- Рис. 161.* Подковообразный налобник из Марьевки (1) и кельтские псалми из Желковице (2) и Седлец-Хурка (3, 4) — с. 192
- Рис. 162.* Уздечные принадлежности из Прочноокопской (Анфимов, Пьянков, 2006) — с. 194
- Рис. 163.* «Клад» с Ханкальского городища (Петренко, 1975) — с. 195
- Рис. 163a.* Инвентарь конского погребения из Зимницы (Alexandrescu, 1983) — с. 196
- Рис. 164.* Налобники из Никополя (фото автора) — с. 197
- Рис. 165.* Фалары из Старобельска (Тревер, 1940) — с. 200
- Рис. 166.* Фалары из Северного Причерноморья (Mordvinceva, 2001) — с. 201:
1 — Твардица; 2, 3 — Янчокрак (Гушина, 1969); 4 — Балаклея
- Рис. 167.* Фалары из Булаховки — с. 202
- Рис. 168.* Стеклянная чаша из Эрмитажа (Кунина, 1997) — с. 204
- Рис. 169.* Фалары с геометрической орнаментацией — с. 204:
1 — Бедражий Век; 2, 3 — Веселая Долина
- Рис. 170.* Фалары из Бубуечь — с. 205:
1 — по: Отчет... за 1908 г., 1909; 2 — по: Мордвинцева, 2001; 3 — китайское зеркало из Чугуно-Крепинки
- Рис. 171.* Украшения сбруи из Казаклии, к. 10 (Агульников, Бубулич, 1999; фото автора) — с. 207
- Рис. 172.* Современные нагрудник (1) и подперсье (2) — с. 209
- Рис. 173.* Оковка нагрудника из Острого (фото автора, рисунок по: Зарайская и др., 2004) — с. 210
- Рис. 174.* Оковки нагрудника из Никополя (фото автора) — с. 210
- Рис. 175.* Оковки нагрудника — с. 212:
1, 2 — Васюрина Гора (Ростовцев, 1914); 3 — Тенгинка (Беглова, 2002); 4–8 — Новолабинка (Раев, Беспалый, 2006)
- Рис. 176.* Бляха нагрудника из Веселой Долины (фото автора) — с. 214
- Рис. 177.* Оковка нагрудника из Олэнешть (Курчатов, Бубулич, 2003) — с. 215
- Рис. 178.* Бляхи подперсья — с. 218:
1 — Весняне (фото автора); 2 — Грушка (фото автора); 3 — Козырка (фото Antikensammlung SMPK, Berlin); 4 — Дачи (Габуев, 2005)
- Рис. 179.* Упряжь из Яшкуль (Otchir-Goriaeva, 2002) — с. 220:
1 — серебряная пластина подперсья; 2 — шлем типа Ново Место из Словении; 3 — восточнокельтский шлем из Бойко-Понуре; 4 — упряжь из Яшкуль (реконструкция автора)
- Рис. 180.* Изображение скифского седла на чертомлыкской амфоре (Алексеев и др., 1991) — с. 222
- Рис. 181.* Китайские седла конца III в. до н. э. — с. 223:
1 — Субаши (Ван Бинхуа, 1993); 2 — гробница императора Цинь Шихуанди (The First Emperor's, 1988)
- Рис. 182.* Савроматские седла (схема-реконструкция автора) — с. 224
- Рис. 183.* Фигурки всадников из китайских гробниц — с. 225:
1 — Лейтай (Pirazzoli-t'Serstevens, 1982); 2 — Янчжияван (Chine: des chevaux..., 1995) — с. 225
- Рис. 184.* Седло Маклеллан (фото автора) — с. 226
- Рис. 185.* Различные модификации седел типа «вестерн» — с. 226
- Рис. 186.* Изображения седел сарматского времени — с. 229:
1 — Киликовка; 2 — Орлат; 3, 4 — Косика; 5 — Баграм; 6 — Халчаян; 7 — Сибирка (Бородовский, 1988); 8 — Сибирка (Полосьмак, 1990; Bunker et alii, 1997)
- Рис. 187.* Седло Маремма (Junkelmann, 1992) — с. 232
- Рис. 188.* Сбруя из могильника Центральный VI (реконструкция автора по: Безуглов, 1988) — с. 233

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1	
Мечи и кинжалы.....	13
1.1. Оружие с серповидным навершием	13
1.2. Оружие с антенновидным навершием	26
1.3. Оружие с кольцевым навершием	32
1.4. Оружие с рукоятью-штырем	43
1.5. Ножны и способы ношения оружия	61
Глава 2	
Копья и дротики	70
2.1. Копья (пики).....	70
2.2. Дротики.....	76
2.3. Хронология.....	78
2.4. К дискуссии о длине сарматских копий	79
2.5. Двуручный хват — историческая реальность или историографический миф?.....	81
Глава 3	
Лук и стрелы	91
3.1. Лук.....	91
3.2. Наконечники стрел	94
3.3. Древки стрел	101
3.4. Колчаны	101
3.5. Принадлежности для стрельбы из лука.....	102
3.6. Хронология наконечников стрел	104
Глава 4	
Защитное вооружение.....	107
4.1. Панцири	108
4.2. Шлемы	132
4.3. Щиты.....	147
Глава 5	
Снаряжение верхового коня	151
5.1. Удила	151
5.2. Псалии	161
5.3. Бляхи оголовья	169
5.4. Нашечники	184
5.5. Налобники	186
5.6. Фалары	199
5.7. Нагрудник.....	209
5.8. Подперсье	217
5.9. Седло и седельное снаряжение	221
Глава 6	
Военное дело сарматов Северного Причерноморья	235
6.1. Комплекс вооружения сарматского войска	235
6.2. Состав войска. Основные принципы тактики.....	244
Заключение	255
Приложения	257
Summary	281
Список литературы	305
Список сокращений	320
Список иллюстраций	322

Симоненко Александр Владимирович

**САРМАТСКИЕ ВСАДНИКИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

Редактор *Л. А. Соловьева*

Корректоры *В. О. Кондратьева, Л. А. Макеева*

Технические редакторы *С. В. Кузнецов, Е. М. Денисова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 20.12.2009.

Формат 70х100^{1/16}. Усл. печ. л. 26,5. Тираж 500 экз. Заказ № 388.

Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии

ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2.